

Маргарита Андреева

ВЛЮБИ
В

БЕСКОНЕЧНОСТИ

О чем наша история? О нашей жизни, о городах в которых мы живем, о людях которые нас окружают...и о нашем месте в этом мире. О духовном поиске, о любви, о страданиях...о людях — которые любят и умеют жить, умеют подмечать то, что другими остается незамеченным. В несколько гипертрофированной, сказочной форме, в рассказе поднимаются извечные темы, как общественные, так и личностные. Я старалась затронуть темы любви, дружбы, привязанности, долга и чести, отношения родителей и детей.

Они встретились, когда Она пережила первую страшную трагедию в своей жизни, а Он уже смирился со своим одиночеством и своей болью. Они стали друг для друга смыслом жизни. Хватит ли у них сил пойти против правил своих миров и доказать, что они могут сами вершить свою судьбу?

---

01. Пролог

В раздираемой межклановыми войнами Японии восемнадцатого века выживать было крайне тяжело, а у наемников работы всегда было в достатке.

Их было четверо — самых молодых и самых удачливых из них, связанных не просто нерушимыми клятвами, а теми взаимными искренними чувствами, что испытывали, готовые снять с себя кожу друг ради друга, если потребуется — в случае, когда не останется уже и последней рубашки.

Один был высок, худощав и бледен, с косой густых черных волос, отливавших лиловым оттенком на солнце, и стальным блеском узких глаз — ловкий, быстрый, бесшумный и смертоносный.

Второй чаще играл роль странствующего монаха, был нескладен и долговяз, с непривычными темно-рыжими волосами и зелеными глазами необыкновенно чистого оттенка.

Но ещё более удивительными были глаза одной из двух девушек — небесно-голубые, что ярко выделялись на фоне светлой кожи лица в обрамлении остриженных до плеч угольно-черных волос. Это был как раз случай опасной красоты, знающей множество приёмов умерщвления — от легких и безболезненных, до страшных и мучительных, с одинаковым успехом и легкостью использовавшей и яд, и кинжал, маленькие сюрюкены и дротики или губительную силу отточенного лезвия катаны.

Четвертая — тоже девушка — маленькая и хрупкая, как фарфоровая статуэтка, с длинными темно-каштановыми волосами и большими карими глазами, более преуспевшая в науке врачевания, чем убийства, не раз спасавшая жизни друзей при помощи своих знаний и мастерства.

Их звали Юто, Ори, Акеми и Марико...

...Она рубила направо и налево, оставляя за собой изуродованные трупы. Иногда вытирала с лица чью — то кровь и снова сеяла смерть коротким мечом. Её лицо выражало страдание, и она, кося орду, стонала сквозь зубы: "Варвары! Варвары!"

Вдруг краем глаза Акеми заметила мелькнувший в толпе неподалёку жёлтый плащ и вскрикнула:

— Ори! НЕТ!

У неё шумело в ушах, глаза застилала кровавая пелена, но она только ещё неистовее пробивалась к повозкам... На одной из них увозили Ори, раненного или мёртвого...

Где — то рядом тяжело всхлипнул Юто и упал с рассечённой грудью. Она даже не успела пробиться к нему — всё пространство между ними заполонили атакующие враги.

Девушка всё также размеренно рубила головы и конечности, вспарывала животы, рассекала вдоль и поперёк. Она уже почти ничего не видела и не понимала, но продолжала сражаться.

Последнее, что услышала воительница, был зов Мари, искавшей её — из последних сил

попыталась ответить, но из горла вырвался только сип, ноги подкосились, и опустилась темнота и тишина.

Очнулась она от стука колёс и толчков на неровной дороге. Её везли в кибитке, очень грязной и вонючей, с голым полом и несколькими крюками. Из щелей не пробивалось ни лучика света, и поэтому решила, что стояла ночь.

Ещё плохо соображая, Акеми попыталась освободиться и ощутила острую боль в левом боку. Руки и ноги были стянуты кожаными ремнями и привязаны к крюкам. Со стороны донёлся хриплый стон Юто.

"Значит он жив!" — обрадовалась "Мико" и тихонько позвала его. Не получив ответа, она изо всех сил дёрнула крюк, к которому были привязаны её руки, и вырвала его! Правда, освободившись, едва не потеряла сознание от боли.

Схватившись рукой за бок, она с удивлением нащупала рукоятку ножа. Выдернув его из раны и поднеся к глазам, она удивилась ещё больше.

"Это ведь нож Юто! Как он сюда попал?!..." и, спохватившись, разрешила ремни на ногах и те, что стягивали друга. Он на секунду пришёл в сознание, осмотрелся беспомощно и снова закрыл глаза.

Так же тихо, легко и почти без боли она перерезала горло тем несколькими сопровождавшим их охранникам.

На рассвете, проснувшись, она сначала занялась раной Юто, осмотрев, как происходит заживление после того, как она их обработала. Потом девушка скинула с себя кимоно и вдоволь наплескалась в ледяной воде, даже поймала нескольких рыбёшек.

Когда молодой воин открыл глаза, она улыбнулась и сказала:

— Я поймала немного рыбы — тебе нужно поесть...

Пока он ел, девушка смотрела на воду, сидя спиной к нему. Ни один из них за всё время не проронил ни слова.

Наконец, девушка повернулась к нему и попросила:

— Юто... Сыграй мне...

Он достал флейту и заиграл тихую и грустную мелодию — Акеми подпевала ему, но внезапно заплакала и отвернулась...

— Что-то не так, Ми?

Она резко повернулась и огрызнулась:

— Всё не так, с тех пор, как мы ввязались в эту свару!

Флегматичный и, как всегда спокойный, юноша спросил, пожёвывая травинку:

— Ты знаешь, что нужно делать? Или куда нам отправляться? Не грусти, а лучше придумай что-нибудь!

— Я уже ничего не знаю! Сначала нужно найти Мари и Ори! Но, куда идти? Где мы вообще? Ты говори, ты же ветер! Такой умный, тогда скажи, в какую сторону идти?! На север? На юг? На запад? На восток? Или придумаем пятую сторону?

— Не кричи на меня! — заорал Юто и размахнулся, чтобы ударить её, но вскрикнул от боли и повалился на землю.

— Осторожнее! Постарайся не двигаться, рана может открыться и тогда начнётся кровотечение...

Парень лежал на спине и смотрел в небо. Когда боль немного утихла, закрыл глаза и произнёс:

— Мико, мы должны поддерживать друг друга, а не грызться... Я согласен, что нужно,

прежде всего, найти друзей — Он помолчал, теребя шнурочки на шее, потом улыбнулся — Мари — прекрасная девушка, если бы у меня было побольше времени, я бы женился на ней... А Ори, конечно, воин никудышный, но человек терпимый... Эй, что ты делаешь? Прекрати! Не надо! — Мико, смеясь, брызгала ему в лицо холодной водой. Вдруг подбежала, наклонилась и нежно поцеловала в губы.

— Так куда же мы отправимся? Мне всегда больше нравился восток!

— Понятно, значит идём на запад!

Когда Юто повернулся, она что-то заметила и сказала ехидно:

— У тебя есть ещё один повод мстить разбойникам — они тебе косичку отрубили!

Парень ужасно расстроился — длинная коса была его гордостью.

— Может, вернёмся, и ты её поищешь?! — не унималась она, — Ладно, не дуйся, тебе так тоже хорошо, даже интереснее. Кстати, ты не знаешь, откуда это? — она достала нож, принадлежащий ему.

— Я не хотел, чтобы ты мучилась, если нас вдруг будут пытаться... — он резко повернул голову в её сторону, серьёзно глядя ей в глаза.

— Какая трогательная забота! — фыркнула девушка, но улыбнулась: на её счастье, молодой воин сам был едва жив, почти при смерти, иначе его клинок ударил с большей точностью, и они сейчас не разговаривали бы.

* * *

Длительные поиски друзей, к огромному облегчению, увенчались наконец успехом после нескольких дней пути и восстановления сил.

Ори лежал на земле без сознания, а плачущая Акеми пыталась дрожащими руками распутать узлы на верёвках. Больше всего досталось рукам и груди Ори, на лице тоже было несколько ожогов, одежда истлела и висела клочьями. Наконец она сообразила разрезать путы. Юто был уже рядом с водой. Ори тихо застонал.

— Я... сейчас... Ори, держись! — девушка закусил губу, пытаясь не расплакаться, и достала мазь. Её трясло похуже Ори, поэтому Юто взял на себя обязанность позаботиться о ранах друга...

— Марико... Её увели... Я не смог защитить... Спасите её... — только и смог выдать Ори и потерял сознание.

— Мари! Здесь?!

— Мы спасём! Обязательно спасём! И тебя, и её... — всхлипнула над ним девушка.

* * *

Ворвавшись в дом, они увидели сидящую на полу девушку в разорванном кимоно, её длинные темные волосы рассыпались по плечам...

В её глазах были лишь боль и безграничная тоска... Сжимая в дрожащих руках короткий меч, она направила его в живот, но не решалась на самый последний шаг...

Внезапно — шум, визг... крики... отодвинулась стена, и девушка не поверила своим глазам: Юто, Мико и Ори!

— Мари! Остановись, не делай этого! — закричал Юто.

— Друзья!!! А я думала, вас убили! Я же... видела... Значит, вы живы!

Мари бросилась к ним:

— Они... Я... Я не... Господи!... - Марико зарыдала, глотая собственные слезы.

— Ну, всё, успокойся... Больше никто не посмеет причинить тебе боль, пока я жив! — Юто обнял её — Мари, хочешь, я сочиню для тебя самую прекрасную мелодию? А знаешь что — выходи за меня!

— ???!!!

С другой стороны ворвались несколько воинов. Двоих Юто сразу уложил, одного прикончил Ори, а девушки протянули друг другу руки, пытаясь соединить их...

Мико резко дёрнулась. На месте правого глаза была инкрустированная рукоятка... Часть лица забрызгана кровью, из груди торчали несколько стрел...

Мари завопила и кинулась к медленно оседающей подруге. Юто остолбенело всматривался. Ори, с немыслимо расширившимися глазами всматривался в бледное лицо Мико, которое ещё более подчёркивали чёрные волосы и кровь. Мари зарыдала. В глазах Юто стояли мутные слёзы.

Ори, крепко зажмурившись, всадил меч себе в живот...

Он не захотел жить, Мари проводила его в последний путь. Но сначала они отправили туда Мико — похоронить её не дали и поэтому они отправили её тело на плоту по реке. С ней отправился и её ангел — хранитель.

Ори похоронили на берегу, возле какой-то горы.

* * *

Марико убивала всех подряд, пока не нарвалась на любовницу их главного врага...

Идя по тёмной улице, она почувствовала тихий шорох и выхватила катану. Вдруг её, заарканив за шею, втащили за угол. Она попыталась освободиться, перекинула противницу через себя и прыгнула сверху. Та уже поднималась, и удар пришёлся ей в живот. Мари занесла меч и опустила его, но рубанула по земле — вторая девушка-воин умело и скоро перекатилась, и тут же вскочила, отразив новую атаку. Но выпад Марико был столь силен, что меч вылетел у той из рук и вонзился в землю. Отбросив свой, девушка перепрыгнула противницу и рубанула сзади по шее ребром ладони — та упала лицом в грязь. Мари не стала дожидаться, пока она сама встанет, схватила за пояс и швырнула о стену. Но соперница оказалась значительно крепче, чем можно было предположить — почти сразу вскочила и заехала противнице пяткой по подбородку, потом, не дав упасть, схватила за волосы и закурила вокруг себя. Наконец отпустив, сжала пальцы на горле обессиленной девушки. В её глазах горела страсть к убийству. Ещё чуть-чуть, и она задушит отважную Марико!

Собрав последние силы, Марико извернулась и ударила девушку по лицу. Поднявшись, та незаметно выхватила ножи кровожадно улыбнулась и, облизав с губ кровь, сказала:

"Надоело мне с тобой играть!". Маленькая воительница удивлённо смотрела на торчащий из груди нож, медленно слабея. Перед тем, как потерять сознание, Ри успела метнуть в противницу маленькую молнию...

Торжествующий смех сменился хрипом, белые длинные пальцы в последнем усилии попытались выдернуть сюрюкен из горла. Мари закрыла глаза и упала...

* * *

Одинокая фигура виднелась сквозь полосы дождя. Вокруг разносилась тихая печальная песнь флейты. Юто, закончив играть, ещё долго-долго стоял под дождём перед двумя одинокими могилами и беззвучно плакал.

Кончился дождь, Солнце ласковыми лучиками щекотало Юто щёки. Он поднял глаза к небу и проорал:

— Почему?! ПОЧЕМУ?!?!? Мико! Ори! МАРИКО!!!

Только эхо было ему ответом...

А в мыслях — лица...

Сконфуженная физиономия Ори...

Улыбающаяся мордочка Мари...

Красивая в гневе Мико....

В одной из деревень Юто встретит девочку — сиротку, как две капли воды похожую на Марику и возьмёт её к себе...

Их было четверо — они стали легендой, выжил только один.

02. "Мастер" для Маргариты

"Смерть и любовь, как всегда, к нам приходят без стука".

(Игорь Зиновьевич Павлюк, украинский писатель)

Маргарита медленно шла, сама не ведая куда, пошатываясь, точно пьяная. Девушку всю трясло от горя и отчаяния. Непролитые слёзы застилали глаза, мешая разобрать дорогу и хоть примерное направление пути. Да и какое это теперь имеет значение, когда его больше нет? Голова нестерпимо раскалывалась. Измученный разум лихорадочно искал ответы на многочисленные вопросы о смысле жизни, о справедливости, но не находил успокоения для истерзанной души, безжалостно вскрывая её — слой за слоем. Но даже сейчас затуманенный горем мозг отмечал эти вездесущие недоуменные или сочувствующие взгляды прохожих. "Да что вы можете понимать!?" — хотелось закричать в ответ. Не найдя другого выхода, вдруг — сорвалась и побежала, будто хотела убежать от своего горя. Возможно ли убежать от боли? От невосполнимой потери? От собственных воспоминаний? Простая истина достучалась до воспаленного сознания лишь спустя полчаса, когда подкашивающиеся ноги уже устали держать, и девушка упала на колени там же, где остановилась. В голове пронеслись обрывки воспоминаний: улыбающееся лицо Алессио, скромный прощальный поцелуй в международном аэропорту Лос-Анджелеса, его обещание скорой встречи.

"Алессио... Ал..."

Перед глазами, как в калейдоскопе, мелькало, то его лицо, то терминал в аэропорту, то взрыв самолета во время взлета, уничтоживший все надежды, разделивший жизнь на "до" и "после", крики людей, паника.

Молодой талантливый скульптор, итальянец по происхождению — был другом её названного брата, и больше, чем другом — ей. Пусть знакомство их было недавним и не долгим — когда он, после нападения грабителей, проходил курс лечения травмированных кистей в клинике, где работал её брат. С ним было так легко, что она почти его полюбила.

Алессио должен был лететь этим рейсом к сестре на похороны матери. Он был на борту того авиалайнера — теперь его сестре Бьянке предстоит хоронить уже двоих.

Всё это невыносимо давило, все эти люди, снующие туда-сюда в ожидании увидеть

какую-нибудь знаменитость, обсуждающие приезжих между собой уборщицы-мексиканки. Полуденная жара и духота сводили с ума, не давая свободно дышать. И захотелось вдруг, исчезнуть, раствориться, чтобы не чувствовать больше этой боли, этих взглядов, этой дрожи во всем теле.

На грани помешательства, не помнила она, как покинула аэропорт, как дошла до автобусной остановки и доехала до парка, как бесцельно бродила по аллеям, уходя как можно дальше от скоплений народа, прогуливающих по парку.

Позже — Маргарита вновь сидела на корточках, закрыв лицо руками. Потом девушка немного пришла в себя, но её глаза всё ещё были полны слёз, а плечи изредка тихонько вздрагивали. Тугие тиски, сжимавшие голову, казалось, стремились раздробить череп, а сердце — сдавливало тяжелыми стальными обручами, затрудняющими и без того слабые его удары. Тело бросало попеременно, то в жар, то в холод. Хотелось кричать, но слёзы душили, и хриплым воплем заходила она, надрывая горло. Как теперь быть? Она больше не посмотрит в его серо-голубые глаза, не дотронется до крепкой руки, не погладит мягкие волосы, не услышит его голос — низкий, хриловатый, не ощутит его прикосновений... А всего-то недавно этот парень был живым, веселым, о чем-то мечтал, во что-то верил, кого-то любил... Только утром они разговаривали, шутили и смеялись, тепло прощаясь у терминала. То, что прежде наполняло её жизнь радостью и смыслом, обернулось переполнявшей душу горечью.

Она уже почти ничего не чувствовала, не ощущала — ничего, даже саму себя, постепенно теряя ориентацию во времени и пространстве. Шла неровными зигзагами, все удаляясь от оживленной тропы, несколько раз находясь в опасной близости от обрыва в глубокий овраг, которым заканчивался один из краёв дороги. Внезапно Маргарита оступилась и чуть не сорвалась — ей удалось ухватиться за какую-то корягу. Несколько камней скатились вниз. Проследив их путь, Маргарита ещё крепче сжала пальцы, отчаянно пытаясь выбраться на твёрдую почву. Изодрав руки и вконец обессилив, она не могла больше сопротивляться. Сознание покидало её.

Чьи-то сильные руки в алых перчатках подхватили её и помогли выбраться, относя подальше от края дороги.

Всё ещё не до конца осознавая, что с ней произошло, Маргарита была на грани обморока. Для не отличавшейся сильным здоровьем девушки, события сегодняшнего дня были слишком тяжёлым ударом. Собрав последние силы, она сделала попытку привести в порядок хаотическое течение мыслей.

Лицо её было испачкано, руки изодраны в кровь, а тёмно-каштановые, почти чёрные, волосы — растрёпаны, глаза и нос — опухли от слёз.

И только сейчас Маргарита обратила внимание на молодого мужчину рядом с собой. Кожа его была смуглой, черты лица — правильные, большие карие глаза смотрели на неё с любопытством и участием. Длинные чёрные, как вороново крыло, локоны вьющихся волос ниспадали по его плечам, извивающимися змеями обрамляя благородное лицо. Одежды на нем были красного цвета — и это определенно производило сильное впечатление.

Её спаситель помог Маргарите сесть, принимая более удобное положение, и поинтересовался, всё ли у неё в порядке.

— Алессио?... — девушка рассеянно вглядывалась в черты лица незнакомца в тщетной попытке опознать его.

Один мимолетный взгляд друг на друга заставил каждого из них на мгновение почувствовать ту невидимую нить, что навеки связывает двоих, отдаваясь сладкой болью внутри.

— Это кто-то дорогой тебе? Очень сожалею, но я всего лишь Джон, — тихо произнёс мужчина, назвав своё имя на западный манер, и в голосе его слышалась мягкость легкого бархатного акцента, — А не подскажешь, прелестное дитя — больно было падать? Ты же, наверняка — ангел, спустившийся с Небес, — он наблюдал за этим маленьким хрупким созданием и не мог понять, почему ему вдруг стало так тепло. Захотелось окружить её лаской и заботой, прижать к себе, зарывшись лицом в темные волосы и принять на себя всю боль, не оставляя этой девочке ничего из того, что заставляло бы её страдать, испив губами её слезы — деликатно прильнуть к её нежным губам, оставив легкий поцелуй. Её глаза, ныне в первый раз познавшие горечь потери и слез — такие прекрасные и ясные глаза большая редкость. Они согревали теплом, дарили свет душе и надежду — сердцу. Такая юная, чистая и свежая... Господи, ну откуда такие мысли о сладости её губ, о нежности и аромате её кожи? И почему она так и притягивает его, и так стремится к ней душа?

И стало страшно — когда-то сильные чувства точно так же захватили его, и это принесло большую боль и большую печаль. Тот первый любовный опыт оставил в душе ещё долго не заживавшие шрамы и маленького сына — его жена нуждалась в более зрелом мужчине, и она нашла такого и полюбила — лучшего друга и побратима. Он же считал ниже достоинства мужчины удерживать женщину силой и мешать счастью тех, чья любовь взаимна. А сам пытался найти забвение на дне бутылки — и это едва не затянуло его в бездну. От того он так и боялся снова пускать любовь в свое сердце. Но она ведь не спрашивает, а просто приходит в свой час.

— Кто Вы? — Маргарита смотрела на молодого мужчину и не могла оторвать взгляд от его глаз, в которых хотелось потеряться и спрятаться от страданий — она тонула в этих колдовских бездонных тёмных омутах, но не было страха — она не боялась, ей было спокойно. И это вызывало смятение — испытывать подобные чувства к любимым родителям или близким друзьям, которых знаешь с детства — это естественно и понятно, но к незнакомцу, которого видишь первый раз в жизни — это было Маргарите в новинку. А сердце принялось стучать всё сильнее и сильнее... Мужчина был привлекательный, и при

других обстоятельствах она бы обязательно отметила это, сейчас же она обратила внимание, прежде всего, на глаза — ей ещё не доводилось видеть такого взгляда, что пронзает душу — гипнотизирующего, манящего и завораживающего, печального и прекрасного, неотвратимого и predeterminedенного, как сама судьба. Взгляд, от которого бросало в дрожь — сильный, страстный, чувственный.

— Можешь считать меня своим хранителем — улыбнулся Красный, и в его улыбке было столько теплоты и нежности, — В твоём рюкзаке есть вода? — спросил он, — Нужно промыть раны на твоих руках.

Маргарита утвердительно закивала головой и, шмыгнув носом, сняла со спины рюкзак и достала бутылочку минеральной воды.

Джон промыл этой водой девушке руки и, оторвав кусок от своей рубашки, перевязал Маргарите израненные ладони, в довершение ко всему, закутав её в свой плащ.

— Теперь лучше? — заботливо поинтересовался молодой человек, присев перед ней на колени и положив руки ей на плечи, — И никогда, слышишь, никогда не смей даже думать... Посмотри мне в глаза и поклянись, что никогда! Ты ведь и жизни-то не видела, — с пылом начал он, потом как будто опомнился, — Прости, я позволяю себе лишнее... Но поверь мне — это не выход. Какая бы не приключилась у Тебя беда, Ты должна жить ради того Света, что есть в Тебе, ради близких и дорогих Тебе людей. Ради кого-то, кого встретишь когда-нибудь, и для кого станешь целым миром.

Он сказал эти слова, и Маргарита поняла, насколько он прав: только поддержка семьи и друзей поможет ей пережить потерю. Теперь, когда первый шок миновал, она и сама понимала это. А случись с ней что, то и в её семью пришла бы трагедия. Поздний ребенок в семье и единственная родная дочь своих родителей, девушка была избалована любовью, за свои семнадцать лет она не знала другого сценария жизни.

— Вы спасли мне жизнь. Благодарю от всего сердца! — в благодарственном порыве Маргарита обхватила руками его шею.

В этот момент, точно электрический разряд прошёл по телу Джона, дыхание стало прерывистым, сердце остановилось, а потом забилось ровно и размеренно. Пришло ощущение чего-то такого близкого и родного, словно, эта маленькая девушка, почти ещё ребёнок, смогла возродить в нём давно забытое чувство. Он нарушит все правила, но сейчас в его объятиях было самое драгоценное сокровище. Он уже не сможет отпустить её от себя. И вся вечность превратилась в ничто в сравнении с этим мгновением. Его сердце снова способно любить. И это ощущение, и пугало, и невыразимо радовало — так легко и так невероятно. Кажется, он всё-таки нашел своё счастье, когда уже отчаялся и решил прекратить поиски. И накатило тревожное и трепетное переживание — как навязчивое смятение собственного расшатанного рассудка.

— Как тебя зовут? — тихо спросил мужчина, встретившись с ней глазами.

— Маргарита, — так же шепотом ответила девушка.

— Маргарита... — повторил он за ней, — Интересно получается... В следующий раз, молодая леди, когда решите свести счёты с жизнью, не забудьте составить завещание, и помяните меня в нем — я человек скромный, мне много не надо, — Джон старался придать своему голосу как можно больше спокойствия и беззаботности.

Минут пять Маргарита смотрела в никуда...

— Ну, ты чего, малышка — обиделась, что ли? Я же пошутил. Прости, глупая шутка получилась, — молодой человек позволил себе приобнять её, — И, милочка, я не настолько

стар — можешь обращаться ко мне на ты.

Они долго молча смотрели друг на друга.

В темной бездне его глаз читалась удивительная мистерия сплетения человеческого и неземного, боли и страсти, отваги и чести, печали и тайн, приоткрыть завесу которых и разгадать которые она ощутила непреодолимое желание — узнать его, убедиться, что он не фантом, а реален:

— Дайте ладонь, я погадаю вам... — расторопно исправившись и застенчиво зардевшись, — то есть... тебе, — попросила Маргарита.

Способности к гаданию и ясновидению передались ей от бабушки по отцовской линии — мадам Констанс знали многие и многие обращались к ней за помощью и советом, сама же Маргарита пока что пользовалась своим даром только по мелочам: временами жульничая на экзаменах или предсказывая подружкам удачу в любви.

Джон протянул ей руку:

— А ты не здешний. Твой дом далеко. Ты родился под другим Солнцем, под другой Луной... — тихо произнесла девушка, глядя на молодого человека, — Ты отказался от того, что твоё по праву, ты хочешь всего достичь сам. Ты жаждешь познания и мастерства. И у тебя всё будет — признание, слава, богатство, большая семья. У тебя уже есть сын, и будет ещё много детей. Тебе причинили боль, но ты ещё будешь любить и будешь любим. Ты встретишь ту, которая согреет твоё сердце и твою постель. Но, тебе придётся бороться за своё счастье — хватит ли у тебя сил противостоять всем испытаниям?

— Неужели, меня так легко прочитать — как раскрытую книгу? — не таясь, подивился он и твердо поручился, — Уж будь спокойна, если я встречу женщину, которую полюблю, и мои чувства найдут отклик в её сердце, то буду бороться, даже если весь мир будет против. А что насчёт тебя? И я могу немного предсказывать. Тебя тоже ждёт великое грядущее.

— Таков мой дар — читать судьбу людей. Но, мне не дано знать своё будущее. А ты давно тут, в нашем мире? — любопытствовала Маргарита.

— С начала времён, — слишком туманным и пространным был его ответ, но он не лгал.

— Что же привело тебя сюда? — продолжила спрашивать девушка.

— Я ищу свою судьбу, — в тон ей отвечивал Джон.

— А когда ты найдёшь то, что ищешь, сколько ты пробудешь здесь?

— До конца времён, — и снова был ей твердый ответ.

Маргарита рассмеялась:

— Ты такой забавный!

Джон нарочито обиженно поджал нижнюю губу:

— Я, что — похож на клоуна? Но, ты улыбнулась — это хорошо, — подмигнул молодой человек.

— Ты такой милый! Совсем как Ал... — Маргарита всхлипнула совершенно по-детски.

— Ну, вот... Опять слёзы в два ручья, — он вытер ей лицо платком, — Планируется наводнение?

— Прости... — девушка виновато улыбнулась сквозь слёзы.

— Эй, это никуда не годится! Такая большая девочка... Такая красивая девочка... Тебе гораздо больше идёт улыбка. Ты не хочешь ничего мне рассказать? Иногда человеку просто необходимо выговориться, а в моём лице ты найдёшь самого внимательного и равнодушного слушателя, — и прозвучало это так искренне и проникновенно — настолько, что у девушки мурашки пробежали по спине.

Она заглянула в карие глаза мужчины — и ему не жаль было бы и жизнь отдать за один этот её взгляд:

— Я тебе верю. Я чувствую, что могу тебе верить, — и она действительно это чувствовала, уверенная, что может всецело доверять этому человеку, что он скорее собой пожертвует, чем позволит кому-то причинить ей боль. А его взгляд красноречиво уверял её в этом.

Маргарита под села ближе, обхватив колени руками и глядя на облака — куда-то туда ушло сегодня много хороших людей...

— Жан, — обратившись к нему, девушка назвала его более привычным для неё вариантом имени, — ты счастливый человек? — девушка пристально посмотрела на Джона, она уже успела малость успокоиться.

— Человек сам выбирает свою судьбу, и в его власти сделать себя и окружающих счастливыми, — задумчиво произнес он, глядя в небо.

— А я не могу так, не могу! Жить с этой болью выше моих сил! Что мне делать?! Ужасно — это было ужасно, там было столько людей... И дети — я сама видела, как на борт заходили с детьми, а теперь они все мертвы... Господи, это и произнести-то невозможно, а осмыслить — и подавно, — Маргарита задрожала всем телом и уже почти собралась зарыдать.

— А ты кричи, — таким неожиданным оказался его совет, что она в недоумении захлопала длинными ресницами.

— Нет, я серьёзно, — Джон накрыл её руку своей рукой, — Надо дать выход напряжению. Бить посуду, напиваться до чёртиков, размахивать оружием — всё это не очень — то подходит для дамы — хоть, иногда помогает.

— И откуда же ты такой взялся?! У вас там все такие? — поинтересовалась Маргарита.

— Такой — только я один! — не без гордости заметил парень, — Каждый из нас уникален, единственный в своем роде.

— Да-а, от скромности ты не умрёшь, — слабо улыбнулась она.

— А зачем же умирать? Я хочу прожить жизнь на полную катушку и потешить своё самолюбие, добившись определённых результатов, ну, а если кому-то ещё от этого будет польза — что ж, я не против.

— Ага, "чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы"? — почему пришла на ум переводная русская классика, потому, что весь его облик требовал только высокого шпиля и эпических масштабов легенд и баллад.

— Ух! Не сильно ли сказано? Вот, Ты, например, задумывалась о своём предназначении? — речь его была пылкой и проникновенной, он не притворно сам верил в то, что говорил, — А я Тебе скажу, что лишь немногим уготовлено свыше исполнять великую миссию по поддержанию мира и порядка во вселенной. Но, это и большая ответственность. Человек уже не в праве распоряжаться своей жизнью. Однажды каждому придётся отвечать, а что было сделано тобою сегодня для лучшего завтра? Прислушайся — слышишь музыку? Чудная мелодия. Посмотри вокруг: как чудесна природа. Подумай о своих близких: ты нуждаешься в них, а они нуждаются в тебе. Разве это не составляет счастье в жизни? Разве ради этого не стоит жить? Разве за это не стоит бороться? Да, я счастливый человек, если могу изменить жизнь к лучшему. И всё это неписанные законы, старые, как мир. И не жалею о времени, потраченном на людей.

Маргарита с восхищением смотрела на этого странного парня, что так неожиданно

ворвался в её жизнь:

— Я понимаю... Хотела бы и я сказать то же самое... — поразмыслив, произнесла она.

— Во всяком случае, ты — необычный человек. В твоих силах дать волю своим талантам и способностям. Главное — верно выбрать путь и не дать угаснуть твоему огню, дивному свету твоей души. Ты — настоящий Свет. Пусть ни что тебе не помешает, — Джон взял в руки её маленькую ладонь.

— Жан, Я СЛЫШУ ЕЁ! Слышу эту мелодию! — девушка порывисто схватила парня за руку и приложила её к своей груди, — Она идёт оттуда — из самого сердца.

— Ну, вот стоит только освободить разум и устремиться к гармонии — и знание само придёт. Стоит очень захотеть и приложить усилия — и найдутся ответы на все вопросы. И, самое главное — не сдаваться. Открой свою душу и будь предельно внимательной. И не бойся ошибиться.

— Я буду стараться, обещаю, — она улыбнулась своей самой ослепительной улыбкой.

Парень одобрительно кивнул:

— Любишь цветы?

Маргарита удивлённо посмотрела на Джона — он протянул ей розу:

— Это мне? Как ты это сделал? Это какой-то фокус? — она не верила своим глазам.

— Скажем так — небольшой секрет. Не нравится?! Могу забрать.

— Ну, уж нет! Не-а, я её возьму на память. Она прекрасна... — опустила взгляд Маргарита.

— Прекрасна, как и ты... — тихо произнёс он, так, чтобы она не услышала.

Пока девушка любовалась цветком, Джон что-то напевал.

— Как поёт! Кто бы мог подумать, — прошептала Маргарита.

Она дослушала до конца:

— Bravo, сударь, великолепно поёшь! — Маргарита захлопала в ладоши, не скрывая своего восторга его талантом и природными вокальными данными.

— Я ещё и играть умею: на гитаре и... нервах врагов, — усмехнулся он в ответ.

— Однако, — улыбнулась девушка.

— О! Мы с тобой заболтались и не заметили, как пролетело время, — опомнился вдруг Джон, — Прошу меня извинить за это.

— Боже! Мои с ума сойдут от волнения, и наверняка уже всех подняли на поиски! — тут спохватилась и Маргарита, — Ты не проводишь меня? Я хочу познакомить тебя со своими друзьями.

Она вспомнила о существовании мобильного телефона и набрала номер лучшей подруги — именно ей сейчас она могла выговориться, не выслушивая нравоучительных нотаций радетельного старшего брата о том, что она заставила всех переживать. Но в этот раз у неё была действительно уважительная причина. В такой ситуации она готова была выслушать любые самые резкие нотации, только бы её близкие были рядом, здоровые и невредимые.

— Прости, но твои друзья скоро будут тут, а мне, и правда, уже пора, — с печалью в глазах, он покачал головой, — Мы снова увидимся — непременно. Береги себя. Ты должна жить дальше. Ради себя и ради тех, кто тебя любит. Если бы с тобой что-то случилось, то твои близкие очень бы огорчились. Знаешь, сегодня и ты спасла меня. Мы ещё непременно встретимся, и тогда ни какая сила не сможет помешать мне быть рядом с тобой, — девушка даже представить не могла, чего стоило ему отпустить её сейчас.

— Как же мне отблагодарить тебя, Жан? — она взяла парня за руку и вновь посмотрела

в его глаза.

— Это я должен тебя благодарить. Помяни меня в своих молитвах, — Джон слегка наклонился, коснувшись губами губ девушки, и к своему стыду она отметила, что ей понравилось, что губы его были мягкими и теплыми, его руки были сильными и нежными, и от него так приятно пахло — запах свежий и пряный, — Я не прощаюсь. До свидания, Маргарита, — ему был необходим спасительный свет, чтобы вырваться из окутавшей его тьмы, и она может стать для него этим путеводным огнем, — Я найду тебя, обязательно найду.

— Жан...Мне будет тебя не хватать... — она несколько раз моргнула и повертела головой по сторонам, но таинственного мужчины уже не было, вместо него она увидела приближающийся знакомый автомобиль брата. Просто мистика какая-то, да и только! Ей Богу, такое только в фантастических кинолентах происходит (а уж она-то их в свое время — ой, как много насмотрелась), а в обычной жизни такое нереально, чтобы был вот человек — а вот и нет его, как в воздухе растворился, а ей так отчаянно захотелось продлить это ощущение тепла его губ на своих губах.

Девушка приложила одну дрожащую ладонь к губам, а другую — к груди, где бешено, до боли, колотилось обезумевшее сердце. Ещё чуть-чуть — и совсем остановилось бы, потому, что любить оказалось так больно, а терять дорогого человека — и вовсе невыносимо. А черные глаза незнакомца, точно преследовали её, не давая погрузиться в безумие отчаяния. И как же хотелось верить и надеяться, что наступит однажды такой день, когда она сможет продолжить жить и снова способна будет полюбить, но, Боже мой, до чего же страшно было от одной мысли об этом!

Подоспевшие друзья вышли из машины... подруги молча обняли девушку и дали волю слезам. Она всё ещё пребывала в шоке и не осознавала, что странный незнакомец, спасший её, практически признался в любви — только что прямым текстом не сказал. А был ли он на самом деле? Не было ли это плодом её фантазий? Не привиделась ли ей эта встреча в собственных фантазиях?

Измученная и уставшая, Маргарита заснула прямо в машине, на коленях у белокурой Даниэллы — лучшей подруги и названной сестры.

Со временем, эта встреча начала казаться ей невероятным сном, а на все вопросы о том, как друзьям удалось так скоро отыскать её в парке, она получала ответ, что с помощью GPS-навигатора и операционной системы в её мобильном телефоне.

Как много разных "почему?" оставил Бог на этом свете...

Митя Фомин, группа "HI-FI"

Исчезают цивилизации, вымирают нации, но те, кого мы любим будут жить вечно в нашей памяти и в наших сердцах...

Надо только не переставать любить...

к/ф "Ворон"

И неизменной истиной остаётся то, что дружба и любовь являются самыми чудесными и великими силами.

Гремучей, старой телегой устало

Сползала ночь на застывший закат

И там, где света полоска осталась

Словно призрак возник музыкант

Он был послан мне светом далеким

Сочетанием таинственных звезд

Тихим голосом пел невысоким

Мне о том, что меня дальше ждет

Музыкант был судьбы воплощение

Дикой жизни моей силуэт

Он был послан ко мне как спасенье

Словно рифме забытой — поэт

Он меня воскресил из забвения

Он мне душу вернул и любовь

Музыкант стал моим вдохновением

И я знаю, что с ним встречусь вновь

Музыкант до рассвета пел мне песенку эту

Я забыла беды свои

Что найду я не знала, но уже не искала

Я дороги обратной следы

Кристина Орбакайте "Музыкант"

Кто это выдумал где это видано

Чтоб полюбить мне еще надо вырасти

А пока и думать рано о любви своей

Как в этом городе жить в этом холоде

Ну почему до сих пор не приходишь ты

Я тебе ключи оставлю от своих дверей

Все изменяется не получается

И без тебя мне одной не мечтается

Все слова мои и песни только о тебе

Дни ожидания сны и желания

Самые первые самые ранние

Я иду судьбе навстречу я иду к тебе

Иногда я жду тебя

Как звезда веду тебя

И тогда мне кажется

Что плывут облака подо мной

Иногда зову тебя

Иногда пою тебя

Знаешь я ищу тебя

Ищу уже давно

Знаешь я ищу тебя

Ищу уже давно

Алсу "Иногда"

Потом был самый тяжелый период в её жизни: у девушки развилась боязнь перелетов, что и не удивительно после того, что ей довелось увидеть — и на похороны Алесслио её сопровождали брат и златовласая подруга. И ещё целый месяц она провела во Франции с родителями, пока те оставались в Париже, готовясь к научному симпозиуму. Они хотели даже нанять сиделку, которая всё время находилась бы рядом, пока они были на работе, не на шутку испугавшись столь подавленного состояния дочери, боясь, чтобы она не надумала вскрыть себе вены или утопиться в Сене. Но, подумав ещё, они решили, что постоянный контроль и присутствие постороннего человека только заставят Маргариту ещё больше заикнуться на своем горе, а мягкая поддержка друзей и отвлекающая роль учебы смогут сделать для психики девушки гораздо больше, чем любой, даже самый лучший, психиатр. И только времени под силу было залечить разбитое сердце и унять эту боль. А ведь Маргарита была их единственной и горячо любимой дочерью, и так больно и жутко было наблюдать её в таком состоянии.

У родителей Маргариты долгое время не получалось иметь детей, что казалось горькой иронией — ученые, специализирующиеся на генетике человека, оказались бессильны помочь самим себе, находя утешение в работе. Волею судьбы, когда в теракте в торговом центре погибли их друзья и коллеги — семейная пара из Японии, их сын, чудом выживший в тот страшный день, стал им приемным сыном.

К тому времени, когда родилась Маргарита, их научная карьера была в своем зените и требовала всё больше сил и времени, что несколько омрачало радость от такого желанного события, и даже полноценный декретный отпуск мать девушки не могла себе позволить. Но, несмотря на их занятость, Маргарита всегда ощущала их заботу и поддержку — каждую редкую свободную минуту они старались проводить с детьми, а по возможности — брали их с собой, и даже находясь в далеких командировках, они использовали для общения все доступные средства связи. Мальчик, когда вырос, решил пойти теми же стопами и стать врачом — и очень хорошим врачом, надо признать, с честью продолжив нести имя своей семьи.

И Маргарита видела себя в медицине, временами ей казалось, что учась и наблюдая вместе с ними, она узнала уже достаточно много и сможет продолжить обучение на медицинском факультете.

Ещё она помнила тёплые морщинистые руки бабушки Констанс, в маленьком которой в Провансе она в детстве часто проводила летние каникулы, — её удивительные истории и её дар видеть прошлое и будущее и исцелять хвори.

Вот такую семью видела Маргарита, и о такой семье мечтала для себя, и даже вернувшись в Америку под покровительство названного старшего брата, она продолжала звонить и писать им сообщения каждый день, делясь всем — своими впечатлениями о прожитом дне, своими страхами и переживаниями.

А через три месяца судьба снова подарила Маргарите встречу с её таинственным спасителем, мысли о котором она всё не могла прогнать из своей головы.

Звуки музыки, доносившиеся из гостинной, заставили девушек замереть на пороге:

— Это ещё что такое?! Джек должен быть ещё на смене в клинике — кто же тогда в доме? — возмутилась привлекательная спортивная блондинка с большими ясными голубыми глазами и россыпью милых веснушек на аккуратном симпатичном носу и на щеках, доставая мобильный телефон и собираясь набрать номер полицейского участка.

— Что-то мне подсказывает, что наш тихий девичник отменяется — заметила высокая сероглазая шатенка приятной наружности с пышной причёской из крупных локонов. И голос её был чересчур низким, как для девушки, и рост её был чересчур высоким, и видно было, что она стесняется этого — ещё не научившись подавать эти свои особенности в качестве своих достоинств. А вот её большие глаза с длинными густыми черными ресницами, красивые брови и полные губы уже сейчас придавали ей особое очарование. И увлечения у неё были чисто женскими — кулинария и шитье, а уж в этом она была настоящей мастерицей.

— Чудно всё это, — поморщилась рыжеволосая девушка с глазами цвета горного малахита, в отличии от светловолосой, очаровательные веснушки у неё были по всему лицу. Её кожа была светлее, чем у остальных подруг — она словно светилась изнутри. Её внешность, её плавные движения и скользящая походка, её неспешная тихая речь с мягким акцентом — всё создавало образ утонченного и воздушного создания, как внешне, так и внутренне. И как нельзя лучше это доказывало её увлечение балетом — на занятиях в балетном классе она могла порхать, почти не касаясь пола, как сказочная нимфа.

Маргарита вместе с подругами вошли в комнату, исполненную в стиле выдержанной английской классики, и встали, как вкопанные — на диване перед телевизором сидел смуглокожий молодой человек, кареглазый и черноволосый, кожа его была смуглой, а одежды — алыми. Его левая рука была забинтована, а в правой он изящно держал сигарету.

— Приветствую, красавицы! — поздоровался парень, грациозно поклонившись, всё ещё не выпуская из руки сигарету, — Здравствуй, Маргарита! Я же обещал, что мы непременно увидимся — я сдержал слово. Пришлось уладить кое-какие дела, но теперь всецело в вашем распоряжении. Я никого здесь не знаю, и, если вы согласитесь быть моими друзьями, я буду

рад.

Девушки с облегчением выдохнули — всё-таки это оказался не грабитель какой-нибудь, к примеру.

На минуту Маргарита онемела от избытка эмоций и от неожиданности выронила на пол папку с эскизами. Мужчина поднял один из набросков — с нарисованного портрета на него смотрела собственная копия, схожая с ним, как две капли воды. Он помог Маргарите собрать листы и самым последним протянул тот самый, на котором был изображен он сам, поцеловал девушке руку и подмигнул озорно, — Весьма польщён, прекрасно рисуете, мадемуазель.

— Господи! Глазам своим не верю — Жан! — она бросилась ему на шею, — Прошу любить и жаловать моего спасителя!

— О! Моя рука! Полегче с объятиями, сумасшедшая девчонка, — мужчина невольно скорчил гримасу.

— Пардон! Всё в порядке? — спешно извинилась девушка, — Разрешите представить тебе моих подруг: белокурая — Даниэлла, мне, почти, как сестра и настоящая леди — британка до кончиков ногтей, шатенка — Жюстин (так Маргарита называет на французский манер свою одногруппницу Джастину О'Нил — ирландку по происхождению), наша гордость: умница, отличница, спортсменка и волшебница кулинарии, а рыженькая — моя кузина Эллен, фея танца и будущая звезда подмостков больших и малых театров, — на что её подруги смущенно покраснели, а тот широко улыбнулся.

— Так вот каков герой Маргариты... Наслышаны о вас, молодой человек, — светловолосая оценивающе посмотрела на него.

— Надеюсь, хорошее? — Джонни пустил дым колечками.

— Так... чёрные волосы, чёрные глаза, аркан, красная одежда... это он... Нет, это... Да нет же, я почти уверена, что это Яма. Я правильно думаю, Дхармараджа ("Царь Справедливости" — эпитет повелителя и верховного судьи загробного царства в буддизме и индуизме, более известного как Яма или царь Энма, отличительными Атрибутами которого являются алый цвет одежд и алый шелковый аркан) — поделилась своими размышлениями Даниэлла, когда повнимательнее присмотрелась к молодому человеку.

Полезно иногда проявлять интерес к наукам и культуре помимо учебной программы — а сколько ещё непознанного может открыть знаменитая всезнающая "Википедия".

— А кто это? Он не опасен? — тихо спросила кудрявая Джастина с выражением испуга на лице и в голосе, пока парень не сводил глаз с Маргариты. Эллен лишь скромно промолчала, отведя глаза в сторону, опасаясь лишней раз посмотреть на него.

— Если коротко — большая шишка, — так же тихо отозвалась златовласая, — Он — не человек. Таких, как он, принято называть демонами. Существо вне человеческих понятий, вне категорий добра и зла, которого сама смерть старается обходить стороной.

— Всегда приятно, когда тебя узнают, — растянул улыбку Красный, — И это вас не смущает? Но, если вам не нужен друг и покровитель, то я удаляюсь, только не надо потом просить меня вернуться, — он снова театрально поклонился, и уже было направился к выходу.

— Ну, слушай, хватит уже цену себе набивать, — усмехнулась Даниэлла.

— Ди, пожалуйста. Я знаю, он — хороший, — маленькая брюнетка умоляюще посмотрела на подругу, потянув её за рукав, и шепнула на ухо, — Ну, куда он пойдёт?

— Ты так переживаешь за него? — блондинка незаметно скосила взгляд на того, о ком они говорили, — А как мы это всё объясним моей тетушке? А твоему брату? — в свою очередь прошептала она в ухо Маргариты.

— Скажем правду, что, спасший мне жизнь, человек нуждается во временном приюте, — Марго подкупающе улыбнулась и эффектно опустила глаза, — И это — почти правда...

— Временное может стать постоянным, — хмыкнула себе под нос златовласая, а вслух обратилась к молодому человеку, — Что скажешь, мистер? Тебе ведь хотелось бы остаться?

— Вот, если меня попросит Маргарита... я, так и быть — подумаю, — он взглянул в сторону девушки, потом манерно закатил глаза.

— Жан, останься с нами... — она посмотрела на Джона и покраснела до кончиков ушей, — Я так скучала без тебя...

— А ты так очаровательна, когда смущаешься! — натурально умилился Джон, — Знаешь, я, кажется, нашёл свою судьбу... Но теперь ты так просто от меня не отделаешься. Я ведь, в некотором смысле, в ответе теперь за тебя.

— Ведь прекрасно же знал, куда идёшь — не так ли? И даже не буду спрашивать, как ты нашёл нас — мы, собственно, и не скрываемся ни от кого, — Даниэлла проницательно посмотрела его темные глаза, ища в них ответ, заслуживает ли он доверия и любви её подруги, и найдя его утвердительным, продолжила, — Тётушкин дом огромен — комнат на всех хватит, можешь оставаться — друг Маргариты — и мой друг. Не побрезгуйте нашим гостеприимством, Ваша Милость, раз уж снизошли до нас. Только прошу учесть на будущее, что в этом доме не курят.

Джон спешно потушил сигарету.

То ли потому, что он оказался тем, кто спас их лучшую подругу, то ли потому, что он не проявлял открытой враждебности, то ли потому, что их чистые души юных максималистов ещё способны были отличить добро за маской наглеца — они не испытывали большого страха при общении с ним, в любом случае заключив, что если он действительно тот, на кого они подумали, то им всё равно нечего ему противопоставить, и лучше будет попытаться наладить с ним общение. Да и кто же в их возрасте не захотел бы столкнуться с чем-то необыкновенным? Да будь на его месте сам лорд Дарт Вейдер из широко известной космической саги, им и то было бы интересно.

А ему просто хотелось, чтобы кто-то скрасил его болезненное одиночество и полюбил его просто как человека и личность, а не из страха или ради выгоды.

— Спасибо, Ди! Ты настоящий друг! — брюнетка чмокнула подругу в щеку и с улыбкой повернулась к молодому человеку, — Ты с нами! Это здорово! — Маргарита снова налетела на него.

— Ой, да что же ты творишь, безумная! Моя рука, — мужчина несколько раз глубоко вздохнул.

— Прости, пожалуйста! Я такая неуклюжая, — девушка опять залилась краской.

— Да что с тобой такое сегодня, дорогая? Это я так влияю на тебя? — Джон потрепал чёлку Маргариты.

Ему так легко было улыбаться ей, когда сердце ликовало от радости.

— Ну, мы тогда вас оставляем, — попрощались с подругами и Джоном Эллен и Джастина, — не судьба сегодня девичнику, в другой раз ещё соберёмся.

Девушки успели проводить подруг и собрались перекусить, когда перед домом затормозил автомобиль — это был чёрный "Линкольн" брата Маргариты.

Из машины вышел еще достаточно молодой мужчина среднего роста в темных очках и немного старомодном костюме, но его волосы, кое-где уже тронутые сединой, были пострижены по последней моде. Настоящее его имя было Куро Хадзама, более известный как доктор Джек (для близких — можно просто Джей). Гениальный хирург, получивший образование за океаном. Лишившийся на время медицинской практики, пока не подтвердил лицензию и не получил должность в одной из муниципальных клиник Парижа. Несмотря на действительно, почти дар и удивительные способности в медицине, в своей профессиональной среде он поначалу считался выскочкой, но теперь его уважительно именуют "сенсей", отдавая дань его профессионализму и его происхождению. Японец по национальности, сын наследницы влиятельного японского клана и её телохранителя. Семья матери не приняла этот союз и отеклась от неё. В двенадцатилетнем возрасте мальчик стал свидетелем гибели родителей в теракте в одном из больших торговых центров. В отличие от большинства других пострадавших, врачам удалось спасти ребенку жизнь, но эта трагедия навсегда оставила глубокие шрамы не только по всему его телу, но и в душе.

Маленького сироту усыновили друзья его родителей, а позже на свет появилась их родная дочь — Маргарита. И теперь он уже не представлял своей жизни без них, заменивших ему родных. А в лучшую подругу своей младшей сестры он уже много лет был влюблен, как мальчишка.

Мужчина открыл заднюю дверь, и помог выйти Розалинде — младшей сестре Даниэллы — девочке семи лет с зелеными глазами, локонами светло-русых волос и озорным характером. Перекинув через плечо яркий детский рюкзак, он поставил машину на сигнализацию, взял девочку под руку, и они вместе вошли в дом. Доктор повесил рюкзак в прихожей, помог ребёнку снять курточку и вышел отогнать автомобиль в гараж.

Маргарита вместе со златовласой подругой и смуглым темноволосым мужчиной оживлённо беседовали в столовой за накрытым столом.

— Розы, вы уже вернулись, — раздался голос Даниэллы, — Мойте руки и садитесь с нами ужинать.

Не обращая внимания на слова старшей сестры, девочка забежала сразу в столовую и бросилась обнимать девушек:

— Приветтики, сестрёнка! Хаюшки, Марго! Ой, какая же сегодня была интересная экскурсия — мы с классом были в Музее естественной истории — сколько там всего было, сколько нам всего интересного рассказали, а потом Джеки на обратном пути из клиники заехал, чтобы отвезти меня домой, — тараторил возбуждённый ребёнок, — А это у нас кто? — девочка недоверчиво покосилась на молодого человека в красном.

— Это Джон, друг Мэгги, приехал к нам погостить, — объяснила белокурая, а Маргарита мило покраснела, — Он из загадочной Индии.

— Рад знакомству, принцесса! — улыбнулся Джон.

— Тот самый?! Ты правда существуешь? — удивленно ахнула девочка, вспомнив рассказ старшей подруги о её мистическом спасителе, — А ты ничего так, симпатичный, — одобрительно заметила она, — Хороший выбор, Мэг. Только не тормози и не упусти такого мужчину, — невинно улыбнулась она, внимательно рассматривая незнакомца, — Та-а-к, из Индии, значит, а где его тюрбан? — возмутился неуёмный ребёнок.

— Я...это... — парень от неожиданности растерялся и даже не знал, что ответить: его всегда поражала непосредственность и, своего рода, мудрость детей, особенно таких не по годам развитых — как эта девочка, к примеру, или его сын — немногим старше её.

— И, пожалуйста, не надо оправдываться. Ты, наверняка, его потерял. Ну, ничего — дело в свои руки берёт Розалинда Кешью, — оживилась Роза, — Я сейчас вернусь.

Через минуту девчушка вернулась с красным полотенцем и ловко превратила его в прекрасный тюрбан, достойный самого сказочного падишаха.

С довольной улыбкой мужчина подошёл к зеркалу:

— Да, об этом я мечтал всю свою сознательную жизнь, — расплылся в улыбке он.

— Ни дать, ни взять — настоящий принц, — заключила Розалинда.

— Да, уж... — грустно усмехнулся Джон, — знаю я историю про одного принца...

— Правда, что ли?! — в изумлении воскликнула девочка, — А расскажешь? Ну, пожалуйста, пожалуйста! — ребёнок чуть не прыгал на месте, теребя Джона за рукав рубашки.

— Господи, Роза, как ты себя ведёшь? Тебе не стыдно? Что подумает наш гость? Что у нас в доме живёт невоспитанная девочка? И что мне с этим бесёнком делать — просто неуправляемая стала, — кокетливо вздохнула светловолосая.

— Да всё нормально, — отмахнулся Джон, — Только уговор, принцесса — расскажу не раньше, чем ты закончишь ужинать, согласна?

— Конечно! — захлопала в ладоши Розалинда.

— Дай пять, малышка, — молодой человек протянул ладонь, и Роза хлопнула по ней своей маленькой детской ладошкой.

— Ладушки! Я только сбегая переоденусь, — утвердительно кивнула головой девочка и убежала на свою комнату на втором этаже.

В это время в столовую вошёл доктор. Он снял тёмные очки, и стало заметно, что кожа на правой стороне его лица была бледнее — это была искусственная кожа, разные оттенки кожи разделял шрам, проходивший от переносицы по правой щеке и почти до подбородка.

— Привет, сестрёнка! — он подошёл к столу, обнял Маргариту, поцеловав девушку в лоб.

— Как дела, родная? — они с Даниэлой слились в долгом страстном поцелуе.

— Добро пожаловать домой! А у нас сегодня гость — именно этот человек спас нашу Маргариту три месяца назад, — девушка представила Джона, когда доктор, наконец, выпустил её из своих объятий:

— Весьма рад встрече, юноша, — молодые люди пожали друг другу руки, — Примите

мою благодарность за спасение жизни сестры. По такому поводу предлагаю выпить кое-чего покрепче, чем ваш кофе, — внёс своё слово молодой хирург и направился в свой кабинет за бутылочкой горячительного, — Не составите мне компанию, молодой человек? — предложил он Джону, и они вдвоём поднялись по лестнице.

Маргарита дрожащими руками взяла стакан с водой, чуть не пролив не себя его содержимое. Даниэлла только сейчас заметила, что к ужину девушка не притронулась:

— Алло! Земля вызывает Маргариту. Приём, — она провела рукой перед её глазами.

— Ди, мне страшно, — пробормотала Маргарита, — Всё это, как нереальный сон. Я боюсь дотронуться до него — вдруг снова исчезнет. Не знаю, смогу ли я это пережить.

— Не дрейфь, подруга, — Дэни положила ей руку на плечо, — Пусть только попробует исчезнуть — я его найду, приволоку назад за его длинные патлы и пристегну наручниками к батарее, чтоб и не рыпался даже — согласна?

Девушки во всех красках представили себе эту картину и не смогли удержаться от смеха.

— А если серьёзно, то, неужели ты не видишь, что Джон здесь ради тебя? Господи, да он влюблён в тебя — этого нельзя не заметить. Теперь всё зависит только от тебя — тут не могу не согласиться с этим чертёнком Розы — не упусти его, потом сожалеть будешь. Следующий шаг — за тобой, а такими темпами вы далеко не провинитесь. И, Джека, если что, я возьму на себя. А ты не проворонь свой шанс на счастье, сестрица. А вдруг — это любовь всей твоей жизни? Только очень хорошим людям выпадает познать настоящую, искреннюю любовь, и ты, как ни кто другой, заслуживаешь этого, — мягко улыбнулась блондинка.

Мужчины прошли в кабинет доктора, обставленный в стиле строгой классики — с мебелью из красного дерева и огромными стеллажами с медицинской литературой и справочниками.

— Итак, заботливый брат устроит мне сейчас допрос с пристрастием? — дерзким тоном поинтересовался Джон, расслабленно облокотившись о книжный шкаф, скрестив руки на груди, — Весьма и весьма похвально. У меня ведь тоже сестра есть — я бы точно так же поступил, появись у неё подозрительный кавалер.

— Буду откровенен, — начал доктор, — Если решил поиграть в героя и заморочить моей сестре голову, то этот номер не пройдёт, молодой человек. Она ещё не оправилась от потери — она своими глазами видела смерть. Не пожелаю никому пережить подобное — такое не забывается.

— Да-да, я же страшный и ужасный тип, — ухмыльнувшись, саркастически заметил молодой мужчина, — не плачу налоги, имею многочисленный гарем и несколько судимостей, я алкоголик и наркоман, а ещё у меня прабабка — ведьма, и отец — невидимка.

И не мне рассказывайте о её потере — я видел Маргариту в тот день.

— А вот хамить не надо, мальчик, — сдержанно ответил мужчина.

— Тебя ещё и в проекте не было, когда я был мальчиком, мистер, — в мгновение, от улыбки на загорелом лице собеседника не осталось и следа, — За все свои поступки я привык отвечать только перед своей совестью. И не надо лезть мне в душу. Если Маргарита захочет знать обо мне, я расскажу всё. Я же не задаю лишних вопросов, например, о твоём лице — это ты так печёшься о чести сестры или отваживаешь лишних воздыхателей от Даниэллы?

Джек схватил парня за воротник рубашки:

— Заруби себе на носу, кретин, никто, слышишь, никто не имеет права шутить о моём лице! Усёк? Иначе я за себя не отвечаю. Ясно?

— Псих! Пусти меня. Ты что, шуток не понимаешь? — прохрипел Джон.

— Ты у меня сейчас зубами плевать будешь, шутник, — прошипел Джек.

— Смотри, док, сам нарываешься! — ухмыльнулся Красный.

Доктор начал медленно оседать под смертельным взглядом Джона. Он сел на стул всё ещё тяжело дыша:

— Чёрт возьми, да кто ты такой? Или ЧТО ты такое? — еле выговорил он, с трудом переводя дыхание, — Мне было двенадцать лет, а я помню всё так отчётливо, словно это случилось вчера — взрыв и агония, повсюду пламя, словно разверзлись врата ада. И пустота. Меня собрали буквально по кусочкам, они называли меня счастливым, а я не знал, зачем мне продолжать жить. Моих родителей они спасти не смогли. Тогда я поклялся себе овладеть медицинскими знаниями в совершенстве и спасти столько жизней, сколько смогу. Друзья моей семьи усыновили меня, через четыре года родилась Маргарита — они стали для меня семьёй. И только попробуй причинить зло Маргарите, Даниэлле, Розе, или кому-либо из них — я не посмотрю на твои фокусы.

Джон слушал и одновременно ощупывал шею — всё ли цело:

— Прости, приятель, я не хотел... — виновато выдавил смуглый, — Не знал, что это вызовет такие болезненные воспоминания.

— Что-то не верю я твоей хитрой физиономии. Ну, да ладно, проехали... Мог бы уже перестать строить из себя неизвестно кого — с нами можешь не выпендриваться. Что ж, хоть ты и наглец, но ты мне нравишься — чувствую, что мы подружимся, приятель.

Джон покосился на молодого хирурга:

— Не сомневаюсь, — и они оба непринужденно рассмеялись.

— Пожмём руки, парень? — снисходительно предложил доктор, — Надеюсь, что могу теперь тебя так называть, молодой человек?

— Сочту за честь, док, — Джон первым протянул руку, и он на самом деле проникся уважением симпатией к этому человеку.

— И смотри, парень, не обижай мою сестру — по стенке размажу. Я предупредил, и мне всё равно — демон ты или смертный, — прошептал доктор, обнимая молодого человека.

— Не изволь переживать — я сам размажу по стенке любого, кто посмеет обидеть Маргариту, — ответил тот.

Доктор поймал горящий взгляд темных глаз Джона и... поверил словам этого мужчины и его чувствам. В душе он не сомневался в особом отношении Джона к Маргарите поскольку

сам был влюблён, но всё же сестра недавно пережила большую утрату — погиб её первый любимый человек и не хотелось бы ускорять события и ранить её чувства.

Молодые люди спустились в столовую.

— Мэг, ты знаешь, что мы всегда будем переживать за тебя, — доктор отвел сестру в сторону, — Главное, чтобы ты сама была уверена в том, чего хочешь ты...

— Я знаю — и благодарна за это, — кивнула в ответ Маргарита, убежденно продолжив, — Сейчас я чувствую, что это — тот человек, в котором я нуждаюсь. Я верю ему, и вас прошу поверить. Не для того же он спас меня, чтобы потом причинить зло, верно? — обескуражив его своей непоколебимой уверенностью, на которую способна только влюбленная душа.

Доктор был так возбуждён, что единственным способом его успокоить был поцелуй Даниэллы, чем та не помедлила воспользоваться, не дав ему закончить наставление.

— Дэни... — только и успел он прошептать.

— Ну, хватит уже, — девушка поднесла палец к его губам — Оставим в покое Маргариту и Джона и вспомним о нас с тобой. У них всё будет хорошо, а я так скучаю без тебя — ты много времени проводишь на работе, и каждый раз я просто схожу с ума, волнуясь за тебя и бесконечно тоскую.

— Вы меня соблазняет, мисс Кешью? — игриво усмехнулся Джек.

— Всегда, мистер! — она вызывающе тряхнула златокудрой головой.

— А ты права. Прости, родная, — Джек обнял девушку за талию и привлек к себе, запечатлев на её губах нежный поцелуй. В её объятиях молодой хирург забывал обо всём, — Запомни, я слежу за тобой, парень, — козырнул напоследок доктор, когда они со златокудрой удалялись в комнату.

Когда настало время укладываться спать, Джонни, взяв Маргариту и Розалинду под руки, поднялся вместе с ними в детскую, которая больше походила на музей кукол.

— Это сказ об истории одного мира. Мира, где, в начале начал, люди сражались с демонами за существование. Мира, где люди, победив демонов и обретя небывалое могущество, стали Богами. Мира, где Боги, бывшие когда-то людьми, забыли, кем они были и за что сражались.

Скрытый от любопытных глаз, жил народ, над которым стоял юный князь, правивший чудесным городом, окруженным высокими крепостными стенами, за которыми были величественные дворцы с мраморной резьбой и огромными залами, украшенными изящными орнаментами, инкрустациями из драгоценных камней и зеркал и яркими

росписями — словно застывшие кружева, дворцы, павильоны и храмы утопали в зелени многочисленных садов с дивными сладкоголосыми птицами, прудами и фонтанами. Счастливой и безмятежной была жизнь князя — правил он справедливо и мудро, прислушиваясь к советам своих верных советников. Не чужд он был работе — занимался ювелирным и плотницким делом, слыл славным воином и справедливым судьёй.

Однажды решил князь сам убедиться в том, что его народ ни в чём не испытывает нужды. Переоделся он простолюдином и тайно вышел из дворца. Увиденное за стенами родного дворца наполнило его сердце радостью, ибо народ его действительно не испытывал нужды. А возле фонтана на центральной площади увидел он прекрасную деву с томными глазами, бархатной кожей и шёлком сияющих волос. И потерял князь голову от любви — часто теперь покидал он дворец ночной порой, пока не оказалось, что девушка беременна. Князь в предвкушении грандиозного торжества, на котором он сможет разделить своё счастье со своим народом. Но, советники, с которыми у князя всегда были прекрасные отношения, быстро отрезвили его и вернули с небес на землю — они единогласно осудили князя и запретили ему и думать о женитьбе на простой смертной — во дворец уже спешит будущая невеста из соседнего княжества — этот союз был заключен родителями жениха и невесты ещё при их рождении.

Сердце князя охватила великая печаль — он всегда старался жить и править достойно, но не смог противостоять страсти, и теперь по его горячности пострадает женщина, которую он полюбил, и которой он ничего не сможет дать. Как он теперь посмотрит ей в глаза — князь готов был проклинать себя.

Скрепя сердце, он исполнил свой долг как правителя, и женился на благородной принцессе.

Свою возлюбленную князь смог устроить фрейлиной к новой королеве — так он хоть как-то смог позаботиться о ней и её детях — близнецах, мальчике и девочке, которых князь взял на воспитание, как приёмных детей.

Вскоре появился на свет законный наследник.

Старшего сына князь отправил постигать науки.

Но, ждало князя жестокое разочарование — после смерти слабой здоровьем королевы, законный его сын замкнулся в себе, отгородился от всего и всех. Он вырос человеком не просто нелюдимым, а заносчивым, упрямым и жестоким. И открыл тогда князь народу своему, что есть у него ещё один наследник — это был настоящий скандал.

Жизнь юноши, не знавшего своего отца, отдававшего предпочтение наукам и ремёслам, вдруг изменилась. Однако, его, полукровку и бастарда, презирали как выскочку за его трудный характер, нестандартное мировоззрение и боялись за его опасные способности, дававшие ему власть как над смертными, так и над Богами. Даже отец побаивался своего сына. А тот замкнулся в себе, с головой окунулся в науку — изобретал и конструировал орудия труда и оружие, и так было, пока не встретил женщину — одну из прекраснейших женщин, им льстило внимание друг друга, а страсть затуманила им разум. Когда стало ясно, что она ждёт ребёнка, они сыграли свадьбу, равной которой ещё не бывало в Небесном граде. Но, страсть ушла, а чувство так и не пришло... Даже родившийся сын больше не сближал их. Расставание было болезненным, хоть со стороны казалось вполне цивилизованным — без взаимных обид и упрёков. И была тьма... Словно омут поглотил

разум и душу — и была череда таких заведений, о которых не упоминают при столь юных особах, и сотни женщин и много выпивки, но, ни что не могло заглушить эту боль — она не проходила... лишь сильнее затягивая в бездну. И был свет... Спасительный Свет чистой души, что не подвластна Тьме.

— Ну, это не похоже на сказку, — недовольно поморщилась Розалинда.

— Да, принцесса, я же не говорил, что это будет сказка, я сказал — "история" — спокойно заметил Джон и выразительно посмотрел на Маргариту. Он уже собрался укрыть девочку одеялом, но, зевая и гоня от себя сон, Роза отчаянно сопротивлялась:

— Джонни, а ты споёшь мне колыбельную? — спросила она, — Тогда я обязательно засну!

— Истории тебе уже мало? Обещаешь, маленькая мисс жадина? — В ответ девочка утвердительно закивала головой.

— Хорошо. Эту песню пела моя мать, когда мы с сестрой были маленькими. Я помню её наизусть, — улыбнулся он, поправив подушки.

Эта колыбельная могла бы стать лидером любого хит-парада. Чистый и мягкий голос исполнителя предавал ей особый лирический оттенок, но от этого она становилась ещё лучше. Казалось, что в песню он вложил всю свою душу.

Маленькая слушательница уже мирно посапывала, положив руки под голову. На её лице застыла улыбка — значит, все старания были не напрасны.

Джон и Маргарита тихонько выключили ночники и вышли из комнаты.

Вот так стоять вместе на веранде, вдыхая ароматы вечерней прохлады — впервые за долгое время Маргарита была по-настоящему счастлива. В её голове звучал радостный перезвон тысячи колоколов, древний, как сама Земля...

Ей снова хотелось жить, любить и быть любимой.

Мужчина нежно обнял Маргариту за плечи. Они любовались закатом. Девушка посмотрела в его глаза, и в душе появилось такое ощущение, словно она может смотреть в них вечно:

— Господи, а ведь я все эти три месяца всё строила догадки — уж не приснился ли Ты мне. Как это, наверно, глупо — каждую ночь я, засыпая, просила Бога дать мне знак, что Ты был на самом деле, и что мы увидимся вновь. Жан, ты знаешь, как ты много значишь для меня? Тогда, после смерти Алессио, будто бы, и я сама умерла... Но, появился ты... Вернул мне веру и надежду, смысл жизни... Ты спас мне не только жизнь, но и душу. Мне не важно, кто ты — смертный или нет. С тобой мне хорошо и спокойно. С тобой я чувствую, как утихает моя боль. Я обожаю тебя... Нет, даже вернее... Если это не любовь, то я тогда не знаю, что это. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! — сказала это Маргарита и сама испугалась своих слов, своих чувств, своей смелости.

Его реакция заставила её сердце биться сильнее от радостного предчувствия, что она не обманулась, и этот удивительный мужчина из всего множества женщин мира предпочел её

— нескладную простушку, главным из достоинств которой было её большое сердце.

— Верить, я могу сказать практически, то же самое! — сердечно улыбнулся парень, — А мир изменился. И девушки в нём не пасуют. Мне это даже нравится.

— И как же ты отнесешься к девушке, которая первой признается в своих чувствах? — спросив, Маргарита подняла глаза на него, а в душе её надежда боролась со страхом: страхом, что всё это не реально, а плод её разыгравшейся фантазии, страхом, что это реально, но её отвергнут.

— Я её люблю, — ответил он, наблюдая, как расцвела от радости на её лице несмелая улыбка, — А как ты отнесешься к мужчине, который отвечает взаимностью? — спросил он шепотом, наклонившись к её уху.

— Я его обожаю, — тихо ответила она.

— Знаешь, ты ведь тоже согрела моё разбитое сердце, мой маленький ангел. После развода оно разрывалось на части — это грустная история, но как-нибудь я обязательно расскажу тебе её. Не знаю, как бы я выжил, если бы, не встретил тебя. Уже и не думал, что смогу снова испытать это чувство, а увидел тебя, и всё случилось само собой — вот так легко и просто. Я искал всю жизнь — Тебя. Я любил только Тебя — всегда. Ты — мой свет. Свет во тьме. Яркий, настоящий, единственный. Свет. Закрываю глаза — и вижу Тебя. Ты даёшь мне силу. Бессмертный демон, любящий девушку с чистой душой — столь прекрасную и светлую, безумно красивую и нежную, как роза, и такую же хрупкую и уязвимую. Я искал — Тебя. Только Тебя. Всю вечность. И тот эскиз, помнишь? Ты, словно дала мне силы, точно, нарисовала мою жизнь заново, воскресила меня из небытия. Лишь с тобой я могу снять маски и быть самим собой. Чувствую, что могу обо всём тебе рассказать, и ты примешь меня всегда, примешь таким, какой я есть.

— Это ведь не сон, правда? — тихо спросила Маргарита и провела рукой по его щеке.

— Это не сон. И я докажу тебе, — он склонился к ней и поцеловал, — Любимая! Счастье моё! Как же я долго искал тебя.

Его жаркие поцелуи сводили с ума:

— Не отпускай меня, — прошептала она и понимала, что именно для этого человека была рождена.

Всё, что было до него — было как в тумане, и только он сейчас — её реальность, её макрокосм и её галактика.

— Никогда, — понизив голос, ответил Джон и сильнее обнял, — Я лишь прошу дать мне шанс. Этот мальчик... Ал... думаю, он был славным парнем и хотел бы, чтобы ты была счастлива. И я... я тоже хочу, чтобы ты была счастлива. Клянусь, я сделаю для этого всё возможное. Я знал многих женщин, но теперь для меня существуешь только ты, я хочу только тебя, хочу всю, без остатка. Я так же готов принадлежать тебе. Принадлежать и телом, и душой, готов измениться для тебя...

— Алессио... Господи, Жан, прошу, не надо... — губы девушки задрожали, и от этого сладкого помешательства сердце колотилось как безумное, и она сама сейчас, наверное, была такой же безумной.

Джон прижал её к себе и осыпал лицо поцелуями:

— Зови его. Зови громче, пока горе не отпустит тебя. А я буду рядом.

У Маргариты закружилась голова, тело горело, руки и ноги ослабели — никто ещё

прежде не говорил ей таких речей, таких будоражащих и откровенных, таких нежных и страстных в то же время — и только его крепкие объятия удерживали сейчас её от падения из-за слабости в ногах. Волна новых, непередаваемых ощущений накрыла её сверх всего её существа — не зависимо от её желания. Она полностью вверяла себя этому человеку и не боялась раствориться в нём. Сейчас он рядом, и пусть не навсегда — Маргарита не сможет забыть его поцелуев, его объятий, его голос, его глаза, его улыбку. Она нашла своего Мастера.

Он поднёс к лицу прядь её волос, вдохнул запах её духов и крепче обнял, потом взял её руку и поцеловал:

— Ты вся дрожишь. Замёрзла? — точно трепещущая свеча на ветру, она не боялась сгореть, и не боялась погаснуть.

Маргарита подняла глаза, на щеках заблестели слезинки. Джон вытер их, обнял девушку и зарылся лицом в её волосы.

— Ну, чего ты, глупышка? Я обещаю любить тебя до последнего удара своего сердца, до последнего вздоха, обещаю быть всегда откровенным с тобой. И поверь мне, счастье моё, я всегда отвечаю за свои слова и свои действия.

— Я безгранично верю тебе, — улыбнулась девушка, — Любить, душой и телом, и судьбой... Превыше истины любой — прошептала она словами любимой композиции из мюзикла "Дон Жуан".

— Любить, желая власти над собой... За ложно прожитые дни... оправдан Богом и людьми... дыханьем истинной любви... — вторил он ей.

— Неужели Ты знаешь эту песню? — удивилась девушка.

— Я, действительно, пока ещё мало знаю о вашем мире, но, ваша музыка меня приятно поразила.

Мужчина снял с шеи кулон и надел его Маргарите:

— Это самая дорогая для меня вещь — она принадлежала моей матери. Думаю, она не будет возражать, если я подарю его любимой женщине. Я всего лишь бастард, но клянусь — постараюсь, чтобы ты ни в чём не нуждалась, найду работу и ещё стану знаменитым — ты мной будешь гордиться, — подмигнул он, — И я буду ждать Тебя сколько потребуется.

Он проводил девушку до её спальни, но в эту ночь Маргарита не могла уснуть...

Мысли, словно гонщики на трассе "Формулы-1", пронеслись на бешеной скорости в её голове.

И благодравие во плоти, и послушания тихий свет — той Маргариты не найти, той Маргариты больше нет, но, есть, узнавшая любовь — сильная и прекрасная, возрождаясь вновь и вновь — живая сердцем и умом, и это было — великое преображение любви.

И эхо имени "любовь" звучит ей в имени его — навек объявшего её.

Ноги сами привели её к двери комнаты, выделенной Джону, у которой она и остановилась, и замерла в ожидании. Чего? Что она собирается сделать? Что она может знать об этом? Аллесио поначалу серьезно не воспринимал попытки юного создания обратить на себя его внимание, и лишь вежливо-снисходительно продолжал держать дистанцию, но потом вынужден был признаться, и прежде всего — самому себе, что эта девочка его очаровала — милая, добрая и наивная. И надо же было — именно в тот

трагический день, за несколько минут до катастрофы он первый раз позволил себе поцеловать её, не говоря уже о том, что до интима у них так и не дошло. Потому-то Маргариту так и накрыло от поцелуев другого, потому она и дрожала сейчас как тоненькое деревце на сильном ветру, разрываемая страхом перед этим этапом отношений между мужчиной и женщиной, стыдом за свою смелость, стеснением совершенной неопытности в данном вопросе и влечением к этому мужчине и бесконечным доверием его признаниям. Она всегда старалась быть хорошей и послушной дочерью, но сегодня её не удержали бы ни какие запреты. Девушке, не знавшей ещё мужчину, не должно приходиться в мужскую спальню, но она не представляла уже себя без этого мужчины и желала познать его любовь до конца. Он не сможет сделать с ней чего-то, чего бы ей не хотелось, и о чем бы ей пришлось потом сожалеть. Набрав побольше воздуха в грудь и перестав дрожать, она решительно тряхнула головой.

В дверь постучали. Джон покинул душ, наскоро обмотавшись полотенцем, растирая ушибленную руку. На пороге стояла Маргарита:

— Прости за вторжение... — она подняла на Джона глаза, слегка краснея от вида его обнаженного мокрого торса.

— Какой приятный сюрприз, мадемуазель! Проходи, дорогая, ты же знаешь — двери моей комнаты для тебя открыты в любое время, — улыбнулся Джон, приглашая пройти.

— Обещай, что будешь нежен со мной, — лицо девушки было серьёзным, — Я ещё не... в смысле, я не была ещё с мужчиной... ты понимаешь, о чём я?

Какой-то миг он стоял застывший, ошеломленный, от неожиданности закашлявшись, потом подошёл к Маргарите:

— Стоп-стоп, задержи эту мысль, — шутливо произнёс Джон, — Ущипните меня — я сплю, и мне снится прекрасный сон? — Маргарита его легонько ущипнула, и уже оба заразительно смеялись.

Он замер, любуясь застывшим выражением растерянности на её лице, потом сказал всерьез, целуя тонкую девичью руку, от его тела исходил пьянящий жар и терпкий аромат парфюма:

— Понимаю... Ты точно этого хочешь? Я ведь не святой, Марго, могу и не сдержаться, — мужчина силой подавил рвущийся из груди собственный стон, приглушенно произнося вполголоса, его близкое горячее дыхание ощутимо было на ее коже, — Что же ты со мной делаешь? Что же ты...Что же... — он медленно протянул руку, дотронувшись кончиками пальцев, пропахших после душа ароматическими маслами, до ее щеки.

— Ты, говорил, что знал женщин, научи меня — я быстро учусь, — эти слова прозвучали словно вызов, — Ты помнишь их? Тех женщин, что делили с тобой постель?

Джонни подвёл Маргариту к зеркалу:

— Я их уже давно забыл, да и они меня, скорее всего, тоже. Это было только удовлетворение наших физических потребностей. С ними я надеялся заглушить свою боль, в них искал утешение, но сердце продолжало молчать — пока я не встретил тебя. Но я благодарен им за те эмоции, что они отдавали мне, за науку, дарить удовольствие той женщине, которую я искренне и всем сердцем полюбил. Посмотри внимательно — что ты видишь? Сперва, нужно возлюбить себя и своё тело. Скоро ты станешь прекрасной молодой женщиной — это самый восхитительный период перехода от детства к юности. Твоя кожа нежнее шёлка и гладкая, как бархат. Твои глаза сияют ярче бриллиантов. Ты прекрасна и

будешь ещё прекраснее. Истинная любовь — это не только страсть и желания плоти, но и духовная близость. Чтобы научиться получать наслаждение, нужно не стесняться говорить о своих желаниях и своих страхах. Любовь — это игра на двоих, магия двоих, и нужно уметь вести не только диалог тел, но и диалог словесный, ибо в этом великом таинстве, недосказанность — хуже всего, — прошептал он, но, положив руку на сердце, сомневался, что уже сможет остановить себя, — Ты абсолютно уверена? Я не хочу, чтобы ты делала это в угоду моему желанию, только если это желание будет обоюдным.

Мужчина был ещё достаточно молод, а уж до чего хорош собой — в том идеальном сочетании, когда юность была не столь давно, но благородные черты мудрости и опыта придавали его образу глубину и особую притягательность. И ценим женщинами он был не столько по физическим данным, коими природа щедро наградила его, и как любовник был хорош не только потому — а более оттого, что умел понимать женскую душу.

— Да, — только и смогла выдохнуть она, — бледными дрожащими губами прошептав его имя подобно мантре, и поселившаяся было в её душе ревность ко всем тем женщинам, что успели познать его раньше...так же скоро угасла, — Я ведь сама пришла, — они поддержали его, когда он в этом нуждался больше всего, подарив тот бесценный опыт обхождения с дамой, что будет теперь принадлежать только ей одной.

От этих слов у него подкосились ноги — она пришла... пришла к нему... Даже в самых смелых мечтах не мог он представить, что так скоро... Это было гораздо больше, чем он мог просить у Мироздания — но, кто он такой, чтобы спорить с ним.

Маргарита ещё не понимала, что сейчас имеет над ним власть не меньшую, если не большую, чем он над ней, с радостью принимая эту счастливую реальность, в которой рядом с ней был мужчина её грез — реальный, из плоти и крови, и его признания и поцелуи были подлинным проявлением чувств. И Маргарита совершенно и окончательно потерялась и запуталась, не понимая, день сейчас или ночь, где правая сторона, а где левая, где верх, а где низ.

А он всё не мог поверить, что сейчас она стоит перед ним — настоящая, такая живая, такая теплая и такая желанная, оказывая ему честь быть её первым мужчиной. О! Уж свой первый опыт он будет помнить до самого смертного одра: прекрасной рыжеволосой пришлось проявить немало терпения, чтобы направить пылкий нрав влюбленного мальчишки. Но даже тогда у него так не трусились колени, как теперь. И несмотря на печальный опыт первого брака, он не перестал преклоняться перед самым образом женщины, как таковой. А девочка была хороша, как восхитительный не распустившийся ещё бутон, обещавший сладкий нектар. Он задыхался от томительного предвкушения, и всё внутри разрывалось от двойственного чувства — такого до одури болезненного и сладостного затмения от одного вида и запаха любимой женщины, и он готов в полной мере принять ответственность за то, что сейчас произойдет — он снова чувствует и ощущает, живет и дышит полной грудью, и за это благо он не пожалеет отдать всего себя. Давно он не испытывал такого — с тех пор, как был пылким влюбленным юношей, которому жизнь успела преподнести свой суровый урок. И рядом с ней его защитная маска, которую он так тщательно создавал и исправно носил последние годы, раскололась, обнажив его настоящего — такого, которого она сумела разглядеть за всей показной веселостью и удалой бравадой, без богатств и громких титулов. И показалось, что его ресницы совсем не по-мужски увлажнились. "Господи, ну что же он собирается сделать? Что будет с этой девочкой?" — с настойчивостью сверлили мозг мысли, но он тут же сам себе отвечал, что ни за что не

допустит, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое и непременно защитит её от всего дурного и негативного, что может встретиться в её жизни. Стоило её маленьким пальцем прикоснуться к его щеке, как мужчина остро отреагировал сбившимся дыханием и учащенным пульсом, целуя горячо и нежно, трепетно и вместе с тем — откровенно смело, теряя контроль и не скрывая своего желания. Целовал так, словно она была глотком свежего воздуха, и он никак не мог насытиться. Они взаимно открылись друг перед другом в своих чувствах, и к своей радости, он мог не опасаться, что девушка оттолкнет его. Два начала в нем продолжали яростно бороться, разум безуспешно призывал остановиться, но совладать с влечением уже было выше его сил. Ещё немного — и он просто перестанет владеть собой, что не делает ему чести: Джон это отлично понимал. Ему уже давно не восемнадцать, когда вот так же, опьяненный страстью, не устоял перед чарами прекрасной рыжеволосой с глазами цвета чистых изумрудов. Насколько же они разнились: спокойная и уверенная в своей неотразимости истинная дива и эта хрупкая маленькая девочка, не достигшая ещё расцвета своей красоты и не осознавшая ещё до конца всей силы своей женской прелести и притягательности.

— Как пожелает моя госпожа, слушаюсь и повинуюсь, — Джон подхватил девушку на руки и отнёс на кровать, оставив бесплодные попытки не думать о ее невинном теле, — сочту за честь сегодня быть вашим рабом.

У Маргариты перехватило дыхание: на фоне белоснежных простыней его хорошо сложенное, загорелое тело казалось ещё смуглее и ещё роскошнее, маня и подчиняя себе её волю, настолько безупречное, что она невольно застеснялась себя (Маргарита спортом особо не увлекалась, и глядя на него подумала, что, видимо, стоит начать, если она хочет иметь такое же подтянутое и натренированное тело). Но, в его взгляде было столько обожания, а в его ласках — столько нежности и чувственности — и не было ни сил, ни желания сопротивляться, а он словил себя на мысли, что даже попроси она его сейчас остановиться, он уже не в силах будет этого сделать. Медленно он освобождал девушку от лишней одежды, покрывая её тело поцелуями, доводя до безумия, распалая и успокаивая одновременно, пока оба не предстали в своей первозданной наготе. Маргарите тяжело было дышать — словно волны захлёстывали и не давали вздохнуть, она судорожно ловила ртом воздух, все мысли выветрились из головы, всё тело словно онемело, периодически сменяясь приятным покалыванием. Она ощущала себя крошечной песчинкой в бесконечной вселенной, и только маяком сияли в темноте его глаза, он чувствовал то же самое и видел только её глаза и её губы, и для него они были слаще щербета и хмельнее вина. Весь мир был создан только для них двоих — как первородные Адам и Ева, они уже не помнили, кто они, как их зовут, всё, что было до — потеряло значение, всё, что будет после — обретало смысл только, когда они были вместе. К тому времени, как его плоть погрузилась в её тело, оно уже было готово принять его. Когда он вошёл, Маргарита тихонько вскрикнула, а её глаза раскрылись ещё шире от удивления — боль была не настолько сильной, как она себе представляла, а потом и вовсе исчезла, сменившись новыми, странными и непознанными ощущениями. Неопытность девушки с лихвой компенсировалась её энтузиазмом в стремлении доставить ему ответное удовольствие, доверившись ему — и от этого напрочь сносило крышу, отнимая остатки здравого смысла.

— Ой, блин, неудобно-то как, — девушка настолько смутилась, что не могла подобрать

слов, глядя на кровавое пятно на простыне.

— Не бери в голову, — отмахнулся Джон, — простыни, собственно для этого и были созданы, — Разрешите помочь Вам принять ванну, моя Госпожа. Вам спинку потереть, красавица? А плечики Ваши нежные помассировать? Или прелестные пяточки?

Влажной губкой он обтёр её тело — плечи, руки, спину, ноги...

— Боже, это так... — Маргарита не находила, что сказать, — Я думала, что так чисто и возвышенно бывает только в книгах.

— Моё прелестное дитя, — Джон завернул её в полотенце и отнёс назад в комнату, — Ну, вот так-то лучше — тебя бы ещё плотнее запеленать, совсем на мою сестру в детстве похожа будешь. И, разрешите представить Ваш ужин, Госпожа — вино и фрукты поданы.

С бокалом вина парень вышел на балкон:

— Марго, подойди сюда — посмотри, какая ночь прекрасная! Какие звёзды! Как красив ночной город!

Девушка подошла, он обнял её:

— Свет моей жизни, а Ваш отец, не из пиратов будет?

Маргарита непонимающе заморгала.

— Он, верно, похитил пару звёзд с неба, и теперь они сияют в твоих глазах. И дороже всех сокровищ мира это сияние. Я смотрю в них и вижу своё счастье. Вижу себя твоим мужем, а тебя — матерью наших детей.

Раздвигая настежь ставни, впуская в комнату звуки и запахи ночного города, парень отставил бокал с вином и подошёл к краю балкона, к самой кованой решётке, раскинул руки и, запрокинув голову, прокричал на всю улицу:

— Мир, я люблю Тебя! Я люблю! Люблю...

В это мгновение за спиной у него появились два алых крыла.

У Маргариты дух перехватило от удивления:

— Как ты... то есть что... Ой, тьфу, какая же я впечатлительная. Я хотела просить — почему крылья не белые? Ой, прости. Я такая бестактная... — снова смутилась Маргарита.

Он улыбнулся:

— Я тебя пугаю?

— Конечно, нет — она отрицательно замотала головой.

— Тогда, разрешите Вас пригласить на ночную прогулку, Госпожа? — парень протянул руку, — Ты мне веришь?

— Ты просто сумасшедший, — улыбнулась Маргарита.

— Что поделать, Свет моей жизни — ты лишаешь меня остатков рассудка, — Джон обнял девушку.

И засыпая в крепких объятиях, под мерное дыхание, ощущая тепло и запах его тела, Маргарита так и уснула с легкой улыбкой на устах, и сон её был спокойным и умиротворенным под ровный ритм биения его сердца рядом.

Поутру, сладко потянувшись, Маргарита открыла глаза — солнечный луч скользнул по гардинам. С лоджии доносился аромат свежесваренного кофе. Окончательно вернул девушку к реальности звук мобильного — Маргарита нащупала его на столике рядом с кроватью.

Сработала напоминалка — сегодня прилетает из ЮАР старший брат Даниэллы — Питер, проработавший год ветеринаром в Национальном парке Крюгер. Маргарита обещала после занятий помочь подруге подготовить его комнату.

Ещё раз потянувшись, девушка, наконец, встала, накинула халат и вышла на лоджию — Джон уже пил утренний кофе, любуясь садом.

Она подошла к нему сзади и обняла за плечи:

— Доброе утро, "мистер — ямочки на щечках", — промурлыкала Маргарита.

Джон поднял свои чёрные, в обрамлении пушистых ресниц, глаза на девушку и улыбнулся:

— Утро доброе. Дитё моё! Уже проснулась? Ты так сладко спала, что было бы кошунством будить тебя.

— Как хорошо, что нам сегодня на занятия к третьей паре, — улыбнулась она, — Жан, та история, что вчера ты рассказывал Розе — это ведь история о тебе?

— Прости, совсем загрузил тебя, да? — усмехнулся парень, — Даже не знаю, что на меня нашло — мне практически не с кем откровенничать, а тут, как прорвало. Вы приняли меня не за титулы или богатства, а просто как человека — это дорогого стоит.

— Совсем даже наоборот, — горячо заверила его девушка, — Меня интересно всё, что связано с тобой.

— Ловлю на слове — мы ещё обязательно вернёмся к этому разговору. Слушай, если ты не против, то я бы хотел познакомить тебя со своей семьёй.

— Ты это, что — серьёзно? — Маргарита не нашла других слов от удивления.

— Абсолютно серьёзно, — ответил Джон, и это была суцая правда.

— С огромным удовольствием, только мне нужно сначала морально подготовиться, — взволнованно ответила она, — А бы так хотела представить тебя своим родителями, чтобы самые дорогие мне люди познакомились. Уверена, что ты понравиться им.

Идиллию прервала Роза, постучавшая в дери. Нехотя, Джон пошёл открывать:

— Доброе утро, принцесса! Уже встала? — парень погладил девочку по голове, отвлекая её внимание, пока Марго прошмыгнула в ванную комнату, но план провалился, и Розалинда увидела девушку в дверной проём — Маргарита поднесла палец к губам, давая знак молчать, девочка в ответ хитро прищурилась и состроила смешную рожицу.

— А, вот интересно мне, — заметила Розалида, — Джек в курсе, чем это вы тут занимаетесь? — с наигранной серьёзностью заявила она.

— Да, ты, оказывается, ещё и шантажистка, — растянул улыбку парень, — И что же хочет принцесса за молчание?

— Я ещё не решила — счёт пришло потом, — девочка залилась звонким смехом — Шучу я, шучу! Но, на всякий случай, не забудь, что ты мне должен.

— Ну, и молодёжь пошла, — развёл руками Джон, — И где только ты такого нахваталась?

К тому времени, когда в столовую спустились Дэни и Джек, они уже принялись за завтрак, и Джонни царственно восседал между Маргаритой и Роза:

— Не стесняйтесь — присоединяйтесь к нашей скромной трапезе, — предложил он, жестом указывая на свободные места за столом.

— А скажите мне, милые дети — кто почти всю горячую воду израсходовал? — в шутку нахмурил брови доктор.

— А в чём, собственно, проблема? — спокойно заметил Джон, — Ну, придётся вам душ принимать вместе, — хитро улыбнулся он, — Ладно уж — можешь не благодарить. Если мы не дождёмся вас, то завтрак разогреете сами — зря я, что ли всё утро старался — готовил?

— Ага, — добавила Розалинда, — Джонни — настоящий клад, а как готовит: ладно я — ребёнок, а вот вам с Марго не мешало бы поучиться у него. Если хорошо попросите, так и быть — оставим вам этой чудесной курицы, запеченной с персиками.

— Так, значит заговор, да? Вы просто невозможные, — усмехнулась белокурая.

— Мы тебя тоже очень любим, Данечка, — хором ответили Джонни, Маргарита и Роза.

— Но, их совет мне определённо понравился, — Джек приобнял Даниэлла, — Можете нас не ждать.

— Я ещё не дала своего согласия на это предложение, мистер, — наигранно возмутилась девушка.

— Но и не отклонили его, мисс, — улыбнулся мужчина.

После завтрака у всех было полно хлопот.

Маргарита как раз направлялась в сад, присоединиться к остальным, когда раздался звонок в дверь, и девушка пошла открывать.

— Сантехника вызывали? — улыбнулся молодой человек в униформе и зелёной бейсболке.

— А... но... Сейчас я позову хозяйку дома... Ой! — девушка не смогла удержаться от смеха, — Питер, у тебя ус отклеился!

— Салют, Мэгги! Смейся, смейся — не тебе усы отклеивать. Блин! Больно же, — недовольно поморщился парень, но его изумрудные глаза улыбались. Он снял бейсболку, и локоны каштановых волос рассыпались по плечам.

— Ах, Питти! Как здорово, что ты вернулся, — Маргарита обняла парня, — Только мы ждали тебя вечером. Почему не предупредил, что будешь раньше?

— Я тоже рад, Мэг! А причина проста и банальна — мой рейс поменяли, а телефон совершенно некстати заглохло — не забыть бы разобраться, в чём там проблема. Я за вами так соскучился. А где все?

— Мой брат в библиотеке, Роза сейчас спустится — за ней скоро придет школьный автобус, а Дэни, кажется, в саду. Питер, твоя комната уже приготовлена.

— Спасибо, побегу поздороваться! Ещё увидимся, "дикарочка"!

Парень ловко словил брошенные Маргаритой ключи.

— Пит — вредина, сколько уже можно вспоминать моё детское прозвище? — девушка показала ему язык, Дэни первое время сокрушалась, что не вышло сосватать ей своего брата Питера, но для Маргариты он был словно её собственный брат — настолько близки они были, она даже представить себе не могла другие отношения с ним, кроме братско — дружественных. А с появлением в её жизни Джона, который по достоинству оценил её душевные (и не только) качества — этот вопрос сам собой отпал. Но ни Даниэлла, ни сам Питер не унывали — ведь их жизнь только начиналась, и он ещё несомненно встретит свою ту единственную, которая станет отрадой его сердцу и усладой его телу.

— Ну, ладно тебе! Я же любя, кошечка! — Питер подошёл и взъерошил чёлку Маргариты.

Малышка Розалинда съехала по перилам и угодила парню прямо на руки:

— Приветик, братишка!

— А кто тут у нас мелкий непоседа? — Питер легко ущипнул девочку за щёку и усадил на плечи:

— Пойдём-ка проведем нашу Данечку!

Джон в это время беседовал с Даниэллой на тему ландшафтного дизайна для сада:

— Хм... А мне нравится твоя задумка, — она понимающе закивала своей златокудрой головой, — Только, как же твоя рука? Ещё болит?

— Благодарю за беспокойство — уже намного лучше, — и, в доказательство своих слов, Джон подхватил девушку на руки, закружил и снова поставил на землю, растянув губы в довольной улыбке.

— Леди Дани, не забыла ещё своего брата? — поприветствовал сестру Питер.

— Пит! — девушка бросилась брату на шею, — Добро пожаловать домой!

— Вижу, тут ничего не изменилось. Дом — милый дом. Как всегда тутлюдно и весело, — не удержался от улыбки Питер.

— Познакомься, это — Джон, друг Маргариты и наш друг. А это — мой старший брат Питер, — девушка представила молодых людей друг другу.

— Очень приятно, — улыбнулся смуглый мужчина.

— Взаимно, — ответил Питер, — У меня, кстати, тоже будет парочка дизайнерских идей для сада — обсудим на досуге.

Молодые люди пожали друг другу руки.

Вдруг, не удержавшись на ветке дерева, что росло возле бассейна, Маргарита упала прямо в объятия Джона:

— Прекрасная работа. Спасибо, что не дал упасть, — невинно улыбнулась миниатюрная брюнетка.

От неожиданности мужчина потерял равновесие, и они оба свалились в бассейн, обрызгав Даниэллу и Питера, чем весьма позабавили последних. Джонни и Маргарита переглянулись, подошли к бортику бассейна — Джон обнял златовласую за талию и потянул назад. Через минуту она тоже была в воде, мокрая с ног до головы. Маргарита проделала то же самое с Питером. И вот уже хохотали все четверо и Розалинда.

— Марго, ну сколько можно — тебе уже скоро восемнадцать лет, а ты всё находишься на одном уровне развития с Розы, — вздохнула Даниэлла.

— Я больше так не буду, — Маргарита скорчила виноватую рожицу, прикрыв рот ладонью, чтобы опять не рассмеяться.

— Ну, перестань уже — с плохим лицом останешься, — отмахнулась блондинка, — Нам теперь нужно переодеться, и по-быстрому, если не хотим опоздать в колледж.

Джона оставили на хозяйстве — Даниэлла встретила его у двери в библиотеку:

— Неужели — в ранний час, да в библиотеку?

Парень рассмеялся:

— Не поверишь — сам себе удивляюсь. Буду навёрстывать пробелы в самообразовании. Я ещё мало знаю о вашем мире.

— Похвально, — одобрительно заметила девушка, — Интернетом пользоваться умеешь?

— Не дурак — разберусь, — без ложной скромности заявил Джон, — Кое-что должно быть и в голове — мозг, как и мышцы, нуждается в постоянных тренировках и развитии. У вас кабельные каналы показывают? Там по "Дискавери" передачи интересные. И надо будет подумать на предмет ноутбука.

— Дэни, дорогая, мы уже готовы ехать — Маргарита наконец соизволила закончить переодевание и ждёт нас во дворе, — только Джек собрался обнять девушку, как их с Даниэлкой мобильные зазвонили одновременно. И девушка, и молодой хирург, извинившись, отошли ответить на звонки. Через пару минут оба вернулись.

— Джон, для тебя нашлась работа, — в один голос воскликнули Даниэлла и Джек:

— Даму вперёд, — улыбнулся доктор, — Какое ваше предложение, леди?

— Моя тётушка договорилась насчёт места преподавателя физкультуры в наше

колледже — как думаешь, потянешь?

— Да не вопрос — справлюсь, — утвердительно кивнул головой Джон.

— Тогда, что скажешь на предложение подрабатывать в моей клинике санитаром? — предложил Джек, — График — сутки-трое, будешь попадать со мной на дежурства, и времени на личную жизнь должно хватать — для начала, по-моему, неплохо. А потом подберёшь себе более престижную работу.

— Вы — настоящие друзья, — Джонни обнял обоих, — Поверьте, я этого не забуду, ребята. Мне действительно нужна эта работа, и я приложу все усилия, чтобы не подвести вас.

— Вот Мэгги удивится, — хитро прижмурилась Дэни.

И Маргарита определенно будет удивлена, но несколько позже, а пока — с ней и её подругами начали происходить, по меньшей мере, странноватые вещи, начиная прямо с этого дня, и прямо в колледже.

— Ой, девочки! Угадайте, кого я только что видела в преподавательской? Сама бы не поверила, если бы не видела собственными глазами, — взволнованно заговорила Джастина, присаживаясь за столик рядом с подругами. Встреча с белокурой изменила замкнутую девушку, за которой закрепилась слава опасной и нелюдистой из-за её неестественной физической силы и твердости характера, не свойственной женскому полу. В душе же — это была нежная и ранимая натура, которая постепенно стала раскрываться в тепле дружеских отношений, очаровывая всех вокруг своей необыкновенной женственностью и милыми девичьими увлечениями в виде шитья, кулинарии и романтического чтения. А та самая её легендарная сила помогла ей встретить парня её мечты, которому она помогла отбиться от напавших на него вечерней порой хулиганов, когда Джесси случайно оказалась неподалеку и обладая обостренным чувством справедливости не могла при неравном соотношении сил не вступить за светловолосого сероглазого юношу по имени Дениэл, по которому уже давно вздыхала.

— Уж, не призрака ли, — усмехнулась Даниэлла.

— И кого же ты видела? — заинтересовалась Маргарита, — Рассказывай, не тяни.

— Я думала, это ты нам расскажешь, что ОН тут делает, — Джастина с явным удивлением посмотрела на неё.

— А почему, собственно говоря, именно я, — непонимающе заморгала Маргарита.

— Ну, вот — вздохнула светловолосая, — сюрприза не вышло.

— Вы о чём, вообще? — не унималась Марго, — И что за сюрприз?

— Мэгги, — лениво протянула Даниэлла, — А давай ты наберёшься терпения и дождёшься физкультуры, ладно? А то такую идею испортишь. Хорошо?

Внезапно, в руках у Маргариты лопнула чашка с кофе. Девушка инстинктивно отскочила в сторону и чертыхнулась не по-женски.

Саму Маргариту в своё время многие боялись и избегали общения с ней — и всё из-за её странных и необъяснимых способностей, и от самых злобных недоброжелателей можно было услышать, что она ведьма, которой ничего не стоит сглазить человека. Дети порой бывают ужасно жестоки. В младших классах она сменила несколько школ, но порой чувствовала себя такой одинокой, пока не познакомилась с Даниэлкой. Златовласая не обращала внимания на разного рода слухи и сплетни и выбирала себе друзей по сердцу. И вот, через какое-то время Маргариту уже было не узнать — озорная и жизнерадостная, какой и должна быть девушка в её возрасте.

Дэни помогла ей собрать осколки:

— Ты, как — в порядке? Это что было? — обеспокоенно поинтересовалась она, — Хоть не порезалась? Ты уж, поосторожнее, ладно?

— Ничего не понимаю, — пробормотала Маргарита, — Как мог кофе снова вскипеть у меня в руках? — а про себя подумала: — Господи, и что за бред я несу. Подумают ещё, что ненормальная.

— И вовсе ты не ненормальная — нечего на себя наговаривать, — белокурая попыталась она успокоить подругу.

— Что ты сказала? — изумилась Марго, — То есть, ты что, слышала мои мысли?

— В самом деле, что ли? Что я только что сделала? — не меньше удивилась Даниэлла, — Ты точно уверена?

— Так, подруги, мне уже начинать вас бояться? Вы меня пугаете, — Джастина посмотрела то на одну, то на вторую, и в глазах всех троих было недоумение.

— Доброе утро, девочки! — мимо столиков столовой к ним легкой походкой направлялась рыжеволосая Эллен, её волосы и блузка были мокрые, девушка спешно обтиралась бумажным полотенцем, — Так, сейчас я должна сесть и успокоиться, — она присела рядом с подругами, — Вы только посмотрите на меня. Хотя, нет, лучше не надо — ну, как я в таком виде покажусь на парах? Что ж за невезение такое — ну, почему кран в дамской комнате должен был сломаться обязательно на мне? Ой, простите! У вас тут тоже что-то случилось? Что за лица такие? — многие ошибочно принимали застенчивость и некоторую манерность этой девушки, плавность её движений и медлительность её речи за

высокомерие и заносчивость гордячки, хоть на самом деле девушка просто была очень стеснительна и неуверенна в себе, что очень мешало ей сходить с людьми, но теперь в окружении друзей она расцвела и раскрылась подобно нежному цветку, обладая не только высоким интеллектом, но и добрым и отзывчивым сердцем.

— У нас всё в порядке, Эл. Тебе помочь или сама справишься? — Джесси протянула ей чистую салфетку, чтобы та протёрла протерла свое лицо. Внезапно рыжеволосая так и подпрыгнула на стуле, испуганно глядя на сероглазую подругу.

— Сегодня явно не наш день, — хмуро пробурчала Маргарита.

— Да ладно тебе. А что собственно такого страшного произошло? Ничего, просто неудачное совпадение — только и всего, — ответила Даниэлла, — Мы просто переутомились, вот и лезет в голову всякое.

И кульминацией потрясений в тот день стали занятия в спортивном зале:

— Курс, стройся! Добрый день, леди и джентльмены! Разрешите представить вам нового преподавателя — господина Джаньяна Кхана. Он теперь будет вести у вас занятия и факультатив по самообороне.

Перед ними стоял ни кто иной, как Джон собственной персоной — его волосы были собраны в хвост, а в выборе спортивного костюма он остался неизменно верен кроваво-алым оттенкам.

— Добрый день курс! — поздоровался Джон — Как, говорится, в здоровом теле — здоровый дух. Это я и попытаюсь донести до вас на своих занятиях.

Маргарита закашляла от неожиданности и, на всякий случай, протёрла кулачками глаза, как это делают маленькие дети.

— Марго, ты челюсть-то подбери, а то уж как-то неприлично, — Дэни дёрнула её за рукав, — Ну, как — ведь удался нежданчик? Мне удалось убедить тётю Джульетту, что он — родственник самого Салман Кхана, основателя Академии Кхана, и ему необходима наша поддержка.

— Не то слово — у меня до сих пор мурашки по коже, — вздохнула Маргарита, — Ну, удружила, так удружила, подруга. Я даже не знаю, как мне теперь себя вести. Но — за Джона, я, конечно, рада. Спасибо, дорогая, что помогла ему, и тётушке передай мою самую искреннюю благодарность.

— Да не за что, — улыбнулась блондинка, — Да, Джон со своими тараканами в голове, но у кого их нет, а тебя я знаю с детства — если ты ему доверяешь, то и мы будем доверять.

03. Кто я?

Катастрофа... боль... и полная пустота...

Мозг высвечивает последние несвязные обрывки воспоминаний...

Потом провал... и больничная палата...

Вновь рождённый пытается воссоздать забытую жизнь, и лишь осколки ощущений, хранящихся в подсознании, помогают приоткрыть дверь в утерянный мир и найти себя.

Память возвращается: всплывают имена, лица, фразы — кажется, одна из страниц жизни восстановлена...

Но, сколько ещё таких страниц придётся перелистнуть, пока вся книга полностью не уложится в воспалённом сознании...

Ян Флеминг

Если бы можно было предугадать, какие испытания подготовит судьба, и отвести самые тяжелые из них...

Но, разве думаешь о таких вещах в ясные солнечные дни, наполненные любовью, теплом и ароматом цветов и трав? Тогда они ещё не знали, что радужным мечтам влюбленных Джона и Маргариты об их совместном безоблачном будущем суждено быть отсроченными по воле рока. И такое ожидаемое знакомство с семьей своего избранника состоится для Маргариты гораздо позже, чем они планировали.

В письме к матери, Джон во всех подробностях описывал достоинства своей возлюбленной и свою решимость и готовность к ответственному шагу представить девушку и просил их с отцом благословения официально принять девушку невестой. В свою очередь, и Марго подготавливала своих родителей к знакомству с парнем, умолчав пока только о его необычных способностях и оставив до личной встречи обсуждение интимной стороны их жизни — в ожидании поддержки и женского совета.

Но, у судьбы были свои планы... Не даром говорят, что у всего в жизни имеется смысл, и за каждым новым поворотом открывается новая страница жизни — и пусть не всегда она начинается с красивой резной заглавной буквы, главное, какие мы можем вынести уроки и

каким опытом обогатиться. А ещё говорят, что истинность отношений познается в самые сумрачные дни, а заслуженное счастье — и ощущается сильнее, и ценится гораздо больше.

В тот день занятия закончились раньше обычного.

Дэни и Марго попрощались с подругами и направились навестить Джека.

Ева лишь мечтательно закатила глаза, которые сейчас были цвета морской волны, что невероятно красиво сочеталось с оливкового цвета загаром и светло-рыжими волосами. Подобно морским глубинам, меняющимся под властью погодных условий, глаза её меняли цвет в зависимости от настроения девушки. Юная полка недавно перевелась, но уже успела найти себе друзей и покорить сердце Питера — у них нашлось много общего: оба любили природу, животных, были вегетарианцами, кроме того, девушка обладала феноменальным слухом и прекрасным голосом — подруги обожали слушать, как она поёт, а также сама сочиняла музыку и писала стихи.

Джастина вложила во взгляд всё своё обаяние, и обняла Дэна, от чего тот расплылся в блаженной улыбке, и оба отправились в кинотеатр.

Остальные решили пойти на пляж.

Доктора девушки застали как раз во время сдачи смены. Они немного поболтали за чашечкой кофе в ординаторской.

— А неплохо ты тут устроился, ни-сан (уважительное обращение к старшему брату, яп.), — заключила Маргарита, осматриваясь по сторонам, удобно расположившись в большом докторском кресле, — А Жан не с тобой разве?

— Прости, сестричка, он сегодня на выезде с другой бригадой, — развёл руками молодой хирург.

— Ладно, я, пожалуй, побегу — не буду портить вам романтику. Зайду в магазин — и домой, — продолжала весело щебетать девушка, собирая сумку.

— Тогда увидимся вечером дома, — маленькая брюнетка попрощалась с братом и подругой, поцеловав их перед тем, как легкой счастливой бабочкой выпорхнула из помещения.

— Ну, вот — "Джульетта" умчалась на свидание, — заметил доктор, улыбнувшись.

Светловолосая нежно обняла его:

— А я уже нашла своего "Ромео" и никуда не отпущу.

Распрощавшись с ними, Маргарита ещё не знала, что сегодняшней день изменит её жизнь навсегда...

Она и предположить не могла, что когда решит срезать путь по кратчайшей дороге через дворы, её инстинкты предательски смолчат, запуская целую цепь последующих событий, а ведь ещё в раннем детстве каждому ребенку, наверняка, заботливые мамы или бабушки читали известную сказку о девочке в красной шапочке и о том, как опасно сворачивать с прямой дороги в сомнительной местности. Это потом, уже спустя много лет, Маргарита будет уже воспринимать всё произошедшее в несколько ином свете — что так, видимо, угодно было провидению, чтобы произошло именно то, что случилось, и девушка открыла бы в себе скрытые доселе способности.

Насторожиться девушке пришлось, когда она каким-то шестым чутьем ощутила подозрительное шевеление теней в глубине темной подворотни, а потом трое парней преградили ей путь:

— Посмотрите-ка, какая куколка забрела в наши края! — лица этих трёх типов явно не внушали доверия.

— О, o-ops! Эти точно мороженого не купят, — думала Маргарита, соображая, как ей выпутаться из этой ситуации.

— В чём дело, крошка, не хочешь развлечься? — ухмыльнулся один из троицы, видимо, он был у них главным.

— Ну, что вы, мальчики! Я не достойна такой чести, — и откуда что взялось, но девушка вспомнила Джона, вспомнила, как много всего хотела осуществить в своей жизни, и смелость сама пришла к ней, она резко швырнула сумочку в главаря наглой шайки, и, не замедлив воспользоваться замешательством, убежала через проходной двор.

— Вот сука! — лицо парня исказилось звериным оскалом, — А вы чего ждёте, идиоты — за ней! Если она останется жива, то пусть считает, что ей крупно повезло. Следующим, кто разденет её после нас, будет патологоанатом, — выругался парень, вытирая кровь с рассечённой губы.

— Ну, почему? Почему?! Почему это случилось именно со мной? — думала Марго, спасаясь от погони.

Она уже не помнила, сколько кварталов пробежала, но преследователи не отставали. Маргарита даже не заметила, как выбежала на проезжую часть. Пронзительный визг тормозов — это было последнее, что запомнила она, а потом — тьма. Девушка, словно проваливалась в чёрную дыру. Она вскрикнула и упала...

Молодой водитель перепугался до смерти — девушка появилась так неожиданно, что, как он ни старался, но машина тормозить уже не могла — слишком поздно.

Маргарита лежала на асфальте — окровавленная, без признаков жизни.

Водитель из ближайшего кафе позвонил в полицию и вызвал скорую.

Поняв, что теперь тут ловить нечего, преследователи исчезли в неизвестном направлении.

Не подозревая, какая трагедия приключилась с Маргаритой, её брат и подруга собирались домой:

— Подожди, пожалуйста, дорогая, я сейчас переоденусь, и мы поедем домой, — Джек поцеловал Даниэллу и пошёл сменить врачебный халат на костюм в духе начала века.

В этот момент в комнату вбежала взволнованная медсестра:

— Доктор, вас срочно вызывают в операционную, — она была настолько встревожена, что с трудом подбирала слова, — Ваша сестра... Она доставлена в клинику в критическом состоянии. При ней не было никаких документов, её опознала бригада скорой помощи, и сразу же привезли к нам.

Джек весь побледнел и прислонился к стене. Дэни тоже была потрясена, её мозг отказывался принимать такую реальность.

— Операционная готова? — наконец заговорил молодой хирург, — Соберите бригаду — лучших из лучших. И дайте мне карту, заполненную в приёмном отделении. Я иду мыться и переодеваться.

Положение Маргариты было, и в самом деле, крайне тяжелым. Сейчас трудно было сказать что-нибудь определённое: девушка была на грани жизни и смерти.

В операционной её подключили к целому ряду аппаратов.

Датчики приборов регистрировали весьма слабые жизненные показатели.

— Ну, ты даёшь, девочка! Но, даже не вздумай умирать — ты у меня будешь жить! — ругался Джек, — Что это ты вздумала? Я тебе не дам умереть, слышишь — я спасал и более

тяжёлых больных.

Ему пришлось проявить всё своё врачебное мастерство, и от него теперь зависела жизнь близкого человека.

Выйдя из операционной, он медленно осел по стенке и дрожащей рукой вытер марлевой маской пот с лица — это было самое трудное, практически экстремальное, испытание его навыков и способностей.

Как только сообщили домой, ребята сразу же примчались в больницу.

Маргариту уже перевели в палату интенсивной терапии.

Джон немедленно засыпал доктора вопросами:

— Что случилось? Как Марго? Что с ней?

— Не знаю я! Чёрт возьми, я врач, а не Бог! — мужчина сел на кушетку, обхватив голову руками, всё ещё пытаясь унять дрожь во всём теле.

— Ты — хирург от Бога, — Джон положил руку на плечо друга, — А, значит, нам не о чем волноваться.

— Я сделал всё, от меня зависящее. Если её состояние не стабилизируется, то... Даже не хочу думать о таком исходе. Спасти Маргариту может только чудо, и это чудо должно быть в ней самой.

Парень сел на стул рядом с кроватью Маргариты и взял девушку за руку:

— Милая моя девочка... Ты меня слышишь, я знаю... Знаю, ты сама должна решить — будешь ли ты нами. Я хочу, чтобы ты знала, как мы тебя любим. Как я люблю тебя. Возвращайся — нам ещё столько всего нужно успеть.

— Держись, девочка! Выздоровливай. Мы ещё погуляем на твоей свадьбе, кузина, — столько было любви и нежности в словах кузена Маргариты — Этьена, его серо-зелёные глаза приобрели совсем болотный оттенок, что выдавало его внутренние переживания. Эллен держалась из последних сил, уткнувшись в плечо брата.

Питер пытался успокоить впечатлительную Евангелину.

— Как же это несправедливо — Маргарита так любит жизнь, — прошептала Даниэлла, сдерживая слёзы.

Дэн поддерживал под руку Джастину — её лицо было перепачкано потёкшей тушью.

Потом появились те, кого следовало ожидать:

— Доктор, прошу прощения, — в палату вошла медсестра, — Господа из полиции хотят поговорить.

— Стелла, передай им, что я сейчас выйду, — устало произнёс доктор.

В коридоре его уже ожидали двое полицейских вместе с молодым шофёром, который сбил Маргариту:

— Извините, но, мне необходимо было знать, как прошла операция. Девушка оказалась на дороге так неожиданно. Я как я ни пытался, но, в такой ситуации, успеть затормозить было невозможно, но, поверьте, мне от этого ни чуть ни легче.

— Разрешите представиться — капитан Уилсон, — протянул руку полисмен, тот, что был старше, как по возрасту, так и по званию, — Со мной сержант Ховард. Простите, что отвлекаем, доктор. У нас к Вам просьба — сообщите, когда девушка придет в себя и с ней можно будет побеседовать. Нашлись свидетели, которые утверждают, что её преследовали трое парней. По их показаниям составлены фотороботы — требуется опознание, судя, по всему, за ними много тёмных дел числится.

— Да, конечно. Я Вам позвоню, когда вы сможете поговорить с ней, — молодой хирург поспешил распрощаться с ними, всё ещё переваривая информацию.

— Благодарим за сотрудничество, док, — попрощался капитан.

Больших усилий стоило молодому хирургу пересказать услышанное друзьям, снова мысленно переживая эту нелепую трагедию:

— Вот такая история, — мужчина закончил рассказывать то, что ему удалось узнать от полицейских.

— Ох, ничего себе "в магазинчик сбегала", — тяжело вздохнула златовласая.

Джон вскочил со стула:

— Чёрт, ну почему меня там не было?! Если бы я только знал, — от злости на собственное бессилие, он так стукнул кулаком по стене, что мышцы свело от боли, — Эти подонки уже мертвы! Только они ещё не знают об этом.

— Сядь и успокойся! — рявкнул Джек, — Думаешь, я не хочу вот тем самым скальпелем, которым только что оперировал, снять с них кожу себе на новый чемодан? И кто им подпишет смертный приговор? Ты, что ли? И уподобишься этим уродам? Считаешь, Маргарита одобрила бы это? Не знаю, как там у вас решают проблемы, но мы оставим это дело полиции. Я не позволю тебе вершить самосуд.

Молодой хирург подошёл к шкафчику и достал бутылку виски:

— Налить? — предложил он ему кивком.

Тот так же кивнул в ответ.

— Если она умрёт, то и все девять кругов Ада меня не остановят, — молодой человек залпом осушил бокал.

— Или ты замолчишь сейчас же, или отправишься домой. Понял? — не выдержал Джек.

Дня выписки все ожидали с волнением, но когда друзья увидели Маргариту, то мурашки пробежали по телу: бледная, сильно исхудавшая, с перебинтованной головой — такой они увидели её. Но и в таком состоянии, она оставалась для них близким и родным созданием...

Джон с Даниэлой помогли Маргарите приподняться и принять более удобное положение.

Она смотрела по сторонам во все глаза, и в этих глазах можно было прочесть безграничную боль и тоску — до того девушка была напугана, как маленький ребенок, потерявшийся в огромном городе, и не знающий в какую сторону и шаг ступить без подсказки взрослых. Все эти люди, что сейчас смотрели на неё, смущали и пугали её:

— Кто я? Где я? Что со мной случилось? И почему столько людей? Что им нужно? Не надо много людей — я боюсь, — Маргарита захотела свернуться калачиком, но попытка, к её ужасу, не удалась, отразившись подлинной паникой на её лице, — О, нет! Ноги! Мои ноги! НЕТ!!! — девушка закричала от боли, пронзившей всю её насквозь, до головокружения и тошноты, и по её щекам потекли обильные слёзы.

— Так, друзья, я думаю, вам лучше выйти пока... — док обменялся взглядами с присутствующими.

— Но, док... — возмутились было ребята.

— Ладно, Джаньян, вы с Дэни можете остаться, остальным лучше вернуться домой, — он был непреклонен, здраво рассудив, что потрясений им на сегодня хватит.

— Почему? Господи, почему? За что? Что я такого сделала? В чём согрешила? Я не помню! Ничего не помню! Кто я? Ничего не помню... — кричала Маргарита в отчаянии, она была разбита.

Белокурая Даниэлла обняла подругу:

— Ничего, скоро ты всё вспомнишь, обязательно вспомнишь. А сейчас тебе не надо ни о чём беспокоиться. Ты среди друзей. Мы не дадим тебя обидеть.

— Друзья... — Маргарита окинула их взглядом, в котором читалась растерянность и беспомощность.

— Разумеется, все мы — твои друзья, — мягко улыбнулся молодой человек, — Наша любовь и забота помогут тебе снова стать самой собой — теперь всё будет хорошо: теперь ты сможешь сосредоточиться на своём выздоровлении, и всегда рассчитывай на нашу поддержку.

— Можешь пошевелить пальцами ноги? — доктор осматривал и ощупывал её ноги, — Давай, девочка, прикажи своему мозгу, чтобы он приказал твоей ноге, чтобы она приказала твоим пальцам пошевелиться.

— Уи, я могу! У меня получилось! — лицо девушки заметно просветлело.

— Да-да, молодец, малышка! А теперь попробуй согнуть ногу! — попросил он.

— У-у, больно! НЕТ!!! Не могу — сильно болит! — она снова скривилась от боли.

Джек взял Маргариту на руки:

— Ну-ка, мадемуазель! Давай, девочка, держись — обхвати меня за шею. Мы отвезём тебя домой, где ты будешь в полной безопасности, окружена заботой и вниманием. Очень скоро к тебе вернётся память, и ты снова будешь ходить — это я обещаю! Ты ещё бегать у меня будешь!

Глаза девушки наполнились слезами:

— Вряд ли я смогу когда-нибудь отплатить вам за всё добро, что вы сделали для меня! Но я буду стараться изо всех сил.

Самое страшное уже позади, кризис миновал, и начался длительный период адаптации — не только для самой Маргариты, но и для её близких. Ноги девушки всё ещё оставались парализованными, даже восстановление какой-либо чувствительности тяжело было спрогнозировать, и это стало испытанием не только для неё, но и для всех, кому она была небезразлична.

Как могли, старались они поддержать её и облегчить её страдания, как, например, в те выходные дни, когда они могли провести с ней как можно больше времени и подбодрить искренностью своей заботы. В первый такой день в комнате Маргариты было столько гостей, что им тяжело было разместиться. И посещения начались с самого утра, когда самыми первыми, после врачебного осмотра братом, в её комнате появились молодой мужчина со смуглой кожей и удивительными глазами и златовласая подруга:

— Бонжур, Марго! — они улыбались, и на лице девушки расцвела ответная улыбка, и приветствие на родном языке из уст этих людей приятно согревало, вселяя уверенность за будущее в её душу.

— А мы тут тебе подарочек принесли, чтобы настроение поднять! — Дэни протянула свёрток в шуршащей яркой бумаге, — Очень надеемся, что это платье понравится тебе.

— О, ну это же просто прелесть! — Маргарита не смогла сдержать восхищения, когда, развернув свёрток, обнаружила атласное вечернее платье цвета красного вина, — Оно будет для меня особенно дорогим, — парень подбадривающе потрепал её по волосам.

— Можно? — это постучалась Джастина, держа в руках огромный поднос с пирожными и цукатами.

— О, oui! Жюстин, заходи, конечно. С тобой ещё кто-то? — поинтересовалась девушка, увидев, что за спиной высокой шатенки стоит кто-то еще.

— Со мной пришла Ева, она так хотела навестить тебя, — ответила Джастина, ставя поднос на стол и жестом приглашая Еву войти.

— *Przepraszam! Ciebie nie pofatyguję? Bardzo burzyliśmy się za ciebie. Ja szczęśliwa dowiedzieć się, że twoje zdrowie już o wiele lepiej.* (Прошу прощения! Я тебя не побеспокою? Я очень волновалась за тебя. Я рада узнать, что твое здоровье уже намного лучше — пол.) — улыбнулась девушка, и глаза её были сейчас цвета зеленой весенней травы, что на её эмоциональном языке означало самые приятные переживания.

— М-м-м! Так вкусно пахнет! И выглядит восхитительно. Спорим, что и на вкус — не хуже? — Маргарита взяла с подноса одно пирожное и откусила кусочек, — Ты просто непревзойдённый виртуоз в кулинарии, мон ами. Эти пирожные — возможно, самое вкуснейшее, что я пробовала когда-либо. Просто изумительно!

— Спасибо, я старалась! — встряхнула своей роскошной шевелюрой Джастина, — А ты неисправима — ты всегда питала слабость к сладостям.

— Хаюшки, Мэгги! — малышка Розалинда, прошмыгнув между девушек, забралась на кровать к Маргарите.

— Роза! О, а я сегодня такая популярная — надо будет проверить по гороскопу, сулит ли сегодняшней день мне ещё много приятных визитеров. А это кто?! — девушка радостно хлопала в ладоши, увидев в руках у девочки корзину с двумя щенками — далматинцами и котёнком породы русский голубой.

— Они теперь будут жить с нами, — довольно сообщила Розалинда, — Щенки — от нас с Питером, а котёнка купил Джон. Как мы их назовём?

— Ну, пожалуй, — призадумалась Маргарита, — Щенков будут звать Актеон и Сорбонна (Актеон — любимый пёс короля Франции Карла IX, согласно гению Дюма, а Сорбонна — "напарница" Франсуа Дегре, полицейского из серии романов об Анжелике), как в моих любимых книжках. А котёнка я назову Милорд — уж сильно у него представительный вид, хоть он ещё такой маленький.

— А, вот где все собрались! Бонжур, Марго! Привет, ребята! — в комнату плавно прошествовала рыжая пара — двоюродные брат и сестра девушки — и их мягкие и теплые улыбки показались ей такими важными.

— Мы принесли тебе чай из трав, а ещё ты просила книжек... и ноутбук не забыли, — пока его сестра показывала Маргарите расцветший нежный розовый бутон в керамическом горшке, Этьен, смущаясь, протиснулся мимо девушек к столу и выложил на него небольшую стопку книг и сверху положил ноутбук, подключить который он не успел:

— Так-так, молодёжь, на сегодня — хватит, девочке нужно как можно больше отдыхать, — некстати прервал веселье доктор.

— Ну, дорогой, не будь таким злокой, — запротестовала Даниэлла.

— К Маргарите посетители, с которыми ей лучше пообщаться наедине, — лицо мужчины было на редкость серьёзным и взволнованным.

— Спасибо, ещё раз спасибо вам всем! Спасибо за золотые руки, возвратившие меня к жизни, за тепло, доброту, любовь и заботу, — поблагодарила друзей Марго.

Друзьям пришлось послушать доктора.

Когда они покинули комнату, вошли двое — мужчина и женщина средних лет, но, выглядевших ещё достаточно молодо. Мужчина уже начал сесть, но его карие, как у Маргариты, глаза светились внутренней молодостью и теплом. У женщины были длинные тёмно-каштановые волосы и большие серо-голубые глаза, её нежные правильные черты лица были схожи с чертами лица самой Маргариты.

— Мама? Папа? — дрожащим голосом произнесла девушка.

И это действительно были её родители, интуиция не обманула Маргариту — Шарль-Анри и Валентина, вернувшиеся с научного симпозиума первым возможным рейсом, чтобы быть рядом с дочерью.

— Cara mia! Дочка! (Дорогая моя! — ит.) — женщина присела рядом на кровати Маргариты и поцеловала девушку в лоб.

И девушка не могла сдержать слез, обнимая родителей — даже с частичной потерей памяти, она не могла не почувствовать тепло родных людей и не уловить сходство черт лица, мимики и жестов.

— Детка, ну как же ты так... — женщина провела рукой по её волосам, и Маргарита инстинктивно сильнее прижалась к матери, — Ты опять нас всех напугала.

— Мама... — только и могла произнести девушка, уткнувшись лицом в кружево оборки материнской блузы, — Вы приехали...

— А как же иначе? — ответила Валентина, и отец подтвердил её слова, утвердительно кивнув, — Посмотри, все твои друзья так стараются поддержать тебя, что ты непременно скоро поправишься. Особенно, тот молодой человек, что кружит вокруг тебя, как наседка вокруг своих цыплят.

— Это Жан, — Марго смущенно покраснела, — Теперь он работает в клинике вместе с Джеком и преподает у нас спортивную подготовку.

— О! Так это он и есть, — Валентина улыбнулась, в шутку покачав головой, — Мне, право, даже неловко, точно не я, а он — твоя мать, — она замолчала, видя, что дочь поменялась в лице, готовая расплакаться, когда брови её напряглись, и уголки губ задрожали, — Что такое? Что не так?

— Мам, я, ведь, уже не такая, какой была... — девушка замотала головой, нервно обхватив себя руками, — Я могу никогда не встать на ноги... Зачем я ему такая? почему он всё ещё со мной? Я не решусь спросить у него, но это не перестает волновать меня, я не хочу быть ему обузой. Он же такой, такой... — от переживаний она не могла подобрать слов, — А я, я...

— Потому, что он, видимо, действительно любит тебя, — мать взяла её за руку, и Маргарита почувствовала такое облегчение от того, что ей так хотелось в это верить, и ещё — от того, что Джон пришелся по душе её родителям, — И не забивай свою прелестную головку всякими глупостями. Твое состояние — явление временное, а не приговор. Ты только посмотри, — шепнула Валентина на ухо дочери, заставив её повернуть голову и посмотреть на беседующих у окна мужчин, — кажется, у твоего отца и этого парня нашлись общие темы для разговора.

И в этом году в День Благодарения им как никогда было за что благодарить Бога — близкий для них человек был вне опасности и уверенно шёл на поправку...

Маргарита тоже благодарила Небеса за спасённую жизнь, но больше всего на свете она мечтала вспомнить тех, кто окружили её любовью, заботой и вниманием. Она дала себе слово приложить все усилия. Только в таком случае она сможет снова стать счастливой.

Время пролетело незаметно, декабрь уже давно вступил в свои природные права, и на Рождество компания посетила Швейцарию, где обычно снимали большой деревянный дом на всех. Швейцария богата своей прекрасной природой, головокружительными железнодорожными путями и горнолыжными трассами, известная своими целебными курортами, ещё с позапрошлого века достигшими зенита своей популярности у тысячи туристов со всего мира, и где современные достижения науки и техники соседствуют с нетронутой, девственной красотой природы.

Спокойная обстановка и чистый горный воздух должны были пойти всем на пользу.

Пока остальные ходили за покупками, брат помогал Маргарите собраться для прогулки: — Маргарита, что с тобой? Ты какая-то подавленная. Что-то не так? Тебе здесь не нравится? — с беспокойством спросил брат.

— Нет, на этот счёт всё в порядке! — поспешила уверить его девушка, — Понимаешь, я не хочу показаться неблагодарной, но я всё ещё чувствую себя чужой, я не могу достойно ответить на вашу любовь, пока ко мне полностью не вернётся память, но дело даже не в этом... Мне так неудобно — вы столько для меня сделали, а я не могу дать вам то, что вы заслужили... Я не могу разобраться даже в себе: мне снятся кошмары, мой мозг разрывается, я жажду найти себя, я не могу больше притворяться, что всё хорошо, когда всё просто ужасно... — её голос срывался, а на глаза наворачивались слёзы, — Прости, если что... Я не хотела тебя обидеть, честное слово... Извини, что я так разоткровенничалась. Я думаю, что

мы должны доверять друг другу и быть честными друг с другом, ведь вы всё-таки остаётесь моими друзьями — я вас люблю очень-очень, и сейчас, как никогда, мне необходима ваша поддержка и помощь.

— Не волнуйся — мы всегда с тобой. И, уже, пожалуй, ты готова снова учиться ходить, — ответил мужчина, ласково погладив её напряженные пальцы.

— А... как же... коляска...? — девушка смотрела огромными от страха глазами.

— Кому она нужна, — отмахнулся молодой хирург, — Ты намного сильнее, чем думаешь. Ты только должна освободить свою силу. Давай вставай.

— Но... я не могу... Я... боюсь... — замотала головой Маргарита.

— А я говорю — можешь, — заявил доктор тоном, не терпящим возражений, — Вставай. Надо работать над собой, стараться — под лежащий камень и вода не потечёт. Хватит дурочку валять — моя сестра не трусиха.

Девушка поднялась с инвалидного кресла, шатаясь, с трудом опираясь о стену.

Мужчина откатил кресло и отошёл в другой конец комнаты...

— Ты что делаешь?! Что ты задумал?! — от страха Маргарита не могла пошевелиться.

— Иди ко мне, — почти приказал Джек.

— Я... не... — девушка буквально вжалась в стену.

— Это страх. Только твой страх — не больше. Давай, ты можешь. Я знаю, я верю — у тебя получится, — подбадривал он, — Постарайся, не ради меня, а ради себя, понимаешь? Ты знаешь, что практически всё моё тело покрыто шрамами? Думаешь, я не чувствую боли? Если бы я не прикладывал усилий, то я бы не стоял сейчас перед тобой на своих ногах. А ты знаешь, какую боль мне пришлось превозмогать? Знаешь, сколько раз я падал и снова поднимался. стирая колени в кровь? Но я поставил перед собой цель: встать на ноги, чтобы посвятить свою жизнь медицине. И я знал, что каким бы болезненным ни был каждый мой шаг, он приближает меня к достижению этой цели, и я не имею права сдаваться, пока не достигну её.

Потрясенная его признанием, набравшись сил — мелкими, неуверенными шагами Маргарита прошла пару метров...

— Так, так... Замечательно, — удовлетворённо улыбнулся молодой хирург, — А теперь ты сможешь дойти до меня.

— Я таки смогу. Думаешь — нет? — подмигнула Маргарита.

Неуверенной походкой, пару раз чуть не упав, она дошла до дверей и, обессилев, упала в объятия брата...

— Молодец! Хорошая работа, — похвалил Джек сестру, поправив растрепавшуюся чёлку, — Мы обязательно должны показать это ребятам — они, словно малые дети, сейчас в снежки во дворе. Думаю, теперь белый чистый снег и благотворный горный воздух произведут на тебя совсем другое впечатление, и ты сможешь присоединиться к ребятам в их развлечениях, — улыбнулся он, глядя в окно, как друзья не удержались от незатейливых зимних забав, подавая ей верхнюю одежду.

Брат с сестрой вышли во двор, сверкавший от ослепительно белого снега:

— Ребята, а у нас для вас хорошие новости! — с достоинством заявил Джек.

Из-за его спины вышла Маргарита, одетая по-зимнему. Свежий снег приятно скрипел под ногами, и в воздухе пахло свежестью, а легкий мороз игриво пощипывал покрасневшие щеки, придавая милому девичьему лицу природный румянец.

Далее последовала немая сцена...

— Маргарита! Дорогая! — Джон обнял девушку за талию и несколько раз прокружил, а потом поставил на землю и поцеловал — Это будет самое счастливое Рождество в моей жизни!

Даниэлла дружески похлопала Маргариту по плечу:

— Молодец, сестрёнка, ты делаешь успехи. Теперь всё пойдёт на лад. Ты у нас просто волшебник, милый. Ты заслужил поцелуй, — и, в доказательство своих слов, она прильнула к его губам.

— Мы верили в тебя, детка, — обняла маленькую подругу Джастина.

— Молодчина, котёнок, — нежно улыбнулась Эллен в своей особой, плавной манере, неспешно растягивая слова и дополняя их такими же гладкими движениями.

— Oj! Teraz rozliczę się od radości! (Я сейчас расплачусь от радости! — пол.) — глаза Евы опять стали светло-салатовыми...

Маргарита улыбнулась:

— Спасибо! Спасибо вам всем — вы поверили в меня, поддержали. Ну, да и я сама — не промах. Но, без вас ничего бы не было, — лицо её осветила лёгкая улыбка.

Не успели они оглянуться, как уже подошли сами Рождественские праздники, которые всегда с большим размахом отмечали в этом доме. И этот Сочельник не стал исключением.

Девушки спустились в холл, и они были прекрасны, как античные богини — в длинных атласных платьях, струящихся по стройным телам.

Златовласая была безупречна в платье голубого цвета, который заставлял её глаза сиять ещё ярче, в тон платью, на ней были украшения с бирюзой, локоны светлых волос, словно сияющим нимбом обрамляли её лицо.

На Маргарите было платье винного цвета (да, то самое, которое сшили Джон с Даниэлла), её короткую стрижку подчёркивали крупные серьги с рубинами.

Джастина выбрала серое платье, гармонизировавшее с цветом её глаз, на ней были серебряные украшения. Волосы были нарочито небрежно скреплены заколкой.

Не менее эффектно выглядели Эллен и Ева — их рыжие волосы и зелёные глаза идеально сочетались с платьями цвета морской волны и украшениями с изумрудами.

В это время в дверь дома, который наша компания сняла на рождественские каникулы, позвонили. Даниэлла пошла открывать.

— Здравствуйте! Здравствуйте, мои дорогие! Санта поздравляет вас с Рождеством!
Я принёс вам подарки.

— Наш любимый Санта! — одновременно воскликнули Даниэлла и Розалинда при виде брата, и бросились ему на шею, — Какой бы ты не надел костюм, свои озорные глаза, Питти, ты не спрячешь.

Теперь настала очередь Евы обнять Питера и поцеловать:

— Drogi, ja tak za tobie stęskniła się! (Дорогой, я так скучала за тобой! — пол.)

— Я тоже очень скучал за тобой, родная! — обнял девушку Пит.

Рози мечтательно закатила глазки:

— Как же мне хочется увидеть подарки — вон их сколько под ёлкой, наверняка, и для меня что-нибудь есть. Так хочется, чтобы утро наступило поскорее.

— Этому весьма легко помочь, юная леди, — заметил Джек, — Сейчас ты идёшь в свою комнату и ложишься в постельку — и утро наступит даже скорее, чем ты думаешь.

Розалинда сначала надула губки и скорчила недовольную рожицу, но потом личико девчушки просветлело:

— Джонни, Мэгги, вы стоите под омелой — по-моему, вы должны поцеловаться, — многозначительно улыбнулась она.

Поцелуй Джона показался Маргарите таким знакомым... Перед глазами всё поплыло — девушка хотела опереться о перила лестницы, что вела на второй этаж, но Джон поддержал её под руку, она лишь отвела взгляд — посмотреть ему в глаза было невыносимо. Откровенность его чувств причиняла ей боль, ибо сейчас она на могла на них ответить в той

мере, в какой он того заслуживал.

Как дотошный археолог, она старалась аккуратно извлечь из глубин своей памяти, как усердный рыболов, старалась она выловить из туманных отголосков прошлых ощущений своё истинное я, свои истинные чувства, но они пока что лишь робкими ростками только начинали прорастать в её сердце.

— А мы чего ждём, милый? — златовласая запечатала губы молодого хирурга поцелуем.

Ева взяла Питера за руку:

— Przyjaciele, a w tym domu jestem jeszcze fęleń? (В этом доме ещё есть омега? — пол.)

Маргарита изо всех сил старалась вернуться к прежней жизни, но что-то неуловимое надломилось в ней, и она уже не могла быть самой собой. Далеко не все пробелы в памяти восстановились, но друзья окружили её такой нежностью и заботой, за что девушка была им бесконечно благодарна. В особенности Джону — ему пришлось тяжелее всех, но он не бросил её, оставаясь рядом, не давил, продолжая ждать, когда она сможет принять его чувства. Только у неё пока все не получалось — пока она не смогла разобраться даже в себе.

Приступы головной боли усилились, и никогда ещё прежде с ней не случалось такого, чтобы картины зловещих видений приходили вот так — посредине белого дня, во время, когда она находится на лекции и ей нужно сосредоточиться на занятиях, и были до панической дрожи и мурашек на кончиках пальцев реальными и пугающими.

Август 1572 года

В то лето в Париже стояла сильная жара. Было невероятно душно, сам воздух казался тяжёлым, от запахов человеческих тел, пота, резких парфюмов и нечистот, смешивавшихся в удушающий коктейль.

В тяжёлом расшитом платье алого цвета с воротником под горло, Маргарите было трудно дышать, голова кружилась, казалось, ещё чуть-чуть, и она упадёт в обморок. Бледная,

что ещё более оттенялось её тёмными волосами и тёмными глазами, она стояла, преклонив колени, на паперти собора Нотр Дам (поскольку новобрачные принадлежали к разным конфессиям, венчание происходило не внутри собора). Огромный шлейф её платья всей своей тяжестью давил на хрупкие плечи. Маргарита ни разу даже не взглянула на своего будущего мужа, коленопреклонённо стоявшего рядом. Господь свидетель — ей его навязали, она его совсем не знает, да и хочет ли узнать? Но, она — Валуа, она исполнит волю семьи и свой долг перед страной, но, продолжит жить так же, как и жила — в её жизни ничего не изменится. Сейчас ей хотелось только скинуть душившие её одежды и забыться в объятиях возлюбленного Генриха де Гиза.

— Генрих де Бурбон, король Наваррский, согласен ли ты взять в жёны Маргариту де Валуа? — Королеве Екатерине стоило огромных усилий уговорить кардинала Шарля де Бурбона (единственного католика в семье Бурбонов) поженить пару.

— Согласен, — голос жениха прозвучал настолько обречённо, как для новобрачного, что в глубине души Маргарите даже стало жаль его — возможно, его тоже совсем не радует перспектива этого брака, тогда они могли бы полюбовно договориться между собой.

— Маргарита де Валуа, согласна ли ты стать женой Генриха де Бурбона, короля Наваррского? — Маргарита не отвечала, ни один мускул не дрогнул на её застывшем лице.

По толпе, собравшейся на соборной площади посмотреть на празднество, прокатилась волна недоумения.

Адмирал Гаспар де Колиньи, Королева-мать, Анжу и сам Карл несколько раз переглянулись.

Морщины покрывают землистое лицо ещё совсем молодого короля, человека слабого здоровьем, почти блаженного. Однако, его лицо красиво. Глаза Карла, настороженные и умные, в промежутках между, всё учащающимися, приступами безумия кажутся добрыми. Это глаза сильного человека, но, с каждым днём, ему всё труднее управлять своим разумом.

Королева-мать Екатерина Медичи была ещё молода, но, все прожитые ею годы, паутиной морщин легли на её лице — с тех пор, как она четырнадцатилетней приехала в Париж, где мечтала обрести своё счастье, ей приходилось постоянно бороться — сначала за мужа, теперь — за детей. По иронии судьбы, её дети не отличались сильным здоровьем: старший её сын скончался на семнадцатом году жизни, трое других детей (сын Луи и близнецы Жанна и Виктория) умерли в младенчестве, сколько Господь отвёл ещё лет жизни болезненному Шарлю — неизвестно, её младший сын был изуродован перенесенной в детстве оспой. Она любой ценой сохранит престол для своих детей.

Кардинал повторил свой вопрос. Принцесса молчала.

Не выдержав, сам король подошёл к Маргарите и резким жестом схватил её за волосы и уткнул головой в Святое писание.

— Она согласна, — ответил за сестру Карл.

— Именем Отца и Сына, и Святого духа, объявляю вас мужем и женой, — закончил обряд Кардинал де Бурбон.

— Брат мой Анрио, вручая тебе мою возлюбленную сестру, я отдаю своё сердце всем гугенотам моего королевства, — с приветливой улыбкой на бледных губах, Карл положил руку на плечо Наваррского короля.

— Ты стал частью нашей семьи, Генрих. Особой семьи. Ты сам скоро в этом убедишься, — вкрадчиво заметил Анжуйский.

Королева-мать облегчённо вздохнула.

Церковный хор исполнил хвалебную песнь в честь Господа и новобрачных, и вся процессия покинула площадь перед собором Парижской богородицы.

* * *

— Не стоит ненавидеть меня, — пронизывающий взгляд серых глаз Наваррского короля, его мягкий голос, при других обстоятельствах могли бы даже вызвать симпатию его молодой супруги, его несколько грубоватые черты лица — большие ясные глаза, крупный нос и крупные губы на загорелом под южным солнцем лице в обрамлении тёмных кудрей, придавали ему особый мужской шарм — Меня и так теперь многие презирают: Ваши братья, Ваш любовник де Гиз, разумеется. Ваша Королева-мать и та меня не жалуется.

— Ваша мать меня тоже не любила, — спокойно ответила Марго, даже не посмотрев в сторону мужа.

— Ваша мать убила мою, — Генрих сжал её руку.

— Это не доказано, — тихо возразила Маргарита, больше пытаясь убедить в этом саму себя — она слишком хорошо знала свою мать, которая не остановится ни перед чем для достижения своих целей, и жизнь человеческая для неё в этом смысле не была помехой. Теперь, когда Жанна д'Альбре мертва, королева Екатерина могла полностью подчинить своей власти её молодого сына.

— Храбритесь? — Генрих сильнее сжал изящную руку жены, — Поддержите же меня, признайте, что и Вас тоже одолевает страх.

— Чего мне бояться? — Маргарита испытывающее посмотрела на него, — Все, кто вас

ненавидят, меня любят.

— Тогда зачем они навязали свадьбу? — Генрих старался прочесть ответ в глубине её пленительных тёмных глаз.

— Эта свадьба принесёт мир, — произнесла Маргарита, глядя ему в глаза, — Никто не заставляет меня спать с Вами, — добавила она переводя взгляд с мужа на Генриха де Гиза, шедшего под руку с королевой Екатериной, и, судя по их озабоченным лицам, они беседовали о чём-то, имевшем для них ощутимую важность, — А Вы что-то не похожи на счастливого новобрачного, Генрих, — Маргарита снова повернулась к мужу.

— О каком счастье Вы говорите? О яде в бокале, кинжале в спину? — горько усмехнулся Наваррский.

— Ну, же, улыбнитесь, посмотрите, сколько людей собралось посмотреть на нас — все они жаждут зрелища. Весь королевский двор — один большой театр. Старайтесь хорошо, Генрих. Улыбайтесь — дайте им то, что они хотят видеть.

* * *

— К вам, гугенотам (гугеноты — французские протестанты, имевшие серьезные религиозные и политические разногласия с приверженцами католической церкви во Франции шестнадцатого века), я испытываю симпатию. Вы храните веру в Бога, которую мы потеряли, — благостно улыбнулся Анжу.

— Я тоже испытываю огромную симпатию к вам, католикам, — сдержанно ответил Беарнец.

— Это правда, что вас две тысячи? — поинтересовался Генрих Гиз.

— А Вы сами посчитайте, — парировал Наваррский, — Они все приехали на свадьбу.

— Наверное, для Франции это праздник, — в сердцах воскликнул де Гиз, — а для меня день этой свадьбы — день траура!

— А для меня день моей свадьбы — день великого позора, — в ярости закричал Наваррский, — В приданое я получил гроб с телом моей матери и блудницу из твоей постели!

* * *

Маргарита присела в глубоком реверансе, стараясь скрыть волнение.

— Мне кажется, я оторвался от шпионок королевы Катрин, — выдохнул Генрих, — Они думают, что я у баронессы. У итальянки. Прелестная особа.

— Так ступайте. Чего вы ждёте? — как можно непринужденнее поинтересовалась Маргарита, присев на край кровати спиной к Генриху, — Почему вы ещё не у неё?

— Так было угодно Богу. Мне надо с Вами поговорить. Наедине. Мне надо Вас убедить, — серьёзно произнёс Генрих.

— В Вашем семействе всякий раз ссылаются на Бога? — Маргарита повернулась к нему и смерила оценивающим взглядом.

— На Бога. Или на предчувствие, — сдержанно произнёс Наваррский.

— Какое предчувствие? — заинтересованно спросила Марго.

— Крестьян из Пиреней. Так говорит Ваша матушка. Если я останусь жив... то стану королём Франции.

Маргарита вздрогнула — такая мысль, и в самом деле, приходила и ей в голову.

— Король Франции — мой брат, — совладав с собой, спокойно заметила она, — Если же у него не будет детей, то два других брата унаследуют престол. А потом их дети. Ваши шансы ничтожны.

— Ваши тоже. Вы считаете, что Вас защитит семья? — красноречиво продолжал Генрих, — Кем Вы являетесь для них? Вы — предмет, разменная монета. Вы — заложница у братьев.

— Мои братья меня обожают! — воскликнула Маргарита, ошеломлённая такой откровенной наглостью собеседника.

— Братья готовы продать Вас кому угодно за мирный договор, — невозмутимо продолжал Генрих, — И мать с ними заодно.

— Мать меня любит! — горячо возразила Маргарита.

— Она готова продать Вас первому встречному, если ей это будет выгодно! — упорствовал Генрих.

— Мать меня обожает! — твердила она.

— Она ненавидит Вас. И вашего любовника, герцога Гиза. А он использует Вас ради власти и денег, — продолжал Генрих.

— Замолчите! Не смейте! — в сердцах воскликнула Маргарита.

— Да, использует, — повторил Наваррский.

— Я не желаю это слышать! — вскрикнула Марго.

— Отчего же? — Генрих вопросительно посмотрел на жену.

— Замолчите! Так это Господь подсказал вам придти и меня оскорблять? — с упрёком произнесла она.

— Нет, что Вы, Марго, — с жаром ответил Генрих, подойдя совсем близко к жене, проведя рукой по её волосам, — Я пришёл не оскорблять. Я хочу предложить союз. Этот брак для меня спасение, но на какой срок? Помогите мне сегодня, а завтра, благодаря мне, у Вас будет всё.

— Мы же договорились, — вздохнула Маргарита, мягко отстранившись от него, — Вы не придёте сегодня ко мне. Ни сегодня, и никогда.

— Да, это правда, — согласился Генрих, — Мы договорились. Но, дайте мне руку, Марго, — он взял её руку в свою, — Научите меня, я — способный ученик. Ведите меня, я здесь как слепец. Эти коридоры приведут к пропасти, из которой живым мне не выбраться. Ваши братья, наверняка, меня убьют.

— Вы заблуждаетесь, — пыталась уверить его Маргарита, хотя сама не была уже ни в чём уверена.

— Они всё равно убьют меня. А вы станете для них лишь обременительной вдовой, — не останавливался Генрих.

— Мои родственники не желают вам зла, — в пол — голоса произнесла она.

— Вы сильнее их всех. Ваша мать встанет перед вами на колени. Вы станете королевой, Марго, — веско заявил Наваррский.

— Замолчите, — взволнованно прошептала Маргарита, приложив палец к его губам, — Даже разговоры с глазу на глаз могут быть опасны.

Генрих подошёл настолько близко, что она могла слышать его дыхание, и поцеловал молодой женщине руку:

— Наш брак-политический. Пусть таким и будет. Мы лишь пешки в хитросплетении их интриг, так давайте разрушим их планы. Будьте моим союзником! Заключим пакт, тайный пакт! Не будьте мне врагом...

— Замолчите, — чуть слышно вымолвила Маргарита.

— Я вам не враг. Я — ваш друг! Станьте и Вы моим другом, моим союзником. Вы будете моим союзником? — взгляд Наваррского, равно как и его прикосновения, обжигали своей искренностью и проникновенностью.

— Может быть. А теперь уходите. Уходите, — бессильно выдохнула она.

— Ваш брат? Любовник? Или оба вместе? — Генрих указал на дверь кабинета, — Не говорите, я не хочу знать. Если бы вы хотели предать меня, вы бы дали мне договорить. Я не прошу Вас быть мне любовницей, но, вижу, что вы честны со мной, а в данном положении мне гораздо важнее ваша преданность, чем пылкая страсть с вашей стороны, — с чувством проговорил Беарнец.

Маргарита стыдливо покраснела.

— Возможно, когда-нибудь я смогу познать Вашу признательность другого рода, а пока мне вполне достаточно вашей дружбы. Вы — истинная жемчужина Франции.

* * *

— Гугеноты будут мстить за Колиньи. Они готовят резню. Я это знаю, — говорила Екатерина, и непроницаемое неподвижное лицо королевы-матери было похоже на восковую маску — впредь история запомнит её, как зловещую убийцу и интриганку, что распростерла свои адские чёрные крылья над французским королевством, а не как королеву-миротворицу, всеми силами старавшуюся сберечь для своих потомков страну, сгоравшую в пламени религиозных и межклановых войн, ознаменовавших период правления её сыновей. Недовольства вспыхивали по всей стране всё чаще, принимая масштабы стихийного бедствия и угрожая жизням самих представителей двора, и только решительные меры и выдержка могли сохранить им жизнь и укрепить влияние и авторитет правящей семьи.

— Расследуйте всё. Мне нужен убийца, — требовал король.

— Ты их видел? Они горят ненавистью. Они оскорбляют нас. Сначала они пойдут на Лувр. Они нас всех убьют. Они нас перебьют, ты слышишь? В последнее время они были заняты сбором людей и оружия.

— У меня тоже есть оружие, и у меня есть люди! — возразил Карл.

— Их тысячи, этих свадебных гостей. Они хотят показать свою силу и теперь не останутся.

— Колиньи мне как отец, — твердил Карл, — Я поклялся разобраться с этим.

— Не называй его так! — закричала оскорблённая Екатерина, — И не надо взывать к отцу! Если б твой отец был сейчас здесь, он знал бы, что делать. Твой отец знал, что какой бы ни был король, его надо уважать.

— Учись у де Гиза. Он понял, что надо первым наносить удар, а не ждёт, когда нападут на него.

— Это обвинение? — поднял бровь от удивления Гиз.

— Нашли твой пистолет, — пожал плечами Анжу.

— Тем лучше, — губы Гиза искривились в ухмылке, — Я жаждал совершить это преступление.

— Тебя ни в чём не упрекают, — Анжу убрал непослушный локон с лица, — Надо было стрелять точнее.

— Тот, кто покушался на Колиньи, хотел обвинить в этом меня, — задумчиво произнёс Гиз.

— Тогда начинай расследование, защити Колиньи, Гиз! — запротестовала Екатерина, — Если бросишь все силы короля на это расследование, то погубишь королевство, которое я всеми силами пытаюсь возродить. После смерти вашего отца вся грязная работа на мне! И меня это не страшит! Я спасу своих детей. Я готова жизни положить ради вас.

— Это вы приказали убить адмирала Колиньи? — Карл ужаснулся от своей догадки.

— Да, я! — вскричала королева-мать, — Я одна. Не надо было промахиваться. Твой брат прав. Теперь надо идти до конца. Надо убрать лидеров и немедленно — это заставит их успокоиться и сделает сговорчивее. Сегодня вечером, ночью. Конде, потом Добинье... Телиньи, Бовуа, Морне...

— Дюбортаса, Ларошфуко.

— Миосенса и других.

— Крюсоля, Арманьяка.

— И, конечно, Генриха.

— Нет, его не надо! — захрипел Король, задыхаясь от очередного приступа удушья, — Не трогайте Генриха!

— Колиньи.

— Колиньи, — Карл теребил завязки на своей рубашке, лицо его было влажным от выступившего пота, глаза лихорадочно блестели, в уголках рта выступила пена, — Вы хотите смерти адмирала? Я — тоже. Тоже. Он меня подавляет — думает, что может править вместо меня. Но, пока ещё я король Франции, — ему уже трудно было говорить, речь его стала походить на бульканье, губы посинели, зрачки были расширены, — И всех остальных гугенотов Франции вместе с ним! Ни один из них не останется в живых. Ни один, кто мог бы потом меня упрекнуть, — уже почти скулил он.

— Так сколько... надлежит убить?

— Всех! Всех! — в исступлении выкрикивал король, корчась от боли.

Звон колоколов церкви «Сен-Жермен» страшным гулом разносился по галереям Лувра, заглушая оглушающие крики и предсмертные стоны, доносившиеся из-за двери.

Со стороны коридора раздался отчаянный стук.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Спасите! — взывал мужской голос с той стоны.

Дверь тотчас же открыли. Окровавленный мужчина, не замечая служанок, шатаясь и оставляя кровавые следы на стенах и коврах, бросился к ногам потрясённой Маргариты. На обagrённом до неузнаваемости, своей и чужой кровью, лице, она узнала эти расширенные от ужаса глаза, которые ещё вчера смотрели на неё с преданностью и восхищением.

В эту минуту в двери вломились восемь человек — запыхавшиеся, разъярённые, с факелами, шпагами и аркебузами, их лица и одежды были перепачканы грязью и кровью. Один из них был особенно страшен — растрёпанные рыжие волосы, кровавый рубец через переносицу и дьявольский огонь в глазах.

— Вы в покоях королевы Наваррской, принцессы крови! Он под моей защитой, — воскликнула Маргарита.

— Это Божья кара! Он должен умереть вместе со всеми, — нападающий шагнул вперёд и нанёс удар по извивающемуся телу, но попал в плечо, второй удар пришёлся в бедро.

Алая кровь окропила простыни королевы. Маргарита почувствовала, как судороги сотрясают тело раненого, цепляясь за батист её ночной рубашки, разрывая тонкую ткань, скорченными от спазма пальцами. Наконец, обессилев, пальцы его разжались. Ноги заскользили по влажному от крови полу, и он осел в лужу собственной крови, увлекая за собой молодую женщину.

— Бог не желал смерти этого человека. Вы его не получите. Сначала убейте меня! — при виде такого бесчинства к Маргарите вернулось самообладание, но, этим опьянённым кровью мужчинам уже трудно будет остановиться, сердце её молилось, чтобы сейчас появился кто-нибудь из братьев и остановил это безумие.

— Почему нельзя его убить? — рыжий уже готов был нанести последний удар, но Марго остановила его руку.

— Он умрёт на моих руках! — закричала Маргарита, — Его вы не получите. Как выше имя, месье? Сколько вы уже убили за сегодняшний вечер?

— Аннибал Коконнас, мадам. Я убил тех, кого должен был убить, по приказу его

Величества, — угрюмо ответил наёмник.

— В день Страшного суда вы будете рады иметь хоть одну сохранённую вами жизнь, — взывала Маргарита к милосердию и совести этого человека, — День Страшного суда уже недалёк. Что Вы тогда скажете Господу? Что вы ему скажете? Что без пощады добивали раненых? Что пронзили сердце католички, чтобы прикончить раненого? Это Вы ему скажете?

Внезапно, привлечённый шумом, ещё один маленький отряд, возглавляемый высокой рыжеволосой красавицей, немногим старше Маргариты, ворвался в покои.

— Со мной шесть католиков с аркебузами, и у меня кинжал! — Марго в мыслях возблагодарила Господа за такое своевременное появление своей подруги — герцогини де Невер, — Я проткну вам сердце, если сейчас же не уйдёте. Уходите немедленно! — при свете свечей рыжие локоны Генриетты словно сами были пламенем.

— С Вашего позволения, Ваше Величество, - с сожалением отступил Коконнас, остальные последовали за ним.

* * *

— Возьми меня. Я готов, — истерзанное тело мужчины продолжало содрогаться в конвульсиях от каждого прикосновения, пока Маргарита пыталась освободить его от остатков окровавленных лохмотьев и обмывала, — Я знал, что ты красива и восхитительна. Лучезарная. Неземная Мадонна. Ангел, пришедший забрать меня на небеса. Я готов. Возьми меня. Забери меня в небесную обитель свою, — бормотал он в бреду.

— Какие холодные...Какие холодные у тебя руки, — Марго прижала его руку к своей щеке, — Ты будешь жить...

— Мадам! Они сейчас убьют Генриха! Я это знаю. Она мне сказала. Она поклялась мне жизнью, — лицо юной баронессы Шарлотты де Сов, одной из самых обольстительных красавиц "летучего эскадрона" королевы Екатерины, было полно ужаса от того, что ей довелось увидеть этой страшной ночью, она бросилась к ногам Маргариты и поцеловала подол её ночной рубашки, — Марго, умоляю, спасите его! Спасите Генриха! Можете делать потом со мной всё, что пожелаете, Ваше Величество, только, молю, спасите его! Только Вы можете!

— Что она тебе сказала? — Маргарита помогла девушке подняться и встряхнула её за плечи, чтобы привести в чувство, в душе ей жесточайше хотелось выцарапать глаза девчонке за её наглость, но в вопросах жизни и смерти, дочь французских королей умела сохранять хладнокровие, тем более, что она прекрасно знала себе цену и понимала, что эта девочка ей не соперница.

— Они хотят его смерти. Я слышала их разговоры. Он не пришёл. Я прождала

его всю ночь, — продолжала бессвязно лепетать перепуганная до смерти баронесса.

— Замолчи. Скажи, где он? — резко прервала её стенания Маргарита, — Где он?

— У короля, — дрожащим голосом еле выдавила из себя Шарлотта.

— Оставайся с Герцогиней и её людьми, — приказала Маргарита, — Я пойду одна.

Ступив за порог своих покоев, Марго чуть не споткнулась и едва поборолла подкравшийся приступ тошноты, закрыв рот и нос руками — запах крови и смерти забивал ноздри до дурноты, множество изувеченных трупов лежало прямо тут, у стен коридоров, с большинства из которых не погнушались снять их одежды, так и оставив их нагими. Иногда можно было уловить еле различимые стоны ещё живых, но уже агонирующих.

* * *

— Пропусти меня скорее к королю через твои покои! — приказала Маргарита кормилице Карла, также протестантке, — Генрих здесь?

— Они хотят, чтобы он отрёкся от своей веры, — тихо ответила та, пропуская её в покои Карла.

— Твой муж здесь, сестра, — раздался за спиной голос короля, — Он с ними в моей спальне. Он не отречётся, — Карл упал на колени и обнял ноги Маргариты, всхлипывая, как ребёнок, — Я ничего не сделал. Это не я, — продолжал он причитать, — Ты мне веришь? — Карл поднял на сестру полный слёз взгляд.

— Почему? Почему? — с болью и обречённостью в голосе спросила она, глядя в его затуманенные глаза.

— Это она, Марго. Клянусь тебе, — Карл хватал её за руки, буквально повиснув на ней всем своим весом, всё ещё продолжая захлёбываться рыданиями.

— Ты выдал им Генриха? — едва слышно спросила Маргарита.

— Нет, я приказал привести его сюда, чтобы защитить. Они пришли потом, — он заламывал руки и размазывал слёзы по лицу.

— Пойдём со мной, — Маргарита помогла брату подняться, — обопрись на меня.

— Нет, не надо... Мне страшно, — Карл пытался извернуться и вырваться из её рук.

— Пойдём, Шарль, — мягко произнесла Маргарита, ведя его под руку.

— А с этим что будем делать? — любопытствовал Анжуйский, смерив Наваррского презрительным взглядом.

— Оставьте Генриха! Я не позволю его трогать, — Маргарита посмотрела на мать, потом на брата Карла, ища в них поддержку, — Он член нашей семьи. Это чревато несчастьем!

— Он же предводитель. Нужно всех убрать, — вступил в разговор Алансон, кивнув в сторону Генриха.

— Я не позволю его трогать! — Маргарита выпустила из объятий брата и села возле Генриха Наваррского, взяв его за руку, — Если хотели его убить, надо было раньше это сделать. Сейчас поздно! Вы нас обвенчали перед Богом. Он мне муж, а тебе брат!

— Он не хочет отречься, — пожал плечами Анжу.

— Я не позволю к нему прикасаться! — повторила Маргарита.

— По-прежнему отказываешься? Почему? — во взгляде Генриха Анжуйского был нескрываемый интерес, в каком-то роде даже азарт — так ли силен с своей вере король Наварры.

— Не настаивай, — покачала головой королева-мать.

— Теперь всё кончено. Протестантов в семье не будет, — возразил Анжу.

— Прекрати! — порывисто оборвала его Екатерина.

— Почему? — недовольно поморщился Анжуйский

— Пусть Марго займётся своим мужем, — ответила Екатерина.

— В эту ночь я познал ненависть, — Наваррский сжал кулаки до такой степени, что костяшки пальцев побелели, он весь дрожал от ярости и бессилия.

— А теперь учитеесь лицемерию, — положив руку на плечо мужа, прошептала Маргарита так, чтобы только он услышал её, — Я на Вашей стороне. Я не хочу больше быть в стане палачей. Обращайтесь в новую веру. Главное, во что Вы верите своим сердцем.

* * *

— По ком звонят колокола? Ведь боле некого убивать, — с горечью заметил Наваррский.

— Отныне ты — король католической державы. Можешь этим гордиться, — обнял брата Анжуйский.

— Да, можешь гордиться! — не выдержала Маргарита, проходя мимо них — Ты — король страны, где качаются трупы на виселицах! Париж стал кладбищем! Твои подданные — мертвецы, покрытые землёй, или живые, покрытые стыдом!

— Прекрати! — прикрикнула на неё мать. Сегодня, как никогда раньше, чёрные одежды, уже много лет бывшие неизменным атрибутом Екатерины со времени смерти её мужа Генриха II, оттеняли её бледное осунувшееся лицо с впавшими глазами и тонкими губами — взяв грех на душу, она думала, что эта страшная ночь хоть что-то изменит, но вот он — Наваррский избежал смерти и всё так же угрожает престолу, который она всеми силами старается сохранить для своих детей.

— А Вы, матушка — всегда волновалась за своих сыновей. Теперь можете быть спокойны! — кричала Маргарита, обращаясь к матери, — Они навечно прокляты! И я тоже проклята!

— Почему? — удивился Анжу.

— Потому что вы пригласили на мою свадьбу свои жертвы. Сделали нас приманкой для жестокой резни! — Марго закрыла лицо руками, чтобы скрыть слёзы.

— Вот вам и тихоня, — развёл руками Анжуйский, — Что с тобой, Марго? Твой муж стал католиком. Ты же не станешь теперь протестанткой?

— Я хотела мира, Марго. Мира в королевстве. Мира для своих детей, — бледная мать устало посмотрела на неё воспалёнными глазами, — С сегодняшнего дня ты больше не покинешь Лувр. Ты останешься с мужем и его друзьями. Здесь, — она старалась не думать о самом ужасном, но слова дочери вернули её к этим мыслям, что ожидает её и их адский огонь за грех этой ночи, что чуть не погубила и не погребла вместе с жертвами и распорядителей этого действия. Этот страх, что она испытала, сидя в ожидании в своих

покоях она не пожелает ни кому — такое можно выдержать лишь раз в жизни. И ей придется держать ответ на страшном суде за то, что не смогла остановить, распространяющийся, словно пожар, ужас этой вакханалии, не пощадившей ни женщин, ни малолетних детей и младенцев. И на её детях тоже будет лежать ответственность, она совсем не желала этого, но верно говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад — туда ей и будет путь, и ей, и её несчастным отпрыскам... Но уже поздно что-либо изменить.

— Марго, что произошло сегодня ночью? — Карл взял её за плечо и развернул лицом к себе, требовательно глядя в глаза, — Ещё что-нибудь? Я узнаю...

* * *

Маргариту трясло, как в лихорадке. Потом девушка услышала крик, и только после сообразила, что это кричала она сама. Очнулась она от того, что её растолкала сидящая рядом Даниэлла. Наконец, девушка пришла в себя от страшных видений. На лбу выступили капельки пота, дыхание было частым и глубоким, голова раскалывалась пополам, в висках сильно пульсировала кровь, всё тело словно заживо жгли на костре...

— А?!... Что?!...Где?!... Что случилось?! — Маргарита непонимающе посмотрела на Даниэллу, часто хлопая ресницами.

— Слава Богу! Очнулась, — улыбнулась Дэни.

Маргарита снова оглянулась и увидела, что сидит в аудитории за партой, пара идёт полным ходом...

— Всё в порядке? — поинтересовалась подруга, — Нехорошо на уроках спать — если уж пришли, то посидим, умных людей послушаем... Тебе кошмар приснился, что ли?

— Ага, — кивнула она, — Только почему-то он был слишком реалистичен... — добавила она чуть слышно, с ней, бывало, случалось видеть вещие сны, но чтобы вот так ярко и сильно, до припадка — такого с ней ещё не происходило. Почему именно она? Отчего именно эти картины?

— Тише, леди! — девушки услышали голос преподавательницы, — Маргарита, вы себя хорошо чувствуете? — спросила она, положив руку на лоб девушки.

— Простите, Мисс Керингтон... — виновато улыбнулась девушка, — Мне что-то не по себе — можно выйти?

— Да-да, конечно, сходи в медпункт!

Маргарита вышла.

Пока преподавательница что-то писала на доске, Джастина через ряд дёрнула блондинку за рукав:

— Всё нормально? — спросила она.

— Не знаю, но очень надеюсь, что так... — ответила та, лицо её выглядело озабоченным...

Вскоре послышался звон разбитого стекла — вся группа вместе с наставницей сорвались с мест и высыпали в коридор посмотреть, что же произошло.

Они увидели разбитое стекло раскрытого окна, а на полу лежала Маргарита — она была без сознания, руками инстинктивно закрывала лицо, из многочисленных порезов от осколков стекла сочилась кровь, на затылке волосы слиплись, и кровь тонкой струйкой текла по шее за воротник блузки — на алом шёлке появились багровые пятна.

Подруги бросились к ней:

— Джасси, беги скорее за медсестрой! А я звоню Джеку! — Даниэлла достала мобильный и стала быстро искать номер молодого хирурга.

* * *

Маргарита лежала на кушетке в лазарете, раны были обработаны и перевязаны; внизу была Евына ветровка, под головой — зелёная кофта Джастины, которую владелица связала собственноручно, накрыта она была Даниной курткой.

— Ребята... — она постепенно начала приходить в себя...

— Тише, тише — тебе нельзя волноваться! — успокаивал её Джонни, держа за руку, — Дыши глубже!

Джек измерял пульс и давление — показатели были очень слабыми.

— Молодёжь, откройте-ка окошко! — распорядился Джек — Этьен, будь добр, сгоняй-ка за кофейком для кухни! Марго, сможешь дойти до машины? Мы с Джоном поможем тебе. Приедем домой, и ты будешь спать, я тоже отдохну перед ночной сменой... Как же ты

нас напугала! Если с тобой что-то происходит — ты должна обязательно всё нам говорить! А если бы с тобой что-нибудь случилось?! Ну, подумай, хорошо бы это было?! Я не хочу окончательно поседеть раньше времени, волнуясь каждый раз!

Элизабет Брайтон, красивая блондинка из их группы, девушка чрезвычайно высокомерная — недовольно надула губки:

— Боже мой! В каком заведении я учусь — то уголовные элементы, то очередные коники Даниэль, теперь ещё эта сумасшедшая — нет, я не собираюсь учиться с этой ненормальной из серии: "Ушла в себя — вернусь не скоро!" и подпись "Твоя крыша". Ей место в клинике.

— Элизабет Брайтон, если я не ошибаюсь? — спокойным тоном спросила Маргарита, — А ты не боишься оставаться тут — я же дикарка, да ещё и сумасшедшая — я и укусить могу!

— Ну, знаете ли! — Лиз покрутила пальцем у виска, в сердцах топнула ножкой и вместе со своей подругой Феломеной вернулась в класс, громко хлопнув дверью.

— Ты не обращай на неё внимания — Элиза, как та собака — лает, а укусить не может. В общем, она безобидна, — успокаивала Даниэлла подругу.

— Знаешь, и словами убить можно, — мрачно заметила Маргарита.

— Да забудь ты! — справедливо вмешалась Джастина — Ты её хорошо на место поставила! Ух, она теперь злится ещё больше! К тому же, у тебя есть мы — мы не дадим тебя в обиду!

— Nie rozumiem, jak można tak mówić o swojej koleżance z klasy? Elizaweta zła dziewczyna! (Не понимаю, как можно так говорить об однокласснице? Елизавета злая девушка — пол.) — прямодушно возмутилась Ева — даже её глаза стали тёмно-зелёного цвета.

— Ребята, вы же не отдадите меня в лечебницу? — Маргарита умоляюще посмотрела на друзей — Я ведь не душевнобольная? Правда?

С трудом оправившись от недавнего потрясения, истощившего девушку и морально, и физически, Маргарита решила использовать верное и не раз проверенное средство, которое всегда безотказно помогало отвлечься и поднять настроение, ещё со времен детства:

— Ди, а Ди, приходи ко мне ночевать сегодня! После того, что сегодня случилось со мной на занятиях, я боюсь спать одна, — Маргарита скорчила умильную мордочку, — брат с Жаном всё равно в ночном...

— Ох, ну ты, как дитя малое, честное слово, — златовласая снисходительно улыбнулась и легонько ущипнула подругу за щеку.

— Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, — девушка растянула улыбку от уха до уха и заломила руки, — мне нужно отойти от сегодняшнего. Давай устроим пижамную вечеринку?

— Ну, лады, твоя взяла, — смирилась Дэни.

Маргарита бросилась на шею подружке с радостными воплями в предвкушении веселого девичника.

— Тихе, тихе! Задушишь же, маньячка моя милая, — девушка безуспешно пыталась отбиваться от объятий маленькой брюнетки, — Да, с такой импульсивной напарницей ночь обещает быть весёленькой, — вздохнула она.

Вечер обещал быть совсем не томным.

К тому времени, Даниэлла вышла из душа, успела переодеться и уже валялась на расстеленной мягкой кровати, переключая каналы пультом от телевизора, пока её место в ванной занимала Маргарита. Наконец, появилась Марго в своей обожаемой пижаме в цветочки, прижимая к груди целую кучу компакт дисков:

— Смотри, что я принесла: столько аниме (японская анимация, рассчитанная на подростковую и взрослую аудиторию и характеризующаяся многообразием стилей и жанров) — на целую ночь хватит! Только я хочу посмотреть что-нибудь, приятное, не напряжное.

— О, как! — в глазах Дэни заблестели задорные огоньки, — Ну, по такому случаю я пойду на кухню, посмотрю вкусняшек и сока.

— Ага, и не забудь печенек захватить, — добавила Маргарита, включая ноутбук.

— Печеньки захвачены, мой генерал! — отрапортовала светловолосая, возвратившись с целым подносом печенья и двумя пакетами сока, — Хоть, они и отчаянно сопротивлялись.

Маргарита подняла вверх большой палец руки:

— Здорово! Теперь можно начинать!

Когда мультфильмы были просмотрены, а в сон ещё не клонило, Даня предложила сочинять сказки...

— И всенепременный атрибут любой уважающей себя пижамной вечеринки, — не унималась Маргарита, — бой подушками, — хитро улыбнулась она, взяв в руки подушку и предвкушая, как они будут весело бутузить друг друга ими, вспоминая беззаботное детство, — И учти — пощады не будет!

Осуществить свою угрозу малышка не успела, так как её внимание было отвлечено происходящим за окном:

— Ой, Ди, посмотри в окно — летучая мышь! — испуганно вскрикнула Марго.

— Ай, ты у нас, что, мышей летучих боишься? — коварно прищурила глаза Даниэлла, — Ану, мышка, укуси-ка Маргариту, а то я сама её укушу — лежит тут такой пупсик и дразнит меня своими аппетитными щёчками! Нямя-ням-ням!!! Вот так! Нямя-ням-ням!!! А ты спи!!!

— Ага, — девушка с наигранной недоверчивостью покосилась на златовласую подругу, — чтобы ты меня съела: просыпаюсь я, а голова в тумбочке!

— Ну, раз уж так, — ухмыльнулась та, — то скорее... в духовке! Марго, а Марго, ты спишь уже что ли?!

— А?! Что?! — всполошилась Маргарита.

— А, ну ты спи, спи!!! — Даниэлла примирительно улыбнулась.

Она ещё с полчаса что-то рассказывала (жутко интересное по её мнению), но, встревоженная подозрительной тишиной, начала пихать локтем подругу:

— Эй!!! Ты что, спишь?!!! — с деланным возмущением поинтересовалась она.

— А-а?! Не... не-а, — пробормотала девушка спросонья, — уже нет.

— Ну, ты спи, спи... Нямя-ням-ням, — благодушно растянула улыбку Дэни.

— О, Боже!!!

Позже блондинка встала попить воды и задела головой колокольчики, что висели на люстре над кроватью, которые сама же Маргарите и подарила...

— А, что?! Где?! Что случилось?! — всполошилась Маргарита, уже почти заснувшая...

— А ты спи, спи!!! Нямя-ням-ням!!! Сладких снов!

— Спокойной ночи!

Но спокойно выспаться у Маргариты не получилось — кошмары снова ворвались в её сны, и она не понимала — прошлое это ли будущее, суждено этому случиться или это уже сбылось в прошлой жизни, оставался только всепоглощающий страх:

Джон бежал узенькими улочками к городской площади, а из глаз его по щекам стекали обжигающие слёзы.

Пробравшись сквозь толпу зевак, он разглядел в пламени костра Маргариту.

— НЕ — ЕТ!!! — из его груди вырвался не то крик, не то вой, — Этого не может быть...

Но, нечто дивное видят люди...

Услышав перешёптывания вокруг, Джон поднял голову и присмотрелся. И, что же он увидел?

Огонь не причинял вреда Маргарите, её тело оставалось невредимым.

— Ну, конечно же! — Джон хлопнул себя ладонью по лбу и рассмеялся, — Огонь — стихия Маргариты. Молодец, искорка моя. Но... она же может задохнуться от дыма. Ты

убиваешь её! КАЛИ!!! Что ты им наговорила? Какую ещё ложь ты им внушила? Зачем? В голове не укладывается...

По мановению его руки замерло даже пламя костра... У него было несколько секунд... Метко метнув нож, разрезавший верёвки, которыми была связана девушка, Джон в один прыжок оказался на эшафоте, чтобы поддержать Маргариту.

* * *

Не найдя лучшего способа заставить девушку замолчать, Джон закрыл ей рот поцелуем. Сначала она хотела сопротивляться, но потом её руки сами вспорхнули вверх и обвили его шею. Нахлынула волна отрывчатых болезненных воспоминаний, сердце, будто пронзили раскаленной иглой, по нервам и сосудам потекла расплавленная лава, а слёзы сами готовы были политься из глаз, и крик застрял в горле, но, он неосмотрительно прикоснулся к её спине, где болели ещё не зажившие шрамы. Через мгновение Чёрная Роза уже контролировала ситуацию — она резко отстранилась от него, переводя дыхание.

— Ты... — она не находила слов, — Да кто ты такой?! Что ты делаешь со мной? Почему? — растерянно пробормотала она.

— Маргарита, вспомни, кто я, кто мы. Постарайся. Ведь ты не забыла — ты же всё помнишь. Помнишь. Мы это уже пережили один раз — любовь нельзя забыть. Ты меня совсем не узнаёшь? Ты уже его жена или ещё любовница? И это при живом-то муже! — он старался в этих глазах разглядеть причину такого её пугающего состояния, — Твои глаза не солгут — ты во власти чар. Марго, посмотри на меня — я пока ещё жив! Против кого ты сражаешься? Ты это делаешь не по своей воле. Почему ты не послушала меня и не осталась в безопасности? Что он с тобой сделал? Я убью его! — парень попытался встать, но потерял сознание от болевого шока.

* * *

— Что со мной? Где мы? Голова болит, — девушка лежала на полу, белки глаз были красными от полопавшихся сосудов, губы пересохшие, из носа текла кровь...

— Мэгги, ты снова с нами. Это хорошо. Очень хорошо... — простионала Даниэлла, теряя сознание.

Маргарита бросилась к подруге:

— Данечка, скажи хоть слово! Кто тебя так? Неужели, это была я?

— Нет, малышка, не надо, — покачала головой златовласая, — Это уже не имеет значения.

— Что значит не имеет значения! — возмутился Джек, беря на руки Даниэллу:

— Моя подруга была мёртвой, а теперь она воскресла — не это ли повод для радости! — счастливо улыбнулась она.

* * *

Из-за колонны вышел Джон. Стройный, в красной шёлковой рубашке, вышитой золотом и подпоясанной плетёным кожаным поясом, в обтягивающих брюках, красных сапогах до колен, его алый плащ касался земли... Он был великолепен и выглядел устрашающе прекрасно.

Длинный меч описал полукруг и высек искры из каменного пола в том месте, где миллисекунду назад была Даниэлла... Она ещё раз перекатилась, чудом избежав чудовищного удара сверху. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах поверить, и вяло отмахиваясь от его атак.

— Как же это... Брат... Я не могу... — непонимающе бормотала она.

Он ухмыльнулся. В глазах — жестокость и холод...

Следующий удар пришёлся белокурой в плечо. Она вскрикнула и отскочила. Рука, державшая меч ослабела, и он чуть не выскользнул — она перекинула его левую руку.

— Дерись! — прикрикнул Джон.

— Ты что это творишь, а?! Я ведь предупреждал тебя, — Марк попытался вмешаться, но Джон легко, словно котенка, отшвырнул его в сторону, парень только потом сообразил, что тот больше не слеп.

Решив не тратить на бессмысленные разговоры и вопросы, девушка отчаянно ринулась в бой в надежде вымотать противника. Они рубились молча, весь остальной мир перестал существовать. Клинки сшибались, сталь визжала, рукояти выкручивали руки, пот застилал глаза. Дэни слабела. Была задета нога, на теле — множественные ранения. Рука онемела — вот-вот и она вообще откажется повиноваться.

А глаза его молили о помощи:

— Ты сможешь, — он старался говорить одними губами, — Убей меня. Ты должна. Мне уже не поможешь. Я всё понимаю, но не могу остановиться. Маргарита не способна на такое — ты... помоги мне...

Златовласая ошарашенно посмотрела на него, отступая...

Маргарита не могла смотреть спокойно на поединок двух близких ей людей, судорожно соображая, как же можно остановить это безумие — дышать было всё тяжелее — приступ удушья сковал и тело, и разум, а мысли путались в воспалённом мозгу. Господи, как же она ждала, что снова увидит своего Джангьяна, и эта надежда поддерживала и придавала сил. И что же она видит теперь? Пока они сражались, она умирала тут, глядя на них.

Она смогла решиться на этот шаг только лишь от безысходности — между Джоном и Даниэлкой внезапно оказалась Маргарита. Ничего лучше она сейчас придумать не смогла.

— Опомнитесь! Прекратите это безумие, заклинаю вас! — почти взмолилась она, которая до последнего верила и ждала его появления.

Точный выпад... Маленькая брюнетка замерла и вскрикнула, но не от боли. Её губы дрожали, в тёмных, слегка раскосых, глазах застыло удивление, и они были полны слёз — но в них не было боли, не было осуждения, только потрясение и шок. Кровь тонкой струйкой текла у неё изо рта и капала на пол. Вся жизнь, вместе с печалью и радостями, взлётами и падениями пролетела, как один миг...

— За что, Маэстро? — взор затуманился, ноги слабели, — Я не могу поверить... — едва слышно простонала Маргарита.

Джон резко выдернул меч и вовремя подхватил девушку:

— Дурёха, зачем ты полезла? — прохрипел он, и его взгляд, и его голос были словно чужими.

— Ты ведь это не серьёзно, правда? — Маргарита посмотрела на него своими огромными глазами, — Я не верю. Посмотри — это мы. Ты не можешь так поступить с нами. Ты наш друг, ты не мог нас предать. Это же не ты... Ты, ведь, не хотел этого...

* * *

Маргарита посмотрела на мужа — в его глазах была боль... Но, и блондин не собирался просить пощады.

Было видно, что Джон решил поиграть... Он не спешил, атаковал вяло, давал белокурому свободу передвижения. Глаза Джона блестели по-кошачьи, а с губ не сходила ухмылка...

Кошки-мышки продолжались...

Девушка с удивлением отметила, что у светловолосого прекрасные навыки. Фехтовал он не в первый раз... Движения были чёткими, спокойными и грациозными, он не красовался, не старался делать эффектных трюков... хотя, конечно, единственной его задачей на тот момент было выжить, что очень непросто, если дерёшься с самим Ямой.

А тому, похоже, игра надоела. Он нещадно рубил, и у парня еле хватало сил удержать меч. Искры летели.

Его меч с раздражающим лязгом, режущим по всем слуховым рецепторам до тошноты, скрестился с мечом Маргариты. Натиск был настолько силён, что девушке пришлось удерживать меч обеими руками:

— Прошу, перестань! Это не честно! Я не могу сражаться с тобой! — шептала она пересохшими губами.

Ему гораздо легче было бы убить себя, но постоянно мучивший вопрос — "за что?".

Хотел ли он услышать на него ответ?

Его охватывало настоящее безумие, чему сейчас он был даже рад — лишиться рассудка и ничего не помнить и не знать, иначе это просто доведет его до последней черты:

— Да кто бы говорил о чести! Скажешь, ты честно со мной поступила? Или у меня на лбу написано "идиот"?! Я же любил тебя больше жизни, черт возьми, почему, собственно, "любил" — я же и сейчас тебя бесконечно люблю, — он говорил, точно выплевывая каждое из слов, — и мне сейчас так больно... так, если бы ты вскрыла мне вены и оставила медленно истекать кровью. Неужели, все твои признания и клятвы были лживы? Вся твоя любовь была ложью?

— Как ты мог поверить разным слухам? — Маргарита всё ещё надеялась воззвать к его разуму, прорвавшись сквозь пелену отчаяния и боли, — Как ты мог позволить ревности ослепить себя?! Я была не права, признаюсь, но и ты должен понять...

— Хватит! Замолчи! — заорал, до хрипоты надрывая связки, — Ничего не хочу слушать! Я УЖЕ НИЧЕГО ТЕБЕ НЕ ДОЛЖЕН! За что ты так со мной? Знаешь, кто ты? Даже говорить не хочу, — нет, лживые её глаза не увидят его мук и его слез.

— Я не позволю тебе убить мальчика, — лицо Маргариты выражало решительность, от его детских черт не осталось и следа...

На мгновение он ослабил натиск, но это было всего лишь мгновение, если бы его глаза метали настоящие молнии, то они могли бы испепелить всё вокруг...

Миг удивления прошел. Сталь звенела, руки немели, силы были на исходе... Его разум был затуманен, отказываясь слышать — о, он не отказался бы и оглохнуть навсегда, лишь бы не слышать её лживых слов! Оставалось только ждать, когда они оба выдохнутся...

Неужели возможно, чтобы всё вот так закончилось? Разве мог кто-нибудь из них предположить, что они расстанутся врагами, скрестив оружие? Лезвие скользнуло по плечу, оставив алую роспись, и рукав блузки упал на землю... девушка осела, скорчившись от боли, сквозь пальцы руки, которой она зажимала рану, сочилась кровь. Она умоляюще посмотрела на него...И этот взгляд преследовать его будет даже в аду. Но самый настоящий ад был внутри зияющей пустоты, что образовалась у него вместо сердца.

— Месье, а нельзя ли повежливее с дамой?! — не выдержал блондин.

— Заткнись, щенок! До тебя очередь дойдёт! — рявкнул он, меньше всего его сейчас волновало, что подумает о нем этот...

— Месье, я не закончил! — настаивал светловолосый.

— Чёрт, ну ты вывел меня! — он, не оборачиваясь, послал энергетическую ауру,

отбросившую парня довольно далеко и с силой ударившую о землю...

Нет, дальше продолжаться так не может!

Пусть лучше она разозлится и убьет его, ибо нет уже сил ждать, пока эта боль прикончит его:

— Ты ведь пошутил? Ты ведь не сделаешь этого, правда? ЖАН! — и Маргарита не поверила своим глазам, когда подняла голову и увидела занесенный для удара меч.

Он сам её всему научил, и она была способной и самой любимой его ученицей.

Это была самозащита, а не преднамеренное действие...

Маргарита услышала свой крик, словно издалека, и, подобно электрическому току, мучительно режущий импульс прошёл по всему телу...

Алый плащ упал к её ногам...

Она вытащила клинок — кровь прыснула на блузку и лицо девушки, хлынула из горла Джона, он начал медленно оседать вместе с ней, в его руках остался второй рукав её блузки, а кровавый след от его ладони на щеке жёг сильнее огня...

Какое облегчение, что хочется даже улыбнуться. Вот, только почему её лицо в слезах и нет улыбки? Он так хотел запомнить её улыбку. И отпустить... А сделать это мог только так, живым бы он не нашел в себе сил.

Маргарита проснулась в холодном поту. Выпив стакан воды, девушка вышла на лоджию, открыла окно и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь унять предательскую дрожь.

До самого рассвета она так и не смогла заснуть — несколько раз она просыпалась от кошмаров. Решив не будить мирно сопящую Даниэллу, рядом с которой спал, свернувшись клубочком, маленький Милорд, а Актеон и Сорбонна спали в своей корзине возле кровати, тихонько оделась и вышла во двор подышать рассветным воздухом.

Свежий прохладный ветер пробирал сквозь пижаму и халат. Осмотревшись, она была поражена тем великолепием, что открывалось перед ней: сквозь тонкую дымку тумана

виднелись только начинающие распускаться цветы в саду, на нежных лепестках которых бриллиантами сверкали капли росы. Воздух был наполнен ароматами и весёлыми трелями птиц, радостно приветствующих восход Солнца.

По дороге в сад Маргарита встретила Джека, уже вернувшегося с ночной смены.

— Чего не спим уже в такую рань, сестричка? — он поцеловал сестру в щеку, — Доброе утро!

— Доброе утро, мордашка, — улыбнулась девушка, проводя рукой по его щеке.

— Да, ну тебя! — отмахнулся мужчина.

Марго обняла брата:

— Ты у нас красавчик, — подмигнула она — И не забудь про красоту души.

— И про возраст тоже... — грустно заметил он.

— Ой, ну вот только не надо — ты ведешь себя сейчас как ребёнок, — нахмурилась девушка, — Мы любим тебя таким, каков ты есть. А для Даниэллы вообще — лучше тебя никого не существует, это же всем видно. Всем всё видно... — добавила она едва слышно, — Видно, что к Джону я охладела...

— Да что с тобой такое? — молодой хирург непонимающе посмотрел на девушку.

— Я не знаю и не понимаю, что со мной происходит, — опустила голову Маргарита, — Я попросила родителей забрать меня в Париж. Мне о многом нужно подумать.

— Это твоё окончательное решение? — доктор пристально взглянул в глаза сестры.

— Всё будет хорошо. Не беспокойся за меня. Я продолжу учёбу в лицее, потом я хочу поступить в Сорбонну на факультет медицины и стать врачом, как ты, как мама и папа. Для меня это очень важно, — она силилась улыбнуться, и сейчас ей почти физически было необходимо выйти подышать воздухом.

Чуть прислушавшись, девушка слышала звуки гитары — сначала она решила, что это ей только показалось, но мелодия слышалась всё отчётливее...

Сидя на бортике бассейна, Джон вдохновенно выводил на гитаре композицию "Windmill" группы "Helloween".

Мелодия показалась Маргарите знакомой, а потом сами по себе пришли слова, и песня полилась над ещё спящим городом...

Джон обернулся:

— Марго... — посмотрел он на девушку широко раскрытыми от изумления глазами — её появление застало его врасплох, — Решила встать пораньше или ты ещё не ложились? Я вот не могу уснуть, хоть и чертовски устал. Решил немного помузицировать — надеюсь, это не я своей игрой тебя разбудил?

— И тебе привет, Жан, — слабо улыбнулась девушка, — Не разбудил — последнее время у меня бессонница.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно поинтересовался он — Ты так нас напугала своим обмороком. Что с тобой происходит? Я могу чем-нибудь помочь?

— Благодарю за заботу, но, вряд ли ты можешь мне помочь, да и кто-нибудь другой тоже. Я должна справиться с этим сама. Джек говорил тебе — у меня пробелы в памяти. А когда я засыпаю, то приходят кошмары — последнее время я стараюсь спать как можно меньше. В моей голове такой беспредел, что такого я бы и злейшему врагу не пожелала. В настоящем времени мы живём, прошлое остаётся в виде памяти, а будущее — это надежда, человек, когда теряет связь времён, то выпадает из бытия. Но, я знаю, что настанет время, когда я всё вспомню и смогу ответить на вашу любовь... на твою любовь... Ты прекрасный человек... Не хочу показаться неблагодарной — я очень признательна тебе за всё: за любовь, за заботу, за то, что сутками не отходил от меня в больнице, за то, что друзьям моим помогал, и доктору признательна, что буквально вытащил меня с того света, и Даниэлле, и всем-всем. Я перед вами в неоплатном долгу. Как же здорово, что вы у меня есть — это самое важное, и всё остальное не в счёт.

— Хочешь, я тебе кое-что покажу? — Джонни осенила очередная идея, — Пойди переоденься, а я пока мотоцикл вывезу из гаража. Заметь, — важно и с гордостью объяснил он, — теперь это уже не бесполезная груда металлолома, что занимает место — я его починил, и теперь это — мой мотоцикл. И, да — я почти что гений.

Ехать пришлось не слишком долго, и в дороге она, почти инстинктивно, и даже когда приехали на место, несколько замешкалась, задержав взгляд то на его лице, то на его руках, прежде, чем отпустить.

— Ух-ты! Как же тут здорово! — всплеснула руками Маргарита, глядя на открывающуюся перед ней панораму города. Потрясающий вид услаждал взор, а пьянящий аромат будоражил нервы.

— Это моё самое любимое место — отсюда открывается просто невероятный вид. Никогда в своей жизни не видел я более прекрасного рассвета, — самозабвенно произнёс молодой человек, — Ты чего кашляешь — тебе холодно? Дать тебе мою куртку?

— Нет, это от нервов, — пояснила девушка, — Я кашляю, когда нервничаю, говорят — это у меня с самого детства.

— Боишься? Меня? Ты мне не доверяешь? — Джон не поверил своим ушам.

— Нет, я боюсь себя, себе не доверяю, — Маргарита вскинула голову и неотрывно посмотрела на него, — Жан, ты знаешь, кто я? Скажи мне — кто я?

— Ты — та, кого я люблю! — твёрдо ответил он.

— Сейчас мне лучше побыть одной, — Маргарита опустила взгляд, — разобраться в себе... Ты уже знаешь — я еду домой в Париж.

— Что ты такое говоришь? — вопрошал Джон, часто хлопая ресницами, — А как же мы? Как же я?

— Мне очень жаль... — словно удар под дых, у парня перехватило дыхание... Однажды он уже слышал эти слова, и они принесли только печаль и одиночество.

— Жаль? И это всё, что ты можешь сказать? — он с трудом подавил стон отчаяния, — Эгоистка! У тебя в сердце теперь нет места для нас?

— Эгоистка? — не выдержала Маргарита, — От эгоиста слышу. Тебя волнуют только твои чувства, а на меня тебе наплевать! Прими, сначала, мою боль, переживи то, что я пережила, а потом будешь упрекать. Да знаешь ли ты, что я испытываю? Как это — просыпаться каждую ночь от кошмаров, когда видишь, как умирают люди, падают рядом израненные и окровавленные — волком выть хочется! Сцены, одна за другой, переплетаются в диком, страшном танце — я то становлюсь свидетелем ужасной и жестокой резни, то погибаю от рук людей, которых уже успела полюбить, то сама становлюсь убийцей. Я не знаю, кто я, в чём моё предназначение, какова моя роль. Меня гложут страхи и сомнения... — она говорила, но язык не слушался её, к горлу подступал комок, а слёзы душили и жгли глаза, наконец, она зарыдала.

— Ну, вот — вы, женщины, всегда знаете, против какого оружия мы бессильны, — Джон провёл руками по её ресницам, вытирая слёзы, — когда прекрасные женские глаза застилают слёзы, то мужчина перестаёт ясно видеть. Прости, я не хотел тебя расстраивать и заставлять волноваться ещё больше. Клянусь, я всё сделаю, чтобы исцелить твою душу. Оставайся с теми, кто тебя любит, и вместе мы переборем всё, справимся с чем бы то ни было. Прости, если я был резок с тобой — но, твои слова были словно выстрелы в сердце и душу. Твои слёзы причиняют мне боль. Посмотри — алеет рассветное небо, а звёзды исчезают в утренней дымке — зачем мне всё это, если я останусь один, без тебя?

В порыве чувств Маргарита едва не задушила его в своих объятиях, чуть не свалив с ног:

— Ты уже не сердишься? Спасибо за понимание! Я знала, что, если ты любишь меня, то поймёшь. Сначала я должна найти себя. Прости, что я накричала на тебя — я тоже вспылила попусту.

— Мне будет очень не хватать тебя... Ты хоть звони, пиши... — глубоко вздохнул Джон когда хотелось кричать до хрипоты.

— Ну, конечно. Обязательно. Я тоже буду очень скучать без вас. Но, я вернусь, я точно знаю. Мне очень тяжело, я стараюсь находить нужные слова — вы проникли в моё сердце и останетесь там навсегда! Я постараюсь вернуться как можно быстрее. Я уже чувствую, как по капле, силы и память возвращаются ко мне. Все мы одиноки сердцами в больших городах, — продолжила Маргарита словами одной из любимых композиций, — словно

заблудившиеся дети... Но, я полечу, даже на растерзанных крыльях — и однажды засияет моя настоящая победа.

— Хотел бы я уничтожить все страхи, что нагоняют печаль на твои глаза, — с заботой произнёс он, обнимая девушку за плечи, — Но... у меня есть идея — Закрой на минутку глаза, — чтобы удостоверится, что она не подглядывает, провёл рукой перед её лицом.

— О.К! Всё? — Маргарита в нетерпении накручивала на пальцы прядь своих волос.

— Да, можешь уже открыть, — наконец разрешил он.

— Конфетки! Шоколадные. Мои любимые, — открыв коробку грильяжа, Маргарита с детской непосредственностью взяла сразу три штуки и начала разворачивать обвёртки, — Откуда это? Ты что — фокусник?

— Тебе нравится? — робко осведомился молодой человек.

— Ты ещё спрашиваешь, — утвердительно закивала головой девушка, отправляя в рот ещё одну.

— Вот такая, весёлая, счастливая, с улыбающимся личиком, ты мне нравишься больше, — мягко улыбнулся он, — Я хочу запомнить твою прекрасную улыбку!

— Жан, не надо... — глубоко выдохнула Маргарита, — Я же еду не навсегда. И ни слова о любви, во имя неба и земли. Отвези меня лучше домой.

Один Бог знает, как ему хотелось снова почувствовать прядь её волос между пальцами, вдохнуть их аромат, ощутить прикосновение её кожи, испытать поцелуи с её губ — каждый вздох как смерть. Но, не в его принципах было брать женщину силой — укротив себя сейчас, он будет вознаграждён, иначе рискует потерять её навсегда. Только вот когда наступит это "потом"?

— Обними, обними меня крепче, — попросила девушка, — И не теряй меня. Убереги, удержи меня. Не отпускай. Обними меня крепче. Ну, же! — почти потребовала она.

Только Джон открыл было рот, но, не успел он и слова произнести, как Маргарита поднесла палец к его губам:

— Ни слова... Как же я смогу без тебя теперь?

И они слились в долгом поцелуе.

— Запомни, — прошептал он — я готов отказаться от всего ради тебя, но я не готов отказаться от тебя.

Я приду к тебе на помощь, я с тобой пока ты дышишь -

было так всегда, ты помнишь, будет так всегда, ты слышишь!!!

Алена Свиридова

Попрощавшись с Маргаритой, Джон опять сидел на бортике бассейна и наигрывал на гитаре знаменитую мелодию "Nothing Else Matters" группы "Metallica", он даже не заметил, как к нему подошла Даниэлла:

— Салют, братишка, что делаешь? — приветственно улыбнулась она.

— Апельсины гружу, не видишь? — огрызнулся молодой человек.

Златовласая встала "руки в боки":

— Эй! Какая муха укусила тебя, мистер? — наигранно возмутилась она — Уж не Маргарита её имя?

— Sorry, Дань, я сегодня что-то не в духе, — внезапно Джон вскочил и, отложив гитару, подошёл к девушке:

— Данька, давай подерёмся? — его глаза лихорадочно блеснули.

— Сдается мне, что ты сейчас не в лучшей форме, — девушка окинула его критическим взглядом, — А ты разве не поедешь провожать Маргариту в аэропорт?

— Мы с ней уже попрощались, к тому же, долгие проводы — не для меня, — горько усмехнулся парень, — Я боюсь, что могу сорваться и просто украсть её прямо у терминала.

— Да ведь ты — словно ходячая бомба с часовым механизмом — вот-вот взорвёшься, — ей ещё не доводилось видеть мужчину таким беспомощным и растерянным, — Расскажи, что гложет тебя! Расскажи всё той, кого назвал своим другом и сестрой.

Ты влетаешь ко мне не дыша,
Чтоб со мной разделить эту радость,
И я знаю, что друга душа
Укрепляет безмерную радость.
Ты приходишь ко мне не дыша,
Чтоб со мной разделить это горе,
И я знаю, что друга душа
Уменьшает тяжёлое горе...
Валерия Чунихина

— Дэни! — Джон кинулся девушке на шею.

— Господи, да ты весь дрожишь. Ты же на грани. А у меня, как на зло, нет жилетки! — Дэни посмотрела на парня, — в его глазах жемчужинами блеснули слёзы:

— Кто-то встал, а кто-то ни как не может встать, когда захочется; кто-то спал, а кто-то не мог, когда беда и одиночество... — грустно продекламировал он словами известной песни, — Ну, почему? Почему? Может, проблема во мне? Что я сделал не так? Это что — карма у меня такая? Когда моя жена влюбилась в моего лучшего друга, я благословил их. Я собрал сердце по кусочкам и уже не думал, что смогу когда-нибудь полюбить. Ах, Маргарита, Маргарита — сама мне крылья подарила, сама же их и обломала... Какого чёрта! Где сказано, что я должен её отпустить?

— Так, дорогой, а теперь сядь, успокойся и послушай, что я тебе скажу! — сказала Даниэлла суровым тоном.

Джон от неожиданности снова присел на бортик бассейна.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но ты поступил правильно — Маргарите очень важно сейчас твоё понимание, она по достоинству оценит твой поступок. Глупый, она ведь любит тебя, просто ей сейчас тяжело, но, даже если она потеряла память — забыть любовь невозможно. Когда любишь, должен уметь доверять, ждать и прощать. Как ни странно звучит, но, чтобы не потерять Маргариту, ты должен отпустить её сейчас. Ты должен уважать её решение.

— Блин, разумом-то я всё это понимаю, но всё равно мне очень больно, — он медленно опустился на землю. Как волна накрывает с головой, забивая ноздри пеной, не даёт дышать, сидел он оглушённый. А ему так много всего ещё нужно ей сказать... "Неужели это конец всему — любви, мечте?" — задавал он вопрос себе и Небесам...

Он так и не поехал со всеми сопровождать девушку в аэропорт — это было выше его сил.

Джона не было с ними, когда друзья провожали Маргариту на самолет.

— Пока, сестрёнка! — Джек обнял девушку, — Береги себя, — На него нахлынул такой прилив нежности — он вдруг вспомнил как мадам Валентина ходила в положении, как впервые принесли в дом крошечный кричащий свёрток, её первые шаги, первые слова, первые секреты, которыми легче поделиться с братом, чем с родителями...

— Джек, ещё раз прими от нас огромную благодарность за то, что вернул нам дочь, — обнял его Шарль.

— Это самое меньшее, что я мог бы сделать для вашей семьи, — улыбнулся молодой хирург и добавил — Для моей семьи.

— Берегите себя, дети, — Валентина по очереди расцеловала ребят.

— Пока, малышка! — Даниэлла погладила Маргариту по волосам, — А ты точно уверена, что поступаешь правильно?

— Тебе, Дань, легко говорить: была бы ты на моём месте, то те трое оказались бы на больничной койке. Но, мне жаль покидать вас. А как там Джон? Знаешь, когда я его вижу, то становлюсь такой глупой, язык становится как деревянный — и слова внятного выдать не могу из себя, становится трудно дышать... Что это? Ты чувствуешь то же самое к Джеку?

Дэни хотела ответить, но тут объявили посадку...

— Ну, вот, мне уже пора бежать, — безрадостно улыбнулась Марго.

Попрощавшись со всеми, она направилась к пункту регистрации, где резко остановилась и окликнула ребят:

— Подождите минуточку! Я кое-что забыла, — девушка сняла заколку с волос, — Ловите! Передайте это Джону от меня!

Девушка послала друзьям воздушный поцелуй и, тряхнув чёрными кудрями, направилась на посадку:

— Обещаю держать связь! — крикнула она напоследок.

— БОН ВОЯЖ, МАРГО! — напутствовали её друзья, приветливо улыбаясь.

Когда все уехали, Джон бесцельно слонялся по пустому — внутри у него была такая же пустота, вакуум, давящий и снаружи, и изнутри. Он задыхался от бессилия. Найдя в баре начатую бутылку виски, он сначала долго изучал этикетку, потом налил себе стакан и залпом выпил его. Приятное тепло разлилось по всему телу. Удовлетворённо хмыкнув, Джон поставил бутылку и стакан на стол и направился на кухню за льдом. Он и сам не заметил, как бутылка опустела. Отуманенным взглядом смотрел он, то на пустой стакан в руке, то на пустую бутылку, стоящую на столе. В зеркале мелькнула его собственная тень. Так со стаканом в руке, неровной походкой, Джон подошёл ближе — из зеркала на него смотрел бледный осунувшийся некто с воспалёнными глазами, трёхдневной щетиной и взлохмаченными волосами — когда-то он уже видел всё это в другом зеркале, несколько лет назад. Тогда он нашел в себе силы остановиться и собрать себя заново... Неужели печальная история в его жизни, принесшая столько боли, снова повторяется? Хватит ли у него сил в этот раз?

Он поправил выбившуюся прядь, провёл рукой по лицу и криво усмехнулся. Потом резким движением швырнул стакан в отражение. Зеркало со звоном разлетелось вдребезги. Он присел на колени и подобрал один из осколков, с силой сжав его в руке, пока по пальцам не потекла кровь. А если бы она осталась калеккой, прикованной к инвалидному креслу, тогда бы она осталась... с ним... Джон порывисто замотал головой, чтобы прогнать из головы эти грешные мысли. Нельзя даже думать о таком — ведь это она, его Маргарита. Как же так? Его огромной любви хватило бы на них двоих. А слёзы сами по себе стекали по щекам, оставляя мокрые следы. Пальцы разжались, и окровавленный осколок зеркала упал на пол. Он медленно встал и присел на кровать, обхватив голову руками.

Потом он откинулся на постель и невидящим взглядом уставился в потолок. Наконец, поднялся, на ходу накинул куртку и захватил мотоциклетный шлем.

На улице свежий воздух немного развеял хмель. Несколько раз глубоко вдохнув, Джон надел шлем и сел на байк. Куда он поедет? Зачем? Не важно... Только подальше отсюда... Подальше от боли...

Компания уже обиралась покинуть аэропорт, когда звонок мобильного прервал сладкий поцелуй Джека и Даниэллы. На дисплее высветился номер клиники. Обречённо вздохнув доктор снял трубку. Разговор был коротким.

— Простите, ребята, — развёл он руками, — Придётся вам такси брать — меня вызывают. Какой-то псих разбился на мотоцикле на окружном шоссе.

Дэни посмотрела на мужчину своими глазами небесной синевы и мягко улыбнулась:

— Не-а, всё равно не верю, как бы ты не старался казаться хуже, чем есть на самом деле. Я уверена, что жизнь пострадавшего в надёжных руках.

— Постараюсь оправдать твоё доверие, любовь моя. Его уже везёт бригада скорой, и мне нужно ехать, — он поцеловал белокурую, пожал руку Питеру и попрощался с остальными.

Доктор постарался поспешить, и в скором времени был уже на месте — в приемном покое.

— Как состояние больного? — незамедлительно осведомился он у дежурной приёмного отделения.

— Состояние тяжёлое, но стабильное, — медсестра подала ему карту пациента, — Сломанное ребро пробило легкое, сильное внутреннее кровотечение — он потерял много крови. Сейчас для вас готовят пятую операционную. Да, вот доктор, сами посмотрите — там он на каталке, с ним парамедики, которые его привезли.

Молодой хирург повернул голову в ту сторону, куда показала сестра, и обомлел — незадачливым байкером оказался не кто иной, как Джон. Его глаза, некогда прекрасные, на бледном от большой кровопотери лице, теперь были подёрнуты предсмертной дымкой... Лицо и тело — в ссадинах и кровоподтёках.

— Ну, "Шумахер" хренов! — в сердцах выругался Джек, — Найдите анестезиолога и приготовьтесь к переливанию крови, — отдал он распоряжения младшему медперсоналу, прощупывая пульс пострадавшего, — Твою ж... Да, от тебя разит моим виски — какая банальность, он хотел утопить горе на дне бутылки. А я, признаться, был лучшего о тебе

мнения. Ладно, тебе на себя наплевать, но, ты же мог сбить кого-нибудь! Ой, дурак! Ей Богу, на всю голову дурак! Тоже мне, гений — Леонардо "Недовинченный", так-то ты байк починил? Что с кровью?

— Я потерял много крови? — еле выдавил смуглокожий парень, пропуская мимо ушей колкости в свой адрес.

— Группа крови, спрашиваю, какая? — повторил свой вопрос Джек, на что парень лишь непонимающе заморгал.

— И откуда ты только такой взялся на мою голову? — молодой хирург разочарованно вздохнул и вытер ладонью пот со лба, — Добро пожаловать в наш мир, — ухмыльнулся он, распаковывая шприц, — Руку давай. Кулаком поработай. Так, хватит. Теперь разожми кулак.

— Это что — такая изошрённая инквизиторская пытка? Кровопийца, — лицо Джона исказилось гримасой боли.

— А ты у меня ещё поумничай давай, остряк. Уже не такой крутой, да? — мужчина вынул иглу и передал шприц санитару — Отнесите это в лабораторию на экспресс-анализ, мне необходимы данные по группе крови и резус-фактору в течение десяти минут, — Локоть зажми, — обратился он уже к Джону.

— Как скажешь, господин Великий Инквизитор, — скривился молодой человек.

— Прости, что мало, — ехидно улыбнулся доктор, — Я тут, между прочим, пытаюсь спасти тебе жизнь, так что, раз уже облажался, то, будь любезен — закрой рот и не мешай мне работать.

— Зачем, Джек?! Зачем?! — прохрипел Джон.

— Что значит зачем?! — возмутился Джек, — Я тебя с того света вытащить стараюсь, вообще-то.

— А я просил об этом? Отпусти меня... — одними губами произнёс Джонни и закрыл глаза, на ресницах блеснула слеза.

— Сожалею, — покачал головой мужчина, — тогда ты не к тому врачу попал, — я тебя не отпущу, у меня репутация всё-таки. Считаю, что сегодня не твой день. Ты, вообще, о матери своей подумал — каково ей будет? Ах, простите. Ваше бессмертное высочество, куда ж нам, простым смертным, понять Ваши высокие мотивы. И сына ты тоже решил вот так, вдруг, бросить? Ты произвёл на меня впечатление сильного человека, а, оказывается, ты слабак. А меня ты в какое положение ставишь? Ты понимаешь, что сейчас от моего мастерства зависит жизнь друга? Я не имею права на ошибку! Ты хоть понимаешь, какое это нервное напряжение? А кто-то вылакал мой виски! Не подскажешь — кто? Прости, но, по моему, ты отшиб последние мозги, — не выдержал Джек, — А Маргарите я что скажу? На разговор ещё не закончен, учти.

Тот умоляюще посмотрел на молодого хирурга:

— Ты абсолютно прав, док: я — дурак, дурак и эгоист... Джек, пожалуйста...друг... — простонал он, — Мне холодно... Так холодно... Я верну её...

— А я думал, что тебе жизнь уже надоела. Или у тебя, как у кота, девять жизней? Разумеется, вернёшь — только вернись сам сначала, — Джек не мог без содрогания смотреть на умирающего друга, и добавил, смягчившись, — Я сделаю всё, что смогу, обещаю...

— И Маргарите, прошу, не рассказывай ничего, — Джон потерял сознание.

А в самолете Маргарита засыпала, не в силах совладать с накатившей усталостью. За последнее время её нервная система была истощена до предела. Мысли путались в голове. Она пока ещё не знала, правильно ли она поступила, но точно была уверена, что будет скучать без своих друзей, которых она оставила в Лос-Анджелесе, а ещё... из головы не выходил печальный взгляд красивых глаз Джона...

Почти машинально на стекле иллюминатора она вывела:

"SOS for love"...

На своих губах она ощутила солёный привкус слёз...

Молодой человек сидел на кровати, во что-то увлечённо играя на ноутбуке, а Розалинда усердно расчёсывала его темные волосы.

— Принцесса, а ты не перепутала меня со своей куклой Барби? — недовольно поморщился молодой человек.

— Много ты понимаешь, — возмутилась Роза, — Красота требует жертв, так что — терпи. У тебя волосы спутались. И не верти головой, — вдруг девочку осенила занятая идея, — Слушай, а давай я тебе косичку заплету, а?

— Никаких кос, — запротестовал Джон, — Соглашусь максимум на хвост, — он негодуяще замотал головой.

В комнату вошел доктор.

— Та-ак, что тут у нас? — поинтересовался доктор, — Детский сад мировые проблемы решает? — иронически заметил он.

— Попрошу не обобщать, — возразил Джон, за что получил от доктора подзатыльник.

— Не провоцируй меня, я на тебя ещё очень зол, — он перевёл взгляд на девочку, — Роза, ну, хватит уже его мучить, мне повязки Джону поменять надо.

— Ладно, я пойду погуляю в саду, но, я ещё вернусь, — помахала рукой Розалинда, а Джон лишь обреченно вздохнул.

— Придется потерпеть, — предупредил Джек, — Учти, что я смог залечить только эти твои раны, а те, что тебя действительно мучают, не под силу вылечить даже мне — только ты сам можешь помочь себе.

После того, как, закончив процедуры, доктор удалился, вернулась Розалинда в сопровождении старшей сестры.

— Эй, не раскисай, братишка, — ободряюще улыбнулась Даниэлла, — Если Марго не

едет к нам, то, что мешает нам поехать к ней? Лично я совсем не против посетить Париж, а?

— Дэни, а ведь действительно, — глаза Джона засияли, — Прекрасная идея. Маргарита пишет, что ей спокойно и комфортно — она продолжает учёбу, а по выходным помогает в монастырской клинике при аббатстве Сен-Маргарет, зовёт в гости. А что скажет на это док?

— Не переживай, он не сможет мне отказать, — лукаво подмигнула она — Как только твоё состояние будет позволять, сможем отправиться. Остальные, я уверена, тоже будут не против.

— Ты — настоящий друг, сестрёнка, — с благодарностью обнял её Джон.

— А сейчас тебе нужно выспаться, давай сюда ноутбук, — попросила Дэни.

— Ну, так нечестно, — расстроено буркнул Джон, — Я — личность творческая и стремящаяся к познанию всего, ноут мне просто необходим, — он даже попытался привстать на подушках, но, скривившись от боли, снова рухнул на постель, принимая тщетность таких попыток в его теперешнем состоянии.

— Ага, как же — в "Варкрафт" резаться он тебе необходим, — парировала златовласая.

Джон лишь скорчил в ответ рожицу и в знак протеста накрылся одеялом с головой.

Потом все трое уже задорно смеялись.

Друзья, скучавшие по малышке Маргарите и переживавшие за неё, с воодушевлением приняли идею посетить Париж и проведать дорогую подругу.

Билеты были забронированы в тот же вечер, и через несколько дней их самолет уже делал посадку в аэропорту Парижа, откуда они и направились преподнести Маргарите приятный сюрприз своим столь скорым приездом.

— Дочка, к тебе пришли — спустись в холл, — улыбнулась молодая монахиня, — Тебя ждёт сестра.

Спускаясь по лестнице, Маргарита всё гадала, кто же может ждать её: Даниэлла... Эллен...

То, что она увидела, превзошло все её ожидания... Неуверенной походкой, держась за перила, Маргарита спустилась, бледная, похудевшая, снова коротко стриженная, в скромном сером платье с кружевными воротником и манжетами.

Румяная черноволосая девица, в длинном атласном чёрном платье и чёрных лаковых туфлях, растянула белозубую улыбку от уха до уха:

— Bonjour, ma chère! — улыбнулась она ещё раз.

И без того не маленькие, глаза Маргариты стали просто огромными, она смотрела и не могла поверить: этот голос она узнала бы среди тысячи других без труда, а эти глаза...

От нахлынувших чувств закружилась голова, по щекам потекли слёзы. Закрыв лицо руками, девушка выбежала в сад. Немного пробежав, она застыла на месте, глубоко дыша, пытаясь совладать с эмоциями.

— Маргарита, стой! Подожди же!

Окрик вывел девушку из оцепенения.

— Господи, я ж убиться так могу на этих каблуках! И как вы, женщины, такое носите? Это, наверное, хуже, чем кандалы. Вот как надо было пытаться в средние века. "Испанские

сапожки" нервно курят в сторонке, — шутливо сердился молодой человек.

Маргарита обернулась и не могла уже сдерживать приступ безудержного смеха:

— Жан, ты всё-таки приехал! — девушка смотрела на него и смеялась от души, — Знаешь, а тебе идет этот наряд — ты такой милашка. Но, для чего весь этот маскарад?

Джон покраснел и кокетливо улыбнулся:

— Ну, да — я такой. А как, по-твоему, я попал бы в женский монастырь? Дьявольщина! Я чуть Богу душу не отдал на этих каблуках, будь они неладны! — выругался он, снимая злосчастную обувь, — Прости, я так и не научился жить без тебя, — виновато улыбнулся парень, — Зато, согласишься, мне удалось тебя удивить.

Маргарита не могла сдерживать не прекращающийся приступ смеха:

— Это Дэни с Розы так над тобой подшутили? С них станется. На дворе двадцать первый век — не стоило так изощряться, — всё ещё смеясь и вытирая руками потёкшую от слёз тушь, спросила Маргарита, — И всё это ради меня?

Парень ещё раз пристально осмотрел себя и разразился заразительным смехом.

— Ты всё можешь прочесть сейчас в моих глазах, — успокоившись после приступа смеха, пылко заверил Джон, и в них она увидела своё отражение.

— У тебя глаза такие, что невозможно забыть, — девушка дотронулась до его ресниц.

— С ума сойдёт тот, кто тебя полюбит. Рассудка тот лишится, кто тебя полюбит, — повторял он, осыпая поцелуями каждый сантиметр на её лице, глядя её волосы, — Ты зачем волосы опять остригла, когда они только начали отрастать? У тебя роскошные волосы — не обрезай больше, хорошо?

— Ты настолько влюблён, что замечаешь каждую деталь? — Маргарита внимательно посмотрела на парня, ласково улыбнувшись.

— О, да и да! Сто тысяч раз, — на одном дыхании вымолвил он, — Прости меня, дурака. Я не должен был давить на тебя. Но, эта история меня многому научила — если любишь, то учишься ждать и доверять.

— Я тоже вела себя как эгоистичный, избалованный ребёнок. Конечно, это не оправдание, но, мне было очень тяжело. Теперь мы постараемся исправить наши ошибки, — Маргарита взяла его руку в свои маленькие, почти детские, ладони, — Теперь всё будет хорошо. Как бы ни было тяжело, мы всё преодолеем... вместе. Ведь у нас впереди целая вечность.

— У нас впереди целая вечность, — повторил он, и каждый из них был уверен, что именно ему ведом истинный смысл этих слов...

Внезапно, подобно сотне мечей, её пронзили лучи света, и она поднялась в воздух.

Рот приоткрыт в немом крике, глаза застыли как стекляшки у куклы. Её тело поглотило свет, и Маргарита упала на землю. Тело охватило пламя.

Девушка посмотрела на свои пылающие руки и закричала от ужаса, но, к своему изумлению, боли она не чувствовала.

Джон попытался было подойти к ней, но она истошно закричала:

— НЕТ! Не приближайся ко мне! Я опасна! — Маргарита сжала голову руками.

— Тогда, и я тоже опасен! — Джон стоял на коленях, прижимая девушку к себе.

— Что ты делаешь? Оставь меня, — она отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться из его объятий, теряя связь с реальностью.

— И не проси, — он крепче прижал её к себе, ему пламя также не причиняло вреда, — Я не могу снова тебя потерять. Ты — моя жизнь. Посмотри на меня! — он тормозил её за плечи, — Очнись! Посмотри же на меня!

— Я... я не хочу причинять тебе вред, — твердила сквозь слёзы Маргарита, испуганно глядя на него и не понимая, что Джон остаётся невредим, — *Tu es trop cher pour moi...* (Ты мне слишком дорог... фр.) Я не прощу себе... — Джон не дал ей договорить, запечатав рот поцелуем.

Как кусочки паззла, все воспоминания необъяснимым образом встали на свои места — Маргарита вспомнила всю свою жизнь до мельчайших подробностей, все шестнадцать лет: каждый год — день за днём, мгновение за мгновением.

Она резко запрокинула голову, закричав, тело её выгнулось дугой и обмякло. Волосы приобрели платиновый оттенок.

1574 год. Франция. Париж. Лувр.

Тело юной Шарлотты содрогалось в агонии, на губах выступила кровавая пена.

— Нет! Не трогай! — Маргарита одной рукой старалась закрыть мужу рот, а второй

пыталась справиться с его порывистыми попытками кинуться к умирающей девушке, — Не прикасайся к ней! Оставь её!

В комнату вошли несколько человек — это были люди герцога Анжуйского:

— Где он? Она одна? — один из них бегло огляделся вокруг и осмотрел тело, — Тем хуже. погоди. Бери за ноги. Быстро! Открой окно!

За окном раздался звук падающего тела. Мужчины вышли, и в покоях Шарлоты де Сов повисла гнетущая тишина.

— Арманьяк сбежал отсюда благодаря ей, — Генрих уже не в силах сдержать слёз, бессильно опустился на колени, — Каждую ночь я вижу, как они убивают наших людей! Я слышу их крики и призывы о мщении!

— Спрячьте вашу боль, ваш страх, вашу печаль. Ведите себя так, словно вы ни чем не обременены, словно вы свободны, — приговаривала Маргарита, уложив его голову себе на колени, не размыкая объятий, успокаивая, как баюкают младенцев, — До сих пор вы хорошо свою роль. Так и продолжайте. Из её уст исходила смерть. Яд — узнаю почерк матушки. У нас нельзя показывать свою слабость. Никогда. Показав им, что любите кого-то, указываете на жертву. Вы сами даёте им повод избавиться от вас. Нельзя им показывать, кого мы любим.

Генрих посмотрел на неё взглядом, полным благодарности и признания:

— Сегодня ты снова спасла мне жизнь. Я не забуду этого.

* * *

— Каждую ночь мне являлся твой призрак, — Маргарита дрожащими руками старалась исследовать каждую чётточку его лица, запомнить каждый изгиб, точно, он и в самом деле был призраком, что мог исчезнуть в любое мгновение, — А по утрам, верила, что ты жив. Я всегда верила, что мы встретимся.

— Всегда? — он прижал её руку к своим губам.

— Всегда, — не колеблясь, ответила Маргарита.

— Ты благоухала ароматом жасмина, — продолжал он, покрывая её лицо поцелуями, — Ты была в маске. Я подумал: может, ты некрасива или изуродована. В ту первую встречу ты не хотела, чтобы я тебя целовал. Я подумал, что ты ещё более одинока, чем я. И ещё подумал: твоя любовь безрассудна, словно месть.

— Я хотела тебя забыть, — Маргарита приложила его ладонь к своей щеке, — Но в ту ужасную ночь тебя привели ко мне.

— Меня к тебе привёл сам Господь. В разгар резни я открыл глаза и увидел тебя.

— Я — твой приговор, — прошептала Маргарита.

* * *

— Мне их очень жаль, — Карл был сам не свой, с пересохшими губами и болезненно блестящими глазами на бледном лице, — Марго... Марго, на тебе очень красивое платье, — он взял сестру за руку и попытался выдавить из себя подобие улыбки.

— Шарль, я люблю его, — Маргарита требовательно посмотрела в его глаза.

— Где ты была? — строго спросил король.

— Я люблю его, Шарль, — повторила она.

— Вот уже много дней ты не выходила из своих покоев. Не хотела меня видеть? Я изменился, — скорбная улыбка осветила его измученное лицо, — Ты по-прежнему меня любишь? Сначала... — снова усмехается Карл, — Ты не любила его... Но, разве это останавливало твою горячую кровь? Марго, мы были хорошими и добрыми детьми, зачем мы выросли? Зачем я стал королем раньше, чем стал мужчиной? Я был так зол в день твоей свадьбы... Тебя украли и не спросили меня... Не хотел тебя отдавать... проклятая Наварра, так далеко. Как я его ненавижу. Но, он теперь мой брат... Я его люблю, Анрио... и за это ненавижу. Но, пока он тебя охраняет... пускай. Пускай, я буду его любить, — на лице выступили капли кровавого пота, которые он старательно вытирал о белоснежный парадный камзол.

— У тебя кровь, — Маргарита с содроганием посмотрела на брата.

— Какая разница? — он обнял её за плечи, оставляя руками кровавые следы, — Ты лишь сохрани улыбку на своих устах. Иногда лучшая дань усопшим — умение подавить в себе боль страданий.

— Но, они не умерли, — робко заметила Маргарита.

— Это я!... Я умер! — взревел Карл, — Грустно было бы умереть без тебя, — он уткнулся лицом в её плечо.

— Ты не умрёшь, Шарль! Я останусь с тобой, — Маргарита обняла его и погладила по волосам, — Он лишь только помог мне. Он любил меня, а это не преступление. Оставь его мне, Шарль. Выпусти его из тюрьмы.

— К тебе в спальню? — насмешливо уточнил Карл, — Один раз ты его уже спасла. Хватит! — он решительно освободился от её объятий, — Нет, Марго, его нельзя выпустить. По государственным соображениям. Нельзя, чтобы узнали... о другом преступлении.

— О каком преступлении? — изумлённо спросила Марго.

— О каком? Об этом лучше не знать, — он наклонился к самому её уху и прошептал, — Анжу не надо возвращаться. Не надо. Они вас убьют. Нашу мать и его тоже. Сходи за Наваррским. Он твой муж, сходи за ним. Он должен править страной, он!

— Что ты делаешь, Шарль? Что ты делаешь? — шептала Маргарита и сама себе не верила.

— Я чувствую запах собственной смерти, — продолжал он, — Что скажу Господу, когда он спросит? Я скажу ему: "В ту страшную Варфоломеевскую ночь, когда воды Сены стали красными от крови, я крепко спал". Я даже не питал к ним ненависти. Ты это знаешь.

— Да, я это знаю, — тихо ответила Маргарита.

— Они ждут меня. Ждут, я их вижу, — Карл до боли сжал руку сестры, — И у них кровь идёт горлом, как и у меня.

— Шарль, ты тоже втайне любил, — взмолилась она, — Ради меня, помилуй его.

— Это он отравил меня, — громко ответил король.

— Нет! Это не он! — вскричала Марго.

Карл крепче прижал её к себе и произнёс уже намного тише:

— Не он, но надо, чтобы был он.

— Зачем? Кто тебя отравил? Кто? — Маргарита задала вопрос, на который страшилась услышать ответ.

— Наша мать, — резко ответил Карл, а Маргарита до крови закусила губу, сдерживая крик — это был именно тот ответ, которого она так боялась, который глубже кинжала вонзился в её сердце, — Ты же знаешь, сестричка, что в нашей семье убивают на совесть, — саркастически добавил он.

— Боже, помоги ему! — дрожа в объятиях слабеющего брата, чей камзол весь уже был пропитан кровью, прошептала Маргарита, воздев глаза к небу, — Помоги...

* * *

— Шарль, умоляю, подпиши помилование, — Маргарита понимала, что сейчас для неё последний шанс. Её брат, король Франции Карл IX лежал на смертном одре.

— Который час? — поинтересовался он.

— Пять часов, — слабым голосом ответила Маргарита.

— Поздно, — печально вздохнул Карл.

— Поздно? — обеспокоенно спросила она, — Почему поздно?

— Мари... Мари. Я так любил тебя, — Карл силился приподняться на кровати, словно что-то увидел там, высоко на потолке, — Марго... Марго. Боже милостивый, — всё тело его напряглось, и он судорожно вцепился пальцами в простыни, — Боже милостивый, я иду к тебе без скипетра и короны. Забудь о преступлениях короля, и помни только о страданиях дитя твоего. Я хочу быть угодным Господу. Мы прекратим войну. Мы погасим ненависть. Мы будем добрыми и сильными. Не бойся, моя Марго, брат будет наблюдать за тобой из чистилища, — его глаза застыли, и голова безвольно упала на подушки.

Маргарита обняла брата в последний раз, закрыла ему глаза и задула свечу у его изголовья.

— Спи спокойно, Шарль! Несчастное дитя, ты не желал ни кому зла...

Наваррский стоял в дальнем углу комнаты и усиленно моргал и морщился, сдерживая

слёзы.

— Король Карл IX умер! Да здравствует король Генрих III! — сей же час разнеслось по галереям Лувра.

* * *

— Этим составом бальзамируют королей, — Маргарита передала палачу мешочек из чёрного бархата, — Сохрани его красоту для меня, — потом она повернулась к герцогине Неверской, — Сними с меня все драгоценности... Похороните их вместе с ним. Как я тебе завидую, ты сможешь спокойно оплакать своего Коконнаса...

— Вас ждёт король Генрих... А ваше платье в крови, — заметила Генриетта.

— Это не имеет значения, — нежной улыбкой просияла Маргарита, — Была бы улыбка на устах...

* * *

Ослепляющая вспышка белого света — и Маргарита стоит посредине огромного зала с витражными окнами, каменным полом и мраморными колоннами, в дальнем углу которого, в кресле из алого бархата сидела женщина в старинном платье.

Девушка медленно, мелкими робкими шагами пошла в её сторону.

— Ну, же, смелее, дитя, — позвала женщина, вставая с кресла, — Подойди ближе. Дай тебя обнять

Маргарита послушно продолжала идти — теперь она узнала, кто перед ней. В свете свечей прекрасное лицо ещё молодой женщины казалось спокойным и умиротворённым, но её большие тёмные глаза были полны тоски и грусти. Одета она была в расшитое золотом и жемчугом бордовое бархатное платье с большим декольте, открывавшим безупречную кожу шеи и груди. Из украшений на ней были только жемчужные серьги. С гордой осанкой, она неслышно, плавной походкой, ступала в бархатных туфлях.

— Ваше Величество, — девушка преклонила колено.

— Поднимись, дитя, — женщина протянула руку, — Никогда и ни перед кем не склоняйся. Помни, кто ты есть и не забывай, чья кровь течёт в тебе. Спустя столетия, кровь Медичи и Валуа снова объединилась, — она обняла Маргариту, — Теперь, когда я своими глазами увидела тебя, я могу спокойно уйти. Прости за те кошмары, что тебе довелось вынести.

— Сколько же Вам всего пришлось пережить... — участливо проговорила Маргарита.

— Это ничего — ты лишь сохрани свою дивную улыбку, — она откровенно улыбнулась

и взяла руку девушки в свою, — Ты будешь счастливее меня — ты сможешь то, чего не смогла я. Я верю, что так и будет. Будь мудрой, смелой и милосердной. И однажды своим величием ты затмишь меня. Отпусти же меня с лёгким сердцем и не держи зла.

Маргарита последний раз посмотрела в глаза этой невероятно сильной и прекрасной женщины — истинной королевы.

— Отпускаю тебя, кровь от крови моей, Маргарита из Маргарит — произнесла женщина.

— Отпускаю тебя, кровь от крови моей, Светлая Королева, — ответила девушка.

Призрак Маргариты Наваррской исчез.

Девушка осмотрелась по сторонам — почему же тогда она сама осталась?

— А у меня ты ничего не хочешь спросить? — раздался голос у неё за спиной.

Маргарита обернулась, и узрела саму себя, только старше лет на десять, с модной причёской, в белой шелковой блузе, костюме бледно-персикового цвета и бежевых босоножках на шпильках. Она протянула руку, ожидая, что та пройдёт сквозь тело, но, рука упёрлась в плоть. Девушка отёрнула руку и виновато улыбнулась. Другая Маргарита улыбнулась в ответ.

— Неужели такое возможно, — потрясенно пробормотала Маргарита и сильно зажмурилась, а когда снова открыла глаза, то вторая с неподдельным интересом продолжала смотреть на неё.

— Меня тебе не стоит бояться, — спокойно произнесла она, — Я — это всего лишь ты. Так, у тебя нет вопросов ко мне? — повторила другая Маргарита.

— Кроме картин прошлой жизни, я видела... — начала девушка, немного осмелев, — Это случится в будущем?

— Ты видела лишь отрывки, вырванные из контекста. Ты не видела всей сути. Я не могу обещать лёгкой судьбы, но, могу обещать судьбу, достойную вас. Ваше будущее ещё не написано. Оно будет таким, каким вы его сделаете.

— Есть ещё, что не даёт мне покоя... — девушка запнулась, пытаясь подобрать слова о том, что гложет её сердце и душу, о чём её мысли...

— Я знаю, о чём ты хотела спросить, — другая Маргарита положила руку ей на плечо и ласково произнесла, — и хочу показать тебе кое-что — смотри же внимательно. Пойми, почему я не пожалела о том, что послушалась голоса любви:

Снова, ставшая уже знакомой, вспышка яркого белого света — и Маргарита оказалась в огромной светлой гостиной, украшенной к новогодним праздникам.

Посредине которой, на стремянке возле гигантской ёлки, стояла она сама в алом шелковом платье, развешивавшая ёлочные украшения. Словно, за эти годы ничего и не изменилось — разве что на её лице прибавилась пара морщинок в уголках ясных глаз.

В доме царила предпраздничная суэта. Маргарита наряжала ёлку в гостиной — это хоть немного отвлекало её от невесёлых мыслей. Вдруг сердце её забилось часто-часто — и спустя годы, предчувствие не подвело её.

Она как раз прикрепляла большую звезду на верхушку огромного праздничного дерева, когда вошёл Джон. Он был кроток и прекрасен. Девушка от неожиданности оступилась и чуть не упала с лестницы — только крепкие объятия Джона подхватили её. Он был в красной куртке и Санта-Клаусовской шапочке, съехавшей на одно ухо, а большая спортивная

сумка, вероятно, символизировала мешок с подарками. Его глаза блестели. Он опустил сумку на пол рядом. По-прежнему, они не сказали друг другу ни слова, но это и не было нужно... Было так упоительно больно, и в то же время так мучительно сладостно, что сердце разрывалось на части... Он погладил её по волосам, улыбаясь сквозь слёзы.

— Милая моя... Марго... любимая... — прошептал он, уткнувшись лицом в её волосы.

— Ты... вернулся... — с нескрываемой радостью вымолвила Маргарита.

— Вернулся... я не мог иначе, — мягко улыбнулся он.

— Прости, я... — произнесли они одновременно и рассмеялись.

— Я вёл себя, как глупец... Я просто очень боялся потерять тебя..., — он опустил голову, — Даже безумная любовь моя не оправдание. Я люблю тебя так же сильно, как и в день нашей первой встречи.

— Ты меня не потеряешь, ты же знаешь — уверенно ответила она.

— За это я и прошу прощения — за то, что усомнился в тебе, — Джон резко поднял голову и поцеловал её в макушку, — Страх и ревность ослепили меня.

— Что было, то уже в прошлом. Главное, что сейчас ты дома, — Маргарита подняла на него свои прекрасные глаза. Джон наклонился и, не в силах более сдерживать чувств, поцеловал её — сначала нежно и почти воздушно, затем всё более настойчиво и страстно. Тело горело в благословенном огне.

В гостинную спустились остальные.

— Здравствуй, отец, — поприветствовал Джона лёгким поклоном привлекательный юноша с пронизательным взглядом зелёных глаз и чёрными кудрями.

— Здравствуй, Али, — сердечно обнял его Джон, — Дома всё хорошо?

— Да, папа, — кивнул Алишер, — Наши передавали всем привет и самые наилучшие пожелания.

— Привет Джон, — ослепительно улыбнулась Розалинда, теперь это была уже на та маленькая девочка, какой её знает сейчас Маргарита, а обворожительная молодая девушка.

— Рад тебя видеть, принцесса, — Джон поцеловал её руку.

— Ба! Какие люди и без охраны, — весело усмехнулась подошедшая Даниэлла, всё такая же светлоокая и лучистая, — Я же говорила Марго, что ты вернёшься, а она, глупенькая, всё плакала, — девушка многозначительно посмотрела в сторону Маргариты.

— Привет, сестрёнка. Здравствуй, Джек, — Джон заключил друзей в пылкие объятия.

— Папочка! Папуля! — с радостными криками на шею Джона бросилась девочка-подросток с пышными локонами светлых волос и яркими синими глазами, — Мы очень скучали по тебе, особенно мама, — девочка дёрнула Маргариту за подол платья, — Ну, ведь правда же? — Маргарита утвердительно закивала и улыбнулась.

— Аделина, здравствуй, родное сердце. Я тоже сильно-сильно скучал за вами, и за мамой особенно, — Джон взял девочку на руки и поцеловал в лоб.

— А где ты был? — осведомилась Аделина, играя с прядью его волос, — Папуль, а что ты нам привёз?

— Аделька, имей же терпение, — перебила её девушка азиатской внешности в матросской форме японской старшей школы с гладкими чёрными волосами и пронзительными черными глазами.

— А тебе, разве, совсем не интересно, Лали-Мей? — с хитрецей во взгляде, спросил Джон.

— Прощу, называй меня просто Мей, — смущенно попросила девушка.

— О! С возвращением, Джон! Как раз к столу, — проходя мимо улыбнулась Джастина, неся на кухню поднос с рождественским гусём, — Так, чтобы не забыть — надо ещё дополнительный прибор, — повторяла она, — Дэн, прибор на ещё одну персону, будь любезен, — крикнула она на кухню.

— Ну, здравствуй, — просиял улыбкой светловолосый ясноглазый молодой человек в слепяще белом костюме, — С возвращением.

— Здравствуй, Рене, — в ответ улыбнулся Джон, — Подойди. Не бойся, я не кусаюсь.

— Да, я, собственно и не боюсь, — Рене посмотрел на него открыто, без опаски.

— Вот и правильно, — одобрительно кивнул Джон, обнимая его.

— Ну, вот так всегда — сам утверждает, что блондины не в его вкусе, а стоит появиться смазливому блондинчику с голубыми глазами, как я уже никому не нужен, — обиженно надул губы высокий бледный парень в серых джинсах и серой атласной рубашке, расшитой серебром, с роскошной шевелюрой цвета лаванды и печальными серыми глазами, — Злые вы, уйду я от вас...

— Обидели мышку — написали в норку, — насмешливо ухмыльнулся ещё один азиат в чёрных брюках и ярком кухонном фартуке поверх чёрной шёлковой рубашки, с модно стриженными иссиня-чёрными волосами и глазами цвета вечернего неба, — Куда же ты пойдёшь, пупсик? — он приобнял парня за плечи.

— Ондзи, руки... убери, — резко отстранился от него парень.

— Ой, ой, какие мы нервные, — усмехнувшись, Ондзи поднял руки в примирительном жесте, — Джасси, на столе место ещё есть? А то печенье сейчас уже будет готово, — крикнул он в сторону столовой.

— Здравствуй, Марк, — Джон дружески похлопал парня по плечу и легко потрепал за щеку.

— Ану, кыш-кыш! Это наш папа, — подбежали к ним девочки-близняшки лет пяти, одна из которых тянула за руку карапуза лет трёх.

— Конечно, ващ, — Джон поцеловал девочек и взял на руки мальчика.

— Папа, давай паиграем? — попросил малыш.

— А во что ты хочешь поиграть, Анри? — поинтересовался Джон.

— Тук-тук! — мальчик постучал друг о друга маленькими кулачками.

— Кто там? — в тон игре спросил Джон.

— Мели, — мальчик широко улыбнулся.

— Какая Мери? — с наигранным удивлением снова спросил он.

— Мели Клисмас, папочка! — мальчик чмокнул отца в щеку и звонко рассмеялся.

Близнецы стояли, обнимая с обеих сторон Маргариту — смуглокожие, с чёрными вьющимися волосами и сияющими карими глазами — в одинаковых расшитых бисером красных бархатных платьях с белыми кружевами. "Когда они вырастут, то без боя будут брать в плен мужские сердца... И все они называли нас с Джоном своими отцом и матерью..." — подумала Маргарита и улыбнулась своим мыслям.

Потом она увидела уже столовую — за большим праздничным столом сидело много взрослых и детей. Счастливые родные лица родителей, друзей, мужа, и много пока незнакомых лиц, но, к которым она ощутила необъяснимый прилив теплоты и нежности.

— Джон, давай, скажи тост, — попросили собравшиеся.

— Хорошо, — он поднялся с места — За всех нас! Пусть счастье будет нам наградой, и в этот день, и во все последующие! За любовь и за тот свет, что есть в каждом из нас!

— И такое будущее будет у нас? — с замиранием сердца спросила девушка.

— Это — один из возможных вариантов, — ответствовала старшая Маргарита, — Каким он будет, зависит только от вас. Вы те, кто вы есть — не больше, но и не меньше. Я верю в вас. Надеюсь, ты узнала ответы на свои вопросы. Будь же мудрой, смелой и милосердной. Стань достойной такой судьбы. А сейчас, дай мне свою руку, — девушка послушно протянула руку, — Отпускаю тебя, кровь от крови моей, Маргарита из Маргарит. Спасибо, что подарила мне возможность увидеть себя ещё раз такой светлой и такой молодой, — не успела она произнести последние слова, как яркий свет окутал девушку.

Девушка шумно вздохнула и открыла глаза.

— Хвала Небесам! — облегченно выдохнул Джон и крепко прижал девушку к себе, — Всё в порядке? — спросил он, глядя Маргарите в глаза.

— Всё нормально. Я, наконец, примирилась со своим прошлым, — Маргарита посмотрела в такие любимые его карие, — Больше не будет кошмаров, — улыбнулась она, и глаза её засияли отражением яркого весеннего солнца, но в них теперь запечатлелся опыт прожитых жизней, который теперь навсегда останется в ней, давая силу и мудрость, не свойственную ещё её юному возрасту.

— Ну, вот опять — что за безобразие у тебя на голове, — он провёл рукой по её волосам, и они стали прежнего цвета, — Теперь намного лучше — тебе блондинкой быть не идёт, — усмехнулся парень — И, вообще, прошу учесть на будущее — я предпочитаю брюнеток, — подмигнул он.

— Спасибо, милый, — Маргарита впустила рукой свою причёску, — Можно не тратиться на парикмахера, — Ты так громко звал меня, — поморщила свой маленький носик Маргарита, — что твой голос до сих пор звучит у меня в ушах. Я должна была вернуться — разве могла я подвести тебя? — искренняя лучистая улыбка озарила её лицо.

— Храбрая моя девочка, — Джон поцеловал девушку в макушку, — Я безмерно горжусь тобой. А теперь пойдём со мной, ещё кое-кто хочет тебя видеть, — он обнял её за талию, и они вместе направились к главному входу.

За высокими ажурными воротами стоял "Линкольн" доктора, вокруг которого в разнообразных позах разместились знакомые.

От волнения у девушки перехватило дыхание, она с силой сжала ладонь Джона, а он ободряюще похлопал её по плечу:

— Ну, смелее. Они ждут тебя, — ласково улыбнулся он, легонько подтолкнув её.

— Брат! Дэни! Жюстин! Эллен! Друзья! — Маргарита обняла и расцеловала друзей — Господи, как же я рада всех вас видеть! Я люблю теперь вас ещё больше, вы у меня все такие замечательные.

— Ну, и кто тут что говорил про Барби, — хихикнула Роза в кулачок, глядя на молодого человека, который всё ещё оставался в женском платье.

Среди друзей Марго увидела красивую, элегантно одетую, женщину лет сорока, чьи каштановые волосы пышными локонами падали на плечи, а в больших серо — голубых глазах сиял свет любви.

Девушка бросилась ей на шею:

— Мама! Мамочка! Знаешь, я такая счастливая сегодня!

— Девочка моя! — Валентина нежно обняла дочку — Нехорошо, cara mia, твои друзья приехали, а ты не предупредила. Мы бы с папой хоть подготовились... Что они подумают о нас?

— Мама... Да, я сама была не в курсе, — состроила виноватую мордочку Маргарита.

— Не мамкай, я уже семнадцать лет мама. Это же твои друзья, и ты сама их приглашала — так, что будь добра, прояви гостеприимство, — женщина строго посмотрела на Маргариту, потом мягко улыбнулась, — Жан такой славный молодой человек, и по всему видно, как тебя любит — не обижай парня.

— Ну, ма-ам, — смущенно зарделась девушка.

— Oh, mio Dio! Я же не слепая, — всплеснула руками Валентина, — Я же вижу, как он на тебя смотрит. Вижу, что и ты к нему равнодушна. После всего, что ты пережила, любовь поможет тебе быстрее исцелиться. Ecoute ton coeur (Слушай свое сердце. фр.)

— Мам, а что, так заметно? — промурчала Маргарита совсем по-кошачьи и сильнее прижалась к матери.

— По-моему, ты должна обнимать кое-кого другого, — ласково заметила женщина.

Маргарита рассмеялась и вернулась к Джону:

— Обними меня сильнее. И не смей меня отпустить, — она прикрыла глаза, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Ну, уж нет! — тряхнул головой Джон, — Не для того я столько пережил, чтобы отпустить тебя, когда снова нашёл.

— Знаешь, у меня такое чувство, что мы знаем друг друга тысячи лет, — прошептала Маргарита, наматывая на палец прядь его волос.

Они смотрели, и не видели ничего кроме друг друга. Земля уходила из-под ног.

— Если это сон, то я не хочу просыпаться. Если это явь, то я хочу, чтобы этот миг длился вечно, — мечтательно зажмурилась девушка.

— Эй, влюблённые, ну, где вы витаете? Дождь начался — вы же промокнете, — голос Даниэлла возвратил их с небес на землю, — Садитесь в машину.

Марго и Джон посмотрели друг на друга: с чёлок по лицам стекали струи тёплого весеннего дождя.

Побывав в Париже, первым делом все стремятся посетить легендарную Эйфелеву

башню, что и собрались сделать друзья к огромному удовольствию Маргариты, с радостью устроившей им экскурсию родным городом.

Девушки стояли на смотровой площадке Эйфелевой башни и восхищённо созерцали открывавшуюся перед ними панораму Парижа.

— Admirablement! (Восхитительно! фр.) — всплеснула руками Маргарита, — Oh, Paris! Ma belle capitale! (О, Париж! Моя прекрасная столица! — фр.)

Нигде в мире нет подобного города... И никогда не было. И не будет.

Теперь она смогла по-настоящему ощутить всю его всемогущую магию — причудливое сочетание старых улочек и новых кварталов, дыхание истории и вечная студенческая весна, запах обжигающего свежесваренного кофе и горячих миндальных круассанов, аромат изысканных духов и новых платьев, респектабельные рестораны и уютные маленькие кафе, мелодии кабаре и уличных музыкантов, красота и сила витражей Сен-Шапель, шепот влюблённых и плеск вод Сены, звон колоколов Нотр-Дама и шаги многочисленных посетителей Лувра — это был её город на сто процентов. Её прекрасная столица. Неизменно величественная и мудрая, вечная и вечно юная, неувядающая, с неуёмной страстью к жизни.

Вечная доминанта Города над Человеком, когда мы легко соглашаемся быть проигравшими.

Быть парижанином не означает родиться в Париже. Это означает — родиться там заново

Саша Гитри

Так и Маргарита чувствовала себя заново рожденной, вместе с подругами в ожидании молодых людей глядя на любимый город, который с высоты был похож на дивную книжку-раскладушку с волшебными сказками. И она так и ощущала себя — как в сказке.

— Ну, что — за встречу? — подошли парни с бокалами шампанского в руках.

— Всегда об этом мечтала, — счастливо улыбнулась Джастина.

— О, да! — согласилась с ней Ева, блеск её глаз тоже выражал абсолютное согласие.

— Да! И не забываем про шоппинг — побывать в Париже и не посетить местные бутики, было бы просто непростительно! — мечтательно закатив глаза, добавила Даниэлла.

— Не вопрос, ма шер, — с запалом ответила Маргарита, — я даже знаю несколько. Но, сначала мы отведаем самой вкусной в мире выпечки и самого ароматного кофе.

В бокале Маргариты что-то блеснуло, она поднесла его ближе и присмотрелась — на дне бокала лежало кольцо. Девушка непонимающе заморгала.

— Je t'aime, epouse-moi (Я люблю тебя. Выходи за меня. — фр.), — обезоруживающе улыбнулся Джон.

Остальные заговорщицки переглянулись.

Маргарита сделала несколько глубоких вдохов.

— Это ты мне только что предложение сделал? — кокетливо улыбаясь, уточнила она, — И когда ты французский выучить успел?

— Ну, было у меня немного свободного времени. И не сомневайся — ради тебя я не только французский выучить готов, — непринужденно пожал плечами Джон — А у тебя появился другой кандидат в мужья? — увлечённо поинтересовался он, — Я не хочу больше гоняться за тобой. И... только я смогу защитить тебя... Просто доверься мне.

Девушка растерянно посмотрела на друзей, потом на Джона и покраснела до кончиков ушей и носа.

— И иного ответа, кроме как положительного, вы не примите, месье, — спросила Маргарита, пряча сияющее лицо за бокалом.

— Не приму, — отрицательно замотал головой парень, — Маргарита де Валуа, согласна ли ты стать моей женой? — произнес эти сокровенные слова и весь замер в ожидании ответа.

— Господи, Боже мой, да конечно же я согласна — Маргарита бросилась ему на шею, чуть не сбив с ног.

— Je suis noye, inonde d'amour je ne sais plus si je vis, si je mange, si je respire, si je parle mais je sais que je t'aime. (Я утонул, затопленный любовью Я не знаю, живу ли я, ем ли я, дышу ли я, говорю ли я, но я знаю, что я люблю тебя. Фр.) — он привлёк девушку к себе, и на сердце у него стало так легко и светло.

— Tu es. Je suis. (Ты есть. Я есть. фр.) — подняла на него взгляд своих ясных очей Маргарита, — Un amour, une vie. (Одна любовь, одна жизнь. фр.)

— Chaque jour je t'aime plus qu'hier mais moins que demain. (Каждый день я люблю тебя больше, чем вчера, но меньше, чем завтра. фр.) — прошептал Джон, зарывшись лицом в её волосы.

— Только у меня одно условие, — проговорила девушка, стараясь дышать осторожно,

чтобы не задохнуться от счастья, — Есть у меня одна подруга, с которой мы ещё в детстве обещали друг другу, что самый благословенный момент у нас будет в один день.

— О, как вы коварны, моя прелесть, — усмехнулся Джон, — Не имею ничего против — надо будет только кое-кого поторопить. Они нам ещё спасибо скажут.

И под громогласное "Ура!!!" друзей, они слились в бесконечном поцелуе.

Прервав, наконец, сладкий поцелуй, девушка счастливо улыбнулась родителям:

— Мамочка, папочка, а вам зять, случайно, не нужен? — сделала невинные глаза Маргарита, — Совсем-совсем не нужен? — в её глазах блистали задорные огоньки, — Папуль, вам ведь нравится одинаковая музыка, одинаковая еда и одинаковые парфюмы — не проста же у вас столько общего. Человек, так похожий на тебя, не может быть недостойным, верно ведь?

— Молодой человек, а вы точно уверены? Как бы возвращать потом не пришлось, — улыбнулся Шарль, — Нелегко вам с этим избалованным чертёнком придётся.

— Ну, почему, даже мои родители не воспринимают меня серьёзно, — надула губки девушка.

— Ничего, один ребёнок у меня уже есть — и с ещё одним дитём как-нибудь да справлюсь — рассмеялся молодой человек, за что Маргарита тусанула его локтем в бок.

— Ой, прости, милая, конечно же, ты у меня просто ангел, — выпалил Джон на одном дыхании, потом, прокашлявшись, добавил шепотом, — Ай, это было нечестно — мои рёбра ещё болят.

— И как это мы не заметили, что наша девочка уже выросла? — Шарль обнял жену, — глядя на них, мы и сами молодеем душой, — потом мужчина обратился к Джону, — Рядом с Вами Маргарита снова стала сама собой — мастерство Джека вернуло к жизни её тело, вы же помогли возродить её дух, вы дважды вернули нам дочь — Маргарита столько о вас рассказывала, мы знаем, что полгода назад именно вы спасли ей жизнь, что ради неё вы изменились сами и изменили свою жизнь. Если кому мы и можем вверить свою единственную дочь, то только вам.

— Благодарю за доверие, — поклонился парень, — С великим почтением и огромным удовольствием приму под своё попечение Ваше сокровище.

Предложение руки и сердца было отмечено походом по модным магазинам. И это подняло настроение девушек до совершенно фантастических высот. Хотя, казалось бы — выше уже некуда. Нет, скорее, просто приятный бонус к главной радости будущего бракосочетания:

— Ну, как? — Маргарита покрутилась в белом атласном платье в крупный чёрный горох, держа в руках, в белых кружевных перчатках, чёрную шляпу с большими полями.

— Восхитительно! — только и смог вымолвить доктор.

— И это всё, что ты можешь сказать? — игриво нахмурила брови девушка, — Восхитительно может выглядеть Розалинда в её семь лет, а для меня этого уже мало. Ах, братец, ты просто безнадежен. И как тебя Дэни терпит? — она продолжала журить брата,

слегка обалдевшего от таких её дерзких слов.

В это самое время, из примерочной вышла Даниэлла в бледно-голубой гипюровой блузе, ярко-синей юбке — карандаш и такого же цвета туфлях-лодочках.

У молодого хирурга отняло дар речи.

— Эй, месье, ну что — одобряете? — Маргарита провела рукой у него перед глазами, — Да скажи же хоть что-нибудь, — продолжила она тормозить онемевшего мужчину и довольно усмехнувшись, кивнула девушке-продавщице, — Тогда мы весь комплект берём, однозначно.

Златовласая покачала головой и, ослепительно улыбнувшись, поцеловала Джека.

— Не смогу теперь отпустить тебя ни на секунду, — выдохнул он.

Из другой примерочной появился Джон в ярко-алой рубашке, кожаных штанах и модных ботинках с острыми носами, его длинные темные волосы были собраны в хвост.

— Ай, ну ведь туфли эти сюда совершенно не подходят. А вот сумочка мне нравится — яркий акцент здесь будет очень уместен, — с видом знатока, заметил он, окинув взглядом Маргариту.

— Ну, звезда, не правда ли? — довольно улыбнулась Роза.

— Спасибо, я знаю, — Джон, подкинул в воздух шляпу, которую держал в руках, и ловко поймал её, изобразив "лунную походку" а-ля Майкл Джексон, чем заслужил восхищённые взгляды группы девушек, о чём-то оживлённо перешёптывавшихся возле стойки с платьями. На что Маргарита недовольно хмыкнула.

— Да ты, никак, ревнуешь, — он привлёк девушку к себе, — Весьма польщён. Ты так очаровательна, когда дуешься.

— Тебе ещё не предлагали работу в модельном агентстве? — хитро прищурила глаза Розалинда.

— Простите, но я случайно услышал, что вы говорили о модельном агентстве. Вы хотите попробовать себя в индустрии моды? — поинтересовался средних лет мужчина в сером деловом костюме, — Вот моя визитка, молодой человек, если вдруг надумаете прийти на кастинг. Мы, конечно, работаем с более молодыми моделями, но есть в вас что-то цепляющее, особенно — взгляд. Вы попробуйте, возможно, вы нам и подойдёте для одного проекта. В вас определённо что-то есть. Девушек мы тоже посмотрели бы — как вы умеете подать себя, держаться перед камерой. Многие наивно полагают, что работа модели проста. На самом же деле, это — адский труд с ненормированным рабочим графиком. Одного смазливого личика, ой, как мало, чтобы заявить о себе в мире моды.

Мужчина вручил молодому человеку визитку и направился к выходу из бутика:

— Пойдём, Ио. Мы тут уже закончили. Выбранную одежду доставят завтра к девяти утра в студию, — за мужчиной плавной походкой к выходу проследовал очень высокого роста бледный юноша в сером джемпере и потёртых джинсах. Его пышные вьющиеся волосы удивительного светло-сиреневого оттенка были заплетены в длинную толстую косу, которой могла бы позавидовать любая девушка. Его холодные серые глаза не выражали ничего, кроме презрения ко всему окружающему. Но, проходя мимо ребят, он на мгновение остановил взгляд на Маргарите — и только его расширившиеся зрачки могли бы выдать всю бурю эмоций, что сейчас, подобно цунами, захлестнула его сердце. Не может быть! Ему всё-таки не померещилось, и это — она. Та, которую он не может забыть, которую так долго искал.

Маргарите захотелось вдруг сжаться, но словно ледяной ветер сковал конечности. Джона аж передёрнуло при мимолётном взгляде на юношу.

Девушки, которые только что шёпотом обсуждали Джона, обступили парня и начали просить автографы. Тот же — с хладнокровной невозмутимостью прошёл сквозь стайку девушек, даже не замедлив шага.

Маргариту вдруг осенило, почему его лицо показалось ей таким знакомым — подающий надежды в мире моды, парень-модель с псевдонимом Ио Шнайдер. Настоящего имени его никто не знал. Его фотографии на первых страницах популярных глянцевого изданий, его фанатки, словно хищницы, стерегущие свою добычу, готовы на всё ради его автографа.

— Ты его знаешь? — спросил Джон, глядя Маргарите в глаза.

— Да кто же не знает его? — непринуждённо пожала плечами девушка, — Его фотографии во всех газетах и журналах — сам можешь убедиться.

— Держись от него подальше, — с совершенно серьёзным видом произнёс молодой человек, — Не нравится он мне. Он не тот, за кого себя выдаёт.

— Ты тоже почувствовал это? — согласилась с ним она, — Он, как не от мира сего.

— Пожалуй, мне стоит сходить в это агентство — что-то там не чисто, — задумался он.

— Тогда, это тебе, дорогой, нужно быть осторожным, — рассмеялась маленькая брюнетка, — поговаривают, что он не замечен в амурных интрижках с женщинами потому, что предпочитает мужчин.

Джон сделал большие глаза.

— Но, это всего лишь слухи, — беспечно отмахнулась Маргарита.

Несколько позже — Маргарита уже переделалась в свою одежду — золотистую атласную блузу и шоколадного цвета юбку-карандаш. Джон подал ей плащ, накинул куртку и, нагруженный коробками с покупками, сопроводил девушку к машине.

— Ну, что же вы так по скромному, — усмехнулся доктор, — Уже сразу бы весь магазин скупили. В багажнике ещё есть квадратный сантиметр свободного места.

— Не будь врединой, братик, тебе не идёт, — по-детски надула губы Маргарита, — Высадишь нас где-нибудь в центре — мы хотим прогуляться. Завтра с утра мне снова в клинику, а после обеда я свободна. Кто хочет со мной посетить парижские катакомбы? Говорят — зрелище незабываемое и просто невероятное, — маленькая брюнетка закатила

глаза в предвкушении приключений, — Ну, что — договорились? — на всякий случай, ещё раз уточнила она.

Тем же вечером Джон и Маргарита побродили по маленьким улочкам, прогулялись по набережной, наслаждаясь друг другом и романтикой одного из самых восхитительных городов мира...

В уютном кафе Джон заказал рюмку ликера "Амаретто" и шоколадное мороженое, а девушка — чашечку латте и клубнику в шоколаде.

— Как насчёт сходить потанцевать в клуб? — предложила девушка, прожевав очередную ягоду.

— А почему бы и нет? — кивнул головой парень, отправляя в рот следующую ложку мороженого, — Ах, мороженое тут подают просто отменное, — счастливо улыбнулся он.

На обратном пути к дому им встретилась маленькая цыганка в ярких одеждах, сидящая на бортике Фонтана Невинных. Девочка была одета скромно, но одежда её была чистой и аккуратной, и она не производила впечатление нищей попрошайки, а некоторые цыганские общины, по распространенным слухам, и вовсе слыли весьма зажиточными и влиятельными. Впрочем, совсем не это волновало сейчас Маргариту — странное дело, но она ощутила какую-то особенную связь с этой девочкой, точно та была её хорошей знакомой.

— Давай подойдём, — Маргарита потянула Джона за руку, не в силах противостоять непреодолимой тяге общения с этой малышкой, которой предстоит ещё сыграть свою важную роль в судьбе Маргариты и её друзей, точно так же, как и им — в судьбе этой девочки, — Я хочу, чтобы она погадала нам, — он лишь усмехнулся.

А Маргарите, и правда, так захотелось погадать и приоткрыть завесу будущего, особенно сейчас — на пороге чего-то нового и неизведанного для неё, как новый статус невесты и семейная жизнь, к примеру.

— Как тебя зовут, малышка? — спросила Маргарита, — у тебя есть семья?

— Моё имя Мария, мадемуазель, — ответила девочка — У меня большая семья: родители, пять братьев, две сестры, бабушка, дедушка, дяди и тёти.

— Возьми это для своей семьи, — Маргарита достала из бумажника несколько купюр, — А это — лично для тебя, — девушка сняла с запястья браслет, — Погадаешь мне?

— Благодарю за такую щедрость, мадемуазель, но, зачем же ты хочешь спрашивать меня о том, о чём и сама прекрасно знаешь? — девочка подняла на неё свои тёмные глаза, — Это я должна просить тебя погадать мне. Но, если уж ты так хочешь, то сними три карты, — она протянула девушке колоду.

Маргарита так и поступила.

Девочка внимательно посмотрела на те карты, что вытянула Марго — Смерть, Сила, Императрица.

— Так я и думала — тебя ждёт перерождение, придётся приложить немалые усилия, но, если выдержишь все испытания, то засияешь настоящей императрицей своей судьбы, и смерть будет не властна над тобой.

— Спасибо, малышка, — Маргарита улыбнулась и погладила ребенка по темноволосой голове, — От всего сердца желаю тебе удачи, Мария.

— Долгой и счастливой судьбы, Мария. Да обойдёт печаль тебя стороной, — молодой человек провёл рукой по её волосам, и на его ладони появилась старинная монетка с отверстием в центре, — Сохрани её, и однажды она исполнит твоё одно, но, самое заветное желание.

Девочка прижала кулачок с монеткой к сердцу и подарила ему восторженный взгляд.

Взяв Джона под руку, Маргарита уговорила его посетить "Chez Regine" — один из старейших, и один из самых авангардных ночных клубов Парижа, где она снова почувствовала себя живой, отдавшись под власть танца и страсти.

— А ты прекрасно танцуешь, — прошептала она на ухо Джону, сильнее прижимаясь к нему.

— Ну, у меня ещё много талантов, дорогая, — улыбнулся он, — И только попробуй ходить в такие места без меня.

— Возвращаю ваши слова, месье, — парировала девушка, и оба рассмеялись.

Воспользовавшись предложением побывать в знаменитых парижских катакомбах, в бейсболках, спортивных костюмах и кроссовках, с рюкзаками и карманными фонарями — как и договаривались, они готовы уже были присоединиться к экскурсии.

— Ну, как, впечатляет? — начала было Маргарита, восторженно озираясь по сторонам, но тут же робко примолкла, — Вот, блин, мы уже вне туристической зоны — если нас тут обнаружат охранники, то проблем не избежать, — девушка в задумчивости почесала затылок и отправила в рот печенюшку, мило улыбнувшись.

Они настолько увлеклись, что совершенно не заметили, как оторвались от экскурсии и оказались поблизости от закрытой секции. Зрелище темных сводов мрачного некрополя с выставленными напоказ человеческими костями внушало одновременно и трепет, и многогранную смесь восхищения, страха и отвращения.

Высокая шатенка насторожилась, подсознательно напрягая все мускулы:

— Вы слышите? — замедляя шаг, Джастина сделала знак друзьям замолчать.

Даниэлла и Маргарита невольно поперхнулись печеньем и прислушались.

— По-моему, кто-то идёт за нами, и нам лучше не оборачиваться, — с содроганием проговорила златовласая подруга, и миниатюрная брюнетка была с ней в данный момент полностью согласна.

Но необъяснимая сила заставила Маргариту обернуться: в темноте пещеры сверкнули два огонька глаз...

Девушка хотела закричать, но Джон закрыл ей рот своей ладонью:

— Тише. Пусть думает, что мы не заметили. Обещай, что не будешь кричать, и я отпущу, — прошептал он ей в самое ухо, на что Маргарита утвердительно кивнула, чувствуя поддержку его плеча и ощущая тепло его дыхания на обнаженной шее.

— Это не зверь, как я подумала сначала — я чувствую странную ауру... — замотав головой, тихонько сказала девушка, когда он отпустил её.

— Я знаю... — так же шепотом ответил Джон, с недоверием напряженно вглядываясь в сумрак, — Главное — без паники.

Резкий порыв ветра, заставивший съёжиться от холода, и перед их глазами предстал отталкивающего вида косматый ракшас (злой дух, демон, оглушающий и ослепляющий свои жертвы, управляющий ветрами и воздушными потоками, служит своего рода наёмным убийцей Темных сил) в рваных лохмотьях в тон землистому цвету его кожи.

— Заблудились, детишки? — бескровные губы демона сложились в подобие улыбки.

— Вы видите то же, что и я? — слабым голосом произнесла Джастина, повернув голову, и вопросительно посмотрела на подруг, — Господи, что это? Это же не человек, — не помня себя от страха, еле пролепетала она заплетающимся языком.

— Кто или что ты такое? — испуганно пискнула Маргарита.

— Ваш конец, — убийственно ухмыльнулся демон, и улыбка его была прекрасна и страшна одновременно, а в глубине льдисто-серых глаз плескалась невиданная и неподвластная мощь.

— Не бойтесь, всё будет в порядке, уверяю вас, — как можно более невозмутимо произнёс Джон, держаться стараясь бодро и убежденно, чтобы не вселять ещё больше страха в и без того напуганных друзей. Но голос его звучал слишком тихо для уверенного в своих словах человека. Сам он осознавал, что это уже далеко не безобидная туристическая прогулка.

- *Że tu odbywa się?* (Что тут происходит? — пол.) — Евангелина умоляюще посмотрела на Питера, ища в нём силу и защиту...

— Не волнуйся — пока я жив, тебе ничего не угрожает, — юноша крепче обнял её, объятую страхом, — Верно я говорю, джентльмены? — обратился он к мужской половине компании.

— Точно, приятель, ты абсолютно прав, — поддержал его доктор.

Рыжеволосая Эллен почти вжалась в Этьена, спрятавшись за сильной фигурой брата, который пытался закрыть собой сестру.

Крепче прижалась к Дэну и Джастина.

Маргарита сильнее ухватила за плечо любимого мужчины. Она вся дрожала, нервно теребя пальцами свои волосы. Сердце бешено набирало обороты, то подкатывая к самому горлу, то, кажется, сорвавшись с обрыва, летело вниз, от чего каждый вдох давался с огромным усилием и отдавал болью во всём теле.

— Каким ветром занесло тебя сюда, Охотник? — заслонив собой Маргариту от враждебного взгляда, Джон сделал шаг вперёд.

— Вот чёрт, — разочарованно сплюнул ракшас.

Красный попытался изобразить приветственную улыбку:

— Я за него.

— А что тут делает бастард из Небесного Града? Не ожидал встретить тебя. Неужели решил затеряться среди смертных? — язвительно заметил демон, — Только тебя тут и не хватало. Возвращайтесь к папочке, Ваша Милость, и вы не пострадаете. А то, я ненароком и зашибить могу — надо будет объяснения папочке сочинять — сплошная головная боль. Любопытная, надо признать, сказочка была, и какая красивая: княжеский приемыш от повторного брака оказался родным сыном князю, хоть и незаконнорожденным. Да достаточно только на тебя взглянуть внимательно — тот же взгляд, та же мимика. Только слепой или недалекий умом не заметил бы сходства. И характером весь в отца.

— Польщён, что узнал меня, но, ты забываешься, Охотник! — не сдержавшись, вспылил Джон, — А, может, сделаем по-другому, — весьма самонадеянно предложил он, — ты уберёшься сейчас же, пока я отпускаю тебя.

— Нахальный мальчишка! — уязвлено прикрикнул ракшас, — Между нашими народами установилось хрупкое перемирие. Ты вмешиваешься не в своё дело и рискуешь возродить давнюю вражду. Что тебе до этих смертных? — он заинтересованно изучал взглядом смуглого темноволосого молодого человека.

Тогда Джон осторожно поинтересовался:

— А у тебя какая к ним нужда?

— Веками соблюдается равновесие между Светом и Тьмой, которое может быть разрушено в одночасье. Всё это древние законы, установленные задолго до нас. Без Света не будет Тени, а Тьма делает Свет ярче. Ты тоже почувствовал ту силу, что исходит от них, верно? Я лишь исполнитель. Они должны исчезнуть пока не пробудились силы, что могут изменить баланс мира. Их Свет слишком ярок, он породит ещё большую Тьму. Их сила — дикая.

— Ещё раз повторяю — ты не тронешь их, — произнес Джон громко и отчётливо.

— О! Да, мальчик у нас знатный извращенец, — громоподобно рассмеялся демон, и всё внутри содрагалось от его жуткого хохота, и уши болезненно закладывало от этого необузданного смеха, — на какую участь ты обрекаешь их? Они могут один раз умереть спокойно сейчас, либо же умирать и возрождаться, снова и снова, раз за разом, столетие за столетием. И, ещё раз повторяю, — самоуверенно добавив, — Я не проваливал до сих пор ни одного задания. Не мешайся под ногами.

— Ну, всё когда-нибудь бывает в первый раз, — молодой мужчина всеми своими силами старался сохранить спокойствие и уверенность, иронически заметив, — Ты знаешь на что я способен, не так ли? Они под моей защитой — уйди по-хорошему, — сделав размашистый жест рукой, он внутренне весь напрягся, — Скажи, что не нашёл. Они имеют право сами решить, какую судьбу выбрать.

— Это, что — угроза? А ты упрямый, Дхармараджа, — противник смерил его немигающим взглядом, — Твой народ всегда слишком любил людей. Ничего личного, но, раз уж сам запросился... щадить не буду. Ты поделишь с ними их судьбу. Жаль, мне нравятся такие, как ты: дерзкие, благородные, безрассудные.

Не оставляя времени на размышления, демон первым начал атаку: мощный энергетический вихрь сбивал с ног, раскидывая, не подозревающих о характере нечеловеческих способностей противника, подростков в разные стороны, больно вмазав о

камни.

Им всё же удалось прийти в себя от такого неожиданного удара, но ещё долго ощупывали руки-ноги: всё ли цело.

— Что всё это, чёрт возьми, означает? — не сдержал негодования доктор, отряхивая свой костюм, — Наше мнение, по ходу, ни кого не интересует? — на своем веку ему уже мало чему приходилось удивляться. И особенно решительным он бывал в тех случаях, когда речь шла о безопасности его близких.

Тем временем нападавший вновь перешел в наступление — сокрушающий поток ураганного ветра полетел в их направлении. Мгновенно сработал инстинкт защитника, стремящегося любой ценой отвести опасность от дорогих людей. Поддавшись этому непреодолимому порыву, Джон попытался закрыть собой Маргариту и принял на всю ударную волну демонической силы. Сильная энергетическая аура, словно паутина, поймала его в свои сети, и впечатала в стену пещеры. Парень закричал от боли, словно его всего выворачивало наизнанку.

Маргарита ошалело смотрела на всё это зрелище — она признавала своё бессилие и готова была вот-вот зарыдать.

— Марго, не смей, не трави душу — и так тошно, — прохрипел Джон, — Это я во всём виноват... я должен был предупредить вас, подготовить, в конце концов... Уходите! Не думайте обо мне! Уходите! Я справлюсь сам. Мне теперь есть, кого защищать и за что бороться. Пусть даже это будет последнее, что я сделаю в своей грешной жизни, я ни секунды не пожалею об этом. Умоляю, уходите! — он повернул искаженное от страданий лицо, — Док, уводи их! Вы хоть понимаете, что это — не игра?

— Жан, неужели ты думаешь, что мы оставим тебя здесь умирать? Вот так просто возьмем и уйдем? — всхлипывая, прокричала Маргарита, делая ударение на каждом слове, — Плохо же ты знаешь меня — я уйду только вместе с тобой!

— А я люблю тебя и всех вас! — заорал Джон, — Меня, вообще, слышит кто-нибудь? Я не хочу подвергать вас опасности!

— Я не хочу! Я отказываюсь во всё это верить! — Маргарита закричала, и её крик эхом отозвался по пещерам, — Я не могу! Я не хочу тебя потерять! Я не приму этого! Я не собираюсь становиться вдовой, ещё не став женой.

Неожиданно для себя, она запустила своим рюкзаком прямо в ракшаса, гневно повелев:

— Эй, кто бы ты ни был, ты не получишь его. Отпусти сейчас же!

Натянутой струной зазвенело замершее время, и в тяжелом воздухе накатила давящая тишина.

— Забавная маленькая человечка, — спокойно отряхнувшись, демон с нескрываемым любопытством посмотрел в её сторону, — Так всё, оказывается, так просто? — он захохотал, швырнув парня о стену пещеры.

— Жан, ты в порядке? — Маргарита бросилась к возлюбленному, погрозив противнику кулачком, — У-у! Зараза! Будешь знать, как связываться с нами.

— До чего же вы, смертные, предсказуемы, — улыбнулся ракшас.

Джон лежал на каменном полу без сознания, волосы на затылке слиплись от крови, одна половина лица была счёрсана, сквозь разодранную в клочья одежду виднелись ссадины и кровоподтёки.

— Жан, прошу, не оставляй меня! Открой глаза, Жан, — Маргарита, не обращая внимания на происходящее вокруг, положив голову Джона себе на колени, то прижимала его

к себе, то хлестала ладонями его по щекам, — Жан, заклинаю, очнись. Ты же обещал, что не оставишь больше меня. Ты обещал... Ты лжец, Жан... Лжец! Я же видела будущее, наше будущее, — в припадке начавшейся истерики она уже не могла остановить слёз, — Услышь меня, Князь Небесного града! Взгляни на сына своего — ему нужна твоя помощь. Возьми мою жизнь, если нужно, только не лишай его милости своей. Я прошу... нет, я требую — спаси его, — в исступлении взывала она, сама не зная к кому, колотя кулаками по земле, сдирая в кровь кожу на пальцах, — Если он умрёт, то, клянусь, Небеса содрогнутся от моей скорби!

Очередная атака буквально вдавила ребят в камни.

Сама кровь взбунтовалась в Маргарите, потрясенной этой драмой. Она выпрямилась во весь свой миниатюрный рост:

— Хватит! Мы не собираемся сегодня умирать. У нас ещё так много неосуществлённых мечтаний, — в её крике было столько гнева и негодования, что даже друзья оторопели, — Я есть свет! Я есть свет! Я не подвластна тьме! Я есть свет! Я есть! Свет! — повторяла она снова, и снова, и снова, словно молитву — Волею славных богов и благородных предков, ради торжества справедливости, помогите возродить Золотую Госпожу, принять Облик и обрести Атрибуты! О, Солнце, защитник жизни, омой меня огнём!

— Марго, прошу, не надо... Уходите же... Я сам справлюсь... Я сам... Мне теперь есть кого защищать, — простонал Джон в безнадежной попытке подняться на ноги, — Нет...не надо...я этого не стою...

Невероятно яркое свечение окутало девушку, пронзив полумрак пещеры тысячей огней:

— Неужели это я? — Марго с изумлением осмотрела себя, — Что это было? Что это за сила? — она всё ещё была не в состоянии поверить в происходящее.

Всё её тело точно светилось изнутри и, каким-то непостижимым образом, казалось, что сияют даже её волосы, не говоря уже о глазах — от природы темно-карие, сейчас они горели решимостью цвета темного янтаря, как если бы в глубине их полыхало яркое пламя. И от кончиков пальцев по всему телу распространилось тепло, сменявшееся почти жаром.

— Становится всё интереснее и интереснее — великого Сына Солнца защищает девчонка, — криво ухмыльнулся демон, — Маленькая человечка хочет поиграть? Безумная, куда тебе со мной тягаться, — он снова послал в ход ураганную мощь.

Своим телом Маргарита закрыла парня. Атака не достигла их, отразившись от энергетического щита и ударив по самому атакующему — демон отлетел в дальний край пещеры.

Раненый, обозланный, он принялся в бешенстве расшвыривать сгустки энергии во все стороны: положение становилось опасным...

— Не смей их трогать! — не сдержался доктор, метнув в демона скальпель, один из изготовленных на заказ — из специального сплава, с идеально выверенной балансировкой и особой заточкой, когда пришел к выводу, что должен уметь постоять не только за себя, но и дорогих ему людей, особенно после случая с его приятелем Алессио, когда им пришлось

иметь дело с беспощадными и беспринципными представителями преступного мира — до сих пор тяжело верится в горькую иронию судьбы, что в расцвете лет парень погиб в авиакатастрофе, приложив невероятные усилия, чтобы выжить после покушения и вернуться к нормальной жизни, — Считаешь, что мы не в состоянии постоять за себя? — он отряхнулся, вытерев лицо рукавом и помогая подняться Даниэлле.

— Верно, мы можем и должны защитить себя! — поддержала его златовласая, — О, Селена, славная богиня Луны и справедливости, дай мне силы, чтобы помочь друзьям! — воскликнула она, и ослепительное серебряное сияние окутало её... Сияя, подобно Маргарите, всё тело её златовласой подруги испускало спокойный голубоватый свет, а глаза её сверкали решительностью и твердостью бриллиантов, — и пред друзьями явилась Серебряная Госпожа во всём блеске своего Облика и со всеми Атрибутами... — Чтобы добраться до них, тебе, сначала, придется иметь дело с нами.

— Пока день сменяется ночью... Мы не хотим умирать, но...

— Пока в небе светят Солнце и Луна... Если мы не рискнем своими жизнями, то мы не победим.

— Пока сердца двоих влюблённых бьются как одно... Наши клятвы превратятся в свет.

— Пока в этом мире существует дружба... Наши сердца чувствуют, что пришло время битвы.

— Пока жива надежда... Наши сердца объединяются в одно.

— Пока мы сильны магией своих сердец... Подними же свои глаза, когда приходит время битвы!

И все они, один за другим, встали с колен и были полны решимости выйти из этого приключения живыми.

— Всё это совершенно невероятно, — сама себе сказала Джастина — Но, это шанс на спасение. Небесный хранитель мой, не оставь меня силой своей! Если этому бывать, то и меня не миновать, — громко и отчётливо произнесла она.

Чудесные превращения произошли и с остальными: претерпели изменения не столько внешние признаки, но даже глаза смотрели по-особенному, отражая перемены внутренние. И куда только девались их подростковые неуклюжесть и стеснительность — теперь и во взглядах их, и в жестах было столько уверенности и силы. Они преобразились, и сами до конца ещё не могли поверить в это.

К огромному удивлению всех, каждый получил невероятную силу: она словно всё время была внутри них, и под действием сочетавшихся условий вырвалась наружу, чтобы защитить своих обладателей...

Собственно, так оно и было.

Без Обликов и Атрибутов оставались только, находящийся без сознания, Джон и молодой хирург.

Пока Маргарита пыталась привести в чувства молодого человека, остальные держали перед ними защитный барьер.

Маргарита медленно поднялась и повернулась к ракшасу, её платье сменилось сверкающими доспехами:

— Кто-то говорил об играх? Как насчёт, начать с игры с огнём? — голос её был, словно, чужим а в руке плясали языки пламени, — Ты пришел за нами — так вот они, мы — возьми, если сможешь, а парню дай уйти, — произнесла Маргарита, посмотрев в глаза друзей и получив их молчаливое согласие.

Прислонившись к остывшим камням в дальнем углу подземелья, пристальным взглядом холодных серых глаз, за ними наблюдала одинокая персона, и никому в мире не ведомо было, какими титаническими усилиями приходилось сдерживать себя, чтобы не вмешаться сейчас же:

— Марико, так всё-таки, это ты? — прошептали бледные губы, словно, в его устах имя это прозвучало богохульством, — Только теперь у тебя другое имя. Маргарита... Оно тебе идеально подходит. Спустя столетия, я снова нашел, что так долго искал во тьме миров и веков, но, я не могу ни чем тебе помочь, и я ненавижу себя за это — здесь и сейчас. Ты снова будешь со мной, даже, если для этого мне придётся уничтожить твой мир и разрушить Небесный град.

— Не стоит мारаться о него, милая, — за её спиной поднялся Джон — слабый, не в состоянии устоять, одной рукой он держался за стену, другой — вытер кровь и грязь с лица:

— Должен тебя разочаровать, Охотник, но, я ещё жив, и мне ещё хватит сил защитить тех, кем я дорожу, — он силился выдавить улыбку, вместо которой вышел оскал, и недобро сверкнул глазами, — Так смотри же, и смотри внимательнее — кого ты недооценил. Ты испытал моё терпение.

Джон был прекрасен как никогда, приняв Облик и обретя Атрибуты: в алой шёлковой рубашке, вышитой золотом и драгоценными камнями, подпоясанный широким расшитым красным поясом, превосходно оттенявшей его смуглую кожу, в облегающих красных кожаных штанах, подчёркивавших его фигуру, и красных сафьяновых сапогах до колен. Его локоны, подобно чёрным змеям, обвивали шею и спускались по плечам. В его глазах была бесконечная тьма. Недаром он выбрал своим цветом красный — повседневный и торжественный, святой и дьявольский, обыденный и величественный, траурный и праздничный, цвет огня и цвет крови, цвет самой жизни и цвет самой смерти. Это была пугающая красота.

Алый шелковый аркан обхватил шею ракшаса, который, как он ни силился — не мог ослабить. Задыхаясь, побежденный темный ассасин опустился на колени, и, встретив взгляд соперника, словно заглянул в глаза своей гибели...

— Ну, что же ты медлишь? — из последних сил просипел демон, — Только, запомни, что придут и другие. Вы и представить себе не можете, за какими из миллионов обличей будет скрываться.

Не замеченная никем, в глубине пещеры за ними продолжала сосредоточенно следить неподвижная фигура в сером плаще:

— Ну, же, убей его, — юноша снял капюшон, и длинные волнистые волосы цвета лаванды рассыпались по плечам, он напряженно прищурил глаза: и эти узнаваемые черты бледного лица, и такие же узкие глаза серого цвета, высокий рост и худощавость, которыми так характерно отличался он сам — всё в облике ракшаса указывало на того единственного, кого он ненавидел и винил во всех своих страданиях, винил за то, что оставил его совсем одного, и кто был ему отцом, единой родной душой во всем мире, и от кого он унаследовал свою силу, — Твой гнев силён, Дхармараджа, так дай ему волну, сделай, что должен, и дай мне повод пронзить твоё горячее сердце. Хотя, нет... Это было бы слишком просто. Ты будешь молить о смерти.

— Нет! — придя в себя, будто после транса, вроде не она сама только что готова была уничтожить демона, Маргарита почти повисла на плече Джона, подняв на него заплаканное лицо, — Мой Жан — не убийца!

В груди сильно закололо, Джон осел и обхватил голову руками, его глаза стали прежними:

— Прочь с глаз моих! — резко бросил он ракшасу, — И остальным расскажи, кто посмеет сунуться, с кем им придётся иметь дело.

Сильный порыв ветра — и только алая петля аркана медленно спланировала на пол в том месте, где стоял ракшас.

— А ты недооценил этих смертных, отец. Впрочем, как и я. Только, выиграть битву — ещё не означает, выиграть войну. Спасибо, что дал увидеть твою силу и твою слабость, Дхармараджа — наше одно проклятие на двоих, — и лишь еле уловимое колебание воздуха да эхо тихих звуков флейты, могли служить доказательством присутствия тут существа ещё секунду назад.

— Ну, что, все целы? — слабо усмехнулся Джон, всё ещё держась за стену, — Спасибо вам, друзья мои!

— А сделали мы его! Сделали! — победно улыбнулась Даниэлла.

— Теперь можно и домой возвращаться — и даже не по частям, — расплылась в улыбке Джастина, прильнув к плечу Дэна.

— Если бы своими глазами не увидела, то никогда бы не поверила. *Matka Boska! Moje gratulacje nam wszystkim!* (Матерь Божья! Мои всем поздравления! пол.) — всплеснула руками Ева в объятиях Питера.

— Спасибо, дорогие мои! — Маргарита бросилась обнимать и целовать друзей. Её примеру последовали и остальные, радостно заключая друг друга в объятия.

Джон крепче обнял Маргариту, так, что мог слышать частое биение её сердца, и заглянул в её пленительные глаза:

— Девочка моя, напугал я тебя, да? — виновато улыбнулся он, — Моя невероятно храбрая девочка. Львица моя, ты была ослепительна. *Ma fille forte et tendre.* (Сильная и нежная фр.) Прекрасная роза — обольстившийся фасадом беззащитности, рискует уколоться о шипы. Ты — самое лучшее, что было в моей жизни, ты — гораздо больше, чем я того стою.

Вдруг, Маргарита изменилась в лице — только теперь она поняла весь смысл и осознала значение всего произошедшего:

— О, нет! Во что же ты нас втянул? Господи, только не это, — обреченно пробормотала она и сильно зажмурилась: казалось, откроет снова глаза, и вернётся нормальная жизнь, — Я не хочу жить такой жизнью.

Джон попытался снова обнять Маргариту, но она резко оттолкнула его:

— Не трогай меня! А нас кто-нибудь спросил, хотим ли мы вечно сражаться? Или это — такая мелочь, не стоящая внимания? Ты же всё знал, правда? А ещё другом назывался. Иуда! Скорпион! — не в силах контролировать своих слез, не в силах усмирить обжигающую пустоту внутри. И чувствовала себя обманутой и преданной. Что ещё он скрыл, о чем ещё умолчал? Она ведь полностью доверилась ему. И боль пронзила до основания, и не хотелось даже думать о том, что и все чувства его могли быть лишь игрой.

— Высказалась? А теперь извинись, — неожиданно серьёзным тоном произнёс Джек, — Тебе не стыдно? Что будет потом, неизвестно, а сейчас он спас наши жизни и готов был положить свою — за нас, за тебя. Так, такова твоя благодарность? — потом доктор

перевел осуждающий взгляд на смуглое лицо Джона, — А ты? Ты не открыл им правды. Определись, сначала, сам — насколько ты в них веришь. И если веришь, то доверяй до конца.

— Прости, Жан... Я, действительно, не должна была так с тобой разговаривать... — смутилась Маргарита.

Джон взял её, почти детскую, руку:

— Да знаешь ли ты, дитя, что я бы всё отдал, чтобы оградить вас от этого? — с горечью в голосе ответил парень, — И кто это говорит — ты, Марго? От этого мне ещё больнее. Но я, правда, виноват перед вами — я подвёл вас. Да, я чувствовал, не мог не чувствовать. Я... я не успел сказать вам. Конечно, это слабое оправдание. Прости меня, — он приложил её руку к своим губам, — Вы должны были сами справиться, перебороть страх и освободить тайные силы, что дремали в вас. Но я не смог не прийти вам на помощь — такой уж я есть.

— Дурак! Дурак! Какой же ты дурак, — и вот она уже всхлипывала, колотя своими кулачками по его груди, — А если бы с тобой что-нибудь случилось? Я же так волновалась. Однажды я уже потеряла Алессио — я ведь не переживу подобное снова.

— Ну, милая моя, со мной не так-то легко справиться, так что, так просто ты от меня не отделаешься, — довольная улыбка отразилась на лице Джона.

Маргарита вытерла глаза и посмотрела на него:

— Интересно, что во мне тебя так покорило — моя кукольная физиономия или частые обмороки, которыми так славились дамы в эпоху ренессанса?

— Глупышка моя, — он нежно поцеловал её.

Джон щёлкнул пальцем и на ладони у него появился кинжал с искусно инкрустированной серебряной рукоятью:

— Эту вещь я когда-то сделал своими руками — возьми его, и знай, что я приму смерть лишь из твоих рук. Если я когда-нибудь причиню тебе боль, то и мне самому будет невыносимо жить.

— Прекрати! — Маргарита поднесла палец к его губам, — Замолчи сейчас же! Не говори о таких вещах. Не сегодня. И никогда, — она отчаянно замотала головой, — По крайней мере, теперь я тебе практически ровня, — гордо подняла она голову.

— Я никогда не считал себя выше, — было ей ответом.

— Так кто же мы? Мутанты, как в "Людах X"? Кто мы? Ответь нам, — настойчиво потребовала Даниэлла, и на него устремились вопрошающие взоры.

— Забудьте всё, что вы слышали о демонах и падших ангелах — реальность гораздо страшнее — продолжал Джон, — Но я очень рад, что именно вы оказались теми, кого я искал. И ни кто не помешает мне делать двух вещей — быть рядом с вами и поступать по совести. Я попытаюсь научить вас кое-чему и буду помогать вам по мере возможностей. Вы должны верить мне. Вы избраны. Эта сила в вашей крови. Хотите, можете отрицать её, но она — часть вас самих. Кто когда-то стоял на защите Света, снова должны встать под знамёна добра. Рискнут ли люди принять вашу помощь? Вас будут боготворить, вам будут завидовать, вас будут ненавидеть, но вы всегда будете теми, кто вы есть, и никто не сможет этого изменить. Теперь, когда вы раскрыли себя — вам не будет больше покоя, ни от сил Света, ни от сил Тьмы, но — таким был Ваш выбор. Вы стали моими друзьями, а их у меня не много. Теперь, когда мы будем делать одно дело, ваша дружба стала для меня ещё дороже. И если вам нужна будет помощь, я ни минуты не буду раздумывать. Из вас получатся прекрасные Воины Света. Вы были великолепны. И я сочту за честь стать вашим

наставником.

— Я не верю, что родилась для битвы, — тихо произнесла Маргарита, — но, если мои близкие окажутся в беде — хоть я не всех на свете умнее и сильнее, но друзьям помочь постараюсь, чего бы мне это не стоило. Однажды я не смогла защитить свой народ и свою любовь — больше я такого не допущу.

Она подняла голову и долго смотрела на Джона:

— Любовь, она как танец, начинаешь кружиться всё быстрее и быстрее, и земля уходит из-под ног, и если не зацепиться за что-нибудь взглядом, то можно упасть....

Парень обнял её:

— Я не дам тебе упасть. Я буду твоим щитом, я буду твоим мечом.

— Я верю тебе, как самой себе, — непоколебимо держала ответ Маргарита.

— Да будет так!

— Сражайтесь, делайте, что хотите, но только без меня! — внезапно надулся доктор.

— Джек, как ты можешь? Что ты такое говоришь? — возмутилась Даниэлла.

— А что я такого сказал? Вы же теперь крутые, куда нам до вас! Найдёшь себе прекрасного юного бессмертного, на черта тебе старый осёл Джек?

Тут уже не выдержал Джон:

— Господи, Джек — ты мой друг, и я скажу тебе, что, ты и есть осёл, если думаешь так. Здесь лишних нет, ты — с нами, ты — один из нас. Посмотри на Даниэллу — на ней же лица нет, но уверен, что ей сейчас очень хочется залепить тебе звонкую пощёчину!

— И у меня тоже такое желание! — подтвердила Маргарита.

— Если этот мальчишка не замолчит, то я за себя не отвечаю! — выругался молодой хирург.

— Пусть я мальчишка, но, в отличие от некоторых, я кое-что понимаю, чего ты так и не смог понять, — Джек обескураженно напрягся.

— Мне нужен только ты, и я не променяю тебя ни на кого другого: смертного ли, бессмертного ли. Только это сейчас имеет значение — ты и я, — Дэни посмотрела на него своими ясными голубыми глазами, в которые он готов был смотреть вечно.

— Я когда-то сказал: "Господи, помоги, тому мужчине, который полюбит тебя!" — Господи, помоги мне! — глубоко выдохнул Джек.

И они слились в долгом поцелуе.

Ребята захлопали в ладоши.

— Что ж... Мы — сила! Берегитесь, чудовища — мы сражаемся во имя Добра и Справедливости, и так просто мы не сдаёмся! — театрально продекламировала Даниэлла, — ОЙ! Это, кажется, уже где-то было... — вовремя спохватилась она.

И дружный смех разнёсся по пещерам.

— Нет, вы никогда не повзрослеете, — улыбаясь, вздохнул Джек.

— А, разве это — так уж плохо? — не унималась Маргарита.

Внезапно в коридорах пещеры послышался шум, и вскоре показалась большая величавая птица, летящая к ним. Это был сокол. Птица опустилась на плечо Джона:

— Азраэль! (имя, данное соколу — имя ангела смерти в исламе и иудаизме, который помогает людям перейти в иной мир, своего рода — проводника душ в потустороннем мире) — обрадовался он, погладив перья птицы, — Как ты нашёл меня? Веди же нас, — парень повернулся к друзьям, — Идём за птицей. Он выведет нас из пещер.

Когда они вышли на свежий воздух, Джон попросил ручку и листок бумаги и написал

послание, привязав его ниткой к лапе сокола:

— Лети, славный Азраэль, и передай, что скоро в Небесный Град пожалуют долгожданные гости, — с этими словами он отпустил птицу, и сокол взмыл высоко в небо, — Только там вы сможете получить защиту, — заверил он друзей.

— Жан, спроси меня, кто я — попросила Маргарита.

— И, кто же ты, ангел мой? — подмигнул Джон.

И девушка уверенно ответила ему:

— Я — Свет!

— Истинно, чудо моё, — улыбнулся молодой человек, целуя её.

— А говорят ещё, что чудес не бывает, — Марго в задумчивости прикусила палец, — А я тогда кто?! — она изобразила страшные глаза и зашлась серебристым смехом.

Лёгким мановением руки, молодой человек в посеребренных доспехах, мощным потоком ветра раскидал стражников и вошёл в тронный зал.

— Да кто ты такой? И как посмел сюда явиться? — с высокого трона вскочила светловолосая женщина в золотой маске на пол-лица.

Не обращая внимания на её возмущение, юноша проследовал к трону и преклонил колено:

— Ваше величество, я пришёл предложить свои услуги, — бесстрастным голосом произнёс он.

— Не знала, что у Охотника есть сын. А ты мне нравишься — говоришь прямо и не лебезишь предо мной, — женщина продолжала изучать его взглядом, но парень грубо прервал её:

— Я не свою родословную обсуждать пришёл.

— В самом деле, — снисходительно согласилась с ним женщина, — И что же ты хочешь предложить мне?

— Хранителей. Всех, кроме одной — она моя, — вновь ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь зрачки его блеклых глаз стали шире.

— И чего же ты хочешь за свои услуги? — заинтересованно спросила светловолосая, обходя вокруг собеседника, он не мог не привлекать внимание — он был необычно высок, худ и бледен, но неоспоримым его достоинством была роскошная шевелюра светло-сиреневых волос, а в его непроницаемых серых глазах она безуспешно старалась прочесть хоть какие-то эмоции, словно, это было вообще не живое существо.

— Пост главнокомандующего, — голос его звучал твёрдо, почти требовательно.

— А у тебя губа не дура, мальчик, — звонко рассмеялась златовласая королева, — Да, вот только главнокомандующий пока что — Правитель Тёмного Двора и мой муж. Но, ты так ловко расправился с моими гвардейцами, что, наверняка, достойно выступишь на предстоящем турнире. Знаешь, турниры бывают настолько непредсказуемы... Не застрахован ни кто, даже король...

— Можете дальше не продолжать, — юноша снова оборвал её речь, — Если я выполню то, что от меня ожидается...

— Ты получишь звание главнокомандующего королевскими войсками, — кивнула

она, — Интересно, а в постели ты так же хорош? — королева попыталась провести рукой по его волосам.

— Не припоминаю, чтобы кроме своего меча, я предлагал Вам и своё тело, — он порывисто остановил её руку.

— Скажи, хоть, как твоё имя, нахаленыш, — снова рассмеялась правительница, — Не беспокойся, такие малолетние юнцы меня не интересуют.

— Называйте меня Шнайдер. Ио Шнайдер, Ваше Величество — юноша поклонился потом круто развернулся и направился к выходу.

— Что ж, я буду ждать, когда твоё имя озвучат на турнире, — сказала не прощание светловолосая королева, — Исполни, что обещал, и получишь, что просишь.

04. Звон колоколов в Небесном граде

— Привет, мама, — улыбнулась с порога Маргарита.

— Cara mia! — придирчивым взглядом посмотрела на них Валентина, всплеснув руками, — Мадонна миа, что за вид у вас, дети? Вы, что — со шпаной местной что-то не поделили?

— Ну... можно сказать, и так, — девушка быстро чмокнула мать в щеку, и вся компания, пряча нервное напряжение за приветственными улыбками, поспешила проследовать в свои комнаты.

— Приводите себя в порядок и садитесь ужинать, — Маргарита знала, что, когда мать начинала говорить таким тоном, то спорить с ней было бесполезно, — И о чём вы только думали? Ладно, эти безрассудные подростки, но вы, — Валентина обратилась к Джеку и Джонни, — куда смотрели? А дальше что — разбирательства с полицией?

— Не беспокойтесь, мадам — на настоящий момент конфликт исчерпан, — заверил женщину Джек, пытаясь уйти от нежелательного разговора, ему было неприятно ощущение отчитываемого провинившегося школьника.

— Ох, — покачала головой Валентина, — очень на это надеюсь. Мы с Шарлем улетаем на симпозиум — как мне теперь ехать, когда на сердце у меня беспокойно за вас?

— Мам, — Маргарита попыталась успокоить мать, — честно, всё в порядке.

— Ну, хорошо, если ты так уверяешь, — вздохнула Валентина, — Только постарайтесь не разнести дом и не впутывайтесь в неприятности, — Валентина поцеловала дочку в лоб.

— Обещаю, мама, — слегка улыбнулась Маргарита, скрестив пальцы за спиной: как же она не любила врать матери, ведь всё равно мать всегда видела её насквозь. Даже, если они все будут твердить в один голос, то кто им поверит, что демоны существуют, и уже послали за ними своего киллера?

Когда Валентина вышла, Джек налил себе виски и достал пачку сигарет:

— Мне определённо нужно выпить и закурить. Кто-нибудь ещё будет? — предложил он, окидывая взглядом сидящих.

— Спасибо, но нет, — отклонили предложение Питер и Этьен.

— Что, никто не составит мне компанию? — молодой хирург вопросительно посмотрел на Джона.

— А я, пожалуй, не откажусь, — кивнул головой Джон, — Блин, щиплет же, — покривился он, когда Маргарита попыталась обработать перекисью раны на его лице.

— Что, очень больно? — обеспокоенно спросила Маргарита.

— Твои слова и твоя забота — самый лучший бальзам на мои раны. Ради этого, я готов вытерпеть всё, что угодно, — Джон поднял на неё свои глаза.

— Разреши помочь, — Даниэлла провела рукой по лицу парня, и раны начали затягиваться, пока совсем не исчезли.

— Спасибо, — улыбнулся он, — Это тоже часть твоего дара. А теперь представь, что все раны и ссадины заживают на телах твоих друзей.

Даниэлла закрыла глаза, и необыкновенное тепло переполнило всё её тело, и, словно

расплескавшись, заполнило собой всё пространство.

Маргарита с удивлением посмотрела на свои руки — на них снова не было ни единой царапины.

Джастина, Ева и Эллен ошеломленно смотрели то друг на друга, то на Даниэлла.

Джек дотронулся до своего лица — к его сожалению, шрамы ни куда не исчезли.

— Прости, приятель — не эти, — развёл руками Джон.

— А дара ли? — вздохнула Даниэлла, — Что ж, спасибо, что показал границы наших возможностей. Зачем тогда мне такая сила, если я не могу столь малого, — она бессильно опустила в кресло, — И как нам теперь жить с этим даром? Что же будет с нами дальше?

— Вы должны подчинить свои силы, и не позволить им подчинить вас. Это трудно понять, не прочувствовав.

— А ты объясни им, — Джек скрестил руки на груди, прислонившись к стене, — вдруг поймут. Они же не совсем несмышленные, в конце концов.

— Вам будут подвластны силы природы и стихии, потоки энергий, телекинез, левитация и эмпатия. Твоя сила, Даниэлла, способна как исцелять, так и уничтожать, как созидать, так и разрушать. Маргарита, твоя сила в пламени пирокинеза — от огня свечи и камина, от тепла домашнего очага до неукротимого пожара. Джастина, твоя сила — электричество, от молний до бытовой электротехники. Питер — дитя природы, ты научишься понимать язык животных, будешь управлять силой самой земли. Ева, твоя сила — метеокинез, тебе подчинится погода и вода — от самой малой капли до бушующего потока. Эллен, ты управляешь воздушными потоками, звуком и фотокинезом. Этьен, мастер иллюзий. Дэн, твоя сила в управлении потоками энергии. Когда вы там, в катакомбах, зывали о защите, слова пришли сами — это в вас говорило ваше прошлое, души, некогда принадлежавшие великим воителям, Хранителям и защитникам Земли. Но, вы не слишком удивлены вашей силой, я смотрю, — улыбнулся Джон

— О! Ты имеешь дело даже не с "поколением "Пепси"", а с поколением аниме и манги, — пылко заявила Маргарита.

— В смысле? Не понял? — откровенно удивился парень.

— Ох, кому что, а им всё мультфильмы да комиксы, — испустил глубокий вздох Джек, — Смотри, сейчас они ещё лекцию на тему прочтут с наглядными материалами, — добавил молодой хирург, улыбнувшись.

— Ай, тебе бы стоило уважать культуру твоей родины, — выразила своё несогласие Даниэлла.

— Да я и уважаю. Я только хотел сказать, что вы уж слишком увлекаетесь, — попытался оправдаться Джек.

— Мы, выросшие на фантастических сериалах и анимации страны восходящего солнца, мало чему уже удивляемся. Возможно, даже где-то в глубине души, мы мечтали о чём-то подобном. Эйфория от осознания собственной значимости скоро пройдёт, но, сколько раз мы представляли себя на месте героев книг и фильмов, — вдохновенно разглагольствовала Даниэлла.

— Да поймите же вы — это вам не компьютерные игры, где можно сохраниться перед боем, это вам не "Lineage", не "Final Fantasy", — прервал её горячую тираду Джон.

— И давно это ты стал знатоком видеоигр? — поинтересовался Питер.

— Не так давно, и не то, чтобы знатоком... — загадочно протянул парень.

— Ты в них веришь? — доктор пристально посмотрел на Джона, — Ты, кто назвался их учителем?

— Как в самого себя, — уверенно ответил Джон.

— Ладно, мы отвлеклись от темы, — нетерпеливо напомнил Джек,

— Я очень виноват перед вами, — Джон убрал волосы с лица, его взгляд был напряженным и печальным, — Теряю форму. Старею, что ли? Солнцем золотым был под небом синим — мой вчерашний день, ну, а что же ныне? — мрачно продекламировал он.

— Если такова наша судьба, если о нас уже всё равно стало известно, то не этот демон, так другой, не сегодня, так завтра... — тихо произнесла Даниэлла.

— Нам стоит возобновить тренировки, — задумчиво обронил Джон, — Кто знает, когда ждать следующего нападения. И силами своими вы должны уметь управлять. Защиту ставить получилось — прекрасно, но, вам нужно научиться и атаковать.

В это время в раскрытое окно столовой влетел уже знакомый сокол.

— А оперативно у вас там работает почта, — искренне усмехнулась Джастина, — куда уж нашему e-mail-у.

— Ты принёс ответ, Азраэль, — Джон отвязал послание от лапы птицы и бегло прочёл его.

— Ну, что же там? Что пишут? — с неподдельным интересом любопытствовала Маргарита.

— Начинаются турниры — период перемирия, так что три месяца спокойствия у вас есть, с чем всех нас и поздравляю, — Джон скрестил пальцы рук на лбу и тяжело вздохнул, — Чёрт, это же так мало — что мы успеем? Зато, нас посетит кое-кто, кто покажет настоящий мастер-класс.

— И как же мы всё это потянем? — спросила Джастина, — Нам ещё выпускные экзамены предстоят.

— Так, значит я завтра же утром позвоню тёте и попрошу её задействовать свои связи, чтобы нам разрешили сдавать экзамены вместе с Маргаритой, — предложила златокудрая.

— Спасибо, дорогая, — Маргарита обняла подругу, — Это было бы просто замечательно.

— Ещё нам бы не помешало снять помещение для тренировок, — добавил Питер.

— Резонно, — согласился Джон, — А после выпускного мы отправимся в Небесный град. Мои друзья помогут защитить вас.

— Интересно, какой он, этот Небесный Град? — Маргарита взяла в руки чашку с кофе, и от, уже начавшего остывать, напиток снова поднялся пар и распространился бодрящий аромат, — Дивный и блистательный?

— В разные времена и разные народы называли его по-разному: Олимп, Асгард, Меру. Наука, ушедшая далеко вперёд от вашего понимания, сродни магии. Это сложно описать словами — это нужно увидеть своими глазами. И вы сами всё увидите в своё время.

Маргарита подпёрла голову ладонями, закатила глаза и глубоко вздохнула.

— Придётся запастись терпением, — нехотя согласилась Джастина, — Кто-нибудь, подайте, пожалуйста, молока для кофе.

— Прошу, подруга, — Даниэлла повела рукой, и молочник медленно подошел

ближе к Джастине.

— Мучас грасиас, — подмигнула Джастина.

— Ох, ну что вы, в самом деле? — покачал головой Джон, — Как дети малые, честное слово. Я тут распинаясь перед ними битый час, а они молочники двигают.

— Так, а что это у вас за полуночная сходка? — в дверях, в любимой пижаме с медвежатами, появилась Розалинда в обнимку с большим плюшевым медведем.

— И тебе вечер добрый! Иди сюда, принцесса, — Джон хлопнул себя по колену, — Чаю хочешь?

— Угу, — она закивала головой, устраиваясь по удобнее на коленях Джона.

Даниэлла взглядом указала на девочку, Джон утвердительно кивнул и приложил палец к губам в знак молчания.

И уже совсем скоро Джон со всей серьезностью подошел к вопросу тренировки своих новоиспеченных подопечных.

Мало кто из них знал, что этот молодой человек слыл мастером практически всех известных единоборств, и все свои знания и всё своё мастерство он старался передать ученикам:

— Марго, ты чего? Посмотри, где рука? Как ты фехтуешь? Где рука? Как работает кисть? Выводи свою рапиру из линии прямого удара... Не западай кистью. Смотри на меня! У тебя в руках не кочерга, не сковорода, а благородное оружие! Представь, что сейчас перед тобой — враг! Хоть бы разозлилась, что ли, — негодовал Джон, на тренировках он, будто преображался — не было весёлого и обаятельного балагура, а был требовательный и жесткий наставник.

Она отбросила рапиру на пол и сняла маску:

— Знаешь же, что это — не моё! Зачем мучаешь меня?

— Ты надеешься на свою магию? А что ты можешь без неё-то? Малявка! Ты хоть на что-нибудь способна? — закричал Джон, — Я ещё не отпускал тебя! Подними и продолжай!

Она подняла рапиру:

— О, oui?! Ах, я ни на что не способна? — она была полна решимости, — Хочешь проверить?

Миниатюрной девушке приходилось быть более поворотливой и проворной. Он атаковал, она парировала и пыталась атаковать в свою очередь — неизвестно, сколько ещё мог продолжаться этот странный танец.

Наконец, на лице Джона появилась улыбка. Он остановился, потом подошел и обнял её.

Его удовольствие от поединка было очевидным:

— Теперь гораздо лучше. Bravo! Тихоню-Маргариту бойся на все триста шестьдесят градусов. Не позавидую тому, кто попадёт тебе под горячую руку, дорогая, — прокомментировал он, — Прости, что пришлось кричать на тебя, но, ты сама вынудила меня.

Девушка опешила:

— Так... ты...

Он рассмеялся:

— Господи, а ты что подумала?... Пойми же, сумасбродочка моя, я хочу, чтобы, когда какой-нибудь демон захочет в следующий раз напасть на вас, вы были готовы. Я не смогу быть с тобой двадцать четыре часа в сутки, как бы мне этого не хотелось, чтобы защитить тебя. Я хочу, чтобы ты и сама смогла постоять за себя.

— Ты считаешь?... — испуганно спросила Марго.

— Я надеюсь, что вас минует чаша сия... — серьёзно произнёс Джон, — Питер, прошу. Маргарита, пока можешь отдохнуть.

В один лёгкий прыжок Питер оказался в центре бывшего подсобного помещения, которое они сняли для своих тренировок. Джон протянул ему рапиру.

— А теперь — к оружию.

— Опять? Драться с тобой? — Питер устало опустил плечи.

— Не сутулься! — прикрикнул Джон, — Слушай, парниша, мы работать будем или языками чесать?

— Но... — Питер попытался было возразить.

— Рапиру держи крепко, но, в то же время, нежно, словно обнимаешь женщину — она ведь тоже женского рода. Оружие должно стать одним целым с тобой, продолжением твоей руки.

Юноша несколько раз взмахнул рапирой, чтобы привыкнуть к ней, и встал в позицию...

Атака последовала незамедлительно. Он парировал и атаковал в свою очередь. Джон отбил и сделал прямой выпад. Питер отбил, сделал финт и атаковал. Очень скоро стало ясно, что парень совсем неплохо владеет оружием. Минут через пятнадцать Джон уже улыбался — обычно ему хватало этого времени, чтобы победить противника. Через двадцать минут на его лице появилось изумлённое выражение. Они двигались настолько легко, будто сама сила притяжения перестала царить здесь.

— Молодец, — улыбнулся Джон, — А где же сестричка наша запропастилась? Снова опаздывает? — недовольно поморщился он, набирая на телефоне гневную смс.

— Восемь часов утра... Джонни, ну, какого! Будить в такую рань в выходной! — зевая и потягиваясь, в гараж вошла заспанная Даниэлла, — Вот она — я, было бы из-за чего психовать, — мило улыбнулась девушка.

— Ах, прости! Прости, я забыл, что у тебя утро выходного дня начинается после обеда, — язвительно заметил парень, — Я, конечно, человек понимающий, но, не лучше ли вам с доком ночевать тут — это не то, что в комнате в полной народа квартире: тепло, уют, спокойствие, интимчик тот ещё... Опять же — опаздывать не будешь.

— Джон!!! — девушка поправила, — Не поучить ли тебя манерам, мистер?

— И откуда такая бравада? А ты иди и проучи меня, — поманил он её.

— Как скажешь, Бр-р-ратишка, — хищно ухмыльнулась Дэни, одной рукой словив брошенную Джоном рапиру, другой надевая защитную маску, — Но, чёрт возьми, десять лет занятий гимнастикой — так просто я не сдамся! — и девушка его не разочаровала своей физической формой, несмотря на приступ утренней лени.

Очередной поединок на рапирах закончился, девушки отсалютовали друг другу и сняли маски: по плечам одной из них рассыпались каштановые кудри, а по плечам другой — золотистые локоны... Джастина улыбнулась:

— Учти, Дэни, ты сегодня победила, но это случайно — просто, я сегодня немного не в форме. В следующий раз я буду подготовлена лучше, и уж тогда спуску тебе не дам.

— Случайность — частный случай закономерности, — спокойно заметила Даниэлла, — Идём переодеваться.

Жизнь, однако, шла своим чередом, и в ней, кроме тренировок и подготовки к выпускным экзаменам, было место и романтике, и простым радостям жизни, как, например, поход в кинотеатр.

И вот, как-то вечером, возвращаясь с вечернего киносеанса, Джон и Маргарита практически были атакованы, приставшей к ним, немного нагловатой, очаровательной юной особой лет четырёх от роду:

— Дядь, а дядь, купи мороженое, — ребёнок изобразил самую невинную улыбку.

Молодая пара остановилась взглянуть на этого маленького ангела: у неё были ярко-синие глаза, длинные вьющиеся русые волосы, заплетенные в две косы, милое личико было испачкано грязью; ребёнок был одет в простую футболку и старые потрёпанные джинсы...

Парень порылся в бумажнике и дал девчужке купюру:

— Вот, возьми — купишь себе, какое сама захочешь.

Он присел перед девочкой на корточки:

— А что это такая симпатичная маленькая девочка делает одна ночью в большом городе? Ты потерялась? Где твои родители?

— Я не знаю своих родителей, — буркнула девочка, опустив голову и нервно шаркая ногой по асфальту, — Меня оставили на ступенях приюта. Теперь я живу сама по себе.

— И ты сбежала из приюта? Тебя там обижали? — Джон пытался поймать её взгляд, но она упорно изучала лишь носки своих кроссовок.

— Я не откровенничаю с незнакомцами, — наконец, она подняла голову.

— Меня зовут Джон, а тебя? — парень протянул ей руку.

— Аделина, — девочка, встречно, предложила свою маленькую ладошку.

— Вот мы и знакомы, — улыбнулся он, — А это — Маргарита.

— Ага, понятно... — Адель внимательно посмотрела на девушку, для четырёхлетнего ребёнка, у неё был очень осмысленный взгляд, что несколько озадачивало, потом протянула худенькую ручку, — Приятно познакомиться!

— Ну, я думаю, что Марго, в доме которой мы сейчас живём, не будет против, если мы пригласим тебя принять душ и накормим вкусным ужином, — Джон повернулся к Маргарите, — Надеюсь, ты не будешь ревновать?

В ответ, девушка широко улыбнулась. Она смотрела и не могла поверить — это же та самая девочка из её видения будущего. Совершенно точно. И зовут её именно Аделина.

— Вы серьёзно?!?! — девочка бросилась на шею парню, от чего тот чуть не прослезился, глядя на слезинки в глазах Аделины...

С каким умилением наблюдала за ними Маргарита — она закрыла лицо ладонями, сдерживая слёзы.

— Полетел, полетел самолётник, — парень взял девочку за талию и закружил над головой. Аделина звонко рассмеялась.

Джонни ущипнул Адель за нос:

— А теперь идём домой.

— А вы женаты? У вас дети есть? — хитровато сощурившись, спросила Аделина.

Он почесал затылок:

— Пока не женаты. И, знаешь, я бы не отказался от миленькой маленькой дочурки, — парень послал Маргарите игривый взгляд и вернулся к девочке, — А почему это столь юную особу интересуют такие вопросы?

— Да, так... — Аделина убрала руки в карманы брюк и подняла голову, посмотрев на яркие звёзды над её головой, — Вы мне понравились, и я тут подумала — не нужен ли вам хорошенький маленький ребёнок? Вы бы могли меня удочерить... — Адель опустила глазки.

Молодой человек рассмеялся:

— Такой забавный ребёнок! Сейчас идём к нам, а утром поговорим.

Внезапно, за спиной Аделины появилось странное безликое аморфное нечто...

— Марго, уводи девочку! Уходите!!! — Джон хотел оттолкнуть Маргариту и Аделину в переулок, но девочка осталась стоять на месте, словно парализованная.

— Я не позволю обижать моих новых друзей! Единственных, отнесшихся ко мне с добротой и любовью! — глаза Адель загорелись странным светом, а вокруг демона появилось огненное кольцо... — Не в этот раз!

Как и появился из ниоткуда, так он и исчез в никуда, растворившись в пространстве невесомой дымкой.

Джон и Маргарита были просто ошарашены.

— И давно у тебя такая сила?! — в один голос спросили они.

— Не знаю, — Аделина пожалала плечами, — она со мной, сколько себя помню...

Правда, раньше она приносила всем одни только неприятности...

— Так вот почему ты сбежала, да? — Джон взял её за руку.

— Меня все боялись. Считали ведьмой, — с горечью в голосе произнесла девочка, — Вы теперь тоже боитесь меня?

— А должны? — спокойно улыбнулся он, — Марго, покажи ей.

Девушка раскрыла ладонь — в руке у неё был настоящий огонь. Джон накрыл её ладонь своей, потом повернул руку — и вот уже пламя плясало на его ладони. Джон сжал кулак, а когда раскрыл руку снова, то от огненной стихии в миниатюре остался только лёгкий дымок:

— Видишь, мы такие же, как и ты. Нам ты можешь доверять, — Джон положил руки девочке на плечи, — Больше нет твоего демона обиды и боли. Кем бы ни были твои родители, я уверен, что они хотели лучшего для тебя.

— А у вас? То есть, как вы? — вопросительно посмотрела Аделина.

Он щёлкнул Адельку по носу:

— Домой! Домой! Об этом поговорим после.

Вернувшись поздно, когда почти все обитатели дома уже спали, они втроем тихонько, как мышки, пробрались на кухню.

— Поможешь девочке искупаться? А я посмотрю, что есть интересного в холодильнике, — скорчил рожицу Джонни.

— Хорошо, — кивнула Маргарита, — Аделька, иди в ванную, а я сейчас подойду — вторая дверь сразу налево, свет включится автоматически.

Джон обнял девушку за плечи:

— Как тебе Аделина? Покорила меня девочка. А её сила? Ты это видела? Воспламеняющая взглядом! Как у неё развевались волосы и горели глаза! Настоящая маленькая ведьмочка. Я хочу взять над ней опеку, заботиться, воспитывать её... У каждого ребёнка должны быть дом и семья. Я хочу дать ей всё, что не дал мне мой отец... Ты одобряешь?

— Мне тоже понравилась Аделька. Надеюсь, ты понимаешь всю серьёзность этого шага, — задумчиво произнесла она, — Нужно будет связаться с приютом. Будет нелегко — вся эта бюрократическая волокита... Тебе нужна будет помощь...

Он не дал ей договорить, накрыл её губы своими:

— Спасибо за понимание, родная, — улыбнулся он, — Да, возможно, наша жизнь не будет тихой и безмятежной, но, что ждёт этого ребёнка? Кто поймёт её и поможет ей лучше нас? — потом шаловливо подмигнул, — И, знаешь, про маленьких дочурок — это я совсем не против, чтоб ты знала — на будущее, когда решишь, что готова. Просто знай, что тебе не стоит волноваться — я всегда поддержу тебя. Уверен, что они будут такими же очаровательными, как и ты.

Сыто накормленную и чисто вымытую Аделину уложили "баиньки" в комнате для гостей.

Под утро пошёл дождь. Испугавшись грозы, Аделька переместилась к Джону с Маргаритой.

Это надо было видеть! Спящее семейство...

Было около десяти часов утра. Маргарита ощутила аромат кофе и, потянувшись, открыла глаза.

— Доброе утро, счастье моё! — улыбнулся Джон и поцеловал её.

— Доброе утро! — прошептала Маргарита, обнимая парня.

— А кто это у нас такой просыпается? Ой, а чьи это глазки открываются? — он потрепал чёлку девочки.

— Это я — ваша доча! — улыбнулась Адель.

И это утро подарило новый прекрасный солнечный день:

— О! — непроизвольно улыбнулся Джон, — Чудно выглядишь, прелесть моя! Мужская рубашка на женщине, равно, как белый флаг на сдавшейся крепости.

— Ну, пусть уже, пусть, — девушка в шутку пыталась отбиться от его объятий, — Я сейчас вернусь, а вы пока позавтракайте.

Выходя из комнаты, в рубашке Джона поверх нижней рубашки, Маргарита столкнулась с Джеком:

— Доброе утро, братик! — девушка растянула улыбку от уха до уха.

— И тебе доброе утро, сестричка! — взаимно улыбнулся молодой хирург, — Вижу, у вас любовь цветёт и пахнет. Тут, я думаю, вы сами разберётесь — чай, не дети малые... Кстати о детях — вы ж хоть предупредите, когда меня дядей сделать соберётесь, а? Передай только Джону, чтобы он бросил привычку курить в постели — мало ли чего...

— А я уже бросил, — послышалось из-за двери, — При детях вообще не курят.

— Это как понимать? — удивлённо поднял брови Джек.

В ответ Маргарита от души засмеялась:

— Насчёт дяди — это ты почти в самую точку попал!

— В смысле? Уж не хочешь ли ты сказать, что... — Джек испытывающе посмотрел на сестру.

— Я хочу тебе кое-что показать! Ну же, идём! — она взяла брата за руку и повела в комнату.

Когда открылась дверь, он был добит окончательно:

В это утро Аделине впервые за всю её жизнь принесли завтрак в постель, и сейчас они вместе с Джонни весело уминали рисовую кашу с сосисками и салатом, гордо названным им "Эскадра кораблей-помидоров во льдах айсбергов-огурцов". Настоящие "Алые паруса"!

— Что это? — тихо спросил Джек, — То есть, я хотел спросить — кто это?

— Наш с Жаном ребёнок, — невозмутимо заявила Маргарита, — И имя у неё такое же милое, как и она сама.

Доктор выразительно прокашлялся, удивленно глядя то на неё, то на мужчину с ребенком.

— Мы нашли девочку вчера вечером... у неё никого нет в целом свете... Надо же было ребёнку где-то ночевать, не оставлять же её на улице. Вот, мы и взяли её с собой, — объяснила девушка.

Джек хлопнул себя по лбу и рассмеялся:

— Чего только не бывает! А я уже подумал, что сошёл с ума!

— Посмотри, как они милы! Думаю, и вы полюбите эту кроху! Кстати, у неё есть сила воспламенять взглядом, — добавила Марго.

Джек только развёл руками — а что ещё тут можно было сказать...

— Учти, пацан, если эта малышка будет отвлекать тебя от невесты, — погрозил он, намекаяюще прищурился, — я её с васоби съем и не подавлюсь, ясно?

— Угу! Пацан учёл, — закивал Джон, а прожевав, добавил, — Не бойся, Адель — это дядя Джек так шутит. А вообще он добрый, когда спит... в объятиях тёти Даниэллы... — вовремя увернувшись от запущенной в него доктором подушкой.

— И, между прочим, — как бы, невзначай, вставила Маргарита, — Я бы совсем не против стать тётей — подумайте над этим.

— А вы не забываете, что это — человек, живой, из плоти и крови, а не кукла, — серьёзно заметил молодой хирург, — Это не щенок и не котенок, которых ты охапками приносила с улицы, когда была в возрасте Аделины, пусть маленькая — но это уже личность.

— Люди, ау! Ау, же! И куда все подевались? — послышался голос Даниэллы.

— Мы тут, Солнышко, — позвал её Джек, — в комнате Марго и Джона.

Девушка зашла в комнату, и далее последовала немая сцена...

— Спокойно, милая, дыши глубже, — Джек похлопал её по плечу, — Хочешь печеньку?

— Бонжур, молодые люди! — проводив мужа в офис, по лестнице поднималась Валентина, — Что послужило поводом к такому бурному обсуждению с утра пораньше?

— Мам... — Маргарита выступила вперед, сразу перейдя к главной информации, — Мама, ты только не волнуйся! Ты представляешь, мы встретили вчера такую особенную девочку... — смущенный ребенок испуганно выглядывал из-за юбки Маргариты, а девушка держала её за руку, чтобы девочка чувствовала её, — Ты только взгляни на неё — разве она не чудесная? Ты удивишься, насколько она смышленная и необыкновенная. И она нуждается в любящей семье.

— Не скрою, что я не против понанчить внуков, но не так скоро, — женщина тепло посмотрела на Аделину и вопросительно — на Джона и Маргариту, — Это так внезапно.

— Это была моя идея, мадам, — без тени сомнения ответил на это Джон, — Поверьте, с нами девочке будет лучше, чем с кем-либо. Насчет материальной стороны не волнуйтесь, это меня ни сколько не обременит.

— Как легко у вас всё решается, молодой человек, — Валентина задумчиво покачала головой, — Это не товар в магазине — обмену и возврату не подлежит в случае чего — взяв на себя ответственность один раз, её придется нести всю жизнь. Вы к этому готовы? Я спрашиваю обоих. Можете прямо сейчас не отвечать, хорошо подумайте, — она выразительно посмотрела и подала девочке руку, — А мы с тобой, детка, пойдем пока погуляем с собачками и купим вкусное мороженое. Хочешь пойти с тетей? — Адель улыбнулась и протянула свою маленькую ладошку из-за спины Маргариты.

— Я готов ответить вам прямо сейчас, мадам, — не растерялся с ответом Джон, — Меня учили, что мужчина должен отвечать за свои слова, и этим я руководствуюсь в своей жизни, и даю только те обещания, которые намерен выполнить.

— Ладно говорите, месье, — мать Маргариты положительно кивнула головой, — Вы создаете впечатление человека надежного, если ваши слова не расходятся с делом, то Маргарите повезло с мужчиной.

— Смею надеяться, что ни ей, ни вам не придется разочароваться во мне, — улыбнулся мужчина.

— Возможно, вы и правы, — улыбнулась в ответ Валентина, — Мы все настолько опекали Маргариту, что боюсь, она не очень приспособлена к жизни, и такой опыт, возможно, даже пойдет на пользу.

— Аделька, не бойся — это моя мама, — пояснила Маргарита, и девочка внимательно посмотрела на женщину, — Поможешь ей? Собакам скучно всё время находится в доме, им хочется побегать на свежем воздухе. Это очень ответственное поручение, от этого зависит, будут ли они здоровыми и довольными, — Аделина в ответ кивнула:

— Мама... Мама — это хорошо, — с серьезным видом пробормотала малышка, потом повернула свою белокурую голову к Маргарите и задала такой вопрос, на который сразу ответа не нашлось, — А у меня тоже будет мама? — Маргарита крепко обняла её, уже приняв решение сделать этого ребенка счастливым, а Валентина и сама чуть не расчувствовалась, признав, что не захочет отпускать девочку обратно в приют.

— Конечно, — тихо отозвалась Маргарита, отозвалось и её сердце.

— Я хотела бы, чтобы ты была моей мамой, — такое простое заявление ребенка, не привыкшего хитрить и говорящего то, что он чувствует, — Пожалуйста, не бросай меня, — и как можно было омануть ожидания этого доверчивого создания?

И когда родители Маргариты оставят молодежь, собираясь на научную конференцию, то уже не оставалось возражений, чтобы маленькая Аделина стала частью их семьи.

Немногим позже, собираясь на прогулку, Джон спускался по лестнице, неся Розу,

перекинув её через плечо...

Розалинда кричала и сопротивлялась:

— Эй, ты с ума сошёл?! Отпусти! Отпусти, кому говорю!

— А нечего валяться! У нас сегодня много работы — нам надо столько магазинов посетить, а ещё в парк сходить и на пляж. Но, сначала ты умоешься и спустишься к завтраку, а я тебя кое с кем познакомлю.

— Джонни, — Роза расплылась в коварной улыбке, — а ты мне купишь ролики и новую игру для компьютера?

Тем временем, на другом конце города мужчина средних лет серьезно переживал из-за пропажи его лучшей модели и главного козыря предстоящего показа, даже более того — юноша стал для него больше чем просто подопечным, заменив его погибшего сына, которого ему не удалось уберечь от плохой компании и ранней смерти от передозировки наркотиков:

— Чёрт возьми, и куда же это Шнайдер запропастился? — мужчина был доведен до крайней степени возмущения — На квартире его нет, мобильный уже третий день вне зоны доступа. Да кем он себя возомнил, в конце концов!

— Простите, я не вовремя? — извинился Джон, протягивая мужчине визитную карточку, — Вы мне сами свою визитку дали, помните?

— Нет, почему же... — мужчина с плохо скрываемым энтузиазмом посмотрел на молодого человека, — Возможно, вы даже не представляете, насколько вы вовремя. У меня уже голова кругом идёт от выходов этого избалованного мальчишки — на носу показ и фотосессия для престижного журнала, а он куда-то запропастился, а мне теперь что прикажете — всю коллекцию менять? Он должен был быть главным козырем показа — без него, без его имени, заказчики и модельеры просто-напросто откажутся со мной работать. Это будет конец моей репутации. Не найдётся ли у вас, случайно, лишней пары миллионов для уплаты неустойки?

— Нет, столько не найдётся, к сожалению, — пожал плечами Джон, — Смею надеяться, что они вам и не пригодятся.

— Ах, простите, нервы совсем не к чёрту, — мужчина поспешно протянул парню руку, — А ведь я даже не представился: Дуглас Айронс.

— Приятно познакомиться, мистер Айронс. Джон Дестинофф, к вашим услугам, — открыто улыбнулся Джон, пожимая его руку, — Как вам концепция взаимовлияния восточной и западной культур?

— Нам не хватает моделей для показа. Что скажете? Не хотите попробовать?

— Довольно заманчивое предложение, — прищутив глаза, усмехнулся мужчина, — У меня даже есть ещё несколько моделей на примете. Только у меня два условия — показ будет проходить в указанном мною месте, куда будут допущены не только журналисты и представители мира моды, остальные желающие смогут приобрести билеты, часть денег от продажи которых пойдёт на благотворительность, в фонд детских приютов. И, в коллекцию войдут несколько моих собственных моделей.

— Хм... — Дуглас Айронс почесал подбородок, — А это интересная идея — насчёт благотворительности, её, пожалуй, стоит обдумать. Но, у меня мало времени — жду вас

завтра с вашими эскизами и моделями — если сумеете впечатлить меня, то я, возможно, приму ваши условия.

Когда к дому подъехал "Линкольн" доктора, привезя с прогулки детей, Маргарита уже успела соскучиться за малышкой Аделькой, которая первой выбежала из машины: её теперь и не узнать — на ней было красивое новое платье, белые носочки и маленькие лаковые туфельки, а её русые локоны были собраны в два хвоста.

— Мама-Марго, — держа в руках новую куклу, девочка бросилась на шею Маргарите; словно новая монетка, она вся сияла от радости, — Посмотри, что мне папочка купил! Здорово, правда? Мы сегодня и в парк ходили и на пляж. Ещё я с Розы познакомилась, она меня учила на роликах кататься и предложила жить в своей комнате — мы теперь будем как сёстры. И у дяди Джека на работе была. А ещё папа-Джон сказал, что у него есть теперь и королева, и принцесса!

Долго уговаривать друзей принять участие в показе не пришлось — Джон умел подбирать самые убедительные аргументы:

— Вы разбираетесь во всех самых последних модных направлениях в музыке, умеете играть на музыкальных инструментах, у вас есть музыкальный слух и чудные голоса, а про внешность я вообще промолчу... Так почему бы вам не выступить и не украсить собой праздник? А? — высказал свои аргументы мужчина, — Небольшой концерт стал бы отличным дополнением к показу. И, всё это — во имя благотворительности, — и его доводы сработали безошибочно в молодых душах, жаждущих проявить себя, заодно — занимаясь благим делом.

Под громкие аплодисменты завершился показ коллекции "East-West" ("Восток-Запад") — бессонные ночи и работа в режиме дедлайна не прошли даром — грандиозный маскарад, смесь роскоши и изящества, сочетание "елизаветинских" воротников шестнадцатого века и традиционных приёмов украшения свадебной индийской одежды — переплетение традиций и новаторства, свежий взгляд, где, казалось бы, уже всё сказано и пересказано в веках.

Светильники в форме лотосов погасли, платформа с цветами отъехала вниз, потом темноту резко прорвали несколько ярких лучей прожекторов, и на, медленно подымавшейся, другой платформе появились девушки, одетые в кожаные куртки, украшенные шнуровкой и

фурнитурой — поверх топов, короткие кожаные шорты и сапоги до колен, с гитарами и наушными микрофонами:

— Волнуешься, Мэгги? — Даниэлла положила руку на плечо подруги.

— Не-а!!! Ни капельки! А ты? — Маргарита вся так и искрилась энергией.

— Ну, что, зажжем этот вечер? Дайте пять, подружки, — протянула ладонь Джастина, — Покажем им настоящее шоу!

— Odczuwam siebie prawdziwą gwiazdą! (Ощущаю себя настоящей звездой! — пол.) — улыбнулась Ева.

Они прыгнули с платформы на подиум, где их уже ждали парни: Джон и Дэн на бас-гитарах, Пит на ударных и Этьен на синтезаторе... Они также были одеты в кожаные майки, и штаны, высокие сапоги и длинные кожаные плащи.

— One, two, three... (Один, два, три... англ.) — отсчитал Джон, — are you ready? (вы готовы? Англ.)

Зал затаил дыхание и взорвался шквалом оваций, как только зазвучали первые аккорды "Le temps des cathedrales" ("Пора Соборов") мюзикла "Notre Dame de Paris"...

Джон с самых первых нот менялся в лице, полностью отдаваясь во власть музыки. Сейчас он мог по-настоящему ощутить себя Богом — повелителем зала, он упивался этим, а большего ему и не надо было.

Восторг и сияющие глаза зрителей — единственное подношение, которое он готов принять.

Наушные микрофоны давали намного больше свободы движений, что помогало дополнительно выражать чувства и эмоции каждой композиции из самых известных мировых мюзиклов — от "Les rois du monde" ("Короли мира") из "Romeo et Juliette" до "Changer" ("Измениться") из "Don Juan"...

Музыка лилась снова и снова, заполняя собой пространство, разум и души...

— А теперь, специально для вас, — зазвучал звонкий голос Маргариты в микрофоне, — человек, которого вы хорошо знаете, предстанет в необычном амплуа! Вы привыкли видеть его в белом халате, а сегодня он любезно согласился спеть! Он докажет, что его голос настолько же золотой, как и его руки. Итак, встречайте!

BLACK JACK!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

И он появился в свете софитов под феерическую "Razzle dazzle" ("С шиком-блеском") из нашумевшего мюзикла "Chicago".

И это был настоящий триумф! Кто бы мог предположить, что и у молодого хирурга есть ещё уйма не проявленных талантов, и что ребятам таки удастся его уговорить на выступление?

Под несмолкаемый шум зала, компания удалилась в гримёрки.

— Ну, поздравляю с заслуженным успехом! Вы были неподражаемы, — Джон весь светился от счастья, — вернёмся в зал и продолжим вечер уже в качестве зрителей?

— Так, детки, догуляете без нас, — заявил доктор, обнимая Даниэллу за талию.

— А вы куда? — лукаво улыбаясь, спросила Марго.

— Мы испаряемся — знаешь, так из твёрдого состояния, минуя жидкое, сразу в газообразное... — объяснил он, и они с Даниэллой, не размыкая объятий, вышли из бара...

— Свет мой, ты выглядишь исключительно соблазнительно — хочешь окончательно свести меня с ума? — рука Джона легла на бедро девушки.

— Oui, monsieur... — Маргарита сняла с него плащ и провела ладонью по его щеке, — обещай, что мы вернёмся дотанцевать.

— Всё, что пожелает моя королева. — шепотом ответил парень, — А на свадьбу обещаю тебе самый ослепительный наряд. "Чтобы женщину красиво раздеть, её, сначала, нужно красиво одеть" — моя философия как мужчины, и как модельера.

Они вернулись в зал, чтобы отдаться во власть музыки, а после — завершить этот восхитительный вечер на, приятно дополнявших любовный пыл своей прохладой, простынях в спальне.

Но, как там говорится в нетленной поговорке: делу — время, а потехе — час?

И Джон не позволял друзьям полностью расслабиться и не давал забывать об их теперешнем положении, продолжая осваивать с ними различные виды самообороны:

— А теперь приготовьтесь — будем учиться работать с магией, — он хлопнул в ладоши, и пространство вокруг изменилось: вместо привычного гаража появилась арена наподобие Колизея.

Пораженная молодежь зачарованно осматривалась по сторонам — над ними было другое небо и другие звёзды.

— Как ты это сделал? — тихо спросила Даниэлла.

— Давай, лекцию на тему промежуточных измерений оставим на потом, хорошо? — беспечно отмахнулся мужчина.

Неимоверный яркий свет, от которого ребята невольно зажмурились, озарил арену, и на песчаном покрытии древнего ристалища появилась фигура в искусно украшенных

позолоченных доспехах — судя по размерам доспехов, их обладатель был чуть выше среднего роста, спортивного сложения, лицо его было скрыто забралом шлема.

Друзья ещё не успели прийти в себя от увиденного, как Джон щёлкнул пальцами, и на нём появились доспехи алого цвета.

Приземлившись на одно колено на арену, он быстро встал и посмотрел на противника. Коротко отсалютовав, они обнажили мечи и начали медленно приближаться друг к другу.

Песок под их ногами поднимался пылью, клинки звенели, играя хвалебную песнь отваге и фортуне. Мечи, словно приросли друг к другу — ни один из соперников не хотел уступить. Это была настоящая поэзия в движении. Выпады, финты, атаки и контратаки — ни на секунду они не спускали взгляда друг с друга. Джон уже еле держался на ногах и держал меч обеими руками — несколько раз он чуть не упал, и только в самый последний момент его клинок отвёл удар. Перекатившись, он избежал очередного удара. И снова клинки скрестились. Пытаясь встать с колен, Джон сдерживал оружие противника. Оттолкнув его, он встал. Его противник устоял на ногах, но, атаковать снова не спешил — вместо этого он протянул руку и снял шлем — мужчина был молод, на вид ему было не больше тридцати лет, у него были тёмно-русые коротко стриженные волосы и ясные светло-карие глаза. Джон тоже снял шлем и улыбнувшись, тряхнул чёрными кудрями:

— Самаэль! Сэм! Давно я не получал такого наслаждения от поединка, — он заключил мужчину в дружеские объятия, — Приветствую тебя, Майтрейя! (одно из имен (титолов), данных Будде, персонификация Будды) Как же я рад видеть тебя, друг!

Остальные изумлённо переглянулись.

— Приветствую тебя, Дхармараджа! Ты всё ещё в хорошей форме, молодец, — улыбнулся Сэм, — Я тоже очень рад тебя видеть, мой побратим! Только не задуши меня в дружеском порыве, а то одним Просветлённым станет меньше.

— Всё-всё, извини, — Джон поспешно отошёл и поднял руки, — Я действительно рад тебя видеть и представить своим друзьям.

— Так познакомь же меня со своими друзьями, — Сэм внимательным взглядом осмотрел всех присутствующих, — Вот вы какие, Хранители: молодые и горячие, отважные и безрассудные, прекрасные и уникальные, азартные и уверенные в себе.

— Они теперь — моя семья, — с гордостью представил ребят Джон, — Моя будущая жена, — он указал на Маргариту, — и её друзья. А это — мой друг и побратим Самаэль — представил Джон мужчину.

— Моё почтение, — поклонился Сэм, — Смотрю, ты настроен серьёзно, — улыбнулся мужчина, — А вы, милочка, — обратился он к Маргарите, — не стесняйтесь, если он будет обижать вас, то отправляйтесь прямо в Небесный Град и спросите Сэма — я ещё пока в состоянии надрать ему уши, если что.

— Небесный град обязан их защитить! — Джон стукнул кулаком по стене, — Я должен убедить отца!

— Твой отец полагает, что ты слишком заигрался со смертными, — осторожно произнёс Сэм, — Он желает твоего присутствия на турнире.

— Да? — вспыхнул Джон, — А стишок, стоя на скамеечке, ему не прочитать?! Я — живой человек, а не трофеем, которым можно похвастаться, — потом он спросил, — А мой брат?

— Всё так же предпочитает не вспоминать о твоём существовании, — продолжал Самаэль.

— Ну, для меня это не новость. А, ведь когда-то мы были по-настоящему близки, как братья, — Джон старательно пытался казаться равнодушным, — А что Кали и Алишер? Как они? — спросил он, не скрывая беспокойства в голосе.

— Они в полном порядке, — уверил его Сэм, — Мальчик приедет на каникулы — ему нужен отец. Я не могу заменить ему тебя. Твой сын так похож на тебя и нуждается в тебе.

— Я тоже скучаю по сыну. И я буду на турнире. Но, я там буду по своей воле, а не по приказу, — в его голосе было столько непоколебимости.

— Мне так и передать? — улыбнулся Самаэль, — Тогда вам следует вылететь в Джайпур не позднее, чем через неделю.

— А ты, Сэм? Ты со мной? — Джон пронзительно посмотрел на друга.

— Разумеется, я — на твоей стороне, — он положил руку на плечо Джона, — Они же совсем ещё дети, Тёмный Двор переходит все границы.

— Ну, что, мы и дальше будем стоять, как памятники? — спохватился парень, — Как насчёт партии в шахматы и кальяна? Думаю, сегодня ребятам не помешает отдохнуть, а в компании фруктов, орехов, халвы, пастилы и вина беседа пойдёт веселее. Пойдём в дом.

— Спасибо за приглашение, — благосклонно кивнул Самаэль, — Не откажусь.

И какие посиделки могли состояться без участия детей? Жаждавшие общения и не желавшие пропускать самое интересное, в гостинную вбежали Розалинда и Аделина, обе они были одеты в яркие сари, готовые под индийскую музыку (угадайте, кто обеспечил?) устроить маленький концерт

— Марго! Дэни! Посмотрите-ка на нас! Что папуля нам организовал! — запрыгала на месте Аделька.

— Иди к нам, девочка, — Джон щёлкнул пальцами, и они с Маргаритой оказались в национальных индийских костюмах — Можно пригласить на танец прекрасную махарани? — протянул он ей руку.

Визит Самаэля помог настроиться на посещение одного из самых древних и самых удивительных городов мира, где гармония проверена алгеброй — чтобы позже лишь подтвердить свои предположения.

С трепетом и нетерпением они ожидали того дня, когда соприкоснуться с мифом.

Выстроенный за несколько лет, этот "Город победы" начал ставить рекорды уже с самого начала своего основания.

И вот, сойдя с трапа самолёта в аэропорту Джайпура, Джон вдохнул полной грудью, потянулся и широко улыбнулся:

— И в туфлях американских, модных брюках британских, в русской шляпе большой, я с индийской душой... — продекламировал он словами песни из старого индийского фильма, — Добро пожаловать в мой мир.

У терминала их встречала женщина в богато украшенном сари тёмно-вишнёвого цвета в сопровождении двух охранников.

— Здравствуйте, матушка, — Джон сложил руки на уровне лба и поклонился, потом поцеловал подол её платья.

Его мать была похожа скорее на старшую сестру, до того молодо она выглядела. Ей было немногим больше сорока лет, а выглядела она не старше тридцати. У неё были большие тёмные глаза, волнистые волосы чёрными завитками обрамляли красивое лицо с правильными чертами, вся она словно светилась изнутри и была полна доброты и чувства собственного достоинства, грации и шарма.

У Джона была её лучистая улыбка.

Она нежно обняла сына и поцеловала девушку в лоб:

— Добро пожаловать домой, сынок!

Маргарита повторила за Джоном поклон — она ощущала очарование этой женщины, которой нельзя было не восхищаться, которая полностью посвятила себя семье, вырастив такого сына, привив ему самостоятельность, принятие ответственности за свои поступки, почитание женщины, справедливость в отношениях и суждениях, широту взглядов и мировоззрения.

— Друзья, прошу любить и жаловать мою матушку — Сони, — он обнял мать, — А это...

— Твоя невеста и твои друзья, — закончила она за него, нежно улыбнувшись, — Ты всё настолько красочно описал в письме, что не трудно было догадаться.

Рита трогательно уткнулась носом в плечо Джона, смущаясь и прячась от накатившего волнения.

— Прощу в машину, дорогие, — Сони указала на один из автомобилей, стоящих на стоянке перед аэропортом, — Отец в отъезде по делам, но он непременно вернётся к началу празднеств и выслушает вас. Я уже распорядилась подготовить ваши комнаты, Ями и Кали сейчас как раз проверяют качество подготовки апартаментов.

— Милая сестра, — улыбнулся Джон, — буду безумно рад её видеть. Кали я тоже буду рад видеть — они с Самаэлем счастливы, и это прекрасно. И я нашел своё счастье. Скоро приедет мой сын. Сейчас у меня на душе так светло и спокойно.

Глаза внимательно рассматривали дивные сады, сверкающие дворцы, роскошные фонтаны, шумные базары и тихие маленькие улочки, а нос вдыхал пряные запахи карри, гвоздики и имбиря, корицы и мускатного ореха, куркумы и горчицы. Сладкий вкус папайи и терпкий вкус граната. Ситец и муслин, кашмирские шали и нежнейший шелк, блеск искусных золотых украшений и блеск любимых глаз — всё, чем окружал и окутывал город, было необычным и исключительным. Где на шумном базаре можно полакомиться едой, приготовленной прямо у вас на глазах, выбрать красочный наряд или национальную куклу-марионетку, где женщины могут оценить красоту кованных сундуков и антикварных картин, написанных на стекле, а мужчины — инкрустированного холодного оружия и мебель из драгоценных металлов.

— Твоя страна прекрасна, словно Рай, — восхищенно прошептала Маргарита.

— Ты — мой Рай, — Джон смотрел на неё и мог отвести глаз.

По дороге ребята заметили храм, возле которого друг напротив друга стояли две статуи: одна из них была статуей Дхармараджи, другая принадлежала высокой длинноволосой женщине.

— Кто она? — спросила Марго, с восхищением разглядывая эти величественные фигуры, преклоняясь перед мастерством их создателей, — Она красива и царственна, как королева.

— Это Кали, — бесстрастно ответил Джон.

— А, ясно... — Маргарита постаралась придать своему голосу как можно больше небрежности, подавив терзавшие её переживания.

Джон взял девушку за руку, его лицо стало серьёзным:

— Это всё в далёком прошлом, которое не потревожит тебя. Отныне я не знаю других королей, кроме тебя.

В глубине парка из-под рыжей чёлки вспыхнули зелёные глаза:

— Дхармараджа вернулся... да не один...

По мере продвижения автомобиля, легендарный розовый город не переставал очаровывать своей древней и самобытной красотой великолепных дворцов из песчаника удивительного розоватого оттенка с украшенными изящными орнаментами балконами и колоннами — самое гостеприимное поселение Индии, земля широко открытых дверей приветствовала их.

Девочки Розалинда и Аделина буквально прилипли к оконному стеклу: всё виденное невероятно поражало, словно сойдя со страниц дорогого издания волшебных восточных сказок с иллюстрациями самых умелых художников.

И всё, что они видели, слышали и ощущали — так разительно отличалось от того, к чему они привыкли, начиная от более жаркого и влажного климата, совсем других лиц, другого языка, других красок, звуков и запахов, всё казалось более ярким, более насыщенным. И от переизбытка впечатлений и эмоций едва ли не кружилась голова и

перехватывало дыхание.

А Джон только довольно улыбался, глядя на изумленные лица своих спутников.

— Ну, кто хотел увидеть слонов? — усмехнулся Самаэль.

— Смотрите! Настоящие живые слоны, — воскликнула Роза, прижимая к себе корзину со щенками-далматинцами Актеоном и Сорбонной.

— Смотрите, Милорд, — Адель ткнула кота носом в самое стекло, — там обезьянки!

Маргарита тоже старалась смотреть во все глаза — какой же он, легендарный Джайпур, родина её Джона?

Автомобиль остановился возле отеля "The Raj Palace", расположенного в здании первого дворца Джайпура, построенного еще в восемнадцатом веке и оформленного в традиционном индийском стиле.

— Сынок, устрой гостям завтра экскурсию, и ждём вас к ужину, — Сони сердечно попрощалась с ребятами.

Когда они вошли в холл, то внутреннее убранство восхитило их не меньше — украшенные росписью стены, инкрустации из сверкающих драгоценных камней и зеркал, мраморные полы и колонны, резная антикварная мебель и яркие ковры, вышитые шелковые подушки и покрывала, посуда из керамики ручной работы, латуни и серебра, картины на шелках, искусные статуэтки из бронзы и дерева — всё это, словно оживший миф, обволакивало и дурманило ароматами сандала и пачули.

На следующий день Джон действительно устроил им экскурсию по своему городу, представляя все чудеса его во много раз лучше любого экскурсовода: тут своими глазами можно увидеть поразительный Дворец ветров, сложенный из розового камня, сквозь множество решетчатых окон которого женщины из гарема махараджи могли наблюдать за жизнью города, без боязни быть увиденными, а внутрь дворца проникал свежий ветер (хава) — такой желанный в знойные дни. А в одиннадцати километрах от города находится легендарный Амбер-Форт — сущее чудо у воды, за строгим и суровым фасадом которого скрывается чисто райский интерьер — воплощенная изысканность и роскошь, достойная самого императора. До главной крепости можно добраться на слонах петляющими серпантинными тропами, как это делали махараджи — и до сих пор индийцы с любовью и уважением относятся к животным, которые им помогают, а в бывшем зале для публичных аудиенций правителя лишь дикие обезьяны заседают теперь, где среди сотни лавочек воздвигнут храм в честь Кали — грозной богини войны и разрушения, богини-матери, даже своей разрушительной силой поддерживающей мировой порядок, а зеркальный зал внутренних покоев, по преданию, можно полностью осветить светом одной единственной свечи, и самые большие в мире солнечные часы в самой большой из обсерваторий в Индии.

Чудесным образом, казалось, что сами камни старинной кладки оживали под их прикосновениями, стремясь поведать удивительные легенды и народные сказки. Такие, как,

например, об одном радже, что жил в незапамятные времена — слухи о его добродетели и благочестии дошли до самих богов, решивших испытать правителя, уверившиеся в том, что князь действительно так благочестив, как о нем говорили — когда он готов был положить на чашу весов свою собственную жизнь в желании защитить самого меньшего и своих подданных, раненого голубя, искавшего спасения в его покоях от хищного сокола. Многим такое божественное испытание может показаться даже жестоким, но ведь и мы, именно к тем, кого больше других любим, относимся наиболее требовательно — из самых лучших, разумеется побуждений. И подобно героям нетленных легенд, им суждено будет пройти ещё немало испытаний, а пока же их пьянили и удивляли виды, звуки и ароматы города.

И гораздо ближе — на расстоянии трех километров, в городке Галта, в небольшом Храме Солнца, построенном на вершине самого высокого пика, заметного из любой точки в Джайпуре, и находился портал в Небесный град, через который можно было попасть в сад главного дворца.

Ожидая возвращения князя, Джон предложил посмотреть сад:

— Можно я посмотрю розы в дальней оранжерее? — вопрошающе подкатила глаза Маргарита.

— О, да, — согласился он, — матушкин розарий стоит того, чтобы полюбоваться им. Только не задерживайся слишком долго, — напутствовал, поцеловав девушку в макушку.

— Я быстро, и скоро догоню тебя, — пообещала девушка и легким шагом направилась в глубь сада, наслаждаясь тонкими ароматами цветов и сладкими запахами фруктовых деревьев.

— Далеко собралась, красавица? — когда Маргарита уже открыла дверь в цветник, к ней обратилась высокая молодая женщина с длинными локонами, отливавшими медью на ярком солнце, с гладкой кожей светло-медового оттенка, утонченными чертами безупречного лица, в пышно расшитых одеждах. Женщина была в том восхитительном возрасте, когда молодость ещё была свежа на лице нежным светлым румянцем, но зрелость уже начала придавать чертам мягкость и облагораживать проступающей вуалью мудрости и опыта прожитых лет.

— Что? — только и успела произнести Маргарита, обернувшись, и имея неосторожность взглянуть в бездну её изумрудных глаз, сразу ощутила, что слабеет.

И снова перед глазами вставали видения прошлого — запах смерти и предсмертные стоны, кровь, стекающая по стенам и гобеленам прямо к ногам, каждый удар колокольного звона рвал сердце в клочья...

В висках оглушительно стучало: "проклятая кровь... проклятая кровь... ты погубишь того, кого любишь больше жизни..."

— Проклятая кровь... Погубишь, кого любишь... — машинально повторила Маргарита в забытьи.

Глядя в её зелёные глаза, девушка постепенно теряла волю и сознание, пока без чувств не упала на землю...

Маргарита всё не возвращалась... Джон бросился разыскивать её по всем покоям дворца и всем оранжереям сада, поставив на уши всю охрану, зовя и крича, срывая голос до хрипоты, он выбежал за ворота, растолкав, пытавшихся остановить его, стражников.

— Куда так спешим, Ваша Милость? — словно, из ниоткуда, перед ним возникла женщина, стройная, высокая, с гордой осанкой, хищным блеском в притягательных зелёных глазах и, ниспадающими до лопаток, тяжелыми волнами огненно-рыжих волос. Её облегающие одежды персикового цвета подчёркивали безупречность её фигуры, эфирным шлейфом струился манящий амбровый аромат её парфюма с лёгкими нотами апельсина.

— Какая встреча, несравненная госпожа Кали, — он стоял и смотрел на эту женщину с истинно королевским достоинством, повадками и манерами царицы, не в состоянии произнести ни слова, пока, наконец, не выдал из себя пространное приветствие, — Моё почтение, о, Богиня!

Долгие годы он всячески старался избегать свиданий с ней — слишком мучительно было видеть ту, которой он обладал и которую он потерял. А сейчас, к своему удивлению, пришел к осознанию того, что больше уже не был во власти этого наваждения. Его больше не томила неуемная тоска.

— И тебе привет, Дхармараджа! — белоснежные зубы сверкнули в завораживающей улыбке.

— Не откажи в помощи, — он пристально посмотрел на неё, и в его встревоженном взгляде читалась крайняя взволнованность, — Я ищу девушку, что приехала со мной. Ты не видела её? Она пошла посмотреть сад и пропала.

— Какие мы неприветливые сегодня, — она подошла ближе и убрала рукой волосы с его лица, — А ты не изменился — всё так же хорош, Княже.

— Прости, — он отвёл её руку и опустил взор, — Ты, как всегда, прекрасна и восхитительна, подобно миллиону весенних рассветов. Только, наши чары уже не действуют друг на друга. Зачем тревожить те раны, что всё ещё отдают болью? Зачем беречь душу воспоминанием бывшего, когда я уже переболел тобою? Я не умею притворяться — я действительно любил тебя, обожал, сходил с ума. И только я знаю, каких усилий мне стоило отпустить тебя к другому, когда ты попросила меня. Ни одной женщины объятия не могли утолить эту боль, ни какая выпивка не могла заглушить этот хмель. Я не жил, а существовал. Я губил себя своими же руками, пока с ужасом и отвращением не осознал этого, — с горечью промолвил мужчина, — Потом я узрел свет чистейшей из душ и, подобно фениксу, возродился к новой жизни и обрёл смысл своего существования. Но, — напомнил он, — ты не ответила на мой вопрос.

— А, так ты о девушке, — Кали улыбнулась своей самой ослепительной улыбкой — Это такая темноволосая, темноглазая, с короткой стрижкой... Сама маленькая, а глазки — огромные. Нет, не видела. Зачем она тебе? Не нужно много ума, чтобы вскружить голову малолетке. Сколько их, таких, было у тебя? Чем же эта от них отличается? — она попыталась обнять его за плечи, — Но, может быть, тебе будет интересно — на городской

площади собираются сжечь ведьму. Советую пойти посмотреть, — бросила она, — весьма занятное зрелище.

— Я не узнаю тебя, Богиня, — отшатнулся Джон от её, леденящего душу, взгляда, — Неужели это говорит та, кого я когда-то боготворил? — он замотал головой, стараясь прогнать пугающую догадку.

— А сейчас у тебя другое божество? — любопытствовала она колко.

— На пепелище прежних поклонений, я побоюсь язычником прослыть, — продекламировал он, отступив.

Джон бежал узенькими улочками к городской площади, а из глаз его по щекам стекали обжигающие слёзы.

Пробравшись сквозь толпу зевак, он разглядел в пламени костра Маргариту.

— НЕ-ЕТ!!! — из его груди вырвался не то крик, не то вой, — Этого не может быть...

Но, нечто дивное видят люди...

Услышав перешёптывания вокруг, Джон поднял голову и присмотрелся. И, что же он увидел?

Огонь не причинял вреда Маргарите, её тело оставалось невредимым.

— Ну, конечно же! — Джон хлопнул себя ладонью по лбу и рассмеялся, — Огонь — стихия Маргариты. Молодец, искорка моя. Но... она же может задохнуться от дыма. Ты убиваешь её! КАЛИ!!! Что ты им наговорила? Какую ещё ложь ты им внушила? Зачем? Е голове не укладывается...

По мановению его руки замерло даже пламя костра... У него было несколько секунд... Метко метнув нож, разрезавший верёвки, которыми была связана девушка, Джон в один прыжок оказался на эшафоте, чтобы поддержать Маргариту.

Девушка пришла в себя в объятиях любимого. Прижавшись к нему сильнее, Маргарита посмотрела на парня своими огромными глазами:

— Жан... Ты здесь?... Что случилось? Где мы?

Он улыбнулся:

— Разве могу я оставить тебя на растерзание толпе? Теперь тебе нечего бояться, ведь я с тобой.

Но, тут взбунтовалась толпа:

— Юноша, отдай нам ведьму. Она должна умереть! — требовали люди.

— Что? Кто? — девушка вопросительно посмотрела на Джона, — Я ведь не ведьма! Ты же не веришь им? Ты же не отдашь им меня?

— Ну, вот ещё, глупости! — спокойно отмахнулся тот, — Разумеется, ты не ведьма. Чтобы причинить зло тебе, им сначала нужно будет убить меня.

— Вот вам и доказательство, — обратилась к собравшимся Кали, — она околдовала его. Неужели вы не видите, что он одержим этой девкой?

Он принял свой Облик и обрёл Атрибуты:

— Добрые горожане, знаете ли вы, кто я?! — Джангьян окинул собравшихся суровым взглядом тёмных глаз.

— Да, о, Владыка Смерти, — был покорный ответ.

— Я не приму этой жертвы! Эта девушка не умрёт, — закричал он настолько громко, чтобы каждый услышал его, — Или вам не терпится ощутить мою разрушительную ауру в действии?! Не вынуждайте же меня.

— Кто она тебе, что ты так стараешься ради неё? — вопрошала рыжая, — И, что ты в ней нашёл?

— А ты не понимаешь? В ней я нашёл себя. Перед Богом и людьми она — жена мне, — он подошёл к девушке и нанёс на её волосы красный порошок, — Этот синдур (традиционный порошок красного цвета, изготавливаемый из оксида свинца либо киновари и используемый в индуизме как отличительный знак замужних женщин), можно купить на любом базаре, в любой лавке, но, нанесенный на пробор девушке, он становится бесценным. Кто посмеет её тронуть, будет иметь дело со мной.

— Это ты из-за этой девчонки? — Кали испытующе посмотрела на него, — Ты её так любишь? — она перевела пристальный взгляд на Маргариту, — Так, вот ты какая, Женщина — Дитя? — Джангьян, ты мне нужен, подойди, — поманила она парня.

— Он — вам не игрушка! — неожиданно выкрикнула Маргарита и тут же прикрыла рот рукой, испугавшись того, что так дерзко сорвалось с её языка, — Не он ли, так преданный вам, предан вами был?

— Это не тебе судить! — вспыхнула рыжая, — А, ты, никак, ревнуешь? — она самодовольно улыбнулась, — Тебе ли тягаться со мной? Или ты считаешь, что достаточно сильна?

— Это вызов? Хорошо, я принимаю его, — девушка гордо вскинула голову.

— Марго, нет! Не надо! — Джон попытался остановить её.

— Не беспокойся, — подняла руку Маргарита, — я с ней по-девичьи поболтаю... — глаза девушки горели праведным гневом, — Так, это вы с помощью чар пытались погубить меня. Меня не запугать лже-пророчествами — я верю в себя и верю в Джона, и я своими глазами видела то, во что верить. Солнце, защитник мой, дай мне силу! Обрати оружие врагов моих против них же самих! — золотое сияние окутало девушку, и перед Кали она предстала во всем великолепии своего Облика и со всей неустрашимостью и присутствием духа, — Если вам нужна была я, то, зачем впутывать всех этих людей? Зачем морочить им головы? Снимите заклятие, отпустите их — пусть уходят. Если есть претензии ко мне — выскажите их открыто, мне в лицо.

Кали кивнула и отступила на несколько шагов. Маргарита медленно сошла по ступеням эшафота — смущенная и растерянная толпа расступилась перед ней, давая дорогу.

У ног девушки в землю вонзился, упавший с неба, пылающий меч — люди отступили подальше, Кали с интересом наблюдала, что же будет вслед за тем. Маргарита в смятении посмотрела по сторонам, но, всё же, приблизилась ещё и протянула руку — пламя не пекло, а лишь приятно согревало. Закрыв глаза, она сомкнула пальцы на рукояти и вытащила оружие, подняв его над головой обеими руками.

— Пламенный меч — меч твоей души, — удовлетворенно произнесла Кали, — Добро пожаловать в Высокую Обитель, Маленькая Госпожа! — преклонила колена рыжеволосая красавица, её примеру последовали остальные, — Ты есть достойна Небесного града.

Девушка продолжала непонимающе озираться на Джона, пока рыжая поднялась и медленно приблизилась к ней:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда, — тряхнув огненной шевелюрой, Кали улыбнулась совсем другой улыбкой — радушной, — Ты выдержала испытание. Прошу прощения, что пришлось напугать тебя. Ты показала, что не только способна на самопожертвование, не переставая думать о других, даже когда самой грозит опасность. У тебя справедливое и отважное сердце.

— Но, как же так... Ведь, вы же... — после произошедшего, Маргарите сперва не верилось в её доброжелательность, но так хотелось верить, — Так вы не замыслили против меня — какое облегчение! — и глядя в зеленые глаза рыжеволосой, теперь она в них видела доверие и уважение, что послужило поводом для сильного волнения, но объятия подоспевшего Джона придали ей сил.

— Прости, — Кали целомудренно опустила взор, мягко улыбнувшись девушке, — я лично не имею ничего против тебя, право же, нам с тобой некого и нечего делить, — она перевела кокетливый взгляд на мужчину, — Ты ведь меня знаешь, Дхармараджа.

— Я уже подумал, было, что, действительно, тебя не узнаю, и очень рад, что ошибался, — он с улыбкой покачал головой — Ты можешь не бояться эту женщину. Пойдем, Марго, тебе нужно сейчас успокоиться, нам всем нужно, — он взял Маргариту под руку, — Нас уже ищут — я всех на уши поставил, когда ты не вернулась.

Рыжеволосая их проводила до ворот, где и простилась, улыбнувшись напоследок и растворившись в пространстве.

Сразу же после инцидента на площади, Джон первым делом справился о том, вернулся ли уже его отец, чтобы иметь с ним обстоятельную беседу в защиту своей невесты, которую оставил в малом зале на попечении друзей.

Пред очи царственного родителя он явился в сильно взвинченном состоянии:

— Как?! Отец, я не могу поверить, что таким образом вы решили нас испытать, — Джон всё ещё не мог прийти в себя от возмущения, — Это же низко и не достойно высокого правителя.

— Она должна была доказать, что стоит Небесного града, — спокойно ответил князь, — Если бы ты спросил моего мнения, то, я бы ответил тебе. Но, тебе, как я вижу, не нужны мои советы.

— Я уже назвал её своей женой, — эта фраза Джона произвела ошеломляющий эффект, — И не намерен брать своих слов назад.

— Ты совсем рехнулся?! — в сердцах топнул ногой государь, — И, ты ждёшь, что я благословлю вас?

— Я не нуждаюсь в твоём благословении. Я не хочу обманывать любимую женщину. И я собираюсь поступить, как мужчина.

Вайвасват сделал вид, что не заметил этой колкости:

— Она — дочь проклятой крови. Любая богиня сочла бы за честь составить тебе пару.

— А ты пойми, что мне не нужна любая. Я не верю в проклятия — я верю только своему сердцу, — Джон вышел из тронного зала, хлопнув дверью...

— Ну, как вам это нравится?! — обратился князь к дамам, стоявшим за высокой спинкой монаршего кресла, — Кали, Ями, что вы об этом думаете?

— А, и правда, чем тебе девочка не угодила? — Кали с интересом посмотрела на мужчину, — Она же не уродина?

— Да, симпатичная, — неохотно согласившись, произнёс он.

— Тогда, может, глупа? — продолжала рассуждения рыжая богиня.

— Нет, — снова ответил князь.

— Может, она его не любит? — Кали легко подошла к маленькому столику у трона и взяла с блюда пастилку.

— Да, что вы — на шею вешается, как кошка, — легкая улыбка скользнула по его лицу, — Вы же сами всё видели.

— Тогда тебе ни одна не понравится, — пожала плечами Кали, — Просто, предоставь сыну самому решать.

— Ты говоришь так, словно никогда не был молодым, — Сони подошла и нежно обняла князя за плечи.

Царь лишь испустил глубокий вздох и сделал знак рукой стражникам:

— Верните его, пусть и девушка войдёт. Я хочу поговорить с ними.

Когда Маргарита зашла в зал, то была ослеплена величию и великолепием росписи и отделки стен, росписью высокого потолка, который, казалось, уходил в самое небо, огромными витражными окнами, заполнявшими помещение разноцветной радугой света, изысканной резной мебелью.

На позолоченном, оббитом красным бархатом, троне восседал сам князь в парадных одеждах — видный мужчина средних лет, хорошо сложенный, чьи волосы и аккуратно выстриженная борода были седыми, но чьи глаза, несмотря на морщины вокруг, ещё горели мальчишеским задором.

У Джона были глаза отца, и теперь Маргарита видела, от кого он унаследовал этот свой взгляд.

Зато, когда Джон улыбался, то становился похожим на мать с её мягкими чертами лица.

Сестра Джона — девушка миловидная и утонченная, была точной копией своей матери в молодости.

— Подойди, дитя. Дай рассмотреть тебя, — жестом он указал на место рядом с собой.

Маргарита замерла, не в состоянии и шага сделать от волнения.

— Не бойся, девочка, подойди, — женщина сама подошла к ней и, взяв девушку за руку, подвела к князю.

— Господи, да ей ещё в куклы играть, а не замуж выходить! — развёл он руками.

— Можно подумать, тебя волновал подобного рода вопрос, когда ты был безумен от страсти, а я в таком же возрасте уже была беременна от тебя, — шутливо отмахнулась Сони, — Смотри, как девочку запугал. Детка, хочешь пастилу? — она протянула девушке блюдо со сладостями.

— Что ж, если мой сын выбрал себе жену, то об этом должны знать все — ты не какой-нибудь простолюдин, в конце концов — Вайвасват еле заметно, одними уголками губ, улыбнулся.

— Отец, я не ослышался? — не в состоянии поверить, переспросил Джон.

— Могу я устроить своему сыну свадьбу? — родитель в предвкушении посмотрел на него, — Не лишай меня такого удовольствия.

— Ты обещаешь им защиту? — продолжал упорствовать Джон.

— Обещаю, — князь взял в одну руку ладонь сына, а во вторую — ладонь девушки, — Я устал от этой игры — кто кого переупрямит.

— Упрямство — это у него от тебя, — улыбнулась Сони.

— Пусть будет по-твоему, — сдался, наконец, князь, — Да возвестят колокола Небесного града грядущий праздник! В качестве свадебного подарка, разрешаю тебе пригласить твоих родителей, — обратился он к Маргарите, — мало кто из смертных удостоивается чести узреть Небесный град при жизни.

— Благодарю, Сир, — девушка склонилась в реверансе, — вы так великодушны. Только я не смогу быть счастливой в одиночку — мы с подругой ещё в детстве договорились, что выйдем замуж в один день, тем более, что её избранник — мой дорогой брат. Прошу прощения, но, я не могу принять ваше щедрое предложение, — она смиренно опустила голову.

— И это всё? Святая простота! Клянусь, — сердечно рассмеялся правитель, — Я ещё никогда не встречал такого простодушного создания. Если это всё, о чём ты просишь, то — да будет так!

— Папа! Папочка! — в тронный зал вбежал запыхавшийся мальчик лет десяти с покрасневшим от бега лицом, и кинулся на шею Джону, — у него была смуглая кожа, вьющиеся чёрные волосы и большие ярко — зелёные глаза, — Ты скучал за нами?

— Конечно, малыш, — Джон погладил растрёпанные непослушные кучери сына.

Маргарита отметила, что чертами лица и оттенком кожи он пошёл в отца, но, глаза его — сиявшие одухотворённым и живым светом, цветом были, как у матери.

— Простите, — спохватился ребёнок, и, поклонившись присутствующим, улыбнулся, — Моё почтение.

— И куда только родители смотрят — совсем разбаловали ребёнка, — с напускной строгостью заметил князь.

Маргарита не сдержалась от смеха.

— А, вы, верно — моя будущая вторая мама, — мальчик подошел поцеловать её руку, — Добро пожаловать, Миледи! Я — Алишер.

— А меня зовут Маргарита, — её лицо само расплылось в улыбке, — У человека может быть лишь одна мать, — девушка присела перед ребёнком, взяла в руки его ладошку и посмотрела прямо в его зелёные глаза, за ними с интересом наблюдала рыжая богиня, тронутая таким её поведением, — твоя мама — Кали. Никогда не забывай этого. Как бы я ни пыталась, мне не занять её место, но, если в твоём сердце найдётся уголок для меня, то я буду рада стать тебе другом.

— Я так рад, что ты совсем не похожа на злых мачех из сказок, — заключил Али, изучая девушку внимательным взглядом, — Честно, я и не сомневался в этом — мой папа не смог бы полюбить плохого человека.

— Устами младенца, — усмехнулся Джон, торжествуя поспе посмотрев на отца.

В коридоре послышался лай, и в приоткрытую дверь зала вбежали два звонких щенка далматинца, за ними — две светловолосые девочки и два обескураженных стража.

Девочки схватили щенят в охапку и замерли на месте, заметив, что оказались среди большого количества людей.

— П-простите, — Розалинда втянула голову в плечи — мы уже уходим, — она дёрнула меньшую.

— Здесь ещё дети? — удивлённо поднял брови князь.

— Познакомься, отец: та, что старше — мне, как младшая сестра — Роза, а та, что младше — Адель, моя приёмная дочь и, получается, твоя внучка.

— Как это мило, — не удержался от улыбки правитель, — Я ещё о чём-то не знаю? — он протянул девочкам конфеты, — Хотите сладостей, малышки?

— У меня есть теперь сестрёнка?! — радостно воскликнул Али, — Привет, я — Алишер, — протянул девочкам руки, — Можно и мне с вами поиграть?

— Привет, братик Али, — улыбнулась Аделька.

— Хочешь поиграть с нами в саду? — предложила Розалинда.

— Мама, пойдешь с нами? — мальчик с надеждой посмотрел на мать.

— Я сегодня устала, сынок — Кали провела рукой по его волосам, — Может, Маргарита составит вам компанию? — она скосила взгляд на Маргариту, она хотела сказать ещё что-то, но дети уже окружили девушку.

— Да, да! Почему бы и нет, — Али и Роза схватили девушку за руки и потянули к выходу, — Папа, а ты? — Алишер вопросительно взглянул на отца.

— Идите, я сейчас к вам присоединюсь, — кивнул Джон.

— Ты выглядишь действительно счастливым, сын, — удовлетворенно отметил Вайвасват.

— Всё очень просто, отец — я дома, и со мной самые дорогие для меня люди, — лицо Джона озарила самая светлая улыбка.

И отправной точкой предсвадебных празднеств стал легендарный турнир, прославивший многих именитых рыцарей, которые правитель открыл традиционной приветственной речью:

— Да начнётся турнир! — возвестил князь, — Как вам известно, время турниров, проходящих в одно, и то же время на ристалищах Небесного града и Тёмного двора — священное время перемирия и торжеств. И откроет его дружеский поединок моих сыновей, которыми я, по праву, могу гордиться. Смею надеяться, что они себя ещё покажут на предстоящих состязаниях. В честь празднования по случаю женитьбы моего старшего сына, турнир продлится неделю, и победитель получит, ещё не виданные до селе, подношения и покроет своё имя великой славой.

Когда на арене появились эти двое, трибуны взорвались оглушительным ревом — ещё

бы, сыновья самого князя сошлись меряться удалью.

Как только соперники отсалютовали друг другу и поединок начался, взоры десяти тысячной толпы были прикованы к ним.

Воин в чёрных доспехах почти сразу перешел в наступление — казалось, что для него этот бой имел совсем не спортивный интерес...

Звук каждого удара отзывался волной страха в сердце Маргариты, судорожно вцепившейся в подлокотник кресла. Сони ободряюще положила руку на плечо девушки. Друзья, сидевшие рядом, тоже напряженно следили за ходом боя.

Рафаэль продолжал атаковать. Сталь визжала и стонала, оставляя царапины на доспехах. Пыль забивалась под шлем, рука устала держать оружие. Джон перекинул меч в левую руку, но, это ни как не облегчило задачу для его противника — он одинаково хорошо владел обеими руками. Выпады брата становились всё яростнее, если бы Джон мог видеть сквозь забрало соперника, то увидел бы в его глазах безумный и яростный огонь ревности и презрения, что застилала его разум и мешали ясно соображать. Он начал совершать ошибки, которыми Джон и рад был бы воспользоваться, но ему не нужна была победа такой ценой. Отбив очередную атаку, Джон устал играть и сам пошел в наступление. Дыхание становилось тяжелым, каждое движение давалось с невероятным усилием. Вдруг, Рафаэль, потеряв равновесие, упал на песок, и меч Джона остановился у его горла.

Глашатай объявил окончание поединка.

Джон отвёл меч и протянул брату руку, предлагая помощь, но, тот резко отклонил это предложение и сам поднялся на ноги:

— Ты мне заплатишь за это унижение, — процедил он, не удостоив брата и взгляда, — Сын рабыни никогда не будет править в Небесном граде! — раздраженно бросил сопернику в лицо младший принц, — Если бы моя мать не была слаба здоровьем, и не умерла, то тебя и твоей матери не было бы тут. Вас не было бы в моей жизни. Как он мог допустить такое неуважение к памяти моей матери — посмел вернуть ко двору свою безродную любовницу в качестве новой жены?! Быстро же он утешился. Я бы смирился с любой другой, только не с ней.

— Не смей так говорить о моей матери! — Джон в приступе бешенства тряс брата за плечи, — Кто ты, чтобы судить их? Ты поймешь, когда сам полюбишь. Я сожалею о твоей утрате, но, моя семья в том не повинна.

— Знаешь, куда можешь засунуть свои сожаления? — сплюнул с досады Раф — Мне не нужна жалость, тем более, твоя! Воссоединение святого семейства — да меня тошнит от вас! Как же твоя мать пыталась быть доброй ко мне, но, я всю жизнь чувствовал себя чужим на вашем празднике. Я всегда был один... Только один...

— Это не так! — попытался уверить брата Джон, — У тебя есть семья. Мне не нужен трон, мне нужен брат, который разделит бы со мной мою радость.

— Ложь! Зачем тогда вернулся? Да ещё под таким благовидным предлогом!

— Прекратите! — поднялся со своего места князь, — Бой закончен! Подойдите сейчас же ко мне! Оба!

— Да, что за бред? Это ты сам себе внушил? — такое отношение омрачало радость от предстоящей свадьбы.

— А не пошел бы ты! — Рафаэль, толкнув плечом брата, быстро зашагал ко входу на трибуны, — Я не желаю больше слушать тебя!

Они, не спуская друг с друга испепеляющих взглядов, поднялись в ложу князя:

— Вы братья, хотите вы того или нет, и не смейте позорить меня! Я не потерплю этого! — глаза государя грозно сверкнули.

— Да, отец, — хмуро ответили оба.

— С вашего разрешения, — Рафаэль развернулся и направился к выходу из арены. У ворот он остановился, взял свой плащ у стражника, что-то сказал ему и исчез за воротами.

— Сэм, что творится с моим братом? — Джон был явно встревожен — Раньше мы хоть как-то ладили, но, сейчас...

— Мне это всё тоже не нравится, — Самаэль разделял его обеспокоенность, — Меня начинает тревожить такое его поведение — как бы чего не выкинул.

— Тебе я могу доверять — Джон выразительно посмотрел на друга, — Лично займись проверкой поставки продуктов на празднование. Стражникам вели не пить спиртного в ночь свадьбы, пусть пьют и едят только то, что принесут из дома сами — они нам могут понадобиться, если переживём эту ночь, то потом они всё наверстают с лихвой.

— Думаешь, всё настолько серьёзно? — задумчиво произнёс Сэм, — Хорошо, так и поступим — твои инстинкты редко тебя обманывали.

— Я не имею права рисковать. Я теперь не сам, — с чувством вымолвил Джон — Кроме того, мне не даёт покоя этот сопляк Шнайдер — неспроста он исчез, что-то происходит... Такое ощущение, что это — не простое совпадение.

— А вот с этого места попрошу подробнее, — на лице Самаэля изобразился живейший интерес, — Кто такой Шнайдер?

— Так, один странный тип, — Джон неприязненно поморщился, — И, с чего он меня так беспокоит?

— Спишем это на предсвадебное волнение, — похлопав его по плечу, усмехнулся Самаэль.

Потом настал черед прекрасных дам поразить зрителей своими мастерством, красотой и грацией:

— Сейчас, да предстанут усладой вашему взору, — зычно объявил владыка Небесного града, — прекрасные девы, в умении своём, не уступающие самым

На арене появились две воительницы в лёгких кожаных доспехах и кожаных масках, у каждой в руках было по паре кинжалов.

Одна была невысокого роста с коротко стриженными тёмными волосами, другая была минимум на голову выше соперницы, её длинные рыжие волосы пламенем горели на солнце.

Они поклонились.

Не зря считается, что красивый поединок — сродни идеально отрепетированному

танцу, тем более показательный.

Череда атак и уклонений, чётких синхронных движений рук и ног — словно два порхающих мотылька, кружились они по арене.

По окончании выступления, девы убрали кинжалы в набедренные ножны и обнялись:

— Bravo, Маленькая Госпожа, — одобряющая улыбка осветила лицо Кали, — Твой учитель может гордиться тобой.

— Благодарю, мадам, — улыбнулась Маргарита, снимая маску, — Похвала из ваших уст — честь для меня.

В это же время на ристалище Тёмного Двора объявили о начале финального поединка — непревзойдённый в боевом искусстве Правитель против безвестного юного мастера меча, что одержал победы над иными именитыми рыцарями.

Правитель начал с медленных атак, проверяя мастерство соперника. Всё ускоряя ритм, он старался нащупать слабые места противника, но, таковых, видимо, не имелось — движения юноши были отточенными как по учебникам фехтования, легки и грациозны. Казалось, его доспехи и его меч весят не тяжелее пушинки.

Клинки их сцеплялись и расходились, увертывались, кололи, рубили, парировали, отвечали на каждый последующий удар ещё более сокрушительным ударом.

И снова беспристрастный, ледяной взгляд серых глаз — а в душе клокотал огненный Везувий.

И в этих глазах Правитель Тёмного Двора прочёл свою эпитафию — стремительный выпад, и лезвие вошло под доспех. Под тяжестью своего турнирного снаряжения, король грузно рухнул на песок, истекая кровью.

Потрясённые трибуны поднялись в едином порыве, и нависла гнетущая тишина.

Златовласая королева в маске медленно сошла с трибун на арену.

Ио воздел глаза к небу и его взору предстал образ Маргариты — по её щекам текли слёзы...

— Я не достоин твоей печали, — молодой человек убрал волосы со вспотевшего лба, — Неужели кто-то будет лить слёзы по тому чудовищу, которым я стал? Пусть даже ты единственная оплакивала бы меня, то, не убоюсь бы я смерти, и покой бы окутал меня. Возможно, это означает, что я стану причиной твоих слёз. Пути назад уже нет, и я пойду до конца, даже по трупам — одним больше, одним меньше, всё равно — что Рай, что Ад отказываются меня принять. И, следующим будет Дхармараджа — он подавится своей любовью. С каким удовольствием я вырву его сердце голыми руками.

— Что ты можешь знать про Ад, мальчик? — правительница перевернула носком сапога лежащее перед ней тело и сняла маску, — Сдохни же, только, прежде посмотри на моё лицо и вспомни, что ты со мной сделал! Слишком долго я ждала этого дня. Запомни, за что тебе предстоит нести ответ на последнем суде, — потом она обратилась к юноше, — Ты спрашивал, почему я ношу маску, Шнайдер. Так смотри же и ты — что ты видишь? —

королева повернулась к нему.

И содрогнулся он от увиденного: одна половина её лица была обезображена шрамами от ожога — страшное месиво из кожи и мяса, зато вторая, словно принадлежала другому человеку — прекрасной цветущей молодой женщине.

— Как тебе такой свадебный подарок? — вызывающе ухмыльнулась она, — Он привык получать всё, что пожелает, и я имела неудовольствие проверить это. Неудачная попытка защитить свою честь — а он лишь усмехнулся, что теперь может быть спокоен, ибо, кроме него, ни один мужчина не сможет смотреть на меня без содрогания. Боль, горечь и ненависть были настолько сильны во мне, что моё сердце наполнила тьма, и не осталось места для света. Но, больше него, я ненавижу князя Вайвасвата, который втоптал в грязь мои чувства — я ведь была рождена в Небесном граде. Интересно, он хоть вспомнит имя бывшей фрейлины своей первой жены? А как он красиво играл в благородство — видите ли, не может обманывать меня ложными надеждами, ибо в сердце его есть место только для одной женщины. Давняя любовь оказалась сильнее — после смерти моей госпожи он сразу же вернулся к своей простолюдинке. Моя месть ему будет не такой лёгкой, — со всей злобой и печалью в голосе бросила она, — Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что у тебя за интерес — только будь осторожен — однажды коснувшись души, тьма поселяется в ней уже навсегда. Такой судьбы ты хочешь для той, ради которой ты затеял всё это? Я — тому страшный пример. Вот, кем я стала.

— Только она сможет вытеснить любовь к нему, — тихо проговорил Ио — Что я знаю о пекле, вы спросили? Возможно, больше, чем хотел бы, ваше Величество.

— А ты не боишься, что тогда не останется места ни для чего больше? — предостерегла королева.

— Позволю себе напомнить вам, ваше Величество, о вашем обещании, — Ио сменил тему разговора.

— Ты получишь назначение командующим армией, — согласно кивнула королева, — Я не буду больше лезть в твою душу. Буду рада пощекотать нервы князю. Обещай не принимать серьёзных решений, не посоветовавшись со мной. Можешь называть меня Альвис, господин новый главнокомандующий, — она снова надела маску, чтобы не смущать собеседника, — А какое твоё настоящее имя? Шнайдер — это псевдоним ведь, не так ли?

— Это было так давно, что я уже забыл, — он накинул плащ, — Оно связывало меня с неприятными воспоминаниями — не только у вас есть прошлое, которое вы предпочитаете не воскрешать.

В то время, как все были поглощены праздником, фигура в темном плаще незаметно покинула дворец черным ходом, направившись в сторону темницы:

— Это правда, что вам удалось схватить банду разбойников? — спросил молодой человек, снимая капюшон плаща.

— Да, господин Рафаэль, они предстанут пред судом и ответят за свои злодеяния, — отрапортовал капитан стражи.

— Я хочу поговорить с атаманом Надиром, отведи меня к нему, — потребовал младший принц.

— Но, мой господин, это опасный человек — на его руках слишком много крови, — попытался возразить капитан.

— Исполни, что приказано! — прикрикнул Рафаэль, и воин вынужден был подчиниться и проводить его в камеру атамана разбойников.

— А теперь оставьте нас, я побеседую с ним с глазу на глаз — не волнуйтесь, я вооружен и у меня отменная реакция, — потребовал он, и стражник удалился, оставаясь по ту сторону двери.

— Чем обязан такой чести? — ухмыльнулся атаман.

Это был высокий, крепкого телосложения мужчина средних лет с тёмно-серыми глазами и длинными спутанными тёмными волосами, усами и длинной же бородой. Тюремные лохмотья скрывали его загорелое и натренированное в боях тело.

— Есть у меня к тебе предложение — сегодня ночью у камер будут дежурить мои люди — вам помогут устроить побег...

— А что же Ваша Милость потребует взамен? — мужчина сам продолжил за него, — В этом мире ничего не даётся даром, ведь так?

— Вы сделаете кое-что для меня — вы заберёте жизни свадебных гостей и всё, что найдёте в их комнатах.

— Будет много крови, — задумчиво произнес Надир, — Так вот каково ваше гостеприимство?

— Это тебя не касается, — резко прервал его Рафаэль, — Они захлебнутся в собственной крови.

— Стражники будут убивать моих людей на месте! — возмутился разбойник.

— Сегодня все будут праздновать — расслабленные и выпившие, они будут легкой добычей, — успокоил его молодой человек.

— Я не убиваю беспомощных в их собственных постелях, — решительно заявил Надир.

— Альтернатив у вас мало — либо выполняете свою часть уговора и выжившие получат свободу, либо через несколько дней вас всех повесят. Вы не в том положении, чтобы строить из себя невинного и безгрешного, — жестко аргументировал младший принц.

Надиру пришлось принять предложение, но, в его голове уже созрел собственный план.

И чем ближе был час главной церемонии, тем сильнее было волнение в молодых сердцах.

Наконец, прибыли приглашенные самые долгожданные и родные гости, и Маргарита и Джек, Даниэлла, Питер и Роза смогли обнять своих родителей.

— Глаза слепит от этой красоты. Так что же это за место? — замороженно смотрели по сторонам прибывшие, — Дочка, объясни, мы так толком ничего и не поняли о ваших силах.

— Я лучше покажу, — Маргарита сложила ладони вместе и подула на них — и коридор осветился светом десятков одновременно зажженных факелов, а впереди, как по волшебству, воссиял Зеркальный зал.

В центре дворцового сада, у большого фонтана из розового мрамора их уже ожидал князь с семьей:

— Приветствую, дорогие гости! Добро пожаловать в Высокую Обитель! — улыбнулся он — Гордитесь своими детьми, ибо они избранные Небесами Хранители мира и спокойствия на Земле. И, именно ваша кровь дала им эту силу. Позвольте показать вам город после трапезы.

И вот он наступил — тот самый важный день, когда они прилюдно подтвердят свои клятвы, удостоверяющие их взаимное желание принадлежать друг другу.

С самого утра служанки натирали маслами и благовониями тела нареченных, делали массаж, расчёсывали длинные волосы Даниэллы, укладывая в их в сложную причёску, делали традиционную роспись мехенди на руках и ногах Маргариты.

В празднично украшенный благоухающими цветами и разноцветными лентами зал спустились две невесты в сопровождении отцов: одна с пышными локонами золотистых кудрей и большими голубыми глазами, в европейском платье, с украшенным жемчугом и расшитым кружевным слоем поверх основы из атласа цвета шампанского. Другая — с коротко стриженными тёмными волосами, карими глазами в этническом сари алого цвета, расшитом золотом и драгоценными камнями, с церемониальными фамильными украшениями, подаренными ей родителями Джона, на тонкой шее и изящных, украшенных росписью хной, руках.

Их уже ждали Джек в парадном смокинге и Джон в искусно расшитых великолепных национальных шервани — чуридар, его длинные волосы были спрятаны под красным тюрбаном, на его пальцах сверкали перстни с рубинами, а в ушах — золотые серьги.

Сам князь милостиво согласился провести обряд, повязав их руки алыми шелковыми лентами.

Когда клятвы были произнесены, молодые склонились в самом низком поклоне, и их накрыли алым покрывалом, поднялись они уже другими людьми — мужьями и женами.

Когда все речи были сказаны и женихи поцеловали своих невест, под радостный колокольный перезвон девушки бросали букеты...

Цветы поймали Джастина и Ева.

Питер и Дэн многозначительно переглянулись и заключили своих избранниц в крепкие объятия.

На этом официальная церемония была закончена, и все переместились в бальный зал, чтобы продолжить общения в более неформальной обстановке за банкетом и танцами.

— Добро пожаловать в клуб мужей, мой друг, — улыбнулся Джон, обнимая Джека, — Поздравляю, леди Дэни, — он поцеловал руку Даниэллы.

— Спасибо, Мэгги, — сердечно обняла подругу Даниэлла — Очень трудно измерить то, что вы для нас сегодня сделали, и ещё труднее будет достойно отплатить.

— Ты просто невероятно красива, малышка, — молодой хирург расцеловал сестру в щеки.

— Поздравляю, братик! — Ями обняла Джона.

— Спасибо, сестрёнка! — просиял он светлой улыбкой, — Когда-нибудь и ты познаешь счастье любви. Я тебе этого искренне желаю.

— Поздравляем, дети, — подошли к ним Шарль с Валентиной, и Дерек и Камилла Кешью — родители Даниэллы, Питера и Розалинды.

Отец Даниэллы, ученый-химик Дерек Кешью был похож скорее на рок-звезду — высокого роста, статный, за его модными очками искрились загадкой глаза цвета морской волны, его вьющиеся русые волосы длиной были до самых лопаток, его усы и борода тоже были светлыми. Мать Даниэллы, Камилла, была под стать супругу — высокая, стройная блондинка с светло-голубыми глазами.

— Разрешите принять на себя заботу о ваших дочерях, — женихи сложили руки на груди в знак почтения и поклонились родителям невест.

— Мамочка, папочка, я так счастлива сегодня, что мне даже боязно — как бы не спугнуть эту благодать, — Маргарита взяла родителей под руки, не сдерживая лучистой улыбки.

И вот заиграли вальс, своим звучанием наполняя всё вокруг — от сердца к сердцу.

— Разрешите пригласить на танец, прекрасная Махарани, — Джон протянул девушке руку.

— О! Я не слишком сильна в классическом танце, — смущенно отступила Маргарита, — Боюсь разочаровать вас, сударь, своей неловкостью.

— Всего-то! — рассмеялся он, беря девушку за руку, — Я буду вести — просто доверься мне.

И музыка вела их, подхватывала и несла, увлекая за собой в волшебный нереальный мир, кружилась голова, и всё вокруг закружилось в вихре танца, и солнечные улыбки не сходили с их лиц, а в глазах играло безграничное блаженство до самого окончания исполняемой композиции, и этот их восторг освещался светом огромных хрустальных люстр и отражался в многочисленных зеркалах бального зала.

— Не потанцуешь с папой? — Шарль протянул дочери руку.

— Ну, же, иди, — поощряюще улыбнулся Джон, и Маргарита упорхнула снова танцевать.

— Ты так счастлива, дочка, — подмигнул Шарль, глядя дочь по голове, и это был не вопрос, а констатация факта.

— Очень, папочка, — и блеск её глаз говорил вместо всех слов.

— А со мной не потанцует милая невестка? — следующим на танец Маргариту пригласил Вайвасват.

— С превеликим удовольствием, Сир, — девушка склонилась в почтительном поклоне.

— Посмотри на неё — как девочка танцует! — Кали подошла к Джону и взяла его под руку, — Знаешь, я ей даже завидую немного — у неё ещё вся жизнь впереди.

— Ты так говоришь, как будто считаешь себя уже старухой, — усмехнулся он.

— Пока ещё не считаю, — ответно улыбнулась она, — Просто, нахлынули воспоминания... Помнишь нашу свадьбу? В тот день мы были по-настоящему счастливы. Когда я сказала, что жду ребёнка, ты, наверное, радовался гораздо больше меня и сразу же сделал мне предложение. Ты всегда относился ко мне с теплотой и заботой, а я не смогла отплатить тебе тем же. Понимаешь, сердцу ведь не прикажешь. Честно, я рада за вас. Я тебя хорошо знаю, и рада, что ты, наконец, испытал настоящее чувство. Прости. Прости меня, если сможешь. И за ту сцену на площади, тоже прости.

— Ты же знаешь, что я не могу сердиться на тебя, — открыто улыбнулся Джон.

— Тогда, не пригласите ли меня потанцевать, Ваша Милость? — в шутку предложила она.

— Желание женщины — закон, — Джон потянул её за руку на танцпол.

— Не уделит ли мне минутку Маленькая госпожа? — понизив голос, спросила Кали, подойдя к девушке в перерыве между танцами.

— Конечно, мадам, — согласно кивнула Маргарита.

— Ты не держи на меня зла, — она взяла девушку за руку, — У тебя доброе сердце. Я никогда не забуду того, что ты сказала моему сыну — это слова мудрой женщины. Ты можешь стать действительно великой. Если хочешь, мы могли бы стать подругами. Я, правда, рада, что вы с Джоном нашли друг друга. Ты сделала его счастливым. Я хорошо его знаю и давно не видела его таким, — улыбнулась рыжая богиня, — Ты не по годам мудра для своего, такого молодого, возраста, если понимаешь, что двум умным женщинам выгоднее поддерживать приятельские отношения, когда между ними не стоит мужчина.

— Что ж, я не против, — с огромным облегчением засветилась ответной улыбкой Маргарита, — С удовольствием стану вашей подругой. Уверена, что многому могла бы у вас научиться.

К ним подбежал Алишер, в руках он держал белого тигрёнка с голубыми глазами:

— Этого чудного красавца родила тигрица Сита из нашего зверинца — мы называли его Раджа. Он будет ваш, Миледи, будет вашим охранником и защитником когда вырастет. Пока он будет жить в зверинце с матерью, но, вы навещайте его почаще, чтобы он к вам привык.

— Спасибо большое, дорогой! — девушка погладила зверька и почесала за ухом, на что тот довольно заурчал.

— Сынок, — покачал головой Джон, усмехнувшись, — Верни маленького зрителю зверинца — ты же не хочешь разозлить его родителей?

— Хорошо, — нехотя согласился мальчик, — Папа, знаешь, а я тоже нашел себе невесту, — Али посмотрел в сторону Розалинды, носившейся вместе с Аделиной, щенками и котенком между гостями, и разбрасывавших цветы, — И я женюсь на ней, когда вырасту.

— Если ты, когда вырастешь, повторишь мне эти слова, — Джон взял сына на руки, — я не буду возражать. Только не забудь спросить мнение самой невесты, — подмигнул он, поставив ребёнка на пол.

Али отсалютовал и вместе с отцом пошел возвращать животное.

— Мы уже были представлены друг другу. Буду рад познакомиться ближе. Я ведь до сих пор не поздравил молодых, — поприветствовал Маргариту подошедший молодой человек. Он был высок, широкоплеч, хорошо сложен, загорелый, у него были карие глаза и тёмные волосы до плеч, а на правой половине лица красовалась витиеватая тату.

— Моё имя Рафаэль, — он поцеловал девушке руку, — Я сводный брат Джона.

— Я вас помню, месье, — Маргарита присела в реверансе — Взаимно рада знакомству.

— С вашего разрешения, я хотел бы пригласить новобрачную на танец, — он протянул ей руку.

— Не вижу причин отказать, — Маргарита вложила свою руку в его, — Надеюсь, что мы сможем подружиться.

Надо отдать Рафаэлю должное — на танцполе он двигался не хуже брата. Маргарита была приятно удивлена, но тщетно она пыталась угадать его истинные намерения за наигранной улыбкой.

— У меня есть разговор, — не давая опомниться после танца, он отвёл её в дальний угол зала, от его улыбки не осталось и следа.

— Я слушаю вас, — Маргарита уже пожалела, что согласилась пройтись с ним.

— И слушай внимательно, — прошептал он в самое ухо, обжигая своим дыханием, — Если ты думаешь, что спать с ним и править в Небесном Граде — одно и то же, то сильно ошибаешься. Только через мой прах, — пальцы на его руках сжались, — Советую вам убираться отсюда, пока я не превратил вашу жизнь в ад. Поняла?

— Хватит! Устыдитесь! — девушка была просто в шоке от таких слов, — Мы ни на что ваше не претендуем. Не судите всех по себе, месье. И, я не нуждаюсь в ваших советах.

— Учти, я не повторяю дважды, — он толкнул её в рядом стоящее кресло, которые были расставлены по периметру бального зала, — Нашлась ещё, святоша. Тьфу! Тоже мне, благородная госпожа. Я, таких как ты, начисто вижу. Если он тебе так нужен, то, давай, забирай его, и катитесь ко всем чертям. Может, хочешь денег? Ты же не за красивые глаза с ним, правда?

— Да, как только язык у вас повернулся! — Маргарита, как ужаленная, вскочила с кресла, — Я больше не намерена это слушать, — она готова была залепить ему пощечину, но мужчина сильно сжал её руку, — С вашего разрешения, — девушка уже собралась было уйти, но он схватил её за плечо и развернул лицом к себе:

— Не шути со мной, детка! Может, проживёшь дольше...

— Мне больно, месье, — она решительно освободилась от его хватки, растирая плечо, чтобы не осталось синяка, — И не старайтесь запугать — пуганые уже.

— Ну, как знаешь, — горестно усмехнулся он, — Я думал, ты окажешься умнее, — его губы впились болезненным поцелуем, у девушки от неожиданности так перехватило дыхание, что она едва не задохнулась от возмущения, — Такая сладкая девочка... А ты точно уверена, что того брата выбрала? У тебя был шанс. Жаль, что мы не поняли друг друга... — он отпустил её и торопливо пошел по направлению к выходу, растирая щеку — в этот раз он не стал останавливать её руку, и со второй попытки пощечина удалась.

Потрясенная Маргарита на ватных ногах, всё ещё дрожа, дошла до ближайшего кресла и присела, обхватив себя руками и пытаясь унять бешено колотившееся сердце. Её не покидало чувство, что случится что-то ужасное, но рассказать обо всём Джону, означало огромный скандал, и так не хотелось омрачать сегодняшний день.

— Всё в порядке? — послышался рядом голос Самаэля.

— Да, в порядке, — выдавила из себя измученную улыбку девушка.

— Ты точно уверена? — он подозрительно посмотрел на неё, — Не гоже прекрасной даме скучать в день собственной свадьбы, — Самаэль огляделся вокруг, — Где же жених?

— Пошел с Алишером в зверинец, — развела руками девушка.

— Тогда, может, не помешает немного поднять настроение танцем? — протянул он Маргарите руку.

— Почему бы и нет? — кивнула она, поднимаясь с кресла.

— Ну, приятель, возвращаю твою драгоценную в целостности и сохранности, — после танца Самаэль вложил руку Маргариты в руку подошедшего Джона, — А я пойду искать свою женушку.

— Жан, мне страшно, очень страшно, — девушка не смогла удержать дрожащими руками протянутый ей бокал, и он звонко разбился об пол.

— Ничего, будем считать — это на счастье, — успокоил её Джон, он взял пальцами девушку за подбородок и поднял её лицо на себя, — Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Всё будет хорошо, ты слышишь. Ты мне веришь?

— Жан, что за кошка пробежала между вами с братом? — наконец, не выдержав, спросила Маргарита, — Я боюсь этого человека. Он способен на нечто такое...?

— Что? Он что-нибудь сделал? Что он тебе сказал? — он обнял девушку за плечи, пытаясь поймать её взгляд.

— В его глазах было отчаяние человека, способного на всё, — Маргарита вопросительно посмотрела на мужа, — Почему он так тебя ненавидит?

— Я и сам не могу понять, — он сел в кресло, усадив девушку себе на колени, — Мой брат считает, что я вернулся, чтобы посягать на престол. Он не хочет меня слушать и слышать, считает, что я ему враг, — он прильнул к её губам, — Пусть тебя это не тревожит. Всё будет хорошо, верь мне. Мы с Сэмом приняли меры — он не причинит тебе вреда.

— Ну, как тут наши счастливые молодожены? — улыбнулся проходивший мимо Джек,

не выпускавший из объятий Даниэлле.

— Прекрасно! Смотрю, и вы не менее счастливы. Остались ещё силы на медленный танец и на всё остальное? — лукаво скосил взгляд Джон.

— Ну, вы и устроили нам грандиозную подставу, — молодой хирург похлопал Джона по плечу, — но, я не могу злиться в такой день — могу только поблагодарить, — и, крепче обняв друг друга, они с Даниэллерой направились в свою комнату.

И когда они, простившись с гостями, удалялись в свои покои, то вслед им ещё долго звучали приветственные речи:

— Долгих лет славному Дхармарадже! Долгих лет прекрасной Махарани!

— Счастья доктору Джеку! Счастья леди Даниэлле!

Джон обнял Маргариту:

— Господи, спасибо, что дал мне возможность снова любить, — прошептал он.

Они стояли на балконе, не размыкая объятий, и ветер играл их волосами...

Наконец, они смогли остаться наедине в своей спальне:

— Тебе, правда, нравится? — Маргарита посмотрела на мужа, слегка наклонив голову.

— Ты просто божественна, ангел мой! — Джон, приподнялся на подушках, он отложил в сторону ситар (многострунный музыкальный инструмент, используемый для исполнения индийской классической музыки), завершив музицировать, — Но, я бы предпочёл без одежды.

— As you wish (Как пожелаешь. (англ.)), — и подвенечный наряд упал к ногам девушки...

— Иди ко мне, — поманил он её, продолжая игру глазами.

Девушка сняла туфли и легко переступила через лежащие на полу шелка.

— Я пьян, пьян от запаха твоего тела и твоих волос, от звона твоих серёжек и браслетов на запястьях, от блеска твоих глаз, — как замороженный, смотрел он на неё и не мог отвести взор, — Одним своим взглядом, одним касанием ты забираешь каждый мой вздох, разбиваешь меня на сотни осколков и вновь воскрешаешь, — сейчас он подумал, что Кали, возможно, была права — он действительно околдован и, впервые за всю жизнь, желает быть привороженным и покоренным.

Маргарита подошла к нему, положив одну руку ему на плечо, вторую погрузив в его волосы.

Он взял её разрисованные хной руки и поднёс к своим губам.

Уверенными движениями гибких пальцев он освободил девушку от кружевного бюстгальтера.

Волна дрожи прошла по телу, когда его руки прикоснулись к обнаженной спине, кожа

запылала от этих прикосновений. Сперва его касания были еле ощутимыми, как, если бы, она была бесценной хрустальной статуей. Сколько ещё она сможет терпеть эту сладкую пытку?

Девушка уже не помнила себя, не могла различить, где мечта, а где явь, но, знала, что она где-то на пути в Рай, и, если он попросит, то, не задумываясь, отправится за ним и в Ад.

Она даже не заметила, как Джон перенёс её на постель.

— Мой Бог, — ловя ртом воздух, выдохнула она, глядя ему в глаза.

— Я — только отражение твоего Света. Я — это ты, а ты — это я, — его губы и руки блуждали по её телу, — Сейчас мне завидуют все Боги мира.

— Сегодня особенная ночь. Не будем же тратить её на лишние слова, — Маргарита помогла Джону избавиться от сорочки и брюк.

— Твой — или ни чей, — произнёс он одними губами, — Жена моя.

— Муж мой, — прошептала она, изнемогая от его натиска, а тело страстно отвечало на его ласки, с радостью отдаваясь на милость победителя.

Они растворялись друг в друге, становясь единым целым, прорастали в друг друга кожу, отбиваясь в друг друга пульсе, вплетаясь в друг друга дыхание.

Голова кружилась от благовоний, в глазах отражалось пламя свечей, в висках пульсировал перезвон свадебных колоколов, сердца стучали в такт громкой праздничной музыке, звуки которой доносились через открытые окна, а внутри всё взорвалось тысячей золотых фейерверков, гораздо более ярких, чем те, что грохотали сейчас в ночном небе над дворцом. Само время остановилось над ними, расколовшись на мириады мгновений.

И, казалось, по два могучих крыла взошли со спины — и Небеса заключили их в свои объятия.

В другой спальне в то же время расположилась другая пара новобрачных:

— Поверить не могу, что мы женаты, — молодой хирург стоял у открытого окна, ослабив галстук, он вдыхал свежий вечерний воздух и любовался звёздами и фейерверком.

Там внизу, в саду, ещё горели факелы, не умолкала шумная музыка и народные гуляния.

— Да уж, это так невероятно, — согласилась с ним Даниэлла, сидя за туалетным столиком, она смывала макияж, — Не знаю, решились бы мы на этот шаг, если бы не Маргарита и Джон.

— Смотрю на тебя и не верю своему счастью — как будто, только вчера первый раз увидел тебя, — улыбнулся своим мыслям Джек, — Как могу забыть твоё голубое платье, и твои волосы, развевающиеся на ветру?

— Тогда ты вернулся из командировки и застукал нас, когда мы с Марго прогуливали занятия в парке, — девушка развернулась к нему лицом.

— Потом ты протянула мне мороженое и просто улыбнулась — я подумал, что мне не доводилось ещё видеть столь прекрасной улыбки. В свете сияния своих золотых волос ты была похожа на ангела с ослепительным нимбом, а глаза твои были синее небес и морских

глубин. Я понял, что всё — пропал, — молодой хирург облокотился о столик и заглянул в ясные глаза девушки, — Прекрасна и светла, как звезда.

— А после того, помнишь, передавал мне записочки через Маргариту, — продолжила Даниэлла, — это было так старомодно и так чертовски трогательно. Боже, ты и сейчас невозможно мил, когда краснеешь от смущения, — девушка провела рукой по его щеке, — Не сможешь мне справиться с молнией на платье, — она поднялась со стула и повернулась к нему спиной.

Джек исполнил её просьбу и не удержался, чтобы не покрыть поцелуями плечи и спину жены.

Девушка повернула голову и прильнула к его губам.

— Aishiteru! (Я люблю тебя! — яп.) — прошептал он, задыхаясь от избытка эмоций.

Когда она начала расстёгивать пуговицы на его рубашке, он вздрогнул.

— Всё в порядке, — ласково шепнула девушка, — я уже давно привыкла. Тебе не шокировать меня своими шрамами.

— Я сам себе завидую. За что мне такое счастье? — Джек пропустил между пальцами прядь её локонов, — Как могла ты полюбить такого монстра, как я? \

— Не смей даже думать так! — нахмурилась она, — Не заставляй меня пожалеть о том, что стала твоей женой, — она сняла с него рубашку и положила руки ему на грудь, проведя пальцами по шрамам на его теле:

— Пора бы уже избавиться от этих глупых комплексов, — тяжёлое платье бесшумно скользнуло вниз.

— Твои губы так близко, как в то Рождество, когда я первый раз поцеловал тебя — я чувствовал, что, если я не расскажу о своих чувствах, то они разорвут меня изнутри, — вполголоса произнёс Джек.

— Ты сказал, что боишься сморозить глупость, а я ответила, что рискну ответить ещё большей глупостью и принять твою любовь.

Одной рукой он обнял девушку за талию и привлёк к себе, как можно ближе, так что ощутил тепло её дыхания, а второй вытащил шпильку из её волос, и их золотая волна хлынула по спине Даниэллы.

— Эта оглушительная музыка сводит меня с ума, — поморщилась она.

— А меня сводишь с ума ты, — Джек подхватил её на руки и закружил, Дэни заливисто рассмеялась, а расписной потолок заплясал разноцветным хороводом.

Потом он поставил девушку на ковёр.

Даниэлла отступила к ложу и запустила в молодого хирурга ярко вышитой подушкой.

Мужчина поймал подушку и лихо бросил её назад, так что девушка еле успела увернуться.

Пока она совершала уклонительные маневры, Джек уже оказался рядом с ней, присев на край кровати.

— Забавно — если бы мне кто-нибудь раньше сказал, что я женюсь на вздорной блондинке с восхитительными веснушками и милым курносом носом, я бы рассмеялся тому в лицо, — улыбнулся Джек, поглаживая девушку по спине.

— А сейчас? — она испытывающее посмотрела в его карие глаза.

— Сейчас я не представляю своей жизни без этой девчонки, — горячо прошептал он ей

на ухо, накрывая её собой, — Сейчас я хочу любить её.

И тихий стон вырвался из уст девушки.

Сама любовь отразилась в её распахнутых глазах, и звёзды устыдились, ибо свет их тускнел от света влюбленных глаз.

Два сердца забились в унисон, и весь мир перестал существовать, кроме них двоих.

И дороже самой вечности стала эта ночь, а небо стало золотым от жарких слов и нежных тел.

Маргарита ощутила прикосновение тёплых губ мужа к виску, потом поцелуями он проложил дорогу по шее, к плечам, ключице. Тело инстинктивно выгнулось, а руки сами оплели его шею:

— Люблю тебя, — губами она нашла его губы.

— Спи спокойно, голубка моя, — прошептал Джон, — А я всегда буду охранять твой сон.

Он обнял её за талию и привлёк ближе к себе.

— Люблю, — повторила Маргарита и улыбнулась сквозь сон умиротворенной улыбкой счастливейшей из женщин.

С рассветом в коридорах послышался шум.

Джон вскочил с постели — блаженный сон как рукой сняло — резким движением он накиннул сорочку, энергично натянул брюки и схватил меч.

— Что случилось? — запахивая халат, Маргарита посмотрела на него расширенными от страха глазами, — Что там происходит?

— Оставайся в комнате! Я пойду посмотрю, что там такое, и вернусь, — он схватил её за плечи, в его взгляде читалось крайнее беспокойство, — За дверью будут два охранника. Не выходи из комнаты, слышишь меня? Слышишь? Я не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится!

Перепуганная девушка только закивала.

Она осталась мерить шагами комнату, нервно теребя в руках пояс халата.

Вдруг, чья-то ладонь легла ей на рот, а у своего горла Маргарита ощутила холод стального острья. Она мысленно выругала себя за то, что не успела закрыть балкон.

— Спокойно, девочка, — вот уж чей голос она не ожидала услышать, так это голос Рафаэля, — Не дёргайся, и я убью тебя быстро и без боли. Это так же легко, как разрезать мягкое масло — ты ничего не почувствуешь, обещаю. Только, исключительно, из уважения к тебе. Ты оказалась не в том месте и не в то время, детка — прости, — от его слов и

интонации, с которой они были произнесены, становилось не по себе, а внутри всё сжалось, — А где же мой любезный братец? Какой же это спектакль без зрителя? Как же это он бросил обожаемую женушку в брачную ночь? — он больно дёрнул её за волосы, — Где он? Отвечай!

Маргарита отчаянно замотала головой, стараясь не показывать слёз.

Ей стало страшно, очень страшно. Как и любому здравомыслящему существу, ей хотелось жить, хотелось ещё раз увидеть Джона, родителей, друзей, но что могла она противопоставить острию клинка? Девушка нервно сглотнула — умирать ей совсем не хотелось. Она всё ещё дрожала от ужаса, не до конца осознавая случившуюся ситуацию. Нащупав рукой тяжелый кованый подсвечник, Маргарита судорожно пыталась сообразить, как ей остаться в живых. Выбор был невелик. Закивав в знак обещания того, что будет вести себя тихо, глазами она попыталась удержать взгляд Рафаэля, и со всей силы, на которую была способна, ударила его по голове подсвечником. Хватка ослабла, оружие со звоном упало, и девушка в ту же секунду отскочила как можно дальше — нападавший лежал на полу, по его волосам стекала кровь. Падая, он зацепил стойку с факелом — длинные шторы, в пол, полыхнули моментально. Огонь с устрашающей скоростью пожирал длинные занавеси.

Девушка попятилась к двери, чуть не споткнувшись о валявшуюся подушку. Только сейчас у неё опять прорезался голос, и она громко позвала на помощь.

— Помогите же! Кто-нибудь, на помощь! — изо всех сил закричала Маргарита, — Пожар!

Охранники не заставили себя долго ждать и быстро появились на пороге.

Пламя подбиралось к потолку, и уже вспыхнула постель.

— Так, один зовёт на помощь всех, кого только сможет — надо загасить огонь. Найдите Дхармараджу, — распорядилась девушка, как только к ней снова вернулось самообладание; Маргарита бросилась к Рафаэлю, изо всех сил пытаясь нащупать пульс — очень слабый, еле уловимый, и, всё ещё дрожа, бессильно опустилась на колени — значит, живой, только без сознания, ей дважды повезло: и она жива, и парень жив, досталось ему порядочно, да, ничего — оклемается, авось, мозги на место встанут, — Второй помогает мне вынести принца из комнаты, — скомандовала она.

Стражник растерянно посмотрел на бессознательное тело.

— Ну, чего встал, — Рита обратилась к стражу, — или мне тащить его на себе? Да, помоги же! — прикрикнула она, видя его замешательство, — Он жив, только без сознания. Ни кто не заслуживает страшной смерти быть сожженным заживо! — а мозг лихорадочно пытался найти объяснение такому поведению брата мужа, что же нашло на него, что он повёл себя таким образом?

При помощи охранника, ей всё же удалось вытащить Рафаэля из объятай пламенем комнаты.

— Почему?! Почему ты спасла меня? — с трудом ворочая языком, младший принц обратился к Маргарите.

— Не обольщайся, — гневно бросила девушка, — я сделала это не ради тебя...

— Правда? — упорствовал он, — Ради него?

— Ни кому не пожелаю сгореть живьём, — тихо произнесла она, и, странное дело, ей на мгновение показалось, что глаза Рафаэля наполнились влагой:

— Меня всё равно, скорее всего, казнят, — мрачно констатировал он.

— Замолчи! — Маргарита залепила ему ещё одну оглушающую пощечину — уже вторую за последние сутки, — Каждая жизнь бесценна!

— Даже моя? — в его голосе и в его взоре было искренне удивление и, даже, некоторое восхищение, — Ты так уверена? Ты даже не знаешь меня.

— Я узнала твою семью — этого мне достаточно, чтобы понять, каким ты можешь быть, — мягко улыбнулась она, — О, Боже — пожар же! — вовремя спохватилась девушка, она напротив пылающей комнаты и раскинула руки:

— Солнечная Хранительница желает укротить этот огонь! — повторяла она, и тело её поглощало жар, под напором огня она постепенно осела на колени, пока пламя полностью не погасло.

По коридору уже бежали Джон и Самаэль с отрядом стражников.

— Господи, Марго, с тобой всё в порядке? — Джон обнял Маргариту.

Девушка часто закивала головой и дала волю слезам, уткнувшись в грудь мужа:

— Жан, что здесь происходит? — продолжала всхлипывать Маргарита, — Я боюсь. Я так боюсь, Жан, — она хлюпала носом, как ребёнок.

— Он тебе что-нибудь сделал? — требовательно спросил он.

— Нет, он не успел ничего сделать, — усердно замотала головой Маргарита, — Скорее уж, это я ему чуть дыру в черепе подсвечником не сделала. Он пытался убить меня, — голос Маргариты сорвался на крик, — Ты это понимаешь?! Растолкуй же мне — что может это означать? Может, я глупая, так вразуми — мы и тут не в безопасности?

— Я требую объяснений! Что это означает, Раф? По какому праву?! — Джон схватил брата за ворот рубашки, — Назови мне хоть одну причину, по которой я не могу убить тебя прямо здесь и прямо сейчас! — он отшвырнул его, словно котенка, выхватил меч у Сэма и бросил его Рафаэлю — Вставай! — жестко повелел он — Подняв руку на мою семью, ты исчерпал лимит моего терпения — я не Христос всепрощающий. Если в тебе осталась хоть капля чести, то имей мужество нести ответ за свои поступки. Ты же так мечтал об этом. Вот он я — давай решим всё раз и навсегда, и больше ни кто не пострадает.

Больше не было ни какой красоты и благородства — они сражались молча, неистово, высекая искры из каменного пола и мраморных колонн, противостояние, разносившееся металлическим звоном по коридору. И, вот уже лезвия превратились в пляшущее пламя, режущее и опаливающее плоть. Коричневый камзол Рафаэля обагрился кровью, на пурпурных же одеждах Джона её трудно было заметить — его клинок пел всё более стремительную мелодию, давая выход всему негодованию и отточенному искусству мастеров меча многих эпох, вынуждая противника уходить в практически глухую защиту и медленно отступать.

— Прекратите сейчас же! — в панике закричала Маргарита, — Самаэль, хоть ты останови это безумие, — она стала беспокойно дергать мужчину за рукав, — Они же убьют друг друга!

— Брат, умоляю, остановись! — и в замешательстве замерли все, включая и самих сражавшихся: этот громкий возглас принадлежал, прежде тихой и неприметной, Ями, по чьим щекам сейчас текли слёзы.

Самаэль тихонько присвистнул, но, сейчас на него не обратили внимания.

— Что на тебя нашло? Ты настолько ненавидишь меня, что готов уничтожить всё, что мне дорого, даже ценой своей жизни? — Джон схватил брата за плечи, — Почему? Почему, Рафаэль?! Почему?

— Я рискнул, и проиграл, — упрямо промолвил Рафаэль, отвернув лицо, не в состоянии посмотреть в глаза Джона.

— Зачем ты это сделал? Зачем? В нас течёт одна кровь — неужели мы не смогли бы договориться? Но, ты посчитал себя выше других — сам себя вознёс в гордыне своей, да не смог удержать... — Джон развернул брата лицом к себе, — Ответь мне, как далеко ты готов был пойти? Ты убил бы и отца? Насчёт меня я и не сомневаюсь.

— Это измена, маленькая госпожа, — покачал головой Самаэль.

Маргарита стала медленно оседать по стене, закрыв лицо руками.

— Мама, папа! Адель, Роза! — девушка резко вскочила, — Дэни, Джек! Джесси, Ева, Эллен! Алишер! — она подняла голову и требовательно посмотрела на мужчину, — Что с ними?!

— С ними всё в порядке, маленькая госпожа — поспешил успокоить её Самаэль, — наши люди успели вовремя среагировать

— Уведите его в покои — приказал стражникам Джон, — Он будет под домашним арестом, пока мы не решим, как с ним поступить.

— Вы же его не... — побледнев, Ями ухватила за плечо Самаэля, — Он не хотел. Я знаю...

Легко колыхнулись балконные занавески, а за ними мелькнули тени.

Джек открыл глаза и, стараясь как можно бесшумнее, нащупал в чемодане под кроватью скальпель, резко вскочил с постели, одновременно метнув его в окно. Накинув халат и растолкав спящую Даниэллу, он сделал ей знак молчать, приложив палец к губам, протянул ночную сорочку и за руку вывел из комнаты.

Шепотом сообщив стражникам, что не помешало бы обыскать комнату и сад вокруг южного крыла дворца, они побежали по коридорам в комнаты Дерека и Камиллы, Шарля и Валентины, Розы и Адели, Джона и Маргариты и остальных.

В то же время в комнате Питера и Евы послышались шорохи, и вдоль стены скользнул странный силуэт.

И прежде, чем кинжал вонзился в подушку, Питер, вместе со спящей Евой на руках, уже завис под потолком.

Тени исчезли так же бесшумно, как и появились.

Ева пришла в себя и посмотрела на Пита широко раскрытыми глазами, крепче обхватив его за шею.

Питер легко опустился на пол.

- *Ze to było?*(Что это было? пол.) — тихо спросила Ева.

— Не знаю, но нужно предупредить стражу и найти остальных, — так же тихо ответил Питер, осмотревшись по сторонам.

— Тихо, — Этьен приложил палец к губам сестры, — мне это всё не нравится.

И снова еле уловимый звук летящего кинжала, и — тишина... Лишь свет луны, пробивающийся сквозь колышущиеся занавеси.

Когда Эллен и Этьен вылезли из-под кровати, и увидели воткнутый в подушку кинжал, то девушка еле сдержала крик.

— Иллюзия нашего присутствия на кроватях спасла нам жизнь, — парень был явно рад тому, что его идея сработала, не зря ему показался подозрительным этот непонятный шум, — А сейчас нужно срочно найти ребят, — Эллен согласно кивнула.

В комнате Джастины и Дэна тоже не было спокойно: парень отбил летящий нож энергетическим щитом, он схватил девушку за руку, и они выбежали из комнаты, чуть не сбив с ног дежуривших у двери стражей.

Вскоре уже переполошился весь дворец. Караульные побежали оповестить князя.

А вскоре, он и сам лично явился на место действия.

Люди обернулись на шум, а толпа в коридорах расступалась, пропуская правителя.

— Папа! Папа! — маленький Али бросился на шею отцу, а за ним по галерее уже медленно шёл князь под руки с матерью Джона и Кали, — Папа, там были плохие люди. Я хотел заступиться за маму, но те люди исчезли, так же странно, как и появились, а потом пришел дедушка, — продолжал рассказывать мальчик, — Когда вырасту, я буду маминым защитником, и твоим, и дедушки с бабушкой, и дяди Самаэля, и Марго, и Розалинды, и Адельки.

— Конечно, дорогой, ты будешь самым сильным, самым отважным и самым справедливым рыцарем, — со слезами на глазах, Джон крепче прижал к себе сына.

Самаэль обеспокоенно посмотрел на Кали, та кивнула в ответ, улыбнувшись:

— За меня не переживай, если что — у меня и самой рука тяжела, — прошептала она, обнимая его.

Правитель жестом указал конвоирам остановиться и подошел к младшему сыну:

— Где, где же я недоглядел, что мой родной сын дошел до такого? Ты — плоть моя и кровь — увы, отцовская любовь... — князь дрожащей рукой убрал слезу из уголка глаза, — Отец в ответе за дитя. Что может сделать для тебя родной отец? Не думал я, что доживу до такого бесчестия. Даже у разбойника, и у того, оказалось больше благородства, — из-за его спины вышел Надир:

— Я передумал, молодой господин, — спокойно заметил атаман, — Мне, и правда, не отмыть уже своих рук от крови, но, я убивал только в честных поединках и не поднимал оружие на женщин и детей. Ты не предупредил, что они всего лишь подростки, к тому же, обладающие тайными силами. Они так трогательно и достойно защищали друг друга. Я отозвал своих людей и предупредил князя. Пусть нас повесят, но, на мне и моих людях не будет греха детоубийства.

Рафаэль опустил голову.

— Я никудашный отец... — вся кровь отлила от бледного лица князя, он взялся рукой в области сердца, оперевшись о плечо своей любимой Сони. Жгучая боль опекла его грудь, сдавливая и затрудняя дыхание, конечности немели.

— Это неправда! — громко возразила Маргарита, — У вас прекрасный сын и замечательная дочь. А Рафаэль, как никогда, нуждается сейчас в вашей любви и заботе.

— Я был слишком занят и слишком мало времени уделял семье. Я опоздал на много лет... — слабым голосом прошептал Вайвасват, — Как жаль, что я не успею ничего исправить, — с трудом выговорил он.

— Сир, будьте милостивы, — склонилась перед ним Маргарита, заметив бледную, как полотно, Ями, изможденно прислонившуюся к колонне, — Я прошу милосердия для Рафаэля, он, всё-таки, ваш сын. Уверена, что он осознал свою неправоту и искренне раскаивается. И для Надира и его людей — они могли убить моих близких и друзей, но совесть не дала им этого сделать, а, значит, в них ещё есть добро. Проявите же царское великодушие.

— Я не могу отказать, когда просит такая женщина, — попытался улыбнуться Вайвасват.

— Почему? — потухшим голосом произнёс Рафаэль, — Зачем тебе это? Один... Всегда один! — яростно закричал он и закрыл лицо ладонями, — Всегда один...

— Ты не один — Джон протянул брату руку, — Все люди испытывают печаль и боль.

Порой бывает так одиноко, что даже хочется исчезнуть. Даже в этом случае, нужно все выдержать и жить дальше. Ты должен помнить, что люди делятся друг с другом своим теплом. Вспомни это. Вспомни, как мы вместе воровали яблоки в саду, а ты упал с ветки и разбил колено — мы с сестрой каждый день навещали тебя. Как я разбил вазу, а ты взял вину на себя — сказал, что ты ещё маленький, и тебя всё равно простят... Как мы вдвоём защищали друг друга от городских мальчишек, когда тайком убегали играть в город. Как ты плакал, когда я уезжал на учебу. Вот какого брата я помню.

— Подойди, Рафаэль, — подзвал его князь, — Я хочу, чтобы прочел это, — он достал из кармана камзола листок бумаги, — Я храню это со дня смерти твоей матери — эту записку я нашел у неё под подушкой.

Дрожащими руками младший принц раскрыл лист и начал читать:

"Возлюбленный муж мой!

Если ты читаешь это письмо, то меня уже нет на этом свете.

Рак — всего три буквы, и так много боли и горя... Но, не переживай, мне уже больше не будет больно. Я, наконец, смогу обрести покой. Жалею лишь о том, что так мало была с тобой и с нашим сыном. Он ещё так мал, и мне бесконечно больно покидать его. Прошу, будь к нему добрым и терпеливым — он у нас такой избалованный ребёнок.

И, пожалуйста, не оставайся одиноким. Я знаю о твоей любви к Сони — она добрая женщина, и у вас двое чудных ребятшек, прости, я тайком подсмотрела за ними — всего только раз. Пусть эта женщина утешит твою душу и твоё тело, пусть станет матерью нашему мальчику. Она даст вам всё то, что не успела дать я.

Не грусти же и продолжай жить дальше ради своих детей, а я с небес благословляю тебя.

Поцелуй за меня Рафаэля.

Будь же счастлив, дорогой, а я буду любить тебя вечно.

Любящая жена твоя Асия."

Бумага упала на пол, а Рафаэль посмотрел на отца глазами, полными слёз:

— Идиот, какой же я идиот, — он сокрушенно опустил голову, — Зависть и ревность затмили мой разум. Моя жизнь уже ничего не стоит, я готов принять любое наказание, — он перевёл взгляд на Маргариту, — Я не жалею лишь об одном — что не пролил сегодня твоей крови, дитя, — потом он обратился к Джону, — Береги её, брат. Твоя жена — настоящее сокровище.

— Вот и славно, — Вайвасват провёл рукой по волосам Рафаэля, — Блудный сын вернулся, и надеюсь, останется с нами. Не теряй веры в себя и в своих близких, — вдруг лицо князя снова исказилось от боли.

— Отец, что с тобой?! — бросились к нему сыновья и дочь, — Врача, скорее! — крикнул Джон стражникам.

— Сын, надеюсь, что ты окажешься мудрее меня, — князь взял руку Джона, — Обещай быть счастливым. Прости меня, что так мало был с тобой.... Весь народ мой был мне детьми, а своим родным детям я не смог уделить достаточно времени, как того желало моё сердце — такой мой крест, и крест всех тех, кто, как и я, является заложником долга — и чем больше мы имеем власти, тем больше ответственность, и тем меньше мы принадлежим себе и своим семьям, — потом он обратился к Маргарите, — И ты прости меня, дитя — сначала я представлял тебя очередной пустышкой, прельстившейся титулом и богатством — никогда ещё в своей жизни я так не ошибался. Ты — истинный ангел-хранитель для моего Джона. Прощу, позаботься о нём после меня. Я не увижу ваших детей, поэтому заранее благословляю их. И, благодарю... за обоих моих сыновей, — Вайвасват соединил на своей груди руки сыновей, — Джон, Рафаэль, поклянитесь, что никогда больше не пойдёте друг против друга. Поклянитесь, что никогда не забудете, чьи вы сыновья, не забудете, что вы братья, — из последних сил он крепче сжал их руки, — Поклянитесь мне, как своему правителю и как своему отцу! Силён не тот, кто способен убить, а тот, кто способен понять и простить... — его рука бессильно упала.

— Пропустите меня! — Джек вместе с ребятами пытались пробиться сквозь собравшихся в коридорах людей, — Пропустите же, черт возьми, я — врач! — с трудом проталкиваясь между людьми, он приблизился к лежащему на коленях Сони Вайвасвату, и отчаянно пытался реанимировать его непрямой массажем сердца и искусственным дыханием.

— Мамочка, папочка! Данечка! Друзья! — Маргарита обнимала и целовала родителей и близких, словно, не видела их до этого, по меньшей мере, лет сто, — Слава богу, с вами всё в порядке!

— Он мёртв, Джон, — повернулся к другу Джек, его лицо было бледным, а волосы взмокли от пота, — Мне очень жаль... Прими мои соболезнования, — он закрыл глаза покойника.

Повисла звенящая тишина — присутствующие не в состоянии были в такое поверить.

— Нет! — губы Джона задрожали, он запрокинул голову и закрыл глаза, но, предательские слёзы всё равно потекли по щекам, — Что мне теперь делать, отец? Кто мне подскажет?

Сотрясаемая рыданиями, Сони рухнула на тело любимого мужчины, целуя его в последний раз. Ями потеряла сознание, и Самаэль, вовремя успев подхватить, отнёс девушку в её комнату.

Кали развернула сына лицом к себе и крепче обняла.

Рафаэль соскользнул по колонне на пол, обхватив колени руками — всё его тело сотрясала дрожь.

Джон вдруг рванул по коридору прочь, расталкивая людей и выбивая двери, пока не добежал до центрального фонтана в саду и, упав на колени, зачерпнул воды из него и умыл лицо. Он задыхался, поэтому расстегнул камзол, но легче, всё равно не стало, боль не уходила. Он поднял глаза к небу, и на его мокром лице уже не разобрать было, где вода, а где слёзы.

А новый день неумолимо загорался новым алым восходом. Новый день, в котором уже нет его отца...

Маргарита выбежала вслед за Джоном и увидела его сидящим у фонтана. Она потихоньку подошла к нему, он повернул голову в её сторону и обнял с такой силой, что девушка испугалась, что её позвоночник не выдержит. Но он просто замер, и его слёзы капали на её плечи, и ни какие в мире слова не смогли бы облегчить эту боль, и невозможно было даже гипотетически представить себя на его месте — она слишком любит своего отца, чтобы допустить, хоть мысленно, подобное несчастье.

— Пойдём, прошу. Ты нужен своей матери, — тихо произнесла Маргарита, беря мужа под руку и убрав мокрые волосы с его лица.

Он молча кивнул, и они поспешили вернуться назад во дворец.

— Мне, правда, очень жаль. Если бы в этой суматохе я успел бы раньше, то, возможно, я смог бы ещё его спасти, — молодой хирург с трудом заставил себя взглянуть в глаза другу.

— Я всё понимаю, не казни себя, иначе я не смогу этого выдержать, — голос его был хриплым и, словно, чужим, речь его была медленной, каждое слово давалось с большим трудом, взгляд тяжело было сфокусировать.

— Ну, почему, почему он не слушал меня — сколько раз я говорила ему, чтобы он серьёзнее относился к своему здоровью — нет же, он всегда работал на износ, и считал это непозволительной роскошью, — продолжала навзрыд причитать Сони, — Он старался быть отцом своему народу, но, так мало был отцом для своей семьи. Как же это несправедливо...

Джон насилу оторвал её от, накрытого саваном, бездыханного тела отца:

— Матушка, Вам нужно отдохнуть, — он приложил руку ко лбу женщины, и та, закрыв глаза, покорно обмякла в его руках.

— Ты что сделал? — не на шутку перепугался Джек.

— Она просто спит — на сегодня с неё хватит терзаний и боли, — охрипшим голосом ответил Джон, — Помоги мне отнести её в комнату.

Они вместе перенесли Сони на постель в её покоях.

— Мэгги, ну как он? — участливо поинтересовалась подошедшая Даниэлла.

— А ты как думаешь? — Маргарита посмотрела на подругу усталым взглядом, за эту ночь она, точно, постарела лет на пять.

— И что это вообще было? — златовласая вопрошающе посмотрела на подругу, — Мы видели лишь тени и силуэты, невозможно было ничего разобрать, — продолжала Даниэлла, чувствуя необходимость выговориться.

— В моём случае было иначе — я видела его лицо, и, вряд ли, смогу забыть когда-нибудь, — всё ещё дрожащим от потрясения голосом произнесла Марго, — Это всё какая-то чудовищная ошибка. Я верю, что в каждом есть добро, они не ведали, что творили. Посмотрите на Рафаэля — несчастный, он уже наказан так, что не дай Бог, кому-нибудь пережить такое — девушка перевела взгляд с неподвижно сидевшего у колонны парня на атамана, — А Надир — пусть, и своеобразное, но у него присутствует понятие о чести и благородстве.

— Господи, а ты бы пощадила их, если бы посягательства удались? Скажи, ты и тогда бы простила? — требовательно посмотрела на неё своими голубыми глазами подруга, — Ну, как же можно быть настолько наивной? — в её словах слышались нотки упрека, — Ты и самого дьявола оправдала бы?

— Не знаю, не знаю... — замотала головой Маргарита, — Я просто верю, — она смотрела на собеседницу с такой непоколебимой убеждённой уверенностью, — В его взгляде было столько боли, одиночества и отчаяния, что я, наверное, боялась больше за него, чем за себя.

— Как ты можешь говорить об оправдании того, кому нет больше веры? — Даниэлла с трудом понимала и не очень разделяла такую твёрдость убеждений подруги.

— Даже, если они сами уже ни во что не верят, я всё равно буду продолжать верить, — упрямо повторила Маргарита.

— Ну, всё — с тобой бесполезно спорить, — сдалась Даниэлла — Тебе бы да в проповедники.

— Маргарита-а-а! — подбежавшая Аделина обхватила девушку за колени, — Там было столько страшных людей!

— Всё уже хорошо, малышка, — девушка взяла ребёнка на руки и погладила её светлые волосы, — Всё хорошо.

— Пойдём, сестричка, — Али протянул руку девочке, — Взрослым сейчас не до нас.

— Иди, детка, Алишер проводит тебя, — девушка поставила Адельку на пол, поцеловав в лобик, и мальчик, взяв её за руку, вывел из зала.

— Поднимись, — Джон положил руки на плечи Рафаэля, так и сидящего, прислонившись к дальней колонне, вцепившись пальцами рук в свои колени.

Рафаэль поднял глаза, что-то шепча пересохшими губами.

— Ну, же! — повторил Джон, уже сам поднимая парня на ноги, — Поднимайся!

— Я не смею, Повелитель, — он преклонил колено, и его примеру последовали все присутствующие, — Смиренно вверяю жизнь свою в твои руки.

— Перестань! — Джон тряхнул брата за плечи, — Все поднимайтесь, сейчас же! Не буду скрывать, я ж не праведник, было у меня минутное желание задушить тебя своими руками — и вся недолга. Но, смерть уже сегодня сыта. В этот скорбный час тебе тяжелее всех. Ты сам себя покарал так, как я бы не смог покарать тебя. И пусть моё прощение будет твоим наказанием. В детстве мы были друзьями, но, потом ты закрылся от всех. Я хотел бы вернуть те времена и снова назвать тебя братом, — он поддержал Рафаэля под локти и помог ему подняться:

— Мсть ещё ни кого не воскресила, и ненависть оставим для других. Хватит с меня утрат, — и, впервые за много лет отчуждения, они обнялись по-братски.

Джон распорядился, чтобы похороны прошли в тихом семейном кругу, но горожане всё равно пришли на площадь перед дворцом, чтобы проститься со своим повелителем и отдать ему последнюю дань уважения. Впервые за всю историю Небесного града был отменён турнир.

В чёрном траурном камзоле, с мешками под глазами и воспалённым взглядом, Джон выглядел действительно устрашающе — а в голове невыносимо гудел похоронный набат.

— К чёрту это проклятое кресло! — он яростно отшвырнул трон, и обломки красного дерева вишни разлетелись в разные стороны, — Я никогда не желал его... За что нам всё это? За что?

Таким и нашла его Маргарита: оцепеневши сидящего посередине зала с отсутствующим взглядом.

Девушка подошла, присела рядом с ним и просто молча обняла — никогда ещё она не видела его таким разбитым и беспомощным.

В зал вошел Самаэль и помог Маргарите поднять его на ноги:

— Ты нужен своему народу, — тихо напомнил он.

— Нет, Сэм, я не могу — это слишком тяжело... — устало произнес мужчина.

— Ты не из тех, кто легко сдаётся, — не спуская глаз, Самаэль смотрел на друга, — Вспомни, зачем вы здесь — теперь тебе предстоит защитить Хранителей.

— Ты прав, — Джон собрал волосы в хвост и поправил камзол, — Только, я никогда не стремился к власти — ты же знаешь. Я намного лучше чувствую себя в мастерской или в

библиотеке.

— Но, городу нужен правитель, — решительно возразил Сэм, — Ты такой же упрямый, как и твой отец.

— И куда это привело его? Уж таким я уродился, и другим не буду, не обессудь, — невесело усмехнулся Джон, положив руку ему на плечо, — Им будешь ты, Сиддхартха, наиболее заслуживающий.

— Ну, спасибо, приятель, удружил — отмахнулся мужчина, — Значит, ты всё решил за меня? А я могу взять самоотвод?

— Только тебе я могу доверять, Самаэль, — Джон так проникновенно посмотрел на друга, что тот лишь опустил руки.

Позже Джон сам возложил корону на голову сына и поднял мальчика, одетого в чёрный атласный камзол, расшитый золотыми нитями, на руки так, чтобы его было хорошо видно как собравшимся подданным, так и стоявшим войскам:

— Вот ваш новый князь! — громко заявил он, — До его совершеннолетия регентом будет его мать — госпожа Кали, Лордом-протектором назначается Майтрейя Самаэль, — он поставил смущенного ребёнка на пол и снова обратился к народу и войскам, — Будете ли вы так же почитать князя Алишера и служить ему, как служили прежнему Великому князю?

Ответом ему был единогласный одобрительный гул толпы.

— Папа, раз я теперь князь, то всё будет, как я хочу? — мальчик от нетерпения подпрыгивал на месте.

— И чего же хочет князь? — поинтересовался Джон.

— Я хочу, чтобы люди не болели, не умирали и не убивали друг друга, — твердо ответил маленький князь.

— Так и будет, дорогой, так и будет, — ощущение огромного счастья от того, что у него такой сын, хоть немного уменьшало горечь потери, — Обязательно будет.

— Как всегда в своем репертуаре, — к ним подошла Кали и, улыбнувшись, взяла сына за руку, — Что один, что другой — оба как дети, — потом она повернулась к Джону, — Благодарю за доверие. Я так понимаю, что ты планируешь покинуть Небесный град?

— Так и есть, как только я найду способ защитить Хранителей — здесь у меня слишком много болезненных воспоминаний, — подтвердил он её догадку, — Мать и сестру я тоже заберу с собой.

— Не забывайте навещать нас почаще, — мягко улыбнулась рыжая.

И вот, когда, казалось бы, всё самое страшное и тягостное они смогли пережить, оставив позади, пытаюсь найти силы смириться и жить дальше, новый удар судьбы

обрушился тяжелым испытанием:

— Ваша Милость! — дрожащим от волнения голосом пролепетал стражник, протягивая послание, — Ваша Милость, это срочно, прочтите!

Джон пробежал глазами письмо и выругался:

— На, полюбуйся на это, Сэм — Джон протянул ему бумагу, — И что ты будешь делать, как Лорд-Протектор? Это ультиматум — Тёмный двор даёт нам три дня на выдачу Хранителей, в противном случае, они начнут войну. И подпись — "главнокомандующий имперскими войсками Тёмных Небес — Шнайдер".

При слове "война" у Маргариты подкосились ноги, внутри всё похолодело, а перед глазами пронеслись страшные картины, которые она видела по телевидению: вой сирен, гул самолетов и грохот танковых орудий, дым и копоть, матери, погибающие на глазах у своих детей, и дети, умирающие на руках своих матерей, молодые парни, ещё почти дети, отдавшие свою жизнь или оставшиеся калеками, искалеченные тела и сломанные судьбы, крики и стоны, которых уже никто не услышит. Сколько войн в истории человечества оставили малолетних сирот, убитых горем матерей и вдов и невест, которым никогда уже не суждено предстать перед алтарем вместе с возлюбленными, а кровь подобно вину лилась на этих диких пирах смерти.

— Сэм, проводишь меня в Архив, мне нужны мои чертежи, — потребовал Джон, — Надеюсь, мой мундир командующего ещё не истлел? Жду всех в зале для совещаний. Чёрт, не зря мне этот гадёныш покоя не давал, он хочет войны — он её получит. Придётся нам вспомнить старые времена.

— Можешь не волноваться, — заверил его Самаэль, — все чертежи я сберег — даже находясь в немилости, ты считался величайшим мастером и знатоком всех ремесел. Громовая колесница, скипетр Агни, лук Рудры, Трезубец, Пресветлое копьё — всё оружие Небесного града было создано тобой. Надеюсь, ты не утратил своих навыков с тех времён, когда мы сражались плечом к плечу, мой друг.

— Надеюсь, что не утратил. Ты абсолютно прав, друг мой — знание тоже может быть оружием. Однажды Бог — Бог навсегда, Сиддхартха, Бич Демонов, — Джон сел за стол подперев голову руками, — Чёрт возьми, и как же не вовремя — словно, знали, что у нас тут произошло.

— Да, уж — такие новости, как пожар, — тягостно вздохнул Сэм, — Во всех кабаках, небось, только об этом и говорят — и особого труда не стоит заинтересованным ушам прислушаться. Мне, например, мои люди сообщили, что Тёмные небеса теперь тоже без правителя — он убит на турнире этим самым Шнайдером. Теперь я точно вспомнил, где уже слышал это имя — когда мне утром докладывали новости с Тёмных Небес. Знаете, а мне даже интересно хоть посмотреть на него.

— И ты молчал?! — Джон подскочил со своего места, — Мог раньше предупредить?!

— А когда бы я успел — когда ты перед всеми взвалил на меня бремя правления,

которое отказался сам принять? — нервы Самаэля тоже были на пределе, — Ладно, сейчас речь не об этом — отношения выяснять будем после.

— Сейчас нужно заняться эвакуацией населения, обороной и медицинским обеспечением. Объявляем чрезвычайное положение и готовим портал к массовому переходу, — мозг Джона спешно пытался спланировать дальнейшие действия, — Останутся только мужчины, способные держать оружие. Остальные будут переправлены на Землю, — единым волевым решением он заставил себя произнести последнюю фразу.

— С какого, перепугу этот Шнайдер, или как его там, диктует свои требования? Не слишком ли он обнаглел? — Даниэлла раздраженно сминала в руках салфетку, — Кем он, вообще, себя возомнил?

— Я не хочу всё время скрываться и жить в страхе, — Маргарита бесстрашно посмотрела на мужа, — Я — твоя жена, и я останусь с тобой. Я ни куда не уйду.

— Это не обсуждается! — резко бросил Джон, не в силах взглянуть на неё, — Мне, что прикажешь — запереть тебя?

— Можешь запереть, а я через окно вылезу, — выкрикнула Маргарита, топнув маленькой ножкой, — Думаешь, я смогу спокойно смотреть, как твои люди будут проливать кровь за нас?! Это теперь и мой народ тоже! И, зачем тогда мне сила Хранителя, если я не смогу защитить дорогих мне людей?

— Если ваши люди будут рисковать своими жизнями ради нас, то, как мы можем спокойно отсиживаться. К тому же, не думаю, что вам помешают наши силы, — белокурая была солидарна с подругой.

— Вот, Даня меня поддерживает, — Маргарита подарила подруге благодарный взгляд, — Вы не можете решать за нас.

— Я же сказал, что это не обсуждается, — Джон схватил девушку за плечи, — Я не буду повторять дважды. Вы будете там, где безопаснее. Это не игра в солдатики — это война. Хватит с меня потерь! Если для твоей безопасности мне нужно будет оторвать часть себя и отпустить тебя, то — быть по сему! — он расслабил пальцы, высвобождая плечи жены от их хватки, и, резко развернувшись, подошел к открытому окну, облокотившись о подоконник, тяжело и сбивчиво дыша.

Маргарита присела в кресло — все внутренности, словно связало в узел, к горлу подкатил приступ тошноты. Девушка прикрыла рот рукой и выбежала из зала.

— Ну, вот — все вы мужчины одинаковы — не хватало ещё, чтобы у Марго нервный срыв случился, — высказалась Даниэлла.

— Ничего, Маргарита успокоится. Я согласен с Джоном, это не забава. — спокойный голос молодого хирурга резал по натянутым нервам не хуже его скальпеля, — Вам лучше вернуться. Здесь опасно будет находиться. Надеюсь, что мои медицинские познания смогут быть полезными.

— Даже не осмеливался просить тебя об этом, но твоя помощь была бы поистине, неоценимой, — Джон отошел от окна и посмотрел на друга с огромной благодарностью.

— Я тоже давал клятву Гиппократу, — вступил в разговор Шарль — Пусть я не хирург, более необходимый в военное время, но, общее представление о медико-санитарном обеспечении войск имею — в своё время довелось побывать в Судане и Ливии в составе миротворческих сил ООН.

— Спасибо за поддержку, месье Шарль, — признательно ответил Джон лёгким поклоном, — Я распоряжусь, чтобы командиры отрядов отчитались вам о состоянии дел.

— О! Я так и знала, что ты это скажешь, — с трудом перевела дух Валентина, покачав головой, — Я понимаю чувства Маргариты, но, разве это вас остановит, когда вы уже приняли решение?

— Думаю, вы согласитесь, мистер Джон, — поднялся со своего места Дерек, — Как человек ученый, вы понимаете, что в данной ситуации любые познания не излишни, особенно, если речь идёт о защите наших детей и наших семей.

— Нет! Папа, и ты тоже? — воскликнула Дэни, беспомощно опустив голову.

— Мы остаёмся, а вы отправляетесь домой, — холодно отозвался Питер.

— Что?!!! — в один голос вскричали Даниэлла и Евангелина.

— С вашего разрешения, — блондинка встала из-за стола и направилась к выходу, — У меня голова что-то разболелась, — за ней последовали и Джастина с Евой.

В зал вошли Рафаэль и Надир.

— А они что здесь делают? — недоуменно покосился на вошедших Джек, — Кто их пригласил?

— Они останутся, — не оборачиваясь, твердо произнес Джон.

— Это и мой дом, — с порога серьезно заявил младший принц, — И я тоже намерен его защитить. Я обязан жизнью Хранительнице, и я верну этот долг — это наименьшее, чем я могу искупить свою вину.

— Я думаю, что и мои люди с их саблями не будут лишними, когда на счету каждый человек, — приветственно поклонился Надир, — А что это с молодыми госпожами? Они вылетели отсюда такие рассерженные.

— Нам всем сейчас не легко. На сегодня всё — завтра с рассветом начинаем эвакуацию — у нас слишком мало времени, — с этими словами Джон быстро покинул зал в поисках жены, — Сэм, после завтрака ожидаю тебя в Архиве — не забудь.

Маргарита выбежала на улицу и добежала почти до Беседки Ветров в дальнем углу сада, пока, поскользнувшись, не упала на мокрую дорожку, счесав ладонь.

Девушка подняла голову — с тяжелого мрачного неба падали гулкие холодные капли дождя.

— Я не хотел срывать на тебя. Пойми же, я переживаю за твою безопасность. Ну, что мне сделать, чтобы ты простила меня? — Джон присел рядом, накинув ей на плечи свой камзол.

— Обними меня, как ещё никогда не обнимал. Поцелуй меня, как ещё никогда не целовал. Люби меня, как ещё никогда не любил, — не упуская его взгляда, Маргарита, опираясь на него, поднялась на ноги, — Я хочу как можно яснее запечатлеть в своей памяти то, чего ты меня лишаешь.

— Ты действительно сейчас этого хочешь? Ты уверена? — и этот её, полный любви и преданности, взгляд давал ему силы выдержать все испытания, что приготовила им судьба.

— Ещё ни когда я не была так уверена, — и свет молнии осветил её лицо.

Он поднял девушку на руки — дрожащую, насквозь промокшую и такую беззащитную, и отнёс назад во дворец.

Наскоро сняв с неё и с себя мокрую одежду, он открыл горячий душ и, поставив девушку под обжигающие струи, принялся растирать губкой её заочиненное тело.

— Жан, почему я не могу остаться с тобой? — Маргарита требовательно посмотрела ему в лицо, по которому стекали струи воды.

— Потому, что тогда я перестану себя уважать, — хрипло произнес он, привлекая её к себе как можно ближе, скользя руками по спине и бедрам, а губами не давая ей произнести и слова.

Она уже почти машинально гладила его волосы и плечи, выгибаясь навстречу его ласкам. Оба уже с трудом могли себя контролировать. Их разгоряченные, жаждущие друг друга, тела продолжили диалог за них. Вода же, ровно, смывала все условности, оставляя только чистое желание — побуждение возвышенное, истинное, почти святое, почти целомудренное, когда их тела стали храмом любви. И не хотелось даже думать о том, что они так любят друг друга, возможно, в последний раз, что война эта может оборвать их жизни. Страшно было от самой такой мысли, и страх этот туманил рассудок, всё не давая напоследок насытиться друг другом.

Где-то на улице монотонно стучали по крышам капли дождя, небо освещалось вспышками молний, сопровождавшимися частыми громовыми раскатами.

Пока Джон искал Маргариту, молодой хирург выяснял отношения со своей златовласой супругой:

— Даниэлла, открой! — доктор колотил кулаками по двери, — Или, клянусь, я выломаю дверь!

Девушка сидела на кровати, обхватив голову руками, изо всех сил стараясь подавить в себе бурю протеста и отчаяния.

— Ты меня слышишь?! — продолжал кричать мужчина.

— Ну, всё, — сама себе сказала Дэни, поднимаясь с кровати, — Я сейчас выскажу всё, что накопилось у меня в душе, дорогой, и мало тебе не покажется, — она медленно подошла к двери и провернула ключ в замочной скважине.

— И что это означает, леди? — сверкнули его карие глаза.

— Думаешь, я просто глупая блондинка, на мнение и переживания которой можно наплевать? — девушка схватила его за плечи, — И ты, и отец! Вы же не такие, как они! У тебя всего одна жизнь! — выкрикнула она со слезами на глазах.

— И она принадлежит тебе, — одной рукой мужчина прижал её к себе, целуя её в лоб и спускаясь ниже — к виску и губам. А Даниэлла всё продолжала всхлипывать, и не заметила

как он подтолкнул её в комнату, другой рукой закрывая за ними дверь.

Скрывать сложившуюся ситуацию от народа было невозможно и непозволительно, и как представитель правящей фамилии, Джон должен был выступить перед подданными:

— Сейчас я обращаюсь к вам не как командующий, а как муж и отец — Тёмный Двор бросил нам вызов, на который предстоит ответить. Нарушая пакт о перемирии, они требуют выдать им Хранителей Земли. Небесный град веками исправно исполнял своё назначение, охраняя мир на Земле и поддерживая поколения Хранителей, и этот раз не будет исключением. Выполнить требование Тёмных небес — значит признать превосходство зла. Если бы на месте Хранителей были бы ваши близкие, как бы вы поступили? Способны ли вы отправить на смерть тех, на чьей свадьбе гуляли несколько дней назад? Мы переходим на осадное положение. Пожилых, женщин и детей гвардейцы проводят к порталу, чтобы не создавать паники, и будут распределены по принадлежащим нам в Джайпуре и окрестностях. Сборы не затягивать — брать с собой только самое необходимое, всё остальное будет выдано вам в денежном эквиваленте из запасов казны. Все, кто пожелает, смогут беспрепятственно покинуть Небесный град. Те же, кто пожелает присоединиться к войскам, смогу получить оружие и обмундирование. Я не имею права принуждать кого-либо, я лишь взываю к вашей совести. Мы должны защитить свой дом и свои семьи. Загляните сейчас в свои души и сердца — в каждом из вас живёт герой. Я сейчас стою перед вами, и я готов разделить нашу судьбу. Я не буду прятаться. Я, скорее, сложу свою голову в борьбе, чем склоню её, — закончив свою речь, стоя на балконе перед собравшимися людьми, тяжёлым взглядом пронзительных глаз вглядываясь в лица присутствующих, — Таков будет наш ответ тем, кто вознамерится нас сломить, — Джон порвал бумагу на глазах изумлённых горожан и развеял обрывки над толпой.

И в день расставания Маргарита долго ещё не могла остановиться и перестать рыдать:

— Я же просил тебя не лить слёз, — взяв ладони её заплаканное лицо, он губами собрал слезинки с её ресниц, — Не разрывай мне сердце, а лучше улыбнись — я запомню тебя счастливой.

— Я сохраню её для тебя, — пытаюсь изобразить улыбку на заплаканном лице, дрожащей рукой Маргарита провела по щеке мужа, — Обещай, что вернешься ко мне.

— Клянусь, что найду тебя даже среди тысячи миров, пространств и времен, — обнимая девушку, прошептал Джон ей на ухо.

— Обещаешь?! — она резко подняла голову и поймала его взгляд.

— Обещаю! Обещаю и клянусь! — произнес он чётко, по слогам, — Меня будет хранить твоя любовь, потому со мной ничего не случится.

— Папочка, ты совсем не обязан... — Маргарита слабо попыталась сжать руку отца.

— Не волнуйся, родная, — Шарль поцеловал её в макушку, — со мной будет всё

хорошо. Вы с мамой должны идти.

— Пойдем, cara mia, — Валентина взяла дочь за руку.

С тягостным предчувствием чего-то страшного и непоправимого, Маргарита садилась в машину, которая отвезёт их назад в аэропорт, её продолжала сотрясать дрожь, несмотря на жаркое лето, внутренний холод продолжал терзать всё её существо.

— Береги себя, Дхармараджа, — Кали обняла Джона, поцеловав его в щеку.

— И ты береги себя, — он провел рукой по её рыжим волосам, — Присмотришь за Алишером, Маргаритой и моими матерью и сестрой?

— Не переживай, — она улыбнулась, выпрямив спину, — Ты же знаешь меня — всё будет в лучшем виде.

— Отец, я хочу остаться с тобой — лицо Алишера было полно решимости, и Джону показалось, что сейчас его мальчик выглядит гораздо старше своих лет, — ты же сам подарил мне меч.

— Твоё время ещё не пришло, Али, — спокойно заметил Джон, — К тому же, кто-то должен позаботиться о Розалинде и Аделине? Им без вас с мистером Теодором, — он посмотрел на плюшевого медведя в руках сына, — никак не обойтись.

— Самаэль, будь осторожен, прошу тебя, — Кали с такой страстностью поцеловала его, что он ещё долго не смог отпустить её из своих рук, — И присмотри за Джоном, чтобы он не натворил чего по своей горячности, — Идем, сынок, — высвободившись из объятий Самаэля, Кали взяла его за руку и повела к автомобилю.

Вдруг, ребёнок резко высвободил руку, развернулся и побежал к отцу, обхватив его за колени:

— Пожалуйста, только обещайте беречь себя! — мальчик часто-часто заморгал, но, старался держаться соответственно своего положения, — Да прибудет с вами благословение нового князя Небесного града!

Когда Джон поцеловал подол платья матери, та лишь молча обняла его — женщина до того была измучена и морально истощена, что, вероятно, даже не до конца осознавала происходящее. Всё такая же бледная Ями взяла её под руку и повела к машине.

Маргарита уснула на плече матери, а на ресницах так и остались блестеть слезы.

Завершив проводы, Джон выполнил несколько пасов перед дверями портала — его окутало багровое сияние, а за его спиной алели прекрасные крылья:

— Ты что это делаешь, приятель? Ты меня об этом не предупреждал, — Самаэль посмотрел на друга широко раскрытыми глазами, — Это же древняя магия печати крови!

— Запечатываю портал, как ты уже и сам догадался, — с трудом сдерживая себя, бросил Джон, повернувшись лицом к нему, посмотрев остекленевшим взглядом полностью угольно-черных глаз, он чувствовал, что саму землю выбили у него из-под ног, — Сэм, и ни слова больше! Думаешь, мне это легко? Но, так я буду знать, что они в безопасности — портал откроет только моя кровь. Если со мной что-нибудь случится, то врата останутся закрытыми,

пока не вырастет Алишер, и не решит, как ему поступить, но, войска Темных Небес не ступят на Землю.

По возвращении, Джон, будто сам не свой, бродил по галереям дворца, и ни где ему не было покоя. Он ощущал себя похороненным заживо. Он выглядел настолько плохо, что Джек на полном серьезе высказал обеспокоенность о состоянии его здоровья.

— Я в порядке, — отрезал Джон, доставая бутылку коньяка и стакан, — Присоединяйся.

— Черта с два, ты в порядке! — ругнулся Джек и остановил его руку, — Бутылку поставь. Считаешь, только одному тебе хреново?

— И, ты прав, док, — он с такой силой сжал стакан, что тот лопнул в его руке, больно впившись осколками, — Дьявол, я даже не могу позволить себе напиток! Дай, тогда, хоть закурить, — Джон протянул руку, стряхнув осколки на стол.

— Ладно, уж — держи, — молодой хирург протянул ему сигарету.

— А сейчас, извините, я хотел бы побыть один, — не выпуская сигарету из рук, Джон вышел из столовой и направился в сторону музыкальной комнаты. Закрыв за собой дверь на ключ, он вышел на балкон. Дрожащими руками он пытался удержать сигарету, но не смог, и она упала на садовую дорожку:

— Проклятье! — Джон сжал кулаки, — Молись, Шнайдер, чтобы ты погиб раньше, чем я доберусь до тебя — уж я отведу душу за всё, что ты с нами сделал...

Выругавшись, он вернулся в комнату, провернул на пальце обручальное кольцо и сел за фортепиано — едва его руки коснулись клавиш, как мелодия ожила под его пальцами, рождаясь из самого кровоточащего сердца, а с ресниц на, ходившие по клавишам, пальцы капали тяжелые капли, оставляя солёные следы на щеках. Он так и уснул, склонившись над инструментом, положив голову на клавиши.

05. Флейта играет соло

Раньше Маргарита и представить не могла, что её родной Париж, который она боготворила до безумия, станет её адом. Она задыхалась в прежде обожаемой столице, которая стала для неё тюрьмой. Летнее солнце не согревало, в душе бушевала настоящая снежная буря, заморозившая все чувства, сковавшая волю. Ещё недавно весёлая и жизнерадостная, теперь же она походила на тень самой себя — её не радовали ни солнечный свет, ни голубое небо над головой, любимый кофе отдавал горечью, от любой еды её тошнило. Она не могла гулять по улицам, её раздражали весёлые лица прохожих, нежно обнимающиеся влюблённые парочки, даже смех детей, резвившихся у фонтана — всё ей опротивело. Все эти люди спокойно продолжают жить, не зная, что где-то другим приходится страдать.

Ей хотелось кричать, но, не было уже сил.

Больше же всего она чувствовала отвращение к себе самой — могла ли она настоять на своём? Почему же тогда послушно подчинилась? Чем она могла помочь? Что она знает об ужасах войны? Да и что за причина такая дурацкая у этого противостояния? Она лишь мельком видела Шнайдера в магазине одежды — было ли у неё тогда предчувствие беды? Безусловно, было. Тогда ещё Джон разделил её опасения. Когда же всё пошло не так? Что она могла заметить в серых глазах этого мальчика? Все они были слишком поглощены собой, и не уделили должного внимания этим предвестникам. Вот за это она и ненавидела себя.

Зациклившись на своих чувствах, ей казалось, что тяжелее, чем ей, не может быть ни кому. Нет, мозгом она понимала, что остальные тоже мучительно переживают сложившуюся ситуацию, но, сердце кричало, что ни кто не сможет понять её терзаний, даже просто посмотреть в глаза подругам по несчастью было выше её сил. Что же сделать, чтобы уменьшить нестерпимую тоску? Как не сойти с ума? Как научиться жить, зная, что близкие люди где-то далеко, в неизвестности, рискуют своими жизнями? Эта разлука безжалостно убивала её каждый час, каждую минуту.

И одна мысль следовала за ней неотступно — надо что-то предпринять, что-то, пока ещё не ясно, что именно, но это просто невыносимая экзекуция — вот так пребывать в безвестности.

— Прокляты! Неужели, мы, и правда, прокляты приносить несчастья тем, кого любим? — трясущимися руками Маргарита попыталась поставить на стол чашку с горячим кофе, но, всё равно, половину расплескала на скатерть.

— Ну, хватит, девочка, — Кали положила руки на плечи Маргариты, — возьми себя в руки. Не у тебя одной любимый остался в Небесном граде.

От запаха готовящейся в духовке рыбы Маргарите снова стало дурно — девушка подошла к открытому окну и сделала несколько глубоких вдохов, но, подкатывавший к горлу приступ тошноты и не думал отступить.

Прикрыв рот ладонью, она выбежала в уборную.

— Мэгги, да что это с тобой? — встревоженно поинтересовалась Даниэлла, — Что-то у тебя совсем желудок слаб — может, сходить к врачу?

— И давно мутит? Ей, и правда, врач не помешает, — произнесла Кали, как нечто само собой разумеющееся, и, как ни в чем не бывало — отхлебнула кофе из чашки, — по женской части. Девочка беременна — это же очевидно.

— Кто беременный? — задала вопрос Маргарита, выйдя из ванной и вытирая лицо полотенцем.

— Ты беременная, — Даниэлла покосилась в сторону спокойно попивавшей кофе рыжей богини, — Это она так предположила.

— Я?! Я... что?! — часто хлопая ресницами, девушка ухватилась за спинку стула, но, не удержавшись на ногах, вместе со стулом грохнулась на пол.

— Ох, ты ж, какие мы впечатлительные, — невозмутимо пожала плечами рыжая, — Дело — то житейское. Не ты первая, и не ты последняя. Неужели, сама не догадалась? Где же хваленая женская интуиция? И она ещё хочет стать врачом. Даже мысли не возникло? — с высоты своего опыта прожитых лет, Кали была откровенно удивлена такой беспечности со стороны девушки.

Девушку отпоили водой с лимонным соком и привели в чувства.

— Нет, эта неопределённость сведет меня с ума, — Маргарита схватила сумочку и стремглав выскочила в ближайшую аптеку, что подруги не то, что не успели остановить её, а даже сообразить что-либо.

А когда она вернулась, то спряталась ото всех, запершись в уборной, не в силах поверить в происходящее.

— Ты там как? Всё нормально? — постучала светловолосая в дверь, проходя мимо уборной.

— Кажется, не очень, — донеслось из-за двери, где Маргарита сидела на полу, вперившись взглядом в две полоски теста, — Ну, конечно... Господи, только не сейчас... Как же не вовремя... Что мне теперь делать? — девушка прижала колени к груди и опустошенным взглядом смотрела в потолок.

Выйдя, Маргарита решительным жестом отодвинула стул, села за стол и открыла ноутбук:

— Я так больше не могу — я бронирую билеты до Джайпура на ближайший рейс. У нас остался один день — мы ещё можем остановить всё это сумасшествие. Кто со мной? — девушка окинула взглядом собравшихся вокруг неё подруг.

— Ты свихнулась, что ли, глупый ребёнок? В твоём-то состоянии? — недоуменно посмотрела на неё Кали.

— Мне необходимо его увидеть. Жан имеет право знать. В конце концов, я беременная, а не больная, — вызывающе нахмурила брови Маргарита, — Хоть на несколько минут увидеть их: Джона, Джека, отца и остальных, узнать, как они там...

— Ну, уж нет, саму я тебя не отпущу, я с тобой — я обещала Джону приглядывать за тобой, — рыжая богиня встала со своего места и подошла к девушке.

— Маргарите и не придётся быть самой, — присела рядом на стул Даниэлла.

— Точно, подруга, даже не думай, что мы отпустим тебя одну, — подтвердила

Джастина, достав из духовки форму с рыбой, серые глаза девушки были полны готовности использовать свои таланты и способности для защиты дорогих ей людей.

— Нам тоже есть кого повидать в Небесном граде, — весело заметила Ева, и темно-зеленый цвет её глаз выдавал все её переживания за судьбу своего возлюбленного — Питера.

— Мы отправимся вместе, кузина, — категорично заявила Эллен — в своей манере, растягивая гласные и смазывая твердый звук "р", — заказывай билеты и на нас.

— Я тоже с вами, — тихо, но уверенно произнесла Ями.

— Девочки, мы вернулись, — Валентина привела с прогулки детей, — У вас всё в порядке?

Маргарита закашлялась, поперхнувшись, и чуть не выпустила из рук стакан с водой. Набрав побольше воздуха, она решительно встала и подошла обнять маму:

— Мамочка, прости, моё место рядом с мужем — Небесный град стал мне вторым домом, а его народ — теперь и мой народ — мой долг защитить и вас, и их. Я не прошу себе, если не попытаюсь остановить эту войну. К тому же, отныне я ответственна не только за себя, но и за ту жизнь, что теперь во мне, — девушка резко вскинула голову, — Каждое утро я просыпалась от того, что солнечный луч щекотал мою щеку, а ветер тихо шуршал белоснежными занавесками, а я каждый раз просила разрешить мне поваляться в постели ещё хоть пять минут. Помнишь, ты частенько ругала меня, что я возвращаюсь поздно домой, когда я, придя с дискотеки, пыталась незаметно прокрасться в свою комнату, когда я, вместо подготовки к экзаменам, сидела с подругами в кафе, обсуждая симпатичных парней и модно одетых посетительниц. Помнишь, в седьмом классе — я промокла, гуляя под дождём, когда разозлилась на весь мир, увидев нравившегося мне мальчика с другой, а потом слегла с воспалением лёгких? Или, как я покрылась аллергическими пятнами, переев шоколадных конфет? Помнишь, как я упрашивала тебя отпустить меня на пижамную вечеринку к подруге или на концерт любимой музыкальной группы. Такие мелочи и делают нашу жизнь по-настоящему счастливой... Мне бы очень хотелось вернуться к такой вот обычной жизни, — она с силой обняла мать, — Вы с папой всегда были рядом со мной, всегда заботились обо мне. Теперь мой черед позаботиться о вас и других людях. Я верю в этот мир, и я буду защищать его. Я верю в Жана и ребят, верю в своих подруг, верю, что ты поймешь меня. Я не могу иначе. Это с виду я такая слабая, но эта вера придаёт мне сил. У меня ещё остались дела, но я обязательно вернусь. Ради будущего нашей прекрасной Земли и живущих на ней людей, ради будущего Небесного града, ради будущего своей семьи — я не имею права сдаваться, — Маргарита положила голову на плечо матери, перейдя не шепот, — Прости свою дочь... Пойми и прости... Розы, Аделину и Алишера доверяем вашей опеке. Вместе с мадам Камиллой и мадам Сони позаботьтесь о них.

— И что ты хочешь от меня услышать?! Что я смогу оторвать от своего сердца беременную дочь и разрешу подвергать себя и ребёнка опасности? — слёзы потекли по щекам Валентины, — Как будто мой запрет остановит тебя. Ты уже всё решила, не так ли? Даже если я закрою все двери и сменю замки, это всё равно не удержит тебя. И ты не позовешь меня с собой. Ты хоть понимаешь, что перелет в твоём положении может быть рискован? Не говоря уже о том, какие опасности будут ожидать вас там, в самом центре конфликта. ты понимаешь, что я не смогу теперь спокойно спать, представляя, что вы там?

— Видимо, пока я сама не стану матерью, мне не понять тебя в полной мере, — тихим голосом подтвердила её догадку дочь, — Ваша кровь дала мне эту силу. Зачем она мне тогда? У меня только одно желание — защитить вас. Я теперь так понимаю свою ответственность перед своими будущими детьми, что должна бороться за лучшее и безопасное будущее для них, — девушка крепко-крепко её обняла, — Я не могу солгать, что мне не страшно. Я боюсь — и это нормально и естественно, но — я не смогу простить себе, если не сделаю ничего ради счастливого завтрашнего дня.

— Похоже, мне не переубедить тебя, — женщина тяжело вздохнула и присела за стол, опустив голову на ладони, — Что ж, если я не могу остановить тебя, то обещаю, что вы будете предельно осторожны, — строго потребовала Валентина.

— Обещаю, мамочка, — Маргарита присела рядом и поцеловала мать, — Просто поверь в меня, в нас.

— Мама-Маргарита, а вы правда собираетесь к папе? — Аделина дёрнула девушку за рукав.

— Правда, дорогая, — Марго погладила её по голове.

— И, вы скоро вернётесь все вместе? — взволнованно спросил Алишер.

— Обязательно, Али. Обязательно, — постаралась улыбнуться она.

По дороге Маргарита вспомнила, что хотела посетить аббатство, но из-за всех потрясений так и не успела этого сделать, от чего девушка ощутила укол стыда:

— Остановите, пожалуйста, — она попросила таксиста остановиться возле аббатства Сен-Маргарет, — Подождите минут десять — я только туда и обратно.

Мать-настоятельница тепло поприветствовала девушку, а Рита достала из сумочки чековую книжку и выписала сумму на нужды монастыря:

— Вам эти деньги нужнее.

На обратном пути среди приютских детей, игравших в саду, она увидела свою маленькую знакомую:

— Здравствуй, Мария! — улыбнулась девушка.

— Бонжур, мадам, — девочка подбежала к ней и обняла, — рада Вас видеть.

— Я тоже рада встретить тебя, милая. У тебя всё хорошо? — Марго поцеловала девочку в щеку.

— Да, всё хорошо, — Мария жизнерадостно улыбнулась, — я пришла поиграть с местными детьми. А у вас?

— Я в положении, и хотела бы, чтобы ты посмотрела будущее моего ребёнка, — обратилась с просьбой девушка.

— Срок ещё слишком мал, чтобы я могла что-то увидеть, — покачала головой маленькая цыганка, — Я смогу увидеть только через ещё пару месяцев.

— Жаль, ну, ничего, — вздохнула Маргарита, — Я обязательно ещё приду к тебе, хорошо?

— Не познакомишь нас? — их бесцеремонно прервала девочка лет десяти с длинными русыми волосами и светло-кариими, почти янтарными, глазами, одетая в белую блузу и чёрный сарафан, на ногах у неё были белые носочки и чёрные лаковые туфельки.

— Это твоя подруга, Мария? — спросила девушка, ласково глядя в сторону новенькой девочки.

— Она мне не подруга, — отрицательно замотала головой Мария, — Вы её не знаете...

— Ну, зачем ты так? — приветливо улыбнулась Маргарита, подойдя ближе к ребёнку, — Как тебя зовут, детка?

— Лаура, мадам, — малышка безвинно захлопала длинными ресничками, — Я живу с родственниками в доме в конце улицы и иногда прихожу сюда — дома одни взрослые, и мне там не с кем поиграть. Хотите, я вам погадаю? Я тоже немного предсказываю будущее.

— Я хочу защитить тех, кто мне дорог, — твёрдо ответила девушка.

— Так и будет — я это вижу. Дайте мне вашу руку, — попросила Лаура, подарив Маргарите сияющий взгляд.

— Не делайте этого, мадам! — попыталась вмешаться Мария, но, Марго уже простодушно положила свою руку на ладонь Лауры.

— Но, она всего лишь ребёнок, — снисходительно возразила девушка.

— Вы не понимаете... — маленькая цыганка испустила глубокий вздох.

Таксист просигналил, и Маргарита поспешно попрощалась с девочками.

— И не смотри на меня так — её желание исполнится, — презрительно фыркнула Лаурига.

— Только, какой ценой? — Мария продолжала обвиняюще смотреть, — Почему ты не сказала, что потребуешь с неё оплату?

— Тебя забыла спросить, — дерзко тряхнула своей роскошной шевелюрой Лаура, — У всего есть своя цена. Жизнь одного нерождённого ребёнка за жизни её близких — согласись, это ещё весьма щедро с моей стороны, — не глядя на собеседницу, она поправила свою блузку и впустила волосы, — Этот ребёнок был бы слишком силен — мне это ни к чему. Рано или поздно они покинут Небесный град и вернуться сюда. Я подожду. Я сама ими займусь. И ты, смертная, мне не помешаешь — лучше, и не пытайся встать на моём пути.

— Ты сущий дьявол, — в глазах Марии отразился явный испуг.

— Какая наглая лесть, — усмехнулась Лаура и, развернувшись, направилась назад к детям, — Всё, мне уже скучно. Я пошла играть, — на ходу она обернулась к Марии, — Ты идешь?

Простившись с аббатством, они уже с трудом могли вспомнить дальнейшие события — как доехали до аэропорта, как объявили посадку, как они весь полет до Джайпура тревожно вздрагивали во сне.

Зато потом спешили действовать, словно наверстывая упущенное — быстро и энергично, почти бегом всбежали они по ступеням древнего храма.

Кали провела рукой по орнаменту на каменной плите, но ничего не изменилось.

— Что это? — Даниэлла озадаченно оглядев подруг, словно искала у них ответа, — почему ничего не происходит?

— Не понимаю, — недоумевала рыжая — портал закрыт.

— Как это понимать? — Ева испуганно посмотрела на неё, — Это значит, что у них проблемы?

При слове "проблема" леденящий страх парализовал тело и душу.

— Не смей даже в мыслях такого допускать! — прикрикнула на неё Маргарита.

— Ну, Дхармараджа, ты всё-таки поступил по-своему? Как я не заподозрила нечто в этом роде? — тихо промолвила рыжая.

— Что значит, "по-своему"? Что ты задумал? Жан,пусти! — Маргарита не понимала, что не так, не хотела понимать, — Пусти меня! ПУСТИ! Это нечестно! Жа-а-н! Я не буду обузой. Мне хватит сил и мужества. Я всё выдержу. Я хочу быть с тобой до самого конца — какого бы то ни было. Жан, мне нужно поговорить с тобой — это очень важно! Очень важно, слышишь. Мне надо сказать тебе самое главное, — кричала девушка, неистово барабанила по плите портала, пока кровь из разбитых пальцев не окропила камни, — и в этот момент пространство вокруг начало меняться, и все поплыло в глазах, как будто она вот — вот упадет в обморок, и, словно, кипятки вылили на все тело — внутри все судорожно билось.

— Держись за руку! Глупая девчонка! — голос Кали, словно, доносившийся из далека, но, голова горела в беспощадном огне, а в глазах от боли уже сверкали искры. Слабые пальцы разжались, Маргарита закричала, и её крик потонул в темноте.

Девушка пришла в себя от того, что больно ударилась спиной о что-то твердое, а вокруг шеи она ощутила сдавливающую горло петлю.

Тем временем в зале Совета Небесного Града, как один, все собравшиеся мужчины повернули головы, когда вошли девушки во главе с величественной рыжей богиней.

— Кали? Воистину, ты умеешь поразить, — Самаэль со счастливой улыбкой на лице поцеловал её.

— Как вы здесь оказались? — поинтересовался Джек, заключив в свои объятия Даниэлла.

— Так, всё-таки, вы не ждали нас? — надула губы златовласая, притворно отстраняясь от него, — Тем не менее — мы тут. И мы — не мячики для пинг-понга, чтобы футболить нас

туда-сюда!

— Прости, я подвела тебя — не уберегла... — рыжая богиня подошла к Джону и опустила голову. — Глупая, глупая девочка...

— Что ты такое говоришь? — он встряхнул её за плечи, — Где Маргарита? Я не вижу её с вами. И как вы прошли портал?

— Я...я не знаю, где они, — с трудом произнесла Кали, — Боюсь предположить худшее — что её выбросило на Тёмные небеса.

— Что?!! — Джон отступил, пораженный её словами, — И почему, черт возьми, ты говоришь во множественном числе?

— Да потому, что она теперь не сама, и ты должен знать об этом — она ждет ребенка, твоего ребенка. Теперь ты понимаешь? — рыжая почувствовала невероятное облегчение, наконец, высказавшись.

— Повтори, что ты сказала? — только и смог вымолвить Джон, ощущая давящую боль в сердце, — И ты ей позволила?

— А ты — такой большой уже, а всё веришь в сказки, что детей находят в капусте или в то, что их приносит аист? — язвительно заметила рыжеволосая, — И что, мне надо было связать её? Надеть смирительную рубашку? Ой, вот только не надо такое лицо делать, глаза из орбит выпадут, — Кали бросила хмурый взгляд на Джона, — Знаешь, вы с этой безрассудной стоите друг друга — оба не хотите никого слушать. Она так хотела сообщить тебе о ребёнке... Сейчас же главное — вернуть её.

— Прости...Ты, несомненно, права. Чёрт возьми! Как такое могло случиться? Как? — Джон нервно ходил взад — вперёд по залу, — Думай. Джон, думай. Соображай! Господи, да о чем тут думать — действовать надо, и срочно.

— Успокойся, — подошёл к нему Самаэль, — Нельзя пороть горячку, надо всё обдумать.

— Да, как я могу быть спокоен? — Джон нервно барабанил пальцами по столу, потом подошел к брату, — Рафаэль, принимай командование, а я отправляюсь за своей женой.

— Тебе понадобится помощь, — остановил его доктор, — Говори, что нужно делать.

— Я не могу рисковать и вашими жизнями, — решительно возразил Джон.

— И меня не забудьте — моя сила исцеления может быть кстати, — настаивала Даниэлла.

— Вы меня слышите?! — повысил голос Джон, — Я сказал, что пойду один. Одному мне будет легче затеряться и разведать, там ли она.

— За нас будь спокоен — если ты не вернешься через сутки, мы, в свою очередь, предъявим им ультиматум, — высказался Самаэль, — Если не удастся погасить конфликт, мы будем готовы атаковать в любой момент.

— Кто-то должен тебя прикрывать, — упорствовал молодой хирург.

— Хорошо, ваша взяла, — неохотно уступил Джон — Вероятно, мне и в самом деле, не мешает ваша помощь. Обещайте, что ни на шаг не отойдёте от портала, ясно? Я не хочу ещё и за вас переживать. Ждете сутки и возвращаетесь назад — никакой самодеятельности! Я предельно ясно выражаюсь? — он строго посмотрел на Джека и Даниэлла.

— Так, молодёжь, смотрю снова в сборе, — Шарль и Дерек вернулись с ревизии медикаментов и оборудования на складе, — А где же моя дочь? Уже успела куда-нибудь убежать? — попытался пошутить Шарль, а они на некоторое время замолчали в замешательстве, пока искали в себе силы объяснить.

Маргарита открыла карие глаза, моргнув несколько раз для уверенности:

— Опа! Кто это тут у нас? — над ней склонилась темноволосая синеокая воительница, одетая в кожаные доспехи.

Девушку взяла оторопь:

— Господи, неужели я схожу с ума? Где я? — расширенными от страха и удивления глазами Маргарита посмотрела на неё.

— Как сюда попала? Кто тебя прислал? С какой целью? — темноволосая схватила её за волосы, — Отвечай же!

— Я не знаю! Отпустите, — девушка руками пыталась ослабить петлю на шее.

— Так ты не будешь говорить? — воительница с силой отшвырнула её.

— Я ничего не знаю. Меня не присылали, — Маргарита закашлялась от удушающе затянувшегося аркана и от попавшего в рот песка.

— Ответ неверный. Повторяю вопрос — кто ты и кто тебя прислал? Как ты попала в наш лагерь? — девица до боли сжала запястье, подняв её над землёй.

— Говорю же — я ничего не знаю, — а что ещё могла она ответить, — Меня не должно быть здесь. Это какая-то ошибка.

Чернявая, раздраженно отбросила девушку на землю:

— Продолжаешь настаивать на своём? — воительница даже не скрывала своей досады по этому поводу, — Думаю, плеть развяжет тебе язык. Надо доложить её Величеству, что мы схватили шпионку, — но, этих слов Маргарита уже не слышала.

После первого удара она попыталась не кричать и до крови закусил губы. После второго она закричала. После пятого удара девушка потеряла сознание.

— Что здесь происходит? — спросила подошедшая королева.

На ней было короткое чёрное платье, расшитое золотом, поверх которого были надеты лёгкие позолоченные доспехи, на руках и ногах — такие же позолоченные наручи и наколенники поверх высоких кожаных сапог и перчаток. Рядом с ней был высокий сероглазый молодой человек в серебряных доспехах, по плечам которого рассыпались светло-сиреневые кудри.

— Мы поймали шпионку, Ваше величество, — воительница указала на Маргариту, — Ума не приложу, откуда она тут взялась. Она ничего не сказала.

— Марико... здесь? Но, как? — юноша бросился к бесчувственному телу девушки, — Она не шпионка! Что вы с ней сделали?

— Так вот твоя княгиня, Шнайдер? Она, и правда, красивее моих амазонок, — королева схватилась ладонью за обожженную часть лица, — Ты не сказал, что её сила — сила огня. Забери её от меня, забери сейчас же! — она повернулась лицом к парню, а в глазах её был

дикий ужас, горящий языками пламени, — Забери её! Смотреть на неё нестерпимо... И чтоб она не попадалась мне на глаза.

— Да, Ваше величество. Она не причинит вам вреда — я знаю, — Ио взял Маргариту за руки, снимая с её пальца обручальное кольцо, — Тебе это больше не понадобится.

— Я же вижу, как это съедает тебя изнутри. Уж, не тешишь ли ты себя напрасными мечтами, что она явилась сюда ради тебя? Интересно, остальные Хранители знают, что она здесь? Ждать ли нам их появления? — во взгляде королевы читалась тревога и сострадание к той печали, что жила в его серых глазах, — Как она, вообще, тут оказалась?

— Это не имеет значения. Пусть приходят, я им устрою такой приём, что они очень пожалеют, — он понёс в комнату свою бесценную ношу.

— Ты слишком самоуверен, Шнайдер, — обеспокоенно произнесла Альвис, — И откуда столько силы в этом маленьком хрупком создании?

Маргарита пришла в себя от острой пекущей боли.

Парень, её ровесник — высокий худощавый, бледный, чьи серые глаза были полны тоски, но, самым впечатляющим были его длинные волнистые волосы сиреневого цвета, заплетенные в толстую косу, сейчас обрабатывал её раны:

— Ох, как печёт! Ай! — она скривила лицо от неприятного ощущения жжения в открытых ранах на спине.

— Так, сейчас немного приподнимись, я тебя перевяжу, — попросил он с неожиданно тёплой интонацией в голосе.

У него был приятный акцент, и он так забавно растягивал слова, что Маргарита невольно улыбнулась.

— Ты? — повернув голову, девушка забыла всё, что хотела сказать, она не могла поверить своим глазам — Неужели, это и в самом деле ты, Ио?

— Моё настоящее имя Марк, миледи, — поклонился юноша.

— Как ты здесь оказался? И где мы вообще? Что это за место? — спросила она пока он помогал ей подняться и сесть.

— Вы при Тёмном дворе, моя леди, — объяснил Ио.

— Мои друзья щедро вознаградят тебя за моё спасение — только помоги мне вернуться, — попросила девушка, глядя на его непроницаемое лицо, — Жан, наверное, уже весь извёлся... Зачем тебе эта война? Что тебе в ней?

— А кто у нас Жан? — ледяным тоном спросил парень.

— Он у нас муж, — улыбнулась Маргарита, — Ой, Кольцо! Где моё обручальное кольцо? — спохватилась она, посмотрев на свои руки

— Не знаю, — ровно заметил он, в отличии от Маргариты, сохраняя удивительное спокойствие, — Выпьешь чего-нибудь? Может, фруктов? Конфет?

— Спасибо, но я не голодна, — Маргарита отрицательно покачала головой.

— Тебе силы восполнять надо, — он протянул ей тарелку с печеньем, и девушка, нехотя, взяла одно, — а я тебе на флейте сыграю.

И сыграл, да такую дивную мелодию, что Маргарита заворуженно слушала, как под гипнозом. От этой музыки разрывалось сердце, хотелось плакать и смеяться одновременно.

— Это было великолепно! — прошептала она, потрясенная его дарованием.

— Тебе, правда, понравилось? — скромно потупил взор парень.

— А то как же, — улыбнулась девушка, — Ты играл так вдохновенно. Сам сочинил?

— Нет, это — Рахманинов, "Вокализ". А ведь, знаешь, ты — моя муза! — юноша наклонился к самому её лицу и поцеловал, едва не задохнувшись от затопившей боли.

Как же давно он хотел сделать это. Хотел её. Хотел почувствовать тепло и трепет её тела в своих руках, уловить биение её сердца, стать её тенью, её дыханием, услышать своё имя из её уст, увидеть страсть в её глазах. И это был поцелуй легкий, почти невесомый — как дуновение свежего ветра, как касание тончайших крыльев бабочки — он боялся, что всё происходящее является лишь мучительным сном, грозящим исчезнуть от любого неосторожного движения.

Огорошенная девушка отскочила от него, как ошпаренная:

— Не поняла... Что это было? — она часто-часто хлопала глазами, стараясь прогнать это наваждение.

— Я люблю тебя! Слышишь?!!! Только скажи, одно твоё слово — и я весь мир брошу к твоим ногам! Марико, неужели ты не узнаешь меня? — он схватил её за руку, — Господи, я всё-таки сказал это.... Ты хотела знать, зачем мне эта война — да незачем. На самом деле. Мне плевать на всех, кроме тебя. Пусть разбираются сами — мне нужна только ты. Пусть Альвис удовлетворит свою жажду мести, пощекотав нервы князю.

— Князь скончался, вы можете прекратить эту нелепую войну, — приглушенно ответила девушка, — Юто... — она провела рукой по его щеке, и в памяти всплыли времена, когда они были наемниками — ниндзя в феодальной Японии, его, искаженное бессильной яростью, и растерянное лицо, когда она вышла к нему в разорванном кимоно, нож, торчащий из её груди, яркая сверкающая маленькая молния сюрюкена, вонзившегося в горло соперницы, обжигающая боль и абсолютная чернота, — Если ты считаешь, что я предала тебя, то я искренне прошу прощения. Мне очень жаль, но я — это не она. Сейчас я живу другой жизнью и люблю другого. Если я действительно не безразлична тебе, то отпусти меня, пожалуйста... Останови эту войну... — её горящий взгляд мог бы расшевелить и статую, но ни один мускул не дрогнул на его лице:

— Вот этого я не могу сделать... — юноша отвернулся, — Уже слишком поздно. Я помню всё, помню, словно, это было вчера. И что мне делать с этой памятью? Я силился забыть. Правда, очень старался.

В сердце разгоралась с новой силой уже почти тлеющая надежда, что удалось затронуть самые глубокие струны дорогой для него души, и вместе с вернувшимися воспоминаниями возродятся и её чувства к нему.

— Бедный мальчик, — подавленно прошептала Маргарита.

Ио резко подскочил:

— Так вот, что ты обо мне думаешь? Я для тебя всего лишь мальчишка, достойный только жалости! — ярость, горечь и обида переполняли его.

— Да что ты такое говоришь?! Ну, почему именно я? — Маргарита попыталась отстраниться от него, — Я замужем и люблю своего мужа. Зачем я тебе?

— Я люблю тебя... — повторил он, снова взяв её руку.

— Нет, это просто сумасшествие какое-то. Не надо... — девушка убрала свою руку и с трудом поднялась с дивана, — Ты ещё не научился различать "люблю" и "хочу".

— А ты любишь?! Любишь своего мужа? — с горечью в голосе бросил он, — Чем он лучше меня? И что же в нём есть такое, чего нет у меня — ответь мне?!

— Да, я люблю! И знаешь почему? — она развернулась лицом к парню, — Он ценит не только моё тело, но и мою душу! Он для меня и друг, и советчик, и защитник, и любовник — я с ним чувствую себя спокойно и уверенно! Я не могу солгать ему даже в мелочи и не могу жить без него. А тебе знакомо хоть что-нибудь из этого? Любовь — это не то, что берешь силой, а то, что отдаешь добровольно, не требуя ничего в замен, — от сильных эмоций у девушки закружилась голова, и её чуть не стошнило.

— Не может быть... — парня поразила догадка, от чего его, и без того бледное, лицо стало ещё блее, он хотел было ещё что-то сказать, но подавился словами.

А и правда, что он знает о любви? Он, не знавший ни отца, который, отказался от него, ни матери, которая умерла от послеродового кровотечения, который провел семь лет в нищем детдоме на окраине Львова, пока не открыл в себе необычные способности и не стал изгоем, а потом не сбежал, вот уже десять долгих лет скитаясь по свету. Он даже взял себе другое имя, чтобы забыть, но так и не смог. Что может знать о любви он, которого никто никогда не любил? Только мысли о ней давали ему сил жить дальше.

— Выпей, пожалуйста, и успокойся, — он подал ей стакан воды, — И давно тебя тошнит? Со мной ты в безопасности. Я позабочусь о тебе и о ребёнке. Скажу, что это мой ребёнок — тебя не тронут.

— Но, это не так, — в отчаянии она опустила голову на колени.

Ио схватил девушку за руку и потащил к окну:

— Хорошо! Полюбуйся на своего героя — хотел вернуть тебя! — выкрикнул он.

То, что увидела Маргарита, вызвало у неё приступ удушья, и девушка чуть не потеряла сознание, она хотела закричать, но получился лишь сиплый вой.

Парень быстро отвёл её от окна.

Зрелище действительно было не для слабонервных: Джон весь избитый, с окровавленной повязкой на глазах, был распят на площади Тёмного двора. То, что когда-то было одеждой, теперь свисало на нём грязными лохмотьями.

Она села на диван и обхватила голову руками:

— Нет-нет-нет-нет! Как же так... Этого не может быть. Я не верю... Это не может быть правдой. Это только сон, тяжкий бред, страшный сон. Я сейчас проснусь, и всё будет хорошо, — прошептала она, отчаянно замотав головой, — Проснуться! Проснуться! Я хочу проснуться!

Юноша приобнял Маргариту за плечи:

— Мне очень жаль, но, ему уже не поможешь. Он уже покойник. Но, мы-то с тобой ещё живы.

— Вот насчёт себя я не уверена... — безжизненно произнесла Маргарита, слёз уже не

было. И глаза, и всё внутри изъедал безжалостный огонь — и всё адово пламя не в состоянии будет высушить её слёзы, которым уже нет сил пролиться, от чего только невыносимее эта боль. Нечем плакать — как жаль, — Это моя вина. Всё из-за меня. Как мне теперь с этим жить? Ио, прошу тебя,пусти меня к нему! — всё тело её сотрясал озноб.

— Не могу, — глухо ответил он.

— Пожалуйста, я хочу с ним попрощаться! — девушка бросилась к двери.

— Я же сказал — нет! — он резко остановил её и сел на кровать рядом с ней, взяв её за руку:

— Ты сильная, ты должна жить. Я позабочусь о тебе и помогу забыть весь этот кошмар, только доверься мне, — он привлёк её к себе.

Она вскочила и, вырвавшись из его рук, схватила со столика нож для фруктов:

— Ты ведь мог спасти его, но, ты и не подумал даже, чтобы помочь? Не подходи ко мне! Ещё один шаг — и лезвие войдёт в моё тело по самую рукоятку! Я не шучу!

Парень умело схватил руку девушки и сжал её с такой силой, что чуть не сломал пальцы — кисть разжалась, и нож упал на пол:

— Не глупи! Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Знаешь, у меня тоже есть гордость. Я уйду, если так тебе противен. Я могу получить твоё тело, когда захочу, но не это мне нужно... Никогда не опускаюсь до насилия, даже если ты обо мне иного мнения... Я не трону тебя, пока сама не позовешь меня, клянусь тебе в том. Как и клянусь, что когда-нибудь ты сама придёшь ко мне. Однажды ты примешь мою любовь!

— Тогда, тебе придется ждать вечно! Да о какой любви ты говоришь?! — Маргарита посмотрела на него с открытым ужасом и отвращением — насколько он был красив внешне, настолько же он был безобразен духовно, её бил внутренний мандраж, — Самовлюблённый эгоист! Именно — эгоистичный мальчишка. Ты не способен любить никого, кроме себя. У тебя нет сердца. Да, просто капризный ребёнок, привыкший получать любую игрушку, какую захочет, лишь для того, чтобы поломать её, — она с укором посмотрела в его серые глаза стального оттенка, — Но, ты зашёл слишком далеко. Людские жизни и судьбы — не игрушка! Остановись!

Тут Ио сорвался, ему хотелось растерзать её, смять, сломить, уничтожить, наконец, покончить со всем раз и навсегда, сомкнув пальцы на её нежной шее:

— Кто дал тебе право так со мной разговаривать?! — он хлестанул девушку по лицу, и это было настолько неожиданно, что она не удержалась и упала на пол, — А меня кто-нибудь любил? А мне кто-нибудь когда-нибудь помогал? Меня ни кто не учил помогать. Знаешь, как часто мне твердили: "Ио, у тебя нет сердца!", иногда я даже специально ночью прислушиваюсь — бьётся ли оно...

— Сейчас я в твоей власти — или делай, что хочешь, или просто уйди, — еле слышно

обронила она, — Если считаешь, что в праве мстить — мсти мне одной, другие не имеют вины перед тобой.

Ио вышел, хлопнув дверью.

Девушка, обессилев, села на колени:

— Будь ты проклят! Тысячу раз проклят! Бог тебя накажет, даже, если я прощу...

— Сожалею, Марго, но ты опоздала... Я уже проклят — с того самого момента, как увидел тебя, — он сел, уперев голову в ладони, подпирая дверь с другой стороны.

Внезапно из комнаты послышался крик. Парень, выбив дверь, вбежал в комнату и увидел Маргариту, лежавшую, скорчившись, на перепачканных кровью простынях, руками она прикрывала живот.

— Помогите, пожалуйста... — беззвучно, одними губами, прошептала девушка.

Пошатнувшись, он оперся о дверной косяк — боль пронзила его всего, словно, ему самому вспороли живот и вывернули внутренности наружу. Должно быть, так же и его мать умирала, истекая кровью после родов. А теперь таким же образом уходит ещё один дорогой ему человек:

— Врача! Немедленно! — заорал Ио.

Всё время, пока врач был с Маргаритой, парень сидел на полу возле дверей её комнаты:

— Господи, я не знаю ни одной молитвы, да и, вряд ли, хоть чего-нибудь стоят молитвы такого, как я, только прощу, не отнимай её у меня. Если хочешь наказать за мои прегрешения, то наказывай меня одного, она ни в чём не виновата, — повторял он всё время.

Через некоторое время вышел врач — у него у самого лицо было белее стены:

— Мой господин, мы сделали всё возможное, но... Это был выкидыш.

— Что с женщиной? — Ио почти вдавил мужчину в стену, чуть не выбив из рук таз с остатками теплой воды и обрывками окровавленных покрывал, требовательно глядя ему в глаза.

— Ей нужен покой и уход, — еле выдавил тот.

— Пошел прочь! — парень резко оттолкнул мужчину.

Девушка молчала, в полном ступоре, пустым взглядом смотря в потолок, лишь на щеках блестели мокрые дорожки слёз — она потеряла всё — мужа, ребёнка, свободу. Внутри — абсолютная пустота. Она не понимала как и зачем ей жить дальше. Он посмотрел на неё и ужаснулся — в этой измученной и измождённой молодой женщине не узнать было красавицу Маргариту, и он тоже был причастен ко всему, что ей довелось пережить. Марго добрая — когда-нибудь она сможет его простить, если выживет — нет, Ио старался отогнать от себя мрачные мысли — конечно же, она выживет, вот только сможет ли он сам себя теперь простить — вот в чём вопрос. Ему хотелось поддержать её, но он не знал как. Если бы он мог взять на себя часть её боли и уменьшить страдания. Прошло уже несколько часов, а Маргарита оставалась всё такой же безучастной. Она была слишком слаба даже для того, чтобы принять пищу, что сейчас ей было необходимо. Тогда у Ио не осталось другого выхода, как заставить её выпить хотя бы воды методом "рот в рот".

Внезапно, она сжала его руку и тихо произнесла:

— Я сбегу отсюда, даже если ты мне не поможешь. Я вернусь к своим и продолжу сражаться — вот так и поступлю. Теперь я просто не могу поступить иначе. Нужно остановить эту ужасную войну — и так уже слишком много жертв. Я не хочу, чтобы кто-то ещё пострадал.

— Не думай сейчас ни о чём. Я принесу тебе ещё воды, — он взял со стола пустой стакан и вышел из комнаты.

Когда же он вернулся, то обнаружил, что на кровати девушки нет, лишь ветер через открытое окно развеивал лёгкие занавески.

— Не меня ли ты ищешь? — Ио повернулся и, когда рассеялся чёрный туман, замер, шокированный увиденным: перед ним стояла и Маргарита, и не Маргарита в то же время — на ней был чёрный обтягивающий комбинезон, высокие чёрные сапоги, выше колена, чёрные атласные перчатки выше локтя, на руку намотана плеть, а на лице — чёрная кружевная маска, под которой был виден яркий макияж, — Здесь нашлась только эта одежда... Тебе не нравится? А мне, вот — очень даже, — все её движения были пугающе бесстрастными, и сам взгляд её стал очерствевшим, жестким и холодным, и речь — сухой и резкой, с металлическими нотками, даже линия поджатых губ была какой-то бездушной.

От вида такой Маргариты становилось бесконечно страшно, и мороз пробирал по коже. Он вспомнил предупреждение Альвис — девушка не выдержала потрясения, и всё, что в ней его так восхищало, всё, что он в ней любил, было поглощено тьмой — он сам своими руками взрастил Чёрную Розу и своими же руками он уничтожил всё то светлое, что было в Маргарите.

— Что с тобой? — в глазах её была теперь чёрная бездна, — Ты на себя не похожа. Как

бы глубоко ты не спрятала свою боль, то это ещё не означает, что она исчезнет.

— Со мной всё просто замечательно, — безразлично произнесла она, глядя мимо него, и отвернулась, — Чем опять не доволен?

— Знай же, — он развернул её лицом к себе, — я виноват перед тобой, бесконечно виноват. Джон жив — это была иллюзия, я обманул тебя. Его тут не было, я, правда не знаю, где он.

— Хватит уже издеваться надо мной! — на своей щеке он почувствовал жар пощечины, — И, какому из твоих лживых слов я должна теперь верить? Руки... свои убрал от меня! — ударила она рукоятью кнута по его руке, — Пошел вон, пока я окончательно не разозлилась!

Между тем, у дальних ворот замка Темных небес, временно обезвредив пережатием сонной артерии двоих караульных, Джон и молодой хирург переоделись в их форму.

Решено было, что Джек с Даниэлкой останутся сторожить этот вход до возвращения Джона, но, при малейшей опасности — возвращаются назад через портал в лесу, что разросся вокруг.

По невероятной удаче, Джону удалось незамеченным пробраться подсобными помещениями до главного здания замкового комплекса, но нигде не было и следов Маргариты.

Возле бассейна, где он не ожидал кого-либо встретить, стояла высокая фигура.

Ио медленно повернул голову, и их взгляды встретились:

— Я все гадав, коли ж на тебе чекати... (А я всё прикидывал — когда же тебя ждать... Укр.) — растянул он губы лютым оскалом, — Але, вже запізно (Но уже слишком поздно. Укр.).

— Не может быть, чтобы я так рисковал и всё напрасно. Ты знаешь, где она? — глаза Джона молили о помощи — Ио и бровью не повёл. Но, каких невероятных усилий это стоило, знал только он сам:

— К сожалению, ничем не могу помочь. Хотя, нет, я вру — я ни о чем не сожалею. Думаешь, я не знаю, зачем ты здесь?! Жаль, что ОНА не узнает о твоих подвигах, — всё то, что он так долго копил в себе, вырвалось, вдруг, наружу, захлестывая разум всей стихийной

яростью и нестерпимой горечью боли, и он тонул, задыхаясь в нахлынувшем страдании, — Для тебя её больше нет. Где ты был, когда она умирала на моих руках? Где ты был, когда наемники калечили её тело и её душу? Тебя не было. Рядом с ней был я. У тебя было всё — дом, семья, а у меня — только она. Ты просто вор, ты украд её у меня. Своей кровью ты омоешь её поцелуи и объятия.

— Да что ты говоришь? А где ты был, когда на её глазах погиб тот, кто был её первой любовью? Когда она лежала, прикованная к постели? Когда её мучили кошмары? Когда нам нужна была помощь там, в парижских катакомбах? Когда на площади Небесного града пламя окутывало её? — Джон схватил парня за горло, придавив спиной к стене, — Не ты мне будешь рассказывать! Ты и пальцем не коснешься её — только через мой труп!

— О! Отличная идея — именно это я и собираюсь сделать, — за дверью послышались шаги стражников, и грубым движением юноша толкнул своего недавнего собеседника в бассейн с водой, пнув подальше его оружие. В этот момент открылась дверь, и на пороге появился капитан ночного караула:

— Мой господин, с вами всё в порядке?! Мы слышали шум.

— Я в полном порядке! Не видишь, тут ни кого нет — только я один, — Ио опустил голову в воду и, найдя губы Джона, передал ему спасительную дозу кислорода — и надо сказать, как раз вовремя — ещё чуть-чуть и тот обнаружил бы себя, что не сулило ничего хорошего для обоих.

Демонстративно вытерев чёлку полотенцем, Ио скорчил рожицу оскорблённой невинности:

— Капитан, если это всё, то, смею надеяться, что вы оставите меня в покое?
Капитан отсалютовал и вышел.

Ио помог Джону выбраться из бассейна и подал ему полотенце:

— Возвращайся домой, пока я тебя отпускаю.

— Надо же, он делает мне одолжение! — в гневе закричал Джон, — Без неё я не уйду! — он схватил парня за ворот рубашки:

— Не шути со мной, мальчик. И, без фокусов. Не смей мне лгать. Говори же, заклинаю. Где она? Ради этого ты готов развязать войну? Нет, ты просто больной!

Не дав даже опомниться, Шнайдер схватил Джона за волосы и со всей силы швырнул на пол. Ударившись о бортик бассейна, Джон на мгновение потерял сознание — по лицу стекала струйка крови.

— Знай своё место! — вырвалось у него, — Ни кто не смеет мне указывать!

С таким же наслаждением Ио бил его по животу, по бокам, по спине:

— Я не собираюсь падать перед тобой ниц и на коленях умолять отказаться от неё. Я лишь забираю то, что моё.

— А я так не думаю, — Джон свёл брови в неистовой попытке подняться, — Маргарита не твоя вещь, чтобы ты распоряжался ею. Предоставь ей самой решать, кому она готова отдать своё сердце и свою душу, я же приму любой её выбор. Пусть Маргарита сама мне скажет в лицо, что предпочитает тебя, а, до тех пор ты — мне не соперник, — схватив парня за стопу, он резко потянул на себя, не удержавшись, юноша растянулся во весь свой немаленький рост рядом на полу.

Вставая, Джон сплюнул кровь и попытался дотянуться до меча, Шнайдер тем временем успел перекатиться и, вскочив на ноги, тоже достал оружие:

— Ты так уверен, что готов поставить на это свою жизнь? — мечи со звоном скрестились.

— Я не просто уверен — я знаю. Неужели в тебе не осталось ничего от мужчины, что ты готов взять женщину против её воли? И, только попробуй ей что-нибудь сделать, Шнайдер, я тебя из-под земли достану. Слышишь?! — и ни кто из них не желал уступать, оба были равны в мастерстве.

Ио мило улыбнулся:

— Ух! Как я испугался. Как мне страшно. Если бы ты знал, с каким удовольствием вот этими пальцами раздавил бы я твоё сердце. Ты будешь молить о смерти, как о величайшем благе. В любви, и на войне все средства хороши — так, ведь, говорят? Я люблю ЕЁ, и ты ничего не сможешь с этим сделать, — пот и кровь застилали глаза, они уже не видели куда целились — по корпусу, по плечам, по голням...Клинки с жадностью пили кровь. Секущие удары сыпались с чудовищной силой и молниеносной скоростью. Глаза обоих горели одинаковым пламенем, одной страстью.

На звуки сражения прибежала стража.

Сбив с ног одного стражника, и обезоружив второго, Джон стремительно вылетел за дверь.

— Если хочешь, то можешь поискать её — желаю удачи, — Ио вытер кровь с рассеченной переносицы, — Только её тут нет. Она мертва, и это я убил её — ты это хотел услышать?! Она больше не твоя, и не моя. Её больше нет. Ласкаво просимо до мого пекла, князю! (Добро пожаловать в мой ад, князь! Укр.)

Наспех перевязав наиболее серьёзные раны обрывками собственной одежды, Джон свернул в боковой коридор, спасаясь от преследовавших его стражников. Его шатало из стороны в сторону, оставляя кровавые следы на стенах, а глазами он уже с трудом различал что-либо перед собой. Стражники неумолимо приближались. Тыльной стороной ладони он на последнем усилии постучал в первую попавшуюся спасительную дверь.

Сквозь шум борьбы и крики стражников, Маргарита услышала, что кто-то отчаянно стучит в дверь её комнаты. Открыв её, она обомлела:

— Нашел... — прошептал он разбитыми устами.

Его глаза, которые она сумела рассмотреть на выпачканном грязью и кровью лице, пронзили её в самое сердце. Тёплый взгляд родных глаз разбудил похороненные в дальних уголках памяти воспоминания, но, это длилось какое-то мгновение, и Маргарита не дала этим чувствам овладеть собою. А он всё смотрел на неё и смотрел — и не мог насмотреться.

У него не осталось больше сил. Обхватив её шею, он повис на ней, склонив голову ей на плечо. Больше он сказать уже ничего не смог. Взор его затуманился, голова бессильно запрокинулась назад, руки разжались — и он упал на пол у её ног.

С огромным трудом она перенесла безвольное тело раненого на кровать. В этот момент в двери вломилась стража:

— Госпожа, мы ищем беглого лазутчика. Следы его крови привели нас сюда.

— Его вы ищите? — девушка показала в сторону кровати, — Вам известно, кто он? В чём его вина?

— Нет, госпожа. Нам только велено доставить его, — доложил караульный.

— На этом всё — можете убираться. Он умрёт на моих руках, — слова вырвались сами, а голова запылала огнём. Когда-то она уже говорила их. Когда-то...

— Но, у нас приказ! — капитан караула сделал шаг вперёд.

— И, что? Вы поднимите руку на госпожу, чтобы добить раненого? Рискнёте? — холодно ухмыльнулась она, грозно сверкнув глазами.

— Но, приказ... — попытался возразить стражник.

— Вон отсюда, я сказала! — кнут Маргариты засвистел над самыми головами оторопевших охранников, которые разумно предпочли ретироваться пока, собственно, сами не распрощались со своими головами.

Снова отрывки снов... Болезненные воспоминания... Она села на пол, сжав голову руками — эти воспоминания приносили ей нестерпимую боль... Когда-то это уже было. Когда — то давно... Вот так же она не позволила, чтобы на её глазах добили умирающего.

Кто она? Что было в прошлом?

Кто этот парень? Почему она не дала его убить? Она была почти уверена, что минуту назад была другим человеком, что тогда говорила ОНА, другая она...

Неужели прошлое никогда не оставит её в покое?

Или она сходит с ума, и это — плод воспалённого воображения?

Её размышления прервал стон раненого. Маргарита принесла таз с водой и побольше чистой материи.

И вот, когда раны были промыты и перевязаны, несмотря на отчаянное сопротивление, заканчивавшееся потерей сознания "пациента" от каждого прикосновения, Джон открыл глаза:

— Марго... Слава Богу, я нашел тебя. Всё-таки, судьба благосклонна ко мне, — он слабо улыбнулся дрожащими губами.

— Как самочувствие? — спросила она, пытаясь соорудить некоторое подобие улыбки.

— Марго, это и в самом деле ты? — он всё ещё не мог поверить в то, что видел её.

— Кто ты? Разве я тебя знаю? — Маргарита напряженно свела брови, пытаясь вспомнить его.

— Не понял... Неужели галлюцинация? — он протянул руку, проведя ею по щеке девушки, — Марго, ты не рада видеть меня? И не поцелуешь? — он нарочито подкатил глаза, стараясь скрыть волнение за словами, — О, женщины, непостоянство — имя вам.

— Да что ты себе позволяешь? — она залепила ему пощечину, — Я больше не намерена выслушивать этот бред больного!

— Но, всё-таки, ты это или не ты? — он неотрывно изучал её взглядом.

— Что за нелепый вопрос — я это или не я? Я — это я! — ей было неловко от этого его взгляда, он резал — глубоко и больно, — Не смотри на меня так, псих! И не смей так фамильярничать со мной! — девушка демонстративно развернулась, и направилась было к окну, — Да позовите же врача, наконец! — изо всех сил закричала она охранникам у двери.

— Слушаюсь, госпожа! — пролепетал перепуганный страж и поторопился поскорее удалиться.

— Только не ты, Маргарита. Что ты делаешь? — он ухватил её за запястье, — Я не смогу поднять руку на тебя, — Джон попытался обнять девушку за плечи, — И в объятиях твоих я умереть обречён, — продекламировал он.

— Заткнись! — резко оттолкнула его Маргарита, — Иначе я не посмотрю на твоё состояние и так хорошо врежу, что мало не покажется! Стража!

Не найдя лучшего способа заставить девушку замолчать, Джон закрыл ей рот поцелуем. Сначала она хотела сопротивляться, но потом её руки сами вспорхнули вверх и обвинили его шею. Нахлынул вал отрывчастых, болезненных воспоминаний, сердце, казалось, пронзили раскаленной иглой, по нервам и сосудам потекла расплавленная лава, а слёзы сами готовы были политься из глаз, и крик застрял в горле, но, он неосмотрительно прикоснулся к её спине, где болели ещё не зажившие шрамы. Через мгновение Чёрная Роза уже контролировала ситуацию — она резко отстранилась от него, переводя дыхание.

— Ты... — она не находила слов, — Да кто ты такой?! Что ты делаешь со мной? Почему? — растерянно пробормотала она.

— Маргарита, вспомни, кто я, кто мы. Постарайся. Ведь ты не забыла — ты же всё помнишь. Помнишь. Мы это уже пережили один раз — любовь нельзя забыть. Ты меня совсем не узнаёшь? Скажи мне — ты уже его жена или ещё любовница? И это при живом — то муже! — он старался в этих глазах разглядеть причину такого её пугающего состояния, — Твои глаза не солгут — ты во власти чар. Марго, посмотри на меня — я хочу видеть твои глаза! Я пока ещё жив! Против кого ты сражаешься? Ты это делаешь не по своей воле. Почему ты не послушала меня и не осталась в безопасности? Что он с тобой сделал? Я убью его! — парень попытался встать, но потерял сознание от болевого шока.

Тем временем, напрасно ожидающим Джона, Джеку с Даниэлкой надоело бездействовать:

— Я замёрзла, — поёжилась девушка, глядя на тёмные очертания высоких шпилей на фоне серого вечернего неба, и молодой хирург накинул ей на плечи свой плащ, — Скажи, чего же мы ждём? — нетерпеливо спросила она, — Его нет уже слишком долго.

— Мне это всё тоже не по душе, но нам остаётся пока что только ожидать.

Их разговор был прерван заметным оживлением в лагере врага, которое они могли наблюдать из своего укрытия.

— Что они кричат? Я не могу разобрать, — девушка пыталась вслушаться в речь, отдалённые звуки которой до них доносились.

— Кажется, они засекли кого-то, кто пробрался в замок, — пояснил Джек, — Чёрт, похоже, Джон крупно вляпался.

— Что нам делать? — испуганно посмотрела на него Даниэлла.

— Мы тоже попытаемся проникнуть туда — на мне форма охранника, а ты надвинь подальше на лицо капюшон и помалкивай. Если что — будешь простушку-крестьянку, с которой я, типа, решил поразвлечься.

— Ну, и мысли у вас, доктор, — игриво поморщилась девушка, — Ладно, наглость, как говорится, второе счастье — найдём Джона, а там уже по ситуации сообразим.

Переполох, вызванный присутствием Джона, позволил Джеку и Даниэлле, не выдав себя, проникнуть в замок.

А потом они увидели, что их друг, раненый, ввалился в одну из комнат, а через некоторое время туда уже ломился отряд стражников. Потом раздались крики, и стражники покинули комнату. Этот голос показался на удивление знакомым — он принадлежал Маргарите. Когда же, следом вылетели ещё двое в униформе, то Джек и Даниэлла не замедлили этим воспользоваться, и, на входе так и замерли в изумлении:

— Марго?! — одновременно воскликнули они.

— Вы, чего, с ума все посходили сегодня?! — девушка яростно развернулась на каблуках и отошла в другой конец комнаты, — Кто из вас врач? — бросила она, не оборачиваясь.

— Я врач, а это — моя ассистентка, — не растерялся с ответом молодой хирург, указывая на стоящую рядом Даниэллу.

— Припадочный там, на кровати. Делайте своё дело и убирайтесь! — девушка сделала неопределённый жест, всё ещё стоя у окна.

— И у тебя ещё хватает наглости приказывать? И делает вид, что не узнаёт! — возмущенно поднял брови Джек.

Дэни подошла и взяла Маргариту за руку:

— Ты, что, серьёзно, нас не помнишь?

Маргарита одёрнула руку:

— Не трогай меня! С какой это радости я обязана помнить вас? Я вас первый раз вижу! И кто такая, чёрт возьми, эта Маргарита?

— Ты только посмотри, что они с Джоном сделали! — выругался Джек, изучая состояние товарища.

Даниэлла кинулась к кровати:

— Как ты не понимаешь — ты же моя подруга, почти сестра, — она уже не знала, какие подобрать слова, чтобы достучаться до неё.

— Что-то не припомню, чтобы у меня была подруга: смазливая блондинка. У меня вообще нет подруг! — последовал грубый ответ.

— Позволь помочь тебе, — голубые глаза Даниэллы терзали Маргарите душу, —

Вспомни тех, кто любит тебя. Кого любишь ты.

— Жан... Дэни... Джек... Нет!!! — девушка опять схватилась за голову — Не смей так смотреть на меня! Как больно! Ты ответишь за это! Ты почувствуешь боль, сильнейшую во сто крат! — новая волна вызывающих страдание отголосков памяти, ещё более сильная, чем предыдущая, накрыла её:

— Чёрт бы вас всех забрал! Прекратите! Я не могу больше! Больно! — закричала она.

— Так, значит, ты помнишь? — пристально посмотрела на неё Даниэлла.

— Да кто ты такая? Зачем мучаешь меня? — девушка вся сжалась в комок под тяжестью осколков прошлого, вдавив лоб в колени, — Я вас даже не знаю! Что я вам сделала?

— Мэгги, всё в порядке, — Дэни, подошла, положив руку подруге на плечо, — Всё будет хорошо. Тут твои друзья.

— Ни черта не хорошо! — снова выругалась Маргарита поднимаясь, — У меня нет друзей!

— ???

— НЕТ!!! ОПЯТЬ!!! Это всё вы! — глаза девушки бешено горели, — Ты причиняешь мне боль! Чёрная Роза не прощает этого! Ты умрёшь!

— ???

— Кто ты, и что ты сделала с моей сестрой? Слушай сюда, малявка, — Джек развернул её лицом к себе, — я не позволю тебе надеть глупостей! Ты же сражаешься против своих друзей. Как ты можешь? Я не позволю тебе погубить свою душу.

— Пошёл ты! — Маргарита пустила мощный заряд энергии, который отбросил Джека в другой конец комнаты.

— Джек! — вне себя от ужаса и негодования закричала блондинка, — Чёрт тебя заberi, дрянная девчонка!

— Ага! Задела я тебя? — на лице Маргариты появилась жесткая ухмылка, — Но, это ещё не всё — это только начало! Но, теперь всё будет по-честному!

— ???

— Ты, никак, трусила? — девушка подошла ближе к белокурой, — Неужели, я — такой опасный противник?

— Маргарита, остановись. Можно обмануть разум и чувства, но не кровь — в тебе течет кровь Хранителя, отрицающего и побеждающего тьму, — Джон попытался схватить её за ногу, но она лишь оттолкнула его.

— Марго, сейчас говоришь не ты. Посмотри на меня хорошенько, — Даниэлла сделала шаг вперёд, убрав выбившиеся волосы за уши, — Неужели ты не узнаёшь меня? Неужели это та девушка с чистым сердцем, чьи любовь и доброта не знают границ? Маленькая Маргарита с огромным сердцем, способная удержать на ладонке весь мир, если потребуется. Что же случилось с тобой?

— Выходит... меня обманули... Нет! Нет!!! — Маргарита одной рукой оперлась за стену, другой снова схватившись за голову, — Мне страшно. Почему все оставили меня?... Мама, дай мне руку. Пойдём домой...

— Не бойся, малышка — никто тебя не оставил, — блондинка протянула руку, — твои друзья с тобой!

— Врёшь!!! — Маргарита со всей силы отшвырнула её, — У меня нет друзей!

— Трудно обмануть саму себя, — Даниэлла медленно поднялась на ноги, — В глубине души ты же знаешь, что это неправда.

— Мне это всё уже надоело! — в истерике вскричала Маргарита, и через секунду её кнут змеей обвился вокруг шеи златовласой.

Раз — взмах кинжала разрезал кнут, два — пережат, и Даниэлла была уже на безопасном расстоянии:

— Ничего себе — "крепкие дружеские объятия", — саркастически заметила Дэни, ощупывая шею, — Чёрт! Это всё, на что ты способна?

Маргарита опять послала энергетическую ауру, но блондинка поставила блок.

— Ну всё, красавица, ты меня достала! — чтобы пробить энергетический щит, Маргарите понадобилось собрать всю свою энергию.

Огромное количество нестабильной энергии взорвалось, раскидав воительниц в разные стороны.

Даниэлла, которую недавние слова Джона натолкнули на одну идею, из последних сил схватила подругу за руку и второй рукой нащупала на полу свой кинжал. В это время Джон держал её другую руку.

Она порезала свою руку и руку Маргариты:

— Твоя кровь, моя кровь — наша кровь, — серебристый свет окутал Даниэллу, — Маргарита де Валуа, возвращаю тебе твою память. Стань прежней. Быстрее же! — она протянула Джону кинжал, и он повторил ритуал — словно разряд электрического тока прошел по телу девушки:

— НЕ-Е-ЕТ! — истошно закричала Маргарита, лишаясь чувств.

— DANY! — придя в себя, Джек стал свидетелем этого страшного действия.

— Что со мной? Где мы? Голова болит, — девушка лежала на полу, белки глаз были красными от полопавшихся сосудов, губы пересохшие, из носа текла кровь...

— Мэгги, ты снова с нами. Это хорошо. Очень хорошо... — простонала Даниэлла, теряя сознание.

Маргарита бросилась к подруге:

— Данечка, скажи хоть слово! Кто тебя так? Неужели, это была я?

— Нет, малышка, не надо, — покачала головой златовласая, — Это уже не имеет значения.

— Что значит не имеет значения! — возмутился Джек, беря на руки Даниэллу:

— Моя подруга была мёртвой, а теперь она воскресла — не это ли повод для радости! — счастливо улыбнулась она, и девушка с радостью обняла подругу.

— Марго... — послышался слабый стон Джона.

— О, Боже! Ты же... Я своими глазами видела... Жан, миленький, не умирай! Я не дам тебе умереть. Я не хочу потерять тебя снова, — она села рядом с ним, положив его голову себе на колени, и прижала его ладонь к своей щеке. Она плакала. Вместе с памятью вернулась боль от осознания того, что с ней произошло. Как она теперь сможет смотреть в глаза мужу, родителям? Как сказать, что не смогла сохранить ребёнка? Как заполнить эту жуткую пустоту внутри?

— Не надо... Слухи о моей кончине несколько преувеличены, — улыбнулся он, сам с трудом сдерживая слёзы, — Ну, вот ты снова плачешь. Ты же знаешь, как мне невыносимо

видеть твои слёзы. Это всё моя вина. Если я, всё-таки, не выживу, то обещай жить, жить во всю силу — за нас обоих!

— Такого не случится! Ты должен бороться! Ты не можешь вот так сдаться. Ты сильный, — она прижала его к себе, — После всего, что мы пережили — только посмей умереть.

— Обещай! — повысил голос Джон, изо всех сил цепляясь за жизнь.

— Да... — прошептала Маргарита со слезами на глазах — Поцелуй с огнём в крови скрепляет лучше всех печатей. Прости! Прости меня, глупую! Только я во всём виновата. Как я могла поверить в эту чудовищную ложь? Я не отпущу твоей руки, не отпущу тебя... Никогда!

— Что было — то было. Теперь всё будет хорошо, — улыбнулся Джек, — Постараюсь подлатать твоего ненаглядного.

— Джек, ты у меня самый лучший братик на свете! — Маргарита улыбнулась сквозь слёзы.

— Да не подлизывайся, уж, — отмахнулся он.

В комнату ворвался всполошенный Ио с мечом в руках.

Все четверо, в замешательстве, одновременно посмотрели на него:

— А что вы смотрите на меня как на чудовище? (Коим я, по своей сути, и являюсь.) Я — вольный ветер, и не связан ни какими узами и обязательствами! Я следую за своими интересами и делаю то, что выгодно мне в данный момент! Вы все такие чистенькие и добренькие, да?! Когда вы спокойно спали в своих тёпленьких и уютненьких постельках, я подышал с голоду, замерзал почти до смерти, я вынужден был воровать, чтобы выжить, меня шарахались, как прокаженного, меня избивали так, что я потом мочился кровью. Мне тогда кто-нибудь помогал? Нет! Зато, я научился выживать наперекор всему, научился думать только о себе. Для меня ни кто и никогда ничего не делал, и я ни кому ничего не должен!

— Ты солгал мне. Если он умрёт, тебе тоже не жить — запомни это! Добился ты, чего хотел. Это специально для тебя, Шнайдер — Огненный меч — меч моей души! Силой славных богов и благородных предков — Сила Солнца! — глаза Маргариты были влажными от слёз, но через секунду она уже стояла белокурой Солнечной Леди с мечом в руке, — Теперь я вспомнила всё, что ты со мной сделал и продемонстрирую тебе свою благодарность. Я уже не та глупая наивная девочка. Я не позволю уничтожить всё то, что я люблю, во что верю. Прежняя Маргарита умрёт с последним вздохом Джона, а та, что возродится, я уверена, многих удивит. Я прощаю тебе то, что ты сделал со мной, но я не могу простить того, что пережили мои близкие. Взгляни мне в глаза и узри! Прими вызов женщины, сражающейся во имя любви. Ты отпустишь нас, или я за себя не отвечаю.

Ио попятился, словно увидел призрака — его меч упал к ногам девушки:

— То зроби це та обірви, нарешті, мої тортури! Мені вже все однаково... (Сделай же это и оборви, наконец, мои мучения! Мне уже всё равно... укр.) — он опустил руки и поднял на неё свои печальные глаза.

— Нет, я всё-таки, не могу, — девушка замотала головой, глотая слёзы, — Просто не могу... — она отбросила своё оружие.

— Уходите, мать вашу! Чего медлите?! Потом я уже не буду таким добрым! — яростным движением парень сбросил вещи с туалетного столика и посуду с другого стола и со всей силы двинул кулаком по стене, — Чёрт!!! Ну, что ты со мной сделала! Верни мне самого себя! — потом добавил уже шепотом, — Маргарита де Валуа — я ненавижу и... люблю тебя... Вспомнишь ли ты меня когда-нибудь?

— Ты, сопляк, пойдёшь с нами — будешь нашим прикрытием, — молодой хирург бросил гневный взгляд на юношу, — Двоих тяжело раненных мне не донести до портала. Заодно, нести поможешь.

— А, если я откажусь? — юноша с вызовом посмотрел на молодого хирурга, но, поймав взгляд Маргариты, полный немой мольбы и чаяния, он молча взял Джона на руки и сделал знак следовать за ним.

Несколько раз он оглянулся, всматриваясь в черты лица Даниэллы — просто фантастическое совпадение, но он поклясться мог, что это была она... Пусть сейчас у неё светлые волосы, пусть зовут её сейчас по-другому, но её голубые глаза остались такими же — такая редкость для японки, которую он знал как "Мико" — Акеми из клана Нишитани.

Да что же это за наваждение такое? Они снова вместе, снова лучшие подруги, готовые без малейшего сомнения пойти на всё ради друг друга. Хвала богам! Он, правда, очень рад за них. Они заслужили это.

А он? Что он? Он единственный тогда выжил, и такова теперь расплата? Господи, это было так давно, а он помнит, как будто, всё это случилось не позже пяти минут назад. Он помнит, а они — нет... Почему такая несправедливость? Почему? Внутри всё наполнила непередаваемая горечь. Сказать? Не сказать? Хватит! Он уже сказал Марику... Как он долго искал её, как представлял каждый раз их встречу, прокручивая в мыслях ещё и ещё раз, подбирая слова... К чему всё это было? Он опоздал. Безнадёжно опоздал. Какая ирония. Он старался выжить в этом жестоком мире, чтобы она гордилась им. Как зверёныш, он вырывал у этой жизни каждый день — дрался до крови и потери сознания, онемевшими пальцами растирал одну окоченевшую руку другой, замерзая в зимние метели, воровал, чтобы не умереть с голоду, когда внутренности спазмировались от боли — всё с её именем на устах... Выжил лишь чтобы видеть, что это уже не имеет смысла. Уж лучше бы умер. Интересно, где сейчас Ори — их четвертый друг? Как сложилась его судьба?

Одним взмахом руки он шквальным потоком опаляющего ледяного ветра вынес стражников в коридоре, пытавшихся преградить им дорогу. Остальные не рискнули встать ему на пути.

Когда они вышли во двор и направились к главным воротам, Альвис из окна своих покоев могла их видеть:

— Ваше Величество, только скажите, и они будут убиты просто здесь, — обратился к ней её советник Лорд Тристан — сурового вида мужчина, выше среднего роста, широкоплечий, с коротким ежиком темных волос, щетиной на лице и тяжелым взглядом темных глаз, одетый в расшитый серебром чёрный мундир.

— Нет, — королева резко развернулась к нему и произнесла твердым голосом, — Не препятствуйте им, пусть уходят — так надо.

Советник дернулся, будто от удара, Его разъяренное лицо искривилось грубым отвращением, неукротимой неприязнью и безумной злобой:

— Продажная шлюха! — нецензурно выругался он, — Ты заодно с этими шпионами. Чего же ещё было ожидать от тебя, жалкой рабыни, уроженки Небесного града. Ты погубила нашего короля — твой любовник убил его по твоему наущению.

— Вы забываетесь, милорд! — гордость взяла верх над страхом, и королева собрала всю свою волю в кулак, указав зарвавшемуся советнику на дверь, — Я всё ещё ваша королева. Прошу покинуть мои покои, милорд. На сегодня аудиенция закончена. И на ты мы с вами, ещё не переходили.

— Могу Вас заверить, что это ненадолго. Я этого так не оставлю, — он неестественно улыбнулся, церемонно поклонился и, круто развернувшись, вышел из покоев, — С Вашего позволения.

— Ничего, так надо, — Альвис сама себя убеждала быть стойкой, но это всё было так тяжело, что сил уже почти не осталось, она слишком устала, но надо, надо найти в себе силы доиграть это представление до конца, — Так будет правильно, — почему она делает это всё ради мальчишки? Потому, что у видела в нём потенциал. Потому, что увидела в нём то, что другие не видели. Потому, что в нём ещё есть добро. Потому, что только любовь сможет довершить начавшиеся в нём метаморфозы. У неё не было детей, и, вероятно, не будет никогда, но, к этому мальчику она чувствовала необъяснимую привязанность, как к своему собственному сыну. Сильной, надо быть очень сильной — когда ты веришь, что поступаешь правильно, то сама собой приходит отвага. Она решила и ещё на один безрассудный поступок — тайно отдала приказ найти и доставить к ней Охотника. Они должны встретиться. Отец и сын. Пусть выскажут все свои упреки, выплеснут всю горечь и облегчат души — так должно быть. Но, как же всё это трудно. Ей было бы гораздо легче, если бы рядом с ней был кто-то, кто смог бы понять её и поддержать, принять такой как есть — почему-то сразу вспомнилось, что был такой человек, который её действительно понимал —

бывший княжеский садовник Надир. Тогда она витала в облаках, жила призрачными надеждами, и не обращала на него внимания. А сейчас, вдруг, вспомнила. Интересно, как он?

Ио уже настроился на то, что к порталу им придется пробираться с боем, но, к их большому удивлению, они достигли его беспрепятственно, что было сравнимо с чудом, ибо на счету была каждая минута.

И вот, впереди показался дворец Небесного града, и они испытали огромную радость и облегчение.

— Наконец-то вы вернулись, — с облегчением выдохнула вышедшая им навстречу Кали, — Господи, что это с ними? — с содроганием она посмотрела на Даниэллу и Джона.

— Даниэлле требуется длительный отдых, а вот с Джоном всё гораздо серьёзнее, — молодой хирург повернулся в сторону Ио, — Этот тоже нуждается в медицинской помощи. Нужна чистая операционная.

— Я сейчас же распоряжусь, чтобы предоставили всё необходимое, — рыжая перевела взгляд на парня, — Кстати, а это кто с вами?

— Командующий Шнайдер собственной персоной, — представил его доктор.

— Кто же тогда ведёт Армию Тёмных небес? — Кали продолжала удивленно рассматривать юношу, — Они уже у границ. Наши войска отправилась сдерживать их наступление, и мы готовимся к организации и обеспечению тыла.

— Боже! Неужели мы опоздали? — глаза Маргариты расширились от страха и волнения.

— Ничего, справимся, — постаралась ободрить её рыжая Богиня, — В твоём состоянии не следует так волноваться.

— Сейчас речь не обо мне, — Маргарита старалась увести разговор от болезненной для неё темы, — Как только Джону станет лучше, чтобы моё сердце было спокойно за него, я поеду на границу. Я заставлю королеву выслушать меня.

— Это всё происходит по моей вине. Туда отправлюсь я, — внезапно произнёс парень, — Это должно прекратиться. Я должен увидеть Альвис. Она послушает меня. Она не такая... Вы её не знаете... — он замолчал, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Ни кто ни куда не отправится, — решительно возразила Кали, — По крайней мере, пока ваше состояние не улучшится. Но, мы можем отправить в их лагерь послание, что Шнайдер у нас — кто знает, вдруг, это поможет нам выиграть время.

— *Matka Boska! Wrociliście!* (Матерь Божья! Вы вернулись! — пол.) — в зал вбежали Ева, Джастина и Эллен. Подруги сердечно обняли Маргариту и помогли перенести Даниэллу отдыхать в комнату.

Руки молодого хирурга уже тряслись от напряжения — он ничего не мог понять — в его практике такого ещё не случалось. Мало того, что у раненого друга была редкая группа крови, мало того, что те запасы препаратов крови, которыми он сейчас располагал были не многочисленны, так как основную часть медикаментов отправили вместе с армией, чтобы можно было оказывать основную медицинскую помощь на поле боя, так ещё большая часть сыворотки снова и снова вызывала сворачивание крови и не подходила по индивидуальной непереносимости. Того, с чем можно было работать крайне не хватало, а состояние было критическим — одной плазмой уже не обойтись было.

— Как? Ты совершенно уверена, что это все запасы, что у вас имеются? — в сотый раз поинтересовался Джек, словно это может изменить ситуацию.

Кали опустила глаза и закрыла лицо руками:

— Это всё, что было, — снова ответила она и сама испугалась своих слов.

Маргарита побледнела и пошатнулась, с нескрываемой тревогой посмотрев на брата:

— И, что же теперь будет?

— У меня четвёртая отрицательная, — неторопливо, но твёрдо произнёс Ио, глядя на искаженное страданием её лицо.

— Но ты, ведь, тоже ранен, — доктор не мог поверить, что ему это не послышалось. Этот юноша не переставал его удивлять.

— Не настолько серьёзно, как он, — возразил тот, и Джек понимал, что он прав.

— Тогда идём со мной, — мужчина взял юношу за руку и повёл в больничное крыло, он чувствовал себя палачом, но других вариантов не было, ранения парня, действительно, не такие тяжелые, организм молодой, а для Джона это, может быть, единственный шанс на спасение, — Мне нужно быстро провести тест на совместимость. Если ты сказал правду, то это будет настоящий феномен — в моей стране считается, что группа крови определяет характер, а вы настолько разные, что я просто не могу поверить в такое. Или у вас намного больше общего, чем кажется на первый взгляд?

Он действительно не солгал, чем крайне удивил Джека. Сам парень был удивлён не меньше — он не ожидал от себя такого поступка, для него всегда было чудно и даже дико проявлять заботу о ком-то. Зато сейчас, лёжа на кушетке с иглой в вене, он почувствовал странное облегчение. Разве мог он отказаться, когда она так на него смотрела? В кои-то веки он стал для неё надеждой...

— Это всё, — голос доктора вернул его к реальности, — Можешь встать. Сам идти сможешь?

— Постараюсь, — молодой человек с трудом поднялся и оперся о стену, на его бледном лице мелькнула улыбка — или это только показалось?

Когда он вышел в коридор, Маргарита поднялась с дивана и взяла его под руку:

— Я провожу, — она подняла голову, так как он был намного выше неё, и заметила, что в его глазах появился особенный блеск — он изменился.

— Не стоит. Я сам, — парень силился улыбнуться.

— Спасибо тебе. Спасибо, — она посмотрела на него со всей признательностью и, сама от себя не ожидая такого, обняла его.

И в его объятиях к ней пришли спокойствие и такая желанная уверенность, что худшее позади, и любимый муж обязательно поправится в скором времени. Его легкий, едва уловимый запах и тепло ладоней сейчас поддерживали в ней силы, и в благодарность за эту поддержку она щедро делилась с ним сестринским теплом под его глубокое дыхание.

Он провел рукой по её волосам:

— Не искушай меня, — усмехнулся юноша, — А то я могу и не удержаться.

Маргарита улыбнулась:

— Идём уже, мученик. Ты сейчас, однозначно, не в том состоянии, чтобы поддаваться на искушения.

Она помогла ему устроиться на кровати в палате рядом:

— Отдыхай. Я принесу поесть, — девушка приподняла подушку, чтобы ему было удобнее, и пошла за едой.

Джона перевезли в ту же палату — кризис миновал, но его состояние оставалось тяжелым.

Ночевать Маргарита осталась в палате, устроившись в кресле, что стояло между кроватями — на случай, если кому-нибудь из них станет хуже, в палате был предусмотрен звонок.

Джек на эту ночь остался дежурить рядом с Даниэлкой.

— Даже поверженный, ты не дал мне ни единого шанса. Такую любовь нельзя ни забыть, ни уничтожить, ни выжечь. Мог бы я поменяться местами с тобой хоть на день? Глупо, правда? Но, пока она счастлива с тобой, я готов принять тебя, — Ио поправил

покрывало Джону и оправил плед на кресле, где спала Маргарита:

— Знаешь, есть такая славянская поговорка: чужая душа — потёмки. Ты не поймешь меня и не поможешь — что не сложилось, вместе уже не сложишь. Это принадлежит тебе, — он вложил кольцо в её руку, и, укрыв её плечи, сел рядом на пол, обняв её ноги и положив голову ей на колени, как верный пёс — Я повернув тобі його, то, чому ж ти не відпускаєш мене? (Я вернул тебе его, так почему же ты не отпускаешь меня? укр.) — перешел он на украинский язык, язык его родины, — В мене немає більше сили йти за тобою. Відпусти, бо не можу терпіти більше того болю, що крає мені серце. Я мріяв бачити тебе щасливою, але бачити тебе щасливою з іншим — це нестерпно, це сильніше від мене. Відпусти мене, благаю. Прекрасна і світла, недосяжна та невблаганна. Без тебе немає мені життя, і біля тебе немає мені місця, ти — янгол, що у небесах, мені ж закритий шлях до твоїх небес. І не покличеш за собою. Як би ж колись сказала мені — я б увесь світ знищив та відродив би знову таким, як ти бажаєш його бачити. Але ти, навіть тоді, так і не відповіла мені. Ні обіцянок, ні пробачень... Ти надто близько, а я не можу й доторкнутись до тебе... Це вже край (У меня нет больше сил идти за тобой. Отпусти — я не могу больше терпеть той боли, что разрывает мне сердце. Я мечтал увидеть тебя счастливой, но видеть, что ты счастлива с другим — это невыносимо, это сильнее меня. Молю, отпусти меня. Прекрасная и светлая, недостижимая и неумолимая. Без тебя нет мне жизни, и рядом с тобой нет мне места, ты — ангел небесный, мне же закрыт путь к твоим небесам. И не позовешь с собой. Если бы ты когда-нибудь только сказала мне — я бы весь мир уничтожил и возродил бы снова таким, каким ты желаешь его видеть. Но, ты, даже тогда не ответила мне. Ни обещаний, ни извинений. Ты слишком близко, а я не могу даже прикоснуться к тебе... Это уже слишком... Укр.), — он поднялся на ноги и тихо вышел.

Юноша долгое время исследовал своё отражение в зеркале ванной комнаты, потом открыл кран и подставил голову под холодную воду.

Почему же мысли раз за разом возвращаются к нему? К смуглокожему супругу Маргариты. Они с ней настолько похожи, они — как две части одного целого, неотделимые друг от друга. Ему не встать между ними. И так мерзко на душе.

Ведь могло же быть всё иначе? Он сам всё испортил. Он больше не потревожит их покой и не повторит тех слов... Он открыл свою душу и своё сердце, но опоздал — другой назвал её своей женой. Да, он повёл себя как эгоистичный ребёнок, стремящийся любой ценой получить желаемое, но не умел по-другому. Просто не знал, как. Теперь только он понял, что величайшее мужество любви — отпустить её, и принять счастье любимого, как своё собственное. А в голове больно стучало: "На что надеешься? Она не твоя. Ты — только третий лишний"

Он открыл горячую воду.

Он сидел под душем, обхватив голову руками, и тёплые капли стекали по лицу, попадая в рот и нос, но, уже не смыть с себя всей грязи и всех грехов.

Взгляд прошелся по полке с банными принадлежностями и остановился на упаковке сменных лезвий для бритвы. Руки сами потянулись...

Вольный — а деться некуда... Нет. Это просто паранойя какая-то...

Если он вскроет вены, как карты, то она поверит, что крыть уже нечем? Впрочем, как и крыть уже будет нечего...

Тёплая вода приятно расслабляла.

Лезвие легко скользнуло по руке, и на смену боли пришли умиротворенность и успокоение...

Он безучастно наблюдал, как вода в ванной становится розоватого оттенка...

Открыв глаза, Маргарита увидела, что кровать Ио пуста. Она проверила как Джон — его дыхание было всё ещё очень слабым.

Запертая дверь в ванную комнату сразу насторожила девушку. Она стала барабанить по ней своими кулачками, пока не додумалась шпилькой открыть замок. Но, то, что она увидела, заставило её отступить, чуть не зацепившись за порожек, и страшный крик вырвался из её груди. Ухватившись за ручку двери, чтобы не упасть на слабых ногах, она, всё же, нашла в себе силы позвать на помощь. Парень лежал в красной от крови воде, а на полу валялось окровавленное лезвие:

— Господи, да что же это такое? Что же ты наделал, Марк? Дурак. Ой, дурак, — всхлипывая, она, что было сил, нажимала кнопку тревожного звонка и звала брата, — Джек! Сюда, скорее! Помоги!

Молодой хирург помог ей вытащить парня из ванной, завернув полотенце, и перевязать ему руки:

— Ещё пара минут, и было бы поздно. Камикадзе недоделанный! Вы хотите меня в могилу свести своими выходками? — молодой хирург был просто в бешенстве, — Вот же, придурок — он конкретно хотел отправиться к праотцам, знал же, что у меня нечем будет восполнить его кровопотерю, кроме плазмы.

После врачебных манипуляций к Ио понемногу возвращалось сознание.

Он едва ощутимо сжал её руку, его ресницы задрожали, и парень открыл глаза:

— Я в раю? — спросил Ио, глядя на освещенное солнцем лицо Маргариты, сидевшей в кресле рядом, потом поднёс к лицу свои руки, изучая перебинтованные запястья.

— Больно? — она слегка прикоснулась к его запястьям.

— Тут больнее. Оно у меня всё-таки есть... сердце, и кровь — она такая же красная и горячая, как у всех, — он поднес её руку к своей груди, второй рукой провёл по своему лицу — Что это? — с интересом посмотрел на капли, блестящие на его длинных пальцах.

— Это слёзы, Марк. Ты... ты плачешь, — слабо улыбнулась Маргарита, — Это хорошо. Очень хорошо — значит, в тебе ещё осталось что-то человеческое, если ты не утратил способности плакать.

— Я... что делаю? — с явным удивлением посмотрел он на неё, — Меня так давно никто не называл этим именем, я терпеть его не могу, а у тебя оно звучит так красиво. Я уже не помню, плакал ли я хоть раз в своей жизни. Почему же тогда мне так спокойно? И что это за тепло, которое я ощущаю?

— Это тепло человеческих отношений. Когда ты делаешь что-то для других, когда ставишь интересы того, кто тебе дорог, превыше своих собственных, это обязательно вернётся к тебе теплом, — горячо объясняла девушка.

— Ты, разве, не должна меня ненавидеть? Почему же тогда не дала умереть? — он взял её за руку.

— Наверное, должна, но, у меня не получается. Ты не дал умереть Жану, за это я готова простить тебя. Глупый. Глупый Марк, — покачала головой Марго, продолжая улыбаться ему, — А я и не замечала — оказывается, ты симпатичный, когда улыбаешься... Улыбайся, даже когда на душе тяжело — ведь кто-то может влюбиться в твою улыбку.

— Мне было бы легче, если бы ты ненавидела меня, если бы ударила меня, — он склонил голову, — Даже, стоя всю вечность перед тобой на коленях, моля о прощении — этого будет недостаточно, чтобы искупить то зло, что я совершил. Я не могу повернуть время вспять и всё исправить... Всё то, что было сделано — не изменить и не зачеркнуть... И нет прощения моему поступку.

— Я прощаю тебя, — кивнула девушка, — Забавно, да — наивная дурочка, которую жизнь ни чему не учит.

— Пожалуйста, и не меняйся — оставайся такой, — он взял в руку прядь её волос, — Если я и влюблюсь когда-нибудь, то она будет обязательно похожа на тебя. Ты — моё искупление.

— Конечно, ты ещё влюбишься — ты только начинаешь жить. Марк, и ты прости, прости меня, если сможешь... Обещай, что никогда больше не повторишь такого, — она взяла его руку и ощутила всю тяжесть его печали:

— Господи, сколько же бед ты вынес, — ещё в ней так не проявлялась эмпатия, но

сейчас она, как на себе, испытала боль от обморожений, голодные боли, боль от побоев, горечь обиды, презрение ко всему сущему и постоянное вопрошание — а есть ли там тот, кого называют Богом, как же тогда он допустил такое, за что наказал такой судьбой? — Маргарита не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, она отдёргнула руку.

— Не надо было этого делать, — он посмотрел в потолок, — Да, всё это было в моей жизни, но, я понял одну важную вещь, — потом перевёл взгляд на Джона, — если он — твоё счастье, то я готов смириться, но, пусть только попробует причинить тебе зло — я шею ему сверну, обещаю. И да, это была минутная слабость — такой глупости я больше не повторю, по крайней мере, пока не помогу вам остановить эту войну.

На соседней кровати Джон несколько раз шумно вдохнул воздух в лёгкие, выдыхая со свистом — постепенно он приходил в сознание.

— Ну, вот — помяни черта... — непроизвольно улыбнулся Марк.

Маргарита повернула голову, смотря во все глаза — сердце стучало, как сумасшедшее. Господи-Боже, как же она ждала этого, и как она сейчас страшилась встречи с мужем: какой же тяжёлый разговор им предстоит... Какие бы она не подобрала слова, боль от этого не будет меньше — вот был ребёнок, а теперь его нет... Даже если он вслух не произнесет этого, то, всё равно, ей не станет от этого легче. Она так виновата перед ним, что и не описать. Сейчас она испытывала к себе такое отвращение. Как сказать? Что услышит в ответ? Эти мысли сверлили ей мозг до почти физически ощутимой боли в висках. С тяжёлым сердцем она с трудом поднялась с кресла, ноги, словно налитые свинцом, не желали слушаться.

— Вам есть о чём поговорить наедине. Мне лучше выйти, — Марк с трудом поднялся с кровати и шатким шагом проследовал к двери. На ходу он обернулся и ободряюще ей улыбнулся. Маргарита проводила его благодарным взглядом.

— Ну как ты, милый? — Маргарита помогла мужу приподняться на подушках.

— Сейчас уже гораздо лучше, — улыбнулся Джон, — я открыл глаза и увидел тебя — это хороший знак, — он посмотрел в её глаза — усталые, но такие родные и такие светлые, — Ты здесь, со мной. Чего же мне ещё желать? — он взял её руку, — Ты знаешь, что этот мальчишка Шнайдер влюблён в тебя? И он не притворялся.

— Его настоящее имя — Марк, — поправила его Маргарита.

— Да, по мне — хоть Папа Римский. Если ты тут — значит, ты выбрала меня... — мужчина посмотрел на неё с любовью и признательностью.

— Я люблю тебя, и ему придется смириться и принять это, — голос Маргариты звучал совершенно твёрдо, — Пока сама не скрещу тебе руки на груди, и, даже тогда — я не брошу

тебя.

— В прошлой жизни я, наверно, сделал что-то очень хорошее, что меня Господь наградил такой женой. И со мной не случится ничего плохого, пока ты есть — потому, что моё сердце, оно в тебе. Знаешь, я, возможно, понимаю его — я бы чувствовал то же самое на его месте, сам был почти в аналогичной ситуации. Я вырвал рыжую богиню из своего сердца потому, что они с Самаэлем любили друг друга. И, знаешь, я не хотел бы поменяться местами с ним. Но, с меня довольно — пусть знает, что я не отдам тебя... ни кому, и он — не исключение. Теперь, когда ты готова подарить мне главную радость в жизни, ты стала для меня ещё дороже, — когда Джон обнял её, его руки прикоснулись к её спине, под ними он почувствовал бинтовые повязки. Девушка выгнула её, отстраняясь от его ладоней, задрожала от ноющей боли в спине и закусил губу, сдерживая стон и крепко-крепко зажмурилась, не давая волю слезам, а перед глазами вспыхнули искры.

— Сними халат, — решительно потребовал он, — Я же не слепой — ты меня или себя пытаешься убедить, что всё в порядке?

— Ты сам попросил, — бордовый атласный халат плавно соскользнул на пол, — Это будет мне уроком за мою самонадеянность, но, я бы снова и снова поступила точно так же. Я бы снова пошла за тобой, — девушка задыхалась от душивших её слёз.

— Кто? Кто это сделал?! — Джон резко поднялся с кровати и схватил её за руки.

— Разве теперь это так важно? — Маргарита опустила голову и отвернулась.

— Прости, ради Бога, прости, — он обнял её за плечи, а самому хотелось выть от одного вида этих повязок, пропитанных лекарством и сукровицей, прикрепленных медицинским пластырем, на её нежной спине, — Девочка моя... — он положил голову ей на плечо, — Ну, почему, почему ты не послушалась меня? Разве можно было так рисковать в твоём состоянии?

— Кали, всё-таки, рассказала тебе, да? — тихо спросила Маргарита, — Жан, после того, что я сейчас скажу, ты, возможно, и видеть-то меня не захочешь, не то, что разговаривать. И я не буду винить тебя за это. Только прошу, выслушай меня, — дрожали и её голос, и её ресницы, — Я хотела сказать тебе, но теперь поздно... Уже поздно...

— Ты о чём? Что ты такое говоришь? — он обхватил руками её плечи, а внутри всё натянулось напряженной струной, готовой вот — вот порваться.

— Я хотела поделиться наибольшей радостью, но... Жан, я... не... Я думала, что ты мёртв... У меня был нервный срыв... ребёнка больше нет... Господи, как же это тяжело... Внутри — будто пустота... — она изможденно опустилась в кресло, спрятав лицо в ладонях.

— Как... как же так? — Джон поднял глаза к потолку, — Как же так? Когда же судьба перестанет испытывать нас?

— Я не послушала тебя, и поплатилась за это. Ты можешь ненавидеть и презирать меня — я не в праве осуждать тебя за это... Моя вина... Только моя... — Маргарита закрыла глаза.

— Ты думаешь, что ты говоришь? Замолчи! Замолчи сейчас же! И думать так не смей, слышишь! Чтобы я не слышал от тебя больше такого! Глупенькая, как я могу презирать тебя, когда сейчас ты больше всего нуждаешься в поддержке и понимании? Если мне сейчас невыносимо больно, то даже страшно представить, как себя чувствуешь ты. Ну, не надо плакать, родная. Мы начнём всё с начала, слышишь? — он присел рядом с ней поднял её лицо на себя, — У нас ещё будут дети, слышишь? Обязательно. Столько, сколько захочешь. Только, умоляю, не молчи — скажи хоть что-нибудь, — а она не в силах была ничего

сказать, уткнувшись лицом ему в грудь.

Марк тем временем сидел в холле больничного крыла, когда с противоположного коридора мимо него прошла и села напротив, глядя в окно, темноволосая девушка с большими карими глазами — он хорошо запомнил — такими же, как и у его более удачливого соперника за сердце Маргариты.

Юноша поднялся с топчана и присел рядом с ней:

— Вы, должно быть, его сестра? Сестра Джона? — мягко спросил он.

— Вы знаете моего брата? — девушка повернула к нему лицо, — Знаете Джона? Но, кто вы? Я не встречала Вас среди наших генералов.

— Я больше не генерал, леди... — он запнулся, не зная, как обратиться к ней.

— Ями, меня зовут Ями, милорд, — улыбнулась девушка.

— А я — Марк, — представился он, — Ваш брат уже вне опасности, с ним сейчас леди Маргарита.

— Марк — необычное имя, но, красивое, — она с интересом смотрела на него, — Но, почему же мне не сказали, что он здесь? Значит, они вернулись? Нашли Маргариту? И кому нужна эта война? От неё только страдания и боль. И как только земля носит таких, как этот Шнайдер? Что заставило его нарушить священное перемирие, сохранявшееся столько времени?

Парень ощутил жгучий стыд перед ней, перед всеми остальными:

— Вы сильно любите своего брата? — негромко спросил он.

— Он же мой брат. Он всегда был очень вспыльчивым человеком — в этом я отличаюсь от него. Но, так как наш отец должен был быть Всеотцом для своих людей, то для нас с матерью брат был как глава семьи. Мама так и старалась воспитывать его — быть самостоятельным, уметь принимать решения и брать на себя ответственность за свою семью. Когда нужно, он может быть жестким, но, он — хороший и добрый человек. Теперь же, когда отца больше нет с нами, обязанности главы семьи легли на его плечи в полной мере, — её голос дрогнул, девушка ещё не закончила свою мысль, когда к беседующим подошла Кали.

— Мне, правда, очень жаль, что так случилось с вашим отцом, — тихо произнес Марк и посмотрел на неё — девушка понимающе кивнула.

— Как наше самочувствие? — обратилась к ним рыжая богиня.

— Моя слабость уже отступила, — Ями поднялась с кушетки и посмотрела в её изумрудные глаза, — Почему мне не сказали, что Джон вернулся?

— Ты так тяжело перенесла смерть отца, что мы не хотели тебя ещё больше волновать, пока кризис не миновал — твой брат был между жизнью и смертью, и только вмешательство

этого молодого человека спасло его.

— Это правда? — Ями повернула голову в сторону юноши.

— Не стоит об этом, — опустил глаза Марк.

— Привет всем! — поздоровалась подошедшая Даниэлла, — Рада видеть вас всех в здравии. Как Джон и Марго?

— И тебе не хворать, — приветственно улыбнулась Кали, — Смотрю, тебе уже получше. Джон, слава Богу, пришел в себя, Маргарита у него.

— Вот и замечательно! — Дэни ответно улыбнулась, — Я тоже, вроде бы, ничего так. Джек ещё занят с документацией, а я захотела прогуляться в саду на сон грядущий. Не составите мне компанию?

— Хорошая мысль, — рыжая богиня с энтузиазмом приняла эту идею, — Ями не помешает подышать свежим воздухом, — потом она обратилась к парню, — Идешь с нами?

— А можно? — Марк поднялся с кушетки и, пошатнувшись, ненароком задел плечом златовласую.

Девушка содрогнулась от его прикосновения — она взглянула на него и чуть не разрыдалась, инстинктивно приложив руку к правому глазу, с трудом пытаясь вдохнуть воздух — нет, это только страшные воспоминания, и не более, но это ценные воспоминания о тех, кого связывали узы — крепче, чем дружба, сильнее, чем любовь, больше, чем жизнь.

Он всё понял и молча кивнул, а сам тоже готов был заплакать от непонятного чувства, мучительно и сладостного.

— Что с тобой? Всё хорошо? — обеспокоенно поинтересовалась Кали.

— Да, всё — очень хорошо. Просто небольшое недомогание, — улыбнулась Дэни, — Вы идите вперед, а мы вас догоним — он мне поможет.

— Обопрись на меня, — юноша взял её под руку.

— Юто... — прошептала Даниэлла, не спуская глаз, всматриваясь в его лицо, — Но, как? А Мариго? Что с ней?

— Она всё время была рядом с тобой, — ответил он, улыбнувшись.

— Маргарита? — взволнованно уточнила девушка, — А Ори?

— Этого я не знаю, — покачал головой парень, — Всё будет хорошо. Всё плохое осталось в прошлом. Я обещаю, что всё будет хорошо, сестрёнка.

Вдруг, оба насторожились.

— Прошу прощения, — Марк повернулся, прислушиваясь к звукам, доносившимся из палаты, где оставались Маргарита и Джон, — я сейчас, — он бережно усадил златовласую на топчан и решительно направился назад в палату.

Джон, превозмогая боль и слабость, вскочил с постели:

— Это он? Ответь мне — это он сделал с тобой?! — его глаза горели бешеным огнём.

— Жан, не стоит... — снова несмело промолвила Маргарита, — Это, правда, уже не важно...

— Не важно, говоришь?! То, что ты пережила по его вине — не важно?! — его голос сорвался на крик.

— Не повышай голос на неё! — на пороге появился Марк, привлеченный громким голосом Джона, — Стребууй ответа с мужчины!

— И давно мы стали такими благородными?! Не поздновато ли?! — криво ухмыльнулся Джон, и сам не заметил, как, выплеснув всю боль, двинул парню в полной мере в челюсть — и черным ядом от сердца по крови растеклось безумие, и проснулся внутри свирепый и беспощадный демон, готовый разорвать на куски своего противника:

— Ты бесконечно виноват перед этой женщиной. Ты ответишь за каждую её слезу, за всю ту боль, что ты ей причинил! Ответишь мне! — в приступе гнева Джон уже не соображал, куда он бьёт — да куда попадёт, просто и без затей, ярость и горе затмевали разум, прежде сиявший благородством и великодушием, он же успел простить соперника, но горе и отчаяние от осознания потери слились в одно помрачение, мешавшее ясно видеть — и этого он не в силах был простить...

— Жан, прекрати! — Маргарита остановила его руку, — Ты же не зверь! Это не облегчит боли. Он не дал тебе умереть — он отдал свою кровь, когда ты был при смерти. Он вернул мне тебя! Если я смогла его простить, то и ты сможешь.

— Любое место и время — как будет угодно Вашей Милости, — юноша поднялся с пола, вытирая рукавом кровь с разбитого лица.

— Маргарита, отойди, — Джон мягко отстранил её, — Не вмешивайся, это наше с ним дело, — он схватил молодого человека за грудки и припечатал к стене, — Мне угодно сейчас же!

Прежде чем девушка успела что-либо сообразить, они оба исчезли.

— Жан! Марк! Всевышний Боже, вразуми обоих, — как марионетка, у которой перерезали верёвочки, Маргарита бессильно упала на колени, — На кого уповать мне в молитве моей, если злоба сильнее и обида сильнее? Кровь не унять речью пустой, месть наполняет каждый голос немотой... — горько процитировала она.

— Напомни, на чём мы остановились в последнюю нашу встречу, — Джон отшвырнул юношу на песок арены, — Поднимайся! — крикнул он и кинул ему один из появившихся у него в руках мечей.

Марк встал и взял в руки оружие — в его потухших глазах были лишь отрешенность и безразличие.

После вечерней идиллии, погода резко испортилась.

Набежавшие, тяжелые серые облака закрывали небо, пронизывающий ветер стегал начавшимся ледяным дождём.

Как была в одной ночной сорочке, босиком, с распущенными волосами, Маргарита кинулась искать их. На шум из всех комнат высыпал народ. Прибежавшие на крики девушки, друзья пытались выяснить, что же произошло, но, находясь в почти шоковом состоянии, она не могла ничего мало-мальски внятного выдать из себя, бешено вырываясь из их рук.

Наконец, Маргарита рывком освободилась из объятий Даниэллы.

Она бежала, не замечая ничего вокруг, бежала, уже не помнила, сколько времени... пару раз упав, счесав колено и локоть, насквозь промокнув.

Эти двое сражались неистово, осатанело — капли дождя разбивались о лезвия, смешиваясь с кровью. Джон рубил нещадно, без разбора. Дождь бил по лицу и глазам. Перед глазами — кровавая пелена, и одно желание — резать и кромсать, ответить на боль ещё большей болью. Боль затмила собой всё — больно было дышать, больно было думать, больно... очень больно... слишком больно... невыносимо.

Рубашка Марка уже почти полностью пропиталась кровью, но ему было всё равно... почти. Вдруг, словно что-то щёлкнуло в голове, и до дрожи захотелось жить.

Но мужчина уже не мог остановиться, безжалостно полосую по ногам, по рукам, по корпусу...

Марк перешел в наступление, всё активнее и динамичнее отвечая на выпады Красного. В голове гудело, а кровь всё быстрее и быстрее текла по венам.

Сталь — во взгляде и в руках...

Нежное имя — на губах.

Двоим под Солнцем места нет.

Смерть помешалась на любви.

Обоим резал взгляд адреналин.

Руки уже с трудом удерживали мечи... Они падали и вставали — снова и снова, снова и снова, выхаркивая забившийся песок изо рта.

Маргарита в третий раз споткнулась уже возле самой арены. Она поднялась, растирая грязь по мокрому лицу.

И тут она увидела их — израненными лежащих на песке, вцепившись друг в друга, как бесстыдные любовники.

Однако, не успела девушка дальше и шагу ступить, как путь ей преградила фигура в белом одеянии:

— Стой, где стоишь, женщина! Не подходи!

Маргарита так и застыла на месте с широко раскрытыми глазами.

— Кто вы? — только и смогла пролепетать пораженная девушка, — Почему?!

— Я — Ангел Судьбы, — монотонным голосом продолжал незнакомый, — Они поставили свою личную неприязнь выше интересов человечества. Один развязал войну, нарушив священный обет перемирия, второй — вместо того, чтобы исполнять свой долг защитника, тратит силы на персональную месть. Ложь одного стала причиной гибели невинного создания, второй — пролил кровь, что вернула его к жизни. Эти недостойные прогневили Небеса и теперь принадлежат мне — я их забираю.

— Я не отдам! Ты их не получишь! — она решительно замотала головой, — Считаешь, что имеешь право судить их? Да, мы не непогрешимые. мы такие — какие есть — со своими достоинствами и недостатками, иногда наши эмоции берут верх над разумом — но, в этом и заключается наша сила и наша слабость — быть человеком, сложным, неоднозначным и многогранным. Нельзя всё в мире делить только на чёрное и белое — в нём полно полутонов и оттенков. Вы требуете от нас святости? Как же вы святые, допустили эту войну? Почему не помешали? Или мы для вас только пешки, не заслуживающие уважения? Мы — не скот, мы — люди! Я — человек, и я горжусь этим. И не желаю уподобляться вам.

— Замолчи, женщина! Перед смертными мы ещё не отчитывались! — повысил голос собеседник, укоряюще глядя на неё, — Это всё из-за тебя, между прочим!

— Я не могу отрицать этого, — девушка выдержала его взгляд, — но, я не хотела этого... И не их это вина.

— Ты настаиваешь? А если бы я сказал, что согласен забрать только одного — кого бы ты выбрала?

— Обоих! — девушка твёрдо шагнула вперёд, — Я не собираюсь выбирать — они оба ни в чём не виноваты! Мы мало сделали для человечества? Пусть так... А сколько мы ещё можем сделать? Но, я и пальцем не пошевелю, если мне не разрешат их забрать! Возьми лучше меня вместо них, если считаешь, что я виновата, — она сделала ещё один шаг, и яркий свет окутал её, и за спиной появились белые крылья...

— Я прошу дать им возможность всё исправить, прошу дать им ещё один шанс. Я простила, и Вы постарайтесь, — решительно настаивала Маргарита.

— И ты готова взять на себя ответственность за них? Запомни — у них и у тебя будет только одна возможность — с этими словами он исчез, оставив девушку в растерянности.

— Да что тут происходит? — Джек затормозил у арены и сделал знак остальным тоже остановиться, — Вашу мать! Эти двое успокоятся когда-нибудь? — не выдержал он, — Не

думал, что когда-нибудь скажу это, но, хорошо, что они не были в достаточной физической форме, и их состояние не позволило им сейчас нанести друг другу более серьезных увечий, чем эти множественные, но поверхностные раны — тут я ещё могу справиться, а вот при более сильных повреждениях — не уверен.

— Теперь всё будет хорошо, — сияясь улыбнуться, Маргарита медленно обернулась и так, с улыбкой на губах, и упала на песок...

Как только состояние его пациентов больше не внушало опасений за их жизни, Джек не стал ходить вокруг да около и сразу высказал им своё недовольство их поведением:

— Так вот чем вы занимаетесь, да?! — не давая опомниться, молодой хирург сразу перешел в наступление, разгневанно сверкая глазами, — И о чём вы только думали?! Я вас спрашиваю!

— Я не знаю, что на меня нашло... — Джон сел на кровати и опустил голову на колени, — это было, словно, помешательство.

— Что, не нашлось другого способа, куда избыток энергии деть? Так я напомним, что войска Тёмных Небес уже стоят у границ.

— Что?! Почему ты молчал? — Джон поднял на него глаза, — Вот же я идиот! Там же Самаэль! Там же мой брат! Там же наши... — он вскочил на ноги, сбросив на пол одеяло, — Одежду мне — быстро! Приготовьте моего коня!

— Ты с ума сошел? В таком состоянии? — Марк тоже попытался встать, — Я не отпущу тебя одного! Мне тоже подайте одежду, — потребовал он, потом повернулся к Джону, — Позволь мне искупить свою вину. Только прошу, не причиняйте вреда Альвис — она не такая, как вы думаете. Она не желает вам зла. Когда всё закончится, я готов понести любое наказание, только будьте милостивы к ней. Я не прячусь от вины и не убегу, лишь дайте мне поговорить с ней — она выслушает меня, она из тех немногих, кто пытался понять меня, кому я был небезразличен.

— Я бы лучше сдох, чем быть обязанным тебе, — мрачно усмехнулся тот, потом улыбнулся своей обычной приветливой улыбкой, — Так бы я, не задумываясь, сказал вчера... Сегодня же это уже бессмысленно, уже не изменить того, что ты сделал — ни зла, ни добра. Ты отнял у меня ребёнка, но ты же вернул жизнь мне — не равноценный, конечно, обмен. Но, я не могу теперь убить тебя, пролить ту же кровь, что теперь и во мне, однако... дай мне хоть малейший повод — и я не стану себя сдерживать. Когда всё закончится — тебе лучше покинуть Небесный Град. Так будет лучше для всех.

С трудом они переоделись в походную одежду, и, с ещё большим трудом, держались в седле...

Маленький отряд выступил к крепостным стенам на границе, чтобы присоединиться к расположившейся там лагерем армии.

С непривычки, от езды верхом у Маргариты ломило всё тело, но она старалась не подавать вида, глядя, как мужественно держатся остальные. Создавалось впечатление, что только Кали, да ещё Джастина, проведшая детство на ранчо, чувствовали себя в своей стихии. Одеты они были в лёгкие кожаные доспехи, высокие сапоги и плащи. Чтобы волосы не лезли в глаза, девушки сделали причёски в стиле амазонок — со множеством косичек с вплетенными в них кожаными шнурками и бусинами, и выглядело это довольно эффектно. Даже у Маргариты волосы уже отрасли до такой длины, что позволяла выполнить такую замысловатую причёску. Справедливости ради, стоит заметить, что Маргарите такая причёска исключительно шла, открывая лицо и ставя акцент на необычной для европейки форме глаз девушки, в венах которой было намешано много кровей, равно, как и остальным девушкам — в особенности Кали и Ями: первая всегда выглядела блистательно, но, спокойно восседавшая верхом на чёрном скакуне, в доспехах бордового цвета, она была исключительно величественна, сестра Джона тоже преобразилась из трепетной лани в прекрасную Валькирию, но, всё с тем же томным взглядом тёмных очей.

Раны Джона и Марка всё ещё давали о себе знать — оба с трудом держались в седле, исключительно благодаря силе воли, стараясь не думать о боли и усталости, ежеминутно борясь с головокружением и предобморочным состоянием, держась что есть силы за поводья, чтобы не упасть с коня.

— Жан, с тобой точно всё в порядке? — Маргарита положила ладонь на его руку.

— Спасибо за беспокойство, дорогая, — кивнул он, — но, сейчас это не имеет значения, — Джон посмотрел на неё взглядом, полным сожаления и раскаяния, — Прости меня, я, и правда, не знаю — это было какое-то помешательство.

— Жан, ты сам же говорил, что месть не вернёт потери, — она сжала его пальцы.

— Как ты права — тысячу раз права! — он опустил глаза, — Я заставил тебя волноваться, когда тебе и так тяжело, — потом он окликнул Марка, ехавшего немного впереди, — И ты тоже... извини. Я, правда, погорячился тогда... Забудь, что я наговорил — можешь оставаться в Небесном Граде сколько пожелаешь.

Дотянись рукой — твоя... Нельзя, нельзя... И, смотреть на неё так — нельзя, нельзя... Как рука её в его руке лежала вспоминать — нельзя, нельзя... Тот поцелуй на губах до сих пор горит огнём, горько-сладкий, как дикий мёд — нельзя, нельзя... Он никогда не забудет его. Он хотел бы, чтобы это был сон... Но, кажется, он не спит... Он болеет ею, он дышит ею... Как ни жаль, но он её... Как спутник кружит по орбите, не в состоянии приблизиться к своей планете, всё время находясь на расстоянии... Он будет рядом — что бы ни случилось... Его золотая боль... Но, как объяснить неразумному сердцу, что стучится оно в закрытую дверь?

— О чем задумался, "Ланселот"? — Джек с тревогой и сочувствием посмотрел на Марка.

— Да так — ни о чём... — отмахнулся юноша, силясь улыбнуться.

— Ты мне симпатичен, парень. Но, не мешай их счастью. Разве мало они пережили? Разве они не заслужили мир и покой?

— А я не заслужил? — Марк резко дернул поводья и с вызовом посмотрел в карие глаза молодого хирурга.

— Я — врач тел, а не душ, — тот по-дружески положил ему руку на плечо, — Ты ещё обязательно будешь счастлив. Только не ценой благополучия других, — Марк опустил голову и не ответил.

— Не помешаю, мальчики? — поравнявшись с ними, ослепительно улыбнулась златовласая, подарив молодому хирургу нежный поцелуй и подмигнув Марку, — Как тут мой новообретенный названный братец? Отчего не весел? Неужели, великая я — не такая уж желанная находка? — самодовольно улыбнулась она и звонко рассмеялась.

— Я, правда, рад, что нашел тебя, — ответно кивнул юноша.

— О, какой же ты "находчивый" у нас! — девушка подарила ему ободряющий взгляд.

Наконец, они добрались до расположения войск Небесного града возле крепостной стены.

— Ренетте! ("Принцесса", "Княгинюшка" — домашнее прозвище Маргариты) — Шарль со слезами на глазах, с большой радостью снова заключил дочь в свои объятия, — Доченька, слава Богу, ты цела и невредима! Они нашли тебя! — повернулся он к Джону и остальным, — Благодарю вас, месье Жан, Джек, Дэни! Я перед вами в неоплатном долгу.

— Папочка! — Марго расцеловала отца в обе щеки, — Я так рада быть снова с вами!

— Но... а кто это? — он ошеломленно посмотрел в сторону Марка.

— О! Это долгая история, папуль, — ласково улыбнулась девушка, — Мы расскажем позже, когда немного отдохнём, ладно?

— А как же твоё здоровье, дорогая? — встревоженно поинтересовался Шарль-Анри, взяв дочь за руку.

— Папа, — Маргарита высвободила руку — Мне так жаль...

— Господи, детка! — он с силой прижал её к себе.

— Со мной всё хорошо, честно, — с улыбкой на лице, Маргарита заверила отца, — Джек осмотрел меня — у меня молодой здоровый организм, у меня ещё будут дети — всё ещё будет замечательно — верь мне, — молодой хирург глазами подтвердил её слова.

— Акеми... Даниэлла, — Марк дёрнул блондинку за рукав, — Тот высокий рыжий юноша — кто он?

— Этьен, кузен нашей Марго, а чем он тебя заинтересовал? — она смерила его изучающим взглядом.

— Да чтоб мне ослепнуть сию же минуту, если это не Ори-Кири! ("кири" — туман (яп.)) — парень хлопнул себя по лбу, — Он — повелитель иллюзий и тумана, не так ли?

— Быть того не может! — Дэни часто-часто заморгала, не зная, что и ответить на это, — Папочка! Питер, братишка! — она спешила, кинувшись в объятия подошедших брата и отца.

— Рады приветствовать, Ваша милость! — отсалютовал генерал Агни — высокий крупный рыжеволосый мужчина в алом мундире, Джон ответил лёгким кивком, — Разрешите доложить — в стане противника творится что-то непонятное, они сменили главнокомандующего вопреки воле правительницы.

— Что там происходит? — привлеченный шумом, доносившемся с той стороны стены, стиснув зубы от боли, Марк на своих длинных ногах легко соскочил с коня и, оттолкнув стоящего у бойницы лучника, он всматривался в узкий проём, стараясь хоть что-то разглядеть.

— Чего вы ждёте?! Почему не атакуете?! — выкрикнул советник, обращаясь к солдатам.

К расположившимся войскам приближалась Альвис с небольшим отрядом верных гвардейцев:

— Как это понимать, Лорд Тристан? По какому праву вы позволили себе взять командование моими войсками? — королева быстро спешила, с большим трудом сдерживая готовые сорваться с языка нецензурные выражения.

— А по какому праву мне будет указывать каждая продажная тварь?! Любовника твоего нет сейчас рядом, чтобы защитить тебя, поэтому — молчи, женщина. Я долго терпел этого бешеного короля, фактически, правя вместо него, находясь всегда в его тени. Моё терпение кончилось. Теперь я поступлю так, как давно хотел — я одержу великую победу, покрою своё имя славой и буду править обоими мирами.

— Да вы бредите! — её рука легла на эфес, — Вы сошли с ума, Лорд Тристан! Ваши деяния достойны суда трибунала.

— Ещё слово — и я не посмотрю, что ты особа женского пола! А пока — не мешайся! Поняла меня? — он заломил ей руку, приставив острие меча к шее.

Она явно не ожидала такого поворота событий, растерянно глядя на советника — в конце концов, Альвис была лишь просто женщиной — не больше, но, и не меньше.

— Нет! — заорал во всё горло Марк, наблюдая эту сцену из своего укрытия. Ещё чуть-чуть, и он готов был прыгнуть прямо со стены, чтобы вмешаться, — Она не заслужила такого обращения...

На крепостной стене мелькнул силуэт, и Альвис услышала, как совсем близко просвистела стрела, вонзившись в плечо Лорда Тристана. Хватка ослабла, и он, выругавшись, осел, пытаясь вынуть стрелу, его меч упал тут же рядом.

Все повернули головы в сторону стрелявшего, но там, где секунду назад возле зубца в форме ласточкиного хвоста стоял лучник, никого уже не было.

То, что хотел совершить Марк, проделала другая фигура — чудом, легко приземлившись на землю. Перекатившись, мужчина вскочил на ноги и подбежал к еле стоявшей на ногах правительнице:

— Святые Небеса! — он поддержал светловолосую женщину и прижал её к себе, глядя по голове, — Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Ты всё-таки жива! Господи, а я ведь давно уже оплакал тебя. Все считали, что ты тогда утонула — только эта лента и осталась от

тебя, — она только сейчас заметила повязанную на его плече тёмно-синюю атласную ленту.

Потрясённые солдаты в замешательстве смотрели на них, не зная, как им реагировать на всю эту ситуацию.

— Надир сошел с ума? — Даниэлла с беспокойством смотрела на открывающуюся перед ними сцену.

— Только ради одной женщины он стал бы так рисковать, — задумчиво произнёс Сэм, — Но, это невозможно — эта женщина мертва.

— Похоже, мы ошибались, Самаэль, — Кали указала рукой на златовласую королеву, — присмотрись внимательно.

— Кто эта женщина? Вы её знаете? — поинтересовалась Дэни.

— Когда-то она была фрейлиной княгини Азии. Много лет мы все считали, что она утопилась — покончила с собой от безответной любви к нашему князю. Бедняга Надир каждый день приносил ей свежие цветы, а она лишь снисходительно принимала его дары, достаивая его только улыбкой. С её исчезновением Надира как подменили, он попросил расчет и стал новым Робин Гудом. Только купеческая гильдия серьезно на него ополчилась, требуя судить его по всей строгости закона — так он и его люди оказались в заключении, ожидая смертной казни. Но, как эта женщина оказалась при Тёмном дворе, и что на ней за странная маска?

— Ты здесь? Но, как? — с трудом произнесла Альвис, не в состоянии поверить, что видит его — Ты не забыл меня? Надир, ты ещё помнишь? Помнишь меня?

— С того самого дня, как впервые встретил тебя возле фонтана в саду, — прошептал он, уткнувшись лицом в её плечо.

— Да, тогда ты был княжеским садовником, — улыбнулась она.

— С тех пор я изменился, — тихо ответил Надир.

— Я тоже изменилась. И тебе лучше не смотреть на меня, — Альвис отвернулась, — Правитель Тёмных Небес захотел меня и получил — что могла сделать одна слабая женщина против шести рыцарей, похищающих её? Ленту они специально оставили, чтобы меня уже не искали.

— Что? — он повернул её лицо на себя, — Что они с тобой сделали? — Надир осторожно развязал ленты и снял маску.

— Нет! Не надо, — Альвис опустила голову, — Не смотри на меня! Не смотри! — она пыталась высвободиться из его сильных рук, словно стальным кольцом, сжимавших её за талию.

— Забудь, забудь всё, что было — это не имеет равным счётом ни какого значения. Важно лишь то, что ты жива, и я сейчас держу тебя в своих объятиях, — Надир продолжал успокаивать её, — Если бы ты знала, как же я сожалею, что меня тогда не было рядом с тобой.

— А что случилось с тобой? Расскажи, как ты жил эти годы? — спросила правительница, но времени на ответ им не дали:

— Я сейчас заплачу от умиления. Bravo! Bravo, Ваше Величество! — подскочил Тристан, — Как мило — вы, всё-таки, нашли себе ещё одного охранителя. Да, только, чего стоит один этот безумец против целой армии? — он поднял с земли меч, — Или против меня? Глупцы, вы оба умрёте!

— У неё есть ещё защитник, — меч Лорда Тристана был остановлен другим мечом, — Пока меня не разжаловали, я — командующий этой армией! — Марк таки сделал это, он не

мог спокойно наблюдать и в считанные секунды был уже по другую сторону стены.

— Ах, ты ж, сукин сын! — сплюнул советник, — Ты всё-таки жив, Шнайдер?

— Не смей своим поганым языком сквернить память моей матери! И, да — для тебя я всё ещё именно командующий Шнайдер, — еле сдерживал себя Марк, чтобы не снести советнику голову одним взмахом своего клинка, потом он повернулся к войскам, — А теперь слушайте меня, солдаты: Небесный Град не желает вам зла. Вы не обязаны сражаться по принуждению. Я больше не ваш командующий, но, послушайте, что я вам скажу — Ваша повелительница не желает битвы, это было моё желание, но, я был не прав. Теперь вы свободны от ваших обязательств. Только ваш личный выбор. Прислушайтесь сейчас к себе — верите ли вы в то, что видите меня живым и невредимым, верите ли вы в то, что за этими стенами — не враги, а друзья. Перемирие между нашими народами было заключено задолго до нашего рождения, так, возможно, в нём имеется смысл?

— Марк, зачем? — Альвис с признательностью посмотрела на юношу

— А зачем ты сделала так много для меня? — он лишь улыбнулся ей в ответ.

— Невероятно... — Ями открыла рот от изумления, — Так это и есть он... тот самый Шнайдер...

— Номинально — да, — кивнул Джек, — но, он стал теперь другим человеком.

Войска в изумлении, молча, смотрели на них.

— Марк! — вскрикнула Маргарита и вжалась в проём бойницы, колотясь от волнения, — Что он делает?

— Нет, ну он, определенно, камикадзе, — прокомментировал молодой хирург, — Этот парень всё время поражает меня.

— Да, он просто ненормальный! Почему он делает это для королевы? Они же убьют их! — возмущался таким его безрассудным поступком Джон, — Ворота! Открыть мне ворота!

— Жан, ты что задумал? — Маргарита с ужасом посмотрела на него, — Ты же тоже ещё не оправился от ран...

— Иду за этим психованным, — Красный сердито нахмурил брови и решительно развернулся.

— Я прикрою тебя туманом, — Этьен сделал несколько пассов руками, глаза его стали цвета зелёного мха, а вокруг распространилось густое марево, — Тебе же он не будет помехой.

— Сэм тебя научил? — Джон одобрительно похлопал его по плечу, — Благодарю!

— Жан, не ходи! Не ходи туда! — Маргарита уже почти повисла на его шее, — Мы что-нибудь придумаем. Должен быть ещё вариант...

— Тебе же важен этот сопляк? Так я иду за ним, — он мягко убрал её руки, — Я не люблю долго оставаться в долгу, — подмигнул он.

Ями только отчаянно замотала головой, умоляюще глядя на брата.

Когда туман рассеялся, перед этими троими стоял человек в красном:

— Не стреляйте! Я безоружен, — он поднял обе руки в знак правдивости своих слов, — Посмотрите! Посмотрите внимательно на меня! Мы не желаем вам зла. Дайте мне забрать их за стену. Просто дайте нам уйти, и никто не пострадает.

Солдаты переглянулись, по рядам прошло перешептывание. Некоторые начали колебаться.

— Да что же вы стоите? Убейте их! — выкрикнул советник.

Несколько воинов встали перед ними:

— Но, Лорд Тристан, это неправильно... — они преградили ему путь, — Мы не можем... Она — наша королева... А тот человек безоружен. Мы — солдаты, а не варвары.

— Тогда — с дороги! Ни какая она не королева — как была шлюхой, так ею и осталась — Я сам разберусь с предателями!

— Нет! — раздался звон скрещивающихся мечей.

— Почему?! — опешил от неожиданности советник, — Вы идёте против своего командира?

— Потому, что мы верим, что эти люди говорят правду.

— Тогда вы тоже на стороне этих отступников!

И снова раздался звук сшибающихся клинков. Теперь с ними было ещё с полсотни гвардейцев Тёмных Небес.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты псих? — усмехнулся Джон, — Вот уж не думал, что буду прикрывать твою спину, — его глаза стали черными, он вытянул вперёд дрожащую от напряжения руку — и, вот уже, несколько воинов оседали под его смертоносным взглядом.

— Взаимно, — кивнул Марк, принимая боевую стойку, одной рукой раскидав ураганным порывом с дюжину солдат, — Могу повторить тебе твои же слова.

— Благодарю, Дхармараджа, но, вряд ли, я стою таких усилий с вашей стороны, — растроганно произнесла Альвис, она с трудом могла говорить от охватившего её волнения: впервые за многие годы она встретила знакомые лица тех, кого знала в прошлой жизни — Надира, старшего сына князя, которого вместе с сестрой и младшим братом — сыном своей госпожи, знала с самого их детства, воспоминания нахлынули, смывая всё то ужасное, что было в её жизни, — Ваша Милость слишком добры.

— Если вы против этой войны, Ваше Величество, то мы — на вашей стороне — он сделал знак Надиру и Марку, и они обступили женщину, защищая её.

Постепенно к обороняющимся присоединялось всё больше и больше солдат. Со стороны это всё выглядело довольно странно — друг против друга сражались люди в одинаковом облачении.

— Жаль... Хотелось решить всё по-хорошему... — Джон поймал взгляд Тристана и уже не упускал его, — Я и без оружия вполне опасен!

Советник медленно опустился на землю, на его лице вздулись вены, руки тряслись:

— Что ты сделал с моими людьми? Как ты заставил их выступить против своих товарищей? А ещё нас называете демонами... ты сам — исчадие Ада, — бросил Тристан в лицо Красному.

— Это их собственное решение! — Джон показал в сторону сражающихся, — Не я это начал, но, я это закончу.

— Чего ждёте? Лучники, к бою! — прохрипел Лорд Тристан.

— Я сегодня не в настроении для игр! — оскалился Джон, в его глазах была абсолютная ночь, — Отзовите своих людей! Прекратите эту бессмысленную битву. Первый, кто обнажит меч — отведает моей силы! — он сжал пальцы на его шее, — Слушай сюда: ты запятнал свою честь воина, и я могу отправить тебя прямым в ад, тогда ты больше не причинишь вреда ни кому. Тебе ведь дорога твоя жалкая жизнь? А, советник? Или мне объяснить более доходчиво?

— Да что же это такое происходит? — Маргарита повернулась к Сэму, — Они же не станут стрелять? Правда?!

— Вот, теперь, пожалуй, стоит вмешаться, — Самаэль сделал знак стражникам отойти от ворот.

— Лучникам не стрелять! Вы меня слышите? — прокричал Тристан, когда Красный ослабил хватку, — Опустить оружие! Никому не стрелять!

— Самаэль, открой скорее ворота! Я с тобой! — Маргарита посмотрела на него со всей решительностью.

— Ты куда собралась? — Кали развернула её лицом к себе и с силой встряхнула, — Ты в своём уме?

— Дочка, нет! — попытался возразить Шарль, — Там опасно!

— Там мой муж! — Маргарита высвободилась из хватки рыжей богини, — Там Джон! Там Марк! Сейчас они рискуют своими жизнями, пытаюсь остановить кровопролитие. Я должна быть там. Я должна помочь, — Самаэль, прошу тебя! — девушка взяла мужчину за руку.

— Несправедливо будет, если всё веселье достанется парням, — Сэм самолично направился открывать ворота, — Мы все идём.

— Узнаю своего Сэма, — улыбнулась рыжая богиня, беря его под руку, — Лучше было бы армии Тёмных Небес не злить его.

Ворота вновь открылись, и появился Самаэль, он раскинул руки и по его велению в воздух поднялись сотни солдатских мечей, со скрежетом и лязгом, сплетаясь в единый клубок металла — на лбу выступила испарина, брови были сведены от усилия:

— Я Лорд-протектор Небесного Града — Махасаматман, Бич Демонов! И вы вызвали мой гнев! — размахистым движением руки он отбросил комок погнутых клинков как можно дальше, — Но, мы готовы отпустить вас с миром.

— Жан, с вами всё в порядке? — девушка кинулась ему на шею.

— Всё хорошо, родная, — он привлёк её ближе к себе и не отпускал, пока оба не утолили свою жажду поцелуев.

— Я так рада, просто счастлива, — на её лице была самая безоблачная улыбка, а его

объятия были самым безопасным местом во всей вселенной, — Ты один из немногих совершенно безрассудных людей, которых я встречала! — Маргарита обратилась к Марку.

— Ты беспокоилась обо мне, правда? — трепетно прошептал парень, когда девушка обняла его.

— Ну, конечно же, Марк, — Маргарита погладила его по щеке, — я ведь люблю тебя: как друга, как брата...

— Но, не как мужчину? — покачал он головой, усмехнувшись.

— Увы, — развела руками Маргарита и улыбнулась.

— Действительно, увы... — юноша положил руки ей на плечи.

— Где-то по нашей земле ходит та, что избрана для тебя, — она подняла на него глаза, — я знаю точно, и мне не нужно быть для этого ясновидящей. Не стоит тратить свою драгоценную жизнь на меня, когда где-то тебя ждёт твоя судьба. Кто знает, когда вы встретитесь, но, тогда ты поймёшь, что твоё сердце ждало именно её — и это буду не я.

— Ваше Величество, — Маргарита подошла к правительнице Тёмного Двора, — позвольте исцелить ваших воинов, — потом она повернулась к друзьям, — Они не питали ненависти к нам — они, лишь простые солдаты, их семьи ждут их.

— Вы очень великодушны, княгиня, — поклонилась Альвис, — Тристан прав — какая из меня королева?

— Намного лучше, чем вы думаете о себе, — улыбнулась девушка.

— Тогда, пока я ещё имею какую-то власть, я должна выйти к своим людям и объяснить им, что нечего бояться того, что будет сейчас происходить, что вы не причиняете им вред, а спасаете их жизни.

— Ты ведь всё равно не успокоишься, пока не будет по твоему, верно? — Даниэлла уже приняла Облик Лунной Госпожи, — Их слишком много, но, кое-что мы, действительно, можем сделать, пока ими успеют заняться врачи, — Да прольётся исцеляющий свет Солнца и Луны! Да возликует всё в свете его! — сила Хранителей сверкающим и мерцающим всеми цветами радуги свечением распространилась над лагерем, покрывая раны бойцов защитным покровом.

— О! Как интересно — так, эта девчонка так много значит для них обоих, — пока на него не смотрели, Тристан достал спрятанный в сапоге нож и резко метнул его, — Тогда, как вам двоим понравится, когда вас лишат того, что вам так дорого?

— Хранительница, пригнись! — когда её оттолкнули, Маргарита ударилась о землю и, как в замедленной съёмке, увидела залитое кровью лицо Рафа, к которому кинулись Джон и Самаэль. Нож прошел по касательной, рассёк правый висок, задев глаз.

— Прости, брат — я был ближе, ты бы не успел, — прошептал Рафаэль, — на раздумья не оставалось времени...

— Братик. как же так?! — бросилась к нему Ями — Только не умирай, пожалуйста!

— Ты... даже не представляешь, что ты только что сделал, — Джон с надеждой искал глазами друга-хирурга, на мастерство которого оставалось уповать.

— Пустое... Я не сделал ничего выдающегося, — силился улыбнуться младший принц, — Я вернул свой долг и могу теперь спокойно принять наказание.

— Рафаэль, мальчик мой, держись, — Альвис прижала его к себе, — Прости, это всё моя вина. Я лишь недостойная слуга своей госпожи. Если бы моя жизнь могла исправить всё,

то, я бы с радостью отдала её.

— Рано вы хороните его, мадам, рана не смертельна — он будет жить, — Джек был уже рядом и доставал из своего походного саквояжа перевязочный материал, — Я постараюсь сделать для него всё, что в моих силах, чтобы вернуть ему зрение, — он посмотрел на Джона, — Распорядись, чтобы медики готовились принимать раненых.

Двое солдат тут же заломили руки Тристану и подвели его к Джону и Самаэлю.

— Оставьте его мне, — вышла вперед Кали, в глазах рыжеволосой богини горело пламя негодования и возмущения, — Ты дважды посмел поднять руку на женщин! — Кали схватила его за ворот и подняла с земли, — Тебя великодушно пощадили, но ты обратил своё оружие против той, кто пыталась исцелить твоих же людей, гнилая твоя душонка! Ни что меня так не бесит, как самовлюбленные мужчины, считающие себя выше женщины!

— Ну, что же — тогда я могу быть спокоен, — удовлетворённо улыбнулся Красный, — С вашего разрешения — меня сейчас больше волнует мой брат. Оставляю это ничтожество на тебя, Госпожа Кали.

— Уберите от меня эту сумасшедшую! — в ужасе завопил Тристан, не в силах выдержать яростного огня её зелёных глаз.

— Следи за словами! Эта сумасшедшая, как ты выразился — моя жена, и я не могу лишиться её удовольствия проучить тебя за вероломство и неуважение к женщине, — улыбнулся Самаэль.

— У меня такое стойкое желание повесить тебя на твоих же кишках, — холодно усмехнулась Кали, — Соблазн велик, как думаешь, поддаться искушению? — презрительно фыркнула она, — Живи, червяк. Имей смелость принять свою судьбу. Тебя будут судить.

— Тогда, вы должны судить и других, — язвительно заметил он, — тех, кого вы так рьяно защищаете.

Рыжая сурово взглянула на него — ясно было, на кого он намекает:

— О себе беспокойся! Что-то я не слышу раскаяния в твоём голосе и не вижу его на твоём лице, — Кали обратилась к стражникам, — Уведите его и закройте! Глаз с него не спускать! — приказала она

— Ваше Величество, по Вашему приказанию, Охотник доставлен, — сообщил гонец.

— Прекрасно, — с облегчением выдохнула Альвис, — Где он? Приведите его.

— Ты кого-нибудь узнаешь из присутствующих? — королева обратилась к ракшасу.

— Неужели... — Охотник безошибочно остановил взгляд на высоком бледном юноше со светло-сиреневыми волосами, — Он...

— Верно, этот юноша — твой сын, — она утвердительно кивнула, — вам о многом нужно поговорить.

На королеву и стоящего рядом с ней устремились ошеломлённые взгляды — в памяти ожил страшный эпизод сражения в парижских катакомбах, по телу пробежали мурашки, дрожь и ужас захватили разум и плоть.

Неужели такое возможно, что этот мальчик, что стоит сейчас рядом с ними, который только что готов был вместе с ними противостоять армии Тёмных Небес, который на их глазах претерпел такие удивительные изменения, мог быть сыном демонического киллера бывшего готовым убить их в мрачных холодных пещерах под Парижем.

Это то, что с трудом поддавалось пониманию. Зато, они знали, что значит отец в жизни каждого...

Они не смели и слова вымолвить, а глаза Марка горели бессильной яростью:

— Зачем ты сделала это, Альвис? Какого чёрта! — парень снова и снова посылал ураганный поток, но ракшас оставался стоять на месте, — Я не желаю его видеть.

— Ты абсолютно прав, Марк, — ему нечего было возразить на это, и каждое слово сына плетью хлестало по совести, — я заслужил твой гнев и твоё презрение. Я очень виноват перед тобой. Я не был готов... Потом, когда я опомнился и решил исправить свою ошибку, было уже поздно — ты сбежал из приюта. Меня не было рядом, когда я больше всего был тебе нужен. Я винил тебя в смерти твоей матери, а потом стыд и страх мешали мне сделать первый шаг. Мне было проще избегать тебя. Можешь избить меня, если тебе от этого полегчает.

— Да, ты слишком опоздал. Я уже давно не нуждаюсь в тебе, — процедил Ио, стиснув зубы и пальцы рук до судороги.

— Я боялся, да я боялся, что не смогу дать тебе ничего... Мне казалось, что так для тебя будет лучше. Хотел уберечь тебя от такой судьбы, как у меня.

— Зачем ты мне всё это говоришь? — парень укоризненно посмотрел на отца, — Я не собираюсь слушать тебя. Ты для меня чужой человек — я не знаю тебя и не хочу знать.

— Нет, ты выслушаешь меня, — Охотник сделал попытку приблизиться хоть на сантиметр.

— Не подходи ко мне! — парень изнуренно опустил на колени, а в глазах стояли слёзы, — Ты выбросил меня из своей жизни, как ненужную вещь.

— Хорошо, если ты так хочешь, я уйду, — ракшас повернулся и отошел, снова став подле королевы, — Зря Вы старались, Ваше Величество.

— Дай ему возможность высказаться, — Маргарита присела рядом с юношей и взяла его за руку.

В неистовом порыве он с силой обнял её, продолжая усиленно мигать, сдерживая слёзы:

— Я не хочу его видеть... не хочу... или хочу? Я ничего не понимаю... не понимаю...

— Она права — потом ты будешь сожалеть, но не сможешь уже ничего исправить... Поверь, я знаю, что говорю, испытав сам, — попытался приподняться Рафаэль, но его попытки были пресечены Джеком, пытавшимся справиться с кровотечением пока не будет подготовлена операционная, — У тебя же ещё есть шанс.

— Вставай, — Маргарита медленно поднялась, поднимая и его, поддерживая под руки.

— Это же твой отец, не дай ему уйти, — Джон сильнее сжал руку Маргариты, щемящая горечь снова наполнила сердце — он бы многое отдал за то, чтобы увидеть отца хоть на минуту.

Не проронив ни слова, они стояли друг напротив друга — оба одинаково высокие и худощавые, с одинаково мертвенно-бледной кожей, светло-серой, почти прозрачной радужкой глаз, и ветер развевал их длинные волнистые волосы серо-лилового оттенка...

Неожиданно, ракшас просто протянул вперёд руки — этот, скорее интуитивный, неосознанный жест застал парня врасплох. Он, тоже, скорее по наитию, метнулся в объятия отца. Они продолжали молчать.

— Мама... Расскажи мне, какой она была, — наконец, тихо попросил молодой человек.

— Для меня — лучше её не было ни кого, — твердо ответил ракшас.

Все смотрели только на этих двоих.

— Что ты хочешь узнать? — тихо спросил он.

— Всё! Расскажи мне всё — ничего не упусти и не забудь. Мама... — тут юноша дёрнулся, и за спиной его появились большие прекрасные серые крылья, а на нём — светло-серебристая туника до колен и такого же цвета сандалии, в его косе сверкала серебристая лента — это было поистине великолепное зрелище.

Даже доктор не мог спокойно наблюдать эту сцену — столько лет уже прошло, а ему всё так же не хватало родителей, словно открылись старые раны, отдавая ноющей болью в груди.

— Это в самом деле я? — Марк с удивлением осмотрел себя.

— Что это? — спросила потрясенная Даниэлла.

— Он сумел отпустить свою боль, и в нём проснулась сила Хранителя, — улыбнувшись, объяснил Джон.

Маргарита была так рада за парня — ей, наверно, очень повезло в жизни — она была поздним и долгожданным ребёнком, в семье её обожали, в том числе и отец души в ней не чаял, она всегда ощущала его заботу — когда она заболела, сам готовил ей бульоны — матери не доверял, учил кататься на велосипеде и роликах, первый её плеер и первый магнитофон были привезены им из заграничных командировок, они вместе часто ходили на концерты любимых исполнителей...

Она с трудом пыталась понять, как это можно, чтобы отец бросил своего ребёнка, или, чтобы ребёнок ненавидел своего отца — оттого и испытала такую отраду, видя, что отец и сын нашли в себе силы и мудрость встать на путь примирения и сделать первые шаги навстречу друг другу, признать, что для обоих это очень важно. Она так и стояла — в одной руке держа руку мужа, в другой — отца.

— Я так виноват перед тобой... И нет оправдания моей вине, — покачал головой ракшас, — Мне проще было ни в чём не повинного младенца обвинить во всём, чем признать, что это из-за меня. Будучи нищим художником, я был счастливым — это я теперь

понимаю. Того человека, которого звали Лев Витриченко, уже нет. Тот человек умер двадцать лет назад... Я ни когда не забуду тот день, когда появился этот дьявол в ангельском обликии... Не приведи Господь Вам с ней пересечься. Лаура... О, она умеет быть убедительной. Она появилась, словно из ниоткуда и она знала всё обо мне, все мои страхи, секреты, желания и слабости, в которых я не смел признаться даже самому себе. И я, как последний идиот, поверил ей. Я мечтал стать знаменитым, чтобы Руслана, наконец, обратила на меня своё внимание. Она, сиявшая в лучах софитов и камер, далёкая и недоступная, как звезда. Я хотел разбогатеть, чтобы моя любимая женщина ни в чём не нуждалась. И, знаешь, Лаура исполнила своё обещание — она наделила меня силой, странной силой, и, как по волшебству, мои дела пошли как нельзя лучше, я стал богатым и знаменитым, и судьба подарила мне встречу с той, о которой я до той поры мог лишь безнадежно грезить. Но, не сказала, что платой за это станет не только моя душа, но и жизнь дорогого мне человека. Твоя мать была очень храброй женщиной, она не бросила меня, как я ни настаивал. Она приняла меня, несмотря на то, кем я стал. Она переживала только за твою судьбу. А я не смог её защитить, я обещал ей и не сдержал своего слова. Роды были преждевременными. Ты родился очень слабым. Я не понимал ничего и не мог поверить до тех пор, пока не увидел Лауру, выходящей из палаты своей жены — уж не знаю, что она внушила персоналу... Скорее всего, притворилась несчастным ребёнком, ищущим палату своей матери... Как же не помочь бедняжке? Только потом до меня дошло — когда на моих глазах она стала бледнеть, а приборы, подключенные к ней, словно взбесились, показывая стремительное падение артериального давления — что случилось: её жизнь в обмен на твою. Врачи не успели её спасти, она просто истекла кровью, они не понимали, что происходит, но — я-то знал... Я понимал её поступок как матери, но, как жену — не мог простить того, что она оставила меня одного, не мог простить и тебя, что стал причиной этого выбора. Но, самым страшным и самым прекрасным было то, что Руслана сказала мне перед смертью — что она полюбила меня не за деньги или славу, а просто потому, что поверила моим чувствам. Я точно обезумел от горя, и демоническая моя часть окончательно одержала верх над человеком. Я не присутствовал на похоронах, я оставил ребёнка в клинике, оставил тебя... Меня охватывала, то ярость, то отчаяние — я прокручивал в памяти воспоминания своей жизни, единственное ценное, что у меня оставалось. Я хотел сбежать, но мне не было куда идти. Дома всё напоминало о прошлой жизни, о том, что я погубил, погубил самое дорогое, что было у меня — свою семью. Я проклинал себя и своё бессмертие. Я не был достаточно силён, чтобы противостоять Лауре, но, судьба снова подарила мне встречу — на это раз с ныне покойным правителем Тёмных Небес. Я принёс ему клятву верности в надежде когда-нибудь обрести силу, достойную сравниться с мощью одной из сильнейших среди Павших, и стал служить своего рода чистильщиком, наёмным убийцей, если угодно. Когда я опомнился, было слишком поздно — я уже не мог бросить свою службу и потерять твой след. Я подумал, что это, возможно, и к лучшему — она тоже не сможет найти тебя. Я и сейчас ничего не могу дать тебе, но, теперь я могу быть спокоен за тебя, рядом с тобой — друзья. Надеюсь, ты разрешишь мне хоть иногда навещать тебя? — юноша молча кивнул.

"Лаура..." — от этого имени закружилась голова, и Маргарита побледнела, нервно сглотнув и, не дыша, вцепилась пальцами в руку мужа.

А Марк слушал всё и не мог поверить, что это — история его семьи, его история... Подбородок его дрожал, и непрошенные слёзы сами текли по щекам:

— Знаешь, а ведь я догадался ещё тогда, в пещерах под Парижем — я следил за ними и видел всё тогда. Я никогда не видел тебя, но почему-то понял, кто ты. Мне стоило бы вмешаться, но, я не мог выдать себя. Потом я последовал за тобой — ты привёл меня к Тёмному Двору — какая ирония судьбы, не правда ли? — усмехнулся Марк, потом его лицо стало абсолютно серьёзным, — Обіцяй, що ми разом поїдемо до Львову — покласти мамі квіти. (Обещай, что мы вместе поедem во Львов — положить маме цветы. Укр.)

— Обіцяю — поїдемо, коли схочеш. (Обещаю — поедem, когда захочеш. Укр.) — только и мог тихо ответить Витриченко-старший, сдерживая наплыв сладостно-болезненных воспоминаний.

— Ты осознал и сделал нечто очень важное, что освободило твою силу Хранителя. Главнокомандующего Ио Шнайдера больше нет — есть Хранитель Земли, Менестрель Ветров — Марк Львович Витриченко, — улыбнулась правительница Тёмного Двора, — Я с радостью освобождаю тебя от занимаемой должности, чтобы ты мог присоединиться к защитникам Небесного Града — твоё место рядом с ними. Надеюсь, ты не будешь возражать, чтобы это место занял господин Надир?

— Это просто чудо! — всплеснула руками Маргарита, глядя на него с неподдельным восхищением.

Юноша смущенно улыбнулся.

Он стоял, а мысли его был где-то далеко — он не знал, радоваться ему или плакать: он не смел даже мечтать о том, чтобы стать на равне с ними, с другой же стороны, он думал, что, покинув их, сможет забыть её, сможет заглушить этот голос в своей голове, что постоянно повторял её имя, сможет подавить в себе эту страсть. Но, Боже, как же будет это трудно сделать, если он будет видеть её каждый день... каждый день с другим... каждый, бесконечно долгий, день... И нескончаемо длинные одинокие ночи. В серьёз испытать значение слов "желать" и "не сметь"... Господи, дай сил! Дай сил! Ещё одна горькая насмешка судьбы. Так, смеяться ему или рыдать? В любом случае, он не смог бы уйти — все дороги вели к ней, только к ней, а там, будь, что будет...

— Рады приветствовать в Высокой Обители, Хранитель Марк! — Джон протянул ему руку.

— Позвольте служить Небесному Граду, Ваша Милость, — тот преклонил колени.

О если б только мир узнал,

Как чистая Любовь рождает Душу,
Которая суть Женщин распознав,
Их превращает в Ангелов...

А если ангел я? — так Ты тому причина...

Раз я живу — то только для Тебя...

Да... только для Тебя...

Тобою превращенный в ангела мужчина.

сериал "Angel o demonio"

Эти строки спонтанно пришли на ум, когда он увидел улыбку Маргариты — полную радости и гордости за него. Златовласая стояла рядом и тоже улыбалась.

— Так это ты — маленькая человечка с сердцем великого человека? Ты его преобразила. А ты очень интересная человечка. Спасибо, что поверила в него, — Лев Витриченко выразил свою признательность Маргарите в поклоне, она ответно поклонилась, потом он повернулся к Альвис, — Спасибо Вам, Ваше Величество, что поддержали и направили его, рискуя своей репутацией и своей жизнью.

— Мне это совсем не было в тягость, — мягко улыбнулась королева.

— Ваше Величество... — обратилась к ней Маргарита, — Джек, мы можем что-нибудь сделать для этой леди? — девушка кивком указала на маску на лице королевы.

— Я мог бы посмотреть, если Ваше Величество позволит... — согласился молодой хирург, — Как только закончим с ранеными. Посмотрите на меня, на моё лицо — я понимаю вас, как ни кто другой, поверьте.

— Доверьтесь нам, — видя стеснение и неловкость Альвис, Маргарита взяла её за руку, — Не бойтесь — доверьтесь нам, как доверились ваши люди. С Вами поступили очень несправедливо, но мы попробуем исправить это.

— Прошу, снимите вашу маску, — попросила Даниэлла, — Это облегчит работу Джеку, — она поднесла ладони к лицу женщины, и шрамы стали заметно меньше, а на пальцы девушки падали слёзы из глаз королевы.

— Надеюсь, вы не будете против того, чтобы возобновить действие мирного договора, Ваше величество, — предложил Джон, — Лорд-протектор, Самаэль, я уверен, с удовольствием подпишет его.

— Лорд-протектор? — переспросила она, и голос её дрогнул, — а почему не князь?

— Князь скончался, Ваше Величество, — Джон опустил голову.

— Как жаль. Он был великим человеком, — Альвис обняла его, столько лет она пыталась обвинить князя в том, что случилось с ней, а теперь осознала всю бессмысленность своего гнева, — Примите мои соболезнования. Разрешите тогда мне почтить его память и память моей госпожи, — Вайвасват ушел, и от этого стало так тоскливо, что только мысли о преданном и любящем Надире не давали окончательно расклеиться.

— Как пожелаете, — он не стал возражать.

— Жан, а знаешь, что это значит? — обняла его Маргарита.

— И что же, любовь моя? — вопросительно изогнул бровь мужчина, не сдерживая улыбки.

— Это значит — конец войне! — улыбнулась она, — Где твой верный Азраэль? Пора ему отнести радостную весть в Джайпур и нашим близким в Париже. Это значит, что наши матери, твой сын, Роза и Аделька могут вернуться, как и другие беженцы, покинувшие свои дома.

— А, когда солдаты закончат своё лечение, то мы устроим праздник и откроем двери главного дворца для всех желающих, — подытожил Самаэль, — Надеюсь, госпожа Альвис не против погостить у нас подольше?

06. Формула бесконечности: 1+1=3

Когда в мобилизации жизненных сил уже не было острой необходимости, ранения дали о себе знать — сквозь бинтовые повязки просачивалась кровь из открывшихся ран. В глазах Маргариты отразилась нескрываемая паника, когда увидела, как побледнело лицо мужа, а рука, которой она обнимала его, стала мокрой и липкой от крови.

Марк волевым усилием простоял ещё пару минут, пока беспомощно не повис на руках подоспевшего отца.

— Ну, чёрт возьми, полный анамнез! Пипец, как с вами весело, — чертыхнулся доктор, — Носилки быстро! Им срочно нужна медицинская помощь.

И только когда переломный момент состояния здоровья больных был благополучно преодолен, молодой хирург смог вздохнуть с облегчением, и даже более того — в очередной раз высказаться об их поведении.

Из-за двери доносились голоса. Яснее всех различался голос Джека:

— Ненормальные! Нервнобольные! Да вы с ума посходили! Натуральные психи.

Дальше последовал поток таких невообразимых японских ругательств, что Даниэлла невольно рассмеялась. Громко хлопнув дверями, молодой хирург вышел из палаты. Услышав шаги, девушка инстинктивно прижалась к стенке, но когда появился Джек, сделала шаг навстречу:

— Привет!

Он внимательно смотрела на неё. Карие глаза сверкали негодованием.

— Ты не можешь утихомирить этих... малявок?! — Джек сделал небрежный жест, который, должно быть, символизировал презрение к "этим малявкам".

— А что они на этот раз натворили? — поинтересовалась белокурая.

— Сама полюбуйся, — доктор приоткрыл дверь, — они кидаются подушками! Это уже слишком!

— Это хорошо, — улыбнулась Дэни, — значит, они поправляются и смогут со мной поговорить. Поверь мне — я найду что сказать этим мальчишкам.

— Прости, родная, они меня вывели из себя, — он развернул девушку лицом к себе и, заключив в крепкие объятия, запечатлел на её губах чувственный поцелуй, — Меня ждут дела — ещё увидимся, милая. Мне ещё много пациентов нужно осмотреть.

— Тогда увидимся позже, дорогой, — Даниэлла проводила мужа и вернулась к парням:

— Здравствуйте, мальчишки! Ну, как Вы себя чувствуете? — ласково спросила она.

Марк с опаской и недоверчивостью покосился на неё и прошептал "нормально", а Джон буркнул:

— Какая трогательная забота.

— О, нет, — ещё приторнее сказала Ди, — я хочу узнать, не заказать ли Вам гробы, пока не поздно... А, может, один на двоих?

— Рано радуешься, мы ещё живы, — отпарировал Красный, приподнявшись, но

удержаться в вертикальном положении ему не удалось

— Ну, и видок у вас, ребята. Да и чувствуете Вы себя, наверняка, не лучше, чем выглядите, — продолжала издеваться она.

Джон показал ей кулак:

— Ну, подожди, вот только встану...

— Если встанешь, — закончила за него девушка, — откуда ты знаешь, дорогой — может быть, тебя вот он, — она перевела взгляд на Марка, — как-нибудь ночью косичкой своей задушит?

Увернувшись от запущенной в неё подушки, она покачала головой и удовлетворённо вздохнула:

— Вот только это вы и можете — сыпать пустыми угрозами и швыряться посторонними предметами, — Джон в этот момент подумал, что неплохо было бы кинуть в неё головой Марка, но удержался, и вслух эту мысль не высказал, — Но стоит дойти до дела... шо ви тут їсте, хлопці? (что вы тут едите, мальчики? Укр.) — языки всегда с лёгкостью давались Даниэлле, и ей особое удовольствие доставило подколоть парней.

Не успели они опомниться, как девушка уже была возле столика с едой:

— Так-так... фрукты — это хорошо (Джонни, хочешь вишенку?) А это что такое?? Конфеты?! Шоколадные?! Да ещё с ликёром?! Подлежит конфискации!

— Не трогай! — хором закричали оба.

— Не-а, хлопці, это я себе забираю. Марко, тебе алкоголь противопоказан даже в таких количествах. Представь, что ты на своей дуде наиграешь, если таких конфеток поешь? Джонни, я тебе уже говорила и ещё раз повторяю, что ты слишком увлекаешься сладким. Так что — никаких конфет. Совсем без меня разбаловались! И куда Маргарита только смотрит?

— О, мерзкая, отвратная девица, — промурлыкал Джон голосом оскорблённой невинности.

Неожиданно отозвался Марк:

— Не нявай, кішко, коли хвоста прищепили (Не мяукай, котище, когда хвост прищепили. Укр.).

— Что?!!! — рявкнул Джон.

— Хе-хе, Марку, ще пам'ятаеш рідну мову? Дуже добре! (Марк, помнишь родную речь? Очень хорошо! Укр.) — усмехнулась златовласая.

— Переведи! — приказал Красный.

— Он сказал, чтобы ты заткнулся, — объяснила Даниэлла, подавив смешок.

— Ах, ты...! — парень силился грозно сверкнуть глазами.

— И назвал тебя котом, — продолжила златовласая, уже почти сгибаясь пополам и задыхаясь от приступа смеха.

— С-с-собака! — прошипел Джонни.

На секунду наступила тишина, а потом все трое начали хохотать.

В комнату вошла Маргарита:

— Ребята, я вам бульончика принесла. Как самочувствие? — девушка поставила поднос с чашками на столик между кроватями.

— Уже прекрасно, любовь моя! — и в доказательство этих слов Джон попытался встать, но, не удержав равновесие, вместе с Маргаритой упал на кровать.

— Ну, вы так прямо и сказали бы — я бы хоть отвернулся, — фыркнул Марк, надув губы.

В палате опять раздался смех.

— Мы непременно вернёмся к этому вопросу, дорогой, когда твоё состояние улучшится, — шепнула Маргарита мужу на ухо, и улыбнулась, — Сорри, ребята, я ещё Рафаэля хотела навестить. Но, я обязательно скоро вернусь.

— Твоя жена, Дхармараджа — удивительная женщина, — прокомментировал Марк.

Джон с удовлетворением рассмеялся:

— Ну, я это знаю и без твоей подсказки!

— Марк, ты просто прелесть, — Маргарита нежно провела рукой по его волосам.

— Марго, ты МАРКО-манка, — развела руками златовласая, и, взяв подругу под руку, послала парням воздушный поцелуй, — Чао, бамбини! Мы с Мэгги пошли, а вы тут не разнесите всё.

— Всё-таки, ответь мне — почему? Почему ты помог вернуть меня к жизни? — смуглый мужчина сел на подоконник, с любопытством глядя на Марка.

— Ты спрашиваешь почему? — Марк смерил его изучающим взглядом, — Если бы не ты, не вы с Даниэлкой — Маргарита никогда не стала бы прежней. Я потерял её, а вы вернули. Без тебя она бы не вернулась. Хотя — невозможно было потерять то, что не принадлежало мне. Я был перед тобой в долгу. И ещё — просто потому, что её желание для меня — всё. Ты бы видел, как она смотрела тогда. Видел бы ты её глаза тогда — разве мог я отказать ей? Я могу лишь мечтать, чтобы она относилась ко мне так же, но она выбрала не меня. Приглядишься — как она красива, всмотришься в её глаза — как они прекрасны от того, что в них живет любовь, запомни и не забывай никогда — ты так преобразил её, ты и в ответе теперь за неё — помни это всегда.

— В любом случае — спасибо, — Джон спрыгнул с подоконника.

— Хотя я и завидую тебе немного, я — не враг тебе, — парень прямо посмотрел на Джона, — Надеюсь, что и ты мне — тоже.

— Ты показал себя с новой стороны и заслужил стать Хранителем. Ты достоин уважения. Я тоже не хочу быть тебе врагом, Марк, — мужчина протянул руку.

— Рад это слышать, правда, — юноша ответил на рукопожатие, — Только запомни — я всегда буду на её стороне и буду защищать её от всего, даже от тебя, если ей когда-нибудь придётся страдать по твоей вине.

— Я запомню это, — улыбнулся Красный.

В соседней палате под контролем врачей проходил лечение Рафаэль, которого и собралась проведать Маргарита:

— О! Смотрю, тебе поклонницы уже и цветы принесли, — посмотрев на букет цветов в большой вазе, она подмигнула, ставя на столик поднос с завтраком.

— Скажешь ещё тоже! Это... — младший принц покраснел и улыбнулся.

— Спасибо тебе, Рафаэль! Ты спас мне жизнь, — девушка благодарно улыбнулась, поправляя ему покрывало.

— Чего уже там. Ты первая спасла мою, — он сделал попытку привстать на подушках.

— Тшш! — Маргарита вернула его в прежнее положение, — Не так резко. Ты еще слаб. Или мне дока позвать, чтобы он сделал тебе укол успокоительного? — шутя, пригрозила она.

— Мной уже пугают непослушных принцев? — усмехнулся вошедший Джек, — Давай я сниму повязку и осмотрю тебя. Я сделал всё, что можно, учитывая то, чем я могу располагать тут. Надо будет взять тебя на консультацию в клинику, где я работаю — возможно, с современными технологиями, мы сможем сделать для тебя больше, — Рафаэль с надеждой посмотрел на него.

— Простите, я могу войти? — на пороге появилась Ями с корзиной фруктов, — Если я не вовремя, то я приду позже.

— Проходите, дорогая леди, — улыбнулся молодой хирург, — Я уже закончил, — он выразительно посмотрел на Маргариту, — Мы как раз собирались уходить. Я только что сказал ему и повторю при вас, что настоятельно рекомендовал бы показать его своим знакомым специалистам.

— Благодарю вас, доктор, — поклонившись, улыбнулась девушка доктору и Маргарите.

— Ну, мы вас оставляем, — Ями проводила их до двери.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, присев на кровать рядом с ним.

— Как видишь — живой, — буркнул Рафаэль, стараясь не показывать свою радость от того, что она сейчас здесь, что он видит её сейчас так близко.

— Ну, зачем ты так, Рафаэль? Я же беспокоюсь о тебе, — она убрала волосы с его лица, с участием глядя на его повязку через правый глаз.

— У вас есть о ком беспокоиться, миледи. У вас есть брат, — он резко повернул голову в противоположную от девушки сторону

— Нет, ты просто невыносим! Почему ты пытаешься оттолкнуть меня? — она чуть не зарыдала от незаслуженной обиды, — Джанъян — мой родной брат, естественно, что я волнуюсь за него! Я и за тебя переживаю не меньше, — потом добавила чуть слышно, — если, не больше...

— А кто для тебя я? — он повернулся, сосредоточенно глядя на неё.

— Я... я не знаю уже... — девушка вся вспыхнула румянцем.

— Зато, я знаю, — он привлёк её к себе, всматриваясь в это бесценное выражение смущения и ещё чего-то, пока не ведомого даже ей самой, — Ты чувствуешь ко мне нечто большее, чем привязанность к брату? — поддерживая одной ладонью её голову, он второй рукой поднял её лицо на себя и обжег губы долгим горячим поцелуем, — Чувствуешь ли ты ко мне то же самое? — спросил он, наконец, отпустив её от себя.

Так и не ответив ему, девушка пулей вылетела из палаты, едва не расплакавшись.

Парень опустил голову на колени:

— Придурок! Ну, вот, что ты наделал, а? — он обращался к себе в третьем лице, как будто поучал провинившегося мальчишку, — Взял, всё испортил — она теперь будет тебя сторониться, как прокаженного и обходить десятой дорогой — так тебе, дураку и надо, сам виноват, кретин озабоченный. Она же такая хрупкая, такая неземная, такая... К ней подход особый нужен, а ты тут со своими поцелуями лезешь. Ты бы ещё в постель её сразу затащил. А ты поинтересовался — может, ты ей, вообще, противен? То-то же! А всё туда же — не умеешь тестостерон свой контролировать, так и нечего даже смотреть в сторону приличных девушек. Ты не должен был этого делать... Не должен...

Маргарита была счастлива узнать, что Джон и Марк быстро восстанавливали силы, и уже могут покинуть больничное крыло — сегодня, спустя многие дни, они с мужем снова проведут ночь вместе.

Маргарита поставила на столик поднос с двумя чашками кофе с молоком и корицей и блюдцем с круассанами с шоколадом, присыпанными сахарной пудрой.

— Мадам Дестинофф, вы стали ещё прекраснее, — Джон взял её за руку, пытливым изучая взглядом, — А к этому кофе ещё десерт прилагается? — он притягательно сузил глаза.

— Хотите сказать, месье, что вы уже идёте на поправку? — Маргарита знала, что никогда не могла устоять перед его обаянием и напором, но, принимая правила игры, решила ещё подразнить, проверяя, скорее себя, чем его, на выдержку, а щеки её горели, — Не убедительно — попробуйте ещё раз, месье, — она спокойно откусила кусок хрустящей булочки, облизав шоколад с губ.

— Вам нужны доказательства, жизнь моя? — он взял круассан из её рук и вернул его обратно на тарелку, — Такое доказательство вас устроит? — она почувствовала жар его губ на своих губах, — Господи, как же я соскучился по тебе. Только ты — моя болезнь и моё исцеление. Только ты можешь успокоить демона во мне. Ты — моё очищение. Только ты — моё убежище от самого себя, мой ангел милосердия, оберегающий меня от грехов, — он взял её ладони и поцеловал по очереди каждый палец на её руках.

— Я всегда буду хранить тебя, — сдалась Маргарита, давая ему полную свободу действий, — Я тоже невозможно скучала.

— Сколько бы лет не прошло — я всегда буду безумно желать тебя, — и он был совершенно искренен.

— А я всегда рада буду исполнить это твоё желание, — и больше не нужно было ничего говорить.

— Как же я хочу тебя... но, тебе столько всего довелось пережить за последнее время. Останови меня сейчас, если не готова, — пошептал он у самого её уха, согревая и щекоча своим дыханием, — Потом может быть поздно... Рядом с тобой я просто теряю голову и забываю, кто я, где я — всё это растворяется в вечности, когда ты со мной.

— Так помоги же мне забыть тот ужас! Только посмей теперь остановиться, — задыхаясь, произнесла девушка, с упоением покоряясь власти его рук, — Я так истосковалась по тебе! По твоим поцелуям, по объятиям твоих рук, по теплу твоего дыхания, по отзвуку биения твоего сердца под моей рукой, лежащей на твоей груди. Я снова хочу почувствовать себя живой.

— Возьми дыхание моё, — и не было сейчас во всём мире счастливее мужчины, чем он.

А дальше — они уже не помнили себя, не помнили, как сбросили стесняющие одежды... От неё пахло ванилью и корицей, а на губах остался привкус шоколада и сахарной пудры — и не было для него в мире ничего более пьянящего, чем этот аромат её, и ничего более сладкого, чем этот вкус её губ, и он сойдёт с ума, не испив эту сладость её уст.

А её сводил с ума терпкий аромат его парфюма с примесью освежающего запаха хвои, нежность его рук, тепло его губ и зной жаркого летнего вечера.

И каждый из них был, в равной степени, всемогущим господином и покорным рабом. И каждый друг для друга был Солнцем, вокруг которого вращается его космос, один — сильный и надежный, со смуглой кожей и чарующим взглядом тёмных глаз, в глубину которых она старалась вложить всю свою нежность, другая — нежная и хрупкая, с тёплым взглядом больших глаз, смотрящих с любовью, и огромным сердцем в маленьком теле, готовым обнять весь мир.

И остался только жар прикосновений и поцелуев на коже, и серебристый воздух вокруг стал осязаемым, тяжелым и вязким, и в нём утонули все пережитые страхи, тревоги и печали, задушенные крепкими объятиями сплетающихся тел, укутанных вуалью нежного света полной Луны. Кожа к коже, изгиб к изгибу — ближе, ещё ближе, максимально близко...

— *Il est beau comme le soleil!* (Прекрасен, как Солнца свет... фр.) — только и смогла произнести она, — Моё Солнце...

— Сладкая моя... необыкновенно сладкая моя девочка... — выдохнул он, стараясь дотрагиваться до её спины как можно нежнее и аккуратнее, чтобы своими ласками не причинить ей дискомфорта.

Остывшие кофе и круассаны нужно будет снова разогревать.

Даниэлла блаженно потянулась и лениво зевнула, почувствовала рядом тепло мужа и поцеловала его. Взмах пушистых ресниц — и Джек открыл глаза:

— Доброе утро, солнышко! — он поцеловал её и зарылся лицом в её светлые волосы.

— Доброе утро, любимый! Ну, что, поваляемся ещё? — она подарила ему нежный поцелуй.

— Я думаю, и без нас Земля не перестанет вращаться, — он привлек девушку к себе, проведя рукой по гладкому тонкому шелку её сорочки светло — голубого цвета.

— И это был правильный ответ, — рассмеялась белокурая, сильнее прижавшись к нему, и безграничным было то наслаждение, что дарили друг другу их руки и губы, доводя до изнеможения.

Наконец, когда молодой хирург выпустил её из сладостного плена своих рук, девушка попыталась встать, и, вдруг, всё закружилось перед глазами, пол и потолок комнаты, неожиданно, куда-то уехали. Даниэлла быстро села опять на кровать и несколько раз потрянула головой, чтобы прогнать это головокружение:

— Так что ты там говорил про вращение Земли, дорогой? — девушка виновато улыбнулась.

— Что с тобой? — озабоченное выражение лица мужа заставляло её нервничать, — Тебе нехорошо?

— Пока не знаю. Со мной ещё не случалось ничего подобного — я, вообще, редко жалуюсь на здоровье, — но, тут она снова побледнела, ещё чуть-чуть — и содержимое вчерашнего ужина попросится наружу, — А вот теперь, кажется, мне действительно не очень. Теперь можешь начинать тревожиться за меня.

— Ну, если это то, что я думаю, то ничего страшного не случилось, и волноваться не стоит, ангел мой, — он многозначительно посмотрел на неё, обнимая со всей теплотой и всей чуткостью, на которую был способен.

Она обвила руками его шею и заглянула в его ненаглядные глаза:

— Ты, правда, так думаешь? — она не могла сдержать ликующей улыбки, положив голову ему на плечо, и сердце замерло в груди, трепеща от предчувствия небывалого чуда.

— А ты прислушайся к своему организму — он тонул в её глазах цвета лазоревого неба, — Что ты ощущаешь?

— Я ощущаю, что сейчас ты совершенно прав, — улыбнулась она.

Рейс из Парижа благополучно приземлился в аэропорту Джайпура, и это была самая радостная из всех встреч, и слёзы счастья были не солёными, а сладкими на вкус. Маргарита и Даниэлла снова увидели своих матерей, Джон и Кали смогли снова обнять сына — как же вырос их мальчик! Или это только показалось после разлуки? А он всё время не выпускал руки родителей. И было много объятий и предостаточно слёз — теперь уже всё плохое окончательно осталось позади. Теперь им ни что не угрожало.

— Cara mia! Mio Dio, как же это случилось? Я как знала, как предчувствовала... Я так не хотела отпускать тебя тогда, но, ты всё равно поступила так, как считала нужным, — видя состояние дочери, Валентина не могла более выплескивать на неё упреки, как бы ни было больно ей самой — Маргарите было сейчас гораздо тяжелее, и она, как мать, должна помочь ей и поддержать её, — Как ты, родная моя?

— Мамочка, ну, не плачь — со мной, правда, всё хорошо, — Маргарита обняла мать, продолжая гладить её по волосам, — И будет ещё лучше — я уверена. Теперь всё

наладится, — и в голосе и в глазах её была такая крепкая убежденность, — И, ради этого, я бы ещё раз сделала то же самое. Я чувствовала, что должна была так поступить, и, надеюсь, что Небеса простят когда-нибудь мне, что не уберегла своё дитя, и не лишат милости своей.

— Маргарита-а-а-а! — протянув Милорда стоявшему рядом Марку, обняла девушку за бедра заливающаяся слезами Аделина, — Ты плачешь? И я тоже плачу. Это, ведь от радости? Правда?

— Только от радости, Адель, — Маргарита поцеловала её белокурую макушку, — Только от радости.

— Ну, если от радости, тогда можно, — шмыгнула носом девчушка.

— Марк, смотри, а ты ему понравился, — рассмеялась Маргарита, глядя на обескураженное выражение его лица — он стоял, держа в руках кота, а тот лизнул его в щеку — и они в этот момент выглядели такими милыми, такими домашними и уютными, от этой сцены так и веяло теплотой.

Джон обнял самых дорогих женщин в своей жизни: мать и жену. И показалось вдруг, что само Солнце стало ярче светить.

— Дядя Марк, а давай я возьму на руки Милорда, а ты возьмёшь на руки меня? — заискивающе улыбнулась Аделина, — Ты такой милый. Если у тебя нет девушки на вечер, то я могу составить компанию, — девочка непринужденно засмеялась, когда он легко посадил её себе на плечи. Парень и сам не смог удержаться от улыбки:

— Спасибо, малышка, ты — настоящий друг, — а внутри растеклась необыкновенная нежность, словно он, наконец, обрел потерянную семью.

Когда же они ступили из портала на территорию Небесного Града, то перед ними снова появился Ангел Судьбы:

— Вы? Но Вы же обещали не трогать их! — Маргарита с вызовом и опасением, но, полная решимости отстоять дорогих ей людей даже перед лицом самой Судьбы, посмотрела на него.

— Нет, дитя, не бойся — сегодня я пришел не забирать, а вознаградить вас — вы были великолепны, — за его спиной стояли пока ещё плохо различимые фигуры в белых одеждах, — Для того, чтобы жить дальше, вы должны отпустить Ваше прошлое. Пророчество, всё-таки, сбылось — мир уже начал меняться, он уже не будет прежним. Мы не совсем верно истолковали его. Вы, действительно, уничтожили мир, старый мир, на смену которому придёт мир новый. Однако, сильное и опасное зло, равного которому ещё не было, уже подняло голову — вы его породили, и только вы же способны остановить его. А сейчас же вы заслужили передышку. У вас есть пять минут — прощайтесь.

— А это кто? — Марк устремился вперёд, видя, как изменилась в лице Маргарита, но Джон остановил его, да тот и сам замер, как изваяние, резко замотав головой, не в состоянии поверить своим глазам, когда, среди стоящих, он увидел женщину — высокую сероглазую платиновую блондинку в белом шелковом платье, мягко ниспадавшим по её идеальной фигуре:

— Мама? — у него перехватило дыхание, и он не мог оторвать взора от её серых глаз и от её нежной улыбки, — Мама! — он всю жизнь мечтал обнять её. А сейчас в его голове был полнейший хаос — мысли и чувства опережали друг друга со скоростью света, и он снова ощутил себя тем маленьким мальчиком, который каждый раз, глядя на падающую звезду, загадывал одно и то же желание — чтобы свершилось невероятное, и мать вернулась за ним.

И именно такой он и представлял её себе в своих детских мечтах, и столько раз именно такую видел её в своих снах.

— Марк, я так горжусь тобой — ты стал таким прекрасным, и сейчас я говорю не только о внешней красоте, — Руслана обняла сына и поцеловала его бледный лоб, сейчас она была для него такой реальной.

— Нет, мама, это ты была одной из самых прекрасных женщин на земле и самой красивой моделью десятилетия. Я хотел быть частью этого мира, твоего мира, чтобы стать хоть немного ближе к тебе, чтобы испытать и почувствовать то, что испытывала и чувствовала ты, — он всегда хотел сказать ей эти слова, но, из-за слёз, что стояли в его глазах, не мог видеть выражение её лица сейчас, — Я снова верну себе известность и славу той фамилии, что ношу — я стану лучшим в мире, ради твоей памяти. Я начну всё с начала, только теперь уже под своим настоящим именем. Твой сын будет достоин тебя, клянусь! В своё время меня избивали до крови, но, я ни когда не просил пощады — я выжил и стал намного сильнее. Меня ни что не заставит остановиться или свернуть с выбранного пути — я уже ничего не боюсь. Если бы меня спросили, хочу ли я что-нибудь изменить в своей жизни, то теперь я бы точно ответил, что ни чего не желаю менять — всё, что было в моей жизни — и плохое, и хорошее, всё это сделало меня таким, какой я есть сейчас, сделало меня сильнее.

— Я не сомневаюсь в этом ни секунды — ты добьёшься всего, чего захочешь, если приложишь все усилия. Господь наделил тебя редкостной красотой, и он не заберёт её назад. В твоих же силах — с мудростью использовать, то, что дано тебе от природы.

— Прости меня, я не знал, что мне делать, и наломал дров, — за свою бытность Лев Витриченко уже мало чему удивлялся, вот и сейчас он подошел к жене и сыну, чтобы на этот раз не упустить шанс сказать им, как они для него дороги, — Впервые в жизни я увидел всю грандиозность и всю трагичность смерти тогда, там, за дверью твоей палаты — прошептал "мертва", и сам себе не поверил — как будто, ещё раз убил тебя, произнеся эти слова. А ты лежала на больничной койке — спокойная и умиротворенная, бледная и холодная — как Снежная Королева. Моя Королева... На земле я любил — лишь тебя. Как же я мог оставить того, кто был плоть от плоти, кровь от крови нашей? Это было хуже, чем предательство. Если я любил тебя, то, должен был принять и его. Простишь ли ты меня?

— Уже давно простила, — мягко улыбнулась Руслана и повернула улыбающееся лицо к сыну — пусть это будут всего лишь пять минут, но, эти драгоценные минуты рядом с ней будут её любимые мужчины, — Я всегда знала, что твоя жизнь гораздо важнее, чем моя, и я ни о чём не жалею, и, глядя на тебя сейчас, ещё раз убеждаюсь в том, что оно того стоило, — она сняла с шеи камень, и это было украшение с секретом — кулон раскрывался, и в середине был портрет самой Русланы, нарисованный когда-то Львом Витриченко, — Теперь я всегда буду с тобой — так близко, как только могу.

— Ты и так в моём сердце — ближе и быть не может, — он приложил её ладонь к своей груди.

— Эта маленькая темноволосая девушка, что стоит рядом с тем высоким мужчиной —

это она преобразила тебя? — тихо спросила она, на что Марк лишь загадочно улыбнулся.

— Смерть Христова, Ал, — Маргарита застыла на месте с широко распахнутыми от удивления глазами, — Алессио! Это, правда, ты? — она стояла, не в силах пошевелиться, размазывая по лицу потёкшую тушь и помаду, — Я же три месяца каждую ночь засыпала на мокрой от слёз подушке.

— *Chao, cara mia!* — он улыбался и улыбались его серо-голубые глаза, — Я рад, что у тебя всё хорошо, — а слёзы всё лились и лились из её глаз, и она ни как не могла их остановить, опасаясь даже дотронуться до него, — Ну, перестань же плакать. Такой красавице не идут опухшие глаза, — он провел рукой по её волосам, — Лучше скажи, что же вы такого сделали, что мы тут?

— Всё, что мы сделали — мы сделали все вместе, — Маргарита посмотрела в сторону друзей, — Без них ничего бы этого не было.

— *Perche Margherita e buona,
perche Margherita e bella,
perche Margherita e dolce,
perche Margherita e vera,*

— процитировал он слова старой песни.

Маргарита — доброта здесь

Маргарита — идеал красоты.

Маргарита — сама нежность,

Маргарита — сама правда,

Маргарита — неизбежность...

— Ты часто напевал мне эту песню, — девушка сразу вспомнила, как она любила слушать, когда он пел, как её завораживал его хрипловатый голос, — Ты говорил, что она написана специально для таких, как я. Говорил, что она принесёт мне радость и удачу — так и случилось. Знаешь, это даже трудно представить, насколько я сейчас счастлива.

— Нет — это не трудно, об этом говорят ослепительный блеск твоих глаз и твоя лучистая улыбка. И я, правда, очень рад за тебя, малышка. Я помнил тебя милой в своей влюбленности маленькой девочкой, а сейчас я вижу прекрасную молодую женщину в начале расцвета своей красоты. Ты всегда будешь для меня малышкой-сестрёнкой, сестрой моего лучшего друга... Я бы не смог сделать тебя такой счастливой, как это сделал он, — он опустил взгляд на её живот, но, Маргарита не заметила этот его жест, — И вскоре ты будешь ещё счастливее. Возьми это на счастье, — он протянул ей статуэтку в виде фигурки девушки-ангела из искусственного мрамора, покрытого слоем бронзы, — Я так и не успел тебе её подарить, — А это, — в другой руке у него была статуэтка маленького ангелочка, — передай сыну моей сестры, пожалуйста. Это будет ему напоминанием обо мне.

— Я обязательно сделаю это, обещаю, — это было наименьшее, что Маргарита могла сделать для него.

— Отец! — Джон и Ями обняли князя, выглядевшего ещё более царственно в своём белом одеянии:

— Как же я рад, что могу снова обнять вас, пусть и не надолго, — он крепче прижал к себе своих обожаемых близнецов, — Я столько ещё хотел сделать для вас, дети. Нет, правда — разве я думал, что умру в пятьдесят лет от обширного инфаркта, мне всегда казалось, что так много ещё времени впереди, что я всё ещё успею.

— Рафаэль, подойди, мой мальчик, — юноша закрыл лицо руками, а слёзы причиняли

нестерпимую боль его раненому глазу, он уже и не надеялся ещё когда-нибудь в своей жизни услышать эти голоса, самые желанные голоса для него, — как ты вырос, но, для меня ты всегда останешься моим маленьким мальчиком. Прости, что пришлось так рано тебя оставить, — княгиня Асия и князь Вайвасват заключили младшего сына в тёплый семейный круг любви.

— Благодарю тебя, дитя, за эту возможность снова увидеть свою семью, — князь поблагодарил Маргариту улыбкой.

— Это дорогого стоит, — легкая улыбка тронула губы Асии.

— Ваши дети и сами не мало сделали для этого, это — и их заслуга тоже, — ответила Маргарита и улыбнулась.

Сони стояла и беззвучно плакала, не в силах поверить собственным глазам, пока Вайвасват не подошел к ней сам и не взял её за руку:

— Не печалься, посмотри на меня, — он поднял её лицо на себя, — Я не плачу — и ты слёз не лей.

— Госпожа Сони, спасибо вам за то, что были доброй матерью моему сыну, — женщина воздела глаза и увидела выражение благодарности и признательности на приветливом лице Асии.

— Окаа-san! Otou-san! — Джек свёл брови, глубоко вдохнул и с трудом сделал несколько шагов навстречу, не выпуская руку жены, а старые шрамы точно запекли огнем, и снова в памяти ожили события того страшного дня: взрыв в торговом центре, беспорядок и переполох вокруг, крики и стоны людей, вой полицейских машин и сирен скорой помощи, его попытки броситься к нарытым пропитанным кровью сукном телам, чьи-то руки, удерживавшие его, потом укол транквилизатора и реанимационная палата, и он уже не воспринимал того, что ему говорили, не осознавал своего критического состояния, он понимал только то, что его родителей больше нет. И, вот теперь они стоят и улыбаются ему — это было необъяснимое ощущение боли и блаженства одновременно, — Мама! Отец!

— Сынок, гордость наша, — Рейко подошла обняла его, — Ты даже не представляешь, какую мы испытываем радость, видя каким мы стал, чего добился, — молодой хирург крепче прижал к себе Даниэлла, — И у тебя такая замечательная жена, — она подмигнула девушке.

— Сага mia, с тобой тут хотят поговорить, — Алессио поклонился, тряхнув русыми волосам и отступил в сторону, давая женщине подойти ближе к Маргарите, а сам подошел пожать руку Джеку, с которым его прежде связывала крепкая дружба. Казалось бы, история настолько банальная — молодой скульптор очень быстро стал известным и востребованным, он был гордым и независимым, он знал цену своему таланту и не захотел тратить его в угоду преступникам и создавать подделки. Тогда они пригрозили, что он больше ни когда не сможет работать. А дальше — как по сценарию дешевого боевика — его избили до полусмерти и порезали сухожилия на кистях. Пришел в сознание он уже в больнице. Джек стал не только его лечащим врачом, но и другом. Молодой хирург очень болезненно реагировал на любую несправедливость, и старался помочь, чем мог — только вот вернуть

былую гибкость и подвижность рукам не удалось — он не сможет уже вернуться к делу, которому он отдавал всего себя. Как, всё-таки, хорошо, что в то тяжелое для него время его поддержали Джек и его младшая сестра Маргарита. Для него она была совсем ребёнком — было-то ей всего лет пятнадцать, не больше, а она просила его подождать, пока повзрослеет, и не влюбляться в другую. Боже, как же это было мило и трогательно! И он обещал, но не суждено было исполниться этому обещанию... Он сейчас действительно рад, что она счастлива — он бы не вынес, если бы это было не так:

— Ну, будь здоров, приятель, — он похлопал Джона по плечу и улыбнулся, — и береги её.

— Благодарю за то, что ты сделала для моего сына, — Руслана положила ей руку на плечо, — Ты помогла проявиться его истинной сущности, самому лучшему, что есть в нём.

— Мне так жаль, что не смогла сделать для него больше, — Маргарита подняла взгляд на женщину и отметила, что Марк, и впрямь, унаследовал от матери её исключительную красоту и грацию, точеную фигуру, подлинно роскошные волосы и чистый цвет серых глаз.

— Я понимаю, но, тебе не в чем упрекнуть себя, — женщина обняла её, — Поверь, ты сделала для него достаточно.

— Не утешайте меня, пожалуйста, мадам, — как же нелегко ей было даже просто смотреть на мать Марка, — Если вы заглянете в мою душу, то увидите там не заживающий рубец. Как я могу смотреть вам в глаза, когда я причиняю вашему сыну боль одним только своим существованием — каждый час, каждую минуту? — и так тягостно и мучительно было сейчас на сердце.

— Марк только начинает жить, он сильный мальчик — справится. Когда-нибудь эти шрамы, всё-таки, заживут, и у него всё будет хорошо, — теплый взгляд Русланы согревал и вселял надежду, что так всё и будет, — Я хочу высказать свою благодарность и госпоже Альвис, которая вела и оберегала его.

Даниэлла и Розы стояли рядом со своими родителями, когда подошел Питер, ведя за руку Еву:

— Последние события заставили меня задуматься о своей жизни: если мне суждено будет погибнуть, сражаясь, то я хотел бы умереть мужем этой девушки. Прошу принять её в семью, как вы принимаете меня.

— Господи, Пит, даже не думай о смерти! — цыкнула на него мать, — Разве мы возражаем против твоего выбора?

— А!!! — завопила от радости Розалинда, едва не оглушив окружающих её родственников, — Это здорово! Просто супер! Мама, папа, я тоже хочу свадьбу. Ну, пожалуйста! У меня даже жених есть. Он, правда-правда обещал на мне жениться.

— А не соблаговолит ли юная леди не торопиться с принятием такого важного решения, — отец потрепал Розы за щеку, — и не подождет ли она ещё несколько лет, когда мы сможем вернуться к этому вопросу?

— Ну, так и старой девой остаться можно, — прихотливо надула губки девочка.

— Поверь, милая, — Камилла взъерошила её челку, — тебе это совсем не грозит.

— И, насчёт вашей личной судьбы, — прощаясь, Ангел Судьбы многозначительно посмотрел на живот Маргариты, — Нужно верить в чудо, даже, когда кажется, что и неоткуда ждать невозможного — и, да воздастся вам по вере вашей!

Маргарита закрыла глаза и обняла себя за плечи — и испытала непередаваемый прилив тепла, распространившийся по всему телу, будто она только что приняла горячую ванну и укуталась в большое и тёплое махровое полотенце. Она ещё не догадывалась, что это означает, но пришло чувство такого нереального блаженства, и поцелуй любимого мужа довершил эту благодать.

— А вот теперь, уже по-настоящему — прощайте, и помните, что те, кто проник в ваши сердца, будут жить в вас, пока жива ваша память о них.

А Марк всё думал — не слишком ли жестоко: увидеть мать, которую он ни разу не видел в своей жизни, всего лишь на пять минут? С другой стороны — это, всё же, лучше, чем ничего...

И всё вокруг оживило в ожидании праздника, и жизнь закипела с удвоенной силой — на улицах и площадях, и особенно — в самом дворце, где деловито сновало множество работников кухни и обслуживающего персонала, проводящих приготовления с явными радостью и рвением.

— А кто будет мороженое? — Джон повернулся к прыгающим от нетерпения детям.

Он повязал фартук, вымыл руки и разложил лакомство по креманкам:

— Марго, а тебе?

— Благодарю, но, мне что-то не хочется, — Маргарита присела за стол, — Вот, воды выпью, пожалуй, и выйду прогуляюсь, а то у вас тут на кухне так жарко и столько резких запахов, что мне уже дурно. Боже, я такая бесполезная женщина... — она подперла голову ладонями, и на личике у неё появилось по-детски виноватое выражение.

— Маргарита, что ты сказала? Нет, ты себя слышала? — он схватил её за руку, не спуская глаз, всматриваясь в её лицо.

— И что я сказала?... — девушка замахала руками, потом застыла, глядя на него, — Нет-нет, уж не думаешь ли ты...? Это было бы слишком хорошо, — ища в нём поддержку.

— Так, почему бы нам не поверить в хорошее? — улыбнулся он.

— Папа, вы о чём? — мальчик отставил своё мороженое и дернул отца за рукав алой рубашки.

— Скоро всё узнаешь, Али. Скоро узнаешь, — Джон погладил его тёмные кудри.

— Папочка, а можно мне с нового учебного года ходить в ту же школу, в которой учится Роза? — Алишер с надеждой и ожиданием посмотрел в карие глаза Джона.

— Хорошо, я поговорю с мамой, и, если она не будет против, то мы что-нибудь

придумаем, — Джон, в общем-то, на имел ничего против этой идеи, но, необходимо было уважать и чувства Кали, как матери, — Согласен? — потом он повернулся к шеф-повару, — А теперь за дело берётся профессионал, — он, и правда, не считал чем-то постыдным или ниже своего достоинства приготовить ужин или сшить платье, и не делили работу на мужскую и женскую — то, к чему у него лежало сердце, он делал с удовольствием, отдаваясь делу полностью, — Не без вашей помощи, конечно. Будем готовить плов, фаршировать карпов и так, по мелочи — салаты и десерты. Наш главный повар Рустем не позволил мне этого на свадьбу, но, сейчас мне ни кто не помешает приготовить для дорогих мне людей.

— Пап, а ты потренируешься со мной? — попросил Али, доев мороженое, — Ты обещал меня научить стрелять из лука.

— Договорились, — кивнул Джон, — Вы пока погуляйте в саду, а я, как только освобожусь, то всецело буду в вашем распоряжении до самого вечера, — он игриво выгнул брови и прищурился, — А завтра у нас будет большой праздник и самый важный день, — легко улыбнулся он.

На главной площади Небесного града, украшенной флагами и цветами, выступали актёры и циркачи, бойко торговали купцы и ремесленники. Улицы, парки и скверы наводнились весёлыми, смеющимися людьми в праздничных одеждах, ведущими за руки своих детей — они вышли на улицы целыми семьями, целыми улицами и кварталами, после пережитых страхов и эвакуации, благополучно вернувшись домой.

Во всех беседках сада и в большом зале дворца были накрыты праздничные столы, и всё наполнилось жизнью: пришли голоса оживлённо беседующих людей и смех детей, звуки шелестящей одежды и шагов множества ног, запахи жареного мяса, свежее испеченного хлеба и ароматных фруктов, музыка разогревающегося оркестра, многообещающий плеск льющегося вина и весёлое журчание воды фонтанов.

Утро ещё баловало и нежило прохладным ветерком, и до полуденного зноя можно было ещё вдыхать полной грудью освежающий коктейль из ароматов трав, цветов и готовящихся прямо на улице под навесами угощений.

Оперевшись на мраморные перила, они стояли на празднично украшенном балконе и смотрели на собравшийся на дворцовой площади народ.

— Все эти люди пришли поприветствовать нас, — Маргарита повернулась к мужу, — Я хочу спуститься к ним.

— Если ты этого хочешь, то идемте все вместе, — улыбнулся он.

— Аделька, дай мне руку, — сделав знак стражникам пропустить, она, ведя за руку девочку, медленно спустилась по ступеням с балкона, и золотистое платье на ней переливалось при каждом её шаге. Расступаясь, первая пара охранников преклонила колени, по их примеру, так же поступили и следующие, стоявшие вдоль лестницы до самых

огромных дверей главного дворца.

Джон взял сына за руку и тоже спустился по лестнице следом за ней.

Рыжая богиня пожала плечами и, улыбнувшись, взяла под руку Самаэля и кивнула остальным следовать за ними.

Перед дворцом по левую руку стояли королева Альвис, Надир и отряд воинов Тёмных небес в парадном облачении, а по правую руку — генерал Агни и рыцари Небесного града в сверкавших на солнце позолоченных доспехах. Они тоже преклонили колени — но, не повинаясь приказу, а стремясь выразить восхищение и признательность.

Сотни рук протягивались к ним, и они старались пожать каждую из них.

— Храни вас Всевышний, — одна женщина протянула Маргарите для благословения своего младенца, — Благословите моё дитя, Княгиня!

Девушка дотронулась до лобика ребёнка, и он улыбнулся ей, глядя своими большими синими, как это чистое небо над ними, глазами — и по её щекам потекли слёзы, и ещё сотни рук потянулись к ним:

— Да смилостивятся над вами боги! Благословите, Княгиня! Благословите, госпожа Кали! Майтрейя, Дхармараджа, не оставьте милостью своей!

Всё это настолько тронуло её, что растроганная Маргарита не могла уже управлять потоком ликования, льющим из её глаз:

— Радость этого светлого дня мы хотим сегодня разделить с вами всеми — сегодня будут открыты для вас двери главного дворца и княжеского сада, — она постаралась собрать все свои силы и произнести эти слова как можно громче, чтобы донести их до каждого.

Девушка не выдержала такого психологического напряжения — дойдя до края площади, она поняла, что не сможет дальше и шагу ступить — ноги не слушались её, голова кружилась и гудела, лицо пылало в лихорадке, она не смогла больше удерживать в своей руке ладошку Аделины и, почти потеряв сознание, чуть не упала на землю, чем перепугала всех, но, была вовремя подхвачена под руки мужем. Назад Джон нёс её на руках, так как самостоятельно идти она уже была не в силах. Хорошо, что после официальной церемонии уже можно было расслабиться — часов шесть, практически до самого торжественного вечера, девушка провела в глубоком сне, пока не пришла в себя после сильного волнения, что пережила этим утром.

Когда Маргарита открыла глаза, то увидела собравшихся в её комнате друзей и мать:

— Ты, пожалуйста, не пугай нас так больше, — Валентина помогла дочери подняться на кровати, — Ты сможешь? Будешь готова к вечеру?

— Простите, что-то я расчувствовалась, — улыбнулась девушка, расчёсывая волосы, —

Но, я уже в порядке.

— Тебе точно не нужна помощь? — Джон взволнованно посмотрел на жену.

— Спасибо, я справлюсь, — девушка поднялась с пуфика, подошла к большому окну и открыла ставни, — Дайте мне несколько минут — и я буду готова, — глядя на сад, выглядевший волшебным в свете вечерних фонарей, она мысленно дала себе установку быть сильной, и, когда развернулась к друзьям, то на лице у неё была совершенная уверенность.

— Давай, девочка, покажем им, как надо танцевать? — когда она спустилась в зал, Джон протянул ей руку, обольстительно улыбнувшись.

Маргарита кокетливо опустила глаза и вложила свою руку в его ладонь.

— Тебе невероятно идёт беременность, — улыбнулся он, запечатлев на её губах нежный поцелуй.

— Ты, всё-таки, так уверен в этом? — настойчиво уточнила она.

— Ты же слышала Ангела Судьбы, и сама в этом сможешь убедиться в скором времени, — снова улыбнулся Джон, и в сердце своём Маргарита знала, что это — святая истина, и с лёгким сердцем она вышла на танцпол под руку с любимым мужчиной, пока ещё могла позволить себе такое удовольствие.

Под зажигательные мотивы пламенем танцевало алое платье Маргариты, и внутри всё тело пылало в жарком огне его объятий, томясь в предвкушении, когда все эти шелка и атласы будут сброшены к его ногам. В такт ритмичным движениям тела, звенели её любимые серьги и золотые браслеты на руках, и стучали каблучки её туфель по старинному паркету. И было всё равно, сколько людей сейчас смотрят на них, им нечего смущаться или стыдиться — пусть все видят, как они счастливы, пусть завидуют и толкуют, пусть вздыхают и ревнуют — ни что уже не сможет причинить им вред, они больше не боятся ни чего. И весь мир вокруг, разом, перестал существовать, растаял во времени и пространстве — исчезли люди, стены, потолок, умолкли музыка и голоса. Остались только двое — и звёзды в ночном небе над ними. И — его любимые глаза. И закружилось всё в вихре танца и водовороте чувств, и только взгляд глаза в глаза говорил красноречивее всех слов и не давал упасть. И ощущалось только соприкосновение тел, сплетение пальцев рук, слияние губ, отблеск сияющих глаз. Любовь, подобно яду, распространялась, пробирая до самых костей, парализуя нервы, пропитывая собой всё существо — и только друг в друге находили они противоядие от неё. И ни кого не пожалел голос страсти и любви.

И эхо имени его звучит ей в имени "любовь".

— Светлых обликов светлей — тайна радости моей, — он поцеловал мочку её уха, — Спасибо, любимая, за то чудо, что ты носишь в себе, — он привлёк её ещё ближе к себе, — Теперь тебе нужно быть особенно осторожной — за вами с пацаном глаз да глаз нужен, — заметил он, на что Маргарита смутилась и густо покраснела, — А что я такого сказал? Тому нечего стесняться, у кого реальные пацаны намечаются, — широко улыбнулся он и подмигнул, — Ну, это на будущее — разъяснительную работу надо проводить заранее.

— Ты хотел бы мальчика? Надо было раньше предупреждать — я бы настроилась соответственно, — не удержалась от улыбки девушка.

— Ну, я бы, вообще — то, и от очаровательной дочурки не отказался. Я бы её обожал! — он намекающее сощурил глаза и прильнул поцелуем к её шее.

— Дорогой, я, кажется, начинаю ревновать, — Маргарита игриво погрозила ему пальцем, — Посмотрим, что ты скажешь, если будет мальчик. Даже не знаю, кого я буду любить больше — сына или его отца, — она состроила хитрую мордочку.

— Вы меня опять дразните, мадам Дестинофф? — улыбнулся Джон, глядя в её любимые глаза.

— Едины — врозь или вдвоём, — прошептала она, положив голову ему на плечо.

— Мы — половины одного, — продолжил он строки песни, — Не знаю, имеют ли наши обряды силу в вашем мире, поэтому предлагаю, когда вернёмся на землю, оформим наши отношения ещё раз — уже по вашим правилам — наш ребёнок родится в законном браке, и я всё ещё хочу оформить опеку над Аделькой. А что такого? Я готов повторить свои клятвы сколь угодно раз, ибо я не собираюсь нарушать их.

Марк стоял перед зеркалом — на нём был серый с белым камзол, расшитый серебром. Он так ему шел. Юноша эффектно выделялся среди остальных своим высоким ростом и своей бледностью. Тысячи глаз с удивлением рассматривали его, что обескураживало и смущало. Он всё ни как не привыкнет к такому повышенному вниманию к себе. Он был моделью, и, казалось бы, должен был уже привыкнуть, но так и не смог. Тяжелое детство наложило неизгладимый отпечаток, и всё время оставалось ощущение, что всё это происходит не с ним. Всё время он чувствовал себя этаким Золушкой в ожидании полуночи, что вот-вот — и волшебство рассеется, и ему придется начинать всё с самого начала.

Хотя чего уже там — ну, пусть смотрят, если им так хочется — сегодня у Золушки самый главный бал в жизни.

Эти взгляды не были злобными, а были полны интереса и восхищения, согревая теплом.

— Ты сегодня просто звезда вечера — не меньше, — улыбнулась Даниэлла, когда они вместе с Маргаритой подошли к нему, погруженному в свои мысли, — Пойдём, Прекрасный Принц, твои феи хотят потанцевать. Не заставляй нас ждать.

— А знаете — с удовольствием! — он взял девушек под руки, и они, весело рассмеявшись, одновременно поцеловали его в обе щеки.

"— Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.

Но, если хочешь — стихами грехи замолю,

Но, объясни — я люблю оттого, что болит,

Или это болит оттого, что люблю?"

Александр Башлачев

— Не говори ничего, — Марк поклонился и подал Маргарите руку, — Потанцуешь со

мною? — он посмотрел на неё с нежностью и грустью.

И она положила руки ему на плечи, а он обнял её за талию.

И звучащая музыка, как нельзя лучше, отражала то, что происходило сейчас в их душах. Они плавно двигались под эту медленную мелодию, потерявшись для всех. Под своими пальцами он ощущал гладкую кожу её спины в глубоком вырезе её вечернего платья карминного цвета, ловил каждое движение её тела, не смея поверить происходящему. Теперь, когда её раны зажили, Маргарита могла не стесняясь одеть платье с открытой спиной. Сердце стучало безудержно, и было чувство такой нереальной интимности — намного большей, чем при любой физической близости. И оба всё не решались посмотреть друг другу в глаза, стыдясь своих слёз. Маргарита первая подняла глаза на юношу, когда на её щеку упала его слеза, смешиваясь с влагой из её собственных глаз — он зажмурился, не давая волю слезам, потом улыбнулся:

— Ты же говорила, что не будешь плакать.

— Ты тоже говорил, — Маргарита, в свою очередь, постаралась улыбнуться.

От него пахло сиренью и травами, приятно было вдохнуть эту лёгкую освежающую смесь, это благоухание весенних цветов, что казалось сродни чуду в конце лета, когда они должны были уже давно отцвести.

— Видишь всех этих людей? — тихо спросил юноша, — Как они смотрят — они смотрят и недоумевают — от чего это так блестят его глаза? Неужели он, кто похож на холодную мраморную статую, способен плакать? Только ты видела мои слёзы — тогда и сейчас. Я так устал. Прошу, спрячь меня от их взглядов — я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме тебя, видел как я плачу, — он опустил лицо в её волосы и впервые попросил кого-то о помощи, — Я принёс тебе только горе, а ты достойна лучшего. Джон прав — мне лучше исчезнуть из твоей жизни. Я просто не могу больше мучить тебя. Я поеду с отцом во Львов. Я так мечтал поехать туда вместе с тобой, показать тебе город, в котором я родился, да — не судьба, видно. Потому я и попросил тебя подарить мне этот танец — в первый и в последний раз.

"В последний раз до звёзд дотронуться рукой, в последний раз забыть о том, что я не твой"

Дмитрий Маликов

Он хотел бы, чтобы музыка не смолкала, и этот танец мог длиться вечно.

— И мы больше не увидимся? — она подняла на него свои глаза — большие и влажные от слёз.

— Кто знает? — пожал он плечами, — Но, если тебе понадобится моя помощь — тебе достаточно просто подумать обо мне.

— Это так тяжело — осознавать, что я причиняю тебе боль, мне самой становится так

больно, когда я вижу, как ты грустишь, — Маргарита опустила голову, потом резко подняла её и посмотрела на него, — И, не потому, что ты — Хранитель, Марк, а просто потому, что ты — наш друг, ты можешь вернуться к нам, когда пожелаешь. Здесь всегда будут рады тебе. К тому же, ты теперь связан долгом Хранителя — не забывай.

— Я всегда буду это помнить, — тихо ответил он.

— Ты так держался за нить прошлого потому, что был одинок, а теперь у тебя есть мы — отпусти её, отпусти своё прошлое и открой глаза, иначе, рискуешь не увидеть своё будущее.

— Как ты красива сегодня...Особенно красива...Я никогда не забуду, что ты осветила и согрела мою жизнь, в которой, я уже и не думал, что наступит рассвет. Как бы не сложилась моя судьба, ты навсегда останешься в моём сердце и в моих мыслях, — он продолжил на украинском языке, — Ти для мене завжди будеш казкою мого життя (Ты для меня всегда будешь сказкой моей жизни Укр.).

Маргарита вдруг увидела его серые глаза совсем близко у своего лица:

— Марк, не стоит, — покачала она головой.

— Не стоит что? — уточнил он с улыбкой.

— Вот то, о чём ты подумал — не стоит, — Маргарита снова улыбнулась.

— А ты уже читаешь мои мысли? — усмехнулся он, проведя пальцем по её губам, — Прости, я не хотел оскорбить тебя...

— Любовью невозможно оскорбить, — и в словах её была твёрдая убежденность, — Меня, правда, очень огорчает, что моё счастье делает несчастным тебя, но, моё сердце, мои помыслы, моя жизнь — принадлежат другому. Улыбнись судьбе, и, знаешь — она улыбнётся в ответ, и станет легче, поверь.

— Другом твоім, ти так і знай, буду завжди — ну, і нехай (Другом твоим, ты так и знай, буду всегда — ну и пускай Укр.), — чуть слышно продекламировал Марк, — Така наша любов — твоя любов і моя любов (Такая наша любовь — твоя любовь и моя любовь. Укр.).

— Знаешь, я тут подумала, что мы могли бы составить тебе компанию, — Маргарита наклонила голову, заговорщицки улыбнувшись, — ещё несколько месяцев, и я не смогу уже позволить себе путешествия.

— Так, ты? — он с удивлением посмотрел на неё, — Ты же так этого хотела.

— Тише! — шикнула на него девушка, — Можно сказать и так. Мы ещё ни кому не говорили — боимся сглазить.

— Понимаю, — кивнул он, — Мои поздравления вам. Значит, Господь простил меня? Потому, что ты простила?

— Так что — ты не против компании? Я поговорю с остальными. Думаю, что небольшое путешествие нам не повредит, — она снова построила одну из своих фирменных мордочек.

— Это было бы очень важно для меня, — просто ответил он.

— Иди ты к чёрту, братец! — беззлобно отмахнулся Рафаэль, — Я так гордился своей искусной татуировкой, а из-за этой повязки вся красота закрыта. И голова сильно болит.

— Главное, что ты жив, глупый, — Джон положил руку ему на плечо.

— Кому я теперь такой нужен? — продолжал капризничать младший принц.

— Как это, кому — нам, конечно! — Джон обнял брата.

— И ты доверяешь ему? — скептически заметил Рафаэль, покосившись в сторону Марка.

— Я доверяю своей жене, — был ему твёрдый ответ.

— Ты и мне доверяешь? — осторожно спросил он.

— Ты мой брат, ты спас мою жену, и да — я доверяю тебе, — улыбнулся Джон.

— Разрешите пригласить Вас на танец, Махарани, — протянул руку младший принц, взглядом спрашивая разрешения старшего брата.

— Думаешь, я всё ещё боюсь тебя, Рафаэль? — улыбнулась Маргарита, когда он взял её под руку.

— Не думаю, — покачал головой Раф и рассмеялся.

Она смело посмотрела на него:

— Тебе ведь что-то нужно от меня?

— От тебя ничего не скроешь, — он серьёзно посмотрел на стоящую перед ним эту маленькую девушку, в крохотные ладони которой он готов вложить свою судьбу, — Мне нужна помощь. Нам... нужна помощь.

— Вам? — Маргарита удивленно подняла брови.

— Нам с Ями... — тихо продолжил он.

— Ох, ничего же себе! — девушка от неожиданности прикрыла рот рукой, — А я ещё всё думала, что она так за тебя переживает, даже за Джона она не так волновалась. А ты уверен, что это те самые чувства?

— Конечно, я долго сомневался — мы же знаем друг друга всю жизнь, естественно, что я питаю к ней самые нежные чувства. А потом — словно, пришло озарение, что я не могу без неё, что я хочу большего, чем сестринская привязанность, что она для меня — дороже всего в этом мире. Понимаешь, что брат не очень будет рад таким новостям.

— Это ещё мягко сказано... — и было понятно, что каждое слово даётся ему с большим трудом.

— Ты же понимаешь, что мы не специально. Меньше всего мы хотели огорчить его. Но, сердце-то, оно не выбирает. Только ты сможешь смягчить его гнев. Если бы он только позволил нам спокойно покинуть Небесный град и поселиться в Джайпуре.

— А она? — спросила Маргарита, — Она любит тебя так же, как и ты её? Сначала я хочу сама поговорить с ней, а потом дам тебе свой ответ.

— Благодарю, — поклонился Раф, когда танец закончился.

— Ты — один из самых близких мне людей, и этого не изменить, — Рафаэль цеплялся за взгляд брата как за жизненно необходимую ниточку надежды, — Если мне однажды встретится девушка, с которой я захочу провести остаток своих дней, ты будешь рад за меня?

— Тебе нужно моё благословение? — Джон взял его за руку, — Кто она?

Маргарита поцеловала мужа в щеку и направилась к столику с напитками.

— Яблочный сок? — улыбнулась она, глядя на стакан в руках подруги.

— А я временно не пью, — загадочно протянула Даниэлла, расплываясь в улыбке.

— Как?! — Маргарита так и остановила руку, занесённую над стаканом с персиковым соком, — И ты тоже?!

— Что значит тоже? — Даниэлла допила и отставила свой стакан, — То есть... ты хочешь сказать, что...

— Именно! — Марго бросилась ей на шею, — Данька, это же настоящее чудо, не правда ли?! — потом она наклонилась и обняла подругу за живот, — Привет, малыш! Я — твоя, самая любящая тебя, тётушка Маргарита.

— Ладно, ладно, — замотала головой златовласая, — Только не задужи меня, любвеобильная тётушка, а то кто тебя потом попросит крёстной быть? — подмигнула она и сердечно обняла подругу, — И тебе мои поздравления. Как себя чувствуешь, дорогая?

— Бывало и лучше, конечно, но я не против и все девять месяцев терпеть ради такого дела, — решительно тряхнула тёмными локонами маленькая брюнетка.

— Я почему-то так и думала, что ты скажешь нечто а этом роде, — улыбнулась Дэни, — И как такой сильный дух оказался в таком хрупком теле? И откуда ты, девочка, черпаешь силы?

— А силу даёте мне вы. Все вы, — улыбка подруги отразилась в ясных глазах блондинки.

— Марго, а знаешь ещё новость? — таинственно протянула Даниэлла, — Питер сделал предложение Еве! — она с удовольствием наблюдала за тем, какую реакцию вызовут её слова.

— Так это же просто здорово! — Маргарита так и подпрыгнула на месте, хлопнув в ладоши.

— Тут я не могу с тобой не согласиться, — усмехнулась блондинка.

— Ну, договаривай уже. Ты же хотел мне ещё что-то сказать? — спросил Джон, отставив бокал с вином, терзаясь от странного предчувствия, — Так кто же она, Раф?

— Может, сначала выйдем на воздух? — тот кивнул в сторону двери.

— Всё настолько серьёзно? — его встревоженный голос не мог скрыть волнение.

— Тебе лучше присесть — вот, садовая лавка отлично подойдёт, — Рафаэль жестом указал на резную деревянную скамью, — Нет смысла дальше ходить вокруг да около: я хочу просить руки твоей сестры.

— Господи, ну, почему из всех женщин мира, тебя угораздило влюбиться именно в свою сводную сестру?! — Джон закурил, сейчас он понял, почему тот предложил ему присесть — это совсем не было лишним, сейчас он был в полнейшем смятении.

— Разве мы выбираем, кого нам любить? — спокойно ответил младший принц, — И, ты знаешь это лучше меня, брат.

— И что ты хочешь услышать от меня? — Джон повернулся к нему.

— Ты сказал, что доверяешь мне. Я хочу услышать, что ты не проклянешь меня и позволишь проявить заботу о твоих сестре и матери, — Рафаэль присел рядом и посмотрел в черные глаза старшего брата, — У нас нет таких сил, как у тебя, а у тебя столько хлопот — позволь их часть взять на себя. Разреши нам поселиться в Джайпуре и жить спокойной жизнью.

Джон затушил сигарету и только собрался рот открыть, как к ним уже приближались его сестра и жена:

— Брат, прошу, не причиняй ему вреда! — крайне обеспокоенная Ями схватила Джона за руку, — Я... люблю его, — она с такой мольбой во взгляде посмотрела на него.

— Бог мой, да я же ещё и слова сказать не успел, — Джон поднял руки в примирительном жесте.

— Жан, будь снисходителен, пожалуйста, — обняла его Маргарита.

— Ну, и как же мне поступить? — по его лицу скользнула мягкая улыбка, — Твои прекрасные заступницы так просят за тебя, Рафаэль, что я не в силах отказать им.

— Я понимаю, что вряд ли заслужил это право, но, я прошу — дай мне шанс, ты, ведь, и сам любишь, — тот продолжал бесстрашно смотреть на него.

— Это... всё так неожиданно, что у меня нет слов, — Джон опустил голову на плечо жены, слегка прикрыв глаза, — Дай мне время подумать... — в глубине своего сердца он уже знал ответ: больше всего на свете он желал счастья своей семье, а в душе брата он мог прочесть, что его чувства — настоящие.

Джон и Маргарита вернулись к остальным, оставив Ями и Рафаэля одних.

— Ты сказала это, — Рафаэль изумленно смотрел на девушку, уже не сдерживая благодатной улыбки. — Ты сказала, что любишь меня?

— В самом деле? — взаимно улыбнулась она, — И это истинная правда — тебе не послышалось, — она подошла совсем близко к нему и положила его руки себе на талию, подняв на него свои томные очи, — Я старше тебя, ты мой сводный брат, и всё же я...

— И за что мне такое счастье? — он наклонился поцеловать её и готов был жизнь отдать за один её поцелуй, и она в этот раз ответила ему — губами, руками, всем телом, всей душой — и оба полетели в бездну чувств, а сердца рвались из груди и трепетали от сладчайшей в мире боли, — Не могу отпустить тебя...

— А я не хочу уходить, — ответила она, — Я люблю тебя!

Наконец, в зал спустилась Альвис в сопровождении Надира — на ней было серо-голубое платье, что идеально подходило к цвету её глаз, её светлые волосы были модно острижены, после операции и курса восстановительной терапии ей уже не было необходимости скрывать своё лицо за маской или длинными волосами, как отметила Маргарита, если добавить немного больше тонального крема, то ни за что и не догадаешься, что ещё недавно лицо этой женщины было обезображено ужасающими шрамами, когда сошло воспаление, кожа её заживала настолько хорошо, настолько это вообще было возможно. Молодой хирург по праву мог гордиться своим мастерством скальпеля и хирургической иглы.

Их встретили Сэм в парадном одеянии и несравненная в своём новом облике рыжая богиня — новая стрижка ей шла даже больше, чем правительнице Тёмного двора, в комплексе с лёгким платьем нежно — бирюзового цвета, делая её обладательницу свежее и моложе минимум лет на десять, оттеняя её необыкновенные глаза и медового оттенка кожу с лёгким загаром. Теперь было ясно, почему в своё время по ней сходило с ума такое количество мужчин, включая первого мужа — Джона, и Самаэля — в настоящее время её второго мужа.

Джек любовно приобнял Даниэллу за плечи и утонул в её глазах — голубее просторов небесных и Атлантики вод. Доктор был безупречен в неизменно классическом черном смокинге, а на златовласой было элегантно платье насыщенного синего цвета.

Прячась в тени деревьев, к ним приближалась фигура... Она подобралась к ним уже совсем близко, но влюблённые не замечали ничего, для них в эти минуты весь мир перестал существовать.

Из-за листвы показались карие глаза и маленький нос:

— Ну и ну! Вот вы где? А я их везде ищу. Где же это видано, господа?! — весело отозвалась Маргарита, — Я порядочная девушка и не могу... вам мешать, дорогие! Вы так чудесно смотрите!

— Марго????!!! Всё шутишь, младшая?! Выскакиваешь, словно чёртик из коробочки! — не выдержал Джек.

— Джекки... — ласково обняла его Дени.

— Ну, хорошо... Только впредь не надо нас пугать, — док поправил свой чуб.

— Ты, сестричка, меня понимаешь, а вот у кое-кого отсутствует чувство юмора, — Маргарита театрально закатила глаза и надула губки, потом широко улыбнулась, — Мои искренние поздравления, братик! Я так рада за вас! Я обещаю быть самой лучшей в мире тётей!

— Ну, что я говорил? Марго, ты неисправима. И когда же ты повзрослеешь?... Нет, чёрт возьми, иначе ты не была бы нашей Маргаритой, девочка, — Джек покровительственно погладил сестру по голове, — Тебе повезло, мисс шутница — я сегодня добрый.

— Вот хотела сказать тебе кое-что, а теперь не скажу, вредный-вредный братец, — девушка скрестила руки на груди и показала ему язык.

— А если я тебя защекочу? — зловеще ухмыльнулся мужчина и легко привлек к себе.

— Вот так всегда — это нечестный приём, ты же знаешь, что боюсь щекотки, — Маргарита с надеждой перевела взгляд на подругу, которая уже прикрыла рот ладонью, пытаясь сдержать смех, — И это тот, кого я хотела назвать лучшим дядей на свете, — она посмотрела на брата хитро прищуренными глазами.

— Ах, ты ж хитрюга, — молодой хирург ущипнул её за щеку, как делал это, когда она была маленькой, — Знаешь же, как меня смягчить и беззастенчиво пользуешься своим положением.

— Да ты что! — хлопнула глазами Марго.

— И как вам это нравится? Ты именно напрашиваешься на комплименты и поздравления, — он сгрёб девушку в охапку, взъерошив её волосы, — Хоть, ты и та ещё мелкая жадина, но я от души поздравляю тебя, сестрёнка, уверен, что ты будешь хорошей матерью. Всё — и хватит с тебя, а для комплиментов у тебя муж есть.

Ребята весело засмеялись...

— Что обсуждаем? — спросил, улыбаясь, Питер, подойдя к ним вместе с Евой.

— Да, так, — подкатила глаза Маргарита, шаркнув ножкой, — Думаем, что подарить вам на свадьбу, — а Даниэлла не удержалась, чтобы не хихикнуть.

— Ох, кошечка, есть ли что-нибудь, куда бы ты не сунула свой хорошенький носик? — подмигнул Питер.

— Да ладно, — мило улыбнулась девушка — Пит, ты мне как родной уже, мы же с самого детства знакомы, можно сказать, в одной песочнице друг друга по голове лопатками дубасили, простите за подробности. Я же всё — любя, я правда-правда, очень рада за тебя. Это же так прекрасно — сначала Раф и Ями, теперь и вы, — Марго соорудила брови "домиком", спрятав руки за спину, — Ребята, а у меня есть предложение — почему бы нам не поддержать Марку, и не посмотреть новые для себя города восточной Европы?

— Ага, как раз на волне "Евро-2012" Польша и Украина сейчас стали очень популярны, — к ним подошли Джастина и Ден, светившиеся от счастья в этот праздничный день.

— Польша? — тут же оживилась Ева в объятиях своего жениха, её глаза стали ярко-зелеными, — Вы хотите лететь через Польшу? А можно попросить вас сделать остановку в Варшаве — мои предки были из Варшавы.

— Если так захочет моя панна, — Питер провел рукой по её рыжим локонам.

— Значит, вы согласны?! — миниатюрная брюнетка с упованием глянула на друзей.

— Это обещает быть интересным, — растянула улыбку златовласая.

— Ненадолго остановимся в Париже — шоппинг перед поездкой не помешает, и Марку город покажем. Мы и сами, кстати сказать, со всеми этими событиями, так не завершили свои экскурсии, — продолжала агитировать друзей Маргарита.

— Тогда план действий таков — пару дней ещё приходим в себя от праздника и — да здравствуют приключения! — энергия и дух авантюризма так и бурлили в белокурой голове Даниэллы.

— Нам ещё предстоит выбрать дом для матушки Жана, Ями и Рафа, — увлеченно считала Маргарита, загибая пальцы, чтобы не забыть, сколько всего важного им предстоит.

— Жизнь моя, я ведь ещё не дал своего согласия, — обнял её подошедший Джон.

— Ты же дашь его, милый, — она провела рукой по его щеке.

— Ты уже заранее знала, каким будет мой ответ? — он поцеловал жену в макушку.

— Это было не сложно — я знаю тебя, как саму себя, — так легко ответила Маргарита.

— Ты пьёшь минеральную воду? — Марк обернулся: возле него стоял рыжеволосый юноша с серо-зелеными глазами в светло-желтом камзоле.

— Да, я не пью спиртного, и тебе не советую, приятель, — он, затаив дыхание, посмотрел на собеседника, — Тебя зовут Этьен, верно?

— Верно, — парень протянул руку, и его, точно, проняло током, — Ты? Юто? — рыжий дернулся и моргнул от неожиданности.

— Вот, мы и снова встретились, друг, — тепло улыбнулся Марк.

— Мико? Мари? — Этьен схватил парня за руку.

— С ними всё в порядке, посмотри туда, — он повернул голову в сторону компании знакомых им молодых людей, где чистым смехом заливались маленькая темноволосая девушка и её златовласая подруга, — Они тоже здесь и они счастливы.

— Боже, всё это так невероятно... нереально. Поверить не могу, — он вытер рукой вспотевший лоб.

— Можешь ущипнуть меня, если хочешь — я вполне себе реален, — на бледных губах Марка заиграла улыбка.

— Дядя Марк, дядя Этьен, — к ним подбежала Аделина и протянула в своей маленькой ладошке пригоршню конфет в ярких блестящих обертках, — А я вам мармеладок принесла.

— Аделька, вот ты где! А я тебя уже обыскала, — Маргарита подхватила девочку, и та переливисто рассмеялась, — Марк, сыграй нам, пожалуйста, — девушка и девочка посмотрели на него с одинаковым вопрошающим выражением на лицах, — А потом мы пойдём смотреть фейерверк.

— И что же мне сыграть? — спросил Марк, поправляя ленту в косе.

— Свою любимую мелодию, — он кивнул и сделал знак дирижеру, оркестр замолк.

Парень подошел к нему, что-то объяснил и достал свою флейту: он поднес её к губам и закрыл глаза — это он мог сыграть по памяти. И зазвучала музыка — яркая и динамичная и легко узнаваемая, сначала соло, потом вступил оркестр — и это был Моцарт, из цикла "Волшебная флейта", а колокола Небесного града не переставали славить этот торжественный день...

Потом оркестр исполнил "К Элизе" Бетховена, и, в завершение вечера — "Вальс цветов" из балета Чайковского "Щелкунчик" — и вот уже десятки пар кружили по паркету, среди них были и Алишер с Розалиндой.

Когда музыка стихла, дамы и кавалеры поклонились, и все гости направились в сад наблюдать праздничный салют.

— Это на счастье! — Роза поцеловала мальчика в щеку и потянула за руку на улицу.

И расцвели разноцветными цветами над главной площадью сказочной красоты фейерверки, и люди зачарованно смотрели на фантастическое шоу, полные самых светлых надежд и чаяний. Взрослые радовались наравне с детьми, и с огромным удовольствием ощущали себя маленькими детьми, искренне верящими в чудеса, в то, что называется "Прекрасное Далекое", будет благосклонно к ним и их потомкам.

07. Интермеццо. Небеса Европы — во французской стороне...

Это утро и этот незабываемый рассвет каждый из них запомнит на всю жизнь — такого прекрасного и спокойного рассвета невозможно было и представить себе.

После вечера праздника и ночи любви так хотелось ещё понежиться в мягкой постели, но пропустить такой рассвет было бы просто непростительно.

На дворцовых балконах стояли пары и любовались красотами открывающегося пейзажа просыпающегося сада в лучах рассветного солнца. Все они были разными — разными были их возраст, происхождение, национальная принадлежность, вероисповедание, характеры, таланты и склонности, и, именно любовь объединяла такие разные их истории любви: одни из них знали друг друга достаточно долго, другие только делали первые несмелые шаги навстречу друг к другу, но, одинаково их сердца пылали страстью и любовью.

И сквозь дымку пара, поднимающегося от чашки с горячим кофе, мир выглядел иначе — таинственным и загадочным. Что принесёт им этот новый рассвет и этот новый день?

После легкого завтрака из пастилы, орехов, сухофруктов и сока можно было выйти прогуляться по саду.

Сони и Ями отправились проверить розарий.

Алишер упражнялся в стрельбе из лука под руководством Надира, за ними наблюдали Альвис и Розалинда.

Раф и Самаэль тренировались на деревянных мечах, проводя мастер-класс для Питера и Дэна.

Эллен с братом Этьеном играли на площадке для бадминтона, или, как его называли здесь — пуна, а Джастина с Евой предпочли размяться на корте за партией в большой теннис.

Джек, Шарль и Дерек в дворцовой библиотеке изучали древние свитки по медицине и химии.

Джон и Марк играли в шахматы в беседке, а маленькая Аделька сидела рядом в кресле, поджав ноги и обхватив колени руками, и смотрела как они играют, перекатывая во рту от щеки к щеке карамельку и постоянно задавая вопросы относительно правил этой игры — уж очень хотелось ей научиться всем тонкостям шахмат.

Лев Витриченко сидел на поляне и рисовал пейзаж, вспоминая свои художественные навыки.

Маргарита и Даниэлла с матерями сидели тут же неподалеку — девушки делали акварельными карандашами наброски в альбомах для эскизов, а Валентина и Камилла читали. И по всей поляне резвились щенки-далматинцы и Милорд.

— Мамочка, расскажи мне, как вы с папой познакомились? — попросила Маргарита, оторвавшись от рисования.

— Ох, я же тебе уже раз сто рассказывала, — улыбнулась Валентина.

— Ну, ещё раз, пожалуйста! Я хочу услышать ещё раз, — девушка отложила альбом и выжидающе посмотрела на мать, — Я тогда была совсем маленькой и уже забыла подробности. Ну, пожалуйста, мамочка.

— Ну, хорошо, — она покачала головой, закрыв книгу, и обняла дочь, — Хорошо, что ты

сейчас вспомнила об этом, когда сама скоро станешь матерью. Это, и правда удивительная история — судьба, не иначе. Шарль был заводилой и душой компании, вокруг него всегда было множество красивых девушек — одна красивее другой. Он слыл знатным щеголем и большим дамским угодником. Исходя из того, что я слышала о нём, я считала его самовлюбленным и эгоистичным типом, забавы ради разбивающим девичьи сердца. Я не хотела иметь с ним ничего общего. Пока как-то на экзамене, на который я явилась с высокой температурой и не могла нормально отвечать на вопросы билетов. Благо, экзамен был письменным — и он, видя моё состояние и то, как я безуспешно пытаюсь собраться с мыслями, поменял местами наши работы, пока не видел преподаватель. И для полноты эффекта, устроил настоящее шоу, за что был удалён из аудитории. В это трудно было поверить, но всё было именно так. Он так старательно подделал мой почерк, что за мои былые заслуги, преподаватель простил кое-какие огрехи и экзамен мне был зачтен. Шарлю же пришлось его пересдавать. Я не знала, как себя вести, но хотела отблагодарить его. Когда же, наконец, я смогла подойти к нему, когда он не был в окружении своих друзей и девиц, то он сделал вид, что вообще не понимает, о чём речь.

Я уже почти забыла об этом случае и постаралась выкинуть его образ из своей головы, когда другой парень из их компании стал не давать мне прохода. После очередного его пошлого замечания в мой адрес, Шарль не выдержал и врезал ему — завязалась драка. Шарль оказался на грани исключения, и только влияние его семьи спасло его. Ему же, казалось, было всё равно. Он предложил какое-то время играть роль моего парня, пока всё не уляжется и тот парень не успокоится. Я, без особой радости, согласилась. Но на этом всё не закончилось. Через пару дней тот тип и его дружки подкараулили Шарля в парке недалеко от нашего дома — они его едва серьезно не покалечили, если бы не мой отец — твой дед, но просто трусливо сбежали, оставив его избитого на земле. Представь, каково же было моё удивление, когда, открыв дверь, я увидела отца, поддерживающего его — всего в крови. Не знаю, что это было — совпадение или проведение, но с того дня мы больше не расставались. Мы уже не притворялись, что мы — пара. Я узнала его с другой стороны. Мы оба взглянули друг на друга по-новому. Он, ведь тоже имел обо мне ложное представление — считал меня своего рода синим чулком, нелюдистой ботанкой, холодной и неприступной. Кто бы мог подумать, что у нас найдется столько точек соприкосновения, когда он отбросил от себя всю показную шелуху: когда он устал паясничать и играть на публику, то у него оказался довольно спокойный и мягкий характер, но вместе с тем — по-мужски твердый. У нас были одинаковые взгляды на мир, схожее мировоззрение. Нам нравились одни и те же книги, одни и те же фильмы, одна и та же музыка. Если бы я не знала точно, кто его родители, то я бы считала, что он — мой брат, с которым мы выросли вместе и знали друг друга всю жизнь — более близкой и родственной души и не сыскать было.

Он оказался очень надежным человеком, на которого можно положиться в любой ситуации.

До сих пор, встречающие нас однокурсники не могут поверить, что он, всё-таки, остепенился — но, именно так оно и было, чему он уже и не сопротивлялся, пресытившись бурной молодостью.

Вот, смотрю я на тебя сейчас и не верится мне, что столько лет уже прошло, и ты уже выросла и сама нашла свою любовь — моя уже такая взрослая девочка.

— Я обязательно всё это запишу, всё, что случилось с нами — это ведь волшебнее любой сказки, — Маргарита подняла голову к ясному небу.

— Ну, вот я уже закончила, — Даниэлла показала рисунок, изображавший дружеский шарж на Маргариту, — Это Маргаритка-конфетка, — Марго накрыла голову альбомом и только что не икала от смеха.

— Шах и мат! — победно улыбнулся Марк, — Хоть в чём-то я у тебя выиграл.

— Признаю, тут ты сделал меня, — развел руками Джон, — Но — только в шахматах я готов уступить тебе, — добавил он, усмехнувшись.

— Папа, мы идем кормить уток и лебедей на пруду. Хотите с нами? — в беседке появились улыбающиеся Алишер и Роза.

— Да, да, дядя Марк ещё не видел зверинец, — заметила Аделька, поглаживая за ухом Милорда, который вольготно разместился рядом с ней в кресле, — Какая у тебя коса красивая, дядя Марк. А мне заплетешь такую?

— Хорошо, садись, — он посадил её к себе на колени, — А можно посмотреть конюшни? — спросил он, обращаясь к Джону, закрепляя лентой косу Аделины.

— Если ты хочешь, то сходим, — согласился тот, — Ну, что, ребята, проводим Марка? — улыбнулся он собирая шахматы — А потом на пруд, — дети согласно кивнули.

— Какие же, всё-таки, это прекрасные животные, — Марк с восхищением осматривал обитателей конюшни, — Говорят, моя мама сначала очень боялась лошадей, но потом смогла побороть свой страх, — он остановился возле красивого серого жеребца, — Привет, парень. Помнишь меня? Какой же ты красавец.

— Смотри-ка, а вы нашли друг друга, — одобрительно хмыкнул Джон, — Его зовут Ветер, знаешь? Прекрасный конь.

— А Милорд-то приревновал тебя, — кот недовольно зашипел на руках у Аделины.

— Ну чего ты так распереживался, а? — улыбнулся Марк, — Ты — это другое дело. Я не променяю тебя ни на какого другого кота в целом мире, дружище.

— Я так ему и передам, — хихикнула Аделька.

— А можно на нем прокатиться? — осторожно поинтересовался Марк.

— Если он так тебе понравился, то он твой, — Джон продолжал с интересом наблюдать как человек и животное смотрели глаза в глаза, изучая друг друга.

— Ты это что, серьёзно? — Марк перевёл ошеломленный взгляд на него.

— Хочешь оседлать его? — Джон указал на сбрую, висевшую на стене.

И затруднительно было бы описать это волнующее ощущение полета и свободы, когда скачешь во весь опор, и ветер свистит в ушах, развевая волосы, перехватывает дыхание и кружится голова, когда два живых существа сливаются в один единый организм — не испытав самому. И уже не хотелось останавливаться... И счастливая улыбка не сходила с его лица.

— Мадам Камилл, а как вы познакомились с месье Дерекком? — спросила Маргарита.

Но, тут сама Кали позвала всех помогать перебирать вишни, собранные в саду, из

которых после приготовят вкусные пирожки.

— Ну, прости, детка, как-нибудь в следующий раз расскажу обязательно, — Камилла похлопала её по плечу, поднимаясь с подстилки.

И вот уже к обеду принесли первую партию горячих пирожков и душистого зеленого чая с жасмином — и от осознания своего вклада и своей причастности к их приготовлению, еда эта приобретала особый, незабываемый вкус.

— Прямо, как в детстве, — Марк с удовольствием откусил кусок пирожка, и сразу распространился аромат ягод и горячей сдобы, — Люблю вишни. А пробовали бы вы те вареники с вишнями, что готовила наша Полина Аркадьевна в приюте, — он мечтательно прикрыл глаза, — А знаете — я вас обязательно с ней познакомлю.

— Как? — широко раскрытыми глазами Адель посмотрела на него, — Неужели ты тоже детдомовский?

— Жизнь — сложная штука, — он пожал плечами и отхлебнул зеленого чая из изящной чашки, — Теперь это всё в прошлом. Теперь у нас всё будет хорошо.

— Вот такие они — эти истории любви, все разные, но все — одинаково прекрасные. Но, самое восхитительное — что это наши истории. Теперь о них будут помнить. Теперь о них смогут узнать и наши дети, — Маргарита захлопнула альбом и повернулась к мужу, он поцеловал её и крепче обнял, потом положил ладони ей на живот, и тёплый ласковый ветер разведал их волосы, и солнце согревало мягким теплом уходящего лета, — Что же ждет нас дальше?

— Что бы ни было — мы встретим это вместе, — непреклонно ответил он.

И вот он настал — день расставания:

— Полагаюсь на вас, — Джон почтительно поклонился и поцеловал Кали руку, — Мне трудно выразить свою признательность вам за то, что вы согласились взять на себя тот груз, что мне не под силу — ваше одолжение поистине неоценимо, — он приветливо улыбнулся ей, — Я в неоплатном долгу перед вами, что могу быть спокойным за судьбу Небесного града — он заслужил лучших правителей, нежели я — таких правителей, как вы. Мне же привычнее будет быть наставником Хранителей и разделить с ними их долг перед миром.

— Ясно, — ответила она легким поклоном и улыбкой, — А что скажешь ты, Рафаэль? — обратилась рыжая к младшему принцу.

— После всех моих деяний у меня нет ни каких прав, и я прекрасно осознаю это, — скромно опустил взор Рафаэль, обнимая Ями, — Я лишь хочу мирной жизни для себя и своей семьи.

— Как у вас всё интересно получается, — рыжая богиня сверкнула своей ослепительной улыбкой, — вы остались всё такими же несносными мальчишками. А отдуваться за вас — нам с Самаэлем? — она посмотрела в сторону Сони, — Будь я вашей матерью, я бы устроила вам хорошую взбучку, чтобы вы не забывали, кто вы есть, — потом она положила руки им на

плечи, — И помните, что Небесный град всегда будет рад вас встретить.

— Небесный Град всегда может рассчитывать на нашу помощь, — заверил её Джон.

— Мы так же будем рады оказать вам поддержку в случае надобности, — твердо ответила Леди-Регент.

— Ваше Величество, вы уже не испытываете страха перед огнем? — участливо осведомилась Маргарита.

— Теперь уже нет, княгиня, — Королева Тёмного двора отрицательно замотала головой, — Вы помогли мне избавиться от моей фобии. Ваша поддержка и участие — Небесный град оправдывает своё, овеванное легендами, название.

— Мы очень рады слышать это, Госпожа Альвис, — улыбнулась девушка, — Огонь — это не только буйство неукротимой стихии, но, и ласковый свет свечи, и тепло домашнего очага.

— Вы и на нас можете рассчитывать, — протянула руку Правительница Темных небес, — Вам нужно будет только дать знать, если потребуется наше участие.

— Благодарим, Ваше величество, — Кали взяла её руку в свою, — мы будем иметь это в виду.

— Берегите себя — рыжая богиня величественно и грациозно поклонилась Хранителям.

— И вы себя берегите, — искренне ответила Даниэлла, и бездонная небесная синь запечатлелась в её глазах.

— Берегите себя и дитя, княгиня, — рыжая обняла Маргариту.

— Спасибо, госпожа Кали, — растроганно поблагодарила девушка.

— Несравненная госпожа, мне тут Алишер по секрету сказал, что он был бы не против братика или сестрички и по материнской линии, — шепнул Джон, подмигнув рыжей богине, — Что скажете? Сэм и ты — вы были бы замечательными родителями.

— А что мне ещё остаётся, если ты забираешь Али? — она игриво отстранилась от него.

— Но, сиятельная госпожа забывает, что мальчик всё равно поехал бы на учебу, — он обхватил её за талию, — Ему нравится малышка Роза, и школа эта имеет самую лучшую репутацию. Я бы никогда не посмел бы предложить неприемлемый вариант, поверь мне.

— Можешь не продолжать дальше и не тратить своё красноречие на уговоры, — она убрала его руки и благосклонно посмотрела на него своими изумрудными глазами, — Вы двое, словно сговорились — сегодня утром твой сын говорил мне почти то же самое, — добавила она, покачав головой.

— Только мой? — хмыкнул Джон, подняв брови, — Сиятельная Кали считает, что не имеет к нему отношения? Не она ли является высокочтимой матерью маленького княжича?

— Ну, всё — твоя взяла, — опустила руки Кали и легко толкнула его в плечо, — Береги себя и свою семью, Дхармараджа.

— Вы — тоже часть моей семьи, — ответил он.

— Простите! Дела задержали, — наконец, появился опоздавший Лорд-Протектор.

— Спасибо, что нашел время проводить нас, — Джон обнял друга.

— Ну, кто-то обеспечил меня множеством хлопот, — улыбнулся Самаэль.

— Прости, друг, — Джон скорчил покаянную рожицу, — Я понимаю, что это, конечно, большая наглость с моей стороны, но, прими мою искреннюю признательность.

— Ладно, уж, тебе теперь есть о ком заботиться, — отмахнулся Сэм.

— Это верно, — растянул улыбку Джон, убрав волосы с лица, — Быть любимым-больше, чем быть богатым, быть любимым — значит, быть счастливым. И ни какие

сокровища мира не сравнятся с блеском родных глаз.

— В этом ты прав, приятель — тут мы дадим фору любому миллионеру, — Самаэль был с ним совершенно согласен, — До свидания, и помните, что врата Небесного града всегда открыты для вас. До свидания, друзья!

— В нас кажут "До побачення!" (У нас говорят "До побачення!" — укр.) — заметил с улыбкой Марк.

— Как забавно звучит, — рассмеялась Розалинда.

— Do widzenia! Wszystkiego dobrego (До свидания! Всего хорошего! — пол.), — Улыбнулась Ева.

— Пані добре розмовляє польською, — с удовольствием отметил Лев Витриченко, — В мене теж польські коріння. (Леди хорошо говорит на польском. У меня тоже польские корни. — укр.)

— Тобто? — с интересом переспросил Марк, — То — і в мене теж? (То есть? Что — и во мне тоже? — укр.)

— Так, сину, — утвердительно кивнул его отец, — Це не дивно. Гадаю, що немало Львів'ян мають польське походження. (Да, сын. И это не удивительно. Думаю, что многие Львовяне имеют польское происхождение. — укр.)

— Мы обязательно будем навещать вас, — пообещал Джон, — и мы скоро вернёмся отпраздновать свадьбу моей сестры и Рафаэля — и колокола Небесного града снова возвестят праздник.

И снова ступили они на землю Джайпура — они посетили музей в городском дворце, обсерваторию, башню Сарга-Сули, откуда открывается лучшая панорама города — снова прикасаясь к легенде, вдыхая её запах и пропуская через себя услышанные удивительные истории, больше похожие на сказки. На шумных рынках и в торговых лавках парни отоварились кальяном, шахматами и бумагой ручной работы, а девушки были в восторге от магазинов с красочными тканями и ювелирными изделиями, пополнив свою коллекцию браслетов и сережек.

Марк в выборе сувениров остановился на наборе искусно сделанных резных шахмат, паре традиционной индийской обуви — маджари и индийском чае.

А дети увлеченно и пытливо, с восторгом, наблюдали за живыми слонами, обезьянами, волами, буйволами и мангустами.

Местом жительства для Сони, Ями и Рафа был выбран тихий городок Галта — в дали от шумного Джйпура, славящийся своими целебными источниками. Маленький уютный домик с небольшим садиком на окраине городка был одобрен Ями и Сони — Джону и Рафаэлю осталось только смириться с выбором. Девушки с большим рвением помогли обустроить новое жильё: были куплены новые ковры, шторы, подушки, скатерти и посуда, а парни помогли обновить садовые дорожки и перекрасить забор.

Теперь, когда дом и участок полностью готовы к проживанию, они на время оставляют новых жильцов и с волнением ожидают свой рейс на Париж.

— Матушка, вы довольны? — улыбнулся Джон, обнимая мать.

— Да, сынок — дом просто замечательный, — уверила его Сони.

— А что насчёт будущего зятя? — с хитрецей уточнил он.

— Ну, знаешь, мне грех жаловаться, — Сони перевела взгляд на Рафаэля, — мальчик вырос на моих глазах и был вам товарищем в детских играх, я со спокойным сердцем могу доверить ему нашу девочку, если она выбрала его. Ты так не считаешь?

— Это правда, — он с легкостью согласился, — оставляю их вашим заботам, матушка. Счастливо вам оставаться и всего самого наилучшего. А нас ждёт теперь Париж. Время пролетит незаметно, и уже в следующем месяце мы посетим вас и поможем в подготовке к свадьбе.

— Спасибо, братик! — Ями обняла брата и поцеловала его в щеку, — Спасибо вам за всё! — она приветливо улыбнулась всем.

— Теперь он принимает ответственность за вас, — Джон с улыбкой указал на Рафаэля.

— И я не подведу, — уверенно ответил тот.

— Обещай мне одну вещь, Рафаэль, — Джон положил руку на плечо брата.

— Всё, что скажешь, — Раф совершенно серьёзно посмотрел на него.

— Обещай, что вы будете счастливы! — единственное, о чем попросил его Джон.

— Клянусь! — кивнул Раф.

Самолёт подлетал к Парижу — за окном проплывали облака, а под ними — города и страны, яркие и красочные, как на картинках в детских атласах. Аделька, не отрывая глаз, смотрела в иллюминатор, какие причудливые очертания принимали облака — тут были и груженные караваны верблюдов, и боевые слоны, и скачущие на своих верных скакунах рыцари, и волшебные замки, и густые леса у больших озер, и танцующие пары... Марк наблюдал за ней с легкой улыбкой.

Маргарита спала, положив голову на колени мужа, а он играл с её волосами, пропуская между пальцами пряди её локонов.

Даниэлла и Джек дремали, не размыкая объятий, закутавшись в просторный плащ доктора.

Питер и Ева вполголоса обсуждали свои впечатления от увиденного в Небесном граде и дальнейшее планирование их совместного будущего.

Остальные, в основном, тоже отдыхали — кто спал, кто читал, кто слушал музыку на плеере — и все были погружены не только в свои собственные мысли, но, одной общей мыслью был вопрос — что теперь будет дальше?

Настало время сделать паузу, взять тайм-аут и постараться осмыслить всё произошедшее с ними.

Они много всего пережили за последнее время, но, жизнь — она не остановилась, и нужно возвращаться к реальности и как-то продолжать строить свою жизнь, найти своё место в этом мире. Для них начинается новый этап — как-то теперь совмещать судьбу Хранителей и снова стать обычными людьми?

Начать было решено с получения высшего образования — и не только потому, что без него тяжело будет добиться чего-то существенного в этой жизни, а потому, что хочется

проверить себя, доказать, прежде всего, самому себе, что ты можешь достигнуть своей мечты, что ты можешь продать свои способности максимально дорого.

А мечта у каждого была своя: Маргарита всё так же хотела пойти по стопам родителей и стать генетиком, а в свободное от основной работы время — заниматься дизайном модной одежды. Даниэлла предпочитала иностранные языки и хотела быть лингвистом или переводчиком, а, возможно даже — изучать уже давно мертвые языки и в будущем, возможно даже, помогать историкам. Джастина тоже разделяла её любовь к языкам, но, в отличие от своей белокурой подруги, отдушину находила не в рисовании, а в кулинарии, и хотела бы в будущем содержать небольшой уютный ресторанчик. Ева мечтала посвятить себя музыке и стать композитором или преподавать музыку детям, Эллен видела себя знатным экономистом, но, занятий в балетной студии, тем не менее, бросать не собиралась.

Такие, вот, нехитрые мечты...

Ещё перед тем, как они первый раз покидали Париж, они договорились с лицеем о том, чтобы их документы прислали им по почте — они уже должны были ожидать их в почтовом отделении.

В их положении, Маргарита и Даниэлла могли позволить себе исключительно заочное отделение, остальным, впрочем, тоже не оставалось иного выбора, так как время вступительных экзаменов уже прошло.

Видно, ни что им не будет даваться легко, но, они стали теперь гораздо сильнее и не намерены сдаваться, какими бы пророчествами их не пугали. Они, ведь хотят совсем немного — того же, чего и все другие люди, только им приходится выбарывать с огромным трудом то, что остальным даётся совершенно естественным образом. Как привыкнуть к тому, что они сами и их близкие постоянно будут находиться в опасности, являясь объектами для нападения темных сил?

Как бы там ни было — от своих мечтаний они не собираются так легко отказываться.

Да, и просто хотелось хоть немного отдохнуть от всей этой мистики, которой было уже слишком много, и от которой уже ни куда не деться и не спрятаться — это теперь неотъемлемая часть их судьбы, да что там — гораздо больше, это уже — часть их самих.

Марк тоже много думал о своей жизни, о том, что он приобрел, о том, что его ждет дальше. Кто же он такой, в конце концов — ангел или демон? Его руки по локоть в крови — не отмыть...

Он нашел друзей, встретил отца, стал Хранителем. Однако, кое-чего он так и не смог... Найдет ли его сердце когда-нибудь успокоение? Или же — ему так и суждено быть вечно одиноким? Вот, Джон — смог же полюбить снова, и счастлив, говорит, что это чувство — гораздо сильнее и глубже, чем пылкая юношеская страсть.

Дети, над которыми надругались — способны ли они любить? И Джека, и Джона жизни тоже в своё время совсем не гладила по голове — но, они смогли остаться людьми, а он не смог... И его нелегкая судьба — не оправдание. Навсегда ли он победил тьму в себе? Не будет ли к ней возврата? Теперь у него есть поддержка, теперь он не сам — он справится с чем бы — то ни было. Только, вот беспокойное сердце всё не даёт ему покоя... Где на Земле счастье встретится ему вновь? Сможет ли он понять, что это — оно? Сможет ли полюбить снова? А заслужил ли он счастье? Он ни когда не сможет стать таким, как они — слишком

много он совершил такого, о чем лучше умолчать — не для их нежных ушей. Им не понять, как это — быть готовым буквально на всё ради того, чтобы выжить. Как ему искупить деяния свои, достойные лишь покаяния? Даже, если они, с их чистыми душами, искренне попытаются его понять, то, всё равно — до конца не сумеют. И как только его ангелы-хранители не отвернулись брезгливо от него, не разлетелись прочь, а послали ему шанс измениться и преобразиться?

Наконец, самолет приземлился аэропорту Шарля де Голля, и они сошли по трапу, одеты они были по-дорожному просто и без лишнего выпендрежа: джинсы, блузы или рубашки и удобные кроссовки. Одиннадцатичасовой перелет с пересадкой в Нью-Дели вымотал всех. Они арендовали микроавтобус до родных апартаментов на набережной Анжу на острове Сен-Луи.

Это просто счастье — путь домой.

Париж встретил ненавязчивым августовским теплом, а впереди было пять дней для того, чтобы продолжить знакомство с этим городом — пройтись по тем же улицам, по которым ходили великие люди прошлого и герои известных произведений великих французских писателей, дышать этим воздухом. Интересно — они видели над головой такое же небо, такие же облака и звезды, ту же гладь Сены, слышали тот же колокольный звон соборов?

Город ожившей истории и гениев, город, куда стремятся все мечты. Так и хочется закричать от восторга, чтобы воздух содрогнулся, чтобы дух захватило, и чтобы все услышали, что они — в Париже! В Париже — городе контрастов и ярких впечатлений. Город многоликий, с богатой историей, с которой хочется соприкоснуться и почувствовать его непередаваемую атмосферу. Галльские племена паризиев, римские и франкские поселения, эпидемии, восстания и революции — чего только не пережил этот город на своём веку.

Дом — милый дом... Знакомые улочки, здания в псевдо-колониальном стиле, знакомый вид из окна, любимый маленький сад на заднем дворе — всё словно замерло в ожидании их возвращения.

Ключ провернулся в замочной скважине, и двери открылись.

Первым делом были открыты все окна и проветрено помещение, Теперь можно было расслабиться в теплой ванной и заказать вкусной еды — уж в чем, а в еде французы знают толк.

После трапезы уставшие ребята и не заметили, как их сморил сон, и лишь только к вечеру они вышли прогуляться по набережной, подышать вечерней свежестью и распланировать экскурсионную программу на ближайшие дни за чашечкой кофе в уютном кафе — а посмотреть и посетить предполагалось так много всего интересного. Если они хотят всё успеть, то начать следует прямо завтра и прямо с утра.

И после сладкого сна в родных стенах, утро разбудило солнечным лучом и легким ветерком в окно.

Решительно настроенная, Маргарита принялась всех будить, несмотря на протесты сонной Даниэллы и возмущения Адельки, не успевшей досмотреть свою волшебную фантазию — пришлось пообещать купить ей засахаренных каштанов.

Форма одежды — удобная, в рюкзаках — всё необходимое для длительной прогулки, попрощавшись со старшим поколением, они двинулись в город — ходить сегодня придется много и долго.

Поскольку Париж — город любви, то, с его стороны было бы неприлично не позаботиться о плодах этой любви — детях. Здесь столько мест, в которых можно провести время вместе с детишками — с пользой, как для них, так и для себя — за руку с детьми начать увлекательное путешествие.

И, даже если у вас нет детей — всё равно невозможно отказать себе в таком удовольствии — ведь, в каждом из нас живёт ребёнок.

Сначала нужно пересечь мост Мари (мост Влюбленных). Если на нем загадать желание и поцеловаться (если есть с кем), тогда оно непременно исполнится — что они и поспешили проверить.

— Марк, а давай загадаем желания, и я поцелую тебя — тогда оно обязательно сбудется, — сидящая на плечах юноши Аделина чмокнула его в щеку, пока остальные бережно прикасались к старым камням, выдавшим множество влюбленных пар, и слышавших тысячи желаний — от самых предсказуемых, до самых невероятных, — А что ты загадал?

— Если я скажу тебе, то оно не исполнится, так ведь? — ушел он от ответа, таинственно улыбнувшись.

И, вот впереди уже виден первый пункт их экскурсии — Центр Жоржа Помпиду, который в детстве Маргарита посещала несколько раз вместе с родителями. Но и сейчас он выглядел весьма экстравагантно — его столь причудливый вид объясним расположением всех технических коммуникаций снаружи здания. Огромную площадь перед ним приглядели для себя художники, бродячие артисты, музыканты и циркачи. Справа — площадь Стравинского, которую украшает одноимённый экстравагантный фонтан в честь знаменитого композитора. Тут слышна музыка, можно почитать книгу или посмотреть фильм, а можно — дать волю фантазии, используя любой подручный материал: глину, пластилин, дерево, картон. Дети такое обожают. Особенно Аделина, которая от души веселилась, когда ей салфеткой вытирали ладошки и перепачканное в пластилине личико.

Неподалеку — тот самый очаровательный фонтан Невинных, у которого Джон и Маргарита как-то встретили маленькую цыганку Марию. Где она сейчас? Как её дела? Надо обязательно её поискать, хоть это и будет не так просто в этом большом городе.

Ещё чуть дальше — и разве можно отказать Адельке и Розе в посещении музея кукол? Тем более, что в каждой девушке всегда будет жить маленькая девочка, замирающая от умиления при виде красивого платья, пары изящных туфель или шоколадного торта. И парням пришлось принять этот детский девичий каприз.

Пройдя знаменитый фешенебельный отель "Ритц" и потом — вдоль сада Тюильри, они вышли на именитую площадь Согласия, ставшую молчаливым свидетелем великих и ужасных кровавых событий, в том числе и казни последнего французского монарха, его жены и множества других аристократов во времена французской революции. И невозможно устоять, чтобы не пройтись одной из самых известных в мире улиц — Елисейские поля, по которой прямо можно дойти до следующей, не менее известной площади — Площади звезды, от центра которой с расположенной в нем именитой Триумфальной аркой, лучами расходятся двенадцать проспектов.

На изучение достопримечательностей города можно потратить не один день, а ещё рядом столько всего занимательного, несущего на себе отпечаток истории человечества — предостаточно впечатлений для одного дня. И продолжить познавательно-развлекательный марафон решено было уже завтра, а вечер провести отдохнув в кафе и любуясь видом вечернего Парижа со смотровой площадки Эйфелевой башни, о которой не слышал разве что ленивый.

Этот легендарный символ не только Парижа, но, и всей Франции — "чудовищное чудо" — Эйфелева башня, которая видна уже издали. И это безусловный признак того, что они именно в Париже. У её подножия расположен туристический офис, где можно получить информацию не только о самой башне, но и обо всём Париже.

А ещё тут — великое множество ресторанчиков и сувенирных лавок...

Специальная выставка и круговая галерея даёт представление о самых легендарных местах французской столицы. Тут даже открыта почта, с которой любой желающий может отправить домой или друзьям открытку с подлинной печатью "Париж. Эйфелева башня", что приводит туристов в совершенный восторг, можно даже отправить послание по электронной почте.

— Давайте отправим открытку в Джайпур? — попросила Маргарита, взглядом уже выбирая, какую именно открытку они могли бы послать, — Госпоже Сони и ребятам должно

понравиться.

— Ну, если ты так хочешь, — Джон поцеловал жену в щеку, а она чуть не прыгала от радости, захлопав в ладоши.

На втором этаже — смотровая площадка с восхитительным видом для фотографирования и видеосъемки, снова — сувенирные лавки и "Ресторан Жюль Верна" — именно тут Джон сделал предложение Маргарите — тот день они запомнили навсегда. Марк только хмыкнул на то, как они предавались воспоминаниям — конечно же, это не могло не впечатлить. Какая девушка не мечтала бы, чтобы ей сделали предложение в самом овеянном романтикой городе мира на высоте достославной la tour Eiffel?

А на третьем этаже находится офис-музей создателя этого произведения архитектуры — Гюстава Эйфеля.

И вечер опустился на Париж, и город зажег миллионы огней и продолжил жить своей удивительной жизнью.

За этот день все так утомились, что о посещении ночных клубов даже и мысли не возникло — осталось только вызвать такси, и домой — в мягкую постель, видеть сказочные радужные сны.

Спустившись утром на кухню, Маргарита нашла Дэна и Джесси за нарезанием овощей для салата, в духовке уже готовилось мясо, а в микроволновке — разогреваются сэндвичи, распространяя приятный аромат по дому. Эллен и Этьен отправились в упермаркет за продуктами, Валентина и Камилла прибирали на заднем дворе.

— Salute! Доброго всем утра! — радостно вещала девушка со счастливой улыбкой на лице, — А что, кто-то из детишек ещё не проснулся или отказался есть свою порцию? — усмехнулась Марго, глядя на стоящий на столе стакан с кефиром и лежащее рядом с ним большое спелое яблоко, и поставила чашку в кофе-машину.

— А это твоя порция, дорогая, — подошедший Джон обнял её за талию и поцеловал в макушку, — Так что, половину своей дозы кофе оставь на потом и съешь это.

— Меня уже прировняли к детишкам? — Маргарита игриво нахмурила бровки.

— Жан прав, Cara mia, тебе, и правда, не стоит так увлекаться кофе, — выразила своё согласие с зятем Валентина, — Может быть, хоть его ты слушаешь? — и

многозначительно взглянула на дочь.

— Ай, мама, ты на чьей стороне? — девушка вопросительно посмотрела на мать, поморщив носик, села на стул и принялась медитировать над кефиром.

— Ох, и какие тут могут быть стороны? Тебе стоило бы перестать капризничать, если не хочешь, чтобы тебя считали ребенком, — Маргарита уступила и, глубоко-глубоко вздохнув и сильно — сильно зажмурившись, выпила кефир, а вот яблоко съела с большим удовольствием.

— Вот, умница, — муж ласково потрепал её по щеке, а она состроила умильную рожицу.

— А братик и Даня ещё не спускались? — она хитро улыбнулась про себя, а в глазах её заискрились смешинки, — Как всегда, любят поспать подольше. Тогда они будут помогать мыть посуду после завтрака, — Марго поднялась со стула и принялась доставать из навесного шкафчика посуду и столовые приборы, сложила их в посудомоечную машину и запустила программу. Теперь остается только подождать, пока посуда не прополощется, достать её, протереть и можно будет сервировать стол.

— Всем доброе утро! — неспешно поздоровалась светловолосая, потягиваясь, — Не скучали без нас? — Даниэлла налила себе апельсиновый сок, — Смотрю, и тебя, Мэгги, заставляют следить за питанием, — хихикнула блондинка, с пониманием глядя на подругу, — Наше здоровье! — она подняла стакан и залпом выпила содержимое.

— Завтра, вы сможете поспать подольше — мы вами встретимся во второй половине дня. До обеда у нас с Джоном есть важные дела, — радостно сообщила Маргарита.

Тем временем дети самозабвенно носились по заднему двору вместе со щенками. Милорд же предпочел быть поближе к кухне и хозяевам.

Аккурат к самому завтраку вернулись Марк с отцом, они прогулялись утром по набережной: Лев Витриченко рисовал пейзаж, а парень увлекся фотографией, они даже успели купить на блошином рынке багет для картины и презентовали её семье Валуа:

— Спасибо, что показали мне город, — от всего сердца поблагодарил Марк, — Вы не представляете себе, что такое неделя моды в Париже — это всегда сумасшедшая гонка по фотосессиям и кастингам перед ней — выспаться лишний раз иногда не успеваешь, не то, что вот так, спокойно и не суетясь, прогуляться. Только сейчас я осознал, что так толком и не видел этого прекрасного города.

— Ваш чай, леди, — Джек поставил на стол чашку горячего черного чая с барбарисом и поцеловал жену, Даниэлла отблагодарила его улыбкой и поцелуем в щеку.

— Ну, что, друзья, вы уже определились с выбором факультетов? — спросил Шарль, когда все расселись за столом.

— Да, папа, мы готовы покорять Сорбонну, — Маргарита гордо задрала нос, и отец легко щелкнул её по носу, — А наша Жюстин — просто молодчина, у неё аттестат с высшим балом, — улыбнулась она подруге, на что та смущенно опустила глаза, — Нам только останется отправить по электронной почте копии документов, пройти онлайн — тестирование на сайте университета, и уже к середине сентября мы будем знать вердикт — поступили мы или нет.

— А у тебя какие планы, приятель? Планируешь поступать? — с интересом

полюбопытствовал у Марка Этьен, — Если выберешь факультет информатики, то, я мог бы одолжить тебе свои прошлогодние конспекты, — предложил он.

— Спасибо, это было бы просто неоценимо, — улыбнулся тот, — Только мне нужно забрать свои документы у мистера Айронса. Пап, ты не обижайся, но он очень много для меня сделал, — парень словил виноватый взгляд отца, — я до сих пор чувствую свою вину перед ним за то, что так, без предупреждения, исчез и бросил его, а он, же всегда хорошо ко мне относился — он нашел меня буквально на улице и вытащил из такого дерьма, прошу прощения за выражение, что вы и представить себе не можете. Он, можно сказать, заменил мне отца, а я заплатил ему черной неблагодарностью, так подставив. До встречи с вами, всего несколько человек отнеслись ко мне по-человечески — Полина Аркадьевна — повар в приюте, дед Степан, и мистер Дуглас Айронс.

— Замечательно, — кивнул Джон, — И, тот показ — мы таки провели его, — после этих слов Марк сделал удивленные глаза, а Джон удовлетворенно улыбнулся произведенному его словами эффекту, — Послезавтра можем вместе навестить его — мне нужно как раз с ним переговорить. Я хотел бы заняться пошивом одежды, и мне не помешало бы получше узнать эту индустрию изнутри и спросить у него совета, как у профессионала. Я, конечно, не Готье и не Лагерфельд — но я рискну попробовать свои силы.

— Вот, у всех такое ошибочное мнение, а, Лагерфельд-то тоже человек, — пожал плечами Марк, — Он, конечно, суровый старик, но — ни что человеческое ему не чуждо.

— Ух, ничего себе, ты и самого Карла Лагерфельда видел? — изумленное выражение так и застыло на лицах Эллен и Джастины, а Ди и Марго чуть не поперхнулись напитками.

— Ну, как видел — был он как-то у нас в агентстве, выбирал моделей для показа, — беспечно отмахнулся парень.

— Так, что — мы договорились? Завтра мы будем заняты — у нас назначены встречи в мэрии и в опекуновском совете.

— Вы, правда, не передумали меня удочерять? — Аделька, сидевшая на коленях у Марка, переползла на колени к Джону и крепко-крепко обняла его за шею, а в глазах её стояли слезы, — Теперь, когда у вас будет родной ребенок?

— Ну, что ты, в самом деле? Чего плачешь, глупенькая? — Джон погладил девочку по голове, — Или не хочешь уже?

— Хочу, — слабо всхлипнула она, — Только я думала, что вы уже передумали.

— А почему мы должны передумать? — поднял брови мужчина, продолжая успокаивать ребенка, пока она своими слезами окончательно не замочила его рубашку, — Мы ведь обещали тебе. У тебя есть наше слово. Только, прежде придется подтвердить наш брак по правилам вашего мира и переговорить с представителями твоего приюта. И, я искренне надеюсь, что у нас не возникнет трудностей, и всё решится как можно скорее, — он протянул ей стакан с водой, — Ну-ну, успокойся. Выпей, вот, воды, — та буквально вцепилась в стакан, делая большие жадные глотки и продолжая всхлипывать.

— Вы знаете, насколько это важно для любого приютского ребенка — найти любящую семью? Тем, кто вырос в тепле и неге, в кругу семьи, не понять беспризорной тоски, — подал неожиданно голос Марк, — Кем бы я был сейчас, если бы мне встретились раньше

такие люди, как вы? Кто знает...

— К сожалению, мы не в состоянии усыновить всех сирот, но, мы можем попробовать скрасить их ожидание новой семьи и материально помочь приюту.

— Тогда, я — с вами, — решительно настоял юноша, — У меня есть кое-какие сбережения на счету — детям они нужнее, чем мне. А я себе ещё заработаю, — он силился удержать улыбку на губах, а на глаза просились слезы, — слишком сильны были нахлынувшие воспоминания о том времени, что он провел в детском доме, как сердце каждый раз ревниво замирало с приездом новых потенциальных родителей, как он каждый раз усиленно делал вид, что ему всё равно, когда забирали другого ребенка — ведь, где-то у него есть отец, который его обязательно заберет. Но, отец всё не появлялся, и с каждым разом делать равнодушный вид становилось всё тяжелее и тяжелее, и всё чаще он убегал потом подальше от всех, чтобы не видели, как он плачет... В чем он виноват? Что он сделал не так, что от него отказался даже его родной отец? И с каждым днем становился он всё более угрюмым и замкнутым, а общение с другими людьми вызывало в нем только отвращение. Дети, которые не знали родительской ласки — их сердца ожесточаются, они могут быть очень жестокими к тем, кто отличается от них... Вместо того, чтобы плакать, он научился давать сдачи.

Марк сморгнул, чтобы прогнать из памяти эти картины.

— Приятель, ты, вообще, здесь? — Джон провел рукой перед его лицом, — Ты меня слушаешь? С тобой всё нормально?

— Да, всё в порядке, извините, — парень отпил воды и подмигнул, — Просто задумался.

— Не грусти, — Аделина протянула ему пастилку, — Держи конфетку. Мне всегда от конфет веселее становится, — он благодарно потрепал её по челке.

Марк попросился взять с собой на прогулку фотоаппарат, чтобы поснимать природу и друзей, обосновывая тем, что из моделей зачастую получаются прекрасные фотографии, очень тонко чувствующие все нюансы этой профессии — ярким примером может служить известный модный фотограф Найджел Баркер, чьи работы стали всемирно известными. Вот и он, Марк, хочет попробовать себя в чем-то новом, что его очень заинтересовало, как это быть — по другую сторону камеры.

— Неужели ты знаком и с мистером Баркером? Обожаю его работы! — всплеснула руками потрясенная Маргарита, на что Джон непроизвольно скорчил недовольную гримасу ревности.

— Ну, есть немного, — загадочно прищурился Марк, — Виделись пару раз на съемках. Хотите познакомиться? В его лице мир, возможно, лишился хорошего врача, но — приобрел гениального фотографа, а до этого он десять лет своей жизни отдал модельному бизнесу. И, в нем, кстати, тоже есть индийская кровь, а его мать была "Мисс Шри-Ланка"

— Оказывается, у тебя такие связи, а ты молчал? — игриво отругала его Даниэлла.

Сегодня им предстоит пикник в Венсенском парке, в былые времена бывшим лесом с королевскими охотничьими угодьями. Ныне на его территории расположен Парижский зоопарк, в котором создается полное впечатление нахождения на лоне природы, снова открытый после глобальной реставрации — и сегодня в нем живут более тысячи зверей и птиц в естественных условиях. В зоопарке есть и сад чудесных бабочек и красивый ботанический сад с оранжереями и многообразием всевозможной растительности, где растут ирисы, папоротники, водяные лилии и лечебные травы. А по дорожкам сада важно прогуливаются павлины.

Для малышей на территории парка есть аттракционы, и работает детский театр с мимами и клоунами.

Не спеша и расслабленно можно провести там целый день — катаясь на лодках по озеру, посетить ферму, прокатиться верхом или посетить буддийский храм, хоть одним глазком взглянуть на Венсенский замок.

Казалось — до сих пор по парку слышен лай гончих, улюлюканье загонщиков и хлопанье крыльев охотничьих соколов. В своё время, Маргарита Валуа обожала соколиную охоту и слыла хорошей охотницей — всегда царственно восседая на лошади с гордо выпрямленной спиной, у неё даже был свой любимец — сокол по кличке Арно — до того самого рокового случая с отравленной книгой о соколиной охоте — с тех пор она возненавидела охоту. Ещё, именно охота помогла ей понять, какие чувства она испытывает к своему мужу — охота на кабана была запрещена для женщин, поэтому она не видела всего собственными глазами, но, весь двор только об этом и говорил — как Беарнец Наваррский спас короля Франции от верной смерти, лично заколов своим кинжалом кабана, напавшего на упавшего с коня Карла, когда остальные придворные, словно парализованные, не в состоянии были пошевелиться, он же, рискуя своей собственной жизнью, уберег монарха от бесславной гибели. Тогда что-то сильно кольнуло в глубине сердца — этот безрассудный поступок мог оставить её вдовой. Она и не представляла, что способна так испугаться за него, что он, вдруг, станет ей таким близким. Она поняла, что он для неё очень много значит...

Проснувшись поутру, Даниэлла обнаружила прикрепленную магнитом на холодильнике записку от Маргариты:

"Доброго утречка!

Мы с Жаном, Марком и Аделькой уже убежали, решив так рано вас не будить.

Завтрак на плите — только разогреть.

Встретимся около полудня на площади перед Нотр Дамом.

Напомните Еве, что мы должны ещё выбрать ей свадебное платье — где же это лучше всего сделать, как не в Париже? Найдём самое лучшее.

Пожелайте нам удачи, и — хорошего утра вам.

Люблю-целую-обнимаю.

Марго."

И в конце — смайлик-мордочка.

Белокурая невольно улыбнулась — начался третий день их пребывания в Париже.

Мэрия Парижа стоит на площади Отель де Вилль, в здании одноименного городского дворца на печально известной Гревской площади — это название площадь носила до начала девятнадцатого столетия. В дальнейшем она стала широко известна, в основном, из-за проводимых публичных казней, что проводились на протяжении нескольких веков, когда в истории средневековой Франции, к примеру — преступников-простолюдинов вешали, преступникам из числа аристократов отрубали голову, а ведьм и непокаявшихся еретиков сжигали на кострах. В числе прочих, на Гревской площади были казнены: Габриэль Монтгомери (невольный убийца короля Генриха II), Жак Клеман (религиозный фанатик, убийца французского короля Генриха III), Франсуа Равальяк (убийца короля Франции Генриха IV). Поклонникам творчества Анн и Сержа Голон она известна как место казни графа Жоффрея де Пейрака, символ средневекового правосудия в творчестве Виктора Гюго — жестокого и кровавого. Маргарита ощутила дрожь во всем теле от одного только воспоминания об этом, с несвойственной ей силой сжав руку мужа.

Вместе с переименованием, сейчас она стала пешеходной зоной, и зимой тут заливают каток для желающих покататься на коньках, а летом — проходят соревнования по пляжному волейболу.

Документы в мэрию были поданы, и через месяц была назначена дата регистрации.

Теперь можно было апеллировать на опекуном совете.

Аделька, конечно же, волновалась больше всех — пришлось купить ей мороженое для успокоения.

К сожалению, опекунский совет не дал конкретного ответа и отложил рассмотрение вопроса до получения документа из мэрии — бюрократические формальности, от которых ни куда не деться. Впрочем, они и не рассчитывали на скорый положительный ответ — но первый шаг уже был сделан, и теперь оставалось только надеяться на лучшее и запастись терпением. Тем не менее, от материальной помощи приют не отказался.

Пока до встречи с друзьями оставалось ещё время, можно было заняться ещё одним давно волновавшим Маргариту вопросом и навестить уже знакомое аббатство Сен-Маргарет, которому они помогали последнее время.

К большой радости Маргариты, они снова встретили свою знакомую маленькую цыганку по имени Мария:

- Здравствуй, дорогая! — девушка погладила её по волосам, — Как наши дела?
- Благодарю, всё хорошо! — улыбнулась девочка, — А как вы, мадам?
- Лучше и не бывает, поверь, милая, — беззаботная улыбка осветила лицо Маргариты.
- Я вижу, — улыбнулся во весь рот ребенок, — О, мадам, вас ещё ожидает большой сюрприз, — заметив, что девушка испугалась, она сразу добавила, — Не бойтесь, мадам — сюрприз приятный. Надеюсь, месье он тоже понравится, — Мария подмигнула Джону.
- Здравствуй, Мария! — протянул ей руку мужчина.
- Здравствуйте, месье! — задорно усмехнулась она, пожимая её.
- Можно, пока мы побеседуем с матерью-настоятельницей, с вами поиграет эта девочка? Её зовут Аделина, — попросила Маргарита, на что девочка одобрительно закивала.
- А это...? — Мария перевела взгляд на стоящего в стороне высокого бледного юношу с длинной косой цвета лаванды.
- Это наш друг, Марк, — утвердительно ответила девушка.
- Вы доверяете ему? — маленькая цыганка подозрительно покосилась на него, — Его душа полна смятения.
- Я доверила бы ему свою жизнь, — был ей ответ.
- Дайте мне вашу руку, месье, — предложила она Марку, и тот протянул ей свою ладонь, — Я не вижу... странно... вы, как новорожденный младенец — ваша судьба начинается заново... И только от вас будет зависеть, какой она будет. Теперь внутри вас не только боль и гнев, но доброго — гораздо больше. Не потеряйте то светлое, что есть в вас, и не упустите свой шанс быть счастливым, — Мария улыбнулась и отпустила его руку, потом она повернулась к Маргарите, — Мадам, моя матушка хотела бы с вами поговорить, если вы не против. Она знает и умеет гораздо больше, чем я. Выслушайте её.
- С удовольствием познакомимся с твоей мамой, Мария, — радость девушки вдруг

сменилась ужасным чувством тревоги и беспокорства, вместе с воспоминаниями накатила вдруг ужасная слабость, а лоб покрылся испариной, — А что твоя подруга? Лаура? Так, кажется, её звали? — медленно и осторожно спросила она.

— Я же говорила, мадам, что она мне — не подруга, — покачала головой маленькая цыганка, — Она появлялась ещё пару раз, но, последний раз это было больше полутора месяца назад.

— Что?! — Джон и Марк, не сговариваясь, одновременно пристально посмотрели на Маргариту, — Откуда ты знаешь её?! Почему не сказала?!

— Всё-всё, хватит! — Маргарита повысила голос, чтобы докричаться до них, — Я и видела-то её мимоходом. Она мне просто погадала. Я не могу обвинять не разобравшись! Она же только ребенок — возможно, это и не она вовсе. А, если это, всё же, она, то, тем более — поклянитесь, что не будете сами искать с ней встречи! Я же не переживу, если с вами что-нибудь случится — с кем-либо из нас.

— Она не ребенок, как ты не поймешь?! — не выдержал вдруг Марк, словно не было больше сил держать это в себе, — Этот, как ты говоришь, ребёнок — лишила меня матери, лишила меня нормальной жизни! — и лицо его исказилось от невыплеснутой горечи, и листва, что лежала у его ног поднялась в воздух, кружа вокруг него танец его боли.

Джон лишь стиснул покрепче зубы, но, хмурый взгляд его был чернее ночи — его, как будто, разрывало надвое, с одной стороны — он понимал чувства Марка, а с другой — он понимал, что и Маргарита права — ярость не прибавляет ума — он сам однажды чуть не убил Марка в припадке неконтролируемой ярости, о чем жалел бы всю жизнь.

— Марк, перестань! — Маргарита трясла парня за плечи, пока он не пришел в себя, и поднятая листва с легким шорохом не опустилась снова на землю, — Ты не такой, как она, не уподобляйся ей. Месть не вернет мадам Руслану. Разве этого хотела бы твоя мать для тебя? Вспомни, вспомни, что ты ей обещал!

— Послушай Маргариту, парень, — наконец, тихо произнес Джон.

— Понял, — только и ответил он, и отошел, присев на качели — опустив голову и машинально раскачиваясь, ощущая себя нашкодившим школьником, которого поучает строгая учительница, но, он-то уже не школьник — и это было немного обидно, но то, что за него так переживают — приятно грело душу.

— Кто тут шумит? — в дверях показалась мать-настоятельница.

— Простите, матушка, — поспешила извиниться Маргарита.

— Рада вас видеть, идемте со мной, — и они проследовали внутрь.

Когда дела в аббатстве были завершены, их путь лежал далее — мимо цветочного рынка в сторону Латинского квартала на холме Святой Женевьевы (святой покровительницы Парижа), где издавна находились школы, высшие учебные заведения и библиотеки. И уже издали стал заметен купол обсерватории легендарной Сорбонны. Неподалеку находится тот самый лицей Генриха IV, который в свое время окончили такие известные сыны Франции, как Виктор Гюго, Франсуа Миттеран, а неподалеку — церковь Святого Этьена, покровителя студентов — в честь которого получил свое имя кузен Маргариты.

— Вот, это и есть наш лицей, в который мы успешно перевелись почти в конце учебного

года благодаря стараниям тётушки нашей Даниэллы, — увлеченно рассказывала Маргарита, — В своё время тут учились великие деятели французской культуры и политики.

На улице имени Медичи в латинском квартале, где ударом кинжала фанатика-католика был убит Генрих IV, в саду Люксембургского дворца, построенного для его вдовы — второй его жены, Марии Медичи, на месте бывшей усадьбы, принадлежащей герцогам из рода Люксембургов, маленькая Аделин пускала кораблики в центральном фонтане для успокоения после такого волнительного мероприятия. Потом они ещё немного погуляли по парку, любуясь фонтаном Марии Медичи и кругом королев (скульптурной композицией королев Франции). Маргарита ощущала свою сопричастность к каждой из этих фигур славного прошлого своей страны. Они осмотрели и сам дворец, и оригинал статуи свободы, которая была подарена французами Соединенным штатам Америки и стала символом надежды и свободы для новой — американской нации.

Когда они проходили мимо церкви Сен-Жермен де Пре...

И снова — отголоски прошлого...

В ночь на 24 августа 1572 года, между двумя и четырьмя часами утра зазвонили колокола Сен-Жерменской колокольни, которые поддерживали все церкви католического Парижа. Это и был сигнал к началу массовой резни гугенотов.

В дома гугенотов, заранее отмеченные белыми крестами, врывались вооруженные католики и убивали всех, кто там находился, не щадя ни женщин, ни детей. Только в одном Париже погибло не менее двух тысяч человек.

Воды Сены стали красными, а камни мостовых — скользкими от рек пролитой крови, а воздухе витал запах самой смерти, и предсмертные крики тонули в колокольном звоне, который оглушительно раздавался в голове, грозя разломить черепную коробку.

Маргарита осела на землю, обхватив голову руками — неужели, это ни когда не закончится, и кошмар этот будет преследовать её всю жизнь?

— Марго, что с тобой? — с трудом, пошатываясь, она поднялась на ноги при поддержке мужа, — Всё в порядке?

— Ничего, я в норме. Это просто токсикоз, — она достала бутылку минеральной воды и сделала несколько глотков, — Сейчас всё пройдет.

Дальше — можно оценить очаровательный каламбур, что самый старый мост в Париже — Новый мост. Когда-то это было одно из самых опасных мест в городе, кишашее ворами и разбойниками, а днем его наводняли шарлатаны, певцы и фокусники.

Пройдя по нему попадаешь на остров Сите, с которого и начинался сам Париж — с легендарным героем книг и на шумевшего мюзикла, образцом пламенеющей готики — собором Нотр Дам, воздвигнутым в честь Девы Марии, со знаменитыми химерными скульптурами-горгульями и витражной розой — символом самой Девы Марии, связывающим воедино различные эпохи французской истории, победы и поражения, олицетворяя собой великий дух французской нации. В нем состоялся суд над Орлеанской Девой Жанной, на его ступенях происходило венчание Маргариты Валуа и Генриха Наваррского, в нем был коронован Наполеон Бонапарт.

И Маргарита снова ощутила тот удушливый запах, стягивающий грудь корсет и тяжесть огромного шлейфа на своих плечах — и стойкое тревожное чувство неотвратимой беды, и хотелось закричать, что было сил:

— Это не я! Хватит!

— Ты куда? Марго, постой! — Джон попытался её остановить, но, не успел — её ладонь выскользнула из его руки.

— Я должна сделать это, — с трудом открыв тяжелую деревянную дверь, Маргарита вошла внутрь и слова замерли у неё на губах, будто увидела всё это в первый раз, — это истинно были Небеса на Земле. Такого человеческого разум не в состоянии был постичь: восхититься — да, покориться — да, но постичь — это непостижимо. В веках вечно будет жить слава создателей этого великолепия. Величественные колонны, искусная резьба и огромные витражи — храм, достойный царя, Царя Человеческого.

— Мы с тобой, — Джон, Даниэлла и остальные твердо шагнули за порог старинного собора.

Маргарита присела на крайнюю лавку, перекрестилась и поцеловала крестик, что висел у неё на шее:

— Упокой, Господи, души несчастных, что погибли в страшную ночь Святого Варфоломея, — тихо произнесла она, — Упокой, Господи, души семьи Валуа, — на сердце стало заметно спокойнее, она закрыла глаза, вдохнула аромат свечей и прислушалась к церковной музыке. Зашедшие следом за ней друзья расселись рядом на лавках, а на своем плече Маргарита ощутила тепло родных рук мужа.

Уже выйдя из собора, они сердечно обнялись и стали обдумывать дальнейший маршрут.

Пешую прогулку продолжили к саду Тюильри — в направлении Лувра. Сейчас это, скорее, музей под открытым небом со скульптурами различных эпох — от времен Людовика XIV до работы архитекторов современности. Когда-то тут стоял дворец Тюильри, а теперь — самый значительный и самый старый сад "а ля франсэ" — французский парк, полюбоваться которым приходит множество людей. Если верить истории, то на одной из аллей парка когда-то разводил тутового шелкопряда сам король Генрих IV. Эти деревья сохранились и до

настоящего времени.

Ну, вот показался и Лувр во всей своей красе, и колесо обозрения в парке Тюильри.

Изначально Лувр был основан как башня-крепость для защиты города на время, пока король Филипп-Август отправлялся в крестовый поход с самим Ричардом-Львиное Сердце — ещё в эпоху раннего средневековья, и предназначалась, главным образом, для наблюдения низовий Сены — этого традиционного пути вторжений и набегов викингов. В начале четырнадцатого столетия, после передачи имущества ордена рыцарей-Тамплиеров Мальтийскому ордену, королевская казна переносится в Лувр, а Карл V делает из замка королевскую резиденцию, после чего последовал период расцвета Лувра, превратившегося из защитной и смотровой крепости в великолепную королевскую резиденцию, и продолжалось это до времени правления Людовика XIV, который предпочел Версаль. Отсюда же и берет свое начало легенда о пятнице — 13 октября 1307 года, когда были схвачены, а потом и казнены рыцари-тамплиеры. Так, до сих пор и не понятно, кому именно число тринадцать принесло неудачу: рыцарям-банкирам или королю, получившему от тамплиеров только долговые расписки вместо горы сокровищ, которые он надеялся заполучить.

И вот он перед ними. Лувр — один из самых знаменитых и самых больших музеев мира. Отстояв приличную очередь и оплатив входной билет, наконец, можно попасть внутрь.

О Лувре Маргарита могла рассказывать своим друзьям бесконечно долго — и всё равно всего не объять. Лучше своими глазами посмотреть все шедевры его легендарной коллекции, в период основания формировавшейся из королевских фондов, собранных в своё время ещё королями Франциском I и Людовиком XIV, и исчислялась ровно двумя с половиной тысячей полотен, пополняясь военными трофеями в период наполеоновских войн и археологическими находками из Египта и Ближнего Востока, приобретениями и дарами.

Пока остальные прошли дальше, Джон задержался перед полотнами да Винчи — пальцы на руке сами изогнулись, как бы сжимая невидимую кисть, а перед глазами — вспышками из подсознания высвечивались некие образы, кажется, ещё чуть-чуть — и его рука сама начнет выводить на невидимом полотне затейливые чертежи. Пляшущее по стенам пламя свечи и дымный запах приходящего озарения — из-под руки мастера рождался очередной шедевр его гения. И чувство полного осознания своей исключительности.

Он тряхнул головой — и опять он стоит на полу в зале, голова ещё немного кружилась, а вокруг — толпы туристов и вещающие своим экскурсиям гиды, речей на каких только языках не было слышно: тут звучала и английская речь, и, разумеется, французский язык, и

немецкий, итальянский, испанский.

Джон огляделся и увидел только спины друзей, он ускорил шаг и поспешил их догнать.

Вдруг, пол, потолок и стены заплясали перед глазами — словно, сами древние камни зывали к ней через века, Маргарита всё явственнее слышала голоса, некогда ходивших по этим плитам, людей, видела их тени, ощущала их присутствие прямо рядом с собой.

И она увидела один из множества эпизодов, что происходили в этих стенах — тот, что вселял надежду в этой истории, что не давала ей покоя — что и над этими двоими будет благодать когда-нибудь, и затянутся их раны, и найдут успокоение их мятежные души:

Париж. Лувр, 1574 год.

— Где книга, Мадлон? — Маргарита резко развернулась к кормилице брата.

— Книга, мадам? — она повернула на принцессу опухшее от слез лицо, убитая горем женщина не сразу поняла о чем идет речь.

— Та, что читал Шарль, — настаивала Маргарита.

— Она спрятана в шкафу в шкатулке, — женщина указала на стоявший в углу шкаф.

— Я думаю, Мадлон, что ядовитые пары продолжают отравлять воздух в этой комнате, и ни какие шкафы и шкатулки им не помеха, — голос девушки был твердым, а лицо её — бледным, — Дай книгу мне, я сожгу её, — решительно потребовала она.

— Ради Бога, аккуратно, мадам! — дрожащими руками кормилица протянула ей шкатулку, обвернутую алым бархатом.

— Какая красивая, — молодая служанка Маргариты не сдержала восхищенного взгляда, когда принцесса развернула перед собой сверток, — Подарок?

— Да, подарок... — устало ответила Маргарита, — Иди спать, Жийона, — она взяла девушку за руку и поцеловала её в лоб, — Я сама переоденусь. И ни кого ко мне не пускай, поняла? — затем махнула рукой в сторону двери кабинета, отпуская служанку, — Я всё сделаю сама...

— Спокойной ночи, мадам, — Жийона присела в глубоком реверансе и удалилась, до последнего не сводя глаз с искусно отделанной книги.

— Ну, же, давай, трусливое ничтожество... — у Маргариты тряслись руки, она так и не смогла себя заставить прикоснуться к ней. — Имей смелость, если уже решилась... — она всё так же и не смогла побороть свой страх, в отчаянии упав на пол, разразилась рыданиями.

— Что это за книга, мадам? — она поднялась с колен, когда её окликнул появившийся на пороге король Наваррский.

— Просто книга... — стараясь придать своему голосу спокойствие и небрежность, бросила Маргарита.

— Я спрашиваю, что это за книга, Марго? — он твердо шагнул к ней и схватил за руку.

— Книга о соколиной охоте, — заикаясь, еле выговорила она.

— Которую читал Карл? — язвительно усмехнулся Генрих, — Что же, если вы решили уйти из жизни, мадам, то я не буду вам мешать, только способ вы избрали не самый удачный — от этого яда вы будете умирать страшно и мучительно, как ваш брат, — он с удовлетворением наблюдал за выражением нескрываемого ужаса на её лице, когда Маргарита поднесла ладони к своим щекам, — Да, да, Марго, вы уже не сможете смотреть на себя в зеркало — всё ваше тело покроется волдырями и язвами, а все внутренности будет печь, как в адском огне. Подумайте, Марго, для того ли вы холили и лелеяли свои прелести, чтобы так ужасно умереть, — он схватил её за талию и порывисто привлек к себе, — Ну, всё, полно! Маргарита Валуа — самоубийца, да кто в это поверит, мадам!

— Вы — чудовище, Генрих, — Маргарита безуспешно пыталась освободиться от его объятий, — Оставьте меня!

— Ни вашего брата, ни вашего возлюбленного — их больше нет, Марго, смиритесь, — хватка его рук стала заметно слабее, а в голосе исчезла резкость и появилась нежность, — Но, я рядом. Королева Катрин в ярости от того, что узнала, что Карл собирался сделать меня регентом, а ваш брат Генрих уже мчится из Польши, пока матушка подготавливает ему еще не остывшее место правителя Франции. Мне опасно оставаться здесь. Я пришел за вами, чтобы увезти в Наварру. Помните наш уговор? Вы спасли меня, теперь я спасаю вас... от самой себя. Утонченная Маргарита считает меня неотесанным селянином, но, этот селянин помнит вашу доброту и умеет быть благодарным. Наше время пока не пришло, вы переживете ещё часы великого испытания — достойно и мужественно, как и подобает королеве... королеве Марго... Мы вернемся, Марго, вернемся победителями. Так предсказал мне мэтр Рене, и я склонен верить этому человеку — он тоже не раз помогал мне, и всё равно по какой причине он это делал: из-за вины ли передо мной за смерть моей матери, или ещё по какой другой. Всё это время вы давали мне силы, а сейчас я хочу поддержать вас — можете плакать, кричать, если вам станет от этого легче, но, я не выпущу вас из своих рук, пока я являюсь вашим мужем и другом.

— Да, как вы смеете! — она гордо вскинула голову и посмотрела на него, — Вы — бессердечное чудовище, Анрио!

— Смею, мадам, смею, — он ловко перехватил её руку, которой она хотела ударить его по щеке, — Я всё ещё ваш муж, Марго, и я должен признать, что безмерно восхищаюсь и люблю свою жену.

— Побойтесь Бога, месье, — она продолжала с вызовом смотреть на него, — Вы бесстыдный лжец, Анри.

— Это имя из ваших уст звучит как музыка, — ласково улыбнулся Генрих, — Назовите меня ещё раз по имени, Марго.

— Если вы сейчас же не прекратите, то я буду звать на помощь, — он всё никак не отпускал её.

— И что же вы скажете, мадам? — он провел пальцем по её губам, — Что вас домогается собственный муж? Вы вынуждаете меня применить самое надежное средство, чтобы заставить вас молчать, — не успела Маргарита опомниться, как он закрыл ей рот своими губами, сначала она изо всех сил пыталась вырваться из его рук, впиваясь ногтями в его плечи, но, потом она продолжала колотить руками по его груди уже больше автоматически, по инерции, всё больше отдаваясь этому поцелую, пока его руки с завидными проворностью и упорством уже успели совладать с её корсетом. В дальнейшем сопротивлении не было смысла — она отдала инициативу в его такие сильные, но — такие

нежные руки.

— Ах, простите, мадам, — из кабинета выпорхнула, кутаясь в халат, Жийона, но тут же остановилась и опустила голову, пряча улыбку, — Я услышала шум и пришла посмотреть, всё ли с вами в порядке.

— Ну, и как вам увиденное? Удовлетворены? — лукаво улыбнулся Генрих, так что девушка стыдливо покраснела, — Можете идти спокойно досматривать свои очаровательные сны, милая Жийона. О мадам я позабочусь. Не волнуйтесь, милочка, со мной она будет в полной безопасности. К рассвету соберите вещи мадам, мы отправляемся в Наварру.

— Как прикажете, сир, — поклонилась она, не смея поднять глаз.

— Молодец, хорошая девочка, — кивнул Наваррский, — А теперь, будь добра, оставь нас, — потом он подошел к столу, взял завернутую в алый бархат книгу и бросил в огонь, — Надеюсь, вы не будете сожалеть об этой утрате? — повернулся он к Маргарите, в чьих глазах читалась полнейшее смятение чувств.

Она поднялась с кровати и подошла к нему:

— Скажите, Анри, почему мы так ужасно устроены, что начинаем ценить то, что имеем, только потерявши? Я принимала его любовь как должное, он окружил меня ею, сделав слабой, хотя, до встречи с ним я всегда считала себя достаточно сильной, лучше бы мне было и не встречать его вовсе...И как мне теперь прикажете жить с этим? Я так измучена...

— Целебный воздух Наварры как раз должен благотворно сказаться на вашем здоровье, — он обнял её, а в его голосе звучало искреннее участие.

— Неужели, этот несчастный провансалец пробудил в вас инстинкт собственника? — произнесла Маргарита, с интересом рассматривая его лицо и успокаиваясь в его объятиях.

— Может быть... — уклончиво ответил Генрих, — Возможно, и правда, эта история заставила меня ревновать. Только слепец или безумец не сможет оценить по достоинству вашу красоту, мадам, которая столько мужчин свела с ума, а я не причисляю себя ни к тем, ни к другим. Я мог бы сказать, что вы мне безразличны, но, это означало бы солгать самому себе, — он посмотрел на неё своими серыми глазами и снова увлек на постель — до рассвета было ещё далеко...

Маргарита, наконец, освободилась от этого видения и пришла в себя, но, тотчас же увидела в дальнем конце галереи странный силуэт:

— Вы видели? — Маргарита вопрошающе посмотрела на друзей, — Даму в белом?

— Где?! — они посмотрели в ту сторону, куда показала девушка, но, там ни кого не увидели, — Рита, ты ничего не путаешь? Нет там ни кого в белом.

— Но, ведь я точно видела, — потерянно пробормотала она, — Да, нет же — она была, я уверена, — продолжала настаивать на своем Маргарита, но, уже не была настолько уверена в том, что именно она видела, — Я же видела... — она обмахивала себя музейным проспектом и тяжело дышала, — Наверно, я просто переутомилась, и это всего лишь игра воображения. Простите, мне надо в дамскую комнату, освежиться.

— Тебя проводить? — Даниэлла взяла подругу под руку, требовательно глядя на неё.

— Я думаю, что сама смогу справиться, — кивнула Маргарита, — Не стоит беспокоиться.

— Ты точно уверена? — встревоженно уточнила Джастина, с недоверием оценив её взволнованный вид.

— Угу, — Маргарита улыбнулась в ответ на озабоченный взгляд мужа и направилась в сторону уборной.

Она умыла лицо и посмотрела на себя в зеркало — это на неё жара так действует или беременность? Но, в отражении снова мелькнули очертания женщины в белом.

— Кто вы? — девушка обернулась, и на этот раз призрак не исчез.

— Ты можешь видеть меня? Стало быть, в тебе течет кровь Медичи? — женщина внимательно посмотрела на неё, — Помоги мне увидеть сына. Только ты можешь помочь. Я не держу зла на Ваш род, я лишь хочу увидеть сына, — она протянула руку — и рука эта была бледной и полупрозрачной, сквозь неё можно было видеть стену. Станным было и то, что женщина говорила на старом французском языке, бывшем в обращении в далёком средневековье, но девушка всё равно её понимала.

— Но... каким образом я могу это сделать? — Маргарита и сама не поняла, зачем она спросила это, только почему-то было такое чувство, что она знает эту женщину, могла знать её...

— Аббатство Сен-Дени. Мне нужно попасть туда. Сама я не могу покинуть стены Лувра — мне нужно твоё тело, — она подошла совсем близко и исчезла в живой плоти девушки, — Не бойся, тебе не будет больно, — глаза Маргариты стали неестественного василькового цвета.

— Куда это она? — Даниэлла дернула Джона за рукав, указав в сторону стремительно покидавшей музей Маргариты.

— Такси! — девушка словила машину и наскоро отсчитала купюры, — Аббатство Сен-Дени, пожалуйста, только поскорее, прошу вас.

— Марго! — Джон кинулся за ней, но, увидел лишь отъезжающий автомобиль, — Да, что же это такое тут происходит? — ему оставалось только проделать то же самое, что и Маргарита, — Такси! За той машиной, быстрее!

— Эй, ну, вот так всегда, — подняла глаза к потолку Даниэлла и глубоко вздохнула, — А нам что делать? Ловим машину — и за ними.

Маргарита так же наскоро заплатила за вход в некрополь аббатства, даже не обратив внимания на архитектуру этого величественного сооружения.

— Благодарю, — с этими словами призрак покинул её тело, и она без сил опустилась на пол, — Ну, здравствуй, Катрин, — девушка подняла голову и увидела перед собой двух женщин — одна из них была в простом темно — сером платье старинного фасона под цвет её серых глаз с аккуратно подобранными каштановыми волосами.

— Здравствуй, Иоанна, — вторая едва заметно улыбнулась на приветствие, на ней так же было простое платье старомодного покроя, только черного цвета, у неё были темно-рыжие волосы и пронизывающий взгляд карих глаз, — Ты всё ещё злишься на меня? За перчатки? Считаешь, что это я приказала их отравить?

— Жанна? Призрак Лувра — Жанна Д`Альбре, мать Генриха Наваррского, —

догадалась вдруг Маргарита, — Тогда, вторая... — рассуждала она сама с собой.

— Я пережила смерть почти всех своих детей — неужели я не достаточно наказана? — философски заметила дама в черном.

— Потому я и не держу на тебя зла, Катрин, — покачала головой дама в сером, — Да, и не за тем я здесь. Я хочу видеть сына.

— Это твоё право, — за спиной у дамы в черном появилось ещё несколько фигур, которые, словно сошли с картин и старинных гравюр, что Маргарита видела в учебниках истории — перед ней стояли Екатерина Медичи, Генрих Валуа и их дети — последние представители династии Валуа — сыновья: Франциск, Карл, Генрих, Эркюль (при принятии титула герцога Алансонского переименованный во Франциска, вероятно, в память о старшем сыне — Франциске II) и дочери: Елизавета, Клод и Маргарита.

— Не бойся, дитя, — уже знакомая девушке королева Наваррская протянула ей руку, чтобы помочь подняться, и успокоила ободряющим взглядом, — Мы встречались уже, не так ли? — потом она повернулась к стоящим рядом, — Она — потомок нашего рода. Матушка, отец, братья, будьте с ней учтивы и вежливы. В ней течет наша кровь — кровь Валуа.

— Ваши Величества! — потрясенная Маргарита попыталась слегка улыбнуться дрожащими губами и присесть в реверансе на слабых от волнения ногах.

— Да кому в голову придет обидеть такое ангельское создание? — к ним приблизилась новая фигура — высокий темноволосый мужчина с пронизательными серыми глазами в расшитом старинном камзоле, он обворожительно улыбнулся и поклонился дамам.

— Анрио! — дама в сером кинулась ему на шею, — Сын мой!

— Матушка! — с сыновьей почтительностью он поцеловал её руку, — Благодарю, дитя, за этот бесценный дар, — потом он подошел к Маргарите и поцеловал её руку.

— Вы очень добры, сир — она поклонилась и улыбнулась.

— Тебе не стоит нас бояться, твой род благословляет тебя и твое дитя. Эта вещь передавалась много поколений в семье Медичи, — дама в черном сняла со своей руки перстень с вензельной буквой "М" и надела его на палец ошеломленной девушке, — Это не только первая буква фамильного имени Медичи, но, и первая буква твоего имени. Пусть это кольцо будет твоим талисманом и хранит тебя.

— Но, Ваше величество... — девушка поначалу засмотрелась на прекрасное украшение, но потом попыталась снять его, — я не могу...

— Не волнуйся, — Дама в черном остановила её, — Можешь не бояться подарка от Екатерины Медичи, дитя. Не обижай меня своим отказом, — Маргарита снова одела кольцо.

Екатерина Мария Ромола ди Лоренцо де Медичи...

Как её только не называли — "купчиха", "итальянская волчица", "черная королева", "Мадам Гадюка", чья мрачная слава дожила и до наших дней. Женщина с тяжелой судьбой, которая хотела быть слабой и любимой своим мужем, но ставшая сильной и одинокой. Слишком много испытаний выпало на долю одной этой женщины, но кто-то из великих сказал, что что судьба более всего испытывает тех, кого находит наиболее достойным.

Как ни трагично, но никто не помнит неутомимых попыток королевы добиться мира между католиками и протестантами, зато прочно хранится память о кровавой августовской резне.

По прошествии веков, легко осуждать тех, кто уже не может замолвить слово в свое оправдание, но Маргарита предпочитала следовать принципу, процитированному Далай-ламой: "Прежде чем осуждать кого-то, возьми его обувь и пройди его путь, попробуй его слезы, почувствуй его боль. Наткнись на каждый камень, о который он споткнулся. И только после этого говори, что ты знаешь, как правильно жить", и наглядным тому примером было её отношение к Марку или Рафаэлю, что и их заставило измениться, и о чем ей не пришлось пожалеть до сегодняшнего времени.

Для восстановления исторической справедливости, за Екатерину скажут сохранившиеся и дошедшие до наших дней документы: письма, записи, мемуары. Из них предстает перед нами совсем другая Екатерина Медичи — совсем не такая, какой её показывают в учебниках истории. И Маргарите показалось, что она понимает это, как ни кто другой из живущих на земле, а в усталых глазах на морщинистом лице женщины, некогда вершившей судьбу всей Европы, читалась настоящая её история.

И вот Маргарита снова переносится во времени и пространстве, когда в старинных стенах бурлила жизнь, а по коридорам был слышен топот тысячи ног, людские голоса и резкий запах плохо вымытых тел, заглушаемый ещё более резкими ароматами парфюмов — эпоха интриг и заговоров, нищеты одних и роскоши других, становления монархии и государства, предъявлявшая невероятно высокие требования для выживания. Эпоха Екатерины Медичи.

— По твоему лицу вижу, дитя, что у тебя много вопросов, — дама в черном провела рукой в черной атласной перчатке по плечу девушки, взяв ее ладонь в свою руку, — Ты хочешь знать, что из того, что обо мне говорили, правда, — и это был ответ на все вопросы, что не укрылись от проницательной женщины, но которые так и не осмелилась высказать Маргарита, — Тогда послушай, верно, самую правдивую историю Екатерины Медичи, из её собственных уст.

И Маргарита слушала и внимала рассказу этой незаурядной женщины — по меркам любого столетия.

Почти сразу после рождения оставшись круглой сиротой, Екатерина Медичи провела беспокойные годы своей юности в заточении в мрачных монастырских стенах. Она умела помнить добро, и на протяжении всей своей жизни поддерживала общение с монастырскими сестрами, регулярно писала им и делилась доходами с принадлежащей ей собственности. В детстве и юности она посвящала много времени занятиям, сносно, поговаривали, знала греческий, латынь и французский, проявляла способности к математике, что впоследствии отразилось на её любви к астрологии и потребности окружить себя в дальнейшем людьми, обладающими пророческими талантами. Впрочем, Екатерина и сама была всегда немного мистиком и могла предсказывать судьбы тех или иных людей, видя их грядущее во сне. Благодаря неоспоримым достоинствам её характера, ей благоволил отец моего будущего супруга король Франциск и его ближайшее окружение, а приданое, привезенное из Италии, привнесло ко французскому двору такие новшества, как

женское боковое седло и панталоны, активно стали внедряться духи. Юная италянка же, в свою очередь — обучалась, наблюдала и впитывала, разделяя любовь нации и монарха к охоте, искусству, и, помимо прочего — коллекционированию шахмат, миниатюрных бильярдных столиков и других игрушек, помогавших скоротать время в непогоду. Фарфор, венецианское стекло и эмали, памятки прошедших дней, соседствовали здесь с дорогими сердцу вещами, куклами в разнообразных одеяниях и сентиментальными безделушками, а на книжных полках выстраивались любимые литературные произведения, тексты, фолианты по истории и строительству, генеалогические древа родственников, книги с описанием игр. Она же одной из первых при французском дворе начала пользоваться украшенным складным веером, свисавшим с ленты, прикрепленной к поясу, открыла двору носовые платки, собрав огромную коллекцию декоративных платочков — и это новшество весьма полюбилось придворным, а платки стали неотъемлемым аксессуаром ренессансного костюма (и их полагалось держать за серединку, демонстрируя расшитые края).

— Но даже королевы не всемогущи, — продолжила тем временем королева Катрин, обращаясь к взволнованной Маргарите, — и власть становится в тягость, и огромные дворцовые стены давят непосильным грузом, и еда с позолоченных приборов горше полыни, и под роскошный полог балдахина приходят печальные и пугающие сны, когда ты нелюбима. Дай Бог, тебе никогда не познать равнодушия и холодности того, которого горячо и преданно любишь и которого постоянно страшишься потерять. Брак с прекрасным принцем принес мне, юной и наивной италянке, исполненной надежд, лишь многие годы страданий с горечью унижения, ибо царственный супруг мой предпочитал обворожительную Диану де Пуатье, ставшую его официальной фавориткой не только на ложе, но сохранив первенство и в королевской детской, где его любовница хозяйничала наравне с нами. Моя же внешность была более чем заурядной, ни ростом, ни красотой я не выделялась, если что и отмечали в моей внешности, так это — цепкий и зоркий взгляд, а с возрастом к этому добавилась и полнота.

После десяти лет бесплодия и фактического безбрачия, Екатерина наконец-то произвела на свет десятерых детей, но и тут не обрела долгожданного счастья, словно продолжая нести свою кару за неведомые ей грехи — все они выросли, страдая, как от физических недугов, так и от душевных расстройств, и это ещё больше разрывало материнское сердце. А после внезапной кончины супруга, лишь в последние годы перед самой своей смертью ставшего открыто полагаться на её доказанную преданность и трезвые суждения, став новой значимой фигурой на международной арене власти, Екатерина вынуждена была превратиться защитницу своей династии и своей новой родины — искусную, отважную, порой жестокую. Но, не стоит считать меня несчастной жертвой сложившихся обстоятельств. Сражаясь за жизнь интересы — свои и своих отпрысков, со всей решительностью использовала все те средства, что предоставляла её эпоха. Она и была волчицей, коей именовалась — которая до последнего боролась за своих детей и их права, за благополучие всей Франции. Ещё накануне того страшного дня, когда должен был состояться рыцарский турнир по случаю свадьбы их дочери, принцессы Елизаветы, на котором и погибнет её безумно любимый и дорогой муж и повелитель, мне приснился кошмарный сон, в котором она видела мужа мертвым, распростертым на земле с залитым

кровью лицом. Даже самый известный пророк эпохи — Мишель Нострадамус — не осмелился поделиться с ней содержанием одного из своих пророческих катренов, но у неё и у самой была сильно развита интуиция. Раненому королю не помог даже врачебный гений придворного медика Амбруаза Паре. По горькой иронии, лишь на смертном одре он всецело принадлежал своей супруге, и ни какие фаворитки не имели права посягнуть в тот час на то, что принадлежало лишь ей — её вдовый наряд, который станет её спутником до самой смерти и продлит в глазах Екатерины столь краткое царствие мужа, в такое беспокойное время оставившего её фактической правительницей Франции, раздираемой внутренними (между правящими группировками и религиозными конфессиями) и внешними конфликтами (с Англией, Испанией, Нидерландами), финансовым и политическим кризисом — иностранку в чужой державе с тремя малолетними детьми на руках, королевой этой самой державы... Она правила от имени трех своих венценосных сыновей, пытаясь каждого вразумить на мудрое и справедливое правление, советуя им лично наблюдать за всеми важными делами вверенного им Господом королевства, не позволяя секретарям брать на себя больше положенного и решать что-либо без ведома государя — и ни один официальный документ не мог считаться действительным без личной подписи монарха, и было велено лично показывать всю корреспонденцию. Главным из советов королевы, что усвоили её сыновья, были важность ведения регулярного расписания и воздержание от возвеличивания близких, не выказывая своего отношения, основываясь только на личной приязни, не учитывая прочих качеств претендента — с одной исключительной целью во имя блага для государства. Как могла, она пыталась играть роль женщины-миротворицы на начальном этапе религиозных распрей, отчаянно желая объединения страны и сохранения равновесия между двумя враждующими группировками, маневрируя между католическими и протестантскими лидерами, не позволяя ни той, ни другой группировке отнять у меня влияние на коронованных отпрысков.

— Как это несправедливо, — отстраненно пробормотала Маргарита, и в голосе звучало участие, сама она словно перенеслась на столетия назад и воочию увидела всё то, о чем поведала Екатерина, безотчетно пропуская через себя чувства и переживания держащей её за руку женщины, — что история вас заклеила образом кровожадной и коварной злодейки-паучихи в черном, искусно плетущей свои кровавые интриги.

— Не забывай, дитя, что и Иисуса осудили, как вора, — невозмутимо обронила бывшая королева, — За все эти столетия я уже успела привыкнуть.

В историю вошла легенда об отравленных бальных перчатках и коварстве безжалостной итальянки, но никто не помнит, что вскрытие показало у матери её зятя, Жанны/Иоанны Наваррской, легочное заболевание. Самое известное масштабное кровопролитие, с которым связывают имя Екатерины и по сей день — убийство французских протестантов в Париже в августовскую ночь в праздник Дня Святого Варфоломея. Дабы попытаться примирить католиков и протестантов, заодно и держать ближе к себе того, кто стал для неё живым напоминанием самого ужасного пророчества всей жизни, в надежде отвести кошмарное предсказание от своей семьи, она пошла на этот, так страшивший брак своей дочери и наследника Антуана Бурбона. Это бы смогло объединить старшую и младшую ветви королевской семьи и стало бы настоящим маяком надежды на будущий мир в королевстве. Разве в былые времена брак Елизаветы Йоркской и Генриха Тюдора не положил конец

английским войнам Алой и Белой Розы? Возможно, что то же самое произойдет и во Франции? Кроме того, этот союз имел еще и другое весьма привлекательное качество: если Генрих Бурбон и унаследует трон Франции, кровь династии Валуа и Медичи сохранится в потомстве её дочери — Маргариты. Масштабное кровопролитие не смогло бы положить конец обострившимся религиозным противоречиям, в то время, как устранение избранных вождей, под благовидным предлогом праздника бракосочетания своего принца, собравшихся в Париже со всех концов королевства, лишило бы протестантов опоры, стравив две сильнейшие враждующие группировки: гугенотских предводителей и ревностных католиков во главе с аристократическим семейством Гизов, не раз намекавших о своих притязаниях на престол её детей. Но даже такой, славившийся прозорливостью, ум не смог предвидеть, какие масштабы примет эта бойня, разрастающаяся в пылу всеобщего безумия и дыму кровавой вакханалии, когда той страшной ночью уже большей частью стали сводиться личные счёты, смываться кровью денежные долги и избавляться от опостылевших супругов, а многие парижане — честные католики разделили же участь, что и протестанты. Тогда прошел слух, будто сам Всемогущий послал свой специальный знак в одобрение: якобы давно высохший куст боярышника возле статуи Пресвятой Девы на кладбище Невинно убиенных снова зацвел. Вышедшая из-под контроля ситуация впервые в жизни испугала тогда её не на шутку, на века сделав символом вероломства и смертоубийства. Таково было наказание за кровь на её руках. Это было жестокое время, когда любой вопрос был вопросом жизни и смерти, а она единственно пыталась выжить и не дать умереть своим детям.

Женщина резко вскинула голову, и все старые мышцы под дряблой кожей на её лице и шее напряглись:

— А они вменяют мне, подумать только, хладнокровное убийство одного из собственных сыновей, — Екатерина до того сжала пальцы на руках, что Маргарита испугалась, как бы её кожаные перчатки не впились ей в истончившуюся кожу её рук, — Да что они понимают! Как можно быть настолько жестокими и настолько слепыми, чтобы обвинять меня в убийстве собственного сына? Да разве у меня имелась острая необходимость ускорить ужасную кончину, и без того, умирающего Шарля? Разумеется, в определенных вопросах, когда это было необходимо ради блага государства, в определенных вопросах я умела хранить твердость, но никогда — ценою жизни моего несчастного дитя. Они сделали мне мне одолжение, предполагая роковую случайность — предназначавшуюся Наваррскому королю, который многие годы, подобно Дамоклову мечу, угрожал престолу моих сыновей, пропитанную мышьяком, книгу о соколиной охоте, первым прочел мой Шарль — страницы книги были слипшимися, чтобы разделять их, приходилось каждый раз слюнявить палец, тем самым каждый раз всё увеличивая попадаемую в организм дозу отравляющего вещества...

— Несомненно, вы очень любили своих детей, — тихо заметила Маргарита, и готова была поспорить на что угодно, что ей не показалось, и лицо женщины действительно просветлело, словно стирая прожитые тяжелые года, — Пусть не всегда это выглядело именно так, но вы не переставали их любить — по-своему.

— Верно, дитя, — охотно согласилась Екатерина, и в её усталых глазах читалась

нескрываемая нежность, — Признаю, что любить их было не всегда легко. Но, ведь это были мои дети, тяжело выстрадавшие после долгих десяти лет практически бесплодия... Излечение, неожиданное и чудотворное, я приняла как величайший дар Небес. Но потом и они стали моей болью, моим испытанием, — Маргарита повернула голову в сторону, куда указала Екатерина, — Посмотри на них.

Её старший сын Шарль, даже с возрастом, так и не смог достичь величия своих отца и деда, несмотря на все мои старания — умеренный в еде, мало интересовался развлечениями и женщинами, но как и все Валуа, любил охоту до странного самозабвения. Его постоянно терзали приступы удушья, доводившие порой до столь пугающего неконтролируемого бешенства, что придворные всерьез опасались за свои жизни. Со временем, постоянно преследующая его немощь доведет до настоящего умопомешательства, но, и в юном возрасте, оставаясь ещё ласковым и добросердечным мальчиком, он страдал порой от неудержимых гневных припадков. С пугающей страстностью он обожал преследовать зверя и выказывал не совсем нормальный интерес к убийству дичи, которое возбуждало его и притягивало, порой своими руками свежую окровавленную добычу. Все эти такие жутковатые склонности сочетались в нем с юных лет с нежным поэтическим даром — и под настроение он писал на самом деле прекрасные стихи и отлично играл на рожке, выказывал неоспоримый талант в живописи, стихосложении и резьбе по дереву.

Второй сын Екатерины, Генрих — он совсем не походил на своего царственного брата, любил литературу и считался одним из лучших комментаторов древних авторов своего времени. На его счету были и военные победы, однако, ратного дела он не жаловал, чем заслужил репутацию труса, предпочитавшего жизнь изнеженную, праздную и расточительную. И весь его такой образ жизни, все его увлечения чтением, живописью и другими искусствами осмеивались, рисовались в карикатурном виде, полностью искажая его личность, высмеивая его набожность, изысканную манеру одеваться, его щедрость по отношению к верным ему слугам (или тем, кого он считал таковыми). Даже в отношении своих приближенных миньонов (целой свиты франтоватых и миловидных молодых дворян), в которых он, прежде всего, видел верных друзей и сподвижников, чья поддержка была ему необходима, особенно когда против него ополчились и протестантский юг, и католический север страны — первые считали его уступки и попытки найти примирение в религиозном вопросе недостаточными, вторые — чрезмерными. Став у власти, он предпринимал попытки управлять разваливающимся государством, и эти попытки нередко приносили свои плоды — в его царствие были проведены реформы центрального управления, в результате которых были созданы министерства, была реформирована финансовая система и система налогообложения, введена единая система пошлин, инициирована кодификация законодательства, он, фактически, заложил основы придворного этикета, именно в годы его правления во Франции был введен Григорианский календарь, и он стал первым пользоваться вилок.

Самый младший из её сыновей — Эркюль, родился красивым и славным ребенком, но в

возрасте восьми лет жестокая оспа чудовищно изуродовала его. Тяжело перенеся в детстве болезнь, прежде живой и жизнелюбивый, мальчик стал замкнутым и раздражительным, теперь его имя Эркюль, что означало Геркулес, звучало с особенно горькой иронией. Но, к счастью, он, подобно брату, также сменил его, и теперь стал зваться Франсуа, в честь умершего брата и деда. Он больше других из её детей вызывал постоянную тревогу Екатерины.

Старшая из дочерей, Елизавета, стала третьей женой испанского короля Филиппа II, но, умерла в родах, производя на свет своего первого ребенка, вместе с новорожденной дочерью — это была большая личная трагедия в её жизни. Тогда Екатерина ещё не знала, что ей будет суждено пережить почти всех своих детей.

Отрадой её сердцу было счастье второй дочери Клаудии (Клод) в замужестве за герцогом Лотарингским Карлом III — Екатерина так любила навещать эту семью и с удовольствием нянчила внуков, отдыхая и молодея душой рядом с ними.

Маргарита, Марго... Темноволосая, хорошенькая, она с детства была прилежным и милым ребенком и радовала всех цветущим здоровьем и недюжинным, пытливым умом. Она любила учиться и получила образование, самое лучшее, из возможного, включая знание латыни, литературы и стихосложения. Марго обожала верховую езду и еще в детстве поражала всех мастерским исполнением танцев на балах, бывших обязательной частью придворной жизни. Державшаяся всегда царственно и с превеликим достоинством, она отлично знала, как следует преподнести себя в наилучшем свете, ее природная красота и блеск ее драгоценностей соперничали с бриллиантами звезд на ночном небе, если можно так выразиться — истинная жемчужина Французской короны шестнадцатого века. Даже мимолетного взгляда на ее портреты было достаточно, чтобы понять — она соблазнительная и игривая молодая женщина, выделяющаяся не только красотой, но и врожденным чувством стиля. Один из иностранных послов при дворе утверждал, что быть в Париже во Франции и не увидеть Маргариту Валуа — не увидеть ни Франции, ни Парижа.

Маргарита снова бросила взгляд на даму в черном, но теперь, после таких ошеломляющих откровений, она предстала перед девушкой в совершенно новом свете — совсем не такой, какой её представляет большинство историков. Сражаясь за то, чтобы сохранить трон (пускай лишь для своих сыновей) и за принцип законности, Екатерина Медичи — иностранка, супруга короля, регентша у трона французских королей — обеспечила будущее монархии, по крайней мере, до Великой французской революции. Мягко, но уверенно, словно играючи, она устранила от дел вдову старшего сына — Марию Стюарт — будущую королеву Шотландии, и слабовольного Антуана Бурбона — формального лидера французских протестантов, хоть и причинявшего иногда Екатерине некоторое беспокойство, серьезным противником она его, конечно же, не считала. А вот сын его Генрих, повзрослев, станет опасной угрозой трону Валуа. Дерзкий и энергичный, он совершал хитроумные провокации, избегая ловушек. Как тут было не тревожиться королеве-матери, если пророчества предсказателей открыли ей — этот мальчишка будет править Францией после ее сыновей! С тех пор Генрих Наваррский стал самым страшным из кошмаров Екатерины... После убийства Генриха III доминиканским монахом Жаком

Клеманом, которому почудился звучащий в голове голос, предписывавший ему, по воле Всемогущего, убить короля, власть перешла от династии Валуа к династии Бурбонов, и Генрих Наваррский, в очередной раз сменив веру, произнес свою легендарную фразу "Париж стоит мессы!". На закате своей собственной жизни Екатерина стала свидетелем упадка и падения династии — точно она и была тем стержнем, что ещё держал её слабый род. С кончиной последнего сына Екатерины, династия Валуа прекратила свое существование.

Девушка обвела взглядом присутствующих, остановившись на принцессе Марго. Под конец царствования брата Карла, Маргарита больше всех сблизилась с братьями, которых борьба за трон Франции превратила в непримиримых соперников и опасных интриганов — они преклонялись перед ней. Только она одна умела умирять припадки их ярости, став для них и другом, и наперсницей, в сестре они находили родственную душу, с которой могли делиться секретами.

К моменту, когда Генрих взошел на престол, Марго давно уже жила отдельно от мужа. Все еще жившая в Оверни, она выторговала для себя отличную финансовую сделку, получив весьма солидный доход, и вдобавок, за ней сохранялся титул "Вашего Величества" и наименование "королева Марго". Дочь короля, сестра трех других королей и, пусть лишь номинально, королева Франции, оставшаяся последней из угасшего рода Валуа, пользовалась почетом и уважением. Но Валуа уже исчерпали: основатель новой династии Бурбонов, ее бывший муж, правил королевством и вторично женился, хоть, и без особого энтузиазма, на Марии Медичи, дочери дальнего родственника Марго. Маргарита сохранила дружеские отношения с Генрихом, которого называла "мой брат, мой друг и мой король". Достаточно разумная, она прекрасно понимала, что благополучие новой династии зависит от поддержки последней из оставшихся в живых представительницы династии Валуа, поэтому делала все от нее зависящее, чтобы поддержать тесную дружбу с королевой Марией и, будучи сама бездетной, сосредоточилась на королевских детях, в особенности, на мальшке дофине, который, после продолжительных и горячих дебатов, как следует обращаясь к Маргарите, звал ее "матушка-дочка". Марго были возвращены многие владения, принадлежавшие ей по закону, в свою очередь — она назначила своим дофина наследником, снова символически подчеркивая объединение двух королевских династий, привлекая во дворец модных музыкантов, писателей и философов, увеличившими популярность её салона среди просвещенных людей. Маргарита не переставала писать Генриху, высказывая свое мнение о придворных или советниках, несколько раз даже предупредив бывшего мужа о готовящихся против него заговорах. Королева без земли, ничья жена, последняя из Валуа прожила остаток жизни, ни в чем не зная отказа, но постепенно отойдя от пышных нарядов, украшений и косметики, она стала одеваться значительно проще. Духовность её с возрастом углубилась, она жертвовала много денег на благотворительность, одаривала монастыри и, весьма любимая в народе, прожила остаток прежде бурной жизни, найдя таки успокоение на закате своих дней и уступив место новой, молодой династии.

Такова непреукрашенная история последних Валуа.

Генрих IV, унаследовавший престол после Валуа и основавший новую могущественную династию — любимый монарх всех французов, король с горячим сердцем, известный своими любовными интригами и военной доблестью, его природное величие не затмевало

человеческих черт. Он стал одним из самых популярных монархов во всей французской истории. Он восстановил экономику страны, централизовал управление страной и укрепил монархию. Противоречия религиозного характера, разрывавшие страну на части на протяжении сорока лет, были урегулированы Нантским эдиктом, который позволял мирно сосуществовать во Франции как католикам, так и протестантам. Генрих, сочетая в себе добродушие, простоту и величавость, оставался доступным своему народу. Он понимал насущные нужды своих подданных, и это выразилось в знаменитой фразе о том, что французу необходимо хоть раз в неделю иметь "roule au pot" ("курицу в горшке"). Образовав централизованное правительство и перестроив порядки во Франции, основатель династии Бурбонов стал зачинателем того самого периода французской истории, который позже получил название "grande siecle" ("великий век"). Этот король, один из лучших на французском троне, пал жертвой трагического стечения обстоятельств, он был убит католиком-фанатиком Франсуа Равальяком.

Время примирило Генриха с его давно умершей тещей. Прослышав, как группа придворных обвиняет во всех несчастьях, постигших королевство, покойную королеву-мать, он, как утверждают, сказал: "Что оставалось бедной женщине, с пятью детьми на руках, после смерти мужа, в то время как две семьи во Франции — наша и Гизов — пытались захватить власть? Разве не пришлось Екатерине играть эти чуждые ей роли, дабы ввести в заблуждение остальных, защищая своих детей, которые смогли править лишь благодаря мудрости матери? Удивительно, как она вообще справилась с этим!"

И это послужило эпитафией столь же мудрой, сколь и великодушной — слова достойного короля о выдающейся королеве.

— А на двоих потомков хватит вашего благословения, Катрин? — к даме в черном подошел мужчина преклонных лет с окладистой бородой и темно-серыми глазами, облаченный в темные одежды, — Ибо я вижу двоих младенцев женского пола, близнецов, что умом своим, красотой и нравом веселым сведут с ума много достойных мужей, но сердца свои отдадут лишь тем, кто покорить сумеет этих прекрасных и гордых дев, и избранники их также будут близнецами, — Маргарита обернулась на голос, чтобы увидеть одного из самых известных людей не только своего времени, но и по сей день, знаменитого, наверно, больше, чем все Валуа вместе взятые.

Это тяжело даже представить себе — что чувствуешь под пристальным взглядом зорких старческих глаз в окружении глубоких морщин — человека, который знает о тебе всё, или почти всё, вызывавший трепет не только у своих современников, но и спустя века, продолжающий будоражить умы.

А что сама Маргарита знает об этом человеке?

Имя Мишеля де Нотр Дама, врача и великого мыслителя эпохи Возрождения, окутано тысячами легенд, и причиной тому — написанные им легендарные пророчества, что содержали предсказания событий вплоть до далекого будущего. Неугасающая популярность его предсказаний не только не пошла на убыль после смерти прорицателя, но совсем наоборот — продолжает расти с каждым пройденным десятилетием, захватывая все более отдаленные от Франции страны, а его книги переведены на многие языки мира.

Каждый последующий из комментаторов его книг, начиная с его современников и вплоть до наших дней, приспособлял его предсказания к своему времени, иногда даже переориентируя большую их часть соответственно своим сугубо личным пристрастиям. А если имеющегося материала не хватало для надобностей комментатора или они были недостаточно ясны, то от имени пророка издавались новые катрены.

Легких времен, откровенно говоря, никогда не было, и главный вопрос о том, что сулит будущее, во все века волновал человечество, а в нынешние тревожные и смутные времена обострился как никогда ранее.

Выросший в достаточно большой семье, опекаемый как родителями, так и обоими дедами, имевшими признание на медицинском поприще, каждый из которых стремился передать внуку свои знания, уча мальчика математике, латыни, греческому и древнееврейскому языкам, основами астрологии. Позже Мишель продолжил своё обучение в Авиньоне — городе, ставшем центром гуманитарной учености, вступив в университет Монпелье, бывший на то время одним из наиболее знаменитых медицинских центров Европы, и получив степень бакалавра, а вместе с ней — и право самостоятельной медицинской практики, выделяться среди прочих лекарей применением необычных для медицины того времени средств лечения, обращаясь к народным средствам и лекарственным травам, не теряя интереса и к мистическим наукам.

После эпидемии неизвестной болезни, унесшей его жену и детей, авторитет его был подорван: врач, спасший столько жизней, не смог спасти своих близких.

Свою старость знаменитый прорицатель встретил в провинциальной городке Салона, где по-прежнему занимался медицинской практикой, проявляя повышенный интерес к оздоровлению климата, по его инициативе был построен канал, оросивший засушливую местность близ Салона. Водой из этого канала и сейчас пользуются жители восемнадцати деревень.

Опубликовав первую часть своего сборника пророчеств, Нострадамус не произвел на своих современников какого-либо особого впечатления. Поскольку предсказания были изложены, как и обещано Нострадамусом, "в темных и загадочных выражениях", диспуты о том, осуществились ли они в полной мере, не утихают уже не одно столетие. И уж, конечно, менее всего эти предсказания взволновали тогдашнего короля Франции Генриха II — ему тогда и в голову не пришло, что одно из пророчеств может относиться к его персоне и обещать ему страшную гибель, что и не удивительно, если учитывать весьма туманный стиль пророчества.

И вдруг, год спустя прорицания Нострадамуса внезапно стали бестселлером. Что же произошло? Король погибает в ходе рыцарского турнира во время праздничных торжеств от руки графа Габриэля Монтгомери — капитана шотландской гвардии, задевшем отщепом обломанного копья прорезь на шлеме короля. Удар оказался роковым — обломок пронзил глаз и проник в мозг, и через десять дней Генрих умирает в страшных мучениях.

О чем же тогда предупреждал провидец? Молодой лев (Монтгомери) на поединке одолевает старого (Генриха II), выколыв ему глаз в золотой клетке (боевой шлем короля).

С того момента интерес к предсказаниям врача из Салона стремительно возрастает, а его катрены (катрен — песня, фр.) становятся не только предметом пересудов придворных и

горожан, но и темой политических донесений действительных послов, аккредитованных при французском дворе.

Своего зенита популярность Нострадамуса достигла, когда он предсказал малолетнему Генриху Наваррскому, что тот станет королем, пережив трех здравствовавших на тот момент сыновей Екатерины Медичи и их потенциальное потомство. Несмотря на крайне малую вероятность его осуществления, предсказание осуществилось, и король Генрих IV впоследствии не раз вспоминал встречу с Нострадамусом и его пророчество.

Скончался Мишель Нострадамус от последствий подагры и был похоронен в церкви францисканского монастыря. Над его могилой на каменном надгробии высечена была надпись: "здесь покоятся кости знаменитого Мишеля Нострадамуса — единственного из всех смертных, который оказался достоин запечатлеть своим почти божественным пером, благодаря влиянию звезд, будущие события всего мира".

Возможно ли, что, правда, вся будущая судьба человечества скрыта в катренах Нострадамуса?

Согласно наиболее известным и наиболее ясным по содержанию его четверостишиям, которые нострадамоведы считают уже сбывшимися, можно судить, насколько обоснованы такие утверждения, и возможно ли их расценивать как провидение истории человечества за последние четыре с половиной века.

Если взять в пример историю самой Франции, то в предсказаниях провидца можно найти четверостишия, относящиеся и к правлению Екатерины Медичи и её сыновей, о кровавых событиях страшной ночи Святого Варфоломея, о противостоянии шотландской королевы Марии Стюарт, супруги старшего сына Генриха и Екатерины — дофина Франциска, и английской королевы Елизаветы Тюдор, о восхождении к славе и гибели от руки религиозного фанатика, так почитаемого французами и по сей день, Генриха Наваррского.

Было ли это истинными откровениями или наркотическими галлюцинациями, но — и его почитатели и его противники согласны с тем, что это был человек удивительной харизмы и ярких способностей.

— Ммм... — девушка нерешительно замялась, — Простите, месье, а вы точно уверены? — дрожа от волнения и робея перед мощной харизмой этого человека, — Я ещё не успела сходить на УЗИ.

— Скажи, дитя, — он придиричливо посмотрел на неё, взяв за руку, — ты согласишься какому — то УЗИ или Мишелю Нострадамусу? — без излишней скромности, он лукаво сощурил глаза, от чего в уголках появились морщинки, и вид у него был уже совершенно добродушным.

— Месье, прошу прощения, — Маргарита смущенно опустила глаза и улыбнулась, — Скажите, пожалуйста, что ещё вы видите?

— Я вижу, дитя, что ты — искупление грехов рода Валуа. Ведомо ли тебе, почему пламя не имеет власти над тобой, а ты имеешь власть над огнем? Дух Девы Орлеанской, Жанны, преданный дофином Валуа на позорном костре, избрал тебя в честь возмещения прегрешений предков, — он взял её ладонь в свои руки, — Вижу, что путь ваш тернист и

тяжел, много слез пролить тебе ещё суждено, но, больше будет солнечных дней, и заслуженно вы будете вознаграждены, и узрите вы свет, достойный вас, — потом мужчина повернулся к даме в черном, — Вы были лучшей моей ученицей, Катрин, что видите вы?

— Я вижу ещё одно дитя... твой сын... он будет могущественнее любого из королей и будет наделен такой силой, что равной не было ещё — властен будет над волей и разумом человеческим, и пламя покорится ему, пребывая по своему желанию то в обликии человеческом, то зверем будет ходить. Он может стать как величайшим повелителем, так и ужаснейшим из тиранов — и только от вас зависеть будет, каким пойдет путем он. Только любящее сердце матери и мудрость отца помогут ему стать великим во свете, а не во тьме. От вас будет зависеть, станет ли он Антихристом либо вторым Королем Артуром. Искренне желаю, дабы не пришлось никогда тебе выбирать между мужем и сыном.

— Что это? — Джон так и застыл на пороге при виде группы призраков посреди некрополя в окружении собственных гробниц.

— Ну, застучали вы нас, мессир, и что дальше? — дама в черном открыто улыбнулась, наблюдая за его реакцией, — Полицию вызовите?

— Марго, вот ты где! — он бережно обнял жену, проведя рукой по её волосам, — Господи, ну и напугала же ты нас! Никогда так больше делай, слышишь! Я же чуть не поседел от страха за тебя.

— Здесь она в безопасности, — твердо провозгласила дама в черном, — С нами ей ни что не угрожает.

— Это правда. Жан, мон шер, они не причинили мне вреда, — утвердительно закивала Маргарита, — Это сам великий Нострадамус и последние из дома Валуа. Они рассказали мне о прошлом.

— Я вижу, отпечаток чьего духа вы несете в себе, — утвердительно вещал предсказатель, когда в зале появились, немного опоздав, и остальные, ехавшие следом за Маргаритой и Джоном, — Бывало у вас ощущение дежавю, Лео? Вы ощутили нечто необъяснимое сегодня у картин кисти да Винчи? — он с трепетом взирал на этих молодых людей, что стояли перед ним в свете ярких разноцветных лучей, проходивших сквозь громадные витражные окна аббатства, — Катрин, смотрите же, смотрите и запоминайте, ибо узреть сие дано лишь избранным: Валуа, Медичи, Тюдоры, Борджиа, Сфорца — печать великих на их душах, — он задержал свой взгляд на златовласой, — Покуда будет биться сердце белокурой девы, что назвалась сестрой Дракону Золотому, то миру не грозит быть поглощенным тьмой (*Тут упоминается год рождения Джона — год Дракона по восточному гороскопу), последним он взял за руку Марка, — На восходе, там, где Солнце мир встречает, там ветер в пышной кроне вишни заплутает, и, покоренный, власть любви признает (*Имеется в виду происхождение будущей жены Марка — Лали-Мей — Япония, Страна Восходящего Солнца, национальным символом которой является вишня — сакура).

— Ещё они видели будущее, тревожное будущее, — от волнения язык Маргариты отказывался слушаться её, — Наш сын...

— Сын? У нас будет сын? — его карие глаза широко распахнулись.

— Да, но, после девочек-близнецов, — она старалась подобрать слова, но всё, что приходило в голову, всё было не то, — И он...

— Стоп-стоп! Погоди... Каких девочек? — непонимающе заморгал мужчина, и глаза его становились всё шире и шире от удивления, — Давай по порядку.

— Так это вы, мессир, будете отцом ребенка? — Нострадамус с надеждой и почтением

окинул взором этого смуглокожего мужчину, в колдовских глазах которого пылал Небесный огонь — Тогда понятно, откуда его сила. Заклинаю, не дайте этой силе пойти на услужение тьме.

— Они тебя напугали? — Джон сильнее привлек к себе взволнованную девушку, окинув сосредоточенным взглядом это странное собрание.

— Вы не верите, — покачал головой ясновидец, когда Джон, не выпуская из объятий Маргариту, повернул к выходу, и остальные — за ним.

— Как я могу не верить вам, господин Нострадамус? Но, я больше верю в то, что человек сам творит свою судьбу, — Джон развернулся к нему уже у самой двери.

— Интересно, но, я тоже в это верю, месье Жан, — губы пророка слегка дрогнули в улыбке, — Берегите её, — произнес он пылу своего осенения, — Когда сын Солнца будет обречен, во тьме блуждая слепо, лишь слезы жемчуга укажут путь обратный и озарят дорогу к дому. (* Имеется в виду, что, когда Джон лишится зрения и сил, то слезы Маргариты исцелят его (*Здесь обыгрывается имя Маргарита — от др. — греч. ("маргаритис") — жемчужина, жемчуг)).

— Предупрежден, значит — вооружен, — он с интересом посмотрел в серые глаза прорицателя, — Не затем ли вы нам это всё рассказали? Вы верите, что только мы в состоянии отвести беду, иначе не поведали бы всего этого, — тот молча кивнул, и призраки бывших правителей Франции растворились в воздухе, так же загадочно, как и появились в этом зале.

Наконец, они покинули аббатство Сен-Дени.

Маргарита ещё раз посмотрела на кольцо: "М" — Медичи, клан меценатов и покровителей, представители которого правили славным городом Флоренцией, вошедшие в историю и как спонсоры самых выдающихся художников и архитекторов эпохи Возрождения. Из представителей семьи Медичи вышло четыре Римских папы и две королевы Франции — Екатерина Медичи и Мария Медичи.

Достоверно происхождение фамильного имени неизвестно: согласно одной из версий, один из родоначальников клана был врачом (*medico*) при дворе самого Карла Великого, а вторая версия гласит, что эта семья первоначально занималась аптечной торговлей.

— Милый, я столько всего сегодня увидела и услышала, столько пережила, что мне просто необходимо отвлечься, а мы как раз собирались подыскать нашей красавице Еве свадебное платье. *S'il vous plait*, — девушка заломила руки и захлопала глазами — Пожалуйста, пожалуйста! К тому же, у нас всё произошло так экстремально — сначала мы хотели дождаться поступления, а потом всё так завертелось, что я была лишена в полной мере испытать волшебство тех трепетных моментов: выбора подвенечного платья и колец, мест проведения торжественного банкета и медового месяца, которые так важны в жизни любой женщины, мечтающей выйти замуж один раз — и по любви, и так, чтобы этот день запомнился ей и её избраннику на всю жизнь, о котором они будут ещё рассказывать своим внукам. Я хоть, помогая подругам, отведу душу и восполню этот пробел.

— Ну, как я могу отказать тебе, моё любимое летнее дитя с веснушками, только не хмурьте ваш прелестный лобик и не надувайте ваши аппетитные губки, жизнь моя, — он поцеловал её в висок.

— Один французский философ, между прочим, сказал, что женщина без веснушек, как комната без стульев — жить можно, но, чего-то не хватает, — тряхнула черными кудрями Маргарита.

— И он, несомненно, был прав, любовь моя, — улыбнулся Джон, — на что Маргарита с радостным "Merci beaucoup!" пылко поцеловала его:

— Тогда, все готовы к шоппину? — девушка окинула вопросительным взглядом стоящих вокруг друзей, — Тем более, что и нам с Даней нужно новую одежду подобрать.

— Более чем, — вскинула свою белокурую голову Даниэлла, а Джек только снисходительно усмехнулся.

— Ура!!! — в два голоса подняли крик Аделька и Розы.

Марафонский забег по бутикам существенно поднял девушкам настроение, в особенности, когда они самозабвенно выбирали себе ленты, заколки и туфли, а Дэни и Марго выбрали себе одежду, более подходящую для будущих мам.

И вот они уже в магазине свадебных платьев, где планировалось остановиться подольше, и где были ослеплены обилием роскошных платьев, как белоснежных, так и всевозможных других оттенков и разнообразных фасонов, и блеском сверкающих страз.

— Так, а теперь повернись. Ну, просто идеально — как на тебя шили. Charmant! Бог мой, Ева, как ты прекрасна! — только и смогла восхищенно вымолвить Маргарита, глядя, как девушка примеряет свадебное платье с пышной юбкой на кринолине.

— Да, подруга — ты просто богиня! — разделили её восторг остальные девушки, а та, в ответ, одарила их сияющей улыбкой и подмигнула своему отражению в огромном зеркале.

— Наша Ева настоящая красавица! — малышка Аделина радостно наматывала круги вокруг смущенной девушки.

— Ах, когда я вырасту, то тоже приду сюда выбирать себе свадебное платье, — полная уверенности в своих словах, Розы взяла за руку Алишера, указав на платье кремового цвета с расшитым стразами кружевным лифом и юбкой из тяжелого шелка с необыкновенно длинным шлейфом.

— Розочка, мы выберем тебе самое лучшее, обещаю, — Питер подхватил на руки сестренку, — Ну, ты попал, парень, — улыбнулся он, взглянув на зардевшегося мальчика и ущипнув за маленький носик Розалинду, — Эта малышка своего не упустит.

— Это всё так, но, я совсем не против, — Али кивнул и растянул губы в широкой улыбке, — Кроме того, я же обещал быть с Розы всегда и не бросать её, что бы ни случилось, а папа говорит, что мужчина должен держать слово. Если я буду так же счастлив, как папа, как вы, как господин Джек — то, я согласен.

— Всё верно, малыш, — Питер выразил совершенное согласие, а в глазах Джона читалась нескрываемая гордость за сына, — А я и не отрицаю этого, более того, скажу тебе по секрету, что я даже рад этому и только так ощущаю себя полноценным человеком, — он поставил сестру на пол и шагнул к нареченной.

— Ай-ай, Питер, ты не должен смотреть, — Маргарита попыталась закрыть собой будущую невесту, — Это плохая примета.

— І що то у вас за якісь забобони, кралою? (И что это у вас за суеверия такие, милочка? укр.), — с насмешкой отозвался Марк, покосившись в сторону Маргариты, на что она

подкатила глаза и состроила гримасу.

— Прошу прощения, важный звонок, мне нужно ответить, — парень покачал головой и отошел на телефонный разговор, тем самым избавив себя от дальнейших поучений от Маргариты, — А что я вам скажу — мне только что сообщили замечательную новость, что мне предлагают работу в парижском зоопарке! — он вскоре вернулся к ним, и его довольный вид был наилучшим доказательством его радости.

— Пэтэр! Jestem taka szczesliwa! (Питер, я так счастлива! пол.) — так, прямо в платье, которое она мерила, Ева кинулась на шею жениху, не обращая внимания на глубокий вздох, что испустила Маргарита, которую блондинка лишь сочувственно погладила по голове, Джастина широко улыбнулась.

— Я тоже очень рад, милая, — Питер поцеловал девушку, — Тебе это платье больше понравилось, или ещё мерить будешь?

— А тебе нравится? — девушка робко подняла на него взгляд своих изумрудных глаз.

— Главное, чтобы тебе нравилось, — немедленно заверил её Питер, — Понимаю, что в такой день тебе хочется особенно сиять, но, для меня ты в любом наряде блистательна.

— Тогда, пусть остается именно это, — она остановила свой выбор на платье бледно-персикового цвета, что выгодно оттенял её кожу, с расшитым камнями Сваровски корсетом и пышной многослойной юбкой из тафты, наподобие воздушного облака.

— Золотые слова, Питти! — одобрительно улыбнулась златовласая, — И поздравляем с работой, братишка!

— Ой, смотрите, это же просто бесподобно! — Маргарита обнаружила чудесную ткань золотистого цвета, расшитую жемчугом, стеклярусом и шелковыми лентами, — Как думаете, нашей прелестнице Ями подойдет для свадебного наряда? Жан, как думаешь? — девушка почти благоговейно дотронулась до ткани, как до величайшего произведения искусства, — А что вы скажете, девочки? — обратилась она к подругам, стоящим рядом, — Я сфотографирую его на телефон и отправлю своей дорогой золовке ММС-ом, вот, прямо сейчас и отправлю, — она достала мобильный телефон и сделала несколько снимков, с невероятной скоростью перебирая пальцами по клавиатуре телефона, набирая сообщение, — Да, да, это я. Добрый вечер, дорогая! — Маргарита нажала кнопку принятия вызова, когда телефон зазвучал рингтоном из известного индийского фильма, обозначающим абонента "Ями" — Да, да — мы сейчас в бутике свадебной одежды и выбираем платье для нашей Евушки. Тебе понравилась ткань? — она утвердительно закивала головой далекой собеседнице, словно та могла её видеть, — Тогда мы можем её покупать? — она сделала знак рукой продавцу, указывая на отрез ткани, — Заверните этот отрез, пожалуйста, мы берем его, — растянув довольную улыбку, — Хорошо, мы можем его завтра же и отослать вам. Да, конечно. И вам всего доброго, дорогая! — она передала мобильник мужу, — Ага, передаю трубку Жану, — счастливая Маргарита направилась на кассу со свертком, прихватив и для себя лент и кружев для украшения своего нового платья в греческом стиле из тончайшего полупрозрачного шифона с ярким цветочным принтом, — Жан, и пусть поцелует от нас Рафа и мадам Сони, — крикнула она уже у кассы.

— Ребята, кто-нибудь проголодался? — поинтересовалась у друзей Джастина, — Не пора ли нам подкрепиться?

— Жюстин, как ты права! — поглощенная своими думами, Маргарита вдруг вспомнила, что и сама проголодалась, — После всех сегодняшних потрясений у меня аппетит как у голодного зверя — уплела бы двойную порцию шоколадного мороженого за один

присест, — она смущенно опустила глаза, если у неё у самой уже начало сводить желудок, то и остальные, наверняка, тоже голодны.

По счастью, неподалеку от бутика оказалось уютное кафе-кондитерская, где они с огромным удовольствием выпили кофе с шоколадом и взбитыми сливками с французскими пирожными с разнообразными начинками из варенья или джема между двумя половинками мягкого печенья, тающего во рту, с потешным названием масагон. О происхождении сладости и по сей день ведутся споры. Одни источники упоминают его, как создание одного из монастырей, другие источники ссылаются на то, что лакомство привезено итальянскими поварами, приехавшими с Екатериной Медичи, тогда ещё дофиной и невестой наследника французского престола. В многообразии рецептов для начинки используются фрукты, миндаль и мёд, а само название происходит от слова амтассаре (итал. *massarone/mascherone*) — "разбить, раздавить", поясняя способ изготовления основного ингредиента — миндального порошка.

По дороге из кафе, прогуливаясь по набережной, их внимание привлек большой красочный плакат выступления популярного дуэта "Sky Ocean" в Opera Bastille в сопровождении симфонического оркестра — сегодня вечером.

— Неужели? — Марк с интересом задержался у плаката, — Так, они сейчас с гастролью во Франции, — хмыкнул он, задумавшись.

— Ты их знаешь? — в душе у Даниэлы мелькнула слабая надежда, а Маргарита состроила глазки кота из мультфильма о зелёном людоеде Шреке.

— Да, я их знал в своё время. Они — сёстры, были моделями, но, кроме этого, у них ещё много талантов, — юноша усмехнулся своим воспоминаниям — ведь, было же и в его жизни немало светлого, — Мишель — гений скрипки и художница, а Николь прекрасно играет на фортепиано и обожает автомобили, — продолжил он свои размышления, — Не хотелось бы упускать такой шанс — хотите попасть на концерт?

— А, разве можно? — в один голос переспросили девушки, — Билеты, наверняка, уже все распроданы... — они печально выдохнули.

— Я что-нибудь придумаю, — самодовольно улыбнулся парень, — Они мои старые знакомые, я попытаюсь с ними договориться. Ну, что — ловим такси, иначе можем не успеть.

И они успели практически вовремя.

— Вы куда, молодой человек? — всем своим сердитым видом менеджер, высокий мужчина средних лет, темноволосый, кареглазый, одетый и причесанный по последней моде, точно только что вышел из дорогого салона, что для таких, как он, было вполне естественно — в индустрии развлечений внешность является рабочим инструментом, который необходимо поддерживать в надлежащем состоянии, иначе рискуешь потерять интерес публики к себе, явно не собирався его пропускать, — Вы читать умеете — "служебный вход", — потом он внимательно присмотрелся к Марку и поспешно извинился, — Ой, простите, ради Бога, сразу не признал. Проходите, месье Шнайдер.

— Что там такое, Жозе? — на звук голосов вышла высокая девушка с мальчишеской стрижкой светло-рыжих волос, на ней был минимум макияжа, так что, если бы не аккуратно покрашенные ресницы, то, её можно было бы вполне принять за красивого женственного мальчика, одета она была в свободную белую блузу, скрывающую округлости груди, от чего силуэт становился размытым, невнятным, скрадывая признаки женского пола, черные брюки и черные лаковые ботильоны, — Ба! Какие люди! — всплеснула она руками, её мягкий грудной голос, точно, обволакивал — Да это же Шнайдер собственной персоной! Какими судьбами? Чем обязаны визиту?

— Привет, Никки! — он подошел ближе, чтобы обнять её, а она чмокнула его в щеку, — Только теперь я уже не Шнайдер — моё настоящее имя Марк — Так меня теперь и зовите, — в её глазах была необъятная небесная синь, дававшая ощущение свободного падения, невесомости — увлекательного и захватывающего дух.

— Нет, Мишель, ты его слышала? — в дверях появилась вторая девушка, она была полной противоположностью сестре — воплощенная женственность: легкий макияж подчеркивал ещё более выразительные глаза и более объёмные губы, её светло-каштановые волосы были распущены и небрежными волнами спадали по плечам, на ней было приталенное сверху и расходящееся от колен пышной юбкой, напоминающей русалочий хвост, платье, — Оказывается, он Марк! — улыбнулась первая, — И что же угодно господину Марку? — она посмотрела на него с приветливым выражением на лице.

— Рад встрече, Мишель! — Марк обнял девушку и странным образом ощутил запах океана и трепетное дыхание легкого бриза, а в голове зазвучал шум прибоя и плеск веселых волн, а её глаза цвета морской волны словно затягивали в омут морских глубин.

И как это он раньше не замечал такого? От того ли, что ни когда не общался с сёстрами настолько близко или от того, что, став Хранителем, открыл в себе ранее сокрытые способности?

— Мои друзья хотели бы попасть на ваш концерт, — прямо ответил он.

— У тебя появились друзья? — подозрительно сощурилась Николь, — Ты же ни кого не подпускаешь к себе.

— Было такое — не спорю, — согласился он, — но, теперь всё по-другому.

— Да, мы уже заметили, — девушка задорно улыбнулась, — Ты даже выглядеть стал совсем иначе, даже выражение глаз стало другим. Ну, мы бы могли сделать кое-что для твоих друзей, по старой памяти... А что нам за это будет? — она искоса, оценивающе, окинула его взглядом.

— А что вы хотите? — ответил он таким же выразительным взглядом.

— Дай подумать... — девушка приложила ладонь ко лбу, изображая усиленный мыслительный процесс, — Ты выступишь с нами — ты всегда был виртуозом, так что, даже мы завидуем твоему таланту. Что скажешь? — он неожиданности он не нашелся, что и ответить на это, — Жозе, у нас будут изменения в программе, сегодня будет играть ещё один флейтист, — добавила она, глядя на озадаченное лицо парня, — Ты справишься — в программе почти одна академическая классика, это не составит для тебя большого труда.

— Тогда нам стоит отрепетировать, — с азартом заметил Марк, глядя на часы на руке у Ник, в конце концов, кого он боялся, ну, сыграет он с ними — ему не сложно, — С чего начнем?

— Вивальди "Шторм" подойдёт? — предложила вторая девушка.

— Как скажете, — юноша согласно кивнул, — А что мне друзьям передать? —

поспешил уточнить он.

— Не волнуйся, Жозе проводит их — места для VIP-персон, — уверила его рыжая жестом предлагая пройти, — Не стоит терять время — у нас его и так слишком мало.

Когда они начали играть, то он ощутил вдруг необыкновенную легкость, будто парил между бескрайним небом и нескончаемым океаном, почувствовал ветер в своих волосах и солёные брызги на лице — непередаваемое ощущение полёта и свежести.

За репетицией время пролетело незаметно, и, вот уже огромный зал начал заполняться публикой. Наконец, прозвенел третий звонок, и зрителей попросили отключить мобильные телефоны.

— Добрый вечер, дамы и господа! Приветствуем всех на нашем концерте, — первой на сцену вышла Николь, — Мы рады играть сегодня для вас, — девушка поклонилась и присела за удивительный рояль "Пегас"... Рояль, который как бы висит в воздухе, в вибрирующем пространстве, аналогов которому нет нигде в мире. Его символом стала золотая фигурка Пегаса — крылатого коня, который ассоциируется с искусством и красотой. Этот музыкальный инструмент вызывает восхищение не только благодаря своим роскошно изогнутым формам, но и из-за своего необыкновенно чистого звучания. Каждый такой рояль — это эксклюзивный инструмент, выпускаемый в строго ограниченном количестве. От легкого прикосновения электрический подъемный механизм бесшумно поднимает и опускает крышку, как по волшебству.

— Рады приветствовать вас сегодня вечером, дамы и господа, и подарить вам много прекрасных мелодий! — следом за сестрой появилась Мишель с необыкновенной скрипкой, выполненной из закаленного стекла, — А сейчас попросим поприветствовать наш оркестр и приготовьтесь наслаждаться магией нот!

Разумеется, прекрасные дорогие музыкальные инструменты разрешено было использовать исключительно на концерте, и исполнительницы не могли ими всецело распоряжаться.

Не успели ребята в себя прийти от неожиданного приглашения пройти в VIP-ложу, как их глаза стали ещё шире от удивления, когда они разглядели среди оркестра Марка:

— Быть этого не может! Да, ведь это же Марк! — всплеснула руками Маргарита.

— Крутые у него знакомства, однако, — усмехнулась златовласая.

Только пальцы одной из сестер коснулись клавиш, а смычок в руках другой дотронулся до скрипичных струн, как зал притих, плененный волшебством. Всё время выступления симпатичный менеджер сестер не сводил восхищенного взгляда со скрипачки.

После концерта Жозе проводил друзей за кулисы, где они смогли пообщаться и лично

поблагодарить за такое проявленное расположение.

Как только ребята оказались в одном помещении с Ник и Мишель, чтобы выразить свой восторг от их игры и поблагодарить за лучшие места в зале, они ощутили странное волнующее чувство бескрайности и простора, бесконечности и парения.

Сестры и их менеджер были неизменно любезны и обходительны, что невозможно было не поддаться их обаянию, и они засиделись, общаясь с ними, до поздней ночи, непринужденно болтая о всяких мелочах, пока не спохватились около полуночи и не поспешили вызвать такси до дома.

Разрастаясь гнетущим предчувствием, темнота опустилась на город, укрывая его тяжеловесным темно-сиреневым покрывалом с рассыпанными по нему множеством ярких звезд.

На крыше здания Оперы Бастилии, построенной на месте бывшего Бастильского вокзала, стояли двое, и ветер развевал их волосы:

— Небо хмурится, — произнес первый голос.

— И море беспокойно, — добавил второй.

— Ты тоже почувствовала это? — Николь повернулась, обратившись к сестре, глядя в её зеленые глаза, — Почувствовала присутствие Хранителей? Вот уж не думала, что ими окажутся Марк и его друзья, — они смотрели в окружающую мглу и свет в окнах домов, — Это означает, что и тьма где-то рядом. Интересно, они хоть представляют, с чем им придется столкнуться? Считаешь, что нам стоит вмешаться? — почему-то совсем не кстати вспомнились серо-зеленые глаза рыжеволосого парня, Этьен, кажется, его зовут...

— В этом пока нет необходимости, — Мишель слегка улыбнулась, — Хранители сами в состоянии постоять за себя, поверь мне, — она вздохнула и добавила совершенно серьёзным и несколько уставшим тоном, — У нас другая миссия, не забывай об этом, — она вдохнула вечерней прохлады и убрала растрепавшиеся волосы с лица.

— Мы не сможем вечно только наблюдать, — покачала головой Николь.

— Они сами должны пройти то, что им суждено, чтобы стать сильнее, — сестра положила руку на её плечо, — Когда настанет время нашей битвы, мы сделаем свой выбор, — и в их глазах отразилось звездное свечение, и всё усиливающийся ветер заглушил её голос.

— Дай Бог нам не ошибиться! — и над ночным городом зазвучала мелодия в

исполнении скрипки и фортепиано, и в лунном свете растворились два силуэта.

А завтра сестер будет ждать самолет на Лондон, где они продолжают свои гастроли, но, в этот раз они успели обменяться номерами мобильных телефонов.

И, вернувшись домой после такого волнительного и насыщенного событиями дня, четыре влюбленные пары не смогли уснуть, и всю ночь их тела, что светились, словно свечи, в этой волшебной ночи, вели диалог на языке страсти, ибо невозможно было не поддаться этому романтичному флеру города вечной любви, что разжигал пламя в их сердцах, и холодящий ветер, ворвавшийся в раскрытые окна, заставил лишь ближе прижаться друг к другу под легкими покрывалами. Остальным же ещё только предстоит познать великое таинство любви, и не желая дольше лежать в холодных постелях, оконные ставни были затворены.

— Мама! — Марк подскочил на постели, всё ещё опасливо озираясь по сторонам после ночного кошмара, он ещё некоторое время сидел на кровати, подтянув ноги к груди и обхватив колени руками.

Проснувшись рано утром, Маргарита поцеловала ещё спящего мужа и с трудом заставила себя встать с постели. Расчесав волосы перед зеркалом над туалетным столиком, она запахла свой любимый халат по типу кимоно. Всё ещё ежась от ночного холода и зябко кутаясь в вишневый шелковый халат поверх ночной сорочки, Маргарита спустилась на кухню, где мать уже поставила чайник.

— Доброе утро, мамочка! — девушка поцеловала мать в щеку и растянула улыбку, присаживаясь за столик.

— Доброе утро, дорогая! — женщина погладила её по голове, — Как себя чувствуешь? — она присела рядом.

— Отлично! Я готова к сегодняшнему дню, полному приключений, — не вставая с дивана, Маргарита открыла холодильник, достала пакет с молоком и налила молока в мисочку Милорда, — Доброе утро, Милорд! — кот довольно заурчал и потерся о её ногу, — И про вас я не забыла. Актеон, Сорбонна, завтрак подан, — с радостным лаем в кухню вбежали два уже заметно повзрослевших пса далматинца, — теперь уже девушке пришлось подняться со своего места, чтобы достать корм.

— Кто же будет заботиться о животных, если вы задержитесь в Европе? — серьёзно спросила Валентина, — Нам с отцом нужно будет снова уехать на конференцию в Сан-Франциско через десять дней.

— Мы успеем вернуться, мам, обещаю, — сразу же успокоила её девушка.

Маргарита только успела потянуться за пакетом кофе, как чья-то рука остановила её:

— Я бы посоветовал зеленый чай, — спокойно произнес парень и протянул ей упаковку с пакетиками чая,

— О! Марк, ты напугал меня, — девушка растерянно отдернула руку, — Доброе утро! — она нерешительно улыбнулась и взяла пакет чая.

— Прости, я не хотел, — улыбнулся он, — Я плохо спал этой ночью, вот и решил встать — всё равно уже не смогу заснуть.

— Да, со мной-то всё нормально, — Маргарита ободряюще улыбнулась в ответ, — А ты вчера прекрасно играл. У нас накануне был длинный день, наверно, это просто переутомление.

— Видимо, так оно и есть, — согласился он, наливая себе чай, — Просто плохой сон приснился.

— Доброго ранку, синку! (Доброе утро, сынок! Укр.) — поприветствовал всех появившийся на кухне Лев Витриченко, — Доброго ранку, пані! Доброго ранку, дитино! (Доброе утро, мадам! Доброе утро, дитя! Укр.)

— Доброго ранку, тату! (Доброе утро, папа! Укр.) — юноша подвинулся на диване, чтобы освободить для отца место рядом с собой.

— Доброе утро, месье! — Маргарита налила ему душистого чая, а Валентина поставила на стол блюдо с круассанами с черничным джемом.

— Всем утро доброе! — с самой ослепительной улыбкой на кухню впорхнула Джастина.

— Добрейшего, Жюстин! Ты тоже рано встала? — девушка искренне улыбнулась подруге.

— Поможешь мне собрать бутерброды, чтобы не терять времени, пока остальные не проснулись? — попросила она, доставая из холодильника необходимые ингредиенты, — Сегодня у нас тоже ожидается плотный график?

— Типа того, — обратилась Маргарита к парню. — Марк, не поможешь нам?

— Конечно. Что мне делать? — воодушевленно отозвался тот.

— Вы с Жаном хотели сегодня встретиться с месье Айронсом? — ещё раз, на всякий случай, уточнила Маргарита, Марк утвердительно кивнул, допив чай и приступая к помощи девушкам, — Желаю вам удачи, — подмигнула она, помогая Джастине паковать бутерброды.

— Спасибо, она нам пригодится, — поблагодарил он легким кивком головой, — Мы присоединимся к вам позже, — к этому времени начали спускаться остальные, проснувшиеся от непродолжительного сна после вчерашнего утомительного дня.

Маргарита проводила Джона и Марка, поцеловав первого, обняв второго и пожелав им успеха.

Лев Витриченко, как обычно, отправился на набережную рисовать, а родители Маргариты и Даниэллы поехали оформлять документы для предстоящей командировки.

Ребята оделись в удобную, не стесняющую движений, одежду и комфортную обувь и собрали свои рюкзаки с провиантом, водой и минимальной аптечкой первой помощи, припасенной на всякий случай.

Сегодня их ждал Версаль. Подумать только — всего каких-то десять километров от столицы, и вы попадаете в чарующую сказку, излюбленное место, где сиял "Король-Солнце" Людовик XIV, место неспешных прогулок и церемонных реверансов, нарочитой роскоши и блеска, любовных утех и коварных интриг — в котором бился пульс и страны, и его слепящей своей помпезностью эпохи. Напоминание потомкам о его великой славе в веках. Подобно тому, как сверкающая жемчужина рождается из малой песчинки, вырос он вокруг старого охотничьего домика его отца — сентиментальный каприз властелина воплотился гением придворного архитектора и продолжен был его последователями, всё больше разрастаясь новыми и новыми участками и павильонами, точно ожидая возвращения своего сиятельного создателя.

Двор жил среди мрамора, скульптур, позолоты, настенных росписей, дорогих тканей и ещё более роскошной мебели, среди веселья и празднеств для обитавших в нем обольстительных красавиц и галантных кавалеров. Его торжественность всячески подчеркнута архитектурными украшениями, декоративными масками, вазами, балконами из вызолоченного кованого железа. Людовик XIV, как известно, выбрал своей эмблемой Солнце, а в греко-римской мифологии Солнце было связано с богом мира и искусства Аполлоном, и его тема прослеживается здесь повсеместно, объединяя его образы и атрибуты. Апофеозом всего стал величайший из шедевров — Зеркальная галерея длиной в семьдесят шесть метров с роскошным убранством в итальянском стиле, двух рядов из семнадцати огромных зеркал, напротив которых расположено такое же число огромных окон, откуда можно наслаждаться видом на разноцветные ковры цветочных клумб, чистую гладь двух бассейнов и манящие вдаль прогулочные дорожки. Вокруг дворца постепенно возник целый город, в котором селились ремесленники, снабжавшие королевский двор. Здесь жили Людовик XV и Людовик XVI, и до Великой французской революции, Версаль являлся официальной королевской резиденцией — сейчас это огромный музейно-парковый комплекс.

Гулять аллеями живописного парка Версальского дворца со множеством террас, клумб и газонов, оранжерей и бассейнов, фонтанов и многочисленных мраморных скульптур, продолжающих идею всей дворцовой архитектуры, можно так долго, пока ноги не устанут настолько, что невозможно будет и шага ступить — и всё равно не успеть насладиться всем великолепием.

Пока друзья наслаждались Версалем, Марк и Джон спешили нанести визит старому знакомому Дугласу Айронсу, а Марк, кроме того, должен был принести ему свои извинения за сорванный показ.

— Добрый день, мистер Айронс! — приветственно улыбнулся Джон.

— А, это вы, мистер Дестинофф, — широко улыбнулся Дуглас, протянув руку, — приветствую!

— Смотрите, кого я вам привёл, — из-за его спины вышел Марк, — Я нашел вашу пропажу.

— Мне очень жаль, я подвел вас, — старик благодушно улыбнулся и потрепал его чуб, и Марк определенно ощутил себя виноватым перед этим человеком, столько в него вложившим, и с которым он поступил так по-свински, и который совершенно не заслужил такой неблагодарности с его стороны.

— И как же вам удалось найти этого несносного мальчишку? — с удивлением он смотрел то на Джона, то на Марка.

— Можно сказать, что мы нашли друг друга, — развел руками Красный, — Я теперь буду его менеджером, если вы не возражаете. Мистер Айронс, мне нужна ваша помощь, — Дуглас жестом предложил молодым людям присесть и с интересом приготовился выслушать предложение Джона, — Помогите мне найти помещение для швейного цеха, десять хороших швей и помещение для проведения показов — как вариант, можно какой-нибудь заброшенный ночной клуб под ремонт. Насчёт денег не волнуйтесь. Вам хватит двух недель, пока мы не вернёмся из поездки по восточной Европе?

— Господин Ондзи?! — в студию вошел темноволосый мужчина азиатской внешности с необычайными глазами цвета индиго, его возраст трудно было определить, но он выглядел ухоженным и был подстрижен и одет стильно и модно, и пахло от него дорогими духами с нотами сандала и кедра, — Разрешите представить директора нашего агентства — Танака Ондзи-сан, — представил вошедшего Айронс, — Я много слышал о трудолюбии и старательности японцев, а теперь я смог лично в этом убедиться: под его руководством агентство процветает.

— Рады знакомству, — мужчины пожали друг другу руки, и показалось, что сам воздух наэлектризовался между ними, и беспокойное странное чувство охватило их. Они сами еще не осознали этого, но, всё их естество уже отозвалось на древний призыв извечного противостояния Света и Тьмы.

— Так ты и есть тот знаменитый Шнайдер? — мужчина беззастенчиво изучал парня взглядом знатока-эстета, — Это что, сейчас мода такая на юношей бледных, вампироподобных? — добродушно усмехнулся он, — Может, всё-таки, тебя Эдвард зовут? Или Лестат? Нет? Крови невинных дев не пьёшь? — сказано всё это было в шутку, но, показалось, что в слова эти он вложил некий тайный смысл, что он насквозь видел его сущность.

— Я решил отказаться от псевдонима, — сдержанно заметил юноша, он умел не хуже управлять своими эмоциями, ни чем не выдав своей обеспокоенности, — Моё имя Марк Витриченко.

— Витриченко? — на лице мужчины было неподдельное удивление, — Уж не

родственник ли ты знаменитой Русланы?

— Я — её сын, — Ондзи поднялся со своего места и подошёл ближе к нему, всматриваясь в его серые глаза, словно хотел удостовериться, что тот не лжет.

— И ты хочешь подписать контракт с моим агентством? — мужчина присел в кресло и закурил, наполнив помещение ароматом дорогого табака, — Знаешь, одних прошлых заслуг маловато будет. Я бы лично хотел взглянуть, на что ты способен. Ну, что, молодой и интересный, давай покажи мне, что ты достаточно хорош, чтобы представлять свою мать на шоу. Удиви меня, мальчик. Порази меня. Видишь ту клетку? — он указал на декорации в виде изящной металлической птичьей клетки черного цвета в фото-углу, — Раздевайся.

— А наручники в комплекте не прилагаются? Так, всё. Мы уходим, — Джон взял парня за руку и, развернувшись, уже было, по направлению к выходу.

— Отчего мы такие нервные, господин Дестинофф? — ласково улыбнулся азиат, — Это, всего лишь — фотосессия.

— Я тебя не держу, — Марк решительно высвободил руку, — Я остаюсь.

— Прекрасно! Снимай рубашку и полезай в клетку, — Ондзи взял с полки фотоаппарат и пошел следом за ним, — О! Вот так! Превосходно! Этот взгляд завораживает — ты заперт в этой клетке, но, ты готов сломать её в любой момент, словно, ты вот-вот взлетишь, расправив гордые крылья. Замечательно. Теперь смени позу. Дай мне ещё больше экспрессии. Давай, мальчик, работай, — Ондзи давно не получал такого удовольствия от съёмки и он действительно был поражен талантом и работоспособностью молодого человека — точно, в его юных глазах было нечто такое, что его опыта хватило бы и на десяток прожитых жизней, — Всё, мы закончили. А ты мне нравишься, Марк, ты не боишься трудностей, — он, как ни в чем ни бывало, снова вернулся в комнату, сел в кресло и повторно закурил уже следующую сигарету, — Я хотел бы видеть тебя вечером на своем показе, для тебя будет подготовлена особая роль, я хочу посмотреть, как ты с ней справишься — не подведи меня. Жду тебя к семи — не опаздывай. Вы тоже можете присутствовать, господин Дестинофф. Твои друзья, Марк, также приглашены.

— Благодарю, я буду вовремя, — непреклонно ответил юноша, — Я и отца своего могу позвать?

— Отца — отлично, нет проблем, — с легкостью согласился азиат и вновь обратился к Джону, предложив закурить, — Я готов помочь вам, господин Дестинофф, — согласно протянул Ондзи, — если вы поможете мне в проведении рекламной постановки к пятнадцатой годовщине мюзикла "Нотр Дам де Пари" (*по этой фразе можно определить примерную дату событий повествования, если учесть, что премьера мюзикла состоялась 16 сентября 1998 года, то мы имеем начало сентября 2013 года) — по согласованию с городскими властями, мероприятие разрешено провести на площади перед самым прославленным собором, — он выдержал эффектную паузу и испытывающе посмотрел в его темные глаза.

— При всём уважении, Ондзи-сан! Но, это невозможно! — решительно возразил Джон, — Всего только за один день подготовить постановку мюзикла — это просто нереально, — он бессильно выдохнул, пустив дым колечками.

— О! Не прибедайтесь, господин Дестинофф, — Ондзи затушил сигарету, поднялся с кресла и подошел ближе к собеседнику, — мне мистер Айронс рассказал, как вы спасли его репутацию, устроив грандиозный показ, и представили бесподобный концерт. Вы же наизусть знаете все партии, а костюмы, грим и декорации у меня имеются. Кроме того, вас

будет ожидать один, весьма приятный, сюрприз. Подумайте хорошо — такой шанс предоставляется не каждый день. Вы потом ещё долго будете вспоминать этот опыт и благодарить меня. Завтра начнут устанавливать сцену. Жду вас к восьми утра вместе с леди для распределения ролей и на репетицию. Соглашайтесь, если вы хотите найти своё место в этом бизнесе и твердо встать на ноги. Я предлагаю вам взаимовыгодное сотрудничество, господин Дестинофф: вы помогаете мне, а я — помогу вам, — он по-приятельски хлопнул его по плечу и улыбнулся в предвкушении положительного ответа. Азиат бросил вызов и ожидал, что не ошибся — и вызов будет принят, а ему предоставится возможность испытать и оценить этих людей, встречи с которыми он с таким нетерпением ждал с того самого момента, как услышал о них от Лауриты.

— А вы умеете вести беседу, мистер, — хмыкнул Красный, — Вам бы, да в дипломатический корпус идти работать.

— Я не уговариваю и не заставляю, а лишь предлагаю вам вариант взаимодействия, и ваше добровольное дело — согласиться на моё предложение или нет, — продолжил он доверительно-дружественным тоном, — Я чувствую, что в вас присутствуют здоровые амбиции — вы всегда стремитесь достичь большего, а я могу вам помочь в этом, — и от этого его ласково-покровительственного тона и бархатного голоса бросало в дрожь.

— Хорошо, мы посоветуемся с друзьями, и я вам перезвоню, — Джону стало не по себе, снова закружилась голова, а внутренний голос настаивал, что от этого человека нужно держаться подальше и ни в коем случае не иметь с ним ни каких дел, — Мы как раз послезавтра уезжаем, и вернемся только через пару недель, — но, откуда такое странное чувство, что ему такого сделал этот, внешне располагающий к себе, человек?

— В таком случае, возьмите мою визитку, — мужчина протянул карточку, просяив ангельской улыбкой, — И подумайте, всё — таки, не иначе, как это — судьба, а она всегда мне благоволит в моих делах, я, ведь, мог и не встретить вас.

— Тем не менее, вы не прекращали подготовки и даже насчёт установки сцены договорились? — не остался в долгу Джон, он не любил, когда на него давили.

— Считайте, что у меня сильно развита интуиция, — Ондзи продолжал безмятежно улыбаться, — я как чувствовал, что само провидение пошлет мне решение, и вот — появились вы.

— Обещаю, что мы подумаем, — помимо своей воли выдал Красный, а душу не переставали терзать сомнения, — Пойдем. Марк, нас уже заждались. До свидания, мистер Айронс. До свидания, господин Танака.

— Всего доброго, месье, — попрощался Дуглас.

— До встречи, господин Дестинофф, я уверен, что мы обязательно встретимся, — и сказано это было с такой абсолютной уверенностью, и неизменной улыбкой на устах, что Джона не переставал колотить внутренний холод, — Не подведи меня, Марк. Я надеюсь на тебя — докажи, что ты достоин своей знаменитой фамилии.

— На сегодня вы свободны, Дуглас, — когда Джон и Марк удалились, Ондзи отпустил и своего помощника, удовлетворенно откинувшись на спинку дивана и пустил дым в потолок.

После того, как комнату покинул и мистер Айронс, в ней материализовались двое: один среднего телосложения, с длинными темными волосами и темными глазами, с аккуратно выстриженными бородкой и усами, в испанском стиле в черном костюме и черной рубашке,

второй — крупный мужчина, сероглазый с темно-русыми волосами, сильно заросший, в своих темных очках, кожаной куртке-косухе, кожаных штанах и расстегнутой рубашке, походивший на заправского байкера.

— Винтер, Макс, вы мне сегодня больше не понадобится, отдохайте — азиат устало махнул рукой, и странная пара безмолвно испарилась.

В это раз он позволил Хранителям уйти, и испытал острое сожаление от осознания того, что они не встретились при других обстоятельствах, что рано или поздно, им придется столкнуться в серьезном противостоянии.

Джон и Марк тем временем присоединились к друзьям в их прогулке по версальскому саду и дворцу, разделив вместе с ними преклонение перед мастерством рук, создавших такой роскошный золоченый шедевр.

Маргарита, когда узнала, какое предложение получено от японца-оригинала, то чуть не задушила мужа в своих страстных объятиях:

— Жан, дорогой, ну, пожалуйста, соглашайся! — она состроила "щенячьи" глазки, — Такой познавательный опыт. Если этот месье может помочь тебе добиться того, чего ты так хочешь, то мы сделаем для этого то, что он просит, — она повернулась к остальным.

— Ты так этого хочешь? — Джон, не спуская глаз, смотрел на жену, идя ей на уступки, заглушая своё тревожное предчувствие, — Если я и соглашусь на эту авантюру, то — только ради тебя.

— Джонни, мы сделаем это, — улыбнулась Даниэлла, — если таким образом мы сможем помочь тебе, то — не вопрос, постараемся, как только сможем.

— Я бы могла помочь с хореографией, — высказалась Эллен.

— А мы — с костюмами, — присоединились близнецы Саманта и Джулия.

— Я могу подумать над новой аранжировкой, — добавила Ева.

— А я — с угощениями для зрителей — поддержала Джастина.

— Почему бы и не познакомиться с соотечественником, — закончил Джек, — Это будет интересно.

В день показа, как водится, обстановка была несколько нервная и суматошная — и только директор Танака оставался невозмутим и жизнерадостен, уже предвкушая успех мероприятия:

— Очень рад всех вас видеть, — Ондзи приветствовал собравшихся дежурной улыбкой, — А прекрасные леди не хотят ли попробовать сами выйти на подиум? Девочки

подберут вам одежду, можете пройти в гардеробную, — разве можно отказать, когда такой привлекательный и импозантный мужчина предлагает осуществить давнюю детскую мечту? Джон, молодой хирург, Питер и Дэн ревниво переглянулись, видя, как загорелись глаза у их спутниц, а он оставался таким же невозмутимым.

— Ну, что — сделай их, бро, — Джон ободряюще похлопал парня по плечу, ещё раз пристально осмотрев с ног до головы и поправив причёску, — Удачи, красавицы!

— Спасибо, пупсик, — с сияющей улыбкой шепнул Марк Джону в самое ухо.

— Эй, и как это понимать? — Джон захлопал длинными ресницами.

— А, может, я решил сменить предмет своего обожания? Що скажете на це, пане Яне? (Что скажете на это, господин Ян? Укр.* — Ян — тут имеется в виду польское производное от имени Джон) — парень провел изящным пальцем по его щеке.

— А тебе не кажется, что ты переигрываешь? — Марк лишь игриво улыбнулся и, взяв под руки Даниэллу и Маргариту, направился в гардеробную. За ними проследовали Джастина и Эллен, и остальные модели этого показа.

На протяжении всего шоу Марк держался с поистине королевскими элегантностью и грацией, двигаясь плавно, но, в то же время четко и уверенно. Зрители же терялись в догадках — что связывает известную модель прошлого и это новое дарование, родственные черты явно угадывались, но, кто же это мог быть — ведь, у неё не было ни младшей сестры, ни дочери, которые могли бы подойти по возрасту.

— Вы правы, дамы и господа — у Русланы Витриченко не было ни младшей сестры, ни дочери, у неё был сын, — с этими словами Марк снял блондинистый парик и тряхнул своими настоящими волосами, глядя на которые, многие девушки удавились бы от зависти и дорого бы заплатили за роскошь обладать такой шевелюрой. Он дернул ленточки на платье, и оно соскользнуло по его телу на пол — под ним на нем была обтягивающая черная майка, и уже ни у кого не оставалось сомнений в его половой принадлежности.

После показа состоялся фуршет, на котором Марк и его знакомые были представлены модной богеме, с известными представителями которой Ондзи держался совершенно легко и přátельски, панибратски общаясь и ведя задушевные разговоры с такими примадоннами, как мисс Тайра Бенкс — супермодель, актриса, певица, продюсер и телеведущая, и мисс Дженис Дикинсон — известная американская супермодель, актриса и фотограф, с мистерами Джеем Мануэлем — канадским стилистом, фотографом и ведущим и Джеем Александром — стилистом и наставником моделей, и уже заочно известным популярным фотографом мистером Найджелом Баркером — и это без упоминания ещё более значимых имён в модной индустрии, с изяществом и азартом хищника забавляясь со своими будущими жертвами. Пока же всё выглядело более, чем пристойно: с его стороны — помощь, поддержка и знакомство с нужными людьми, с их — поддержка его проектов, они и сами не заметят, как, словно мухи в паутине, прочно увязнут в его, ювелирно изготовленных, сетях.

— Konbanwa, Tanaka-san! (Добрый вечер, господин Танака! яп.) — поприветствовал земляка молодой хирург, — Как приятно пообщаться на родном языке.

— Взаимно, господин Хадзама, — собеседник олицетворял собой благочинность и благопристойность, — Наслышан о вашем таланте и ваших золотых руках, говорят, вы гений от медицины и хирург от Бога, — он наклонился совсем близко и понизил голос, — Кажется, что исцеляя больных, вы, доктор, ищете лекарство для своей израненной души, предпочитая не выносить своё прошлое на всеобщее обозрение. Вы очень переживаете, что не всеильны, и не можете в полной мере помочь каждому своему пациенту, — то ли это, и правда, было частью его дара, то ли за долгие века он сам научился читать людей, легко и играючи, как незатейливые детские книжки.

— Разрешите представить мою супругу и мою сестру, супругу господина Дестинофф, — отрекомендовал он подошедшую молодежь, — И их друзей, — пока они лавировали среди многочисленных гостей, златовласая чуть не пролила сок на дорогой костюм одного их гостей, который лишь одарил её милостивой улыбкой и представился как Франсуа Гайе, певец и музыкант, исполнитель рок-баллад.

— Весьма рад познакомиться с вами ближе, прекрасные дамы! — с большим почтением он поцеловал девушкам руки, — На показе вы были неотразимы, — от чего те буквально растаяли, — А вы, должно быть, господин Витриченко — старший, отец Марка, — он церемонно поприветствовал высокого худощавого блондина в сером костюме, — Вы по праву можете гордиться сыном. Его возвращение на подиум было поистине триумфальным — боюсь, он ещё не скоро сможет освободиться от толпы сумасшедших поклонниц, — он улыбнулся в сторону парня, окруженного возбужденно щебечущими юными моделями, ему уже предложили фотосессии для нескольких модных журналов и пригласили на пару показов, — И сходство между вами просто поразительное. Мы точно с вами не встречались раньше?

— Не думаю, господин Ондзи, — мужчина отрицательно покачал головой, — Я бы вас обязательно запомнил, — ему было неприятно под его взглядом, словно, он видел всю его жизнь и все его грехи, как на ладони.

— О! Мамочка, папочка, месье Дерек, мадам Камилл, — Маргарита подвела своих родителей и родителей Даниэллы познакомиться с азиатом, — Разрешите познакомить вас с господином Ондзи, соотечественником Джека, новым деловым партнером Джона и Марка, человеком, пригласившим нас на эту презентацию, и просто удивительно талантливой персоной.

— Месье, мадам, безмерно рад встрече с такими достойными людьми! Я очень высоко ценю ваши научные труды, — глубоким поклоном он приветствовал мужчин и поцеловал руки дамам, и он не льстил, а серьезно был увлечен наукой.

К концу вечера уже все знакомые Джона и Марка пали, плененные чарующей притягательностью и неотразимой харизмой азиата, за исключением, разве что, Льва Витриченко, державшегося настороженно — уж он-то знал толк в темных искусствах, и этот мужчина почему-то не внушал ему доверия, о чем он не помедлил предупредить Марка и Джона, посоветовав, быть с ним предельно осторожными.

Как и было оговорено, ровно в восемь утра друзья уже были на площади перед собором

Нотр Дам, где уже полным ходом шли работы по установке подмостков, начавшиеся ещё час назад, и на небольшом отдалении были припаркованы фургоны для рабочих и балетной труппы.

— Утро доброе всем! — Ондзи выглядел свежим, отдохнувшим и был в прекрасном расположении духа, словно вчера и не было ни показа, ни затянувшейся далеко за полночь вечеринки после него, — Вы не опоздали — это прекрасно, успеем пару раз прогнать до вечернего выхода. Месье Гайе уже ожидает нас. Он утвержден на роль архидьякона Клода Фролло. Ну, что, малышка, согласна на роль Флер де Лис? — обратился он к Маргарите с чарующей улыбкой, — С ролью Эсмеральды лучше справится твоя очаровательная подруга, — с не менее обольстительной улыбкой повернулся он к златовласой, Джон и Джек несколько раз повторили про себя установку, что это — всего лишь игра, просто роли, а они уже давно выросли из подросткового возраста мелочных обид и ревности.

— Но, месье, а как же то, что я не подхожу внешне по типуажу? — Марго поначалу ступевалась от такой неожиданности.

— Не переживай — парики и цветные линзы творят настоящие чудеса, — он безошибочно подбирал аргументы, — Главное, что тыходишь по тембру голоса.

— В таком случае, я принимаю этот вызов, и покажу всё, на что способна, — твердо решила для себя девушка.

— Умница, девочка, — похвалил Ондзи, погладив её по голове.

— Ты должна забыть себя — во время репетиций и, особенно, самого представления, не существует Маргариты, а есть только твой персонаж, чьим образом и чьими переживаниями ты и обязана жить, — Марк тем временем уже заканчивал гримироваться, единственное от чего он категорически отказался, так это портить дредами свои роскошные волосы, — Пропусти через себя все её эмоции, ощути то, что могла бы чувствовать она и донеси эти чувства до зрителя. Оскорбленная предательством, гордая Флер де Лис требует смерти своей соперницы, — в его голосе появилась странная осиплость, которой ещё вчера не было, и глаза его блестели как-то особенно воспаленно.

— Что-то типа вдохновителя? А Фэб — исполнитель? — хихикнула Маргарита.

— Представь себя на её месте, — без тени улыбки, серьезно продолжил парень, — Я смог, при помощи равнодушных людей, подняться с самого дна, но, я не забыл того, как сам много лет искал прибежище, я понимаю чувства короля Двора Чудес, как свои собственные.

— Даже не знаю, молодой человек, вы слишком молоды, и голос у вас не настолько низкий и хриплый для партий Клопена, — критически заметил азиат, — Я до сих пор не до конца уверен в правильности своего выбора... — он смерил юношу изучающим взглядом.

— Прошу вас, эта роль должна быть непременно моей, — слова Марка были уважительны, но, тон его был дерзок, он, точно, не просил, а требовал и отчаянно настаивал, — Даю вам слово, что справлюсь с ней.

— Я, рискну, пожалуй, — кивнул он в конце концов, дружески хлопнув парня по плечу, — Постарайся не разочаровать меня.

— Ну, что вы! — Марк подскочил со стула, повернулся к нему лицом, встретившись взглядом с глазами азиата, — Сделаю всё, от меня зависящее, чтобы оправдать ваше доверие.

— У вас и для меня найдется парик, господин Танака, раз уж мне предстоит сыграть зеленоглазую брюнетку? — увлеченно поинтересовалась Даниэлла.

— Непременно, красавица, — Ондзи утвердительно кивнул и указал в сторону гардероба, — В костюмерной вы найдете всё необходимое.

— Тогда мы пошли готовиться, — но, не успела блондинка взять за руку подругу, чтобы отправиться переодеваться, как из другой примерки уже вышли их благоверные в образах.

— Ну, и как я вам? — весьма довольный своим видом, поинтересовался молодой хирург.

— Умереть — не встать, братишка! — хлопнула в ладоши Марго, — Сам именитый Гару нервно курил бы в сторонке.

— Бог мой, только ради этого стоило жить, чтобы увидеть тебя в образе звонаря собора Парижской Богоматери — Квазимодо, — заплодировала златовласая, эти слова заметно успокоили Джека.

— Дышать старайся грудью и не напрягай диафрагму, — напутствовал Джон перед тем, как самому выйти на сцену в своём козырном образе парижского поэта Гренгуара, — Не переусердствуй, дорогая, хорошо?

Пока азиат накладывал грим, он был погружен в свои мысли, и все они крутились вокруг златовласой, которая не выходила у него из головы. И странное чувство охватывало его каждый раз, когда он смотрел на девушку — рядом с ней он явственно ощущал всю свою ничтожность и все свои пороки, не мог заставить себя посмотреть в её голубые глаза. Да что за напасть такая? Что с ним такое? Никогда он не чувствовал ещё ничего подобного. Никогда не встречал он более прекрасного и совершенного создания, глядящего своими удивительными глазами прямо ему в душу. Рядом с ней он ощущал себя в то же время и самым счастливым, и самым несчастным — разве такое возможно? Оказывается — возможно. Подле неё хотелось быть каждую минуту, каждую секунду, дышать с ней одним воздухом, прикасаться к её золотым волосам, тонуть в её глазах небесной синевы. Ему казалось, что в её присутствии он очищался от своих грехов.

Её же миниатюрная подруга вызывала в нем теплые чувства иного рода — у него не было сестры, но, если бы она была, то он хотел бы, чтобы она была похожа на неё — маленькая и хрупкая, которую хотелось бы защищать и оберегать.

— Спасибо вам, что подарили нам такую возможность, — искренне поблагодарила мужчину Маргарита.

— Ты же совсем не знаешь меня, — он отложил расческу, которой расчесывал белокурый парик капитана Фэба, и посмотрел на неё, сияясь улыбнуться якобы собственной остроте, и в глазах его была усталость и тоска, — откуда тебе знать, что у меня на душе. Может, я совсем гнилой внутри. Может я — порождение зла.

— Человек, что так талантлив и красив, как вы — не может быть злым, — расплылась в улыбке Маргарита, также закончив расчесывать парик, с удовлетворением рассматривая результат в большом зеркале.

— Иногда злость помогает выжить, — печально усмехнулся мужчина.

— Как и любовь, надежда и вера, — девушка развернулась к нему и протянула влажную салфетку, — Я уже приняла вас в свое сердце и полюбила, как нашего друга — я верю вам, и надеюсь, что мы сможем стать друзьями, если вы действительно этого захотите.

— Какой же ты ещё, всё-таки, наивный ребёнок, — Ондзи взлохматил её челку, — Ты так уверена, что я стою всего этого: вашей веры, вашей любви, вашей надежды?

— Ай, — девушка протестующе убрала его руку, — Я же только всё уложила, — а он, глядя на её, улыбнулся от всей души — впервые за очень долгое время, — Ну, вот что вы

сотворили, господин Ондзи? Я на себя не похожа. Меня теперь родной муж не узнает, — шутливо улыбнулась она своему отражению, откуда на неё смотрело неземное создание с белоснежными локонами и глазами цвета лазури в простом обтягивающем платье голубого цвета.

— Тебя не должно это волновать сейчас, — нарочито пожурил её мужчина, — Пока будет идти представление, я — твой жених и возлюбленный, не забывай этого, зритель должен поверить происходящему на сцене.

— А вот и я! — наконец, из гримерки появилась жгучая брюнетка с ярко-изумрудными глазами в длинной робе цыганки Эсмеральды цвета хаки, расшитой под технику печворк — в которой не признать было светловолосую Даниэллу, — Прощу любить и жаловать!

— Просто неотразима, дорогуша! — честно ахнули от восхищения и подруга, и сам Ондзи, — Мы можем начинать, прекрасные дамы! — он взял девушек под руки и повел к кулисам, где уже ожидали остальные исполнители и шоу-балет.

Репетицией все остались довольны.

И вот, когда колокола собора Парижской Богоматери возвестили шесть часов вечера, наступил самый ответственный момент, которого все так ждали.

— Ну, что? Все готовы? — последний раз спросил азиат, и, даже не спросил, а, скорее — констатировал он.

— Один-два-три! "Нотр Дам де Пари"! — они взялись за руки, и мысль их была единой — как можно полнее раскрыть замысел произведения и доставить удовольствие зрителям, — Удачного нам выступления. Постараемся изо всех сил!

И они отдавали себя целиком этому выступлению, играя на пределе своих возможностей. И зритель верил каждому слову, каждому жесту, каждому взгляду.

И, исполняя визитную карточку мюзикла — композицию "Belle", ни кто из троих мужчин не кривил душой — и для каждого из них путеводной звездой были небесной синевы глаза Даниэллы.

Когда, после финального поклона снова заиграли, без труда узнаваемые, ноты заглавной песни — "Пора соборов", музыку к которому написал тот самый Риккардо Коччанте, который сочинил и её любимую песню о Маргарите, на помост вышел оригинальный первоначальный состав исполнителей: Гару, Брюно Пелетье, Люк Мервиль, Даниэль Лавуа, Патрик Фьори, Эллен Сегара и Жюли Зенатти, ставши, каждый рядом с новым прототипом, некогда их, персонажей. Публика взорвалась овациями. Сами выступающие были потрясены не меньше — поистине, Танака-сан не преувеличивал, когда обещал невероятное. И они ощутили такой небывалый прилив сил, стоя на одной сцене, рука об руку, со своими кумирами и ощущая их одобрение и поддержку.

— Знаешь, когда я беременная исполняла композицию преданной своим возлюбленным женихом девиственницы — "La Monture", — исполнительница партии белокурой Флер де Лис, такого же невысокого роста, как и Маргарита, обладательница красивого сочетания русых волос и больших карих глаз, Жюли, уже успевшая стать матерью, сама до сих пор

походила на очаровательного ребенка, и вела себя так же непосредственно, как и Маргарита, часто использовала свою живую мимику для выражения эмоций — в них, действительно, было что неуловимо общее, — Зал чуть не повело со смеху — они выкрикивали, что там в животе место уже занято моей маленькой жительницей. А я им отвечаю, что это от святого духа, а я — типа Дева Мария, — она ободряюще взяла девушку за руку (* Имеется в виду, что по сюжету мюзикла Флер де Лис — невеста капитана Феба (в исполнении Жюли Зенатти) — девственница, оскорбленная изменой жениха, но готовая его простить и подарить себя в обмен на то, что разлучница Эсмеральда будет казнена за попытку убийства самого Феба. Пятнадцатилетняя Жюли пробовалась и на роль Эсмеральды, но, продюсеры сомневались, справится ли она с ролью Эсмеральды, которая считается слишком сложной для пятнадцатилетней девочки, она становится Флер-де-Лис. Потому и получилась такая интересная ситуация, когда на концерте (не на спектакле) с участием исполнителей мюзикла она пела партию своей героини, будучи на поздних сроках беременности).

— Да, я помню это выступление, — Маргарита улыбнулась в ответ, — Еще немного, и у меня была бы такая же ситуация — это платье так невыгодно облегает фигуру, — потом она подкатила глаза и по-детски оттопырила нижнюю губу, — но, пусть только попробуют сказать что-нибудь насчет "колобка на ножках" — я найду, что ответить, и вообще — пусть завидуют молча.

— О, а про нас с Гару столько слухов ходило. О нашем, якобы, страстном романе. А на самом же деле были всего лишь вечеринки в пижамах на троих — я, он, и моя кошка, и — просмотр фильмов на пол-ночи с поеданием орешков. Мы с ним как брат и сестра — и сейчас любим вечерами в скайпе поболтать, — обладательница необыкновенного бархатного голоса и исполнительница партии цыганки Эсмеральды, Эллен не удержалась от улыбки, сильно зажмурилась, обмахивая себя ладонями, и пару раз шмыгнула носом от нахлынувших воспоминаний (* Имеется в виду, что по мюзиклу у их героев любовь, которую они искусно перенесли на сцену, потому и ходили слухи об их романе).

— Я тоже долгое время не мог избавиться от своего акцента, — Люк, исполнитель партии короля нищих парижского "Двора чудес" Клопена, с улыбкой посмотрел на стоящего рядом Марка, который просто не знал куда себя деть от переполнявших его эмоций, пытаюсь подбодрить вконец растерявшегося парня, — Меня всё время спрашивали — не кузен ли я Селин Дион. Ну, сами бы хоть подумали: я и Селин Дион — одно лицо, не правда ли? Где я, а где — она. (*Имеется в виду канадский акцент Люка Мервиля, одного из приглашенных звезд канадской эстрады)

Отыграв последний выход, Марк даже не успел дойти до гримерки и упал прямо на сцене — его колотил озноб, а на лбу выступили капельки пота.

— Господи, да что это с ним! — не на шутку перепугалась труппа.

— Так, расступитесь, дайте парню воздух, — Джек попытался подступиться к нему, протискиваясь между людьми, — Сейчас посмотрим, что с ним такое.

— Ему в госпиталь нужно, — взволнованно посмотрел на доктора отец Марка.

— Да, и укол шприцем Жане (*большой медицинский шприц для промываний, объёмом до двухсот мл) в мягкое место, а лучше ремнем по этому самому месту, — молодой хирург укоризненно посмотрел на Марка, закончив осмотр, — У него тяжелая ангина, — вынес он

свой неутешительный вердикт, — И как ты её умудрился заработать? Неужели пил минеральную воду со льдом?

— Я так делал в школе, когда не хотел отвечать домашнее задание, — слабо прохрипел парень, — Ох, и намучался со мной в своё время мистер Айронс, — улыбнулся он, вспомнив добродушного старика.

— Господин Витриченко, чувствую, вам ещё придется наверстывать упущения в воспитании сына, — повернулся он к отцу Марка, покачав головой.

— Как жаль, что у вас такая ситуация, — с сожалением заметила Жюли, — А мы хотели пригласить вас отметить с нами сегодняшнее выступление.

— Если ваше предложение будет в силе, то мы с удовольствием отметим с вами юбилейный спектакль шестнадцатого числа, — с надеждой сказала Даниэлла.

— Разумеется, в силе, — утвердительно кивнула русой головой Жюли, — И по поводу мест в зрительном зале можете даже и не переживать — мы вам все организуем — сейчас важнее состояние здоровья вашего друга, — и её поддержали остальные.

— Пропустите! — у ограждений кто-то громко спорил с охранниками, — Разрешите же мне пройти, я могу помочь, — Маргарита обернулась на шум и увидела Марию, а рядом с ней красивую женщину в броском цыганском наряде, девушка велела охранникам пропустить их.

— Эх, малец, что же ты натворил, а? — цыганка приложила ладонь к разгоряченному лбу юноши, — Но, этому помочь можно, — она протянула Маргарите мешочек с сушеными травами, — Заварите их, пусть выпьет, должно полегчать.

— Что ты делаешь? — Джек был обескуражен неосторожным поступком сестры, — Ты же не знаешь эту женщину, и берешь у неё неизвестные предметы?

— Мария, это твоя мама? — она наклонилась к девочке и задала ей несколько вопросов, — Вот видишь, как же не знаю — это Шанта, мама Марии, — с улыбкой повернулась она к брату.

— Если Маргарита доверяет ей, то и я тоже, — чуть слышно прошептал Марк.

— И правильно делаешь, яхонтовый, — довольная цыганка спокойно присела возле него, — Шанта зла не причинит, Шанта доброе дело делает, — она протянула свою ладонь, — Дай мне свою руку, — цыганка, всматриваясь, провела пальцами по линиям на его руке, — Печаль и тоска на сердце у тебя большая, да только разгонит ветер её — ты и сам не заметишь, и унесет её далеко заверть лепестков вишни. Ждет тебя счастье большое, но, не сразу оценишь ты его, ох и помотаете вы нервы друг другу со своей суженой — то. Не заиграйтесь, а то так и не разглядите судьбы своей, — из кармана своей необъятной цветастой юбки она достала простой деревянный крестик из осины и протянула его, — Возьми, это крест цыганский, он и от хворей сохранит, и сердцу верный путь подскажет, — потом Шанта повернула свою голову в сторону Маргариты, — А ты и есть та важная панна, что с дочкой моей знается? — она внимательно посмотрела на девушку, — Мария говорит, дар у тебя есть, что сокрыто, видеть. Если хочешь, большему научить могу, доктор ваш современной медицине доверяет, а предки наши не зря проверенные временем методы жаловали. Химия сейчас одна, а то же самое они ногами топчут — трав целебных знать не хотят, а я научить могу. Я только чистых сердцем учить берусь, ибо вред страшный причинить, по злему умыслу или незнанию, и травами можно. И про дитя твоё рассказать могу — и про тех, что ждешь, и про того, что ещё ждать будешь. И как родить без боли научить могу.

— Это честь для меня, мадам, — ответила девушка поклоном, — Мы улетаем завтра, а когда вернемся, то я найду вас обязательно.

— Светлой дороги, дочка, — улыбнулась Шанта, — Как вернешься, Марию мою найди, она ответит.

Лихорадящего парня срочно отвезли домой, где ему сделали инъекцию жаропонижающего и уложили в постель.

— Тебе известно, что твоя мать до смерти боялась лошадей, — мягко улыбнулся отец, положив ладонь на лоб сына — того всё ещё продолжало лихорадить, — но, ни кто даже не догадывался об этом — на фотосессии в образе Леди Годивы она восседала на коне подобно королеве — грациозно и величественно. И только потом её стошнило прямо у лифта — до такой степени она подавляла в себе напряжение и страх. Ещё она очень любила крыши — она довольно часто тренировала подиумную походку, да так, что в кровь стирала ступни, а однажды даже просто уснула на крыше и наутро проснулась с головной болью и простудой, но добросовестно отработала показ, и уже после него обратилась за медицинской помощью. Этому делу она отдавала всю себя — ты такой же, как она, это у тебя в крови, — через пару часов подействовал отвар из трав, что дала мать Марии, и горячка отступила, и парня прошибло потом.

Марк стойко переносил лечебные процедуры, только молча сводил брови каждый раз, когда приходило время полоскать горло, первые сутки ему было запрещено разговаривать, поэтому он набирал на планшете то, что хотел сказать.

Эта ночь прошла беспокойно, но утром парню значительно полегчало, и он уже был в состоянии лететь с друзьями в Польшу.

Самолет на Варшаву благополучно взлетел, и пассажиры, по традиции, аплодисментами приветствовали экипаж с удачным взлетом.

Уже не раз летавшая самолетами, Маргарита после того как своими глазами видела крушение лайнера, на котором летел дорогой ей человек, каждый раз делала над собой огромное усилие, чтобы перебороть этот страх, она крепче прижалась к мужу и постаралась заснуть.

08. Небеса Европы — Полонез

Среди облаков стали различаться очертания города, и самолет начал снижение, заходя на посадку в аэропорту имени Фредерика Шопена города Варшавы.

Впереди у них целых двадцать четыре часа на то, чтобы познакомиться с ней, изучить её, насладиться ею.

Больше всех, конечно же, волновалась Ева — как и для всех, это будет её первое посещение Польши, вместе со всеми она будет открывать для себя красавицу Варшаву — с тех пор, как её прабабушке, еще совсем молодой девушке, удалось сбежать из ада Варшавского гетто и достичь спасительных берегов Америки, семья её так и продолжала жить там — сначала в Нью-Йорке, потом переехав в Лос-Анджелес, где Евангелина Жуковская, или просто Ева, чьи предки вели свой род от потомственных польских дворян, пока один из этих самых предков не полюбил дочь еврея — ювелира и не был лишен отцом наследства, и познакомилась с друзьями. Так и продолжала бы семья её жить на земле пращуров, если бы не пришла война — сама история государства польского представляет собой бесконечную борьбу за свободу и независимость, но, Вторая Мировая едва не стерла саму Польшу с лица Земли.

И вот теперь, спустя долгие годы, она сжимает в руках маленький блокнот в темно-зеленой обложке, исписанный аккуратным каллиграфическим почерком, почерком её прабабушки Ханны/Анны... В каждой строчке страшная и шокирующая правда жизни польских евреев Варшавы в годы оккупации, записанная шестнадцатилетней Анной, которую даже называли польской Анной Франк — по имени еврейской девочки, рожденной и выросшей в Германии, а в годы гитлеровской власти со всей своей семьей укрывавшейся от нацистского преследования в Нидерландах, автора знаменитого "Дневника Анны Франк", переведенного на многие языки мира, книги, разоблачающей злодеяния фашистского режима, объединившей в судьбе одной юной девочки миллионы человеческих судеб и трагедий, связанных с нацистским геноцидом.

И в её дневнике была приблизительно такая же запись: "Немцы звонят в каждую дверь и спрашивают, не живут ли в доме евреи... Вечером, когда темно, я вижу колонны людей с плачущими детьми. Они идут и идут, осыпаемые ударами и пинками, которые почти сбивают их с ног. Никого не осталось — старики, младенцы, беременные женщины, больные — все тронулись в этот смертельный поход..." - ощущение давящее, душащее, заставляющее задыхаться от боли и негодования...

Сколько раз потом она просыпалась среди ночи от собственного крика, на мокрой от слез подушке, всё ещё живо представляя перед глазами весь тот ужас...

И только много позже, уже перед самой своей смертью, её сын Анжей, дедушка Евангелины, решился рассказать о существовании этого блокнота — у самой Анны так и не хватило сил... Теперь этому блокноту суждено стать экспонатом Музея Независимости, как свидетельству несгибаемой воли народной и освободительного движения, объединившего представителей всех национальностей и всех сословий, проживавших на территории государства польского пред лицом общей беды, вернее, даже не сам блокнот — он не покинет семью Жуковских, а его бережно отсканированный электронный вариант, который можно будет смотреть на большом экране современного монитора, и к которому будет прилагаться аудио — и письменный перевод на нескольких мировых языках, чтобы как можно большее число людей смогло узнать эту историю, в которой есть место не только для страха и смерти, но и для жизни и любви, историю о том, как влюбленный молодой немецкий офицер, пожертвовав собой, спас от мучительной и неминуемой смерти не одну жизнь, подарив само существование не только Анжею Жуковскому, отцом которого он являлся, а значит, и самой Еве.

С пожелтевших от времени страниц, от имени своего народа говорил один голос — не воина, мудреца или поэта — простой девушки.

Евангелина имела долгий разговор с родителями на предмет того предложения, что сделал ей Питер, и подготовки к предстоящей свадьбе. В силу своей сильной занятости на работе, они не смогли присоединиться к ним в Польше, потому важная миссия по передаче дневника Ханны в дар Музею Независимости была возложена на Еву, которая даже начитала его польский вариант в аудио-формате, что, с одной стороны далось девушке с огромным трудом, а с другой — так она ощущала себя ещё ближе к истории своей семьи — для неё честь озвучить мысли той юной польки, которой была её прабабушка в тяжелые годы гитлеровской оккупации. Сама эта идея была почти спонтанной — последний год, со смерти любимого дедушки Анжея, который в свою очередь, тоже обожал и всячески баловал свою единственную внучку, и ей первой рассказал он тайну зеленого блокнота, она несколько раз перечитывала его и знала содержание практически на память — но, сколько бы раз она не перечитывала, всё равно, не могла ни понять, ни оправдать тех бесчеловечных зверств. Она давно думала поступить подобным образом, и вот, когда уговорила друзей сделать остановку на польской земле, то утвердилась в своём решении окончательно. Не имея возможности присутствовать лично, Вислав Жуковский, её отец, историк по образованию, преподаватель истории искусств в Калифорнийском университете — по профессии, использовал свои связи, чтобы договориться с администрацией музея о передаче нового экспоната.

А уже позже, когда дела позволят им покинуть Лос-Анджелес, родители Евы разделят с дочерью радость свадебного торжества, прибыв на церемонию в Париж, где смогут принять участие в самых важных, самых волнительных и самых ответственных последних приготовлениях.

Варшава — величественная польская столица, гостеприимно встретила путешественников неторопливым ритмом жизни старого города, шелестом свежего молодого ветра в вековых деревьях и плеском светлых вод прекрасной Вислы.

Первым делом надо не забыть поменять валюту и телефонные сим-карты.

Наиболее распространенное в народе мнение о происхождении самого названия города, рассказывает нам легенду о рыбаке по имени Wars и русалки, прозванной Sawa, на которой тот женился. И теперь образ Русалки Савы стал признанной эмблемой Варшавы — варшавская Русалочка до сих пор считается безусловным символом города, и знаменита она не меньше своей сестры, что в Копенгагене. Её изображение можно встретить на гербе города, а на Рыночной площади фольклорному существу стоит памятник, через прикосновение к которому, наши герои с удовольствием соприкоснулись с историей и легендой.

Герб Варшавы — не менее красив и загадочен, чем аналогичный символ знаменитой столицы Франции, к примеру, официально утверждённый королём Карлом V, (на котором изображен корабль, символизирующий, с одной стороны — лежащий в самом центре города остров Сите на реке Сене (напоминающий по форме корабль), а также — торговлю и торговые компании, главную составляющую городского хозяйства, а лазоревое поле с золотыми лилиями в верхней части герба — старая эмблема французской королевской династии Капетингов, самой большой и значимой из французских королевских династий) — и представляет собой щит, в червлёном поле которого запечатлен тот самый символ города — варшавская русалка, с золотым щитом в левой руке и золотым мечом — в правой. Щит венчает королевская корона и лента с девизом "Semper invicta" (лат. Всегда непобедима), исходящую из верхних углов щита, а снизу расположен орден Вислы с надписью на знаке ордена "Virtuti Militari".

Есть несколько легенд об основании города, однако, на самом же деле, доподлинно неизвестно, откуда взялось название столицы. Одно точно наверняка: Варс и Сава жили на живописных берегах Вислы, и свое начало легенды берут от гостеприимства и доброго сердца местных жителей.

Согласно первой версии этой легенды, путешествующего короля Казимира запах свежей еды привел к убогой рыбацкой хижине, где его радушно пригласили к столу, и во время трапезы вкусной рыбой, рассказал ему рыбак о своей семье, которая недавно увеличилась — у него родились двое чудесных близнецов. За великолепное угощение хотел король отплатить хозяевам золотом, но они отказались брать с него плату за гостеприимство. Тогда король попросил их оказать ему честь стать крестным отцом близнецов. При крещении мальчику дали имя Варс, а девочке — Сава, и король торжественно провозгласил, что теперь Пётрко Рыбак, будет зваться Пётром Варшем, королевским рыбаком, отцом Варса и Савы, владельцем прилегающих земель, а основанное им поселение он назовет своим новым родовым именем, которое сохранится на века.

Иная легенда гласит, что когда-то давным-давно стояла на реке Висле маленькая хижина, жили в которой рыбак Варс и жена его Сава. Однажды в окрестностях шла охота, во время которой князь окрестных владений, потерялся в лесной чаще, и долго блуждал по лесу, пока не вышел к рыбацкой хижине на Висле. Варс и Сава хлебосольно приняли незнакомца, а наутро благодарный князь сказал: "Вы без колебаний приняли под свой кров незнакомца и спасли его от голода, холода, а может и от диких животных. Поэтому земли эти навсегда станут Варшавой, чтобы ваша доброта не была забыта".

Да, и сам город не менее впечатляющий, чем Париж — обладает не менее интересной и захватывающей историей и самобытной культурой.

Старый центр Варшавы был варварски разрушен гитлеровскими войсками, но в послевоенные годы европейцы приложили все усилия, чтобы реконструировать средневековые постройки.

Варшавский аэропорт имени Фредерика Шопена находится в черте города, всего в десяти километрах от центра, и добраться от него до Старого города, где находятся все достопримечательности Варшавы, можно как на такси или, для такой большой компании, как наша — арендовать микроавтобус.

Самые главные достопримечательности Варшавы можно перечислить на пальцах двух рук. За сутки вполне реально увидеть все самое интересное в этом городе. Старый город Варшавы относительно небольшой, и обойти его вдоль и поперек можно где-то за пару часов.

И самым юным гостям Варшавы, и их более старшим сопровождающим не придётся скучать в польской столице. Первую прогулку по городу лучше всего провести на туристическом поезде с остановки на Замковой площади. В получасовую экскурсию по улицам Старого и Нового города можно послушать рассказы экскурсоводов про наиболее интересные места польской столицы, и рассказ этот, в переводе на английский язык, с огромным удовольствием послушали наши путешественники.

Стоящая в эти дни теплая солнечная погода позволила полюбоваться панорамой города с Вислы, воспользовавшись одним из небольших круизных корабликов — и невозможно было отказать себе насладиться этим волшебным видом.

Другие достопримечательности можно осмотреть на... историческом трамвае.

В программу знакомства с городом нужно не забыть включить подъём на тридцатый этаж Дворца культуры и науки — панорама Варшавы, открывающаяся с самого высокого здания в городе, оставляет незабываемые впечатления.

А теперь — подробнее...

Во время Второй мировой войны Варшава была практически стёрта с лица земли, и многие оригинальные памятники были утрачены, а другие — заменены на послевоенные копии, а большинство исторических зданий практически отстроены заново. Так что, исторический центр Варшавы — это всего лишь искусная имитация.

Начинать знакомство со Старым городом туристам рекомендуют с Замковой площади, на которой и стоит Королевский дворец, а в центре площади возвышается колонна короля Сигизмунда. Вот, и наши туристы решили последовать этому совету и начать познавательно-развлекательную прогулку Варшавой с посещения Королевского дворца. Не будет преувеличением сказать, что это — визитная карточка города.

Удивительно, но большинство туристов и не подозревает, что старинное на вид, здание восстановлено лишь послевоенные годы на основе сохранившихся старых планов, фотографий и рисунков. По приказу Гитлера Варшаву практически сравняли с землей — в результате бомбежек были взорваны все исторические постройки, в том числе и прекрасный Королевский дворец, от которого осталась одна арка, а сейчас, в по-настоящему роскошных интерьерах, тут проходят выставки, концерты и симпозиумы.

Многие польские Короли честно признавались, что видели в замке привидения. Сначала, Сигизмунду Августу являлась его усопшая любимая супруга Барбара, потом через сто лет правитель Станислав Понятовский увидел в королевском зале даму в белом, предсказавшую ему раздел Польши. В семнадцатом веке алхимик Ян Беттгер произносил здесь магические заклинания, чтобы изготовить золото.

Но, даже если во время экскурсии по Королевскому замку не удастся увидеть ни одного призрака или мага, не стоит расстраиваться — здесь такое количество прекрасных картин, скульптур и предметов старины, что легко чувствуется дух ушедших эпох, и наши путешественники ещё часто будут вспоминать эту экскурсию.

И тут мы буквально "ныряем" в самую гущу Старого города и продвигаемся к другой знаменитой площади — Рынок, самому оживленному и самобытному месту современной Варшавы — любимому месту прогулок, как горожан, так и туристов. Советуем задержаться здесь вместе с нами немного подольше, присесть в одном из многочисленных ресторанчиков, выпить чашечку ароматного кофе и понаблюдать — так и поступили наши герои, сделав небольшую остановку, вдыхая ароматы кофе и свежих булочек, любясь видом и наблюдая, как город продолжает жить своей жизнью. А таким крохам, как Аделька, для счастья нужно совсем немного — сидеть на коленях у папы-Джона, потягивая из трубочки молочный коктейль, и смотреть, как остальные поглощают разнообразные сорта мороженого на любой вкус, в то время как её порция дожидается, пока девочка справится с коктейлем.

И не устает бурлить и кипеть жизнь на рыночной площади со множеством уличных музыкантов и художников, массой сувенирных лавочек и галерей в окружении почти игрушечных домиков, каждый из которых имеет свое название — и, вероятно, самое красивое из зданий, так называемый "Дом подо львом", часто изображаемый на открытках Варшавы. И просто невозможно удержаться, чтобы не купить на память о путешествии хоть сувенирный магнитик на холодильник с изображением одного из знаменитых видов города!

Теперь, когда компания немного познакомилась с историей и фольклорными преданиями города и отдохнула — невероятно интересно будет поискать следы героев самой красивой легенды Варшавы — памятник русалочке Сиренке или дойти до дворца Острожских, в подвале которого живёт золотая утка.

И Марк ещё обязательно сделает несколько фотографий друзей у старейшего монумента в городе — знаменитой скульптуры Русалочки, чтобы потом, глядя на эти изображения, вспоминать лучшие моменты путешествия.

По легенде, было две сестры-русалки, и плыли они как-то по Балтике, и повернула первая к Датскому королевству — и увековечена она теперь на набережной города Копенгагена, вторая же заплыла в Вислу, выйдя из вод у подножья нынешнего Старого города, чтобы немного отдохнуть на песчаном берегу. И настолько ей понравилось это место, что решила она остаться тут навсегда.

Заприметив, что кто-то во время ловли волнует воды Вислы, запутывает сети и выпускает рыбу, местные рыбаки решили поймать вредителя, но услышав прекрасный голос русалки, они отказались от своих намерений и искренне полюбили её, а она в благодарность скрашивала каждый их вечер красивой песней.

Однажды увидел русалочку богатый купец и захотел поймать, хитростью захватив и спрятав в своем сарае. Молодой рыбак, услышав плач русалки, пожалел и вместе со своими друзьями освободил её из заточения.

В благодарность за спасение жизни русалочка обещала им, что всякий раз, как только им понадобится помощь, она станет в их защиту — с тех пор варшавская Сиренка, с мечом и щитом, всегда стоит на страже города и его жителей.

А вот, послушайте ещё одну увлекательную историю, о том, как давным-давно жила в подземельях одного замка королева заколдованная, превращенная в золотую утку. Поговаривали, что откупится она несметными богатствами от того, кому удастся отыскать её в лабиринте подземелий. Много смельчаков пытались, пока однажды, молодой подмастерье сапожника не отправился в подземелья замка в ночь на Ивана Купала. И улыбнулось ему счастье, и встретил он свою золотую утку, и пообещала она ему богатство, поставив лишь одно условие: парень получил кошель золотых дукатов и должен истратить их на

протяжении одного дня, ни с кем не делаясь. Под конец испытания юноша всё же нарушил уговор: отдав последний дукат нуждающемуся бедному солдату. Тут же потерял он все, что успел за день приобрести. И понял он тогда, что не деньги приносят счастье, а работа и здоровье, и зажил с тех пор праведной и спокойной жизнью, дослужившись до мастера, а о золотой утке только легенда и осталась. И не знает ни кто наверняка — было ли это или не было. И посредине фонтана у замка Острожских, где, вероятно и скрывалась зачарованная принцесса, стоит теперь золотая утка, как символ одного из наиболее известных варшавских преданий.

Настоящих же уток и лебедей возможно покормить прямо с лодки в пруду знаменитого Лазенковского парка. А детишкам, желавшим увидеть и более экзотических животных, исключительно по душе пришлась затея посещения зоопарка. Ну, скажите, на милость — как можно обойти вниманием прославленный Варшавский зоопарк, среди питомцев которого есть такие, которых нет больше ни в одном из польских зоопарков!

Но, зоопарк — это ведь не только животные, но огромная площадь красивых парков с очень чистым воздухом и дивной растительностью.

И непередаваемые ощущения испытываешь в Зале свободных полётов, когда над головой летают экзотические птицы в окружении пышной зелени, где слышно их прекрасное пение и шум водопада. О! А сколько непередаваемых эмоций и впечатлений получили наши маленькие интуристы прикоснувшись своими маленькими ручками к известным животным, известным им по любимым сказкам — под их детскими пальчиками сказка оживала довольным урчанием или блеянием.

Или как вам такое — выпить вкусного чая или кофе в кафетерии прямо над головами обитателей серпентария?

Питер же, точно окунувшись в родную стихию, и с огромным удовольствием рассказывал о местах обитания и повадках увиденных животных, а друзья с интересом слушали его, особенно дети. Даже проходившие мимо другие туристы нет — да тоже остановятся послушать.

Прежде чем посетить так называемую Королевскую дорогу, стоит заглянуть в одно уникальное место — живописный сад, разбитый... на крыше Варшавской библиотеки, всего в нескольких минутах ходьбы от Рыночной площади, дыша ароматами цветов, читая, мечтая, глядя на открывающуюся панораму города и разливающуюся Вислу.

Сам Королевский тракт начинается от Замковой площади и "нанизывает" практически все главные достопримечательности Варшавы вместе с самой красивой улицей Королевского тракта — Краковское предместье, где слева виден дворец Радзивилов, где юный Шопен давал свой первый концерт, а теперь тут заседает Совет министров Польши, Варшавский университет, который в своё время окончили многие выдающиеся деятели польской культуры и дипломатии, а напротив него — Академия изящных искусств Польши.

Возле самых королевских садов Лазенковского парка находится еще один знаменитый замок с отличным видом на Королевский канал — Уяздовский. Заканчивается Королевский тракт площадью Трех Крестов. Здесь уже входит в свои права Новый город с его современными зданиями — какие-то заметные достопримечательности Варшавы здесь не расположены.

Дворцово-парковый ансамбль Лазенки — любимое место отдыха горожан и гостей города, и наши интуристы решили лично оценить привлекательность его многочисленных озер, фонтанов, оранжерей, беседок, особняков и статуй. И примечательно, что именно тут стоит памятник Фредерику Шопену — любимому композитору Евангелины — у которого устраиваются концерты классической музыки. А главным украшением и гордостью сада стал знаменитый Дворец на воде, вокруг которого, прямо по парку свободно гуляют десятки павлинов. На входе можно купить орешков, чтобы покормить многочисленных, практически ручных, белок, только нужно быть осторожным, а то, вместо орешка белочка может ухватить и за палец.

До сада можно доехать и на общественном транспорте от Замковой площади, но наши герои предпочли неспешную прогулку пешком.

А вот воспользоваться общественным транспортом — до самой конечной остановки, не ошибетесь — удобно будет, если вы, как Маргарита, к примеру, захотите сравнить дворец Вилянув, именуемый "Малым Версалем", который должен был напоминать любимой жене короля Яна III Собеского ее родную Францию, с уже виденной героями Версальской резиденцией.

После того, как мы уже немного глубже познакомились с городом, пришло время увидеть его с другого ракурса — со смотровой площадки Дворца культуры и науки, откуда открывается лучшая панорама города с самого высокого здания в Варшаве, подаренного

Польше Советским Союзом, по замыслу самого Иосифа Сталина и напоминающего высотные сюрреалистические здания Москвы, которые нам вместе с героями ещё только предстоит увидеть. Теперь тут находятся штаб-квартиры многих фирм и публичных учреждений, кинотеатры, театры, музеи, книжные магазины, научные институты, бассейны и самый большой в Польше конференц-зал и проходят ежегодные книжные ярмарки. С момента его строительства прошло уже столько лет, но он все так же вызывает бурные эмоции — от восхищения до требования разборки этого "символа советского господства", а сами поляки эту сталинскую высотку, откровенно говоря, недолюбливают. Это, далеко не самое красивое здание, на их взгляд, уродует прекрасный центр города.

Местные жители шутят, что с этой смотровой площадки действительно открывается отличный вид, и не видно самого этого чудовища — прямо, как парижане об Эйфелевой башне.

Молодая и энергичная Варшава — это не пыльные хранилища музеев, и примером тому может служить Музей моторизации, где для любителей автомобилей собраны экспонаты с 1930 года, в коллекции которого есть даже автомобиль Элвиса Пресли, лимузин Сталина, машина Мирлин Монро и много других знаменитых экспонатов.

Во дворце Острожских находится один из самых необычных музеев не только Польши, но и всего Старого света — музей Фредерика Шопена, могила которого, кстати сказать, находится в Париже, на кладбище Пер-Лашез, что уже было известно Маргарите и её спутникам.

Шопен — самый знаменитый из польских музыкантов, тесно связанный с Варшавой. Его музей находится в здании дворца Острожских, где в молодости композитор давал свои самые первые концерты. Тут можно прикоснуться к его вещам — портретам, письмам, автографам, рукописным партитурам, пианино и посмертной маске композитора, здесь же проходят концерты с исполнением его произведений. Но самое интересное, как это все оформлено! Музей просто ультрасовременный — здесь масса мультимедийных экспозиций, везде сенсорные экраны, проходят концерты "живой" музыки.

Детям особенно приглянулась по душе, так называемая, комната с капсулами, где на большом экране можно посмотреть интерьеры девятнадцатого века, послушать музыку великого композитора и даже ощутить запах его любимых фиалок.

Пальцы Евангелины, словно порхали над черно-белыми клавишами старого, выдавшего виды, инструмента — и друзья зачарованно притихли, слушая, льющиеся в пространство, пленительные звуки "Вальса Дождя", и сердце замирало в груди, перестраиваясь на ритм этой мелодии.

Дети, и сопровождающие их лица с успехом оценили книжный магазин и миленький ресторанчик в Центре Современного Искусства, с радостью и воодушевлением приняли участие в лепке глиняных горшков в Археологическом музее, а восторгу детей не было предела, когда им разрешили забрать сотворенные своими руками поделки с собой — пусть даже это были самые маленькие и самые простенькие горшочки, зато сделанные собственноручно маленькими детскими пальчиками, заинтересованно изучали коллекцию доспехов и облачений в Музее Польской Армии и экспонаты Этнографического музея, а в Музее Конного спорта, издавна пользовавшегося уважением польской шляхты, смотрели кареты, ружья и прочие трофеи, переносящие наших героев во времена уланов и широких степей, а пополнить копилку знаний мировой литературы они смогли в Музее Литературы имени Адама Мицкевича, так же значимого для поляков, как Пушкин — для россиян или Шевченко — для украинцев, а девушки с неподдельным и бесхитростным восторгом в глазах задерживались у костюмов, мебели и предметов посуды различных стран и эпох в Национальном музее.

И вот он — Музей Независимости в бывшем дворце Радзивилловских, главная цель путешествия. С года первого раздела Польши, её история — это непрекращающаяся освободительная борьба, зачастую проигрываемая ввиду неравенства сил, а последствием восстаний нередко становились ужесточения существующих порядков, и уменьшение прав польского самоуправления.

И снова возвращение к содержанию страниц дневника...

До чего же должен был дойти произвол фашистских оккупантов, что в августе 1942 года выпустила свой знаменитый манифест Зофья Коссак-Щуцкая — польская писательница, журналистка, участница польского Сопротивления, одна из основательниц Совета помощи евреям:

"В варшавском гетто, за стеной, отрезающей его от мира, несколько сотен тысяч

обречённых ожидают своей смерти. Для них нет надежды на спасение, нет ниоткуда помощи...

Число убитых евреев перевалило за миллион, и эта цифра увеличивается с каждым днём. Погибают все. Богачи и бедняки, старики и женщины, мужчины и молодёжь, грудные дети... Все они провинились тем, что родились в еврейской нации, приговорённой Гитлером к уничтожению.

Мир смотрит на это преступление, которое страшнее всего того, что видела история, и молчит. Резня миллионов беззащитных людей совершается среди всеобщего враждебного молчания. Молчат палачи, не похваляются тем, что делают. Не поднимают свои голоса ни Англия, ни Америка, молчит даже влиятельное международное еврейство, так некогда чуткое к каждой обиде в отношении своих. Молчат и поляки. Польские политические друзья евреев ограничиваются журналистскими заметками, польские противники евреев проявляют отсутствие интереса к чужому для них делу. Погибающие евреи окружены одними умывающими руки Пилатами.

Нельзя долее терпеть это молчание. Какими бы ни были его мотивы — оно бесчестно. Нельзя оставаться пассивным при виде преступления. Тот, кто молчит перед лицом убийства — становится пособником убийцы. Кто не осуждает — тот позволяет.

Поэтому поднимаем свой голос мы, католики-поляки. Наши чувства в отношении евреев не претерпели изменений. Мы не перестаём считать их политическими, экономическими и идейными врагами Польши. Более того, мы отдаём себе отчёт в том, что они ненавидят нас больше, чем немцев, что делают нас ответственными за свою беду. Почему, на каком основании — это остаётся тайной еврейской души, тем не менее, это непрестанно подтверждаемый факт. Осознание этих чувств, однако не освобождает нас от обязанности осуждения преступления.

Мы не хотим быть Пилатами. Мы не можем действием противостоять немецким преступлениям, мы не можем ничего сделать, никого спасти — однако мы протестуем из самой глубины сердец, охваченных состраданием, негодованием и ужасом. Этого протеста от нас требует Бог, Бог, который не дозволил убивать. Этого от нас требует христианская совесть. Каждое существо, именуемое человеком, имеет право на любовь ближнего. Кровь беззащитных взывает к Небу о мести. Кто вместе с нами не поддержит этот протест — тот не католик.

Мы протестуем в то же время и как поляки. Мы не верим в то, что Польша могла бы получить пользу от немецких зверств. Напротив. В упорном молчании международного еврейства, в усилиях немецкой пропаганды, уже сейчас старающейся переложить вину за резню евреев на литовцев и... поляков, мы чувствуем враждебную для нас акцию. В равной степени мы осознаём, сколь ядовит бывает посев преступления. Принудительное участие польской нации в кровавом зрелище, разыгрывающемся на польских землях, может легко взрастить невосприимчивость к чужой беде, садизму и прежде всего опасное убеждение в том, что можно безнаказанно убивать ближних своих. Кто не понимает этого, кто гордое, свободное прошлое Польши посмел бы соединить с нечестивой радостью при виде несчастья ближнего своего — тем самым не есть ни католик, ни поляк!".

Только вчитайтесь в эти строки — насколько тяжелым было положение, что вызывало сочувствие даже у недолюбливавших евреев, поляков и волну праведного гнева и протеста против такого бесправия.

И среди всего этого кошмара за стенами варшавского гетто, куда людей согнали насильно, отобрав у них все их средства и всё их имущество, где пищевые пайки обрекали на голодную смерть, откуда людей тысячами увозили на смерть, где непокоренный народ продолжал бороться, создавая подпольные пекарни, организовывая побег и вооруженные восстания, нашлось место для той прекрасной истории, что узнала Ева из записок Ханны — то, что человечество обязано помнить и не имеет права забывать.

История о том, как шестнадцатилетняя девушка пряталась на чердаке у соседей, боясь лишней раз шелохнуться, еду ей приносили по возможности раз в сутки, нужду приходилось справлять тут же — в ведро, самим своим присутствием подвергая огромной опасности соседскую семью, рискнувшую своими жизнями из уважения отцу девушки, спасшему их сына от пневмонии.

Как она своими глазами видела, как уводят на отправку в лагерь Треблинка её родителей и знакомых.

Как потом той же дорогой смерти отправили воспитанников детского дома вместе с

директором, позже — семьи еврейских полицейских. Людей загоняли на погрузочную платформу. Пытавшиеся скрыться расстреливались.

Как дрожали колени, когда впервые увидела ЕГО — выглядевшего нелепо и забавно в своих очках, со светлыми волосами цвета спелых колосьев пшеницы, напоминавшего, скорее, заучку-гимназиста, которому совершенно не шла его форма, и автомат в его руках был абсолютно неуместным.

А он понял, что не сможет выстрелить в неё — с огромными глазами цвета изумруда, что казались ещё больше на исхудавшем и бледном лице, её — с такими тоненькими ручками и ножками, от чего она казалась гораздо младше своих лет. Вместо этого он протянул ей плитку шоколада из своего пайка.

С тех пор он иногда приходил и приносил ей и соседскому мальчику то небольшое съестное, что мог достать, не вызывая подозрений.

Потом он узнал, что людей отправляют даже не в трудовые лагеря, а в лагерь смерти...

Он не отправит её на смерть, и другим не позволит.

Но, она не захотела спасения, пока не поможет своим соплеменникам — по поддельным документам, которые ему удалось для неё раздобыть, она поступила в распоряжение Ирены Сендлеровой, которая, будучи сотрудницей варшавского Управления здравоохранения и активисткой подпольного движения Сопротивления, часто посещала Варшавское гетто, ухаживая за больными детьми. Под этим прикрытием она и её товарищи вывезли из гетто две с половиной тысячи детей, которые затем были переданы в польские детские дома, частные семьи и монастыри.

Младенцам давали снотворное, помещали в маленькие коробки с дырками, чтобы те не задохнулись, и вывозили в машинах, доставляющих в лагерь дезинфекционные средства. Часть детей выводили через подвалы домов, непосредственно прилегавших к гетто, выносили в мешках, корзинах, картонных коробках. Младенцев прятали в ящиках из-под

инструментов, детей постарше — под брезентом в кузове грузовика, где сидела собака, специально обученная лаять, когда машину впускали в гетто или выпускали из него, и её лай заглушал детский плач.

Данные всех спасённых детей записывались на узкие полоски тонкой бумаги и прятались в стеклянную бутылку, которую закапывали в саду под яблоней, чтобы после войны разыскать родственников детей.

И каждый раз — под страхом смерти, но эти люди уже не боялись за собственные жизни.

Сама Ирена была арестована по анонимному доносу. После пыток её приговорили к смерти, но её спасли охранники, сопровождавшие её к месту казни. В официальных бумагах она была объявлена казнённой, и до конца войны скрывалась, продолжая помогать еврейским детям.

После войны, раскопав свой тайник с данными о спасённых детях, Сендлерова передала их председателю Центрального комитета польских евреев, и с его помощью сотрудники этого комитета разыскали детей и передали родственникам. Сирот поместили в еврейские детские дома, позже большинство из них переправили в Палестину, и в конце концов — в Израиль.

Она смогла посетить Израиль лишь после падения коммунистического режима и смены правительства в Польше.

За свой героизм, проявленный в годы оккупации, она была награждена многими почетными званиями и умерла в своей квартире Варшаве в 2008 году.

Стоял май 1943 года — в самом гетто назревало восстание, дольше ждать было нельзя, они сделали всё, что было в их силах, и теперь пришло время спасти свои жизни — в последней партии тайно вывозимых людей была и Ханна.

И — их последняя ночь перед побегом, именно последняя — больше им не суждено будет увидеться...

У них мало было времени для душевных бесед, но, она узнала, что там — дома, в Баварии, у него была семья, отца и двоих братьев тоже забрали на войну, а он до войны был студентом — хотел стать математиком, как его отец.

Он обещал, что обязательно найдет её, обязательно, а пока он не может бежать, иначе — вся их затея провалится.

А после того, что она узнала уже на американском континенте, проходя медицинский осмотр при поступлении на работу на текстильную фабрику, эти воспоминания останутся с

ней навсегда в облике её сына.

Она так и не вышла замуж, всё ожидая своего Томаша, и посвятила свою жизнь сыну.

Откуда ей было знать, что его жизнь оборвется на следующий день одним выстрелом в голову, когда будет раскрыт их заговор, не увидит его лежащим в кабинете командира с аккуратным круглым отверстием посередине лба, из которого сочилась кровь, а рядом лежали его разбитые очки, но, он уже ничего не боялся, прогнав страх, вспоминая её зеленые глаза — всё это она узнает гораздо позже, когда будет искать его.

Ханна пыталась разыскать его семью, семью Томаша, как она называла его на польский манер — узнала она совсем не много: и глава семьи, и сыновья погибли на фронтах, а материнское сердце не выдержало такого удара, и женщина скончалась от сердечного приступа — всё, что могла она для них сделать, так это — отдать последнюю дань памяти, возложив цветы на её могилу.

Такая страшная ирония — война была в обе стороны, безжалостным серпом калеча и немецкие семьи.

Точно, какая-то неведомая сила заставила остановиться, когда они проходили улочками старого города мимо Воинского кладбища Повонзки...

Большинство источников дают различную информацию, и достоверной даты его основания не существует. Тем не менее, в столице, да и во всей Польше, трудно найти кладбище, где покоится такое количество великих людей.

Непосредственно к кладбищу общественный транспорт не подходит, поэтому сюда удобнее приехать с экскурсией. Но и пешая прогулка будет хорошим выбором, вокруг — старые кварталы города, которые тоже интересны туристу — особенно таким любознательным туристам, как наши.

Польскую нацию из других европейских выделяет одна черта: поляки много внимания уделяют смерти, страданиям и памяти о них, и это лишний раз подчёркивает даже то, что музыка Шопена является широко используемой в погребальных процедурах.

Польские кладбища — быть может, самые красивые в Европе.

Дополнительным стимулом к посещению может стать список выдающихся личностей польской истории, нашедших свой последний приют на Повонзках., а вокруг него можно даже увидеть на тротуарах непонятную, на первый взгляд, разметку, предназначенную для построения воинских караулов.

Именно здесь же расположена и могила Владислава Шпильмана — композитора и одного из лучших пианистов Польши тридцатых годов прошлого века, история о жизни которого весьма достоверно представлена в трижды оscarоносном фильме "Пианист" с Эдрианом Броуди в роли Владека.

Хотя в Варшаве очень интенсивное движение, но обильная растительность и каменные заборы скрадывают шум, и при прогулке по аллеям кладбища Повонзки создаётся впечатление уединённости.

— Ханна... Ханна... — среди шелеста листвы еле различимым был этот зов...

Ева остановилась, дернув за руку Питера, и замерла на месте, обернувшись — у братской могилы позади них стоял молодой мужчина, светловолосый, сероглазый, в разодранной и перепачканной старой военной форме, с багрово-синюшными кровоподтеками на избитом лице.

— Кто... вы? — девушка смотрела, и не могла понять, почему он ей кажется знакомым. Откуда она может его знать?

— Ты пришла за мной, Ханна... — упрямо повторял он, — Забери меня с собой прошу...

— Простите, вы, наверно, ошиблись, — девушка напрягла зрение, пытаясь отгадать это неуловимое ощущение чего-то знакомого, — Меня зовут Ева. Ханной звали мою прабабушку... Она умерла много лет назад. Вы знали её? Кто вы?

— Умерла... Так, ты — не она... Но, ты так похожа на неё... — он подошел ближе, рассматривая её, протянул руку, пытаясь дотронуться до неё, потом убрал руку и отступил, посмотрев взглядом, полным боли, — Значит, она не придет ко мне... Как жаль... Томаш столько лет ждал здесь в надежде на то, что она вернется... Но, она не придет... Значит, если, ты её правнучка, то, у неё были дети?

— Быть того не может! — только теперь Евангелина догадалась, кто стоит перед ней, — Томаш... Конечно! — и снова перед глазами живо предстали, описанные в дневнике Ханны события, и от этого бросило в жар, голова пошла кругом, и ноги чуть не подкосились, — Так вот какой твой Томаш... Вот кого я благодарить должна — за тебя, за дедушку... за отца, за себя, и за всех тех, кто смог спастись вместе с тобой. Да, Ханна?

— Что ты такое говоришь? — он смотрел на неё, не понимая, в чем же здесь подвох, — Меня благодаришь?

— Полтора года назад умер мой дедушка Анжей — ваш сын, — произнесла она дрожащим голосом.

— Что? Мой... кто? — он посмотрел сначала на свои руки: синяки стали исчезать с его тела и лица, и обноски, что были на нем, сменились белым одеянием, — Что это? Что со мной происходит?!

— Томаш! Томаш... — и был это голос Ханны, стояла она, такая же рыжеволосая и зеленоглазая, как и Ева, в таком же белом облачении, за одну руку она держала маленького мальчика, вторую протянула ему, — *Moż drogi! Kochanek!* (Мой дорогой! Любимый! Пол.) Иди к нам, мы с Андрусем очень скучали за тобой. Томаш, теперь ты свободен! — он несмело протянул в ответ ей свою ладонь.

— Ханна! Ты ли это? — девушка протерла глаза трясущимися руками, — Ой, а дедушка, дедушка-то! Господи, да он же ребенок — никогда не могла себе представить дедушку — мальчиком, в детстве мне казалось, что он таким и родился — седым, с бородой, с морщинами в уголках глаз и рта, иногда без злости ворчащим на нас с родителями, — Ева обняла себя руками, растирая плечи и улыбнулась сквозь слезы, — Прощайте, Томаш! Не бойтесь — идите с ними.

— Прощай, моя Ева, будь счастлива, моя дорогая, — Ханна послала воздушный поцелуй, и пространство изменилось вдруг, и шагнули они, держась за руки, на бескрайние зеленые поля, залитые солнечным светом, где не будет больше ни горя, ни слез, ни ужасов войны, где они навсегда будут вместе...

— Теперь он идет в лучший мир, да обретет его душа желанный покой, — Ева

раскинула руки, и над кладбищем стали собираться серые тучи, — Плачьте же, плачьте, Небеса Польские! Скорбите вместе со мной! Скорбите обо всех, упокоившихся на этом кладбище! — и капли дождя стекали по лицу, смешиваясь со слезами, а в темных небесах сверкнула молния, — Господь — Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться: он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благодать и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни... — остальные молча стояли, всё ещё не придя в себя от того, чему свидетелями они стали, и белые розы на могильной плите стали алыми, впитав кровь, пролитую на этой земле, и слышны стали в воздухе звуки полонеза Михала Огинского — польского композитора — любителя, дипломата и политического деятеля Речи Посполитой, автора знаменитого полонеза "Прощание с Родиной", более известного как "Полонез Огинского"- в том смысле, что он его написал — в год последнего раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией, после которого Польша на двести с лишним лет исчезла с карты мира, останки которого находятся в костеле Санта Кроче во Флоренции, в пантеоне, где покоятся Микеланджело, Макиавелли, Галилей...

Боже, храни мой край от бед, и невзгод храни.

Не дай позабыть мне, не дай,
Куда мы идем и откуда шли.
И от сохи и от земли,
И от лугов и от реки,
И от лесов и от дубрав,
И от цветущих спелых трав,
К своим корням вернуться должны.
К спасению души обязаны вернуться...
"Полонез"

Предположительно, рядом исследователей ему приписывают и авторство музыки польского гимна "Марш Домбровского" или "Песнь польских легионеров".

— Идем, дорогая, нам уже пора, — Питер обнял Евангелину, укрыв её своей курткой, — Нужно где-нибудь переждать дождь.

— Ох, простите! — девушка подкатила глаза, и тучи рассеялись, и солнце ласковым лучом прошлось по щеке.

Но, если, всё же, во время прогулки пойдёт дождь — то не стоит сильно беспокоиться. И даже в этом случае в восхитительной Варшаве можно найти прибежище — совершить незабываемое путешествие, погрузившись в сказочный мир подводных глубин, надев

специальные очки и устроившись поудобнее в кресле трехмерного кинотеатра. И радости детишек не было предела, да и сами ребята хоть немного пришли в себя после случившегося на кладбище.

Было бы у них больше времени, они непременно посетили бы один из кукольных театров, чтобы развлечь детишек, но и без этого, в столице хватает мест для активного отдыха молодежи, как, например, кегельбаны, где есть специальные дорожки для детей — они всегда пользуются популярностью — и счастливые лица Алишера и Розалинды были тому неоспоримым доказательством. В столичных предместьях находится множество школ верховой езды, где можно совершить на конную прогулку. Обожающие лошадей Джастина, Питер, Марк и Джон с Алишером не преминули воспользоваться такой возможностью сделать несколько кругов по ипподрому, остальные же предпочли понаблюдать с трибун. И всегда для посетителей открыты двери многочисленных бассейнов, предлагающих к услугам маленьких посетителей водные горки, гейзеры, джакузи, искусственные реки и лягушатники для совсем малышей. К своему, не скрываемому, разочарованию, маленькая Аделька, оказалось, боялась воды и ни как не могла подавить в себе этот страх, от чего просто беспомощно злилась на саму себя. Когда же Марк пообещал научить её плавать, то девочка сразу повеселела и распрощалась с угрюмым выражением лица — дело потихоньку сдвинулось с мертвой точки.

А после всех этих волнений, к этому времени уже успевшие изрядно проголодаться, друзья вернулись в Старый город поесть вкуснейшие сладости, отдохнуть на лавке под мелодию старой шарманки или полюбоваться выступлениями уличных артистов — и, надо признать, что после такого эмоционально насыщенного дня аппетит разыгрался у всех просто зверский, и единственным спасением было — перекусить что-нибудь вкусненькое, желательное, характеризующее национальный польский дух.

Для ужина после насыщенной программы "Все достопримечательности Варшавы за двадцать четыре часа" и место было избрано особенное — на шумевший ресторан "Бельведер" в Новой оранжерее в парке Лазенки, воспользовавшись удобным случаем познакомиться с национальной кухней, которая в отличие от кухни французской, например, (что, к слову сказать, представляет из себя далеко не только — луковый суп, лягушачьи лапки и круассаны, знаменитые соусы, сыры и вина, а для которой процесс приготовления блюда сродни созданию произведения искусства — ни одна национальная кухня не превзошла французскую в оригинальности и изысканности (за исключением, разве что, кухни китайской), привнося в повседневную кухню настоящую роскошь) ближе к кухням восточной Европы — русской, украинской и белорусской, и более понятна нам, и отведать распространенный суп — "Холодник", напоминающий борщ из-за своего яркого свекольного

цвета, но более походивший на окрошку на свекольном квасе или попробовать грибы, обилие которых в лесах делает их частыми гостями на польской кухне. Интересно им было узнать, в частности, что польские "пироги" — это совсем не пироги, а очень даже вареники, с бесконечным разнообразием начинок — с мясом, кислой капустой, с грибами или картошкой, вареные или жареные, но одинаково вкусны в любом виде. Бывают они и сладкими: с вишнями, яблоками и другими фруктами или даже шоколадом! Кому что по душе. Также поляки любят капустные голубцы, считающиеся национальным блюдом — с начинкой из фарша и риса, тушеные в слабом томатном соусе.

Марку невольно вспомнился вкус голубцов, что когда-то довелось попробовать, и те самые вареники с вишнями, что так мастерски готовила в приюте Полина Аркадьевна, вкуснее которых, он, кажется, ничего и не пробовал — уже совсем скоро он сможет снова увидеть её и познакомить со своим отцом и своими друзьями.

А на сладкое можно выбрать один из национальных десертов: печенье с джемом — самый известный из них, рассыпчатые песочные печенюшки, свернутые конвертиком, с радостно-ярким вареньем или джемом, или нежным творожком. А мазурка или мазурек — это не только танец, как можно подумать, а пирог из песочного теста, с начинкой из фруктового джема и слегка присыпанный сахарной пудрой — главный символ польской рождественской сказки. И, конечно же, польская бабка! Среди ингредиентов которой присутствуют водка, изюм, цукаты и сушеные вишни. В последнее время все большую популярность приобретают творожные и шоколадные бабки. Интересно, какую бабку хотелось бы попробовать вам?

Невозможно заканчивать на такой ноте. Хочется писать и писать, да что писать, хочется пробовать, пробовать... А вам? Чем, собственно говоря, и занялись наши герои в этом, одном из лучших ресторанов.

После плотного ужина пришло время выплеснуть свои эмоции! А где это можно сделать? Молодость, всё же взяла верх над переживаниями прошедшего дня.

Ночная жизнь в Варшаве довольно насыщенная, и наши герои отправились на Площадь Трех Крестов, известную своими барами, где можно как следует зарядиться перед вечеринкой, и у каждого из них — своя атмосфера.

Утомленные этой длительной, но такой поразительно интересной, увлекательной и познавательной прогулкой по польской столице, друзья вернулись в отель, чтобы хоть немного отдохнуть перед очередным перелетом.

Как жаль, что им отведено было так мало времени на посещение Варшавы, но, они ещё обязательно вернутся сюда.

После непродолжительного сна, их утром снова ждал самолет: следующая остановка — Украина.

Просто дух захватывающее ощущение — до чего же дошел прогресс человечества: ещё вчера они были в Париже, сегодня они гуляли по Варшаве, а уже завтра их ждет Львов.

Марк смотрел в окно иллюминатора, вцепившись побелевшими пальцами в поручни кресла — что ждет его? Прошло уже десять лет, как он покинул сначала Львов, а потом — и Украину... Как встретит его родная земля?

Отец ободряюще похлопал его по плечу, и стало немного спокойнее — он должен найти в себе силы посмотреть в лицо призракам прошлого, теперь, когда он не одинок, когда ощущает поддержку друзей и отца, сделать это будет намного легче.

09. Небеса Европы — Made in Ukraine

Наконец, Марк вместе с друзьями сошли по трапу в полностью заново реконструированном международном аэропорту Львова имени Даниила Галицкого — легендарного основателя города.

— Я видел блеск Джайпура и красоты Парижа, но для меня этот город — самый лучший на земле — без обид, хорошо? — мягко улыбнулся парень.

— Какие могут быть обиды? — ободряюще похлопала его по плечу Даниэлла, — Это — твой родной город, — Маргарита ласково кивнула, сильнее прикинув к мужу, даже практически всегда серьёзный Джек не удержался от легкой поощряющей улыбки.

— Тогда посмотрим, повезло ли нам, — Марк стал смотреть по сторонам, — работает ли ещё один мой знакомый водитель микроавтобуса. Он, обычно, возит экскурсии, но нас всё равно много для такси. Вот, если бы он был сейчас свободен, — вдруг, на стоянке он заметил автобус со знакомыми номерами, — Ой, да это же он! Подождите, я сейчас, — он торопливо бросился искать водителя, — Дядьку Степане! Вітаю! (Дядя Степан! Здравствуйте! Укр.)

— Святой Боже! Марку, чи це ти, хлопче?(Святой Боже! Марк, ты ли это, мальчик? Укр.) — потрясенно всплеснул рукам седовласый поджарый дедок с лихими казацкими усами, в задумчивости покрутив пальцами эти самые усы, — Як виріс, як змінився. (Как вырос, как изменился. Укр.)

— Так, я це, я, (Да, это я. Укр.) — парень покрутился, давая старику себя рассмотреть, — Дядьку Степане, а чи не підвезете нас? (Дядя Степан, не повезете нас? Укр.)

— То, ці всі із тобою, юначе? (Так, это все с тобой, юноша? Укр.) — уточнил он, улыбаясь, когда Марк указал рукой на компанию, — Добре, сідайте, підвеземо. (Хорошо, садитесь, подвезем. Укр.)

— Так, зі мною, (Да, со мной. Укр.) — положительно кивнул юноша, — Эй, ребята, садитесь, нас повезут, — махнул он им, приглашая занять места в транспортном средстве, — Папа познакомяся, это Степан — он спас мне жизнь от беспризорной шпаны, — познакомил он мужчину со своими спутниками, — Это мой отец, — не без гордости представил он Льва Витриченко, — мой родной отец.

— Куди їдемо, синку? (Куда едем, сынок? Укр.) — водитель закурил в ожидании, пока загрузили вещи и все расселись по салону.

— Додому, дядьку Стеше. До дому... (Домой, дядь Стеш. Домой... Укр.) — в его глазах заиграл особенный, теплый свет, — Соломії Крушельницької, будинок двадцять три (Соломеи Крушельницкой, дом двадцать три. Укр.), — Марк опустил стекло и вдыхал аромат, который кружил голову, терзал и будоражил душу — десять лет он не ходил по этим улицам, он протёр глаза и обернулся — он уже больше не будет одиноким в этом городе, с ним теперь друзья, и даже дышится сейчас этим воздухом совсем по-другому.

Имя Соломеи Крушельницкой, украинской оперной певицы и педагога, в своё время известное далеко за пределами родной Украины, носит теперь Львовский театр оперы и балета, не уступающий по красоте операм Одессы и Вены.

— А известно ли вам, милая барышня, — обратился Лев к Маргарите, — что в истории Львова было время, когда город превратили в Париж во время съёмок экранизации по

роману Александра Дюма-отца "Три мушкетёра"? Мне тогда было лет пять или около того — помню, как мы, совсем мальчишки, восторженно наблюдали, как четверка лихих красавцев-мушкетеров разъезжает верхом по этим мостовым — в это трудно поверить, но, я до сих пор всё так отчетливо помню. Это так невероятно — вернуться сюда спустя столько лет. Если будет работать WI-FI, то можно попробовать найти в интернете — с субтитрами или дублированный на английский язык, вам должно понравиться.

— О! Как интересно, — восторженно воскликнула Маргарита и спросила, — А вы расскажете ещё о вашем городе?

— Нам всем было бы интересно, — добавила блондинка, и друзья кивнули, подтверждая её слова.

И кто мог сделать это лучше него, коренного львовянина и почти тезки своего города? И Витриченко-старший начал свой рассказ, насколько помнил сам...

Основанный ещё в далеком тринадцатом веке, Львов, Сердце Галиции и Западной Украины — город невероятно привлекательный и завораживающий своей красотой, славной историей и множеством значимых архитектурных памятников не только в масштабе Украины, но и всей Европы. Многонациональный и мультикультурный, первый из городов Украины, который им довелось посетить — страны уникальной по своей культуре, древним традициям, культурному и национальному разнообразию, богатству природных ресурсов её земли и богатству души её жителей. Страны, открытие которой поможет им лучше понять своего друга Марка и его отца.

Одновременно строгий и величественный, древний и такой молодой, Львов часто сравнивают с Парижем и Веной, одни только характеризующие его эпитеты чего стоят: "Город Льва", "Королевский город", "Жемчужина короны Европы", "Город-музей", "маленький Париж", "маленькая Вена", "украинский Пьемонт". Город тайн и легенд, окутанный флером романтических и героических сказаний с запахом свежемолотых кофейных зерен и ароматом сдобной выпечки, готовый поделиться своими мифами и притчами и нашептать на ухо волшебную историю всякому, кто готов прислушаться и услышать. Из года в год город меняется, но остается верен себе, сохраняя неповторимое очарование старины. Львов не только связал север страны с югом и запад — с востоком, не только открыл Украину для Европы, а Европу — для Украины, объединив в создании этого удивительного города лучших зодчих, скульпторов и художников разных народов: поляков, немцев, чехов, австрийцев, русских, украинцев и евреев, взаимно обогащавших и дополнявших друг друга.

На гербе города в лазоревом щите стоят золотые каменные ворота с тремя башенками, завершающимися тремя зубцами и имеющими по одной бойнице, а в воротах горделиво и величественно шествует золотой лев — символ и защитник Львова.

Самая распространенная из версий об основании города рассказывает нам о короле

Данииле, князе Галицком, назвавшем основанный им город в честь своего сына — Льва. Согласно другой версии, уже сам Лев основал город, который на протяжении всей своей истории ни разу не переименовывался.

Выгодное расположение на труднодоступной, отвесной возвышенности с источниками чистой и пресной родниковой воды помогало славному князю граду успешно выдерживать многочисленные вражеские нападения и осады, а благодаря выгодному пересечению торговых путей город стремительно развивался, а дарование ему Магдебургского права послужило толчком к ещё большему его развитию. С основания коллегиума монахами-иезуитами берет своё начало история Львова, как центра науки и просвещения, а сам коллегиум был преобразован во Львовский университет, одним из самых известных воспитанников которого стал Богдан Хмельницкий.

Постоянная борьба с захватчиками дала городу девиз "Semper fidelis", в переводе означающий "Всегда верен!". В разные времена город осаждали: украинские казаки во главе с Богданом Хмельницким, шведская армия, армия трансильванского князя Ракоци I, войска Османской империи под командованием Мехмеда IV, город атаковали турки и крымские татары, но он продолжал героически держать оборону.

Любопытный факт, что город, заслуживший наивысшую польскую военную награду — орден "За мужество" за героическую оборону от сил Красной Армии в Советско-Польскую войну, позже стал частью Советского Союза, по тайному протоколу соглашения между Германией и Советским Союзом, а его жители проявили невероятные чудеса героизма в годы Второй мировой.

После войны общесоюзный бюджет выделил на восстановление и развитие городского хозяйства и культуры огромную по тем временам сумму, направляя лучших специалистов и доставляя оборудование, транспорт, стройматериалы со всех концов необъятного Советского союза. Город значительно вырос и продолжил своё развитие в науке, продолжая оставаться важным культурным центром, где в многочисленных университетах, библиотеках, театрах и галереях работали многие известные ученые, писатели, композиторы, художники, архитекторы и журналисты.

После распада такого мощного державного гиганта, как Советский союз на ряд независимых государств, Львов приобретает значение форпоста националистических

перемен в Украине.

"Настоящим львовянам" присуща особая львовская идентичность, принятие своими определенных жизненных ориентиров и следование определённым образцам поведения и ценностей. Жителям Львова часто приходится сталкиваться со стереотипным приписыванием им признаков национализма просто потому, что они именно из этого города.

— Дякую, дядьку Стеше! (Благодарю, дядя Степан! Укр.) — когда остановились у заветного дома, Марк сердечно поблагодарил старика и договорился с ним, что послезавтра тот отвезет их в приют, в котором он провел первые семь лет своей жизни — до сих пор он ощущал странное притяжение к этому месту.

— Це відтепер належить тобі (Это теперь принадлежит тебе. Укр.), — отец протянул ему ключ от дома, — Тримай, сину. Відчиняй. (Возьми, сын. Открывай. Укр.)

Юноша, преодолевая волнение, взял из рук отца ключ, вставил его, и провернул в замочной скважине:

— Пані та панове, дозвольте привітати вас на землі Українській! (Дамы и господа, разрешите приветствовать вас на земле Украинской! Укр.) — он повернулся к друзьям, широко улыбнувшись.

— Ой! Да это настоящий музей! — и невозможно было не поразиться, с каким вкусом были обставлены апартаменты, — А ты у нас прямо богатенький Буратино, — ребята продолжали заворуженно смотреть по сторонам, изучая детали интерьера.

— Це мати так хотіла (Это мама так хотела. Укр.), — пояснил отец Марка, — Це вона тут все зробила. (Это она тут всё сделала. Укр.)

Марк сразу же открыл настежь все окна, направился на балкон и вышел к самым его перилам, опершись на них и вдохнув полной грудью воздух родного города.

Но, на третий этаж особняка он всё не решался подняться — там так и осталась не до конца оборудованная та комната, что предназначалась ему... В ней так и остались стоять детская кроватка с висящей над ней погремушкой, столик для пеленания, детский шкафчик, манеж, и заполненный детскими игрушками сундучок, выполненный в стиле настоящего пиратского сундука с настоящим замком. Боже, как же это нелепо смотрелось сейчас! Ещё одно безжалостное напоминание о том, что у него могла быть другая жизнь...

А на столике в рамке стояла свадебная фотография его родителей... Он взял её, долго смотрел, крепко сжав в руках, и в груди нестерпимо закололо. Марк медленно осел по стене, и просидел так несколько минут, вцепившись руками в колени, пока не поднялся с огромным трудом на ноги. Рядом с фоторамкой лежала маленькая золотая серьга в виде простого кольца.

— Прости, сын, — и в самом воздухе витало гнетущее чувство вины, — Мне не хватило духу вернуться сюда. Тут всё осталось таким, каким было семнадцать лет назад... Ты хочешь забрать эти вещи? Фотографию и серьгу? Руслана потеряла одну серьгу, а из второй мы хотели заказать крестик тебе на крещение...

— Да, если можно, то я хотел бы забрать их, — кивнул парень.

— Конечно, ты волен поступить, как считаешь нужным, — Лев Витриченко понимал, что сын абсолютно прав.

— Это просто невероятно! Столько времени прошло, а в доме такая чистота и порядок. — на пороге комнаты появилась улыбающаяся Даниэлла.

— Да, это так, — улыбнулся Лев, — Каждую неделю приходит экономка — я каждый месяц пересылаю ей оплату за её труды.

— Тогда понятно, — понимающе улыбнулась златовласая.

— Ребята, вы пока принимайте ванную и располагайтесь, а мы с отцом выйдем в магазин, купим еды, — юноша переглянулся с отцом, — Мы же хоть как-то знаем город.

— Спасибо, Марк, — Дэни слегка ущипнула его за щеку.

— А, вот вы где? — в комнату вбежала Аделька, а следом за ней вошла Маргарита.

— Проходите, мы тут, — Марк сделал приглашающий жест.

— Какая красота! — девочка бросилась к столу, на котором стояли уменьшенная модель железной дороги, заводной мороженщик и заяц-барабанщик, несколько моделей планеров и парусников, — А это что — модель железной дороги? И она действующая?

— Надеюсь, что да, — пожал плечами парень, — Там, в сундучке ещё много всего — можете взять себе, что понравится, — он указал на стоящий в углу сундук.

— Ну, я бы на твоём месте повременила так раздавать всё, — хитро сощурилась Марго, — Это может пригодится тебе, когда у тебя будут собственные дети, — Али, Роза, идите к нам, у нас столько интересного, — девушка крикнула на первый этаж.

— Ну, до этого ещё далеко, — отмахнулся Марк.

— Ты как, в норме? — тихо спросил Джон, когда остальные поднялись в комнату и принялись с упоением разглядывать всё вокруг, на что тот глубоко вздохнул и кивнул, сию секунду сдержав улыбку — ему хотелось и зарыдать, и рассмеяться в одно и то же время — и не ясно пока — чего больше, но, дети уже увели Джона рассматривать игрушки.

— Прости меня, Марк, — и Витриченко-старший понимал, что сколько бы раз он не просил прощения, всё равно этого будет недостаточно, — Знаю, что это будет сложно, но, ты постарайся. Я, действительно, сожалею о том, что сделал и не сделал... Поверь мне.

— Папа, я хочу посетить могилу матери, — напомнил он уже в прихожей, накидывая джинсовую куртку.

— Конечно, — и отец ни сколько не возражал тому, — как скажешь. Завтра, прямо с утра и сходим.

В теплой компании даже ужин из спагетти и курицы карри показался вкуснейшим из лакомств, а после него, утомленные перелетами и суточной прогулкой по польской столице, ребята крепко уснули, чтобы проснуться уже завтра ближе к полудню.

А тем временем, как и было уговорено, Марк с отцом отправились посетить Лычаковское кладбище, которое в настоящее время уже не просто некрополь, а

полноценный музей под открытым небом, мемориал и заповедник, с момента основания в шестнадцатом веке — одно из старейших кладбищ Украины, основную историческую которого сами возведенные на века монументальные родовые склепы, надгробные памятники и композиции невероятной красоты, из века в век охраняющие память предков, самим своим существованием доказывая, что кладбище, может быть не просто мрачным и унылым местом, куда вас отвезут в конце жизни, это место может быть и музеем или скорее уютным парком — язык даже не поворачивается назвать это место кладбищем.

Обрести там покой могли только наиболее богатые жители Львова. Родственники же, провожая близких и родных им людей в последний путь, явно не скупилась для выражения своей любви нанимать для выполнения работ самых известных скульпторов.

Не менее известно оно и тем, что тут захоронено много интересных историй и легенд, связанных с известными людьми. Здесь обрели покой представители знатных австрийских, польских и украинских родов, и других национальностей и вероисповеданий. В этом месте вы найдёте памятники таким великим сынам и дочерям не только украинского и польского народов, как — поэт Иван Франко и та самая известная украинская оперная певица — Соломея Крушельницкая, о которой мы уже упомянули, и многим другим.

Гуляя между скульптурами, кажется, что ты попал в потусторонний мир, и по неволе начинаешь верить в вечную жизнь, где всегда так светло, спокойно и умиротворенно. Больше всего тут скульптур в виде плакальщиц, символизирующих неувядающую любовь, бесконечную тоску и скорбь по ушедшему человеку, и ангелов — как символа чистоты души и надежды на счастливую жизнь в бесконечных райских садах.

По сей день здесь хоронят известных и достойных этого места людей.

Пройдя по поросшим травой аллеям, они остановились возле прекрасной мраморной девы, выполненной по эскизу Льва Витриченко, и поставленной через год после смерти его горячо любимой супруги.

— Мама, — парень присел и вложил букет цветов в её мраморную руку — теперь навсегда её облачение останется в мраморе, — Мама... Мамочка... — только теперь, наедине с отцом, он смог дать волю слезам, — Мне так тебя не хватает...

— Мне тоже её не хватает, — его отец присел рядом и обнял сына.

Когда Марк с отцом вернулись, ребята уже проснулись, успели привести себя в порядок и позавтракать, а по дому уже распространилось благоухание ароматного кофе и горячих ватрушек с изюмом.

В ход снова пошла джинсовая одежда — джинсы или джинсовые комбинезоны и хлопковые рубашки и футболки. Кто бы мог подумать, что когда-то эта ткань, главным образом, шла на корабельные паруса.

Прогулку по культурной столице западной Украины хорошо было открыть поисками легендарных ресторанов национальной кухни — самых интересных мест Львова. И начать свое путешествие с их посещения — лучше и не придумаешь. И они ни разу не пожалеют, что не отказали себе в таком удовольствии насладиться украинским колоритом и необычным оформлением — и два-три часа могут промелькнуть здесь совершенно незаметно.

После приятного времяпровождения в красочном ресторане, прежде всего, стоило зайти в туристический информационный центр и попросить бесплатную карту города. Вооружившись ею, теперь смело можно отправляться на экскурсию по центру Львова. Марк и его отец настолько давно не были в родном городе, что не могли уже оказать друзьям полноценную помощь в качестве гидов.

И первая из достопримечательностей, которую невозможно не заметить — костел, в котором удивительным образом сочетаются архитектурные черты минувших эпох, и очень жаль, что ни один из мастеров-строителей так и не увидел своего труда до конца — настолько долго строился собор.

Путешествуя дальше по улице Театральной, за отелем "Леополис", носящим имя гордого города, можно видеть Музей природоведения, где находится один из самых старых в Европе механических лифтов, и несколько дальше — дом "Времен года" с, соответственно своему названию, образно украшенным аллегорическими изображениями времен года, фасадом.

Налево от маленького сквера — на небольшой площади у памятника первопечатнику Ивану Федорову находится базарчик букинистической литературы, где за символические

деньги здесь можно купить книги классиков мировой литературы, а самое главное, что страницы таких книг хранят ту неповторимую атмосферу львовских улочек и базаров.

И именно в этом городе находится ресторан, посвященный родоначальнику мазохизма, львовянину, писателю Леопольду Захер-Мазоху — для любителей острых ощущений.

К центральной городской площади Рынок путешественники вышли на самую интересную её сторону — восточную, сторону самых знаменитых каменных строений Львова: Дворца Бандинелли, Черной Каменицы, фасад которой успел сильно потемнеть со временем, и, конечно, Дворца Корнякта, сочетающие в себе самостоятельные памятники архитектуры с расположенными в них филиалами исторического музея.

А в самом центре рыночной площади стоит здание городской Ратуши, где и сейчас, как и в давние времена, в ее помещениях заседает городской совет Львова. Однако, столь официальный статус не помешает осмотру — вполне возможно пройтись по коридорам и выбраться на самую высшую точку, а если к тому же приложить усилия и преодолеть более четырёхсот деревянных ступенек — то со смотровой площадки вам откроется невероятная красота древнего города.

Взглянуть на панораму Львова с другой стороны с высоты четырёхста тринадцати метров над уровнем моря — можно в парке Высокий замок, ещё одной несравненной смотровой площадки, вид с которой на прекрасный Львов просто захватывает дух.

Компактный город очень удобен тем, что за десять — пятнадцать минут пешком по любому направлению из шумных улиц вы попадаете в уют вековых деревьев многочисленных парков и скверов.

И всё это время спутники Марка не успевали смотреть по сторонам, разглядывая достопримечательности, а Маргарита не выпускала из рук фотокамеру, пытаясь запечатлеть как можно больше, задавшись целью в полной мере оценить этот город, представлявший её родной Париж в советской экранизации любимого автора о похождениях бравых мушкетеров.

Для успевших проголодаться после длительной прогулки путешественников — вариации и разнообразие львовских кафе и ресторанов на самом деле впечатляют. Здесь, конечно, стоит выбрать свой особый национальный колорит. Для вареничных гурманов, к которым, к слову сказать, мы можем отнести и нашего Марка — прямая дорога за львовскими варениками — дешево и очень вкусно, куда юноша без особого труда уговорил своих друзей направиться. В зависимости от начинки, они приобретают совершенно разные вкусы: классические — с мясом, тыквой, капустой, или картошкой с грибами, фасолью, с гречнево-грибной начинкой или сладкие — с творогом и изюмом, с творогом и черной смородиной, с ванильным кремом и малиной, с клубникой или с красной смородиной, сливами, или вишнями — так любимые Марком.

И друзья вместе с ним оценили, вызывающий невероятный аппетит, вкус львовских вареников. Детям особенно понравились заказанные по его рекомендации — со сладким творогом и изюмом и с ягодами, а взрослые отметили вкус начинки из картофеля с грибами.

Можно ещё прогуляться по галереям и магазинам или, в качестве альтернативы — можно выбрать экскурсию на Лычаковское кладбище.

После долгих уговоров, Марк всё же согласился повторно посетить это место и снова ступить на эти аллеи — с друзьями, как говорится, легче и море переплыть, и пуд соли съесть. Нереальная и поистине мистическая умиротворяющая красота этого места завораживала, а каждая из скульптур могла бы рассказать волнующую душу историю — о жизни и смерти, о любви и прощении.

И в этот раз он, действительно, ощутил незримую поддержку друзей, стоя с ними рядом, рука об руку — сердце билось ровнее, ноги уже не так дрожали, и дышать было намного легче, когда с ними он разделил свою боль. Однако, на ночную экскурсию они не решились.

Проходя мимо заведения с вывеской "Салон краси — Перукарня"/"Салон красоты — Парикмахерская", они заметили объявление о покупке волос для изготовления париков — дорого. Марк заявил, что давно хотел подстричься, а при такой возможности останутся ещё деньги и на подарки для приютских детей. И ещё одно — он попросил проколоть ему левое

ухо и одел материну серьгу (*в первоначальном варианте произведения Марк носил серьгу в щеке). Пирсинг сегодня считается искусством, хобби, средством привлечения внимания, не рассматривая какое-то конструктивное и практически применимое его значение. Серьга же в ухе мужчин-казаков, к примеру, указывала роль и место казака в роду. В левом ухе носил серьгу единственный сын у одинокой матери. Серьгу в правом ухе носил последний в роду, где не было других наследников по мужской линии. Единственный ребенок своих родителей носил две серьги. Это украшение считалось не только оберегом, но и выполняло вполне практическую миссию — командир при равнении строя направо и налево четко видел, кого следует беречь в бою. Подстриженный, Марк выглядел намного моложе своих лет — так очаровательно и трогательно, и был похож на маленького умильного котенка с большими серыми глазами. Странный цвет его волос, мягко говоря, не вдохновил парикмахера, поэтому Марку было предложено изменить его на более естественный — светло-русый с платиновым мелированием — теперь он стал весьма симпатичным и привлекательным блондином. Если уж они в парикмахерской, то Маргарита пожелала сделать укладку волос плойкой и осталась очень довольна своим новым образом.

Недалеко от парикмахерской, в газетном киоске на обложке одного из глянцевого изданий они увидели фотографии с парижского показа — того самого, в котором участвовали Марк и девушки.

— Да ты настоящая знаменитость, приятель! (*Ещё один интересный факт — рост Марка 204 см, это и по современным меркам — для профессионального баскетбола) — присвистнул Этьен, парень же только слегка улыбнулся.

Рассмотрев культурный Львов со всех сторон и наевшись досыта в оригинальных львовских кафе, теперь настало время увидеть город Льва — ночной, приключенческий и мистический, отправившись в тур-экскурсию "Ночной дозор Львова". Вместе с бургомистром и "работниками ночной службы Львова" проверяя порядок в городе, узнать, не потерял ли бургомистр ключ, и что произойдет, когда пробьют часы на городской Ратуше, дополнив и без того насыщенную программу чаепитием, незабываемым файер-шоу, и получить памятные впечатления — весьма и весьма заманчивое предложение. Особое удовлетворение получают любители ночных фотосъемок. Львов в ночных огнях — это нечто невероятное, так что не поленитесь подготовить свои фотоаппараты — и потрясающие снимки вам будут обеспечены. Марк едва поспевал со своей фотокамерой.

Во время ночной поездки по Львову друзья услышали множество легенд о городских привидениях, загадочных и страшных событиях, мистических совпадениях, невероятных и леденящих душу приключениях, связанных с историей города и до сих пор хранящих его

загадки, и в завершении — были посвящены в почетные стражи Ночного дозора Львова.

А легенд у города Льва великое множество — и одна невероятнее другой.

В старину, когда аптекарское дело ещё только появилось в городе, собирая различные травы и минералы, первые фармацевты исследовали их свойства, чтобы понять, не навредит ли иное вещество, может ли оно лечить, для чего в большой круг, подвешенный на веревке к потолку, закладывали мензурки с различными жидкостями, порошками и травами, и начинали нагревать, охлаждать, разводить водой — и ещё по-всякому экспериментировали. И вот как-то однажды, поздно вечером, завершив все эксперименты, один молодой фармацевт вдруг вспомнил, что забыл в лаборатории шляпу. Когда он вернулся и открыл дверь, то увидел, что темная комната освещена теплым мягким светом — это светились мензурки с реактивами, оставленные им в лаборатории. Так были открыты фармацевтами люминофоры — вещества, которые светятся в темноте и сегодня используются при изготовлении красок, игрушек, бытовой техники, а круг с разноцветными мензурками и сейчас используется в интерьере как светильник.

Или, вот ещё одна: жил когда-то во Львове один профессор — известный ученый, который занимался философией, читал курсы петрографии, минералогии, исторической геологии. Студенты очень любили интересные лекции профессора Эмиля, ведь он был заядлым путешественником и всегда увлекательно рассказывал об Америке и Мексике и своих молодецких приключениях среди индейцев и золотоискателей. Состояние свое господин профессор нажил на мексиканских нефтяных месторождениях и вернувшись из заокеанских странствий, стал одним из самых богатых жителей. Его прекрасная вилла возвышалась над городом. С таким богатством, он потакал всем своим прихотям, вкушая каждый вечер в ресторациях заморские блюда, под кружку пива, весело рассказывая присутствующим истории об индейцах, кактусах и смешных капюшонах, которые носят мексиканцы, засиживаясь до рассветных петухов. Эмиля все любили, потому что, часто прекрасно угощая, взамен он ничего никогда не просил. Со временем он пристрастился к игре в карты, а везло ему не всегда, но из-за ощущения азарта он редко умел вовремя остановиться. Прошли года, и он уже едва напоминал того статного мужчину, каким был в лучшие свои годы, и задумался тогда Эмиль о своей жизни, и решил пойти к монаху. После разговора со священнослужителем, он столько размышлял, что аж голова его разболелась, и зашел он по дороге домой в аптеку за микстурой от головной боли. Было там до того величественно, все дышало наукой, а запахи трав были ощутимы даже на соседней улице, что ему так там понравилось — даже уходить не хотелось. Дома выпил он микстуру и улегся на диван, укрылся одеялом, глядя в одну точку — все ему не выходили слова монаха из

головы. Он вернулся и к науке, и к праведной жизни, а на склоне лет решил он на последние деньги заказать у мастеров куклу аптекаря и подарить ее облюбованной аптеке, чтобы та сидела на витрине — хотелось ему оставить после себя памятную вещь. И не зря — куклу в честь профессора львовяне ласково прозвали Милько. Сказывают, что если подойти к витрине поближе, то можно уловить, как Мильковыми глазами смотрит на мир душа профессора, до сих пор предпочитает приключений — таких, чтобы и польза из них была, и ей потеха. Дети же в ней пока видели просто смешную и умильную куклу — в очках и с бородой. Ну, чисто — Добрый Доктор Айболит.

На тему аптекарства удивительный город может поведать ещё одну увлекательную и романтическую историю: когда-то давно городом правил князь Лев Даниилович, сын самого Даниила Галицкого, и была у него жена Констанция — дочь венгерского короля. Князь Лев нежно любил свою жену, поддерживал ее и во всем ей помогал. Он возвел храм, в котором его молодая жена могла бы молиться а при храме был построен монастырь с больницей и первой во Львове аптекой, где Констанция вместе с монахами монастыря готовила лекарства. И сам князь Лев порой приходил помогать жене. Монахи, полные уважения к князю, который не только правил городом и княжеством, но и занимался аптечным делом, решили увековечить его и сделать скульптуру, которая символизировала князя-аптекаря — так и появился лев с аптечной ступкой. Поговаривают, что такой лев-аптекарь дома — хорошая примета: все ваши проблемы и недуги исчезнут, стертые в пыль.

А вот эту историю можно смело назвать "Львовские Ромео и Джульетта". Как-то привез итальянский купец Микелини из далекого Крита вино, часть товара заказал для себя украинский купец, у которого была юная дочь по имени Пелагия. И вот как увидел её итальянец, так с первого же взгляда и влюбился, и стал чаще обычного искать повод, чтобы заглянуть к ним, пока и девушка не ответила ему взаимностью. Тут Микелини и потерял всякое желание возвращаться домой. Молодые люди друг другу шептали нежные речи, а родители благосклонно наблюдали за ними, потому что итальянец пришелся им по душе. Но страшная беда пришла в город — чума, уже не раз собиравшая свою черную жатву по всей Европе. Бесплезны были молитвы и ежесуточные служения в церквях — люди умирали десятками, а то и сотнями. Мор не обошел и купеческой усадьбы. Пелагия заболела и слегла. По строгим предписаниям всех больных велено было выносить за пределы города и оставлять в саду, где за ними ухаживали монахи. Но Микелини не покинул возлюбленной и не отходил от нее — как умел, утешал, вселяя надежду на выздоровление. К сожалению, девушка была обречена. Микелини похоронил ее и через девять дней и сам слег. Умирая, он просил похоронить его рядом с девушкой, а на их могилах соорудить одинаковые надгробия. Так сделали. На обоих могилах поставлены надгробия, на которых выбиты по паре сердечек, связанных ветвью лавра. А внизу стихотворение львовского поэта Шимона Шимоновича:

Что любовь соединит,

И смерть не разлучит.

Или, вот ещё одна легенда. Вот уже несколько веков на старинной башне Костела отцов Бернардинцев отбивают время куранты — на пять минут раньше всех городских.

Как? — Удивитесь вы, несколько веков — не лет и не месяцев! — Часы торопились на целых пять минут и никто на это не обратил внимание? Как раз наоборот — ещё как обращали внимание, но — без тени возмущения. Наоборот — с благодарностью. И благодарность эта принадлежала тому безымянному монаху, который приставлен был к часам, чтобы следить на ними. Поднялся он как-то на башню да увидел, как татарская конница несется к Галицким вратам. Что было делать? Кричать? Но кто услышит с такой высоты? И тогда монах перевел большую стрелку часов на пять минут вперед — как раз на тот вечерний час, когда закрывались врата. Только раздался бой курантов, как ворота тотчас закрылись. И как раз вовремя — татары уже были под стенами. С тех пор в память об этом событии часы "Бернардин", как прозвали их львовяне, всегда спешили на пять минут.

А это — самая главная легенда — об основании города. Говорят, Львов, или как его еще называют Лемберг, своей атмосферой напоминает Прагу, Вену или Краков, город, в котором каждая улочка, каждый камешек бережно хранит свою легенду, готовый открыть свои тайны благодарным слушателям.

Древние летописи поведают нам, что город основал и назвал в честь своего сына Льва Даниловича князь Даниил Галицкий. Однако львовяне любят рассказывать другую романтическую легенду о происхождении своего города. Давным-давно на месте будущего Львова, у высоких гор ютились маленькие деревеньки. И вот однажды повадился задираť людей лев-людоед — одним ударом своей могучей лапы он оглушает своих жертв и съедает их в своей пещере. Паника охватила все села в округе — люди стали бояться ходить поодиночке. Но вот появился в этих краях храбрый рыцарь, который пообещал избавить народ от лютого хищника. Он попросил сковать ему меч и латы такой прочности, чтобы никакая сила не смогла сломать или согнуть их — весь день и всю ночь напролет работали сельские кузнецы, но тщетно. Прознал об этом некий странник, который заблудился и зашел подкрепиться в корчму возле кузницы. Сказал он, ведомо ему, как одолеть зверя. Пусть, говорит он, все юные девицы уколут иглами мизинцы и капнут по две-три капли своей крови в общий чан, куда нужно будет потом окунуть оружие и рыцарские латы. Крестьянки так и поступили, как посоветовал странник. Ни клыки, ни когти грозного льва ничего не смогли сделать с зачарованными доспехами. Тогда рыцарь отрубил волшебным мечом голову злому и кровожадному льву. С тех пор гору, где произошла эта история, и прозвали горой Льва, а город, выросший под горой — городом Львов.

Была эта история на самом деле, или это просто выдумки людей — неизвестно, а вот то, что Львов — город завораживающий всякого, кто хоть раз побывал здесь, это — неоспоримый факт. Улочки, брусчатка, Ратуша, уютные кафетерии — все это создает определенную, присущую только Львову, атмосферу.

Ночная жизнь во Львове столь же насыщена, как и история самого Львова, что с удовольствием оценили наши молодые путешественники в одном из популярных таких заведений, где весело провели вечер. Музыкальные колебания и лавина новых танцевальных хитов растворяют тело на танцполе, ведь ничего по-настоящему так не расслабляет, как хорошая музыка, эксклюзивный коктейль от бармена и приятное общение — безупречное место для идеального отдыха после насыщенного и утомительно дня.

А отдых был им просто необходим, так как завтра их ожидала вторая часть увлекательной экскурсии по городу.

А в клубе множество девиц не сводило заинтересованных взглядов с Марка и рыжеволосого Этьена — чуть ли ни шестым чувством они безошибочно определили, что они в настоящее время свободны — не иначе, флюиды какие почувствовали.

Когда утомленные друзья решили вернуться домой, то Марк и Этьен выразили желание остаться ещё, аргументировав тем, что они вольны и монашеского пострига принимать не собираются, а если ситуация выйдет из-под контроля, то они всегда смогут сыграть пару нетрадиционной сексуальной ориентации.

Вернулись они только под утро — природа брала своё, но, сердце оставалось безучастным...

Утром девушки как раз готовили на кухне поздний завтрак, когда к столу спустились парни.

Сегодня им предстояло не менее захватывающее продолжение знакомства с этим прекрасным городом.

День провели спокойно и расслабленно, наслаждаясь красотой древнего города, а вечером отправились в большой супермаркет и купили много еды и игрушек для завтрашней поездки в детский дом "Вишенка" села Жовтанцы Львовской области: Роза и Алишер вели себя более сдержанно, а Аделька, сидя на плечах у Марка, весело размахивала леденцом на палочке и что-то напевала себе под нос.

Как бы Марк не старался успокоиться и заснуть, у него не получалось... Столько разных мыслей и чувств сейчас сплелись в единый поток необъяснимого притяжения и отторжения одновременно. Что его тянет туда? Принесет ли это ему облегчение? Так он и проворочался до самого утра, и в комнате с раскрытым окном ему было невыносимо жарко и душно. Ежесекундно он усилием воли пытался взять в себя в руки.

Утром обитатели дома проснулись от того, что на улице уже просигналил Степан, приехавший на своём микроавтобусе.

И вот уже впереди показалось до боли знакомое строение на холме.

Оставив сопровождающих осматриваться в холле, Марк проследовал в сторону кухни, идя пошатываясь, несколько раз останавливаясь, облачиваясь о стену и переводя дыхание — всё вокруг было и знакомым, и незнакомым — поддерживало, и подавляло одновременно.

— Поліно Аркадіївно, чи впізнаєте ви мене? (Полина Аркадьевна, узнаете ли вы меня? Укр.) — юноша прошёл вестибюлем до дверей раздаточной, где всё так же, как он запомнил, хлопотала у кастрюли полная женщина лет пятидесяти в неизменном белом халате и поварском колпаке, — Це ж я, Марк. (Это же я, Марк. Укр), — та обернулась на его голос и от неожиданности выронила на пол половник, который тут же кинула в раковину и присела на ближайший стул.

— Господи милостивий, Марку! Так, це звісно, що ти. Синку, тебе і не впізнати тепер (Господь милостивый, Марк! Да, конечно же, это ты. Сынок, тебя и не узнать теперь. Укр.), — она быстро вытерла руки полотенцем и подошла обнять его, — Як ти змінився. Десять років минуло, як ти зник. Я й не знала, навіть, чи ти живий ще (Как ты изменился. Десять лет прошло, как ты пропал. Я и не знала, живой ли ты ещё. Укр.), — женщина тут же поставила перед ним тарелку с тефтелями и гарниром из гречневой каши и присела

рядом, — Зголоднів, мабуть? Бач, який худенький. Вона приходила... Питала про тебе, казала, що у лікарні була. Лікарі врятували її, але вона мало що пам'ятає, говорила, що грабіжники то були, що чоловіка вбили, що саму ледь живу залишили. Опритомніла бідолашна у реанімаційній палаті, все про тебе розпитувала, а ні хто ні чого сказати не міг. Хто ж припустити міг, що так усе обернеться? (Проголодался, поди. Ишь, как исхудал. Она приходила... Спрашивала о тебе, говорила, что в клинике лежала. Врачи спасли её, но, она мало что помнит, сказала, что это грабители были, что мужа убили, что сама она еле в живых осталась. Пришла в себя, несчастная, в реанимационной палате, все о тебе выпрашивала, и ни кто ей ни чего сказать не мог. Кто мог подумать, что все так обернется? Укр.)

— Сандра? Олександра була тут? (Сандра? Александра была тут? Укр.) — он чуть не задохнувся от подступившего приступа тошноты, словно, его окунули в помой при одном воспоминании о том клятом дне, и стакан с компотом, что он держал в руке, звонко разбился о плиточный пол, — Коли це було? Де вона зараз?(Когда это было? Где она сейчас? Укр.) — пошатнувшись, он присел на стул, всё ещё дрожа мелкой дрожью.

— Та багацько часу сплигло вже (Да уже много-то времени прошло. Укр.), — Полина Аркадьевна, несмотря на свои впечатляющие габариты, принялась шустро орудовать веником и совком, прибирая осколки, — Я не знаю, де вона може бути. Я ні чим не змогла допомогти жінці, вона й поїхала собі, а куди — не знаю. (Я не знаю, где она может быть. Я ни чем не смогла помочь женщине, она и поехала себе, а куда — не знаю Укр.)

— Вона жива... (Она живая... Укр.) — Марк закрыл лицо ладонями и опустил голову.

— Чого ж ти не повернувся? (Почему же ты не вернулся? Укр.) — она села рядом и погладила его по голове, — Що сталося тоді? Ти хоч щось можеш пригадати? (Что случилось тогда? Ты можешь хоть что-нибудь вспомнить? Укр.)

— Ні (Нет. Укр.), — он резко замотал головой, словно хотел выкинуть из неё эти мучительные воспоминания, — я прийшов до тям вже далеко в місті і не міг нічого згадати, та і не хотів того — мені всі ці роки жахіття снилися, як вона лежить із розбитою головою і не дихає, мені того було досить — не хотів більше нічого згадувати про той день, а воно мене все не відпускало. (Я пришел в себя уже далеко в городе и не мог ничего вспомнить, да и не хотел этого — мне все эти годы кошмары снились, как она лежит с разбитой головой и не дышит, с меня и того хватило — не хотел больше ничего вспоминать о том дне, а оно меня всё не отпускает. Укр.) — он говорил и не узнавал своего голоса, и до того было противно от собственной лжи, но, если сама Александра высказала свою такую версию событий, то так тому и быть.

Как он мог забыть? Конечно, же он всё помнит, всё до мелочей, как бы отчаянно не желал не помнить вовсе.

Модест и Александра готовы были усыновить семилетнего Марка, несколько раз приезжали в приют, даже начали бумаги на усыновление оформлять. Пару раз, забирали его к себе на выходные, чтобы мальчик привыкал к своей новой семье.

На третий раз приехал один мужчина. Когда приехали, то женщины и дома не оказалось.

То, что происходило дальше, он не может вспоминать без омерзения даже сейчас. Это потом он узнает, что есть такой термин — педофилия, а пока что ему было противно и больно.

Женщина вернулась раньше из магазина и, увидев эту гнусную сцену, попыталась оттащить его от мальчика, она даже не успела вызвать милицию, как он бесцеремонно схватил её за волосы и отшвырнул, не рассчитав силы — женщина ударилась виском об острый угол стола. Она лежала и не шевелилась. Он навсегда запомнил её широко раскрытые глаза, в которых застыл немой укор мучителю. Это ещё одно лицо, которое приходит к нему в пугающих снах уже много лет. И её волосы — светлые, почти льняные, разметавшиеся на полу, на которых от сочившейся из раны крови образовалась алая прядь. И ему стало вдруг наплевать на то, что сотворили с ним, но он не смог простить того, что его снова лишили матери и шанса на нормальную жизнь. Всё случилось само собой — он схватил, что попало под руку — то ли кухонный нож, то ли ножницы, уже и не вспомнить, да и не важно, что именно, важно, что через секунду этот предмет уже торчал из груди Модеста, чьё холёное лицо, по счастью, не являлось ему в сновидениях. Всё произошло очень быстро и совершенно неожиданно — в этом и оказалось преимущество ребенка перед взрослым мужчиной, иначе — лежать и ему на том полу рядом с Александрой. А потом случился приступ, и неконтролируемая сила выплеснулась наружу, а вместе с ней и тело мужчины вылетело в разбитое окно. Так он понял, что не такой, как все, что обладает чем-то, что не подвластно большинству обычных людей. Но, почему так поздно? Почему не несколькими минутами раньше? Тогда бы она осталась жива. А сейчас — как он не тормозил и не тряс её, она оставалась недвижима и не реагировала, даже не дышала... Как же он испугался тогда. Понял, что всё кончено и пулей выскочил из квартиры. Сколько он бежал и куда — он не помнил, пока не остановился в каком-то парке и не заснул прямо на скамейке, когда уже стало смеркаться. Так начались его скитания — надежда на счастье и новую семью, обернувшаяся трагедией. Он был всего лишь напуганным семилетним мальчиком, он очень испугался, он не до конца осознавал, но понимал, что совершил нечто ужасное. Он не посмел вернуться в приют.

Вот так всё было на самом деле — специально ли Александра придумала другую трактовку этой истории? Как бы там ни было — этот крест останется с ним. Это только его грех — ни кто об это ни когда не узнает. Вот и хорошо, что есть другой вариант рассказа — пусть так и будет. Хотела ли она таким образом искупить вину? Знала ли, что представлял из себя её муж? Почему не сказала всей правды? Как много вопросов. И как же разыскать её

теперь, через столько лет?

— Може, то і на краще, що не пам'ятаєш (Возможно, это и к лучшему, что не помнишь. Укр.), — повариха снова провела рукой по его волосам, — Бідна дитина — таке бачити. (Бедный ребенок — такое увидеть)

— Та чого ви, тьотю Полю, чого ж ви плачете? (Ну чего вы, тетя Поля, чего же вы плачете? Укр.) — он тепло обнял её, — Ось він я, живий, здоровий. То все залишилось у минулому. Що було — то загуло, так кажуть? Дякую, що про Олександру сказали — я відтепер знаю, що вона жива, та розшукаю її за всяку ціну. (Вот он я — живой и здоровый. Это всё осталось в прошлом. Что было — то ушло, так говорят? Спасибо, что про Олександру сказали — теперь я знаю, что она жива, и отыщу её любой ценой. Укр)

— Твоя правда, Марку, — согласилась с ним Полина Аркадьевна, — Розшукай її. Дуже вона за тебе вбивалася. (Найди её. Очень уж она по тебе убивалась. Укр.)

— Ой, Господи, я же совсем забыл! — Марк хлопнул сам себя по лбу и вскочил со стула, — Я же не сам приехал. Принимайте гостей, Полина Аркадьевна. Они ждуть і холле, — он взял женщину за руку и повел в холл.

— Та заходьте, чого стоїте? Заходьте, хлопці. Ой, а дівчата які гарніюні. Котра з них твоя кохана, юначе? Зізнавайся (Ну, же, проходите, чего стоите? Ой, а девушки какие прелестницы. Которая из них твоя возлюбленная, молодой человек. Признавайся. Укр.), — она потрепала его по щеке, продолжая веселым взглядом рассматривать гостей.

— Ну, ви що, тьотю Полю (Ну, что вы, тетя Поля, Укр.), — неожиданно покраснел парень и улыбнулся одной из своих самых обаятельных улыбок, — То мої друзі (Это мои друзья. Укр.).

— Рада за тебе, синку. Так, адже ти тільки життя розпочинаєш — все в тебе ще попереду, — согласно усмехнулась Полина Аркадьевна, — Вибачайте, в нас не п'ятизірковий готель, та — чим багаті, тому й раді. (Рада за тебя, сынок. Ты же только жить начинаешь — всё у тебя ещё впереди. Уж простите — у нас не пятизвездочная гостиница, конечно, но, чем богаты, тому и рады. Укр.)

— Да без проблем. Принимайте гостинцы, Полина Аркадьевна. — парень указал на большое количество пакетов, стоящих в холле, — А где начальство и преподаватели?

— Так ещё утром в город все уехали — после выходных будут. Вы же, надеюсь, останетесь с нами на выходные? Мы будем помогать фермерам урожай яблок собирать, потом будем отмечать по деревенским обычаям — с песнями у костра и шашлыками. Девчата не хотят ли погадать? Мы венки по реке пускать будем. У меня и сорочки вышиваные для вас найдутся — как куколки будете, — она непроизвольно хлопнула в ладоши при виде стольких даров, — Батюшки святые! Вы что, все магазины Львова скупили? Этим несколько дней пировать можно. А игрушек-то сколько? Вот малышня обрадуется! Ой, ну стоило ли так?... Что же вы меня, старую женщину, в краску вгоняете — не привыкли мы брать чужое...

— Да, ну какой же я вам чужой, Полина Аркадьевна? — сладко растянул улыбку Марк, — Я же ваш. Пускай детишки порадуются.

— Что — да, то да, — охотно согласилась с ним она, — Не так уж у нас и весело последнее время. Никому мы не нужны стали. Вот и начальство в город поехало — очередную денежную помощь кланчить. А то и крыша совсем прохудилась, и площадку детскую починить не мешает...

— Ну, так неужто мы не поможем, а ребята? — он повернулся к друзьям — Завтра с

утра и посмотрим, что можно сделать.

— Полина Аркадьевна, Оксанка опять не желает спать укладываться без вашей колыбельной, — к женщине подбежала девочка лет двенадцати, робко оглядев большое количество незнакомых людей и потянув её за рукав в спальню.

— Ох, ты ж... — покачала головой повариха, — Ну, идем, посмотрим, чего там Ксанка наша капризничает.

— А мне можно с вами? — напросилась Маргарита, бесхитростно хлопнув глазками, — А меня колыбельной научите?

— Идем, деточка, — женщина махнула ей рукой, приглашая следовать за собой, — Смотрю, тебе по случаю скоро колыбельная будет. Старинная это колыбельная, душевная.

Оксанка была одного возраста с Аделькой, высокая для своих лет, худенькая и бледненькая, с пушистыми русыми волосами и большими серыми глазами.

Уложив беспокойного ребенка и укрыв его одеялом, женщина затянула песню — красивую и трогательную. Маргарита еле сдерживала слезы умиления, глядя на умиротворенную улыбку на маленьком детском личике.

Облокотившись о дверь, Марк наблюдал эту сцену пару минут — совсем скоро она будет вот так же будет петь колыбельную своим детям — от другого, тут он осознал, что потерял её окончательно, что она теперь недосягаема для него, как прекрасная Луна высоко в небе, как светлая Мадонна.

"Ведь твои руки не меня обнимут

Твои глаза моих искать не станут..."

Елена Ваенга

Он не имеет права нарушать её покой. Что же — да будет так. Интересно, а какой будет она? Та, что предсказана ему самим великим Нострадамусом и цыганкой Шантой... И когда же он повстречает её?

"И мои руки не тебя обнимут,

Мои глаза твоих искать не станут..."

Елена Ваенга

Потом тихо вышел на улицу и направился к зеленому холму за воротами приюта:

— Ну, вот я и вернулся туда, откуда начинал, — Марк стоял под большим древним дубом на вершине холма, с которого открывался вид на реку, — Отпустить, наконец, свое прошлое... Развеять по ветру всё, что тяготит и печалит, и начать всё заново, — он подул на ладонь, и порыв ветра унес последнюю прядь его остриженных волос, — Только, не дай Боже, забыть мне, кто я есть, — он присел, облокотившись о ствол дерева, достал свою флейту и поднес к губам — и полилась над холмами и полянами, над полями и над рекой мелодия — тихая и до боли щемящая.

— Марк, Марк! — на поляне появилась Аделина в длинной льняной расшитой рубашке с широкими рукавами, в руках у неё был большой венок из полевых цветов, — пойдём, тебя уже все ждут. Смотри, меня венок плести научили — это тебе. А ещё мы лягушек видели и двух черепах — правда, правда, не смейся ты. Пойдем-пойдем, сам посмотришь, — девочка попросила его наклониться, надела ему на голову венок и за руку потащила к реке, где уже собрались остальные: девушки были в свободных длинных хлопковых рубахах, расшитых маками, подсолнухами и чернобривцами по рукавам и вороту, в косе у Маргариты была яркая красная лента — девушка сидела на песке, поглаживая по панцирю маленькую черепашку, светлые волосы Даниэллы были заплетены в две косы с голубыми лентами — она сидела на берегу, бултыхая босыми ногами по воде. У других девушек тоже были вплетены в волосы разноцветные ленты — синие, зеленые, желтые, оранжевые, белые.

— Ну, ни дать — ни взять, вылитые Аленушки, — парень сбросил одежду и с разбегу забежал в воду, обдав девушек брызгами. Потом он вынырнул, убрал мокрые волосы с лица, и поднял глаза — на небе уже загорались первые звезды, а воздух был наполнен опьяняющими ароматами цветущих спелых трав и реки, и только лягушки своим кваканьем придавали земной реальности этому волшебству.

И полумесяц луны отражался на водной глади, и капли воды блестели на его теле, и стало сразу так легко, будто душа улетела к бесконечным небесам парить над родными просторами.

После восхитительного теплого сентябрьского вечера, легкая утренняя прохлада ласково и приятно освежала — и дышалось легко, и разносилось по округе кукареканье петухов, возвещающих о начале нового дня.

В столовой былолюдно и шумно — около семидесяти ребятишек в возрасте от пяти до шестнадцати лет уже расселись за столиками и поглощали завтрак: омлет с сосисками, хлеб с маслом и медом, сырники и стакан свежего молока. Молочные продукты и мед ранним утром этого дня привезли с близлежащей фермы. В помещении уже витал уютный запах свежей выпечки, масла, меда и парного молока.

С воспитанниками приюта им еще предстоит познакомиться сегодня поближе. К воротам уже подъехал микроавтобус Степана, и сам водитель присоединился к общему завтраку, чтобы потом отвезти всех к фермерскому яблоневому саду для помощи в сборе урожая. Такое взаимовыгодное сотрудничество между приютом и фермой практиковалось уже несколько лет к обоюдной пользе, а у детей всегда был кусок хлеба с маслом и молоко. Часть собранных яблок так же отойдет в пользу детского дома — из них сделают джем на зиму, или запекут с творогом, или поедят просто так — свежими с медом.

Этот завтрак сразу напомнил девушкам об обедах в школьной столовой.

При помощи Марка в качестве переводчика, они смогли пообщаться с той самой Оксанкой и другими девчонками и мальчишками пока ехали до фермы.

И в который раз им пригодились удобные джинсы и футболки. Пришлось и волосы собрать, чтобы они не мешали.

Маргарите, Даниэлле и Джастине вместе с Полиной Аркадьевной предстояло работать в кухне — отдельно стоящем одноэтажном здании с края огромного сада и приготовить обед на невероятное количество персон — в общей сложности, с работниками фермы, всего насчитывалось около ста человек. Ни когда ещё в своей жизни им не приходилось чистить столько картофеля! Если второе блюдо — пюре с жареными куриными крылышками в меду, было вполне привычным, то первое блюдо, которое решила приготовить Полина Аркадьевна — традиционный украинский борщ и к нему пампушки с чесноком — был для них чем-то совершенно новым и незнакомым, и кулинарные познания Джастины пополнились целым рядом хитростей и рекомендаций от тети Поли.

Малышня увлеченно собирала упавшие яблоки в небольшие пластиковые ведерки, что на ленточках висели у них на шеях.

Старшие — при помощи лестниц и плетеных корзин, высланных мягкой байкой, которые аккуратно цеплялись прямо на самых крупных ветвях, чтобы не приходилось спускаться за каждым разом.

И в саду, и на кухне работа шла полным ходом.

Ко времени обеда на улицу под навесы были выставлены раскладные стулья и

сервирован большой стол из составленных вместе нескольких столов. Через внушительных размеров окна кухни передавалась посуда и столовые приборы. Еда на открытом воздухе казалась ещё более вкусной и поглощалась проголодавшимися после работы с огромным удовольствием, запивали на выбор: взрослые слабоалкогольным яблочным сидром, а дети — вкусным квасом. И даже не пытайтесь приготовить нечто подобное из продуктов, купленных в местном супермаркете — результат вас несомненно разочарует.

После застолья, отдохнувшие и подкрепившиеся, работники отправились продолжать сбор яблок, а девушки взяли на себя мытьё посуды.

Занятые работой, каждый думал о своём: Марк вспоминал, как он сам пару раз принимал участие в таком мероприятии, но, в силу своего малого возраста, он больше мешал и путался под ногами у взрослых, зато — именно тогда он научился отменно лазать по деревьям, что давалось ему — легковесному, грациозному и проворному, с завидной лёгкостью.

Джону вспомнилось, как в детстве они с Рафаэлем лазили на деревья в дворцовом саду, за что частенько получали нагоняи от Надира, как он, надрав им уши, приводил к матушке, которая каждый раз вздыхала и переживала от одной только мысли, что они могут покалечиться из-за своих мальчишеских шалостей, а сестренка Ями только тихонько плакала, стоя за спиной матери, пока однажды не выдержала и не надавала им смачных пощечин за то, что они заставляют мать волноваться.

— Не устали, Ваша Милость? — усмехнулся Марк, наполняя свою корзину яблоками.

— Да, что ты, я только начал входить во вкус! Предлагаешь устроить соревнования? — невозмутимо улыбнулся Джон, — Хочу предупредить, что ты меня ещё плохо знаешь, если думаешь, что меня пугает физический труд, — Марк удивленно хмыкнул, но губы его сами изогнулись в улыбке.

— Гарна праця, хлопці (Хорошая работа, ребята, Укр.), — подбодрила их Полина Аркадьевна, проходя мимо, когда несла с фермы большую банку меда для запекания куриных крылышек.

Немного спустя, Полина Аркадьевна и Степан предложили показать девушкам и младшим детям животных фермы — коров и телят, овец и ягнят, свиней, лошадей и птиц в курятниках — и это не говоря о целом кошачьем семействе, овчарке и двух колли. Дети пришли в совершенный восторг — это же гораздо интереснее любого, даже самого лучшего, зоопарка — к животным можно подойти, потрогать и погладить, покормить их с рук. Главное — не акцентировать внимание, что многие из этих животных пойдут на корм людям. Больше всего детям понравились телята и гуцульский пони реликтовой горной породы по кличке Леди — для не требующей чрезмерной силы, мелкой работы на ферме — перевозка корзин с ягодами, катание тех же детей и прочее. Вот и сейчас радости малышей не было предела, когда им разрешили прокатиться на очаровательной лошадке с большими глазами и подвижными маленькими ушами, подходящей им по размеру. Даже маленькой Адельке разрешено было покататься.

Кроме Леди, в конюшне обитали двое коней — тяжеловозов — Принц и Гром, белая

кобылица Снежана и двое серых коней першеронской породы, выведенной во Франции в начале девятнадцатого столетия путём скрещивания восточных, главным образом, арабских жеребцов с местной упряжной породой тяжёлого западного типа — Бес и Грей, которых желающие могли вечером оседлать. И неудивительно, что этими желающими опять оказались Джон, Марк, Питер и Джастина. И снова это ни с чем не сравнимое ощущение абсолютной свободы, и — только свист ветра в ушах, и сам вдыхаемый воздух до краёв напоен ею.

Всё это и делает крестьянина настоящим фермером — тут и искусство, и умение, и наука, это — и источник дохода, и образ жизни.

А к вечерней трапезе уже устанавливали мангал, на котором будут готовить заранее замаринованное мясо для шашлыков.

И вот по округе начал простираться аромат жаренного мяса, и уставшие от дневного труда и немного снявшие эту усталость в душе, стали собираться сегодняшние добровольные работники.

Даже в простых джинсах и футболках девушки выглядели так же наивно и трогательно, как и сидящие рядом дети: Марго — с двумя косичками, Дэни — с двумя гульками а-ля принцесса Лея из кино-эпопеи "Звездные войны", Джесси — с низким хвостом на один бок, Эллен — с красивой спирально заплетенной косой, Ева — с высоким "конским" хвостом.

Так как Марк теперь был подстрижен, то Аделине еще легче было уговорить его потренироваться на ней в плетении косичек, дабы не растерять навыки к тому времени, когда его волосы снова отрастут.

Глядя на пламя костра, Маргарите стало так тепло — и снаружи, и внутри, от сердечности всех этих людей, что окружали её сейчас, и от жарких объятий мужа, и так хотелось верить, что и дальше их ждёт всё только хорошее.

И тут Полина Аркадьевна на пару со Степаном затянули старую песню:

"Ніч яка місячна,

Ясная, зорена.

Видно, хоч голки збирай.

Вийди, кохана, працею зморена,

Хоч на хвилиночку в гай
Ти не лякайся, що ніженьки босії
Вмочиш в холодну росу.
Я ж тебе, вірная, аж до хатиноньки
Сам на руках однесу..."
Михаил Старицкий

К ним присоєдiniлось ещє несколько голосов, потом они запели другуго:

"Чорнобривців насіяла мати

У своїм світанковім краю
Та й навчила веснянки співати
Про квітучу надію свою..."

В этот раз с ними запел и Марк — его акцент звучал так трогательно, его голос дрожал, а глаза его странным образом блестели.

"Я розлуки та зустрічі знаю,

Бачив я у чужій стороні.
Чорнобривці із рідного краю,
Що насіяла ти навесні.
Прилітають до нашого поля
Із далеких країв журавлі.
Розквітають і квіти, і доля
На моїй українській землі..."
Николай Сингаевский

Друзья, хоть и не понимали слов песни, но, по его реакции понимали, что это что-то глубоко личное...

— Ты скучаешь за ней? — тихо спросила Аделина, осторожно положив руку ему на плечо, — За мамой?

— Да, Адель, — так же тихо ответил он, — Всє нормально — это естественно, я всегда буду тосковать по ней.

— Знаешь, а ведь тебе повезло больше, чем многим из этих детей — ты нашел своего отца, ты видел свою мать, пусть и мельком. Она отдала за тебя свою жизнь, — из уст девочки слетали совсем не детские мысли, а она продолжила, — Я, например, даже не знаю, кто мои родители...

— Ты хотела бы их найти? — сосредоточенно поинтересовался Марк, глядя в её, слишком серьёзные для ребенка, глаза.

— Я... я не знаю... — она подняла взгляд, всматриваясь в вечернее небо, — Может, у них были причины поступить так... Я бы хотела знать... Я даже не знаю их имен, не знаю свой настоящий День рождения...

— Если надумаешь, то я обещаю помочь тебе, — парень погладил её белокурую голову.

— Марк, — она посмотрела на него совсем взрослым взглядом, — Если ты ещё будешь свободен, когда вырасту, то не забудь обо мне, хорошо?

— Как я смогу тебя забыть? — он поцеловал девочку в лоб, — Только к чему я буду тогда тебе нужен? Не сомневаюсь, что у такой красавицы не будет отбоя от женихов.

— Марк, скажи тост, пожалуйста, — попросила Полина Аркадьевна.

— За "Вишневых" детей! За их дом! — парень пригубил домашнего вишневого вина, — За семью и за друзей! — к спиртному он был равнодушен, но, на один глоток в хорошей компании под ароматный шашлык всё же решился.

— За здоровье!

— За любовь!

— За урожай и землю украинскую! — ещё много тостов звучало в этот вечер, и теплая дружеская атмосфера согревала сердца.

И Маргариту посетило видение, от которого улыбка осветила её лицо:

— Конечно. Али, подойди, сынок, взгляни на своих сестреночек, — Джон взял мальчика за руку и подвел его к кроватке с новорожденными младенцами.

— Они такие... маленькие, розовые и громкие, — смущенно улыбнулся ребенок, — Папа, я что — тоже был таким?

— Может, даже ещё голосистее, — улыбнулся Джон.

Яркая вспышка света и новый эпизод:

Больничный коридор. Марк, выглядит старше, чем он сейчас, сидит на топчане, весь его вид выдаёт крайнее волнение — на лбу выступили капельки пота, пальцы рук сжаты до побеления костяшек. Друзья его были тут же, рядом с ним для того, чтобы оказать поддержку.

— Так, вы — или успокаиваете его, или выводите на улицу — мне сейчас о его жене

думать надо, — молодой хирург-японец нервничал не меньше самого парня, — у меня нет времени, чтобы приводить его в чувства, словно, впечатлительную барышню. Девочка сильная — сама со всем отлично справится, а ваша нервозность только мешает мне работать. Дайте ему выпить кофе и выведите на воздух. Я вас позову. Не вынуждайте меня применять укол успокоительного.

В клинике своего наставника и учителя, доктор смог добиться разрешения присутствовать в родильной палате.

— Ну, Марк. Марк, посмотри на меня — ну, что с тобой? — Маргарита, тоже несколько старше себя нынешней, садится рядом и кладет руки ему на плечи.

— Мне страшно, Марго, — он поднял на неё лицо, вцепившись пальцами в штанины собственных брюк, — Ну, почему так долго?

— Ах, вот оно что, — девушка погрузила пальцы в его волосы, приглаживая непослушную челку, — Чего ты боишься? Что не сможешь стать хорошим отцом? Ерунда! Ты так много повидал в своей жизни, научился различать добро и зло, а главное — ты знаешь одну истину, что детей нужно любить а не воспитывать — а, значит, тебе не о чем волноваться. К тому же — ты сейчас не сам, посмотри вокруг — мы все с вами. А сейчас повтори за мной — всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, — повторил он, — А ты видишь меня насквозь, — улыбнулся Марк.

— Ну, вот, — кивнула Маргарита, — а сейчас просто доверься своей жене и мастерству лучшего из врачей и пойдешь, лучше, купи Мей цветы — ей будет приятно.

— Отличная идея, дорогая, — согласилась с ней златовласая, — Иди уже — без пяти минут папаша, — обаятельно улыбнувшись, и юноша улыбнулся в ответ.

И вот снова Маргарита в привычной обстановке — среди друзей, запах костра и шашлыка.

— Ты чем-то очень довольна, Марго? — муж легко взъерошил её челку.

— Да, всё просто замечательно, — кивнула девушка, отправив в рот кусок сочного мяса.

— Папа, у них есть гитара. Сыграй, пожалуйста, — Алишер и Розалинда переглянулись, шаркая ногами перед Джоном.

— Ну, что мне с вами делать? — вздохнул мужчина, улыбнувшись, — Давайте сюда гитару.

По дороге домой ребята совсем расслабились, так что многих детей, уже сонными, пришлось на руках нести из автобуса до их комнат.

На следующий день работы предстояло не меньше, чем в предыдущий — с фермы доставили строительный материал для починки крыши и детской площадки.

Дети тем временем катались по округе на велосипедах. Али, Розы и Аделька и себе потом выпросят по экземпляру такого транспортного средства.

На обед был гороховый суп-пюре и гречневая каша с тефтелями, а на десерт — яблочный пирог и собранных вчера яблок.

Потом приютские мальчишки соревновались в стрельбе по мишеням из луков, который для них смастерили Джон и ребята. А девушки отправились к реке — собирать полевые цветы и лекарственные травы.

К вечеру у реки собрались уже все — слушать стрекот кузнечиков и наблюдать за светлячками.

Следующим днем приехало начальство, и они были приятно удивлены, какое участие приняли их гости в жизни приюта и с радостью приняли предложение о периодическом переводе денег на расчетный счет детского дома.

На прощание был устроен особый ужин и небольшой концерт в актовом зале, с исполнением композиций за пианино, что стояло на сцене актового зала.

Чсть первых композиций была предоставлена гостям. Каждый исполнил свои любимые мелодии: "Лунная соната" Бетховена — от молодого хирурга, композиция из турецкого фильма "Королек — птичка певчая" Эсина Энгина — от Маргариты, "Лунный свет" Клода Дебюсси — от златовласой Даниэллы, "Ноктюрн 2 Ми-Бемоль Мажор" Фредерика Шопена — от Джона, Рихард Вагнер "Зигфрид-идиллия" — от Питера "Колыбельная" Иоганнеса Брамса — от Евы, "Аппассионата" Людвиг ван Бетховена — от Джастины и "Зимние грезы" Петра Ильича Чайковского — от Марка.

Потом концерт продолжили сами воспитанники, и теперь уже черед ребят был слушать, что они и сделали с огромным удовольствием.

Впереди у них оставался ещё один день для завершения знакомства с местами, по которым ходили практически все короли Польши и императоры Австрии, где выступал маэстро Паганини, и бывали граф Калиостро и Джакомо Казанова.

Разве можно, побывав в сказочном Львове, не посетить прекрасные замки львовской области? И тут снова оказалась незаменимой помощь Степана с его микроавтобусом — иначе им ни как не успеть осмотреть и десятой доли того, что хотелось увидеть.

Подгорецкий — жемчужина европейской архитектуры, один из лучших образцов "итальянских парков", входящий в известный маршрут "Золотая подкова Львовщины". Построенный ещё в первой половине семнадцатого столетия, он прошел с тех пор много разрушений и восстановлений. Власть над замком передавалась из рук в руки по наследству, выкупалась то одними, то другими владельцами. Само здание с виду больше напоминает дворец, нежели крепость, а стиль сочетает в себе переплёт ренессанса и бастионных укреплений. Возле замка есть красивый парк, в котором когда-то водились редкостные птицы, а сейчас там остались старые липы, предающие парку нежность, красоту и аромат.

Как и полагается древнему замку со своей историей, он имеет "своих" призраков и свои интересные легенды. Поговаривали, что когда-то один граф, безумно ревновавший свою жену и заподозривший её в измене, замуровал женщину в стене своего замка. С этого момента каждый год в один и тот же день — день смерти несчастной графини — если хорошо прислушаться, можно услышать, как она плачет. Призрак этой женщины еще называют "белая госпожа".

Олеський замок — самый старинным замок Западной Украины и один из самых известных замков Львовщины, назван так согласно своего расположения в селе Олесько. Официальное же его название — Замок Даниловичей. В польской истории он известен тем, что там родился один из славнейших королей Польши. В день рождения короля шла гроза, а когда повитуха положила мальчика на мраморный стол, то ударил вдруг гром, и стол раскололся пополам. Тогда и начали говорить, что это пророчество и новорожденный мальчик будет необычным человеком.

Третий замок — Золочевский, в городе Золочев. Созданный изначально, как оборонительная крепость, неоднократно разрушался турками и татарами, но достойно выстоял, и в его дворцах открылся музей восточного искусства с коллекциями египетского, турецкого и индийского искусства — восточными тканями, фрагментами египетских

саркофагов и мумией сокола. Еще одним интересным фактом из истории этого замка является то, что здесь была первая система канализации, которая сохранилась до наших времен. И, конечно же — какой уважающий себя замок не имеет тайных подземных ходов!

Большой популярностью среди посетителей пользуются камни, расположенные у самого входа на территорию и не дающие гостям пройти мимо. На одном из них высечены буквы на неизвестном языке — до сих пор является загадкой для ученых. Второй камень интересен тем, что на нем есть выщербленные переплетения из двух венков: один тернистый, второй цветочный. Первый венок — мертвый, тернистый, исполняет желания материальные, а второй — цветущий, живой — желания духовные.

Ещё один — Свиржский замок — считается самым романтическим замком во Львовской области с живописной природой, уютным парком и красивым озером. Тут до сих пор жива одна трагическая история. Сказывают, что работала когда-то в этом замке девушка, и каждый день к зданию приходил вражий парень, который хотел захватить замок. Девушка влюбилась в парня и однажды открыла ему главные ворота, после чего на крепость напали, а девушку этот парень сбросил в колодец. С того времени в замке бродит призрак той девушки, которая всё не может найти покоя и закрывает все двери на своем пути.

И напоследок было отложено посещение сказочного зоопарка, единственного такого, достаточно большого зоопарка на Львовщине, посещение которого приносит массу удовольствия и исключительно положительные впечатления. Владельцы зоопарка с детства разводили рыбок, попугайчиков, канареек, собирали информацию о животных. С годами эта страсть не прошла, а только окрепла. В своих путешествиях они наблюдали, как, в каких условиях и какие именно животные живут в местных украинских зоопарках и за рубежом. И вот тут-то и вспомнилась детская мечта создать собственный зоопарк, с просторными вольерами, с чистыми и ухоженными, а главное — здоровыми животными, чтобы тут было интересно и взрослым, и детям.

Пока взрослые присели выпить по бокалу прохладного кваса в знойный день, малыши облюбовали разнообразные качели-карусели на детской площадке рядом, их беготня, неподдельная радость и интерес увиденным наполняет сердца и их старших товарищей — позитивом и теми радостными и счастливыми чувствами, которые присущи только детству.

Как ни жаль было прощаться с прекрасным Львовом, но их путь лежит дальше, а сюда они еще непременно вернуться — обязательно.

И вот уже фирменный поезд мчит их в ночь в столицу Украины — город-герой Киев, чтобы прибыть в место назначения ранним утром. И на следующий день Марк предложит своим спутникам воспользоваться киевским метро и устроить незабываемый завтрак с видом на реку Днепр в дендропарке, посетить Киево-Печерскую Лавру, посмотрит памятник основателям Киева, взглянуть на Золотые ворота, восхититься экспонатами Национального научно-природоведческого музея, прослушать экскурсию в Музее медицины и купить смеси душистых трав в Музее-аптеке, своими глазами увидеть изобретения великого гения Леонардо да Винчи на выставке, что работает в комплексе отреставрированного стадиона и провести собственные научные эксперименты в научно-развлекательном центре "Экспериментаниум" — но, всё это будет завтра, а пока они мирно спят под убаюкивающий перестук колес, а расположившиеся на верхних полках Аделька с Розалиндой и Алишер с интересом наблюдали за мелькающим за окном пейзажем.

Даже несмотря на то, что просыпаться пришлось невообразимо рано, что на несколько минут ввергло, не привыкшую к такому раннему подъему, Даниэллу в уныние, ясное утро и бодрящая прохлада обещали удивительный день, полный приятных впечатлений и интересных приключений.

— Как хорошо, что я успел почистить карту памяти в фотоаппарате, — улыбнулся Марк, "колдуя" над фотоаппаратом, — оставил только лучшие снимки. Чувствую, что после сегодняшней прогулки придется скинуть фотографии на ноут и отформатировать карту памяти, так как скоро уже ни какой разбор фотографий не поможет.

— А ты, я смотрю, неплохо ладишь с техникой, — подмигнула Даниэлла, протягивая ему салфетку из микрофибры для протирки оптики камеры.

— Красиво тут как! — не удержалась от восхищенного возгласа Маргарита.

— Это вы еще не видели, как украшают вокзал к новогодним и рождественским праздникам, — гордо заявил юноша, водружая себе на шею массивную фотокамеру, — а прямо посередине зала стоит огромная сверкающая ёлка! Много было в моей жизни такого, о чем не хочется сейчас вспоминать, но — три года, прожитые в этом городе, я буду вспоминать скорее с улыбкой, чем с отвращением.

— А знаешь, — Маргарита поправила его челку, — Всё у тебя ещё будет будет прекрасно, и даже лучше. Ты мне веришь? — он ответил улыбкой.

— Ух, ты! — сразу оживилась Розалинда, — Надо как-нибудь приехать сюда зимой, чтобы застать эту красоту, — у неё в году было два самых любимых праздника: её День рождения и Рождество.

— Предлагаю воспользоваться метрополитеном для разнообразия, — Марк указал в сторону в хода в метро, отмеченного большой красной буквой "М" на белом фоне, — Но, для начала не помешает купить карту города и путеводитель по достопримечательностям, продублированный на нескольких языках.

— Трудно тебя представить в метро, — хихикнула Дэни.

— Ну, а почему бы и нет? — непринужденно пожал плечами Марк, — Мне даже нравится этот вид железных дорог. Начинающие модели не зарабатывают столько, чтобы разъезжать на такси или собственном лимузине, так что я часто пользовался общественным транспортом и городскими картами, чтобы вовремя успевать за сумасшедшим графиком

кастингов и показов — самому приходилось первое время составлять себе расписание и следовать ему. А сейчас мы спустимся в метро, и запомните — наша станция "Арсенальная", — ребята утвердительно кивнули.

— Это наводит меня на мысли, что и нам скоро предстоит гораздо ближе познакомиться с парижским метро — лекции, семинары, лабораторные работы, зачеты, — Марго на полном серьёзе поделилась своими размышлениями, в задумчивости поправляя волосы, чтобы склоть их заколкой.

— Не забудьте — четвертая станция, — ещё раз, на всякий случай, напомнил парень, — Людей очень много, постарайтесь не теряться. Аделька, садись мне на плечи. Мы позавтракаем простыми бутербродами, но — в таком месте и с таким видом на легендарный Днепр, что они покажутся вам вкуснее раз в десять. Как раз к этому времени успеет проснуться и аппетит, а потом можно будет спуститься парком Вечной славы до Лавры за пищей духовной.

Это был, на самом деле, незабываемый завтрак с потрясающими видами на панораму просыпающегося Киева.

Еще вчера они смотрели лучшие львовские замки, а сегодня они городе-герое, столице Украины — Киеве, городе древнем, величавом и прекрасном, распростертом на живописных берегах великого Днепра — "Чуден Днепр при тихой погоде, когда гордо и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои, не прогремит, не шелохнет, глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина... редкая птица долетит до середины Днепра!" — так описывал Гоголь — великий украинец русской литературы и великий русский писатель Украины, сумевший так сказочно и красочно описать прелесть украинской земли, как ни кто ни до, ни после него — мощь и силу этой реки в повести "Страшная месь", которая является частью его знаменитых "Вечеров на хуторе близ Диканьки". Город с многовековой историей и культурными традициями, сердце страны и седьмой по населению город Европы после Стамбула, Москвы, Лондона, Санкт-Петербурга, Берлина и Мадрида.

Поселения на территории Киевской области существовали уже пятнадцать-двадцать пять тысяч лет назад.

Город — свидетель трипольской и зарубинецкой культур, в нем княжили дружинники варяга Рюрика — Аскольд и Дир, родственник Рюрика — князь Олег, прозванный Вещим, сделал его своей резиденцией, сиял во времена княжения Владимира-Ясного Солнышко, Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, не прекратил своего существования и под гнетом татаро-монгольского ига и в годы литовского завоевания, был одной из колыбелей овеянного славой Запорожского казачества, играл важную роль и в составе Российской империи, в годы революции и гражданской войны, достойно выдержал испытание во время оккупации гитлеровскими войсками, и по сей день является, не прекращающим сокращаться, сердцем

страны, принимающим Евровидение, Чемпионат Европы по футболу, кинофестивали и художественные выставки. В силу своего исторического значения как центра Киевской Руси, город и поныне называют "Мать городов русских".

На гербе Киева Архангел Михаил, на фоне голубого древнерусского щита, в белой княжеской рубашке, воинском облачении с серебряным доспехами с декором в виде диска Солнца символизирует светлые силы, готовые защищать Киев от бед.

В далекие времена вторым после Новгорода важнейшим городом на пути "из варяг в греки" стал Киев.

Легенда, приведенная в древнейшем общерусском летописном своде — "Повести временных лет", так говорит об основании Киева:

Жили в племени полян три брата Кий, Щек и Хорив со своей сестрой Лыбедью. Построили братья на берегу Днепра город и назвали его Киевом, в честь старшего брата. Имена же младших остались в названиях киевских гор Щековицы и Хоривицы, а имя сестры — в названии реки Лыбедь. От Кия и его братьев пошли первые князья полян.

И вот уже впереди показались золоченые купола уникального Лаврского комплекса, внесенного в список памятников всемирного значения, состоящего из надземной (комплекс религиозных сооружений) и подземной (пещеры) частей. Именно от пещер (печеры — укр.) и происходит название монастыря, а слово "лавра" означает статус, его получали большие и влиятельные монастыри, которые напоминали своими размерами небольшие городки, имеющие свои улицы (в переводе с греческого "лавра" — улица) и играли заметную роль в развитии культуры — строительство храмов совершенствовало мастерство архитекторов и художников, тут же была основана и первая на Руси типография, которая работала без перерыва более трехсот лет, и долгое время была центром книгоиздательства в Украине. Тут жили и работали известные летописцы, писатели, ученые, художники, врачи, книгоиздатели. А вы знали, что именно здесь летописец Нестор составил "Повесть временных лет" — основной источник современных знаний о Киевской Руси и тут же находятся останки Нестора Летописца, автора "Повести временных лет", Ильи Муромца — былинного героя и мощи нетленных лаврских святых? Вот, теперь вы знаете, и знают наши путешественники.

Наши путешественники, вместе с детьми, восторженно рассматривали древние рукописные книги, раритетные первые издания книг и старинную печатную технику,

воссозданные копии рукописных шедевров и первые украинские издания. Отдельный зал посвящен внешнему виду и строению книги — здесь есть книжки "гиганты" и самые маленькие (три-четыре миллиметра), книга шрифтом брайля для слепых, книги в обложках из кожи, бархата, украшенные золотом, серебром и эмалью.

В музее исторических сокровищ, также расположенном на территории Лавры, можно посмотреть изделия из платины, золота, серебра, украшенные бриллиантами, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями. Проходящая по залам и любящая коллекцией скифских и сарматских сокровищ, украшениями работы славянских, византийских и иранских мастеров, наши экскурсанты так и представляли себя древними правителями — князьями и княгинями, которые в своё время носили всё это великолеpie.

Главное помнить, что всё это, в первую очередь — искусство и талант мастеров, и только потом — показатель статуса и элегантные украшения, а украшать себя люди ощутили потребность ещё на заре своей цивилизации.

А в музее микроминиатюры в микроскоп можно рассмотреть подкованную блоху, самый маленький в мире действующий электромотор, караван верблюдов в игольном ушке, портрет знаменитого советского космонавта Юрия Гагарина, вырезанный из терновой косточки, балалайку в маковой росинке, самую маленькую в мире скрипку, и самую маленькую надпись сделанную рукой человека — автограф на торце волоса. И друзья по долгу останавливались у каждого микроскопа, всматриваясь в детали каждой работы — прежде, казалось им, что только лишь в сказе о тульском умельце Левше возможны такие чудеса, а уж детей, и вовсе, не оторвать было от такой диковинки.

При входе в комплекс пришлось купить платков, чтобы покрыть ими девичьи головы, когда девушки высловили своё желание поставить свечи в храме. Попутно выяснилось, что Марк и его отец — всё-таки католики. Что не мешало им по достоинству оценить красоту православного храма.

Сколько же кровопролитий, основанных на религиозных разногласиях, знает история человечества... Маргарита содрогнулась от этой мысли — как же хочется верить, что они остались в прошлом, но, к сожалению, история имеет тенденцию к повторению, и некоторые противоречия остаются до сих пор не исчерпанными — взять, к примеру, Храмовую гору в Иерусалиме... В конце концов, все веруют в одно, каким бы именем не называли Бога в той или иной религии.

Джон только равнодушно пожал плечами, высказав своё мнение и свой протест против любой разновидности фанатизма в вероисповедании, а принятое в младенчестве крещение лишает Богом данной свободы выбора. Он считал, что выбирать вероисповедание человек должен в сознательном возрасте, не позволяя решать за себя, да и не это, в общем, суть важное, главное — во что верить в глубине своего сердца.

На территории комплекса можно было наблюдать множество иностранных экскурсий со своими гидами и переводчиками — польские, немецкие, британские, французские, итальянские.

Спустившись от Лавры до набережной и пройдя не сильно далеко, можно увидеть памятник легендарным основателям Киева, где большая ладья плывет по волнам Днепра, а в ней стоят трое братьев — Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбидь, и продолжить путешествие, сев на станции метро "Днепро", и проехав до станции "Гидропарк", где можно посмотреть все достопримечательности города сразу, собранные в одном месте в масштабе 1:33 в парке миниатюр, и получить незабываемые впечатления, проезжая реку Днепр на метро... поверху.

Насладившись прогулкой по парку, теперь можно приступить к более подробному рассмотрению этих самых достопримечательностей древнего города в натуральную величину уже более подробно, для чего необходимо вернуться до станции "Театральная" и перейти на "Золотые ворота".

Золотые ворота в Киеве — одно из немногих сооружений Киевской Руси, дошедших до наших дней. Построенные ещё при правлении великого князя киевского Ярослава Мудрого, когда город был окружен высокими земляными валами с глубокими рвами — они были частью этого масштабного оборонного сооружения древнерусских зодчих, служа парадным въездом в город, вызывая восторг современников и внушая ужас врагам. Через них въезжали почетные послы и именитые гости, через них же — провожали воинов воинов в походы, и под этими же сводами ворот триумфально возвращались княжеские дружины.

Но время не пощадило этот величественный в прошлом памятник, вызывая постоянную тревогу ученых. Тогда над древними руинами возвели защитный павильон, воссоздающий первоначальный облик памятника, используя в декоре характерные древнерусские орнаменты из кирпича, а проезд представлен с одной стороны — подъемной деревянной

решеткой, окованной металлом, с другой — створками древних врат. А какой замечательный вид открывается со смотровых площадок! Марк только и успевал фотографировать — за эту поездку он успел наснимать уже более двух с половиной сотен кадров.

Рядом с ним — памятник и самому великому князю Ярославу Мудрому, во время правления которого Киевская Русь вошла в эпоху своего небывалого процветания, славную не столько его удачными походами, сколько его трудами по внутреннему устройству и защите государства, содействием развитию просвещения и законодательства и своими заботами возвысившегося в глазах древнерусских людей и получившего прозвище Мудрый.

И что особенно заинтересовало Маргариту, как представительницу французской нации — его младшая дочь, княжна Анна Ярославовна, бывшая королевой Франции.

Много столетий назад жила юная Анна. О красоте и уме славянской принцессы, достойной дочери своего отца, ходили легенды — она не только много читала и знала несколько языков, но и была отличной наездницей и прекрасно танцевала — пожалуй, и все точные сведения о ней, дошедшие до нас из глубин прошлого. Не сохранилось даже её могилы, неизвестно, даже где именно она похоронена.

В Реймсе, неподалеку от знаменитого собора, есть панно, на котором начертаны имена всех французских монархов и их жен, коронованных в этом городе. Есть среди них и имя королевы Анны, коронованной вместе со своим супругом Генрихом I. Когда король франков — предпочитавший красивым женщинам молодых пажей, если верить историческим свидетельствам — остановил свой выбор на киевской княжне, то прежде всего руководствовался чисто политическими соображениями.

Русь тогда считалась авторитетным государством в Европе, с которым считались и многие иностранные властители просили руки дочерей князя Ярослава, считая за честь породниться с ним. И он мог себе позволить выбирать, подыскивая для дочерей наиболее подходящих женихов.

Овдовевшему французскому королю много рассказывали о красивой и утонченной, умной и образованной принцессе из славянских земель. Будучи сам неграмотный, он заинтересовался заполучить просвещенную супругу, но это оказалось не так просто. Лишь со второго раза его свадебное посольство получило согласие влиятельного отца княжны, и она отправилась во Францию. Летописцы и хроникеры описывали Анну как мудрую и справедливую королеву, глубоко почитающую своего мужа и оказывавшую ему посильную помощь в управлении страной.

В сорока километрах к северу от Парижа, в городе Сен-Лисе об Анне Ярославовне помнят до сих пор — в основанном ею аббатстве Сен-Венсен стоит женская фигура из камня. В одной её руке — миниатюрный собор, а в другой она держит цветок лотоса — символа королевской власти. Надпись на постаменте гласит: "Анна Киевская. Королева Франции. Она основала сию обитель под покровительством Святого Венсена 21 апреля 1060 года".

У Анны было трое сыновей, старший из которых, Филипп — после смерти своего отца стал королем Франции. Однако ему на тот момент было всего девять лет, и вместе с ним правила и его мать.

После смерти супруга, её избранником стал граф Рауль де Крепи де Валуа — потомок Карла Великого, кровь чьего рода течет и в ней — в самой Маргарите.

Точно не известно, где закончила свои дни Анна Ярославовна — королева Франции, но, по легенде, она, с согласия своего сына, отправилась на родину. При её отплытии, среди прочих знатных рыцарей, присутствовал и знаменитый герцог Нормандский Вильгельм — покоритель Англии, прозванный Завоевателем — вот как всё сплелось в мировой истории.

Но Анне не суждено было прожить старость на родной земле — в пути она тяжело заболела и умерла. Как она пожелала в своём завещании, королеву похоронили по языческому обряду, уложив тело на подожженный погребальным костром плот и пустили его по воде.

Пройдя ещё немного, можно дойти до природоведческого музея — одного из самых больших таких музеев в мире, расположенного в самом центре города, в старинном доме с выразительной архитектурой, а его экспонаты рассказывают про возникновение, строение и эволюцию Земли, ее растительный и животный мир, ее прошлое и настоящее, про историю материальной культуры племен и народов, которые населяли территорию Украины. Смотреть — не пересмотреть! На просмотр экспонатов реально может уйти не менее двух-трех часов, ибо каждый из них непременно захочется внимательно рассмотреть и сфотографировать — Марк только и успевал настраивать фокус и нажимать кнопку цифрового фотоаппарата.

А тем временем часы уже показывали полдень — как раз можно не спеша перекусить в одном из множества ресторанчиков или кафетериев и продолжить экскурсию в музей медицины, где вам расскажут о развитии медицины в Украине с древнейших времен до наших дней, с оригинальной изюминкой в виде диорам, портретных фигур известных врачей и ученых, медицинского оборудования прошлых веков — он по праву считается одним из самых больших и оригинальных музеев медицинского профиля не только в Украине, но и во всей Европе.

Экскурсия впечатлила даже знатока, доктора Джека — имена таких гениев от медицины, как Николай Иванович Пирогов — основатель военно-полевой хирургии и связанная с ним легендарная сестра милосердия Дарья Севастопольская — героиня обороны Севастополя в Крымскую войну, Сергей Петрович Боткин — врач-терапевт, чей сын Евгений

был лейб-медиком последнего российского императора Николая II и был расстрелян вместе с царской семьёй, Леонид Леопольдович Гиршман — профессор медицины, хирург-офтальмолог или Николай Михайлович Амосов — кардиохирург, ученый и литератор, спасших тысячи и тысячи человеческих жизней, известны врачам всего мира. В самые грозные часы в истории — медицина шла об руку с кровопролитными войнами, спасая жизни солдат и простого народа.

И в продолжение медицинской темы — посещение музея-аптеки и знакомство с историей украинской фармацевтики и аптечного дела, где в витринах разложены всевозможные банки и склянки для лекарственных препаратов, старинные рецепты, инструменты фармацевтов прошлых веков, заспиртованные змеи и крабы и другие интересные вещи, а в подвале составлены инсталляции — монашеская келья Киево-Печерской лавры, хата знахарки с глиняной печкой и душистыми травами под потолком, подвал алхимика с восковой фигурой мага, склонившегося над колбой возле которой груды монет (существует легенда, что если кинуть ему монетку и загадать желание оно обязательно сбудется). Кроме лекарств тут есть и старинные банки с кремом, пудрой, духами, зубным порошком и даже чернилами — все эти вещи раньше продавались исключительно в аптеках. А в толстой аптечной книге на латыни записаны названия лекарств, их рецептура и цены. Залы с антикварной мебелью полностью воспроизводят старинную обстановку аптек позапрошлого века, когда аптекарь был ещё и лекарем, и в одном доме находилась и его приемная, и магазин, и лаборатория. Здесь продавались пилюли, мази, микстуры, изготовленные по старинной рецептуре из натуральных компонентов — растений, минералов, раковин моллюсков, крови и желчи животных, насекомых и яда: отдельно для бедноты и зажиточных горожан — цены и, соответственно, ингредиенты которых существенно отличались. Мыло, к примеру — для крестьян изготавливалось из собачьего жира, а состоятельным господам предлагались средства личной гигиены из пальмового или оливкового масла.

И сегодня здесь ещё можно ощутить атмосферу старинной аптеки, а в фито-баре можно выпить ароматного травяного настоя и купить лечебные препараты, изготовленные на травах, а также мыло ручной работы. Девушки так и поступили, приобретя масел, ароматизированных лавандой, цитрусовыми, бергамотом и персиком и мыло в красивых упаковках с шоколадным, кофейным и ванильным запахами.

Ох, ну почему же в сутках только двадцать четыре часа? Сколько же ещё всего нужно успеть увидеть! Следовательно, стоит поторопиться.

Порадовать детишек и самим окунуться в детство можно в музее популярной науки и техники — "Экспериментаниум" с более, чем тремя сотнями действующих экспонатов по

основным разделам физики, известным со школьной программы: механика, молекулярная физика, электричество и магнетизм, оптика, акустика, и всевозможными анатомическими экспонатами (тут, например, даже мужчины могут на себя примерить вес живота беременной женщины), иллюзиями и головоломками. Для уставших можно подпитать мозговое вещество в местном кафе и приобрести разнообразные сувениры, книги, настольные игры и наборы для юных исследователей и экспериментаторов в "Магазине научных подарков". Парочку наборов для юных химиков и биологов с настоящими микроскопами и предметными стеклами и для выращивания кристаллов приобрели, поддавшись уговорам детей, ещё Джону пришлось пообещать, что во время визитов в Небесный град его лаборатория будет открыта и для них, но — исключительно под его наблюдением, и этот пункт не подлежал обсуждению — в этот момент в его глазах промелькнула тень страха и... ещё чего-то неуловимого, о чем он не желал распространяться...

Продолжить научно-исследовательскую тему просто идеально было бы посещением выставки "Гений Да Винчи", где по расшифрованным чертежам воссоздано более ста различных устройств и аппаратов гениального художника и изобретателя, с использованием, насколько это было возможно, доступных человеку пятнадцатого столетия материалов и техники. Прообразы автомобиля, подводной лодки, танка, пулемёта, видеокамеры, акваланга, вертолёта — лишь малая доля примеров изобретений да Винчи, говорящих о том, насколько он опережал своё время. Тут же можно посмотреть репродукции его самых известных полотен в оригинальном размере и собрание его анатомических рисунков.

О Леонардо и его гении можно говорить бесконечно, но лучше всего своими руками прикоснуться к его изобретениям и своими глазами взглянуть в его полотна, пытаться разгадать тайну его замыслов и улыбки Джоконды, самому привести в движение маятники, покрутить все эти рычаги и рукояти, совершить выстрел из арбалета (в чем парни не смогли себе отказать) и поднять вес собственного тела на хитроумном приспособлении.

Дети с удовольствием крутили ручки и рычаги, а Джон подолгу останавливался у каждого экспоната — и просто невозможно было вырваться из этого захватывающего плена, но им нужно продолжать экскурсию, ведь они ещё далеко не всё успели увидеть в этом прекрасном городе.

День давно уже уверенно перевалил за полдень и клонился к вечеру, и пришлось немного прибавить темп — впереди их ждало ещё катание на фуникулере, посещение Мариинского парка с волшебным Мариинским дворцом — президентской резиденции, построенной ещё в правление самодержицы Елизаветы Петровны, прогулка по знаменитому Андреевскому спуску, на котором помимо великого множества сувенирных лавочек, где просто невозможно не затариться хоть самым маленьким сувениром на память, и кафе, взглянуть на музей известного российского писателя Михаила Булгакова, обессмертившего своим гением любовь Маргариты и её Мастера в одном из самых сильных своих произведений, так любимом Маргаритой — миниатюрной тезкой главной героини, прославленный "Замок Ричарда — Львиное Сердце" — самое знаменитое здание

Андреевского спуска, да и всего Киева, в помещениях которого долгое время слышались жуткие завывания и стоны, и казалось, что дом кишит приведениями, а на самом деле причиной были проблемы в системе вентиляции.

Впечатлительную Маргариту не мог не поразить так называемый "дом с химерами" — диковинное здание украшенное фантастическими скульптурами зверей и химерами словно снятыми с островерхих крыш собора Нотр-Дам в Париже, на крыше которого разместились добродушные жабы и nereиды, в стены дома вмурованы головы носорогов и антилоп, а водопроводные трубы выполнены в виде змей и слоновьих хоботов.

Говорят, дом этот построен архитектором Городецким за рекордные два года на пари с другими архитекторами, которые утверждали, что на таком обрыве строить невозможно. В экстравагантном доме архитектор сдавал квартиры сдавал внаем, и недостатка в клиентах у него не было, даже несмотря на высокую цену. Только представьте себе, что тут были такие удобства, как прачечная, винный погреб, свой ледник, а во дворе пара коров, чтобы жильцы каждый день получали к своему утреннему кофе свежие сливки.

Спустя десять лет Городецкий продает свой особняк, и последующие годы дом сменил много хозяев.

Ещё предстоит осмотреть Оперный театр, кукольный театр, памятник княгине Ольге — жене князя Игоря — увенчанной славой правительнице, одной из первых на Руси она принявшей христианство, поехав для этого в Константинополь, что, несомненно, повлияло на выбор ее внука князя Владимира который обратил в христианство всю Русь.

Завершили наши интуристы этот насыщенный вечер, по многочисленным просьбам детей и Питера, в киевском зоопарке с коллекцией представителей фауны со всего мира, совершив напоследок обзорную экскурсию по территории зоопарка на электромобиле, в чем наши уставшие путешественники не смогли себе отказать, почувствовав себя детьми — пусть и на несколько минут всего лишь.

Было уже около восьми часов вечера, когда, уставшие физически и удовлетворенные морально, они вернулись в центр города — поужинать в ресторанчике на знаменитом Крещатике, рядом с памятником самому Владиславу Городецкому, сидящему за столиком в

кафе с чашкой кофе в руке. На столике лежит книга с четкой надписью: "В. Городецкий. В джунглях Африки. Дневник охотника". А чтобы он не скучал — за столиком есть еще один свободный стул, и любой желающий может присесть и выпить кофе вместе со знаменитым архитектором.

Побывать в Киеве и не попробовать котлет по-киевски и кусочек киевского торта — это было бы совершенно непростительно.

— Боже, я и так скоро ни в одно платье не влезу... — Маргарита испустила глубокий вздох.

— Тоже мне, нашла проблему, — успокоила её златовласая, — Мы тебе новых платьев купим. Правда, Джон? — мужчина утвердительно кивнул, обнимая жену, — И мне купим, правда, дорогой? — не унималась Даниэлла.

— Какие захочешь, солнышко, — молодой хирург поцеловал жену в висок.

— А, если тебя это так беспокоит, то можем записаться на аэробику для беременных, когда вернемся, — предложила блондинка, — Такой вариант тебя устроит? — Марго улыбнулась.

— Все довольны — вот и славненько, — подмигнула Джасси, взяв в руки столовые приборы, — Надо распробовать все ингредиенты этой вкуснятины, я хочу дома попробовать приготовить так же.

И уже совсем скоро, после прогулки по ночному Крещатику, освещенному яркой иллюминацией, они скажут украинское "До побачення!" взлетающим к небу разноцветным брызгам фонтана на центральной площади в свете ярких ламп и оставят позади прекрасный Киев — в начале одиннадцатого часа вечера, друзья продолжают свой путь на поезде в Харьков — далеко не последний по значимости город на Украине, "Первую столицу", один из крупнейших культурных и промышленных центров восточной Украины.

Почти всю ночь Марк сидел за ноутбуком, что-то усиленно ища во всемирной паутине Интернета.

— Марк, а скажи, пожалуйста, — Маргарита долго ворочалась на верхней полке, пока не решила поинтересоваться, свесившись с полки, чем же это так увлечен парень, ещё с раннего детства, когда они с семьей путешествовали к бабушке Констанции в Прованс, она всегда выбирала непременно верхнюю полку — это было её любимым местом, и сейчас ей стоило большого труда уговорить мужа и друзей разрешить ей занять верхнее место в её положении, — чем это ты таким занят интересным, что потерял счет времени? Мы же прибываем завтра рано, так ведь? У нас и так слишком насыщенный график — ты же завтра будешь спать на ходу.

— А? Что? — всполошился молодой человек, — Да так... ищу одну информацию... Но,

это всё равно что искать иглу в стоге сена — у меня ни одной зацепки, — он сокрушенно развел руками.

— Ну, что, полуночники, вы успокаиваться вообще собираетесь? Можно потише? Ребенок спит, — с места, противоположного Марку, отозвался Джон, развернувшись лицом и садясь на своей полке, — Берите пример с неё, — он кивнул в сторону ровно посапывающей Аделины, — Спит безмятежным сном ангела.

— Кстати, об Адель, — спокойно заметил Марк, чуть оторвав голову от монитора, — Я пытаюсь найти сведения о её настоящей семье, но это невероятно сложно — я так и не продвинулся в своих поисках. Это просто бесполезно — её мать могла родить в частной клинике или вовсе — за границей...

— Так, это что — заговор? — девушка категорично сделала попытку слезть с верхней полки, чем вызвала опасение со стороны мужа:

— Давай я поддержу, — он подхватил её и поставил на пол.

— Только учтите, что Аделька наша, и я ни кому не отдам её — решительно заявила девушка, для большего эффекта сжав губы и топнув ногой.

— Успокойся, дорогая, тебе нельзя волноваться, — Джон успокаивающе погладил её по голове, — Да и девочку будить нам не стоит. Тут я согласен — она имеет право знать. И мы имеем право знать, только, с нами следовало посоветоваться предварительно, — он красноречиво посмотрел на Марка, — Ты так не считаешь?

— Ну, уж простите, — виновато ссутулился парень, — я, должно быть, увлекся — для таких, как мы это очень много значит.

— Она знает, что не родная нам, — спокойно продолжил в разговор Джон, — Но, ни что не изменит нашего отношения к ней. Иногда вещи нам кажутся не такими, какими являются на самом деле — взять, к примеру, историю Марка. А, вдруг, где-нибудь страдает её мать, безуспешно пытающаяся разыскать свою дочь. И тебе не было бы её жаль? — он пронзительно посмотрел в глаза девушки, — Нам же пока не известны мотивы, заставившие её так поступить.

— Ваша правда, — Марго воздела глаза к потолку, опустила руки и присела рядом с парнем, — Если уж вопрос стоит так... — она случайно прикоснулась к монитору ноутбука, и отшатнулась, словно, пальцы пронзили множество игл, а перед глазами пронеслись, как кадры из старого черно-белого фильма: взрывная волна, опекающее пламя, заметка в газете — и всепоглощающая тьма, всё пронеслось настолько быстро, что она едва только успела разглядеть дату в газетном заголовке, — Ищи информацию об автокатастрофе 13 октября 2008 года, может, это тебе хоть чем-нибудь поможет. Только уже не сегодня — мы все очень устали, и нам необходим отдых, — переведя дыхание, Маргарита отсела подальше, массируя виски.

— Марго, с тобой всё в порядке? — Джон сел рядом, обнимая её, а Марк продолжал в недоумении смотреть на неё.

— Да, уже гораздо лучше, — девушка взяла со столика бутылку минеральной воды и отпила глоток, — Мои видения... они не бывают просто так... Мы должны это сделать — найти их, родителей Аделин, если они ещё живы. А сейчас, давайте уже, наконец, спать, — снова забравшись на верхнюю полку при помощи мужа, Маргарита тотчас же заснула, под размеренный перестук колес заснул и Джон, и Марк — таки сложивший свой ноутбук.

А утром их ждал уже другой город...

Харьков — не просто крупнейший город в восточной части Украины, научный, индустриальный и транспортный центр востока страны.

За всю долгую историю своего существования, которая берет свое начало ещё с века одиннадцатого и времен полу-легендарного основателя города — казака Харько, город успел побывать временной столицей Украинской Республики — до освобождения Киева в годы Великой отечественной войны (а после аварии на Чернобыльской АЭС, в связи с близостью очага опасного радиоактивного заражения к столице, на неформальном уровне шло обсуждение о переносе её из Киева в другой город, и первым из возможных кандидатов был Харьков) — несмотря на столичный статус и все привилегии Киева, за городом навсегда закрепилось звание "Первой Столицы", научного, культурного и промышленного города-гиганта, в последние годы проводившего масштабные работы по реконструкции и улучшению в истинно общегородских масштабах.

В Харькове проводятся знаменательные события международной культурной жизни, фестивали книг и писателей-фантастов, музыкальные и кинофестивали.

Герб города представляет собой французский геральдический щит, на зелёном поле которого перекрещиваются рог изобилия, полный плодов и цветов, и золотой кадуцей с серебряными крыльями, обвитый серебряными змеями. Рог изобилия доверху наполнен красными яблоками, жёлтыми грушами, жёлтыми сливами, оранжевыми абрикосами и синим виноградом. Зелёный цвет герба означает надежду, радость, благосостояние. Рог изобилия символизирует природные богатства. Кадуцей — неизменный атрибут бога Меркурия, считавшегося в эпоху античности покровителем торговцев, путешественников, дипломатов, а обвивающие его змеи — мудрость.

Уже не терпится поближе познакомиться со всеми городскими достопримечательностями, но — сначала нужно принять душ в гостинице, отдать кое-какие вещи в стирку, подготовить сменный комплект одежды и отдохнуть с дороги.

О, это волшебное слово — душ! Как же приятно почувствовать на себе эти целительные

капли — будто родиться заново.

По-королевски отдохнув в комфортных номерах в самом центральном из отелей города и сверившись с путеводителем, друзья решили перекусить в одном из ресторанов сети японской кухни, который находился совсем рядом — всего в нескольких шагах от гостиницы, и где утонченность и аристократизм японской кухни гармонично сочетаются с динамичностью и минимализмом городского интерьера. Кулинарные традиции Страны Восходящего Солнца уже стали неотъемлемой частью европейской городской культуры, а сеть таких ресторанов стала практически синонимом японской кухни для многих харьковчан.

При помощи объяснений Джека и перевода Марка, ребятам удалось выбрать на пробу наиболее интересные блюда — морепродукты во все времена и во многих странах считались полезными и богатыми питательными веществами и микроэлементами.

Это позже они ещё будут удивлены, что в городе имеется несколько сетей кафе и ресторанов, предлагающий своим посетителям вкусить японской кухни, а пока они восхищенно взирали на то, как доктор мастерски управляет с палочками — сами довольствуясь пока учебными.

Для тех же, кто боится рисковать и пробовать экзотическую пищу, в меню присутствуют и традиционные кушанья, которые можно есть при помощи привычных европейских ножа и вилки.

— Ну, что, будем здравы! Кампай! (Капраі! — универсальный японский тост, аналог русского "До дна!" или украинского "Будьмо!") — парни подняли бокалы сухого белого вина, — До дна!

Девушки ограничились имбирным чаем, латте и безалкогольным мохито.

Джек с улыбкой наблюдал за тем, как друзья пытались управляться учебными палочками.

— И нечего смеяться, дорогой, — вздернула свой носик Даниэлла, — Я разберусь-таки во всех этих премудростях, чтобы, как добропорядочная японская жена, готовить любимому мужу традиционный обед — бенто. Здорово, всё-таки, что в этом мире есть такое разнообразие.

— Ух, и какому же это мальчику так повезло? — хитро прищурился он, от чего у уголках его глаз образовались лучики морщинок, — Ты будешь самой очаровательной кawaii-девочкой (kawaii — с японского "милый", "очаровательный", "прелестный", самым "кавайи" образом у японцев считается маленькая европейская девочка со светлыми волосами

и голубыми глазами) во всём Токио.

— Что? Ты серьёзно? — глаза блондинки сразу загорелись озорным огоньком, — Ты покажешь мне Токио?

— Боюсь, не в этом году, моя прелесть, — покачал головой Джек, — Но, на будущее я буду иметь в виду твоё пожелание.

— Спасибо, милый, — девушка благодарно обняла мужа и поцеловала его в кончик носа, — Всегда мечтала посетить районы Синдзюку и Гинза — почувствовать себя маленькой девочкой в сказке и купить нарядное платьице, куклу и несколько новых томов любимых комиксов.

— А ты неисправима, дорогая моя, — молодой хирург легко ущипнул её за щеку и убрал выбившиеся из косы волосы, — Ну, что, не пора ли распробовать все эти изыски? Итадакимас! (Itadakimasu! — аналогично нашему "Приятного аппетита!", но не совсем — дословно "итадакимас" означает "я принимаю", и фраза эта берет свое начало в буддизме, выражая уважение ко всему живому, ко всему в чем есть жизнь: у всего, что мы кушаем на завтрак, обед и ужин — есть жизнь, у риса (и прочих растений), у коров, у свинок, у рыбок — в общем, у всего — все это жило себе поживало, а злой дядька-фермер их убил, чтобы потом повар приготовил нам вкусненький обед, в общем, поглощая чужую жизнь, мы живем — "итадакимас" в этом контексте означает "я принимаю жизнь") Вот эти осьминожки выглядят особенно мило, и угорь получился просто объедение, — подмигнул он.

Отдохнув и утолив голод, компания двинулась дальше — на променады по главной улице к главному парку города, не так давно практически полностью восстановленного и отреставрированного — на радость харьковчанам и гостям города.

Изначально парк строили в дали от прежней городской черты по образцу Булонского леса во Франции — с аллеями для верховой езды и катания в экипажах — вот ещё один любопытный факт для француженки Маргариты. Благодаря энтузиазму жителей города, при активном участии студентов и гимназистов, площадь посадок существенно росла, дополняясь новыми прогулочными аллеями и живописными полянами.

Вместе с огромным ущербом всему городу, Великая Отечественная война не пощадила и этот парк — в оккупацию вырубали на дрова значительную часть парковых деревьев, и погибла единственная в Украине кедровая роща.

После войны и в последующие годы парк был восстановлен, постоянно улучшаясь и совершенствуясь.

Символом обновленного парка стала белочка. Покормить этих милых зверьков уже много десятилетий в парк приезжает не одно поколение харьковчан. Эта традиция — неотъемлемая часть парка.

При реконструкции установили новые аттракционы, среди них — самое большое в Украине колесо обозрения, на котором можно осмотреть город с высоты птичьего полета, Французская карусель, Дом ужасов, а также аттракционы для самых маленьких, комплекс для любителей экстремальных видов спорта, роллердром, веревочный городок, спортивные

площадки, автодром и другие объекты.

Парк стал визитной карточкой Харькова и отличным местом, где можно прекрасно отдохнуть и весело провести время.

Прямо возле центрального входа были замечены молодые люди, разъезжающие на роликах, и золотоволосая Даниэлла тотчас же захотела последовать их примеру и взять на прокат ролики, её желания бурными возгласами восторга поддержали и Розалинда с Алишером. И вот уже через некоторое время они легко скользили по асфальту, рассекая воздух, с интересом исследуя аллеи парка. К ним присоединились Ден и Джастина и Питер с Евой.

Но, только Даниэлла собралась разогнаться, как муж поостудил её порыв:

— Э, нет, солнышко, будешь держать меня под руку — не так быстро, зато безопаснее, — глубоко вздохнув, девушке пришлось согласиться.

Детям пришелся по душе уникальный лазерный тир в виде старого американского гаража с веселым автомобилем и развлекательный центр с игровыми автоматами.

А кто не мечтает ощутить себя настоящим асом автогонок на трассе скоростного Автодрома, где каждый любитель быстрой и экстремальной езды может смело испытать свои силы? Как оказалось, увлечение скоростью было общим для Джона и для Марка — после интересного времяпровождения в Автошколе с трассой, максимально приближенной к реальной — с настоящей разметкой, дорожными знаками и аккумуляторными машинами, выглядевшими как настоящие болиды, где от души поразвлекалась Аделька, они втроем — с Алишером и Розалиндой, с радостью погоняли, после чего постреляли в тире, исполненном в стиле средневекового замка, а так же — из воздушной пушки, стреляющей теннисными мячиками.

И все вместе с радостью опробовали веревочный городок, где желающие могут выбрать себе маршрут соизмеримо своим силам, и посетили Особняк ужасов и множество других, захватывающих дух, аттракционов, включая самый заметный — Колесо обозрения, и подвесную Канатную дорогу с обновленными пассажирскими кабинами, и провели незабываемые двадцать минут своей жизни путешествуя по Детской железной дороге где и машинисты, и кондукторы — дети, юные будущие железнодорожники, которые, тем не менее, со взрослой серьезностью и гордостью несут свою службу — будь то ведение локомотива, проверка проездных документов или объявление станций на пути следования.

А ещё нужно успеть прокатиться на французской карусели, рядом с которой можно полакомиться французскими пирожными в симпатичном кафе, и сфотографироваться со множеством скульптурных композиций детишек — прыгающих, танцующих и играющих в

салки и другие детские игры.

И не забыть посмотреть пруд с лебедями и утками и завершить экскурсию, совершив круг почёта по парку на веселом паровозике.

В такие моменты кажется, что мир создан только для счастья и радости, а вкус шоколадного мороженого во рту значительно усиливает это ощущение — не правда ли?

А потом они прошлись дальше по самому центру города, его главной улице и центральной "жизненной артерии", отметив по ходу строение известного Харьковского Университета, и заметный уже издали символ города — монументальное здание Дома Государственной промышленности в стиле конструктивизма, и на "площади фонтанов" перед оперным театром, этим образцом постмодернистской архитектуры, где, кроме того, проходят всевозможные фестивали и выставки, освежились в полуденный зной.

Не обделили вниманием путешественники и старейший в Европе зоопарк с коллекцией и весьма редких представителей животного мира в зеленой глубине паркового комплекса имени украинского поэта и видного общественного деятеля Тараса Шевченко.

Круглый год зоопарк неизменно посещает огромное количество людей — харьковчан и гостей города, целыми семьями, он всегда молодой, это — гордость и визитная карточка города.

Так и хочется сфотографировать всех этих дикобразов, енотов, каракалов, рысей, хорьков, медведей, львов, слонов, верблюдов, лам, бегемота, фазанов, павлинов, пеликанов, аистов, филинов, грифов, мартышек, куланов, оленей — не упустить ни кого — ни единого кадра. Марк и Даниэлла так и залипали у каждого вольера, стараясь поймать лучшие ракурсы — он на фотоаппарат, она на планшет, за ними, по мере возможности старались протиснуться и остальные — в зоопарке никогда не бывает недостатка в посетителях.

И как можно отказаться от удовольствия проехать по зоопарку на покладистом коне, или покатать детей на милом пони, или покормить в контактном зоопарке с рук — козлят, поросят, крольчат, хорьков и шиншилл?

А возле слоновника стоит статуя слоголового бога индуистского пантеона — Ганеши, к ногам которого можно бросить монетку и, погладив его по животу, загадать желание. И эта статуя порадовала сердце гостя, чьей родиной была жаркая Индия, и чье имя Джаньян было столь же трудно произносимым, как и большинство имен божеств индуистского пантеона.

Маргарита всё смотрела на веселящуюся Адельку, и сердце сжималось — хватит ли у неё духу продолжить поиски её родителей? Сможет ли она отпустить девочку, если они найдутся и захотят вернуть свою дочь, или, если оправдаются их самые худшие опасения, сказать ей страшную правду? Господи, до чего же это тяжело!

Продолжить зоологическую тему путеводитель рекомендовал в харьковском дельфинарии, что совсем рядом.

Дельфинарий — это, пожалуй что, единственное место, где можно увидеть удивительных обитателей моря настолько близко, и наши герои решили последовать совету, воспользовавшись возможностью окунуться в морские глубины в самом центре города.

Удивительные дельфины, белый кит, а также смешные морские котики, морские львы открывают для взрослых и детей двери в удивительный мир природы, красоты и гармонии.

Воды на планете вдвое больше, чем суши — это таинственный и уязвимый огромный подводный мир. Приближаясь к нему в дельфинарии мы понимаем, что сохранность этого хрупкого мира зависит и от человека. Потому, среди главных задач дельфинария — распространение знаний о морских млекопитающих и природоохранных идей в необыкновенной и занимательной подаче ярким, красочным шоу.

В благодарность за заботу и поддержку тренеров-воспитателей и других специалистов дельфинария, эти умные морские млекопитающие с удовольствием демонстрируют свои таланты, даря своими незабываемыми выступлениями радость и искренние, чистые, позитивные эмоции.

Дельфины — животные очень общительные и эмоциональные. Благодаря такой своей "социальности" и готовности всегда прийти на помощь человеку, они охотно помогают больным детям на сеансах дельфинотерапии — нового слова в нетрадиционной медицине, сочетающего в себе и общение, и лечение.

Радости и ликование детей не было предела, когда после незабываемого представления с лазерным и файер-шоу и выступления невероятных питомцев дельфинария, они вместе с остальными смогли в буквальном смысле — окунуться в волшебство и поплавать вместе с дельфинами в огромном бассейне, а Питер, с помощью Марка как переводчика, ещё долго общался с тренерами, взаимно обогащая и дополняя знания друг друга.

И вновь они вернулись в уже знакомый ресторан отведать японской кухни — на этот раз меню было разнообразно крем-супом из морепродуктов, стейками из лосося с экзотической гречневой и рисовой лапшой и креветками, приготовленными в кляре и обжаренными во фритюре, а Джек не смог отказать себе в дополнительной рюмочке традиционного саке.

Компания как раз поглощала кулинарные изыски кухни Страны Восходящего Солнца на веранде ресторана, когда позвонила сестра Джона — он включил громкую связь, и вся компания смогла её дружно поприветствовать, а дети наперебой рассказывали обо всём интересном, что они увидели во время путешествия. Ями поблагодарила за ткань, которую она получила, материал уже успешно отправлен на крой. Девушки уже предвкушали роскошное торжество, достойное сказок тысячи и одной ночи, какие только могут

устраивать в Небесном граде, и предложили принять во внимание восточную Европу при выборе маршрута для медового месяца, когда к беседе подключились Рафаэль и Сони. Молодой хирург обнадежил будущего жениха, что пришел положительный ответ из офтальмологического центра при клинике Allergay-Labrouste в Париже насчет обследования его травмированного глаза и возможного последующего повторного хирургического вмешательства — в этом случае, правда, придется перенести дату свадьбы, но, это — не большая цена за возможность вернуть здоровье.

Только они успели попрощаться с абонентами из далекого Джайпура, как зазвонил телефон Марка, и парень откровенно рад был услышать Дугласа, который сообщил о поступившем предложении от одного из самых знаменитых земляков юноши — Святослава Вакарчука, украинского рок-музыканта, основателя и лидера группы "Океан Ельзи" и видного общественного деятеля — принять участие в съёмках нового клипа в Карпатах. Марка до сих пор смущало такое внимание к своей персоне, в том же приюте, в котором он вырос, всё было гораздо проще, но, такова теперь его работа и его жизнь, да и отказать земляку было бы некрасиво. Таким образом, предложение было принято ко всеобщей радости его спутников, так как обговорить детали можно было прямо сегодня после масштабного выступления группы в рамках концертного тура на обновленном харьковском стадионе "Металлист" — не иначе, как сама судьба вела их. Да, и что может быть лучше, чем завершить ещё один занимательный день замечательным зрелищным концертом и поддержать Марка в становлении его карьеры, тем более, что места для них были уже забронированы трудами мистера Айронса, заранее предупредившего своего украинского коллегу о том, где находится новоявленная звезда модельного бизнеса и сколько с ним сопровождающих. Ещё одна хорошая новость ждала и Джона — по его желанию, были найдены помещения для швейного цеха и магазина и заброшенный ночной клуб — для показов. Ремонтных работ предстоит ещё много, но, начало мероприятию было положено. И господин Ондзи просил передать, что скоро тоже позвонит, как только освободиться — у него имеется к ним одно, весьма и весьма заманчивое, предложение.

После концерта общение прошло в легкой и непринужденной обстановке, а сами музыканты оставили самое приятное впечатление, и друзья решили для себя подробнее познакомиться с их творчеством при помощи переводов Марка.

Сам же он, пока увлеченные парочки предавались любви, уединившись в своих номерах по возвращении в отель, снова просидел всю ночь в сети — с указанием даты, найти искомый материал оказалось возможным — это, и в самом деле, была очень трагическая авария в одном из дальних округов Парижа, в которой погибли Кристоф и Шарлотта де Шатильон — ученые-генетики научно-исследовательской медицинской лаборатории при

медицинском факультете Университета Париж-Юг (Париж XI) на базе Сорбонны — ни о каком ребенке не упоминалось. Это был большой урон для мирового научного сообщества, но, ему они ровным счетом ничего не говорили. Тупик или всё-таки зацепка?

Маргарита стояла на лоджии и считала звезды в ночном небе и огни в окнах окружающих домов, когда подошел Джон с чашкой теплого чая в руках:

— Ромашковый, хорошо успокаивает, — улыбнулся он, протягивая чашку ей, — Тебя что-то беспокоит последнее время? — он задержал её руки в своих и требовательно посмотрел на неё.

— Даже не знаю, что и сказать, — она пожала плечами, словно ежась от холода, и провела пальцем по ободку своей чашки с чаем, — у меня странное чувство, словно над нами сгущаются тучи... Я не могу понять, в чем дело, не могу контролировать свои видения — я не понимаю, что происходит...

— Это нормально — быть взволнованной в твоём состоянии, — он присел в кресло и усадил её себе на колени, — Пока я рядом, тебе нечего бояться. Я даже знаю одно верное средство, чтобы разогнать твои страхи, — и от его сокровенного шепота стало жарко, и звезды, казалось, вспыхнули ярче, — Ты уже допила? — он отставил её чашку на стоящий рядом столик, без труда подхватив девушку на руки и унося в комнату.

— А что ты будешь говорить дорогой, когда я стану круглой и неповоротливой, как бочонок, — Маргарита сморщила свой хорошенький носик, совсем как маленькая игривая обезьянка потешает публику своими ужимками.

— То же, что и всегда — что безумно люблю тебя, — улыбнулся он, накрыв своей рукой её ладонь, вторую остановив на её бедре — она заливисто рассмеялась.

На балконе другого номера на то же небо смотрели златовласая и молодой хирург — и от возбуждения сегодняшнего дня казалось, что вся округа слышит сумасшедшее биение их сердец, а жар их тел согревает этой прохладной ночью.

Еще одна пара следующих молодоженов — Питер и Ева — лежали на широкой кровати, поближе прижавшись друг к другу, и расслабленно болтали обо всём, что им удалось увидеть и узнать в этом путешествии, о предстоящей свадьбе и будущей совместной жизни, обо всяких приятных мелочах — какого цвета шторы будут в гостиной, а какого — в спальне, какие цветы высадить в саду, какое домашнее животное завести — умного попугая с ярким опереньем или сиамского кота с независимым характером и голубыми глазами, какие имена дать их будущим детям, как часто они планируют навещать родственников...И прохладный ветерок с улицы заставлял прижиматься крепче и перейти с диалога словесного на диалог плоти и заменить слова пылкими поцелуями и страстными темпераментными ласками.

Кому ещё в эту ночь не спалось? Джастине и Дену — ни что так не настраивает на романтический лад и не сближает людей, как освежающие осенние ночи, и эти влюбленные не стали исключением. И в темноте глаза любимого человека горели ярче всех звезд небесных, и все эти поцелуи ласки практически на ощупь сводили с ума и вызывали непередаваемый спектр эмоций и чувств, что захлестывали с головой, подчиняя себе все мысли — и впереди у них была вся эта ночь, без остатка.

А вот дети, утомленные приключениями, заснули, едва их головы коснулись подушек.

Утром, по дороге в аэропорт, Марк рассказал о своих результатах поиска и поинтересовался, не известна ли Маргарите фамилия Шатильон, что повергло девушку в совершенное замешательство — не думала она, что то, что они так искали, окажется информацией о смерти руководителя дипломного проекта её отца, после гибели которого на место заместителя директора лаборатории, согласно его завещанию, и был назначен Шарль Валуа. Но, какое отношение они имеют к Аделине? Какая тут может быть связь, если, насколько ей было известно, у Шатильонов детей не было? Или — связь всё-таки есть? Что об этом знают её родители? Могут ли они что-то скрывать от неё? Как же много вопросов и как же проносятся на бешеной скорости мысли в голове... Только бы побыстрее самолет приземлился в Москве, чтобы она, как можно скорее, смогла позвонить родителям и задать им вопросы, что не дают ей сейчас покоя, в надежде услышать откровенный ответ... Так она и провалилась в дрему, периодически вздрагивая и сильнее сжимая руку мужа, подсознательно ища в этом простом жесте необходимую ей сейчас поддержку.

10. Небеса Европы — Moscow Calling

"Москва тревог не прятала, Москва видала всякое
Но беды все и горести склонялись перед ней.
Любовь Москвы не быстрая, но верная и чистая
Поскольку материнская любовь — других сильнее..."
Юрий Визбор

"Корона Российской империи в Гохране Российской федерации... С тем, что основанная Петром Первым, Российская империя жива — согласны и её сторонники, и её противники. Для одних, империя — ответ на первый "проклятый" русский вопрос — "Что делать?", для других она — ответ на второй "проклятый" русский вопрос "Кто виноват?" — так начинается и такими же словами заканчивается серия историко-познавательных передач, посвященная трехсотлетию основания Российской империи, российского журналиста, актера, режиссера и телеведущего, автора популярных телепроектов — Леонида Парфенова.

Страна с невообразимым культурным и природным многообразием, "загадочной русской душой", которые сами по себе заслуживают отдельного разговора. История которой полна загадок и неожиданных поворотов.

Как тут не вспомнить строки Федора Тютчева:

"Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья -

В Россию можно только верить."

И вот из-за облаков показалась столица этой страны — страны с древней и великой историей, полной событий знаковых, порой — драматических, ставшей частью истории всемирной, взаимно влияя и обогащая её, подарив миру множество великих гениев ума и таланта — "куда только не заносило русский ум, русский флаг и русскую шпагу".

В годы "Холодной войны" мало кто из иностранцев отваживался посещать Советский Союз и его столицу в частности, но с падением железного занавеса всё чаще и всё больше иностранных туристов можно повстречать как на экскурсиях по историческим достопримечательностям, так и в современных торговых центрах. И можно было услышать рядом с собой множество языков, диалектов и наречий самых разных народностей.

Столетия назад по улицам, площадям, бульварам и переулкам "Первопрестольной" ездили и ходили, царили и княжили, сражались и любили, учились и мечтали легендарные личности своих эпох: "дщерь Петрова" — блистательная Елисавет — румяная щеголиха, оставившая после себя пятнадцать тысяч платьев и пустую казну, чьи указы читались как журналы мод, удивительная во всех отношениях женщина — самодержица Екатерина II Алексеевна — Великая, обладавшая гибким и пытливым умом и легким порывистым пером, издававшая сказки и пьесы, увлеченная литературой и естественными науками и состоявшая в переписке с французскими просветителями Вольтером и Дидро, никак не проявившая себя как мать, зато бабушкой ставшая отменной — двух старших внуков Александра и Константина взяла на своё воспитание и растила по последнему слову педагогической мысли, лично сочинив для них букварь, изобретя одновременно гениальное и простое приспособление — цельный детский комбинезон, и оставшаяся весьма довольной своей эксклюзивной находкой, первым делом построившая в начале своего славного царствования павильон-аттракцион Каталную гору — горки "Ух, захватывает дух!" — известные в мире как "Американские горки", однако — построенные за три года до провозглашения Соединенных штатов Америки, и "стая славных Екатерининских орлов", видных государственных мужей, физик и лирик из легендарного рыбного обоза, энциклопедист и ученый — "первый российский Университет" — Михайло Ломоносов, ещё один Михаил — тот самый Голенищев-Кутузов — гроза Наполеоновской армии, историк и литератор Николай Карамзин, автор хрестоматийной "Истории государства Российского", император-мистик Павел I и император-умиротворитель и освободитель народов — Александр I, аристократы-отщепенцы декабристы, революционеры и последний российский император трагической судьбы — Николай II, известный художник и меценат Иван Айвазовский (дослужившийся до звания действительного статского советника, что соответствует адмиралу — это ли не триумф для художника-мариниста?), великие зодчие, писатели — Лев Толстой и Федор Достоевский, Иван Тургенев, поэты и композиторы Римский-Корсаков, Прокофьев, Стравинский — с которого в русской опере так запели и заиграли и русская история и русская сказка, ученые, такие как Иван Павлов и Илья Мечников — и это лишь малая, поверхностная часть внушительного списка. И где прославились таланты гениальных иностранцев, живших и творивших в России — архитекторов Растрелли и Росси, композитор Иоганн Штраус, офицеры, дипломаты, ученые и исследователи на русской службе.

Город встретил последними теплыми солнечными днями перед наступающими холодами и ливнями, подарив напоследок путешественникам пригожую погоду, чтобы по достоинству оценить красоту Москвы и приятно провести время в столице, делая краски

ярче, блеск куполов более сверкающим, лица прохожих — более приветливыми, а впечатления от поездки — более светлыми.

И снова — практически привычный уже ритуал смены телефонных сим-карт и обмена денег прямо на территории аэропорта "Домодедово" — и можно начинать своё знакомство с Москвой.

Почти сразу, как только самолет приземлился, и компания, получив багаж, покинула терминал, Маргарита, всё ещё сильно взволнованная, набрала номер мобильного телефона отца:

— Привет, папуль! Да-да, долетели хорошо, — она невероятно рада была слышать его голос, — Как у вас дела? Как идет подготовка к конференции? Да, конечно, поцелуй от нас маму. Актеон и Сорбонна хорошо себя ведут, не доставляют вам хлопот? А Милорд хорошо себя ведет? — потом Маргарита перешла к тому вопросу, который так её волновал, — Папа, скажи, ты ведь хорошо знал чету де Шатильонов? У них точно не было детей? У меня снова было видение, ты знаешь, это со мной от бабушки Констанс, и связано оно было с Аделькой, — этот вопрос застал Шарля врасплох.

Да, он знал Кристофа и Шарлотту, только пребывал в полной уверенности, что детей у этой пары не было — Шарлотт не могла зачать и несколько лет проходила лечение от бесплодия, и последний раз — как раз незадолго до автокатастрофы, в которой погибла вместе с мужем. И эта информация впервые заставила его задуматься — по всему понятно, что умирать они тогда не собирались — потому не осталось ни завещания, ни каких других серьезных документов.

"Кристоф, Кристоф — какую же тайну ты унес с собой на тот свет? И я тоже хорош — каким же я был тебе другом, если ты не поделился со мной? Прости меня, друг, если можешь... Обещаю тебе, что разберусь во всем этом и найду ответы на все вопросы." — такую установку дал себе Шарль-Анри, пообещав Маргарите разузнать всё возможное и сообщить результаты своего расследования. И первым делом стоило подробнее расспросить их руководителя Артура Клейтона и более прицельно осмотреть его квартиру в Париже на предмет не найденных ранее тайников или каких хранилищ.

Герб и флаг Москвы представляют собой тёмно-красные геральдический щит и прямоугольное полотнище с изображением всадника — Святого Георгия Победоносца, поражающего чёрного Змия.

Расположенная не реке Москве, она — туристический, экономический, культурный и политический центр Российской Федерации с основания князем Юрием Долгоруким в далеком двенадцатом веке, воспетая в стихах, поэмах, прозе и кинофильмах, Москва и сейчас — не перестающее биться, постоянно пульсирующее сердце Советского государства, занимавшего 1/6 часть суши, а впоследствии — России, привлекающая многочисленных туристов и по сей день — не только традиционными туристическими путями паломничества к всемирно известным достопримечательностям почти вечного города, а и — манящими яркими витринами большого количества новомодных салонов и бутиков.

Древняя — и постоянно новая, известная — и так до конца и не познанная, не переставляющая удивлять, когда, казалось бы — уже раскрыла тебе простодушно все свои секреты.

А секретов — ой, как не мало, у сказочной Белокаменной, выдавшей за свою историю и дворцовые перевороты, и народные бунты, пожары и восстания, блестящие балы и ужасы пожаров и бомбардировок, предателей и героических защитников, бесстрашных и бесславных самозванцев и гениев — великих мужей и жен своего отечества. Не сразу строившаяся и не раз отстраивавшаяся, возрождаясь буквально из пепла, с достоинством выдержавшая все, выпавшие на её судьбу, испытания, такой же стойкости и величия духа требует с тех, кого сочтет достойнейшими из достойнейших её славы и благосклонности — и только этому она готова поверить, только чистым и благородным сердцам — она готова подарить своё сердце и свою любовь.

Мало кому не была бы известна знаменитая центральная площадь, именуемая Красной, а алые кремлевские звезды видны за много километров — а когда-то московский Кремль был деревянным сооружением, гораздо более скромным, сейчас же это — целый комплекс из площадей, улиц и зданий.

Знаменитый бой кремлевских курантов и легендарные — ни разу не звонивший Царь-колокол и ни разу не стрелявшая Царь-пушка. Знаменитая Оружейная палата и Алмазный фонд с легендарной Коронай Российской Империи и славный своей кровавой историей алмаз "Шах" — плата за редкое сочетание в человеке таланта дипломата, поэта, драматурга, композитора и пианиста — в Александре Сергеевиче Грибоедове, известном каждому советскому и российскому школьнику по блестяще рифмованной пьесе "Горе от ума", давно разнесенной на яркие и не потерявшие своей актуальности цитаты, жестоко растерзанного во время резни в Тегеране. "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего

пережила тебя любовь моя!" — такие слова высечены на его памятнике, поставленном юной вдовой Грибоедова — Ниной Чавчавадзе.

Известные храмы Красной площади — яркие, словно драгоценные шкатулки, и такие дорогие русскому сердцу.

И Лобное место — ещё помнящее, как пронзительно голосили жены и домочадцы казненных взбунтовавшихся стрельцов во времена юности Петра I Алексеевича.

И, конечно же — Мавзолей, сооруженный по образцу одного из чудес света — гробницы древнего восточного властителя Мавсола. Захоронения у Кремлевской стены достаивались лишь самые выдающиеся — такие, как поэт Максим Горький, маршал Георгий Жуков, космонавт Юрий Гагарин.

Деловая сторона Москвы представлена зданием ГУМа и Китай-городом, а впечатляюще отреставрированное здание Исторического музея хранит одну из наибольших коллекций экспонатов.

Покидая Красную площадь, вскоре попадаем в Александровский сад — разбитый в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года и названный именем императора-мироотворителя народов Александра I, а там и — Манежная площадь, Большой и Малый театры и первая в стране частная галерея Павла Третьякова: наше всё — на холсте и масле, — гордость не только самой Москвы, но и всей России.

Знаменитое Новодевичье кладбище, на котором похоронено множество представителей российской элиты разных периодов — писатели, врачи, академики и деятели театрального искусства — одни только фамилии писателей Гоголя и Чехова, инженера и конструктора Туполева, физика Ландау, заставляют проникнуться мощью ауры этого места.

Продолжая тему московских некрополей, стоит упомянуть другое, не менее известное — Ваганьковское, на котором похоронены многие декабристы, художники, композиторы, актеры.

Невозможно пройти мимо яркого и самобытного фонтана "Дружба народов", и, будучи

в Москве — не подняться на Воробьевы горы, увидеть здание МГУ и покататься на роликах по дорожкам парка имени Горького, посетить Музей музыкальной культуры имени Михаила Ивановича Глинки, основоположившего национальную оперу-эпопею — не перевод оперы на русский, не оперу про русских, написанную кем-то, а оперу — по-русски:

"Пой в восторге, русский хор!

Вышла новая новинка.

Веселися, Русь! Наш Глинка -

Уж не глинка, а фарфор!"

Александр Пушкин

Лучшим другом и собутыльником Глинки (пили оба крепко) был художник Карл Брюллов — первый ставший вровень с французами и итальянцами, за знаменитый "Последний день Помпеи", где всей античной жизни было таким страшным образом сказано: "Замри-умри-воскресни", и поэт Баратынский напишет потом: и стал "Последний день Помпеи" — для русской кисти первым днем!

Продолжает тему русской классики Музей изобразительных искусств имени Александра Сергеевича Пушкина, в котором расположена вторая в России по величине и богатству (после Эрмитажа) коллекция скульптур, картин, керамики и других сокровищ культуры различных эпох и народов — известен не менее, чем имя самого великого поэта — бунтаря и пророка, первого профессионального писателя, которому литература давала доход как родовое имение, о жизни, судьбе и творчестве которого можно подробнее узнать в Музее Пушкина на Кропоткинской улице, а неподалеку находятся Музей Льва Николаевича Толстого и Музей-усадьба Льва Толстого.

Случайно оброненный взгляд на Маргариту, и Марку пришли на ум строки светила русской поэзии:

"Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной

В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты...
...И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь."
Александр Пушкин

Вот только для кого будет биться его сердце? На кого она будет похожа? Какие будут у неё глаза? Волосы? Какой будет её улыбка? Как он распознает, что это именно она? Способен ли он ещё на любовь?

Погруженный в свои мысли, Марк чуть не задел головой проем в вагоне метро — шутка ли сказать, с его-то ростом. Потерев вскочивший на лбу синяк, он слегка улыбнулся и вернулся к действительности.

Прекрасный московский метрополитен вполне может считаться самостоятельной достопримечательностью и полноценным произведением искусства, а главное — поезда не стоят в бесконечных и протяженных московских пробках — к вящим радости и удобству туристов, что наши путешественники и оценили по достоинству, устроив себе специальную экскурсию по московскому метро — не переставая восхищаться талантом и мастерством зодчих, художников и скульпторов, замирая и восхищенно разглядывая уникальные панно, скульптурными композициями и витражами станций, ни минуты не пожалев о потраченном времени.

При посещении знаменитой экспозиции панорамы "Бородинская битва" сразу припоминаются строки Михаила Лермонтова — ещё одного гениального поэта, дорогие памяти каждого русского, и который "не даром помнит вся Россия", возможно, самая знаменитая ничья в истории мировых войн — в Бородине отмечают ежегодным костюмированным представлением:

"Скажи-ка, дядя, ведь не даром

Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!"
Михаил Лермонтов

И граничащий с безумством — героический подвиг русского народа и русской армии: как так — русские ради маневра свою столицу сдали, а сдавши — подожгли, большей частью — без приказа, порой — собственные дома. Самая трудная военная кампания становится и вовсе неподвластной, "дикая, скифская война"... Армия-победительница оказалась на пепелище. Последующее оставление Москвы французами вовсе не было отступлением. Отступление — это когда русские преградили Наполеону путь на юг, вынуждая идти на запад по старой Смоленской дороге, на которой "даже кошки нельзя было сыскать".

Неприменно стоит посетить средоточие прекрасных площадей и бульваров — "Бульварное кольцо" и найти время обязательно прогуляться по Арбату, соединяющий Бульварное и Садовое кольцо — пройти по тем самым камням, по которым ходили Пьер Безухов и Киса Воробьянинов — легендарные герои русской литературы, взглянуть на одну из достопримечательностей Арбата — стену памяти советского рок-музыканта корейского происхождения — Виктора Цоя и дома, связанные с именами Есенина и Аксакова, тот самый из старинный особняков в очаровательном Филипповском переулке, где когда-то Михаил Булгаков поселил свою Маргариту и те самые — проспект Мира, Цветной бульвар, московский цирк и Театр на Таганке.

Если бы не пожар, то можно было бы пообедать в ресторане Останкинской башни, окинув взором Белокаменную — с высоты, но пока ресторан вновь не откроют, можно просто полюбоваться видом города со смотровой площадки.

И вот уже можно продолжить знакомство с Москвой Мастера и Маргариты. И именно потому — фантастические события романа-мистериИ Михаила Булгакова кажутся такими реальными, а каждое найденное "то самое" место только усиливает его. Родившийся в украинском Киеве, и получивший медицинское образование с отличием, отслуживший военным врачом — и сразу вспоминается запоминающееся здание Киевского медицинского университета, внушительное по своим размерам и выделяющееся ярким красным цветом, которое наши путешественники видели в столице Украины всего пару дней назад. Михаил

Афанасьевич начал свою писательскую карьеру с произведения "Собачье сердце" — до сих пор любимого и читаемого — в год революции в России.

Вместе с началом романа "Мастер и Маргарита" и мы начинаем нашу прогулку с Патриарших прудов — если вас не испугает перспектива знакомства с Воландом и Ко, и связанной с ними чертовщиной, на скамейках парка — вы обязательно последуйте нашему совету и не упустите возможности посетить это место в случае визита в Москву. А вот по тому самому перекрестку, где так нехорошо "услужила" несчастному Берлиозу Аннушка со своим маслом — доподлинно не известно, ходили ли там, собственно, трамваи — достоверных документов, планов или фотографий, где бы указывались трамвайные пути, не сохранилось. А неподалеку от Патриарших когда-то жил сам писатель — сейчас в этом доме открыт музей писателя.

Двигаемся дальше и ищем ресторан литераторов, так соблазнительно им описанный.

Варьете практически не вызывает сомнений — это Театр Сатиры на Большой Садовой.

Поищем и адреса главных героев — подвальчик Мастера и особняк, в котором жила Маргарита, обнаружить который гораздо сложнее, так как мистическая красавица желала сохранить инкогнито.

После успеха нашумевшего российского сериала с непревзойденным актерским составом и талантливой актрисой Анной Ковальчук в роли Маргариты, успешно справившейся со своей такой не простой ролью — началось массовое паломничество по местам известного романа и его экранизации.

При упоминании произведения Булгакова, прямо в районе Патриарших, Маргарита ощутила вдруг неподъемную тяжесть давящего на голову венца из металла, а на запястьях — сжимающие кольца холодной стали, и где проявились багрово-синюшные ссадины — точно на них всё ещё были тяжелые кандалы. И не могла пошевелить ни одной конечностью, приложив сверхчеловеческие усилия, чтобы сделать хотя бы единственный шаг, схватившись сведенными спазмом пальцами за тонкую ткань рубашки мужа.

Маргарите довелось прочесть это произведение, и некоторые цитаты ей очень нравились, но она даже представить не могла, что ей, как и Булгаковской героине, предстоит пройти круги своего ада, прежде чем обретет долгожданное выстраданное счастье. Но, как и её Булгаковская тезка, она без особых раздумий пойдёт на всё ради тех, кто дорог её сердцу, не оставит возлюбленного во тьме и одиночестве, и не отдаст Тьме единственного, безгранично обожаемого сына.

Одной рукой Маргарита взялась за поясицу, вторую положив на живот, со сведенным гримасой боли лицом, она могла лишь безмолвно смыкать и размыкать губы, сглатывая соленые слезы.

Насмерть перепуганные друзья поспешили усадить её на ближайшую лавку и отпить минеральной водой из пластиковой бутылки.

И вот перед Маргаритой предстал темный, слабо освещенный зал — очередное видение, раздирающее всё её существо, затягивавшее её в водоворот обрывков образов и голосов, отголосков ощущений, сплетавшихся в узоры причудливых и пугающих очертаний:

— Княже, мой Княже, грозна твоя стража — что же от меня-то не уберегла... — Маргарита припомнила слова известной баллады, подобно эпической Клеопатре, возникши перед пораженными стражами, когда они развернули ковер — она слегка усмехнулась тому, какое впечатление произвело её появление.

Ей всегда было интересно, как ощущала себя та самая Клеопатра, произведя подобный ошеломляющий эффект на Цезаря? Воспринимала ли она себя повелительницей вселенной в этот момент? И тут она бросила взгляд на стену и поняла, отчего такое выражение было на лицах караульных — там висел её портрет, выполненный по любимой её фотографии, на которой она жизнерадостно и беззаботно улыбалась миру.

— Дальше нельзя, госпожа! — путь ей преградили стражники.

— Передайте своему господину, что его жена желает его видеть, — она и сама не ожидала от себя такой решительности и такого повелительного тона.

На Маргарите было простое чёрное платье, облегающее фигуру, длиною в пол, её волосы были собраны в высокую прическу, а из украшений на ней был гарнитур из чёрного жемчуга, её макияж выгодно подчеркивал большие глаза и чувственные губы — сейчас она была воплощением пугающей красоты.

— Он ни кого не принимает. Сожалею, Госпожа, — заверил стражник и почтительным поклоном засвидетельствовал искренность своих слов.

— Мне нужны ответы, немедленно! — она сжала его руку, держащую алебарду, — И я их получу!

— Мне, правда, очень жаль, — страж мягко убрал её руку, — Ещё поранитесь, не дай Бог, госпожа — мне тогда несдобровать.

— Прочь с дороги, я сказала! — она резко оттолкнула его, начертила в воздухе огненную пентаграмму, пустив её впереди себя, выбивая двери и заставляя разбегаться замешкавшихся стражей.

За последними дверями Маргарита увидела большой зал с паркетным полом, на котором лежала алая ковровая дорожка. Огромные окна помещения были зашторены тяжелыми бархатными портьерами вишневого цвета. Полумрак слабо освещался светом нескольких факелов в дальнем конце. Джон сидел на ступенях подиума, положив голову на красный бархат оббивки кресла — выглядевшего так же одиноко в этом огромном зале, как и он сам.

— Маргарита, — он даже не обернулся на звук её шагов, ему это и не нужно было,

чтобы узнать её шаги из тысячи, — Зачем ты здесь?

— Что значит "зачем"? — нет, она в мыслях представляла себе различные сценарии их встречи, но, вот такого холодного равнодушия совершенно не ожидала, — Я — твоя жена и мать твоих детей, и я пришла за тобой. Значит, тогда это был не сон? Мне не приснилось, когда ты приходил? К чему тогда это было, если ты не желаешь меня видеть? Ответь мне, чем я виновата перед тобой?

— Уходи, прошу тебя, — а самому ужасно захотелось вскочить, броситься к ней, не отпуская из своих объятий и покрыть поцелуями каждый сантиметр её тела, и невыносимо было беречь душу этими чувствами, когда в ней теперь только жгучая боль и тоска, — Тебе лучше уйти... — пусть она ненавидит...

— И у тебя нет других слов для меня? Ты сделал мне очень больно — тем, что посчитал Марка более достойным твоего доверия. И это — после всего, что мы пережили вместе? Как ты мог?! Гонишь меня прочь — хорошо, я уйду. Но, у тебя есть два варианта: либо ты идешь со мной, либо я уйду одна и подаю на развод. Господи, да что же ты за человек такой! Ты всё решил за меня, да? — от переизбытка эмоций, что сейчас разрывали её, Маргарите трудно было совладать со своим голосом, — И тебе больше нечего сказать мне? Известно ли тебе, что с того дня, как ты исчез, я ни одну ночь не могла сомкнуть глаз и орошала своими слезами подушку? Тогда повтори, повтори всё это своим детям! Имей хотя бы смелость посмотреть мне в лицо!

— А ты изменилась, Марго — Джон всё так же продолжал сидеть спиной к ней, облокотившись о быльце кресла, — Даже твой голос стал другим, — ещё секунда, и — если она не уйдет сейчас, то он уже не даст ей этого сделать.

— Спасибо, учителя хорошие были, — гневно бросила она, — Да взгляни же на меня! Посмотри мне в глаза! — не выдержав этого томительного напряжения, она подошла и подняла его с подиума, развернула лицом к себе, уже занеся руку для пощечины, она остановила её у самого его лица, сняла и отбросила его очки — и отшатнулась от увиденного, а звон разбивающегося стекла очков оглушил подобно взрыву в приличном тротиловом эквиваленте — так и внутри у неё что-то гулко разбилось вдребезги... Она стояла и не могла произнести ни слова, и только губы её и подбородок дрожали, а по щекам текли обильные слёзы — его глаза были повреждены, и она пронзительно и болезненно осознала, что это означало. Господи, да он же ослеп! Как же это ужасно и несправедливо... Но, это ведь ничего не меняет — не меняет её чувств к нему, не уменьшает её любви.

— Ваше любопытство удовлетворено? — отступив на шаг, он зацепился за ковер, вовремя ухватившись за кресло.

Маргарита бросилась к нему. Она положила его голову себе на колени, а он держал в своих руках её ладонь — так они и сидели молча некоторое время.

— Тебе, правда, лучше уйти, — наконец произнес Джон, — Это не место для тебя. Твой Мастер не заслужил Света...

— Замолчи... Нет, вот, ты, и правда — дурак или притворяешься? — улыбнулась Маргарита, — Дурачок мой! Я ни куда не уйду... без тебя.

— Твоё место не здесь, — он, словно, не слышал её слов, — а я не могу уйти, не могу покинуть этот проклятый дворец. Видишь же — я не могу дать тебе ничего, кроме своего

увечья. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

— Не смей, слышишь, не смей при мне так говорить! Неужели, ты так плохо знаешь меня, что говоришь такое? — и слёзы её капали на его лицо, и огнем запекли вдруг его глаза, он напряженно заморгал, — Господи, разве ты не чувствуешь, что я задыхаюсь и гибну без тебя? Я приму тебя, что бы с тобой ни случилось. Родной мой — мой свет, моя боль, слезы мои... Без тебя мне не было жизни — я жила во тьме. Наши дети так похожи на тебя, особенно маленький Анри — у него твои глаза и твой взгляд.

— Если бы ты знала... Ты же ничего не знаешь, — и губы его на её губах искали приют, — Как ты не понимаешь, я же хотел уберечь тебя, — а глаза невыносимо пекло и резало, так, что хотелось кричать, и от судорог ногти до крови впивались в собственные ладони, и, как луч света прорезает кромешную тьму, увидел он её лицо — нет, не тот образ, что навсегда высечен в его сердце, настоящую её — опухшие от слез губы и нос, блестящие глаза, слезинки на ресницах и потекшая тушь, и сердце защемило от сладкой боли — он снова смог увидеть её — такую близкую, такую родную. Нет, он был не прав — она не изменилась, она всё та же... его Маргарита...

Дальше — оглушающая темнота, и вот уже перед глазами предстает другой зал — залитый светом, отражающимся во множестве больших зеркал:

— Так скажите мне — кто мой отец? — красноречивый взгляд его темно-серых глаз прожигал насквозь, и что-то в этом взгляде уже изменилось, не ускользнув от пристального внимания матери, и за внешней иллюзией, когда он отчаянно старался сохранять спокойствие, а внутри его сжигало клочущее пламя, а уж в пламени Маргарита разбиралась, как ни кто другой, — Мне необходимо знать правду, — изо всех сил он сдерживался, сохраняя почтительный тон, но глаза его требовали ответов, — Мои глаза, они не такие, как у милорда отца — они серые... Это возможно, что мой отцом является другой мужчина? Тот, что был влюблен, и чьи глаза тоже серы... — юноша нервно сжимал и разжимал пальцы рук и ресницы его подрагивали.

— Бог мой, Анри, кто тебе сказал такое? — сперва женщина даже не находила, что и ответить на эти обидно ранящие слова, тем страшнее было слышать их от родного сына, которому она отдавала всю себя, и слезы так и напрашивались излиться — от того ли, что так жестоко с ней ещё не обращались.

— Так это правда?! Мой отец — лорд Марк? Правда? Он — не просто мой крестный, он — мой родной отец? — молодой человек продолжал настаивать, отстранившись, когда она подошла к нему, протянув руку, чтобы убрать волосы с его лица, — Я — плод греха и потому так ненавистен вам? — в нем боролись отчаяние и надежда — его мир рушился, и он не знал уже, чему верить.

— Кто бы не сказал тебе это, он сделал это лишь с тем, чтобы причинить тебе боль и рассорить с нами, — Маргарита обняла сына и развернула к большому зеркалу, — Подойди и внимательно посмотри на себя, и можешь отбросить любые сомнения насчет того, чей ты сын — ты просто вылитая копия своего отца.

— Он предупреждал меня, что такого ответа стоит ожидать, — он решительно высвободился из её рук, — Кто же добровольно признается в измене и лжи? Вся моя жизнь была ложью... За что со мной так? — его трясло как при ознобе, и он часто смаргивал слезы, — Шестнадцать лет моей жизни вы низвергли и растерзали... Как мне теперь жить с этим? Кому мне теперь верить?

— Как ты разговариваешь с матерью? Сейчас же извинись перед ней! — в зале появился

Джон и быстрым шагом подошел к стоящим у зеркала жене и сыну, являвшим из себя разительный контраст красного и черного — невысокая темноволосая женщина в пурпурном платье сложного кроя и юноша, на голову выше её, в черных брюках и темно-серебристого цвета свободной рубашке — смуглый, с длинными темными волосами и темными глазами, словно сошедший с обложки готического романа о каких-нибудь вампирах, — Прикуси свой язык, неблагодарный мальчишка! Твоя мать совершила почти невозможное чудо, произведя тебя на свет, сама чуть не погибнув при этом. Её желание подарить тебе жизнь и её любовь к тебе были настолько велики, что вопреки всем прогнозам врачей она дала жизнь тебе.

— А если я сын от другого мужчины? Вы бы и в таком случае продолжили бы её оправдывать? — горящие взгляды их темных глаз пересеклись, и Анри спешно отстранился, глядя всё ещё вызывающе, — Неужели правда настолько неприглядна, что вы предпочитаете замалчивать её? Не верится, что вы все лгали мне столько лет и терпели меня только по необходимости... Ну, разумеется — зачем вам дитя порока, когда у вас есть ваш любимец Алишер?

— Да, что ты говоришь такое, сын? — Джон успел задержать его за руку, — Кто смог так тебе промыть мозги, что ты не желаешь слушать собственных родителей? Хотелось бы услышать его имя.

— Уж он-то оказался почестнее той, кому я беззаветно верил и кем восхищался. Вы же настолько слепы в своей любви. Но, я теперь прозрел. Если бы можно было — хотел бы я иметь матерью другую, более достойную, женщину.

— Ни звука больше, Анри! — женщина приложила ладонь к его губам, а по щекам её стекали слезы, — За такие речи мироздание накажет тебя, а мне этого не вынести...

— Как вы могли предать нас? Лгали не только мне, но и всем, и прежде всего — тому, кто безумно в вас влюблен, — юноша отступил, отчаянно, замотав головой, — Больно... Мне так больно...

— Анри, успокойся, выслушай, наконец, — рука отца легла на его плечо, — В таком состоянии ты не можешь адекватно воспринимать мои слова.

— Что это?! — в глазах парня отразился нескрываемый ужас и отвращение, когда его пальцы начали принимать вид крючковой лапы с длинными загнутыми когтями, покрытой чешуей, а зрачки его глаз стали вертикальными, — Что со мной происходит? Нет! Я не хочу! Кто-нибудь, помогите мне! — лицо его вытянулось, приобретая черты драконьей головы, на золотистой чешуе которой блестели ещё не высохшие слезы, а вместо речи выходил лишь рык.

Несколько раз мотнув головой, он изверг и пасти жаркое пламя и, расправив огромные крылья, метнулся в сторону окна, и прежде чем, родители смогли его остановить — выбив стекло вместе с оконной рамой, взвился высоко в небо, пока не исчез из вида маленькой, сверкающей в закатном свете, точкой.

— Анри! — Маргарита остановилась у естественной преграды в виде балконных перил, — Вернись, ты слышишь? Сынок, ну, что же ты... — молодая женщина бессильно опустилась на пол, всё ещё продолжая держаться руками за ажурные перила, — Неужели, вся наша любовь не смогла отвратить страшное пророчество?

— Ну, я этого так не оставлю, — возмущенно бросил Джон, помогая Маргарите подняться, что оказалось весьма затруднительно на слабых и затекших ногах, плохо видящую переполненными слезами глазами, — Ни кому не позволено управлять нашим сыном точно куклой-марионеткой, — и снова он видит её заплаканное лицо, рождающее в нем только

одно желание — утешить и согреть, — Всё-всё, полно плакать. Ты, вон, вся уже дрожишь, — он приглаживал её растрепанные волосы, зная, что это её успокаивает.

— Это я виновата, я... Я всегда так баловала его, позволяя ему слишком много. Жан, прошу тебя — найди его, верни Анри, пока мальчик не совершил непоправимого, навлекая проклятие на свою голову... — она вцепилась пальцами в его руку, не сводя блестящих от влаги глаз, с его сурового и озабоченного лица.

— Всё в порядке, Ваша милость? — на пороге появился отряд стражников, возглавляемый генералом Агни, — Мы услышали звон разбитого стекла.

— Генерал, соберите лучших людей, — жестом Джон приветствовал его и сразу же отдал распоряжение, — Мы отправляемся в горы на поиски молодого господина Анри, — Агни коротко отсалютовал и направился собирать людей, столкнувшись в дверях с уже спешившими к ним друзьям.

— Марго, ну успокойся, — приговаривала златовласая, провожая Маргариту в покои и помогая ей переодеться, — Ну, что он снова натворил, что так расстроил тебя? Всё будет хорошо, а этот мальчишка ещё будет просить у тебя прощения, — а она всё не переставала беззвучно плакать, это настолько подкосило её, что как бы не хотелось ей самой отправиться за сыном, она была слишком слаба, чтобы подняться с постели...

И снова — кроваво-алые вспышки видений, от которых холодеет всё внутри:

Небо было серым и тусклым. Морозный холод пробирал сквозь тонкую сорочку, остужая воспаленные ссадины на руках и ногах...

Мягкие белые резные снежинки тихо оседали на замерзшее лицо, потрескавшиеся губы и дрожащие ресницы.

С первым ударом гвоздь начал входить в ладонь, и по телу прошла огненная вспышка боли, а по руке стекала тонкая струйка теплой красной крови, оставляя пятна на белой сорочке и припорошенной снегом земле. Но слезы, что стекали сейчас по щекам — были не от физической боли, а от горечи самого большого поражения в её жизни — она не смогла отвоевать единственного сына у сил зла. И она готова быть ещё сто раз распятой, только бы знать, что на его голову не падет гнев Мироздания. Она перевела взгляд в сторону и встретилась глазами с тем, перед кем ей было особенно стыдно, кто согласился до конца разделить с ней сей крест — в прямом и переносном смысле.

— Жан, прости... Я виновата... — она не смогла более смотреть на его страдания, забывая о собственных, — Я не уберегла его... И не смогла уберечь тебя... Из меня не вышло достойной матери и достойной княгини, — она что силы зажмурилась и закусил губу, когда новый удар, казалось, высек искры из её глаз, но сейчас это волновало её меньше всего.

— Марго, не надо... — и Джон понимал, что ни какими словами не сможет утешить её, только молиться вместе с ней за судьбу сына и поддерживать своим подбадривающим взглядом, в который раз поражаясь, откуда в этой хрупкой женщине такая сила духа, — Ты поступила, как подсказывало тебе материнское сердце, и я ни в чем тебя не виню. Я виноват не меньше тебя — баловать своих детей свойственно матерям, это я не проявил мужской твердости — на мне лежит ответственность за то, каким стал Анри, — и только сведенные его брови свидетельствовали о подавлении боли, когда забивали гвоздь во вторую его ладонь.

— Приказываю прекратить это варварство! — это был голос Анри, и — последнее, что услышала Маргарита, прежде чем закрыть глаза, уже не надеясь отрыть их вновь...

— Марго, что с тобой? — златовласая протянула ей носовой платок, — Что происходит? Можешь говорить? — но Маргарита только всхлипнула и высморкалась, — Скажи хоть что-нибудь, — Даниэлла сзади обняла подругу за плечи, а маленькая Аделька забралась Маргарите на колени.

— Я больше не хочу! Не могу больше! — повторяла она между судорожными глотками воды и воздуха, — Не хочу ни каких больше видений — я не выдержу!

— Ну-ну, маленькая моя, — успокаивал её Джон, поглаживая по голове, пока остальные окружили лавочку, с опаской смотря на них, — Что тебя так напугало? Что ты увидела?

— Я... не... — девушка сидела, вцепившись в бутылку, опустила голову отчаянно замотав ею, стараясь избавиться от остатков этих гнетущих образов, — это так страшно... Ну, почему, почему мы не можем просто спокойно жить, как все остальные люди?

— Потому, что мы не такие, как все — мы не остальные, — Марк присел рядом с ней с другой стороны, поддерживая своим спокойным взглядом серых глаз, которые в свете ясного неба приобретали яркий серо-голубой оттенок, — Выпей ещё воды и расскажи нам, что ты видела.

— Это было... — она пристально посмотрела на стоявших рядом друзей, — То, о чем говорил Нострадамус, кошмар на яву... Жан, скажи, в моих видениях ведь имеется смысл — видеть будущее, чтобы иметь возможность исправить его? Что же тогда мы можем сделать? — темные глаза мужа потеплели:

— Продолжать любить и подавать собой пример. Я верю, что наше будущее — в наших руках, — крепче обнял своё сокровище, поцеловав в макушку, — Если это снова касается нашего сына, то только мы в силах, как его родители, показать нашему ребенку, что путь любви и созидания предпочтительнее пути разрушения. И мы сделаем это — вместе. Наше будущее и будущее наших детей будет таким, каким мы его сделаем. Мы не сдадимся на милость судьбы и не опустим руки.

— Если Мироздание будет настолько несправедливо к таким светлым людям, как вы, — добавил Марк, поднимаясь со скамейки, — то я тогда не вижу смысла в этом мире. Всё всегда заканчивается хорошо. Если все закончилось плохо, значит это еще не конец, — продолжил он словами Паоло Коэльо, — Нам не посылаются испытания более того, что мы можем выдержать.

И как тут не вспомнить слова песни из популярного советского детского фильма, герои которого на многие годы стали кумирами детей Страны советов:

"Слышу голос из Прекрасного Далёка,
Он зовёт меня не в райские края,
Слышу голос, голос спрашивает строго -
А сегодня что для завтра сделал я?

Прекрасное Далёко, не будь ко мне жестоко,

Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.
От чистого истока в Прекрасное Далёко,
В Прекрасное Далёко я начинаю путь.

Я клянусь, что стану чище и добрее,

И в беде не брошу друга никогда,
Слышу голос, и спешу на зов скорее
По дороге, на которой нет следа."
Юрий Энтин

Марк запел, и пел он на русском языке, и потом ему пришлось пояснить друзьям эту почти сказочную историю о путешествии на машине времени, о дружбе и взаимовыручке, о приключениях, о невероятном приборе для чтения мыслей и коварных и опасных космических пиратах, недооценивших силу товарищества и находчивости учащихся обычной русской школы.

Во времена Советского союза Москва стала ещё и местом паломничества советских школьников, мечтавших пройти теми же улицами, что и герои одного из самых любимых ими фильмов — "Гостя из будущего", ставшего ещё более близким их сердцам благодаря реальным локациям повествования, к которым можно прикоснуться в столице — найти ту самую Двдцдтую Московскую школу, больницу, в которой путешественница из будущего Алиса познакомилась и подружилась с Юлей Грибковой, адрес, по которому проживала Юля и, наконец — главный и обязательный пункт программы: заковоченный дом, именно в нем должна была находиться машина времени, на которой путешествовали Алиса, Коля и космические пираты.

Кто знает — вдруг она всё ещё там? Встретят ли их профессор Селезнев, Полина и робот Вертер из "Института времени"? Какая она — Москва будущего? Будут ли на самом деле существовать космические пираты?

Целыми классами играли в учеников "шестого В-класса Двдцдтой Московской школы" и всё пытались представить себе — какой она будет, Москва будущего?

А такое ли благо — знать свою судьбу? Сейчас Маргарита уже не была в этом так уверена... Руки её до сих пор тряслись, а по позвоночнику прошел холод...

— Мамочка, — Аделин обхватила ручками шею девушки, чмокнув в нос, — мы все тебя так сильно любим, что тебе с нами нечего бояться, правда, папа? — девочка повернула

белокурую головку, встретившись с одобрительным взглядом Джона, — И не надо плакать, пожалуйста. От этого у тебя будут болеть голова и глазки, будет дурное настроение, и малышам это вредно, — и вместо смертельного холода, по телу разлилось приятное тепло, и можно было уже не кутаться зябко, подтягивая рукава вязанного кардигана.

После такой волнительной прогулки просто необходимо отвлечься и расслабиться в одном из многочисленных ресторанов и ознакомиться с особенностями национальной кухни — попробовать традиционной окрошки так приятно в эти еще по-летнему теплые дни начала сентября, а вкус и многообразие блинчиков с разнообразными начинками от красной икры, слабо-соленой семги и грибов до творога с изюмом и разных видов джемов вы ещё долго будете вспоминать как вкуснейшие изыски, а кому-то, возможно придется по вкусу наваристая уха или солянка, тыквенный пирог или картофельники, печеные яблоки или сырники с вареньем.

Можно поужинать в известных "Кузьминках" или в сказочном комплексе "О'Шалей", напоминающем Версальский дворец в миниатюре, или посетить заведение сети ресторанных комплексов в историческом месте Москвы — в районе "Измайлово".

Отдохнувши, подкрепившись, приведя себя в порядок и переведя дух после переживаний дня, можно прогуляться по вечерней Москве и пополнить запасы провианта перед тем, как сесть на фирменную "Красную стрелу", которая умчит их в ночь в северную столицу России — Санкт-Петербург, продолжив знакомство с культурным и историческим наследием этой огромной страны.

И вот уже они — в местном супермаркете с волшебным названием "Алые паруса" — от одного его уже хочется верить в чудеса, потому Маргарита настояла на выборе именно его, и чудо в самом деле скоро свершится, оправдывая название, и проходят мимо огромных стендов с большим выбором чая, кофе, конфет и сладостей, а дети не могли оторваться от витрин с игрушками и канцтоварами.

— Ох! Прошу прощения, — поспешил извиниться Марк, столкнувшись в центре большого супермаркета со светловолосой женщиной — заметно ухоженной, всё ещё интересной и притягательной, одетой просто, но со вкусом — в серый твидовый костюм и строгую серую блузку, а на ногах у неё были темно-серые ботильоны, от столкновения с ним, из рук у неё выпала красная пластиковая корзина, и её содержимое высыпалось на плиточный пол, — Разрешите, я помогу — по моей вине рассыпались ваши покупки, мне нужно было смотреть, куда иду, — он принялся быстро помогать ей собирать продукты.

— Ничего страшного, это я была невнимательна, — женщина испытала неловкость от его такого рьяного участия.

— Я не мог вас раньше видеть? — их руки соприкоснулись, и он заинтересованно посмотрел на её лицо, показавшееся ему странно знакомым.

— О! Я бы запомнила такого привлекательного молодого человека, — улыбнулась женщина, — Хотя, у меня тоже такое впечатление, что ваше лицо мне знакомо, — она, в свою очередь, принялась его рассматривать — его лицо, глаза, полосатый джемпер с треугольным вырезом горловины, потертые джинсы и кроссовки, — Где мы могли встречаться?

— Господи! Я узнал вас, — парень так и сел на пол, потрясенный, взяв её за руку, второй убирая челку с её лба и обнимая её, — Александра! Сандра! Саша! Это же надо — встретиться спустя десять лет в супермаркете в сердце Москвы!

— Святые угодники, Марк — тебя ли я вижу? — она тоже узнала его, всё ещё не веря своим глазам, неуверенно ощупывая его лицо

— Совершенно верно, это — я, — просто ответил он, помогая ей подняться, когда последний предмет был помещен в корзину.

— Боже, мальчик мой, дай же мне хоть рассмотреть тебя, — она попыталась взять себя в руки, опираясь о его плечо.

— Смотрите, сколько хотите, — улыбнулся он, и снова почувствовал себя не обремененным заботами ребенком рядом с ней, и в мыслях наступила необыкновенная легкость.

— Если бы знал, как я рада видеть тебя! — она, наконец, решилась обнять его, — Каким ты стал статным да пригожим — глаз невозможно отвести, — Александра потрепала его пушистые волосы, а слезы сами навернулись на глаза, — У меня столько вопросов... Где ты был всё это время? Как ты жил? Я много лет пыталась найти тебя, да всё безрезультатно, я уже потеряла всякую надежду увидеть тебя когда-нибудь.

— Я тоже уже и не надеялся когда-нибудь снова встретить вас, пока мне в приюте не сказали, что вы спрашивали обо мне, — с большим облегчением, и он обнял её, — Надо же — а я считал вас умершей... Видно, судьбе так было угодно — отнять у меня одну мать, но, вернуть вторую. Моя голова сейчас просто взорвется от накопившихся эмоций и вопросов. Я отвечу на все ваши, но — только после того, как познакомлю со своими друзьями и... своим отцом. Мы здесь проездом.

— О! Это просто прекрасно, что у тебя есть друзья, и что ты нашел своего отца, — и Александра усиленно заморгала, делая вид, что ей что-то попало в глаз, — Уверена, у нас будет множество тем для разговоров. Ты не будешь на меня сильно зол, если я заговорю тебя на всю ночь?

— Я буду только рад, — кивнул Марк, — Вы могли стать мне второй матерью, а у сына от матери не должно быть секретов, — он подхватил её, закружив, к немалому удивлению проходивших мимо посетителей, напевая мотив песни-визитной карточки Москвы из любимого многими оскароносного фильма "Москва слезам не верит":

"Александра, Александра, что там вьется перед нами?

Это ясьень семенами кружит вальс над мостовой.

Ясьень с видом деревенским приобщился к вальсам венским,

Он пробьется, Александра, он надышится Москвой."

Юрий Визбор

— Обещаю, что мы ещё станцуем ваш любимый вальс, сударыня, — и улыбка его была,

как в детстве, нежна, — А знаете что — мы сейчас живем в Париже, и мой друг собирается открывать свою линию одежды, а вы, помнится, неплохо шили — если вас ничего не держит тут, то приезжайте к нам — и уж я вас больше не отпущу и не потеряю, и мы ещё не одну ночь проговорим до рассвета обо всем на свете.

— Не смущай меня так, молодой человек, — женщина кокетливо улыбнулась, — Тебе на молоденьких девушек засматриваться пристало, а не на таких как я.

— Глупости всё это, — решительно возразил юноша, — Вы совсем не изменились — всё так же красивы, какой я вас помню — можете смело посмотреть в зеркало, если желаете удостовериться. К тому же, как говорится в том самом фильме про Москву: "в сорок лет жизнь только начинается", — подмигнул он.

— А ты — опасный льстец, — она легко щелкнула его по носу, — При общении с тобой девушкам стоит закрывать глаза и уши, чтобы не попасть в твои сети, — и он был рад, что она не потеряла интереса к жизни, несмотря на все невзгоды, что выпали на её долю, а она порывисто обняла его, — Господи, да что же это я? Прости меня, Марк, прости, мальчик мой! Если бы я только могла тебя тогда защитить... Я же и понятия не имела... У тебя ведь могла быть совершенно другая судьба... А я так привязалась к тебе, что навлекла на тебя беду и сломала тебе жизнь...

— Я ни о чем в своей жизни не жалею, Саша, — он улыбнулся, качнув головой, — У меня, правда, всё хорошо.

— Марк, вот ты где! — к ним подбежала счастливая Аделина, и он легко подхватил её на руки, — Смотри, какая у меня раскраска с принцессами и цветные карандаши — её разукрашивать, — девочка показала ему яркую книжку и коробку карандашей, которые она держала в своих маленьких ручках, — Здрав-ствуй-те! — она смущенно улыбнулась, заметив незнакомую женщину, приветливо улыбающуюся, глядя на них, и попыталась произнести русское приветствие, которое запомнила из разговорника.

— Здравствуй, малышка! — ответила Александра, и ребенок спрыгнул с рук.

— Марк, Аделька тебя нашла... — подошедший отец Марка так и замолчал на полуслове, — Этого не может быть...такая схожесть просто невероятна, — продолжил он шепотом, больше обращаясь к самому себе, и подумал, что смотрит на неё уже неприлично долго, и будто само время замедлило свой ход.

— Саша, а вот и мой отец — Лев Димитрович Витриченко, — прервал неловкую паузу парень, — Отец, разреши представить тебе Заруцкую Александру Николаевну, мою очень хорошую знакомую, — неужели ему не показалось, и женщина немного покраснела?

Марк усмехнулся этим мыслям — почему бы и нет, оба — живые люди и еще не стары и привлекательны, а она так похожа на его мать, что даже его отец был потрясен, судя по его поведению. Тогда, десять лет назад не сложилось ей стать его приемной матерью — так, может быть, сложится сейчас... Отец сильно любил мать, что, безусловно, делает ему честь, однако же — одиночество — не тот удел, который он желал бы для него и для неё.

— Очень приятно, панна Александра, — мужчина взял её ладонь в свою руку, чтобы поднести к своим губам для приветственного поцелуя, и Александре захотелось то ли провалиться сквозь землю, то ли стоять так вечно, — Лев Витриченко к вашим услугам, леди.

— Рада знакомству, господин Витриченко, — и от его голоса мурашки пробежали по коже, и она ощущала себя растерянной школьницей на первом свидании.

Положение спасли подросшие приятели Марка, с которыми было ещё двое детей,

державших в руках большие коробки с конструкторами. Это несколько разрядило обстановку, и женщина была представлена компании, и уже все вместе они направились к кассам, и прежде, чем покинуть супермаркет, помогли Александре загрузить покупки в багажник автомобиля на стоянке.

— До свидания, Марк! Я так рада, что у тебя теперь замечательная семья, — она пыталась улыбнуться, но уголки её губ дрожали.

— Именно семья, Саш, — он охотно согласился с ней, — Они особенные, — они обменялись телефонами, и он ещё раз обнял её на прощание, — Подумайте над моим предложением, Александра Николаевна. Я буду ждать.

Друзья направились на вокзал, а Александра ещё несколько минут пыталась унять нервную дрожь в руках и ногах, прежде чем выехать со стоянки.

11. Небеса Европы — Питер Первый

"Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит..."
Александр Пушкин

После ночи беспокойного сна, когда их встретил тяжелым хмурым небом град Петров, и были живы ещё в сознании и памяти Маргариты те страшные картины недавних видений, и величественный вид на фоне темных облаков ещё более торжественным и поражающим — даже немного пугающим — выглядел облик последнего из городов в обширной программе их путешествия.

И так же, как стали постепенно рассеиваться грозовые тучи, сменяясь пушистыми белыми, словно кусочки легчайшей ваты, облаками, отступили страх и тревожности — и на лицах расцвели улыбки.

Аделька довольно приплясывала, держа в своих крохотных ручках руки Маргариты, уже заметно потеплевшие с момента утреннего волнения, незаметным образом успешного бесследно рассеяться в лучах теплого солнца и под плавящим ледяные оковы ласковым взглядом родных глаз с почти осязаемым росчерком поддержки.

Алишер и Розалинда не переставали смотреть по сторонам из окон микроавтобуса, что вез их в гостиницу, где компания сможет отдохнуть после дороги и спокойно спланировать последние дни общения с восточной Европой. И всё вокруг было исполнено величия, всё дышало им.

"Онегин, добрый мой приятель,

Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель..."
Александр Пушкин

Уже больше трех столетий Петербург являет миру свой гордый и величавый вид. Совсем немного городов мира могут с ним сравниться в стремительности своего рождения, развития

и расцвета... Едва ли найдется ещё другой такой — дерзкий и отчаянный, ещё с колыбели посягнувший на право стать в единый ряд с первыми городами Европы, камень-город, на берегах Балтийского моря. Петербург стал тем окном, через которое Россия открыла для себя Европу, а Европа — увидела Россию, что задало уникальный исторический, архитектурный и художественный образ Северной столицы.

Самый изящный из российских городов притягивает своим особенным характером и интеллигентностью. И дело не только в самом его облике, но и в трогательной культуре коренных его жителей, которая часто является поводом для шуток и гордости. В это с трудом верится, но кое-где ещё в Питере — например, в час-пик в метро — еще можно услышать фразы "Прошу извинить" и "Будьте добры". Санкт-Петербург — пожалуй, самый масштабный эксперимент по скрещиванию европейского порядка и русской душевности. Он продолжается уже не одно столетие, и, смеем заметить — вполне успешно.

Одни готовы круглосуточно воспевать дифирамбы городу, другие же — критикуют этот город за мрачность и депрессивность, за стабильно серое небо и облезлые дворы.

Равнодушными к себе этот город не оставляет. И даже скептики в душе понимают, что меланхолия здесь — вовсе иной природы. Когда тяжеленные тучи в хмурый полдень наползают на золотой шпиль Адмиралтейства, то вполне верится, что и без солнца на берегах Невы можно вполне себе высококультурно существовать. Это вам не гуляния на Красной площади на фоне азиатского Кремля. Питер, как ни крути — Европа, ну или то самое пресловутое "евроокно", которое так старательно рубил дальновидный Петр I.

Бросовая земля, проклятое место — как тут "ногою твердой стать при море" — кругом хляби болотные.

Поистине, земноводное чудо, столица империи в её мизинце. Но, мечта Петра, она превзойдет образец — Лондон — столицу империи в устье реки, впадающей в море, порт и верфь. С суши ехать — неказистый, что первым видят сейчас приезжающие — задворки, а его строили с расчетом, что в город будут вливаться, и что тогда видят — грандиозный фасад. Нет в мире другой столицы, в которой на одной стороне реки — Сенат, Синод, (высший церковный совет), Кафедральный собор, Адмиралтейство, главная императорская резиденция, главный городской сад, а на другой стороне — Академия художеств, дворец губернатора, Университет, Академия наук, первый музей, биржа, крепость, с которой берет основание город, а в ней — императорская усыпальница, главная тюрьма, главный монетный двор. Мало того, что Нева, это фактически — центральная улица Петербурга, ещё и центральная сухопутная улица названа в честь Невы — Невский проспект.

Северная столица начиналась с каторги, рабочие мужики жили под открытым небом, землю таскали в подолах рубах. От цинги и дизентерии одно спасение — водка, настоящая на сосновых шишках, по-теперешнему — джин. Не меньше ста тысяч душ легло костью в основание города. Людей вольных переселяют тоже насильно. Само слово "Нева" — "Нево" по-фински то и значит — "болото", жизнь на нем считается государевой службой — отлучаться нельзя.

Знаменитая традиция — пушечный выстрел в полдень — ещё один день в истории Санкт-Петербурга и ещё один день — в жизни наших героев. Теперь можно понежить своё тело под теплыми струями душа и на мягкой перине прежде чем начать знакомство с уникальной архитектурой города, его достопримечательностями, его духом.

Величественные архитектурные ансамбли Петербурга раскинулись по берегам широкой и полноводной Невы, украсили лучи проспектов и пространства площадей. Гранитные уступы набережных, металлические стрелы разводных мостов, выразительные силуэты храмов, дворцов и монументов, музеи, театры и библиотеки составляют мировую славу города на Неве. Они являются неоспоримым гимном таланту российских и европейских зодчих, инженеров, живописцев, скульпторов, ученых, литераторов, актеров, музыкантов и стали впечатляющим итогом упорного и вдохновенного созидательного труда всех тех, кто воплотил наяву мечту Петра Великого.

Три итальянца постарались во славу архитектурного Петербурга — Трезини, Растрелли и Росси — золотое сечение храмов и дворцов своей южной родины они перенесли в Северную пальмиру, став русскими архитекторами.

Обзор Ангела — шпилем Петропавловского собора впервые нарушен вековой запрет строить что-либо выше колокольни Ивана Великого в московском Кремле. Петропавловский останется самым высоким сооружением империи вплоть до постройки нового — Исакиевского собора, а ангела-хранителя города и тогда можно было рассмотреть только в подзорную трубу с противоположного берега Невы.

После традиционной Московии — новый город северо-европейского образца. Эти камни и эти воды помнят самого великого основателя — Петра Алексеевича, нашего самого рьяного западника на троне, выросшего с близости от немецкой слободы (немцами тогда называли всех иностранцев — ну, как немой, по-русски сказать не может), с населявшими её отнюдь не сливками европейского общества — в Россию ехали не от хорошей жизни, порою, и вовсе скрываясь от правосудия, разные проходимцы, авантюристы и прочие джентльмены удачи.

Вы не поверите, насколько сложно было выбрать отправную точку — глаза так и разбегались от многочисленных статей в ярких проспектах и путеводителях — и только лично посетив город, вы сможете в полной мере разделить всё смятение чувств наших путешественников.

Перевесом в детские голоса решено было начать с посещения необыкновенного места. Стать врачом или строителем, получить водительские права, стать фермером или ведущим на радио, положить зарплату под проценты в банк и потушить горящий дом — все это возможно в детском городе профессий. Здесь все по-настоящему: есть больница, супермаркет, ферма, университет, порт, биржа труда и городской парк. На входе каждому новому гражданину выдают паспорт, после чего начинается самое интересное — дети обучаются основам понравившейся профессии, работают и получают зарплату, которую можно потратить на развлечения, либо положить в детский банк.

Для малышей на территории есть "мягкий музей" с игрушками и подушками. Родителям категорически запрещено вмешиваться в детские дела, в противном случае их могут оштрафовать или даже посадить в тюрьму. Из дозволенного — прогулки по парку и посиделки в кафе.

А попробовать захотелось всё — и задержаться на этом островке детской самостоятельности, и вспомнились юные железнодорожники из Харькова, что усердно и со всей ответственностью несут свою нелегкую службу, обеспечивая комфорт и безопасность взрослых и маленьких пассажиров на малой железной дороге, а благодаря примеру взрослых, маленькие, но уже такие незаменимые члены команды имели представление о врачебной профессии, о ювелирном деле, быте фермера, работе танцора балета, модельера и музыкального исполнителя, но так заманчиво попробовать всё самому и постараться, как стараются мама и папа.

И больших усилий стоило уговорить Аделину и Розу с Алишером, что впереди их ожидает ещё много не менее интересных мест, как, например — большой крытый аквапарк. Его главная фишка — огромный купол, покрытый специальной пропускающей ультрафиолетовой пленкой, которая позволяет загорать круглый год. Внутри — волновой бассейн, пять горок, бассейн для дайвинга, несколько видов саун и бань, детский городок с горками, "лягушатниками" и пять небольших джакузи. На территории аквапарка есть несколько кафе и ресторанов, где можно выпить полезный для организма свежавыжатый сок и перекусить питательным сэндвичем для восстановления сил после плавания. В этот раз Аделька чувствовала себя в воде уже гораздо увереннее.

И неизменно интересующая детей тема природы и всего окружающего разнообразия букашек-таракашек, жучков-паучков и птичек-рыбок — в зоологическом музее, экспозиция которого насчитывает тысячи экземпляров и является одной из крупнейших в мире, самые

интересные из которых — чучело гигантской анаконды, животные-уродцы, привезенные в Россию еще императором Петром I, и крупнейший в мире скелет синего кита, скелеты мамонтов, огромный скелет динозавра, чучело и скелет тасманийского волка, а также зрелищные диорамы, которые с точностью воссоздают естественную среду обитания животных. И точно совершаешь увлекательное и познавательное путешествие сквозь пространство и время, имея редкую возможность увидеть, какой была земля задолго до твоего рождения и какие виды населяли её тогда, как они изменились, и какими стали сейчас.

И кто же откажется от посещения океанариума с несколькими тематическими зонами: с обитателями российских пресноводных водоемов, с рыбами Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии, с открытыми акульими аквариумами, с затонувшим кораблем, коралловыми зарослями и опасными хищниками? Самые интересные часы посещения океанариума — вечерние, когда проводится шоу-кормление акул и других обитателей. Обязательно стоит заглянуть и в тюленариум, где можно погладить серых балтийских тюленей и посмотреть ежедневную шоу-программу, во время которой морские млекопитающие выполняют сложные трюки, что заставило вспомнить посещение харьковского дельфинария.

Одинаково интересным, как взрослым, так и детям стал визит в Интерактивный музей занимательной науки, где просто огромное количество удивительных экспонатов и механизмов, которые можно трогать и приводить в действие, демонстрируют законы физики, химии и биологии, а главные методы познания здесь — игра и эксперимент, и каждый день профессиональные актеры проводят зрелищные шоу в форме веселых и увлекательных физических опытов и химических превращений.

Другой интерактивный музей подарил нашим маленьким путешественникам возможность оказаться в настоящей машине времени. Здесь ребенок может перевоплотиться в пирата, храброго рыцаря или археолога. В процессе игры проводятся мастер-классы и квесты, дегустации и активные игры, викторины и обучение песочной анимации. Ребята штурмуют крепости и кормят птеродактиля, учатся стрелять из лука и разгадывать головоломки, решают шахматные задачи и осваивают фокусы, играют в пиратский боулинг и слушают страшные сказки о колдунах и драконах. В роли рассказчиков и проводников выступают жители игровых зон — трюм корабля дети исследуют вместе с пиратом Джеком, а рецепты волшебных зелий узнают от колдуньи из лесного домика.

Бесспорным сокровищем не только Петербурга, но и всей России является музей Эрмитаж в бывшей императорской резиденции прекрасного Зимнего дворца с одной из величайших коллекций произведений мирового искусства, но далеко не все знают, что экскурсионные программы в Эрмитаже рассчитаны на детей самых различных возрастов: есть тематические занятия для малышей и интерактивные программы для подростков.

Увлекательные игровые задания позволяют ребятам самостоятельно знакомиться с залами и коллекциями музея. Можно просто послушать лекцию по истории в сопровождении занимательных мультимедийных презентаций. Либо, вооружившись картой, отправиться на самостоятельную прогулку по залам: увидеть мумии, кареты, царский трон, рыцарские доспехи, турнирное и парадное оружие и другие интересные экспонаты.

Гранд-макет "Россия"- самый большой макет страны в мире, где представлены все города и регионы России — от Калининграда до Владивостока и от Кавказа до Сибири, где разбросаны дома, вышки, жилые кварталы, железные дороги, автострады и тысячи миниатюрных фигурок, составляющих мини-сценки из жизни городов, все движется, светится, мигает и шумит — работают светофоры, едут автомобили, гудят поезда, меняются времена года и время суток. И чувствуешь себя сказочным Гулливером в этом мире в миниатюре — и это гораздо более масштабная инсталляция, чем, к примеру, виденный ими уже парк "Киев в миниатюре".

И вот, когда детская жажда впечатлений и приключений была удовлетворена, можно было продолжить знакомство с городом более пристально — предварительно отведав шоколадного мороженого и дополнив его чашечкой капучино.

И где это лучше всего делать, как не в Петропавловской крепости, сердце Петербурга, сооружении с которого началось строительство северной столицы России? Петропавловская крепость — историческое ядро Петербурга, один из уникальных историко-архитектурных ансамблей города, расположен на Заячьем острове. Усыпальница российских императоров и членов их семей, пантеон Романовых, долгое время бывший главной политической тюрьмой России. Здесь стоит провести как минимум полдня: полазить по бастионам, изучить политическую тюрьму Трубецкого бастиона, в которой успела побывать вся питерская интеллигенция, подняться на колокольню и заглянуть в Комендантский дом, чтобы узнать, как жили люди несколько веков назад.

Великие самодержцы из рода Романовых нашли упокоение в Петропавловском соборе, начиная с основателя империи и города, который посетили наши героини, дабы приобщиться к славной истории великого государства и собранию легендарных имен в одном некрополе, где каждое из надгробий может поведать удивительные человеческие судьбы российских самодержцев..

Можно теперь под самого Петра примерять город его — ровно в рост Марка, два метра четыре сантиметра — удивительный факт. А тогда люди были гораздо ниже ростом, и в России Петр выглядел великаном — огромный царь огромной страны.

Основатель империи — аж четырнадцатый ребенок в семье царя Алексея Михайловича от его второй жены Натальи Нарышкиной, казалось, править ему не суждено... От смерти Алексея Михайловича до полноправного воцарения Петра Алексеевича пройдет двадцать лет.

В Петре жили какие-то детские любопытство и жестокость, так дети хотят распотрошить любимую куклу, чтобы увидеть, что у неё внутри — как-то, заведя в анатомическом театре искусно препарированный трупик младенца, он кинулся с галереи... целовать трупик, а в другом городе, заметив омерзение на лицах сопровождавших его людей, заставит свою свиту... зубами разрывать мускулы трупа. Чего только стоили его пропаганда табакокурения и попытки спаивания водкой даже беременных женщин — а вот здесь Марк был бы с ним категорически не согласен — отсутствие вредных привычек было одним из его неоспоримых достоинств. Как выражались о Петре современники — "Государь очень добрый и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны" И тут Марк был схож с государем — такое же сочетание детской нежности и эмоциональности с некоторой нравственной незрелостью.

С другой стороны — это был очень скромный и лично очень честный император, при том, что у него не было собственных денег — как истый самодержец, он распоряжался всей казной. Царь — универсальный мастерской и самый обучаемый из русских самодержцев — и плотник, и артиллерист, и мореплаватель. И Джон был с ним солидарен, как знаток и мастер ремесел, уже позже рассматривая в другом музее рукодельные плоды неумного монаршего трудолюбия. А Питер может гордиться тем, что носит имя не только евангельского апостола, но и прославленного императора российского. Деяния великого государя также были великими и многогранными, и тут в пору будет вспомнить высказывание Наполеона о том самом маленьком шкафчике в голландском музее Петра, в котором он по местному обычаю спал — сидя, сложившись почти в трое: "Для великого человека ни что не бывает малым". Царю-мастеровому как нельзя лучше подошла царица-прачка — Марта-Екатерина, которая только одна умела гасить приступы гнева царя, обняв его, положив его голову себе на колени. И уже с этим именем связано несколько из множества легенд, возникавших с самого основания династии. Одна из них состоит в том, что само право Петра Алексеевича Романова на российский престол является весьма сомнительным — мать его, царица Наталья, девица Нарышкина, родила, де, младенца женского пола, которого тайно заменили на мальчика-немчонка, оттого царь так и благоволил немцам, отсюда и вторая связанная с ним легенда о завещании Петра Великого — всем следующим государям брать в жены немки. Если такое имело место, то воля его выполнялась неукоснительно. Стало быть — русские цари, они и не русские вовсе: каждый раз — сын немки и муж немки, с прогрессирующим убыванием доли русской крови в русских самодержцах. И третья легенда — царя иноземцы подменили, и настоящий Петр в темнице томится либо вовсе погублен басурманами, а вместо него с "Великим русским посольством" вернулся подменный царь — русский не мог так ненавидеть традиции родной старины.

Швеция — она вон где, а Полтава — она вон где, в украинских полях на месте современных картофельных самозахватов и произошло главное сражение, которое и решило судьбу отечества — пир победителей вместе с пленными шведскими генералами посреди заваленного трупами поля, и Петр после победы окончательно принимает на себя звание

императора. Поначалу, в Швеции ещё жили настроения реванша, но потом шведы занялись делами внутренними, став сказочно благополучной страной... второго ряда.

Великий отец-основатель не смог воспитать достойного сына-продолжателя. Самое громкое и самое щекотливое дело петровской эпохи — "дело царевича Алексея". Уж на что Иван грозный был душегубец, но сына своего убил в припадке и каялся, а тут — вынести приговор. Сводную сестру — царевну Софью, подстрекателя вооруженного бунта Петр и пальцем не тронул... На самом деле, заговора не было — были разговоры, и по натуре безынициативный, Алексей вряд ли был способен на решительные действия. Страшнее для Петра было то, что после всех его стараний на троне будет, пусть пока и пассивный, но противник его идей.

Блистательное двадцатилетнее правление дочери его — Елизаветы Петровны, совершившей бескровный переворот, восстановив свои законные права. Когда Елизавета не может идти быстро — длинные юбки мешают, то кумовья-гвардейцы на своих плечах вносят во дворец куму-цесаревну — вот такой он был, первый штурм Зимнего. Вообще, за время своего царствования, она не привела в исполнение ни одного смертного приговора, всё больше отдавая предпочтение балам, моде, архитектурным и кулинарным роскошествам, показав всему миру, что значит "царская роскошь". И после не случившегося замужества с Людовиком XV, Елизавета слыла франкофилкой, вместо немцев, напустив в страну французов — учителей танцев и языка, поваров и ювелиров, художников и музыкантов, а французский язык на долгое время станет вторым родным для русской аристократии — с тем самым, неясным, картавым произношением. Великий русский поэт и гениальный пророк своего отечества Александр Пушкин и вовсе заслужил своё лицейское прозвище "француз", и даже на жаркой родине его предка — "Арапа Петра Великого", выкупленного за табак младшего сына князя одного из многочисленных африканских племен, знают его произведения и отмечают шестого июня день рождения знаменитого соплеменника — Пушкин, он и в Африке — Пушкин. А Лев Толстой для своего первого издания "Войны и мира" не делал перевода огромных французских диалогов. И в музеях, которые они посетят дальше, Маргарита с интересом будет рассматривать и пытаться прочесть французские рукописи великих русских писателей — вот как всё переплелось. И благосклонность императрицы к Украине вместе с её тайным мужем Алексеем Розумовским — добродушным и немного ленивым красавцем-певчим, ради которого она восстановила ненавистное Петру после предательства Мазепы гетманство.

Преемник Елизаветы на престоле — трагическая и далеко не однозначная фигура её племянника, сына её родной сестры Анны Петровны — Петра Ульриха, в православии — Петра Федоровича, не понимавшего России, обесценившего подписанным мирным договором пролитую в Русско-Прусской войне русскую кровь, в то же время старавшийся дать стране необходимые реформы, приближая к державам Европы.

И жена Петра Федоровича — в православии Екатерина Алексеевна, из маленького немецкого княжества, сделавшая для России несоизмеримо много и прозванная Великой. Ещё скучающей невестой наследника царского престола, занявшаяся самообразованием и самовоспитанием, общалась с Ломоносовым, первая ввела оспопрививание в России, вела переписку с французскими вольнодумцами, скупая их библиотеки и коллекционируя наилучшие произведения искусства — была бы рада узнать, что её начинания приумножены,

и огромное количество туристов восхищенно взирают на эти предметы в галереях музея. В литературе оставившая более тридцати пьес и сказок, полных чисто русских суеверий и фольклорных персонажей, хотя до самой смерти она писала с ошибками и говорила с акцентом: "Надеюсь, что мои грешные падежи никому вреда не нанесут"- Екатерина II, а её произведения наполнены неповторимым юмором и жизненной мудростью — "Счастье не так слепо, как его себе представляют"- Екатерина II. Пережившая разочарование и нелюбимого мужа, сменившая тринадцать фаворитов — не Бог весть сколько по современным меркам — самыми знаменитыми из которых были Григорий Орлов и Григорий Потемкин, сделавших карьеру государственных мужей, успешно вела внешнюю политику, а в делах внутренних способствовавшая расцвету литературы, науки и искусств, подавившая волну "пугачевского" бунта и череду самозванцев, претендующих на престол, утвердила высшую вольность дворянства — вот так, по своей воле управлять не только природными ресурсами своей вотчины, садами, полями и угодьями, а и подвластными людьми, населявшими их земли — крестьянскими душами. Увенчавшая и свою немеркнущую славу знаменитым конным монументом Петру I на не менее знаменитом "Гром-камне" на площади Декабристов — "Петру I — Екатерина II" гласит дарственная надпись "Медного всадника" — и как будто здесь идет не порядковое исчисление правящих Петров и Екатерины, а великая преемственность монархов: Он — Петр — начал первым, она — Екатерина — продолжила второй. Как мать не проявившая себя, зато воспитавшая последующего монарха — миротворца: про царствие сына Павла точно забыто — внука Александра видела она своим преемником. Разве могла подумать императрица, картинно разъезжая на белом коне в день переворота, который она считала почти революцией, что после смерти ей суждено будет ещё раз соединиться с нелюбимым мужем — после его посмертной коронации и перезахоронения.

Император Павел — мистик и рыцарь на троне, самый пожилой царевич за всю историю правления, русский "Гамлет" — единственный сын императора не получил право на царствование после смерти отца, а должен был дожидаться конца правления матери, больше интересовавшийся учениями на плацу, издавший великое множество непоследовательных указов, из всего наследия которого переживет его лишь "печатный" шаг почетного караула да эхо в подземельях Гатчинского дворца, на вопрос "Кто здесь правил?", отвечающее: "Павел"... Он, видимо, был всё же сыном Петра Федоровича — слишком явственны черты Петра III в Павле I и последующих Романовых.

С убийством Павла I заканчивается в России политическое восемнадцатое столетие — то был последний дворцовый переворот, и он будет тяготеть всё царствование Александра I. После сыноубийц — Ивана Грозного и Петра I и мужеубийцы — Екатерины II — на троне отцеубийца Александр I. Видимо, ему обещали неприкосновенность жизни отца — или он хотел в это верить... Высокий, стройный, не в пример родителю, с ангельским ликом на царственном челе, с самого начала своего правления, Александр прямо заявил, что будет править "по уму и по сердцу бабки нашей — Екатерины Великой". Из его молодых друзей — отпрысков лучших родов — был образован негласный комитет под председательством императора, и за чашечкой кофе готовился план реформ, возбудивших умы и давших надежду будущим декабристам. Путаные отношения страны-оплота монархизма с революционной Францией и "Корсиканским выскочкой" Наполеоном — гроза 1812 года не за горами... Сложная многоходовая шахматная партия противостояния двух титанов мысли и

харизмы. Ужасное поражение при Аустерлице — и тихое и торжественное, высокое и спокойное небо Аустерлица, в которое смотрит Андрей Болконский в "Войне и мире", и блиставшие гении главнокомандующего Михаила Кутузова, командующих Михаила Барклая — де — Толли и Петра Багратиона (а солдаты, они ещё произносили грузинскую фамилию командующего как три разных слова "Бог Рати Он") и Дениса Давыдова — поэта и одного из командиров партизанского движения, и более, чем странный, маневр сдачи Москвы и колоссальных масштабов пожар...

А перед этим ужасом с языками почти адового пламени — вошедшее в историю генеральное и генеральское — Бородинское сражение, о котором наши путешественники узнали посещая панораму в Москве. Великое противостояние, в котором ни одна из армий не уступила. Тяжелейшее отступление французов по опустошенным землям, попавшихся в ловушку обстоятельств и своей самоуверенности, недооценивших русский народ, подгоняемые, как говорили в народе, "Генералом Морозом", и после Лейпцигской битвы народов — русский заграничный поход.

И от того, что в день взятия Парижа работали окрестные кафе, и произошло событие, о котором гласит памятная мемориальная доска — казаки впервые произнесли своё знаменитое быстро (отметить взятие Парижа, выпить-закусить), на этой вершине появился предок современных заведений быстрого питания, а гвардейские офицеры были слишком хорошо воспитаны и слишком хорошо знали французский язык, чтобы их можно было принять за совсем чужих — такова русская страница в истории Франции, а пир победителей привел, вероятно, к крупнейшему в мире ресторанному долгу. Император Александр — миротворец и избавитель Европы.

Первый послевоенный конгресс стран Европы проводят в Аахене — городе легендарного императора Карла Великого, и Францию на нем представляет тот самый герцог Дюк Ришелье, памятник которому стоит у Потемкинской лестницы в Одессе — такое себе кадровое передвижение по горизонтали: южный русский наместник равняется французскому премьеру — Париж тогда стоил не мессы, а Одессы, которая, к слову сказать, при герцоге и выхлопотанной им свободной экономической зоны процветала наравне со столицами.

И выше Александрийского столпа — только Пушкинский, нерукотворный памятник. Считалось, что у государя ангельский лик, и на вершине этого памятника царю поставили не скульптуру самого Александра, а ангела с лицом императора, которому преподнесли титул Благословенного.

К концу своей жизни император Александр будет вспоминать, как десять лет назад на Елисейских полях он, триумфатор, принимал парад победы, и кто-то из толпы парижан крикнул ему: "Мы давно ждали Ваше Величество!", и Александр милостива ответил на это: "Храбрость ваших солдат задержала меня.", и всё это тогда занимало его... Ноша оказалась

непосильной. Вместо неё — усталость, опустошение, разочарование... И такой странной кажется его скоротечная болезнь...

По легенде, он тайно отошел от дел, продолжив свою жизнь под именем богомольного старца Федора Кузьмича, а его жена — императрица Елизавета последовала примеру мужа, став затворницей, известной как Вера Молчальница.

А ведь когда-то, молодым артиллеристом, Бонапарт мечтал служить в России — удержало то, что иностранных офицеров в русскую армию брали с потерей одного чина, а в стремлении основать династию и породниться с домом Романовых, взяв в жены русскую царевну, он был более настойчив — русские отвечают витиеватым отказом. Интересно, если бы русские дали согласие — каким бы путем пошли отношения двух государств?

"Много прапорщик и немного — Петр Великий" — Николай Павлович, последний российский император, одна натура которого ознаменовала целую эпоху — Николаевскую Россию, с которой начинается великая русская классика, и самый первый день чьего царствования ознаменовался кровавым восстанием, известным как восстание Декабристов.

Второй брат бездетного Александра — Константин, живший и служивший в Варшаве, представляет Романовых в Польше, заключив морганатический брак не с ровней себе, лишился права претендовать на российский престол, и тоже был бездетен. Решено передать правление следующему брату — Николаю.

Обреченное восстание поднял цвет высшего класса — сыны самых известных дворянских фамилий — государственный строй заслуживал насильственного изменения. В России не казнили полвека, от Пугачева. Знаменитый рисунок Пушкина, лично знакомого со всеми казненными — и зачеркнутая надпись "и я бы мог, как шут...", только случайность избавила великого русского поэта от того, чтобы разделить их судьбу — когда он самовольно ехал из ссылки в Петербург на коронацию Николая, дорогу его экипажу перебежал заяц — в те времена это считалось предзнаменованием похуже черной кошки, и Пушкин повернул назад. Это было, наверно, самое неподготовленное и неорганизованное восстание, какое видели в России, это о них потом скажут "как же далеки они были от народа". Сто двадцать один человек сослан в Сибирь на каторгу, за двенадцатью — добровольно поехали их молоденькие жены. Ни один из декабристов не опустил и не спился — находили силы учить детей, вести хозяйство, умудрялись выращивать в тайге виноград. Ровно через тридцать лет всех выживших — сорок мужчин и девять женщин — простит следующий царь — Александр II.

И известный по хрестоматийным произведениям — несусветный расцвет бюрократизма при Николае I, и даже школы империи были поделены на округа, как у военных, и знаменитая жандармерия — высшая полиция, занимающаяся всеми аспектами жизни в

империи, показывая пример, "как нужно Родину любить" — державное самомнение исключает частное сомнение. Процветание поверхностного идеального порядка и педантизма и главная патриотическая триада: Православие — Самодержавие — Народность. Закономерно, что именно тогда был создан Гимн Российской империи "Боже, царя храни!" — на музыку Александра Львова, слова Жуковского при участии Пушкина.

Севастопольская трагедия, явившая, вот уж действительно, широкую панораму технического отставания России, разгромное поражение в Крымской войне — и скоростижная смерть государя вызовет слухи именно о самоубийстве, но глубоко религиозный человек, Николай вряд ли мог решиться на такое, но мог искать смерти, не в состоянии пережить краха своей эпохи — его смерть встретили почти с облегчением и распитием шампанского вопреки объявленному трауру.

Мало кого так готовили к престолу, как Александра II — образованием и воспитанием Великого князя занимался целый штат преподавателей во главе с корифеем от поэзии Жуковским. Последним пунктом обширной программы обучения значились два огромных путешествия августейшего ученика — по России и по Европе. Будущий правитель огромной державы смог оценить размеры доставшейся ему империи, а щедрый на сравнения Жуковский говорил, что это лишь оглавление книги, которую только предстоит прочесть — предшественники, значит, они и оглавления не открывали. Европейская часть путешествия завершается в Англии, где на троне, пока ещё не замужняя, королева Виктория. Англия месяц торжественно принимает русского цесаревича. Если бы и впрямь роман с юной английской королевой, и если бы, бросив Россию, русский наследник уехал бы в Англию принцем-консортом, и от того две величайшие империи заключили бы союз — то да, вся мировая история пошла бы другим путем. Но, нет, невероятный альянс не мыслим, и Александр женится на рекомендованной ему немецкой принцессе.

Крестьянскую волю дали по неволе. Потребность решить крестьянский вопрос уже давно перезрела. Обнародовать манифест решено было в прощенное воскресенье — 5 марта 1861 года. Даже сами творцы реформы понимали, что обманывают ожидания деревни. Помещики, мало того, что получал компенсацию за земельный надел, так мужик ещё должен был выплачивать долг казне за свою свободу и землю, да ещё с процентами — был неимущий крепостной, а стал свободный должник. И впервые в русской истории будет поднято красное знамя крестьянского бунта против произвола власти. Везде одно и то же — мятежи и волнения, и пометка Александра — "грустно и непонятно".

В тот же период Аляску почти навязали Америке за вполне скромную сумму — истребив почти всех морских бобров, русские не знали, что дальше делать, а американцы потом будут в этих землях находить золото.

Эпоха реформ возбудила общественность. Некрасов, Островский, Достоевский, Тургенев, Чернышевский, Лев Толстой и Григорович — ведущие имена не только в передовой литературе того времени, но и в общественной жизни, и "священное писание" всех революционных умов — "Что делать?". Первая попытка создания правового государства и адвокатура мирового уровня, военная реформа и стремительное развитие капитализма. И знаменитый третий проклятый русский вопрос — "Кому на Руси жить хорошо?".

Бунтари-передвижники от живописи, уже ставшие классикой, и чьи работы послужили началом собрания Третьяковской галереи.

И начало чего-то немыслимого — русский стреляет в своего царя, рождение русского терроризма и тайной организации социалистов. Когда-то гадалка царю предсказала, что он переживет семь покушений, и непонятно — в результате седьмого — погибнет или уцелеет в ходе этой "охоты на царя"? Государь скончался от смертельного ранения взрывом бомбы. Ни каким революционным толчком это убийство не послужило, вызвало только ужас и оторопь, а идиллическая Россия с царем-батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать.

Преемник его — Александр Александрович, Александр III Миротворец, он считался самым русским, самым строгим, самым консервативным и самым спокойным царем, единственный, при ком не начали ни одной большой войны. Как и при Николае I, царствие его начинается с пяти повешенных в деле о цареубийстве — убийстве его отца.

Рыбалку на гатчинских прудах очень любил Александр III, и когда его пытались отвлечь, император отвечал, что Европа подождет, пока русский царь наловит себе окушков — и Европа ждала. Западное представление о России и русском царе — огромный бурый медведь — огромный Александр III подтверждал, как ни кто другой, но этот медведь так ни разу не вылез из своей берлоги для большой драки. Именно при Александре III бело-синее красное полотнище, прежде торговый флаг России, сделали государственным.

Стартовав при Александре-отце, русский капитализм при Александре-сыне подошел к своему расцвету, и впервые государственный бюджет с профицитом — доходы превышают расходы. Эпоха сбережения сил и сбережений буквальных.

И никогда врач и учитель не будут так высоко ценимы в России — во всех смыслах этого понятия. Ремонт дорог и страхование, сберегательные кассы и сиротские дома — системно и повсеместно вершились "малые дела".

Восходит звезда виднейшего деятеля рубежа веков — Витте.

Пышное цветение культуры, особенно музыкальной — император знатный меломан, и даже сам музицирует, по собственному выражению "недурственно" и громкая слава Петра Ильича Чайковского, уже при жизни ставшего признанным мировым классиком.

Попытка управлять умами и обезопасить себя от самого вольнодумного класса, рабочей

и городской бедноты, вылилась в ряд анти-реформ в образовании и власть цензуры. Но, именно университетскими коридорами в Россию приходит марксизм.

Могучий богатырь, которому и пятидесяти не было угас за месяц в Ливадийском дворце в Крыму, куда царская семья приехала поправить здоровье самодержца. Великан здоровяк Александр очень измучен болезнью и сильно исхудал — ему почти ничего нельзя есть, он уже не может ни ходить, ни лежать и почти не может уснуть. Император умер сидя в кресле в кабинете Ливадийского дворца.

Вторая и совсем другая, предполагаемая, половина царствования Александра III — путь спокойного либерализма. При жизни императора было много спокойствия и мало либерализма.

И вот, экскурсия подходит к своему завершению, и остается только взглянуть на место захоронения останков семьи последнего российского императора, у которого и остановились путешественники.

Первая в России киносъемка и первая хроника исторических событий — коронация Николая II — лидер мирового кинопроката в первое лето мирового кинематографа. Никто тогда и представить не мог, что это будет последняя коронация.

И грозное предзнаменование начала царствования — кровавая Ходынская трагедия. Погибших в той ужасной давке так и грузили на телеги прямо в праздничных одеждах, но гуляния не отменили.

"Жениться по любви не может ни один король" — так пелось в некогда популярной песенке. Тогда Николай явил собой счастливое исключение. Как водится — немецкая принцесса со сказочным именем — Алиса, в православии — Александра Федоровна. Их отношения были теплыми и душевными.

Переписной лист, заполненный собственноручно самим императором: Романов Николай Александрович, вероисповедания православного, возраст двадцать восемь лет, родной язык русский, образование домашнее, и знаменитое, вошедшее в историю — род занятий: хозяин земли Русской, необъятной родины своей. Славный ясноглазый полковник — его удел не скипетр и держава, а — дом и семья. Николай унаследовал твердость монархических убеждений своего отца, но без его могучей властной воли.

У хозяина должен быть наследник, а у царской четы — четыре, но все — дочери.

Вскоре страна стала свидетелем чуда рождения наследника, названного Алексеем, дабы нарушить бесконечную череду Александров и Николаев. Великих княжон называли по первым буквам имен — ОТМА (Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия), теперь царские дети — ОТМА плюс Алексей.

Переход от капитализма к его высшей форме — империализму, едва успевшие начаться реформы Столыпина, которые могли упрочить прослойку зажиточного крестьянства и избавить страну от ужасов революции — на контрасте с ростом преступности, и заслуженная "слава" Петербурга, как самого криминального города.

Позорное поражение в Русско-японской войне вместо маленькой победоносной кампании — в стране растет недовольство и расшатывается вера в государственную идеологию, а студенты открыто с телеграфа шлют поздравления в Токио японскому императору. И апогеем становится "кровавое воскресенье" с расстрелом просительной

демонстрации — "Нет больше царя! Нет больше Бога!" — "Солдатушки — бравы ребятушки, где же ваша слава?". Волну восстаний и стачек уже было не остановить — то было началом первой российской революции.

И целая эра "Распутинщины" — мужик из захолустной деревни русским царям, властителям полумира говорил "ты", называл "папа", "мама", а они именовали его "Наш Друг" — именно так, с большой буквы.

Царевич Алексей страдал гемофилией, несвертываемостью крови — любой незначительный ушиб мог привести к смертельному исходу, и нет большего кошмара для родителей, чем видеть страдания своего ребенка, а ведь ему, как и любому мальчику в его возрасте хотелось бегать и прыгать, но он практически не мог ничего такого себе позволить. Тогда появление старца Григория подарило надежду измученному сердцу матери.

Разрушительный взрыв революционного движения отсрочила грянувшая Первая Мировая война.

Отсроченная, но неизбежная, революционная волна крушит всё на своём пути, достигнув пика своей безжалостности и беспощадности... закончившаяся гибелью русского самодержца вместе с семьей и прислугой.

И ещё многие годы спустя будет будоражить умы целая череда, якобы спасшихся от расстрела, членов царской семьи. Чаще всего упоминаются Анастасия Николаевна и Алексей Николаевич, и каждый раз — всё более удивительные истории чудесного спасения, каждый раз разрывая сердца и бередя всё не заживающие раны членов царской фамилии в эмиграции за границей бывшей Российской империи.

До сих пор жива легенда, что некогда монах Авель предсказал ряд исторических событий второй половины восемнадцатого и последующих веков, в том числе даты и обстоятельства смерти российских самодержцев, начиная с Екатерины II, общественные потрясения и войны, и что тайник с его предсказаниями по завещанию Павла I велено было открыть в сотую годовщину его гибели, что пришлось на царствование Николая II. Достоверных сведений, что тот ознакомился с ними нет, но близкое окружение царя отмечало его повышенную задумчивость и меланхолию. Знал ли он об ужасной кончине всей своей семьи и страшных годах гражданской и Второй Мировой войн? Пытался ли изменить свою судьбу? Эта тайна умрет вместе с последними Романовыми...

Вот такая она — история целой династии правителей огромной страны: начавшаяся в Ипатьевском монастыре с Михаила Романова и закончилась в Ипатьевском доме последним императором Михаилом Романовым, имя которого не было удостоено большого внимания, когда революция уничтожила все чины и звания, и последний официальный государь российский отрекся от престола за себя и за больного сына Алексея — но даже это не убергло их от жуткой участи в подвале дома в Екатеринбурге в 1918 году.

Семья последнего императора посмертно была канонизирована как мученики.

Маргарита вдруг замерла, задержавшись с застывшим выражением лица, только слеза стекала по щеке:

— Как громко... Что это? Это что, выстрелы? Такие звучные... И почему так больно? И что это такое красное на моих руках и платье? Нет, нет, нет! — захотелось закричать, но из-за боязни напугать окружающих их людей, она могла лишь хрипло шептать, — Я же сказала, что не хочу больше этого видеть! Это слишком... жестоко! Они были беззащитны, их просто казнили... и детей... детей... Девочек и мальчика... Ребенок был болен — каждый день он боролся с недугом за собственную жизнь. Они не понимали, за что с ними так, что они сделали плохого, почему они... Сначала пули отскакивали от зашитых в одежду драгоценностей наподобие бронежилета, тогда их стали докалывать штыками, — Маргарита отпила воды большим жадным глотком, глядя на друзей расширившимися от ужаса глазами, — Господи, дети-то в чем были виноваты? Я не понимаю! Не понимаю... Их боготворили и называли надеждой династии и империи, а потом их народ предал их и отвернулся от своих бывших правителей... Не берусь судить, насколько плохим или хорошим государем он был, но однозначно — они не заслужили такой участи быть расстрелянными, это бесчеловечно... Возможно, он и не был силен, как правитель, и во многом заблуждался, но он искренне желал лучшего для своего народа, как он любил свою семью, и простодушно верил в свои заблуждения. Тяжелое бремя правления оказалось ему не под силу. Ему больше подошла бы судьба простого офицера, однако он продолжал верить в исключительность своего предназначения. Любая война ужасна, но гражданская война — самая кошмарная из всех, когда один народ идет друг против друга, а члены одной семьи могли оказаться по разные стороны в кровавом безумии. Хотя, о чем я говорю — не французская ли революция в своё время показала, насколько беспощадным может быть гнев народа — сила, которая не разбирая, смела всех и всё.

— Ты не виновата, — спокойно заметил Марк, но от ребят не укрылось, как он побледнел, — Им уже не помочь.

— Давай, милая, дыши глубже, — Джон растирал её холодные ладони, — Всё хорошо, успокойся, мы рядом с тобой, а это всё не реально — это лишь только видения, они не настоящие. Слышишь меня — это только игра твоего воображения.

— Ну, почему я? Почему я? — девушка замотала головой и глубоко вздохнула, прикрыв глаза, — Раньше они были безобидными и редкими, сейчас же они стали приходить всё чаще и быть всё страшнее.

— Девушка, с вами всё в порядке? — испуганно поинтересовалась девушка-гид одной из туристических групп, проходящих мимо, — Вам нехорошо?

— Спасибо, уже всё хорошо, — слабо улыбнулась в ответ Маргарита.

— Простите за беспокойство, — Джон помог жене подняться, чтобы направиться к выходу, — Мы лучше выйдем на воздух. Это моя вина — как я мог не учесть, что женщины в её положении становятся чрезмерно чувствительными.

И в крепких объятиях мужа она увидела другую картину — сквозь разноцветные громадные витражи, яркие солнечные зайчики бегали по полу и по радостным лицам собравшихся. Большой зал, украшенный по такому случаю был заполнен счастливыми людьми в праздничных одеждах, с нетерпением ожидающих начала торжественной церемонии.

И вот — смолкает музыка и все замирают в предчувствии, а двери парадного зала широко распахиваются, и входит молодой владыка, смуглый, с курчавыми черными волосами и ясными зелеными глазами, под руку со своей златоволосой супругой. По сторонам, от стоящего на подиумном возвышении трона, стояли его родители — эффектная рыжеволосая женщина с такими же удивительными изумрудными глазами и привлекательный темноволосый мужчина с притягательными глазами цвета горького шоколада.

Алишер повернулся лицом к присутствующим и зачитал текст присяги:

— Перед лицом своего отца и своей матери, своей жены, близких и друзей клянусь, что, взяв под свою опеку Небесный Град, обязуюсь верой и правдой служить своему народу, быть щитом, что хранит их покой и благополучие, быть мечом, отражающим всякую опасность, что будет угрожать моим людям, Солнцем, освещающим и согревающим их жизнь, заботиться о них и любить их, как если бы они были моими детьми от плоти и крови. И моё присутствие перед вами здесь и сейчас, удостоверяет вам искренность и значимость этих слов.

Потом парень преклонил колено, и отец повязал ему алую мантию, водрузив на его голову венец и вручив фамильный меч:

— Узри же, славный Юг, и ты узри — величественный Запад, и ты — блистательный Восток, и ты смотри — сияющий Север, ибо смотрите вы на нового владыку Небесного Града и нового отца своего народа, — завершил Джон церемонию.

— Обещаю быть достойным славы своей семьи, моего великого деда и тебя, отец, — с улыбкой поклонился Алишер, поднявшись.

— Я так горжусь тобой, сынок, и именно так и будет, — обнял сына Джон, — Именно так и будет — я уверен в этом. Мы ещё обязательно услышим о твоих собственных великих делах, Али, — потом он заключил в объятия Розалинду, крепко прижимавшуюся к надежному плечу Алишера, и поцеловал в щеку, подмигнув, — Принцесса... Помнишь, я с самого начала говорил, что ты принцесса?

— Да ладно... — добродушно отмахнулась девушка, — Ну, теперь я и в самом деле принцесса.

— Отец, мама, мне нужна будет ваша помощь, — с надеждой попросил парень, — Без вас мне не справиться.

— И ты получишь её по первому своему требованию, — дал ему свое слово мужчина, — Мы всегда будем рядом.

— Ты будешь самым лучшим, Князь Алишер, — Маргарита обняла юношу.

— Вы всегда в меня верили, мадам Маргарита, — почтительно ответил тот.

— Потому, что у тебя самые замечательные родители, и просто не могло быть иначе, — кивнула темноволосая молодая женщина невысокого роста.

— Благодарю, княгиня, — грациозно поклонилась рыжая богиня.

— Тогда, разрешите начать празднование, мой князь, — усмехнулся Джон и сделал знак музыкантам.

— Кто бы мог подумать, что всё так переплетется, и мы так породнимся, а? — Даниэлла дружелюбно потрепала его по щеке

— И знаешь, я этому рад, сестренка, — ответил улыбкой мужчина.

И вот Маргарита уже в другом зале — таком же огромном, но менее освещенном — под высоким готическим сводом.

Через весь зал прошествовал темноглазый темноволосый высокий юноша в черно-серебристых одеждах под руку с хрупкой девушкой с черными волосами, синими глазами, в темно-синем платье под цвет глаз.

Они медленно, с достоинством подошли к стоящим. по обе стороны от возвышающегося в центре подиума престола, парам своих отцов и матерей — князя и княгини из Небесного града и владык Темного двора — леди Альвис и лорда Надира.

Обнявшись с родителями, молодая пара развернулась лицом к собравшимся и преклонила колени, слово в слово повторив присягу, которую до него уже произносил его старший брат — молодой государь Небесного Града:

— Перед лицом своего отца и своей матери, своей жены, близких и друзей клянусь, что, взяв под свою опеку народ Темного Двора, обязуюсь верой и правдой служить своим людям, быть щитом, что хранит их покой и благополучие, быть мечом, отражающим всякую опасность, что будет угрожать моим людям, Солнцем, освещающим и согревающим их жизнь, заботиться о них и любить их, как если бы они были моими детьми от плоти и крови. И моё присутствие перед вами здесь и сейчас, удостоверяет вам искренность и значимость этих слов.

Джон повязал младшему сыну алую мантию, водрузив на его голову венец и вручив церемониальное оружие:

— Узри же, славный Юг, и ты узри — величественный Запад, и ты — блистательный Восток, и ты смотри — сияющий Север, ибо смотрите вы на нового владыку Темного Двора и нового отца своего народа, — завершив обряд.

Ни Маргарита, ни Альвис не смогли сдержать слез радости и гордости за своих детей, испытав огромное облегчение после того кошмара, что им довелось пережить.

— Поднимитесь, дети, — Джон помог им подняться и заключил в объятия.

— Ваша Милость, вы могли предположить, что все закончится именно так? — обратился к нему, улыбнувшись, стоящий рядом бывший разбойник Надир, обнимая свою любимую жену.

— Я знал, так должно было быть, — улыбнулся в ответ Джон.

— Я обещаю заботиться о Лейле и о своем народе, — дал своё слово Анри, — Клянусь, отец. Я теперь понял, что есть главное и важное в жизни.

— Молодец, сынок, — Маргарита одобрительно погладила его по руке, — Ты большой молодец. Желаем вам с Лейлой счастья, а мы будем стараться навещать вас так часто, как сможем.

— Матушка, — юноша с уважением поцеловал матери руку, — Я уже бесконечно скучаю, — он не сдержался, и со слезами на глазах обнял её.

— Мы очень любим тебя, Анри, — молодая женщина тепло обняла сына, — Вас обоих, — потом она обняла его жену.

— Не надо, крестная, не плачь, — утешала её юная Лейла — после родителей, крестные были для неё самыми близкими людьми, — Наши двери всегда будут открыты для вас с

крестным.

— Я знаю, милая, знаю, — Маргарита ласково потрепала девушку по волосам, аккуратно, стараясь не испортить её праздничной прически.

— Твои родители гордятся тобой, ты провел огромную работу над собой и получил то, чего заслуживал, — подошел высокий худощавый сероглазый мужчина с длинными вьющимися русыми волосами, заплетенными в толстую косу, одетый в светло-серый камзол, — Знай, что и твои крестные тобой тоже гордятся.

— Спасибо, крестный Марк, — юноша поприветствовал его крепким рукопожатием, — Я вас с крестной Мей тоже люблю.

— Это кто из моих любимых мальчиков упомянул моё имя? — подошла к ним привлекательная миловидная японка, обнимая мужчину в сером.

Выйдя на свежий воздух, Маргарите стало гораздо легче дышать, она крепче обняла мужа и расслабленно выдохнула:

— Жан, ты знаешь — всё обязательно будет хорошо, — она уверенно тряхнула головой, — Да, просто прекрасно. Твой сын... наш сын... Это будет началом эпохи великих перемен.

— Ты видела? — Джон вопросительно посмотрел на неё.

— Я знаю, — Маргарита счастливо улыбнулась и поцеловала мужа, хитро сощурив озорные глазки, — Как вам идея перекусить аппетитных блинчиков? От волнения я зверски проголодалась. Ну, вы понимаете... у меня сейчас эта особенность несколько повышена... — после она подмигнула Марку, — И знаешь, Марк, ты будешь отличным отцом и замечательным крестным.

— Кто? Я? — парень недоверчиво покачал головой, растерянно пожав плечами.

— Ну, тогда я поддерживаю тебя, дорогая, — приобняла подругу златовласая, — Мы гуляем уже достаточно долго, и наши маленькие жители требуют свою долю питательных веществ.

— Тогда давайте сделаем перерыв и пообедаем — сегодня у нас был трудный день, — предложил молодой хирург, беря под руку белокурую супругу.

Придя к единогласному решению, уже спустя несколько минут друзья расселись за большим столом у окна в ближайшем кафе, изучая меню.

— Когда мы шли, я заметил тут неподалеку книжный магазин. Вы закажете мне зеленый чай без сахара и блинчики с красной рыбой, пока я сбегаю купить книг? — Марк отложил меню и растянул улыбку в предвкушении, словно уже ощутив запах и шелест страниц напечатанного текста. У него было ни семьи, ни друзей, и книги заменили их. Он читал и читал, захлеб, проглатывая книги одну за другой, все, какие только мог найти, часами пропадая в книжных магазинах, используя любую возможность, а одно время он даже работал там продавцом, наслаждаясь чтением целыми днями, а герои его любимых книг становились ему всё более близкими и понятными. А вот теперь он имеет возможность приобрести любимые книги или книги, оказавшие на него большое влияние, и перечитывать

их столько раз, сколько захочет.

— Да, конечно, — кивнула Маргарита и справилась у него, рассматривая картинки в меню, — А ты большой любитель русской литературы?

— Да, эта поездка напомнила мне, что я давно хотел собрать собственную коллекцию, — парень присел на край дивана, наводя порядок в своём рюкзаке, потом повернулся к приятелям, — Сила стихотворного слога Лермонтова, переносица нас на воюющий Кавказ... А читали ли вы Николая Гоголя? Так сказочно воспеть природу, культуру и традиции Украины не смог никто — ни до, ни после него. Классик русской литературы польско-украинского происхождения. Сколько мальчишек зачитывались его страшилками с национальным колоритом или представляли себя кузнецом Вакулой, отправившись в Санкт-Петербург, словно на другую планету, только чтобы достать своей любимой Оксане черевички, достойные самой императрицы, не побоявшись призвать на помощь нечистую силу, подкорив её своей воле. И сам этот город вызывает в памяти другой Петербург — из "Невского проспекта" и "Записок сумасшедшего" — другая сторона Гоголя, страшная и пугающая, и ещё более отталкивающий во всей своей грязи и неприглядности — Петербург Достоевского и его нищего студента Родиона Раскольников в его самом топографически точном романе не только русской, но и мировой классики. Только тот, кто видел самое дно жизни, может понять всю глубину и трагичность этого произведения.

— Марк, ты не обязан... — попыталась сдержать его Маргарита.

— А я и не собирался, — Марк унял её страхи улыбкой и небрежным жестом, потом рывком опустил голову и глухо произнес, — Я ещё не готов говорить об этом... Не здесь и не сейчас...

— Самые могучие души рождаются в страданиях, самые великие из них — покрыты шрамами, они напоминают о прошлом, но не должны управлять будущим, — процитировал кого-то из великих хирург-японец, — Печаль души может убить быстрее — гораздо быстрее, чем инфекция. Ты ещё так молод — не позволяй печали подчинить себя, я знаю, что ты сможешь.

— Ты был потерянным, но нашел силы найти себя, — подбодрил его Джон, подавая стакан с апельсиновым фрешем, похоже, что у них действительно наладились отношения, — Ты, видимо, самый сильный из всех людей, которых я встречал. Нас определяет наше прошлое, мы можем пытаться бежать от всего дурного, что оно таит в себе, но избавиться от этого сможем лишь творя добро, — потом осторожно дотронулся до его кисти, словно проверяя, не исчезнет ли тот, — Парень, а ты вообще — живой человек? — и вся компания дружно рассмеялась.

— Марк, а какие сказки ты любил? — спросила Аделька, допивая свой молочный коктейль и отправляя в рот очередную ложку кофейного пломбира, политого жидким шоколадом.

— О! А я, пожалуй, куплю вам книжку сказок Пушкина, — парень улыбнулся — то ли ей, то ли пришедшей в его голову идее, — Хотите, я сам вам прочитаю? Про золотую рыбку, что исполняла желания?

— Месье Пушкин был гением, я читала некоторые его стихи, — грустно вздохнула Маргарита, — Печально, что его смерть навсегда связана с французом и Францией.

— Он был одним из лучших, — печально улыбнулся юноша, — Знаете, что у него моё любимое?

"Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим."
Александр Пушкин

— Очень красивое стихотворение, правда, — Марк отвел глаза, чтобы ни кто не смог в них прочесть его мук, а Маргарита всё поняла и опустила голову — обоим это причиняло сильную душевную боль.

— Простите, возможно, это не самый хороший пример, но оно, правда — из моих любимых у Пушкина, — он извинился и поспешно собрал свои вещи в рюкзак, — Я не специально, честно. Ну, я пойду, — Марк резко поднялся с дивана и направился к выходу из кафетерия.

— Я с тобой, сынок, ты не против? — следом за ним, со своего места встал и Лев и пошел следом за сыном.

— Нет, конечно, — махнул рукой парень.

— С тобой всё хорошо? — отец положил руку на плечо сына, — Это всё из-за неё, да? Из-за того, что она не с тобой? Тебе всё ещё больно?

— Со мной всё хорошо, я в полном порядке, — нехотя буркнул Марк, не желая дальше развивать эту тему.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, — Лев развернул сына лицом к себе, — Твоё сердце всё ещё болит. Но это пройдет со временем и с новой любовью, поверь мне.

— А твоё? — задал встречный вопрос юноша.

— Ты о чем это сейчас? — Витриченко-старший смерил его озадаченным взглядом.

— Я ведь тоже не слепой, пап, — развел руками Марк, он мало знал своего отца, но интуитивно чувствовал, что с ним происходит что-то необычное, — Ты стал таким задумчивым и рассеянным после встречи с Александрой.

— Ну, я не знаю... — две пары серых глаз встретились, одни вопрошали, вторые подбирали, какой же ответ дать, — Я не знал, как сказать тебе, как ты к этому отнесешься...

— Как я к этому отнесусь? — понимающе хмыкнул парень, — Мы же взрослые люди, как я должен отнестись к тому, что мой отец хочет быть счастливым? Я буду только рад за вас.

— Приемлемо ли это? — странное дело, неужели ему не показалось, и его отец правда смутился, — Вряд ли она мечтала о таком, как я...

— Ну, ты не узнаешь этого, пока не откроешься, — посоветовал Марк, дружески похлопав по плечу, — Просто позвони ей. Я же заметил, что ты ей тоже понравился.

— Ну, вот, дожил, — улыбнулся Витриченко старший, — сын дает мне советы, как устроить мою личную жизнь.

Марк с отцом вернулись из книжного магазина с большим пакетом, полным книг, и по счастливой улыбке парня можно было понять, что он остался весьма доволен покупками.

Завершив обед, компания интуристов захотела пополнить запас позитивных эмоций в еще одном интересном, как для взрослых, так и для детей, месте — на улице Времени. Собственно, по сути, это — музей для детей и взрослых в виде улицы, на которой показана жизнь петербуржцев от восемнадцатого до двадцатого столетий. Все экспонаты можно, а вернее — даже нужно, трогать руками. Для особо любознательных проводятся специальные экскурсии, во время которых юные исследователи в игровой форме знакомятся с историей основания и развития города. Пространство организовано в виде улицы, которая застроена домами различных эпох. Первое место, куда вы попадаете, это торговый порт начала восемнадцатого века. Пространство порта наполнено предметами, связанными с торговой жизнью петровского времени — привозными товарами, разложенными на корабле и вывозимыми товарами. Дети имеют возможность изучить процессы проверки товара и сбора пошлины. Экспозиция интерактивная — предметы и их назначение дети называют сами, узнают их старинные названия, историю появления новых для России продуктов питания и специй. Далее мы побываем в кабинете столоначальника девятнадцатого столетия, увидим живописную и швейную мастерскую. Сильное впечатление производит на посетителей комната коммунальной квартиры. Там находится самый любимый экспонат сотрудников музея — плюшевый мишка, которого принесла одна петербурженка. Этому мишку ей подарил отец, еще в тридцатых годах прошлого века. Вместе с мишкой она пережила войну, эвакуацию, тяжелый период восстановления — невероятно трогательная история. Экспозиция собрана из таких вот маленьких, но очень характерных для разных периодов истории деталей. Музей очень уютен, близок, уютен. Подходит для обучения и закрепления, формирования интереса к городу и изучению его.

А уже вечером этого дня Лев Витриченко будет беседовать обо всяких милых пустяках по телефону с Александрой Заруцкой, которая была весьма рада его слышать (а уж как он был рад слышать её голос), а Марк — читать вслух известную пушкинскую "Сказку о рыбаке и рыбке", и все в эту ночь будут видеть спокойные и приятные сны.

Утро следующего дня для героев началось с завтрака из ароматного свежего кофе к мягкой вкусной булочке и поездки в Петергоф — "Двор Петра", сказочной красоты и гениальной инженерной мысли дворцово-парковый комплекс загородной императорской резиденции, построенный по просьбе жены Петра I — Екатерины, по планам и чертежам, лично разработанным государем, такой помпезностью пытавшегося восполнить простонародное происхождение жены — и приумноженный его потомками. Главным

украшением Петергофа служит скульптурное убранство и многочисленные фонтаны и каскады — один удивительнее другого, в бесконечных сверкающих каплях воды которых отражаются яркие солнечные лучи, играя тысячей маленьких радуг. А ещё говорят, что небо над Питером всё время серое и идут постоянные дожди — значит, им и тут невероятно повезло. И каждый шаг по дворцовым покоем и парковым аллеям приобщал их к достоянию мировой истории — так, словно на тебя самого возложены пурпурная мантия и царский венец, а в руки вложены скипетр и держава, и сами они призваны творить дела — не менее великие. И так и будет.

Для продолжения вчерашней темы великих классиков русской литературы как нельзя лучше подходит увлекательно-познавательное посещение Царского села — бывшая императорская резиденция, колыбель российской классики. Царское село неразрывно связано с именем великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, который учился в Царскосельском лицее и прославил его в своих стихах — бойкого остролова, чьи эпиграммы были такими емкими и острыми и всегда метко попадали в цель. Архитектурно-парковый комплекс Царского села достиг пика своего расцвета при дочери Петра Великого — Елизавете. Расположенный здесь Екатерининский дворец по красоте не уступает Петергофскому, а известен он благодаря Янтарной комнате, с которой связана практически детективная история. Вернее, даже, более известна не она сама, а то, что она была, потом пропала, а потом снова восстановлена — по сохранившимся эскизам и изображениям, и даже история её исчезновения покрыта тайной. Мозаичный интерьер, полностью выполненный из янтаря, был подарен королем Пруссии Фридрихом I императору России Петру I. Но в годы Великой Отечественной войны янтарь пропал, и до сих пор не известно, в чьих руках он находится. Долгое время комнату восстанавливали, и к трехсотлетию основания Петербурга она была открыта для посещения.

Еще одно место, куда можно сходить с подростками — Александровский дворец, где собраны личные вещи, книги и предметы искусства, принадлежавшие семье Романовых. После можно покататься верхом (на территории Царского села имеется своя конюшня) и послушать лекции в музее Пушкина, бывшем легендарном лицее. Здесь же можно посмотреть великолепный Екатерининский дворец, китайскую деревню, адмиралтейство, арсенал — всё это кроме эстетической, вдохновляющей и исторической ценности — да просто замечательное место, где можно интересно и с пользой провести время, особенно в такой теплый солнечный день, как этот.

В последний день путешествия по восточной Европе друзьям предстоит ещё увидеть Летний дворец Петра I в Летнем саду, знаменитом своими уникальными мраморными скульптурами и фонтанами, Памятник самой Великой Екатерине, Михайловский и

Юсуповский дворцы. Александринский и Мариинский театры, прославленный крейсер "Аврора", Аничков мост, грандиозный Троицкий мост, ведущий к одноименной площади, набережную Академии художеств, в стенах которой получили образование знаменитые архитекторы, скульпторы и живописцы России, оформленную древнеегипетскими сфинксами — это лишь самая малая часть того, чем может похвастаться, чем по праву гордится и чем поражает город.

Друзья искренне жалели, что не застали краткий период волшебства Белых ночей, когда город предстаёт во всем своем великолепии, наполняя всё мистическим перламутровым светом под пологом шафрановых закатов, когда всё, кажется, парит между небом и водами Невы — тем будет повод снова посетить град Петра. Зато, они станут свидетелями завораживающего зрелища развода легендарных питерских мостов.

И вновь им предстоит путь, на этот раз — домой. Сколько же всего интересного и удивительного узнали они за эту поездку — и как же все невероятным образом сплелось в истории этих стран, и не только их близкое расположение, но и взаимное влияние не только культур, общие страницы становления и развития государственности, неординарные личности, бывшие способными собой изменить мир на многие столетия вперед.

А дома они попытаются какое-то время снова жить обычной жизнью, насколько это возможно в их ситуации.

Маргарита по утрам помогает матери готовить, вместе со златовласой подружкой провожает мужа в швейную мастерскую и брата на дежурства, потом они с подружками, пользуясь прекрасной погодой, словно шептавшей им, как много в этом мире чудесного, выгуливают четвероногих питомцев в парке, изучали учебники и работали с новомодными релакс-раскрасками, посещали магазины для беременных — и просто много гуляли, проводя время на свежем воздухе. Чему несказанно радовалась малышка Аделина, в нетерпении ожидая, когда через год сможет пойти в школу вместе с Алишером и Розы, уже сейчас представляя себя ученицей. А дни стояли, чудо, какие погожие, делая всё вокруг похожим на сказку, и казалось, что всё, что произошло в Небесном Граде, случилось где-то очень далеко, и не с ними, а с кем-то другим, однако — это всё было на самом деле, и было это с ними. А вечерами, после совместного ужина, они собираются в гостиной, и Марк читает сказки Пушкина — кроме того, что они были интересны, как детям, так и взрослым, это ещё и было полезно для будущих малышек Даниэллы и Маргариты. Кроме того, парень проявляет чудеса обучаемости и удивительные способности в математике и информатике, а по протекции

мистера Дугласа посещает курсы вождения — для большей мобильности и солидности образа перспективной модели. Мистер Айронс даже взял от имени агентства на прокат автомобиль для него — серебристую "Ауди", которую, при желании, тот мог потом выкупить в своё полное пользование. И Марк ни на минуту не забывал, скольким он был обязан старику. Позже он ещё расскажет друзьям историю их знакомства — когда он, грязный и голодный, ночевал порой прямо под открытым небом, пытался выжить и бороться с наркотической зависимостью. Проезжавший мимо автомобиль остановился, и вышедший из него мужчина даже в сумерках смог различить, насколько парень в плохом состоянии. Мужчина позвонил своему врачу и попросил его приехать к нему домой, а сам помог парню сесть в машину. Тогда сознание Марка было затуманено, и он не помнил четко деталей. Ему разрешили принять душ, что он проделал с огромным наслаждением, но вследствие своей слабости, не мог воспользоваться этой благодатью в полной мере, а есть ему и вовсе не хотелось — слишком он был напряжен. О, да — он знал таких, они сначала все добрые и заботливые, только за эту свою заботу они просят плату, и вот об этом лучше умолчать. Сначала он хотел наказать мужчину за всё, что пришлось пережить ему, забрать деньги и ценные вещи, и сбежать. Но не сделал этого. В комнате, где он был, Марк увидел фотографию другого парня — совсем мальчика, как потом рассказал сам Дуглас — это был его сын, погибший от передозировки когда ему не исполнилось ещё и шестнадцати. И тогда, увидев Марка, он разглядел в его глазах что-то, что напомнило ему сына, и силу, которая поможет ему вернуться к нормальной жизни — и в этом он видел своё предназначение — сделать для парня то, что не успел сделать для своего сына Эдварда. Поклонницы знаменитой модели Марка Витриченко были бы весьма удивлены узнать, что в своё время он проходил курс лечения в специальной клинике и посещал сеансы психотерапевта. И в который раз Марку стало невыносимо стыдно перед стариком, особенно за то, как он подвел его с тем показом, с которым Дугласа Айронса выручили эти люди, которые теперь окружали его и стали его друзьями, его семьей. Жизнь разрушительным ураганом прошлась по его судьбе, но теперь наступил долгожданный период штиля и спокойствия.

В другой ситуации Льву Витриченко испытывать бы ревность к этому мужчине, но он прекрасно понимал, что должен руки ему целовать за то, что тот спас жизнь его сыну, когда его самого не было рядом.

Беременность любимой женщины вдохновила Джона на работу над линией одежды для беременных, и сейчас он вел переговоры о поставках тканей и фурнитуры.

И всё это время Шарль-Анри искал ответы на те вопросы, что заронила в нем просьба дочери насчет семьи его друга Кристофа де Шатильон и его жены — искал и не находил. В Авиньоне, куда по сведениям они ездили несколько раз в последний год своей жизни, не было клиники указанного профиля, которую они могли бы посещать. И ни каких следов... Либо причина посещения Авиньона была другая, либо они ездили под вымышленными именами, либо ездили они не в Авиньон. И какому же варианту следовать? И это не давало покоя — как же он не распознал, не понял... И что ему теперь делать? И он решил

воспользоваться имеющимися отгулами, взять отпуск и лично отправиться по их следам, чтобы попытаться разобраться на месте, и он даже представить не мог — куда это приведет.

А тем временем, на другом конце города о них ни на минуту не забывали, с самого их появления в Париже, ожидая их возвращения.

В большом кожаном кресле во главе огромного стола, в раскованной позе — закинув ногу за ногу, в обтягивающих кожаных штанах и полурасстёгнутой чёрной шёлковой рубашке, сидел молодой мужчина азиатской внешности с модно стриженными и аккуратно уложенными иссиня-чёрными волосами и притягательными глазами цвета вечернего неба, Он с наслаждением попивал вино из хрустального бокала искусной работы, когда в комнату вошла девочка на вид десяти лет с густыми вьющимися русыми локонами и тёмно-карими, почти чёрными глазами, и бесцеремонно уселась ему на колени, плотоядно улыбаясь.

— Ты сегодня чем-то особенно довольна, Лаурита? — он поставил бокал на стол.

— У нас в классе новенький, недавно перевёлся, очаровательный такой ребёнок. Зовут Алишер. Знаешь, кто забирал его из школы? Ты знаешь, что это значит, Ондзи? — Лаура состроила невинную улыбку.

— Они вернулись, да? Винтер, Макс, оставьте нас, — Ондзи сделал знак своим секьюрити выйти из комнаты, — А ты знаешь как больнее ударить, не так ли?

— Ну, что ты? Я просто хочу подружиться, — девочка захлопала длинными ресницами.

— Твои друзья обычно плохо заканчивают, — он играл с её волосами.

— К тебе это не относится, не волнуйся, — она обняла его и посмотрела в его чарующие глаза.

— Ты продолжишь играть с ними? — он вопросительно посмотрел в её бесовские глаза на ангельском личике.

— Это не игра! — Лаура внезапно изменилась в лице, — Они проклянут тот день, когда появились на свет! Они падут, как и мы! — она снова заговорила медовым голосом, — Тебе, ведь, хотелось бы этого? Увидеть все неприглядные стороны легендарных Хранителей?

— Хранители стали сильнее, — задумчиво произнес Ондзи, — Ты всё-таки не передумала?

— Плевать! Если внимательно присмотреться, то в каждом можно найти тьму, — Лаура опасно улыбнулась в предвкушении, — Чем они отличаются от нас? Я покажу им все их самые потаенные страхи и самые низменные страсти и желания, — она вскочила с его колен, схватила со стола бокал и со злостью швырнула его об паркетный пол, — Ненавижу! НЕНАВИЖУ! Почему они могут спокойно жить, взрослеть, влюбляться, жениться, рожать детей, а я должна быть заточена в этом проклятом теле? Шесть столетий, Ондзи, шесть столетий уже прошло, а я не изменилась, ни на день не постарела! Я проклинаяю каждый день этих шести веков! — потом прошлась вокруг стола, методично смахивая с него посуду со страшным звоном — в ход пошло всё: бокалы, стаканы, графин, тарелки...

— Лаура, не начинай опять, — Ондзи схватил её за плечи.

— Да, ты всегда видел во мне только ребёнка! — она уткнулась ему в грудь, — Я всё своё проклятое бессмертие отдала бы, чтобы прожить одну смертную жизнь и состариться рядом с тобой... Им тоже не будет счастья, никогда... Любовь... такая разная... Любовь-страсть, любовь-гордыня, материнская любовь, неразделенная любовь, любовь-самообман — как много форм у любви, не находишь? И, как в тысяче отражений, очень трудно, почти невозможно будет отыскать любовь истинную, любовь жертвенную, любовь всепобеждающую. Любовь станет их погребальным костром, а они превратятся в пепел, останутся лишь в легендах и сказаниях, которыми матери будут пугать своих детей — если, конечно, будет кому и кого пугать... — мужчина нервно вздрогнул от этих слов.

— Неужели, великий Ондзи испугался? Ты сделаешь всё, чтобы я ни попросила. Мне напомнить, чем ты мне обязан? Или хочешь вернуться и догнивать в могиле вместе со своей семьёй?

— Как прикажете, госпожа, — сквозь зубы процедил он.

Мужчину передёрнуло от этих её слов — они укололи безжалостно: при всём желании он никогда не сможет этого забыть. Иногда ему кажется, что он почти забыл, но память, нет, нет, да напомнит, чтобы он не смел забывать...

А, ведь, он был когда-то счастлив... Когда-то. Очень давно...

Два мальчика, похожие друг на друга, что им даже в зеркало не было необходимости смотреться, ясным солнечным днём ловили рыбу в озере. Они были беззаботны и веселы. Они любили рыбалку, любили гулять в лесу, собирая грибы и ягоды, любили купаться в озере, любили ходить на охоту с отцом и помогать матери по дому, любили, когда отец мастерил им игрушки, а мать шила обновки, любили ходить в школу — одним словом, были самыми обыкновенными мальчишками. Их родители были лекарями в их деревне. Они были счастливой семьёй... пока в деревню не пришли эпидемия и неурожай...

Люди умирали сотнями в сутки. Жизнь превратилась в ад на земле. Обезумевшие люди уже не знали, кого им обвинить в своём несчастье, и всё своё горе они сорвали на семье врачей, которые не успевали спасать их близких.

Почему именно их посчитали приспешниками нечистых сил и источником своих страданий, почему они решили, что принеся в жертву этих людей, они смогут остановить этот ужас — этого уже не узнает ни кто.

Дальше он уже смутно помнил — люди ворвались в их дом, голос отца, велевшего им с братом бежать как можно дальше, крик матери... Он не мог бросить родителей. Тогда, и брат остался тоже. Их дом превратился в единый полыхающий факел, а их окровавленные тела скинули в яму... Ни один не заступился за них. И не было сил уже кричать — он мог только хрипеть. Когда стали забрасывать землю, он ощущал её на своей коже, но не мог уже ни пошевелиться, ни звука издать — это была бесконечная агония, но он был ещё жив, и только, расширенные от страха и гнева, его зрачки всматривались в ночное небо, которого становилось всё меньше и меньше, пока не пришла совершенная темнота...

— Ты желаешь мести? — услышал он её голос среди мёртвой тишины.

— Больше всего на свете, — не задумываясь, ответил он.

— После её свершения ты будешь служить мне — согласен? — продолжал спрашивать голос.

— Я согласен на всё, — снова утвердительно ответил он.

— Тогда — поднимайся. Так и будет, — он увидел протянутую ему детскую руку, — Дай мне руку, скрепи наш договор. Дай волю своему гневу. Освободи свою силу. Отныне ты — мой слуга.

— Да, моя госпожа, — он прикоснулся губами к её руке.

— Вот и славно, — он поднял глаза, и мог лицезреть её кровожадную улыбку на милом детском личике.

Он уже почти забыл весь тот кошмар, зато он отчётливо помнил, как смотрел на горящие дома, как заткнул уши, чтобы не слышать криков... Заслужили ли они? Тогда он был уверен, что да. Сейчас же он предпочитал не думать об этом...

Она стояла рядом и смеялась звонким переливом веселых колокольчиков. Он тоже засмеялся — дико, безудержно, как сумасшедший. Ему стало жутко от своего собственного смеха. Он взвыл, опустился на землю и зарыдал, но, облегчение не наступало.

— Ты отомщен, — жестко произнесла она, — Нам тут больше делать нечего. Ты идёшь со мной. Ты сделал свой выбор.

— Ты что-то хотел сказать? — голосок Лауриты отвлек мужчину от его мыслей.

— Нет, ничего, — Ондзи тяжело вздохнул, — Совершенно ничего...

— Так, ты уже жалеешь, что когда-то связался со мной? — она подошла и заглянула в его глаза, — однако, наш договор — нерасторжим. Считаешь, что ты один такой несчастный? Знаешь, жизнь, вообще — штука жестокая и несправедливая, в ней всегда много боли и горечи. Я хорошенько запомнила этот урок. Я расскажу тебе свою историю. Ты со мной уже так давно, что заслужил узнать обо мне больше. Устроим семейный вечер откровений? Ведь, мы — одна семья, не так ли? — она улыбнулась как-то особенно горько, — Я родилась за три века до твоего рождения в северной Италии. Мои родители рано покинули этот мир, мне тогда было пять лет. Я их плохо помню. Семья моя была знатная и богатая, но, смерть, она, ведь, не разбирает — бедняк ты или богач — от неё не откупиться мирскими сокровищами. Болезнь унесла всю мою семью — родителей и трёх старших братьев. Осталась я одна. Взялась меня к себе принять тётка по отцовской линии. Да, только не надолго хватило тёткиного терпения — ровно на три года. Жажда родительских денег, что мне причитались, взяла верх над состраданием к сироте. Меня отправили в монастырь. Два года жила я там, вот уж точно, что у Христа-Господа, за пазухой. Что мне было до денег? Я-то и значимости их не осознавала. Нет, сёстры меня не обижали. Но, уже тогда в моём сердце зародились сомнения, когда они говорили "на всё воля Божия" — отчего порой воля его жестока и немилосердна? Но, я старалась держать эти грешные мысли при себе. Однажды солдаты напали на монастырь — они грабили и жгли, предварительно надругавшись и убив сестёр. А мне, ведь, тогда было только десять... В

одном Господь смилостивился — я ничего не помнила о самом процессе — меня ударили головой об пол, чтобы я перестала кричать, и я потеряла сознание. Очнувшись я от того, что всё моё тело пекло — снаружи и внутри. Меня стошнило от собственного вида в осколке оконного стекла: грязное, опухшее лицо со сломанным носом и разбитыми губами, разорванная сорочка с окровавленным подолом... Грязь, грязь... Отвратительное ощущение грязи — словно, меня в ней искупали, а потом ещё окунули с головой, и я её нахлебалась полный рот. Второй раз меня вырвало, когда я огляделась, и увидела изувеченные тела сестёр. А по коридору распространялось пламя. Бежать было некуда. И тогда я — отреклась от Бога и прокляла его, за то, что он допустил такую чудовищную несправедливость. И огонь не тронул меня, и боль перестала терзать моё тело. Я выжила и получила власть над такими же падшими душами, но, с тех пор я так и осталась в теле десятилетнего ребёнка — пожалуй, это единственное неудобство. Я выследила тех, кто напал на монастырь, и спящих, заколола каждого его же мечом — как свиней. Потом я просто продолжила жить дальше. Постепенно я свыклась со своей судьбой, и даже начала находить в этом некоторое удовольствие, и даже сумела найти довольно состоятельных покровителей. Я распорядилась отдавать деньги на благо науки — тем, кто противоречил церкви и развенчивал её мифы. Ты всё ещё считаешь себя самым обездоленным в этом мире, Ондзи? Быть проклятым — не так уж и страшно, правда?

— Иди сюда, — азиат обнял её, прижимая её белокурую голову к своей груди, — Я всегда буду рядом и буду защищать тебя, моя госпожа.